

К 300-летию
первого государственного музея России
ПЕТРОВСКОЙ КУНСТКАМЕРЫ

To the 300th anniversary
of the first state public museum of Russia
PETER THE GREAT KUNSTKAMERA

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Russian Academy of Sciences
Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography
(Kunstkamera)
University of Aberdeen (Scotland, United Kingdom)

KA Series
“Kunstkamera — Archives”
VII

FROM CLASSICS TO MARXISM: THE MEETING OF ETHNOGRAPHERS FROM MOSCOW AND LENINGRAD

(5–11 April 1929)

Saint-Petersburg
2014

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Российская академия наук
Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера)
Абердинский университет (Шотландия, Великобритания)

Серия КА
«Кунсткамера — Архив»
VII

ОТ КЛАССИКОВ К МАРКСИЗМУ: СОВЕЩАНИЕ ЭТНОГРАФОВ МОСКВЫ И ЛЕНИНГРАДА

(5–11 апреля 1929 г.)

КУНСТКАМЕРА

Санкт-Петербург
2014

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

УДК 001:39
ББК 63.5
О80

Редакционный совет серии КА «Кунсткамера — Архив»:
И. А. Алимов, Я. В. Васильков, В. Ф. Выдрин, М. А. Ильина, Н. Н. Казанский, А. Б. Куделин, Е. А. Михайлова (секретарь), Л. Р. Павлинская (заместитель председателя), М. Б. Пиотровский, Е. А. Резван (председатель), В. А. Тишков, И. В. Тункина, Ю. К. Чистов

Editorial Board KA Series “Kunstkamera — Archives”:
Igor Alimov, Yuri Chistov, Marina Ilyina, Nikolay Kazansky, Alexander Kudelin, Elena Mikhailova (Secretary), Larisa Pavlinskaya (Deputy Chairman), Mikhail Piotrovsky, Efim Rezvan (Chairman), Valeriy Tishkov, Irina Tunkina, Yaroslav Vasilkov, Valentin Vydrin

При поддержке:
Wenner-Gren Foundation (USA),
Economic and Social Research Council (UK),
The Leverhulme Trust (UK)

Рецензенты:
С. В. Соколовский (ИЭА РАН, Москва),
В. Н. Давыдов (МАЭ РАН, Санкт-Петербург)

Под редакцией
Д. В. Арзютова, С. С. Алымова, Д. Дж. Андерсона

Сканирование стенограммы
Д. В. Терешина (МАЭ РАН, Санкт-Петербург)

Набор текста
Т. А. Ваграменко (University of Maynooth, Ireland)

Подготовка к печати, комментарии, указатели:
Д. В. Арзютов (МАЭ РАН, Санкт-Петербург / University of Aberdeen, UK),
С. С. Алымов (ИЭА РАН, Москва / University of Aberdeen, UK)

От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.) / под ред. Д. В. Арзютова, С. С. Алымова, Д. Дж. Андерсона. — СПб.: МАЭ РАН, 2014. — 511 с. (Серия «Кунсткамера — Архив». Т. VII).

ISBN 978-5-88431-266-1

Настоящий том посвящен истории и анализу совещания этнографов Москвы и Ленинграда в 1929 г., стенограмма которого сохранилась в Архиве МАЭ РАН. Важность этого совещания заключается в том, что именно на нем было заявлено о начале новой советской этнографии, основанной на марксистском понимании социально-экономических отношений. В течение недели этнографы Москвы и Ленинграда, а также некоторых провинциальных городов пытались найти общий язык, единые модели описания, спроектировать единую бюрократическую модель этнографии. Каждый день совещания был связан с той или иной темой этнографии, многие из них до сих пор актуальны и значимы в науке и обсуждаются в научных дискуссиях (понятия этноса и культуры, поле, этнографическое образование, этнографический музей и др.).

Издание адресовано этнографам, антропологам, историкам и всем интересующимся историей и теорией антропологической мысли.

This volume focuses on the history and analysis of “The meeting between Moscow and Leningrad ethnographers in 1929”. The verbatim of this meeting is kept in the Archive of MAE RAS in Saint-Petersburg. This meeting is important since it marks the beginning of Soviet ethnography showing its foundations on Marxism. Ethnographers from Moscow, Leningrad and other regional centers worked for a week trying to find a common language, to establish shared research models and to make a bureaucratic model of ethnography. Each day was dedicated to one of these topics, most of which are still discussed today, such as ethnos and culture, field, ethnographic education, ethnographic museum and so on.

This edition might be useful for ethnographers, anthropologists, historians of science and historians of the theory of anthropology.

УДК 001:39
ББК 63.5

ISBN 978-5-88431-266-1

© МАЭ РАН, 2014

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Е. А. Резван

Efim Rezvan

«КОРЕЛОМНЫЙ» МОМЕНТ

MARK THE MORTALSHED

«Россия по своему общественному опыту оказалась впереди всего остального мира. <….> мы прошли опыт, равного которому на Западе не прошел никто. И мы теперь смотрим с сожалением на Запад. Это странное чувство: мы смотрим как будто бы на наше прошлое <….>. Все то, что у вас происходит сегодня, у нас уже было, было давно»[1].

А. И. Солженицын

«As regards its experience of social life, Russia has broken ahead of the rest of the world <….> we have gained an experience an equal of which no country in the West has ever been through. And it is with pity that we now look towards the West. There is an odd feeling, as if presently we were looking into our past: <….>. All those things happening to you today we have experienced already, a long time back»[1].

Alexander Solzhenitsyn

Несколько лет назад я принимал вступительный экзамен по специальности в нашу аспирантуру у начитанной и толковой девушки. Она говорила очень хорошо, но необычайно волновалась. Ее «коньком» была история этнографии в России, и, чтобы как-то помочь ей справиться с волнением, я стал задавать дополнительные вопросы о том, что она знала лучше всего. Спросил и о значении в истории нашей науки совещания этнографов Москвы и Ленинграда, которое про-

A few years ago a well-read and sensible young lady sat in front of me as I was giving a profiling post-graduate course entry examination. The young lady spoke quite well and yet was really rather jittery. Her «hobby horse» was the history of ethnographic research in Russia and in order to help her cope with the jitters I began asking additional questions on the area in which she apparently felt most confident. Among those questions was one on the significance of the seminal council of Moscow and Leningrad

[1] *Солженицын А. И.* Выступление по испанскому телевидению, Мадрид, 20 марта 1976 г. // Солженицын А. И. Публицистика. Статьи и речи. Вермонт; Париж, 1989. Т. 10. С. 325–326.

[1] *Solzhenitsyn A. I.* A talk on the Spanish television, Madrid, 20 March 1976 // Solzhenitsyn A. I. Social and political essays, talks and speeches. Vermont; P., 1989. Vol. 10. P. 325–326 [in the Russian language].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

шло в Государственной академии истории материальной культуры и Мраморном дворце в 1929 г.

— Это был по-настоящему кореломный момент в истории советской этнографии! — воскликнула девушка. Она стала со знанием дела рассказывать об этом действительно важном событии, но вскоре осеклась и зарделась, увидев улыбающихся членов комиссии. Впрочем, смутиться следовало бы мне. Как оказалось, сам я знал о совещании 1929 г. много меньше, чем недавняя студентка: я довольно часто мельком слышал и что-то читал «о том самом совещании», но связанные с ним архивные материалы не видел никогда. Девушка получила вполне заслуженную «пятерку», и сегодня я очень рад, что молодые ученые из Петербурга и Москвы, принадлежащие к ее поколению[1], подготовили добротную, очень интересную и нужную сегодня комментированную публикацию стенограммы этого совещания, которая долгие годы хранилась в Архиве МАЭ РАН.

О том, что большевизм — предельно резкое утверждение европейского, ультразападничества, можно прочитать у авторов, исповедующих самые разные политиче-

ethnographers held by the State Academy of History of Material Culture in the Marble Palace in 1929.

— Indeed, that council marked the mortalshed in the history of Soviet ethnography! — exclaimed the young lady. In the next breath she proceeded to expertly elucidate the meaning of that really significant event, but soon stumbled in mid-sentence and blushed, prompted by smiling faces of the examiners. However, if there was any blushing to be done, it was I who had to be first in line. It turned out I knew much less about the council of 1929 than the erstwhile lady-student: I had of course rather often heard tell of «that very council» and had read some odds and ends about it, but never had I seen any archival records therewith related. The young lady got the well deserved A, and these days I am really happy that young scholars of her generation from St. Petersburg and Moscow[1], have prepared the sound, highly interesting and presently much anticipated commentated edition of the council minutes, which had been long resident in the archives of the Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Science.

Bolshevism, being a radically severe outcrop of European Westernism,

[1] Я искренне рад интересу к подобной тематике среди своих молодых коллег. Так, в текущем году в Европейском университете в Санкт-Петербурге Д. М. Колядовым была защищена диссертация на соискание степени магистра по теме «Язык научных текстов в сфере гуманитарных и общественных наук в СССР в 1920–1930-х годах».

[1] I am exceedingly glad to have seen the interest displayed by my younger colleagues towards this range of issues. In the same vein, this year, in the University of Europe a master thesis was defended by D. M. Kolyadov entitled “The language of scholarly publications in the sphere of humanities and social sciences in the USSR in 1920–1930s” [in the Russian language].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

ские взгляды. Если для либерального публициста П. Б. Струве (1870–1944) «дух русской революции занесен с Запада <…> он плод максималистического усвоения русской интеллигенцией передовых идей западных народов»[1], то для религиозного философа-экзистенциалиста Н. А. Бердяева (1874–1948) «соблазн интернациональной социал-демократии был одним из путей онемечения и порабощения души России, обезличения русской интеллигенции <…> Очень наивные люди, все эти русские мальчики, мечтающие о братстве народов, о свободном самоопределении народностей, об интернационализме и черпающие свое идейное обоснование у немецких социал-демократов!»[2] Для И. А. Ильина (1883–1954), монархиста и консерватора, большевистская революция была совершена «людьми сильной воли, но скудного политического разумения и доктринерской близорукости. Эти люди, по словам Достоевского, ничего не понимали в России, не видели ее своеобразия и ее национальных задач. Они решили политически изнасиловать ее по схемам Западной Европы, “идеями” которыми они, как голодные дети, объелись и подавились. Они не знали своего отечества; и это незнание стало для русских западников гибельной традицией со времен глав-

is characterised as such by authors espousing most divergent political views. A liberal publicist Petr Struve (1870–1944) maintained that “the spirit of the Russian revolution is an importation from the West, <…> it is a result of a maximalist assimilation of the Western peoples’ leading ideas by the Russian intelligentsia”[1], whereas according to a religious existentialist philosopher Nikolai Berdyaev (1874–1948) “the lure of an international social democracy was one of the ways to Teutonize and enslave the soul of Russia, and to divest the Russian intelligentsia of their individuality <…>. They are very naive people, all those Russian youths, dreaming of the brotherhood of nations, national self-determination and internationalism, yet borrowing their ideology from the German social democrats!”[2] Ivan Ilyin (1883–1954), a royalist and a conservative, professed the Bolshevik revolution to have been committed “by people of strong will but of impoverished political insight and dogmatic short-sightedness. Those people, as pronounced by Dostoevsky, understood little about Russia; neither did they fathom its singularity or its national aims. They resolved to commit a political rape of Russia according to the schemes that evolved in the Western Europe, on whose ‘ideas’ they had a surfeit and choked like any famished

[1] *Струве П. Б.* Избранные сочинения. М., 1999. С. 348.

[2] *Бердяев Н. А.* Германские влияния и славянство // Бердяев Н. А. Собр. соч. Париж, 1990. Т. 4. С. 148, 151–152.

[1] *Struve P. B.* Selected writings. Moscow, 1999. P. 348 [in the Russian language].

[2] *Berdyaev N. A.* Germanic Influences and the Slavic World // Berdyaev N. A. The Collected Works. P., 1990. Vol. 4. P. 148, 151–152 [in the Russian language].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

ного поносителя России — католика Чаадаева»[1].

Ряд такого рода цитат можно легко продолжить. Как бы то ни было, сегодня вполне очевидно, что русский авангард, равно как и многие важнейшие идеологические и экономические построения большевиков — результат усвоения и развития на русской почве взглядов наиболее радикальных представителей европейской творческой и научной интеллигенции. В этом отношении отечественная этнографическая наука того времени — плоть от плоти своей эпохи. В этом равно ее сила и ее слабость. Именно этим, по-моему, и интересен в первую очередь уникальный документ, который лег в основу этой книги. И именно в этом заключается ее актуальность.

В самом деле, вслушаемся в слова В. Б. Аптекаря, сыгравшего на этом совещании одну из ведущих ролей и призывавшего «отменить» этнографию как науку колониальную и расистскую: «Раса является элементом, неотъемлемым от индоевропейского мировоззрения»[2]. Разве практически не о том же говорят сторонники использования *inclusive* или *neutral language*[3] в современной

children. They were ignorant of their own homeland; and that ignorance spelled the doom of the Russian Westernism since the time of the foremost vilifier of Russia — the papist Chaadaev"[1].

One could easily continue with the selection of such quotes. Be that as it may, it seems clear today that the Russian avant-garde, like the many crucial and ideological constructs of the Bolsheviks, was the result of implantation and growth on the Russian soil of views espoused by the most radical representatives of the European literati. In this respect the Russian ethnography of that time appears to have the blood of the epoch running through its veins. This is both its strength and its weakness. This also is the major reason why in my opinion the unique document being the backbone of this here book is so interesting. Its relevance and urgency lie in the same domain.

Indeed, here is a quote from an address by Valerian Aptekar, who played a key role at the council and who appealed for "cancellation" of ethnography as being a colonial and racist science. According to him "race is an element indivisible from the Indo-European world view"[2]. Is it not the same idea that is expressed by adherents

[1] *Ильин И. А.* Русская революция была катастрофой (1949) // Ильин И. А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России (Статьи 1948–1954 гг.). М., 1992. Т. 1. С. 108.

[2] АРАН. Ф. 377. Оп. 2. Ед. хр. 110. Л. 63.

[3] См., например: *Буковский В.* Политкорректность хуже ленинизма [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://regions.ru/news/2242306/ (дата обращения: 15.11.2014).

[1] *Ilyin I. A.* The Russian Revolution was a catastrophe (1949) // Ilyin I.A. Our goals. The historical fate and the future of Russia (Articles of 1948–1954). Moscow, 1992. Vol. 1. P. 108 [in the Russian language].

[2] Archives of the Russian Academy of Science. File 377. Directory 2, arch. unit 110. Folio 63 [in the Russian language].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

«политкорректной антропологии», выросшей из левых идеалов 1968 г.? Сегодня вытеснение терминов и понятий за скобки научного дискурса может привести и приводит к «отмене» целых научных направлений.

Кто бы мог еще совсем недавно подумать, какие ассоциации будет у многих из нас вызывать портрет В. Б. Аптекаря, данный двоюродной сестрой Бориса Пастернака, выдающимся филологом и культурологом О. М. Фрейденберг, организовавшей в Ленинградском университете первую в СССР кафедру классической филологии: «В Москве я познакомилась с Аптекарем. Это был разухабистый, развязный и дородный парень в кожаном пальто, какое носили одни "ответственные работники". Ходил он, раскачиваясь, словно не желая признавать препятствий. Весело и самоуверенно он признавался в отсутствии образования. Такие вот парни, как Аптекарь, неучи, приходили из деревень и местечек, нахватывались партийных лозунгов, марксистских схем, газетных фразеологий и чувствовали себя вождями и диктаторами. Они со спокойной совестью поучали ученых и были искренне убеждены, что для правильной систематизации знаний ("методологии") не нужны сами знания»[1].

of *inclusive* and *neutral language*[1] in contemporary "politically correct anthropology" that grew out of the leftist ideals of 1968? These days, forcing terms and notions outside scholarly discourse can be and has already been instrumental in "cancellation" of whole branches of research.

Who would have thought fairly recently of the associations to be evoked in respect of the description of Valerian Aptekar given by Boris Pasternak's cousin, an eminent philologist and culturologist Olga Freidenberg, who organized the department of classical philology in the Leningrad University, first ever to be created in the Soviet Union: "In Moscow I ran into Mr. Aptekar. This one turned out to be a bold-as-brass pert and stout scallywag in a leather overcoat worn exclusively by "men in charge". He walked in a portly sway as if being intolerant of obstructions. In a rollicking and self-confident manner he would admit of his lack of education. Such cads as Aptekar, the ignorami, arriving from wood-end farmsteads and boroughs, would pick up scraps of party slogans, Marxist schemes, penny-sheet phraseology and view themselves as strong men and supremoes. Without so much as a by-your-leave they would come the old

Подробнее см.: *Gough K.* Anthropology and Imperialism // Monthly Review. 1968. Vol. 19. №. 11. P. 12–27; *Smith L. T.* Decolonizing Methodologies: Research and Indigenous Peoples. L., 1999.

[1] Переписка Бориса Пастернака. М., 1990. С. 121.

[1] E.g.: *Bukovsky V.* Political correctness is worse than Leninism [an electronic resource]: http://regions.ru/news/2242306/ (last query: 15.11.2014) [in the Russian language]; *Gough K.* Anthropology and Imperialism // Monthly Review. 1968. Vol. 19. №. 11. P. 12–27; *Smith L. T.* Decolonizing Methodologies: Research and Indigenous Peoples. L., 1999.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

В основу анализа материалов совещания авторы положили две парадигмы, взглянув на «сообщество этнографов как лабораторию, границы которой довольно неустойчивы и где происходят постоянные инверсии между субъектом и объектом исследования», и выделив «биографический (нарративный) характер истории концепций, где возможны как хронологические последовательности между учеником и учителем, так и разрывы, которые более точно можно описать через концепцию экологии знания. В известной мере эти две парадигмы показывают пластичность самой дисциплины, уводят в сторону от навязчивых клише о ее косности, идеологической зацикленности»[1]. Авторы постарались увидеть, и действительно увидели, в исследуемом тексте «соединение множества стратегий различных групп исследователей, конкурирующих и создающих едва заметные точки соприкосновения»[2]. Оказалось, что участники совещания были хорошо осведомлены практически обо всех текущих дискуссиях в западной антропологии того времени, а само совещание имело последствия, значительно более долгосрочные, чем было принято предполагать. Это касается и советской, и западной этнологии.

Так, в 1930-е годы Поль Риве (Paul Rivet) и Жорж Ривьер (Georges Rivière) при создании парижского Музея человека будут ориентиро-

[1] См. ниже, с. 15.

[2] См. ниже, с. 15.

soldier over true scholars, entirely convinced that one required no actual knowledge to be a successful systematizer (‘methodologist’) of that same knowledge”[1].

The authors used two paradigms to analyse the council materials, viewing the “community of ethnographers as a laboratory, with fairly unstable boundaries which constantly bubbles with inversions between the subject and object of research”, and marking out “the biographical (narrative) nature of concept history, where chronologically both continuities and interruptions of teacher-to-student lineages are possible, which should best be described in terms of knowledge ecology. To a certain extent these two paradigms reveal plasticity of the discipline itself and liberate one from the obtrusive clichés of its stagnancy and ideological anchoring”[2]. In the studied body of text the authors endeavoured to reveal, and were successful in doing so, “a panoply of strategies professed by various groups of researchers, competing with each other and creating barely visible points of coincidence”[3]. It turns out that the council participants were well aware of practically all current debates in the Western anthropology of the time, and that the council itself had repercussions considerably more far-reaching than it has become customary to believe. The latter remark concerns both Soviet and Western ethnology.

[1] The Letters of Boris Pasternak. Moscow, 1990. P. 121 [in the Russian language].

[2] See below, p. 15.

[3] See below, p. 15.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

ваться в первую очередь на ленинградский Музей антропологии и этнографии[1]. Я очень хорошо помню, как меня в свое время удивил ажиотаж вокруг работы Э. Саида «Ориентализм». Тот, кто учился на Восточном факультете ЛГУ и в аспирантуре Института востоковедения, в принципе не мог увидеть в критике европоцентризма и колониализма, в призывах к изучению актуальных социально-экономических проблем ничего нового.

Среди важнейших тем, обсуждавшихся на совещании, были в первую очередь те, которые и сейчас вызывают активные дискуссии (объект этнографии, «поле», этнографическое образование и музейное дело). Корпус указателей превращает книгу в справочник по истории советской этнографии тех лет и позволяет активно использовать материал как важный первоисточник. Я уверен, например, что работа с текстом позволит многое понять и в судьбе нашего музея, значительные коллекции из которого в 1930–1934 гг. были переданы в Государственный Эрмитаж[2], и в судьбе концепции «музея общечеловеческой культуры» или «объединенного музея антропологии, этнографии и археологии», разработанной В. В. Радловым и Л. Я. Штернбергом. Именно тогда в основу деятельности музея был положен принцип

[1] *Матвеева П. А.* «Все человечество едино»: В. В. Радлов и МАЭ. СПб., 2014. С. 217.

[2] *Резван Е. А.* Между Туркестаном и Тибетом: салары. СПб., 2010. С. 80–83.

Thus in 1930s, Paul Rivet and Georges Rivière when creating the Musée de l'Homme in Paris would primarily look up to the Leningrad Museum of Anthropology and Ethnography[1]. For myself, I remember very clearly my bewilderment at the commotion caused by *Orientalism*, a book by Edward Said. A graduate from the Oriental Department of the Leningrad University and a doctorate student at the Institute for Oriental Studies in principle would fail to see any novelty either in the critique of Eurocentrism and Colonialism, or in the call to research acute socioeconomic issues.

Among the most important points raised at the council were predominantly those that also spark acute back-and-forths today (the object of study in ethnography, field ethnography, ethnography and education, and museology). The corpus of indices turns the book into a manual on the history of Soviet ethnography of the time and makes it possible to actively use the materials as an important first-hand source of reference. I am convinced that working with the text will enable one to understand a lot in the fate and fortunes both of our museum, from which many a collection were transferred to the State Hermitage in 1930–1934[2], and of the concept of

[1] *Matveeva P. A.* "Humanity Is One": Vasily Radlov and the Museum of Anthropology and Ethnography. St. Petersburg, 2014. P. 217 [in the Russian language].

[2] *Rezvan E. A.* Between Turkestan and Tibet: the Salar People. St. Petersburg, 2010. P. 80–83.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

«собирания путем систематических научных экспедиций», то есть синтез «поля» и «немого комплекса» (по В. Г. Богоразу).

Как справедливо отмечают авторы, совещание 1929 г. позволяет нам «прикоснуться к тому короткому периоду в истории отечественной этнографии, когда многое казалось возможным и самые смелые эксперименты представлялись осуществимыми»[1]. Вскоре, однако, последовал подлинный «Великий перелом», который оказал на отечественную этнографическую науку жесткое «форматирующее» влияние. Прошла и «чистка» персонального состава Академии наук, в результате которой более ста человек были арестованы, а сотни — уволены.

Я искренне убежден, что эта книга будет по-настоящему интересна и для наших английских коллег, которые много сделали для того, чтобы она увидела свет. Позволю себе еще раз процитировать Александра Солженицына (так совпало, что я читал его книгу одновременно с рукописью настоящей публикации): «России, которую принято было считать отсталой, довелось совершить социальный скачок в целое столетие, обгоняя опыт всех стран мира. С нечеловеческой плотностью мы пережили на себе нечеловеческий опыт, о котором западный мир, вот и ваша Англия, до сих пор не имеют, а точней: боятся иметь, подлинное представление. И со странным ощущением мы,

[1] См. ниже, с. 83.

"the universal museum of human culture" or "the universal museum of anthropology, ethnography and archaeology", propounded by Vasily Radlov and Lev Sternberg. It was in those days that the principle of "collecting by means of systematic scientific expeditions", *i.e.* a synthesis of "field ethnography" and "silent complex" (according to Vladimir Bogoraz), was adopted as the main principle of the museum's activity.

The authors concur quite fairly that the council of 1929 makes it possible for us to "get in touch with that brief interregnum in the history of Russian ethnography when much was seen as possible and the boldest experiments looked unfantastic"[1]. It was soon, however, that the real "watershed mark" ensued, dealing Russian ethnographic scholarship a real "formatting" blow. The Academy staff was subjected to a purge, as a result of which over a hundred people were arrested, and hundreds dismissed.

I am sincerely convinced that the book will be of interest to our British colleagues who have laboured a lot for it to see the light of day. I will take the liberty of quoting yet again from Alexander Solzhenitsyn (it so happened that I was reading Solzhenitsyn together with the printout of the present publication): "Russia, who used to be looked on as backward, got to make a social leap over a hundred years, thus outpacing the experience of the entire world. Subjected to inhuman gravity we have lived through an inhuman

[1] See below, p. 83.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

люди из Советского Союза, смотрим на нынешний Запад: как будто не соседи по планете, не современники, мы смотрим из вашего будущего или на наше прошлое, 70-летней давности, которое вдруг повторяется. Все то же, все то же видим мы: всеобщее поклонение взрослого общества мнениям своих детей; лихорадочное увлечение многой молодежи ничтожно мелкими идеями; боязливость профессоров оказаться не в модном течении века; безответственность журналистов за метаемые слова; всеобщая симпатия к революционерам крайним; немота людей, имеющих веские возражения; пассивная обреченность большинства; слабость правительств и паралич защитных реакций общества; духовная растерянность, переходящая в политическую катастрофу. Следующие события — впереди, но уже близко, и мы по горькой памяти можем без труда "предсказывать" их вам»[1].

P.S. Как всегда, хочу подчеркнуть, что все сказанное выше вполне может не совпадать с мнением авторов публикации.

[1] *Солженицын А. И.* Выступление по английскому радио 26 февраля 1976 г. // Солженицын А. И. Публицистика. Статьи и речи. Вермонт; Париж, 1989. Т. 9. С. 259.

experience, of which the Western world, and you here in Britain, still do not have, or to be more exact, fear to have a true notion. And it is with an odd sensation that we, people from the Soviet Union, look at the West today: as if we were not neighbours on this planet, not contemporaries, we look, as it were, from your future, or at our past, 70 years back, which all of a sudden is about to repeat itself. And we see all the same things again: the adult society collectively venerating the opinions of its children; many a youth in feverish pursuit of tacky and insignificant ideas; university professors worrying that they will fail to fit the contemporary mainstream; journalists irresponsible for their verbal ejaculations; overall sympathy with the revolutionaries and the radicals; silence of those having valid objections; passive resignation of the majority; weakness of governments and paralysed defensive reactions of the society; spiritual discomfiture about to mutate into a political catastrophe. What follows is already in sight, and we from our bitter memory can easily predict it to you"[1].

P.S. As usual, I would like to stress that all of the above may not coincide with the opinion of the authors of the current publication.

[1] *Solzhenitsyn A. I.* An interview with Michael Charlton on BBC Radio One, London, 26 February 1976 // Solzhenitsyn A. I. Social and political essays, talks and speeches. Vermont; P., 1989. Vol. 9. P. 259 [in the Russian language].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Д. В. Арзютов,
Д. Дж. Андерсон

Dmitry V. Arzyutov,
David G. Anderson

ПРЕДИСЛОВИЕ

История советской этнографии известна относительно хорошо: существует множество статей и книг, в которых описываются биографии ученых (в связи с этим следует прежде всего отметить заслуги А. М. Решетова). Однако история концепций продолжает оставаться малоизученной. Несмотря на отдельные работы, в которых предпринимались попытки комплексного анализа феномена русской и советской этнографии (Фредрик Бертран, Сергей Кан, Фрэнсин Хирш, Петер Швайтцер), а также описания, составленные известными исследователями С. А. Токаревым и Т. В. Станюкович, нам не вполне известна история заимствования и «освоения» таких понятий, как *этнос*, *этногенез*, *историко-этнографическая область*, *хозяйственно-культурный тип* и шире — *культура*, в контексте советских этнографических исследований, несмотря на то что все они выступают своеобразными «визитными карточками» советского этнографического языка. Продолжает оставаться белым пятном на «этно-

PREFACE

The history of Soviet ethnography is relatively well known; there is a multitude of articles and books which present the biographies of researchers (in this regard, it is especially important to note the achievements of Alexandr M. Reshetov). However, the history of ethnographic concepts continues to be poorly understood. There have been some studies in which authors have attempted to provide a comprehensive analysis of the phenomenon of Russian and Soviet ethnography (Frédéric Bertrand, Sergei Kan, Francine Hirsch, Peter Schweitzer), as well as descriptions by the renowned Sergei A. Tokarev and Tatiana V. Stanyukovich. However, we still do not quite know the whole history of the derivation and development of concepts such as *ethnos* (etnos), *ethnogenesis* (etnogenez), *historical-ethnographic region* (istoriko-etnograficheskaia oblast'), *economic-cultural type* (khozyaistvenno-kul'turnyi tip) and more broadly — *culture* (kul'tura), in the context of Soviet ethnographic research, despite the fact that these terms serve as a sort of "calling card"

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

графической карте» и история концепций поля и полевой работы, в том числе и то, как объяснялась и воспринималась концепция включенного наблюдения на протяжении всей истории советской этнографии.

Сфокусировавшись на истории советской этнографии, мы предлагаем рассматривать само «производство» концепций сквозь две исследовательские парадигмы: 1) сообщество этнографов как лабораторию, границы которой довольно неустойчивы и где происходят постоянные инверсии между субъектом и объектом исследования; 2) биографический (нарративный) характер истории концепций, где возможны как хронологические последовательности между учеником и учителем, так и разрывы, которые более точно можно описать через концепцию *экологии знания*. В известной мере эти две парадигмы показывают пластичность самой дисциплины, уводят в сторону от навязчивых клише о ее косности и идеологической зацикленности.

85 лет назад в Государственной академии истории материальной культуры и Мраморном дворце состоялось совещание этнографов Москвы и Ленинграда. Сохранившаяся в Архиве МАЭ РАН стенограмма совещания позволяет увидеть значимое для советской и российской этнографии событие — соединение множества стратегий различных групп исследователей, конкурирующих и создающих едва заметные точки соприкосновения. Здесь можно увидеть не только борьбу между

of Soviet ethnographic language. A blank spot remains on the "ethnographic map" in terms of the history of concepts and the field of work, including how to understand and explain the concept of participant observation throughout the history of Soviet ethnography.

Focusing on the history of Soviet ethnography, we propose considering the "production" of concepts through two research paradigms: 1) the community of ethnographers as a laboratory with rather unstable boundaries and the constant inversion between the subject and object of study; 2) the biographical (narrative) character of the history of ethnographic concepts, which can be seen as chronological sequence between student and teacher. There are also gaps, which are more accurately described by the concept of *ecology of knowledge*. To some extent, these two paradigms reveal the plasticity of the discipline itself, and lead us away the persistent clichés about its conservatism and ideological obsession.

85 years ago, the State Academy of the History of Material Culture and the Marble Palace hosted a meeting of ethnographers from Moscow and Leningrad. The transcript of the meeting, preserved in the archives of MAE RAN provides a glimpse of a meaningful event for Soviet and Russian ethnography — the joining of a plurality of different strategies for research teams, competing and creating subtle points of contact. Here it is possible to see not only the struggle between different generations of

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

разными поколениями исследователей (от этой концепции авторы статьи, С. С. Алымов и Д. В. Арзютов, старались отойти), но и «микрофизику» власти внутри сообщества — способы управления мнением и принятием решений.

Сохранившаяся в Архиве МАЭ РАН стенограмма дает возможность «услышать» голоса исследователей, увидеть и по возможности осмыслить споры того времени, а главное — разглядеть за формулировками и привычными фразами будущие концепции и даже исследовательские парадигмы и стратегии. Так, вызывает удивление, как критикуют этнос в 1929 г. за «метафизику» и насколько важной станет эта концепция в 1960-е, оставаясь таковой до сих пор как для значительной части Академии, так и в политике. Не менее удивительна судьба «хозяйственно-технического ареала» П. Ф. Преображенского, впоследствии ставшего «хозяйственно-культурным типом». Для историка советской этнографии Фредерика Бертрана такие метаморфозы представляются конфигурацией разрывов, то есть ситуацией, когда отрицание и следование за концепцией являлось не противопоставлением, а своеобразным двойным стандартом для исследователя.

Авторы вводной статьи постарались показать драматургию совещания, что стояло за этим событием и как оно повлияло на ход советской этнографии в целом.

Архивная работа, в том числе в частных архивах, позволила вперresearchers (the authors of the article, Sergei S. Alymov and Dmitry V. Arzyutov, have tried to move away from this conception), but also the "microphysics" of power within the community, in terms of how to manage opinions and decision-making.

Preserved in the archives of MAE RAN, the transcript makes it possible to "hear" the voices of researchers, and thus to see and understand the possible controversy at the time; most importantly, it permits us to witness the formulation of future concepts and even research paradigms and strategies in the wording of familiar phrases. Thus, it is surprising how ethnicity was criticized in 1929 for being too "metaphysical", considering how important the concept would become in the 1960s and would remain so until now for a considerable part of the Academy, as well as in the political sphere. No less surprising is the fate of the "economic-technical area" of Petr F. Preobrazhenskii, which later became the "economic-cultural type". For the historian of Soviet ethnography Frédéric Bertrand, such metamorphoses represent a configuration of discontinuities, that is, a situation where the denial and acceptance of the concept is not a contradiction, but rather kind of double standard for the researcher.

The authors of the introductory article have attempted to convey the drama of the meeting, revealing what was behind the event and how it affected the general course of Soviet ethnography.

Archival work, including that of private archives, has allowed for the

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

вые опубликовать в настоящем издании фотографии, сделанные на совещании. Книга снабжена несколькими указателями, что делает ее удобным справочником по истории советской этнографии конца 1920-х годов.

Публикация настоящего издания стала возможна при поддержке следующих научно-исследовательских проектов: Wenner-Gren Foundation (USA), International Collaborative Research Grant, "*The Concept Of The 'Ethnos' In Post-Soviet Russia: The Ethnogenesis Of The Peoples Of The North*" (2011–2013), The Economic and Social Research Council (ESRC), "*Etnos: A life history of the etnos concept among the Peoples of the North*" (RGA 1682); The Leverhulme Trust (UK), Research Network Project "*Etnos and Minzu: Histories and Politics of Identity Governance in Eurasia*" (2013–2016). Мы искренне признательны всем, кто помогал нам в работе над этим изданием, — прежде всего Владимиру Николаевичу Давыдову, Юрию Кирилловичу Чистову и Ефиму Анатольевичу Резвану, без чьей поддержки эта книга не увидела бы свет. Отдельная благодарность — Д. В. Терешиной, Т. А. Ваграменко за помощь в работе с архивной машинописью стенограммы.

publication of photos taken at the meeting for the first time. This book has several indexes, which makes it a convenient reference book on the history of Soviet ethnography in the late 1920s.

The publication of the current edition has been made possible with the support of the following research projects: Wenner-Gren Foundation (USA), International Collaborative Research Grant, "*The Concept Of The 'Ethnos' In Post-Soviet Russia: The Ethnogenesis Of The Peoples Of The North*" (2011–2013), The Economic and Social Research Council (ESRC, UK), "*Etnos: A life history of the etnos concept among the Peoples of the North*" (ES/K006428/1); The Leverhulme Trust (UK), Research Network Project "*Etnos and Minzu: Histories and Politics of Identity Governance in Eurasia*" (IN-2012-138). We are sincerely grateful to everyone who helped us in our work on this publication — first of all, Vladimir Nikolaevich Davydov, Yuri Kirillovich Chistov and Efim Anatolyevich Rezvan, without whose support this book never would have seen the light. We also extend special thanks to Daria V. Tereshina and Tatiana A. Vagramenko for help with archival typewritten transcripts.

Translated
by Jenanne K. Ferguson

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Часть I

ИСТОРИЯ СОВЕЩАНИЯ

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

С. С. Алымов, Д. В. Арзютов

МАРКСИСТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ ЗА СЕМЬ ДНЕЙ: СОВЕЩАНИЕ ЭТНОГРАФОВ МОСКВЫ И ЛЕНИНГРАДА И ДИСКУССИИ В СОВЕТСКИХ СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ В 1920–1930-е ГОДЫ

Введение

Совещание этнографов Москвы и Ленинграда, состоявшееся 5–11 апреля 1929 г., равно как и весь процесс «советизации» или «марксизации» этнографии, в историографии последних десятилетий имеет печальную известность. Юрий Слезкин связал с его проведением начало революции в этнографии, посредством которой «молодые этнографы-большевики» стремились «низложить своих буржуазных руководителей и разгромить негостеприимный академический мир» [Слезкин 1993: 116]. По мнению Т. Д. Соловей, совещание было не столько началом этой революции, сколько поворотным моментом дискуссии о предмете и методе этнографии, втиснувшим их в «прокрустово ложе вульгаризированного марксизма» и лишившим отечественную науку присущего ей ранее теоретического плюрализма [Соловей 2001]. Вписывая события «на этнографическом фронте» в контекст «великого перелома» и культурной революции рубежа 1920–1930-х годов, историография первого постсоветского десятилетия делала упор на прагматический аспект данных событий. Основным их содержанием виделось противостояние молодых марксистов и «буржуазных профессоров», а дискуссии представлялись главным образом средством решения карьерных задач первых, казавшихся сплоченной группой единомышленников. Такой взгляд был, помимо прочего, реакцией на официальную советскую историографию, считавшую дискуссии рубежа 1920–1930-х годов процессом «историзации» этнографии и овладения марксистским методом, который осуществлялся хотя и не без эксцессов (имелись в виду призывы В. Б. Аптекаря к «отмене» данной науки), но достаточно слаженно и гармонично [Токарев 1971; Толстов 1957].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Перелом 1920–1930-х в развитии отечественной этнографии продолжал привлекать внимание историографов и в 2000-е годы, однако по мере более широкого знакомства с архивными источниками стали звучать интерпретации, позволяющие уйти от жестких дихотомий. Так, Фредрик Бертран [Bertrand 2002: 60–61] указал на наличие различных исследовательских практик и проектов, помещавшихся под легитимирующей «шапкой» марксистской науки. Фрэнсин Хирш в своем исследовании «нациестроительства», осуществлявшегося советской властью с помощью этнографов, пришла к выводу о том, что на рубеже 1920–1930-х годов этнография подверглась советизации, но сохранила свою роль в государственной политике, а между поколениями этнографов существовала не только идеологическая вражда, но и идейная преемственность [Hirsch 2005: 215–216]. Выявить эту сложную констелляцию идеологических, теоретических, поколенческих и прочих связей и противоречий позволяет обращение к такому поистине уникальному источнику, как стенограмма совещания этнографов Москвы и Ленинграда 5–11 апреля 1929 г.

Рубеж 1920–1930-х годов действительно был поворотным в истории всей советской науки. В этот период формируется сама Академия наук как строго иерархическое образование, охватывающее все отрасли знания и управляющее ими на территории огромной страны, что впоследствии дало основание одному из историков советской науки говорить о ней как об «империи знания» [Vucinich 1994]. В это же время проходит череда научных совещаний по всем отраслям знания, где дискутируются наиболее острые вопросы каждой из наук (см. обзор: [Грэхэм 1991]). Эти совещания и дискуссии стали своеобразным жанром советской науки. В сталинское время они были способом как установления консенсуса внутри дисциплин, так и встраивания их в постоянно меняющийся политико-идеологический ландшафт [Кожевников 1997; Pollock 2006].

Настоящая книга посвящена семи дням из жизни советской этнографии, в течение которых группа этнографов Москвы и Ленинграда собралась в Ленинграде, в зале заседаний Государственной академии истории материальной культуры и Мраморном дворце, чтобы решить, какой быть этнографии.

Для того чтобы понять, какую роль сыграло совещание, мы постараемся реконструировать его контекст, описать его ход и показать последствия как для советской этнографии, так и для национальной политики в СССР. Наш подход отличает несколько установок, при помощи которых мы надеемся внести вклад в довольно солидную по объему литературу вопроса. Во-первых, мы рассматриваем рубеж 1920–1930-х годов не только как эпоху идеологического разгрома и насильственной унификации, но и как переходный период, положивший начало новому этапу развития науки, который — как к нему ни относиться — содержал не только конформизм

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Рис. 1. Участники совещания этнографов Москвы и Ленинграда.
1929 г. Ленинград, Мраморный дворец [АМАЭ РАН. Ф. К-IV. Ед. хр. 29].
Сидят слева направо: 1) П. Ф. Преображенский, <…> 5) А. Г. Данилин <…>.
Стоят слева направо: <…> 2) Г. Н. Прокофьев, <…> 5) В. Б. Аптекарь, <…>
15) В. Ершов, <…> 17) Г. А. Старцев, <…> 24) Н. П. Дыренкова

и отжившие догмы, но и подлинные искания и прозрения. Во-вторых, мы попытались уйти от несколько навязчивого противопоставления поколений и указать на различия и сходства в этнографическом цеху, отнюдь не всегда совпадавшие с поколенческим разломом. В-третьих, мы обращаем внимание на разные варианты марксизма, предлагавшиеся как маститыми, так и молодыми исследователями, подчеркивая, что на совещании 1929 г. (и позднее) единства взглядов по ключевым вопросам не было достигнуто. В-четвертых, мы постарались выявить важность представлений ученых того времени об «историзации» и «марксизации» этнографии и их связь с идеологией советской национальной политики, а также практически единодушное стремление этнографов участвовать в осуществлении этой политики. Наконец, сделана попытка сравнить теоретические и идеологические изменения в советской этнографии, произошедшие на фоне осуществления советской национальной политики, отличавшейся поддержкой нерусских национальностей и антиколониальной риторикой, с изменениями в западной антропологии, имевшими место в ходе деколонизации третьего мира после Второй мировой войны.

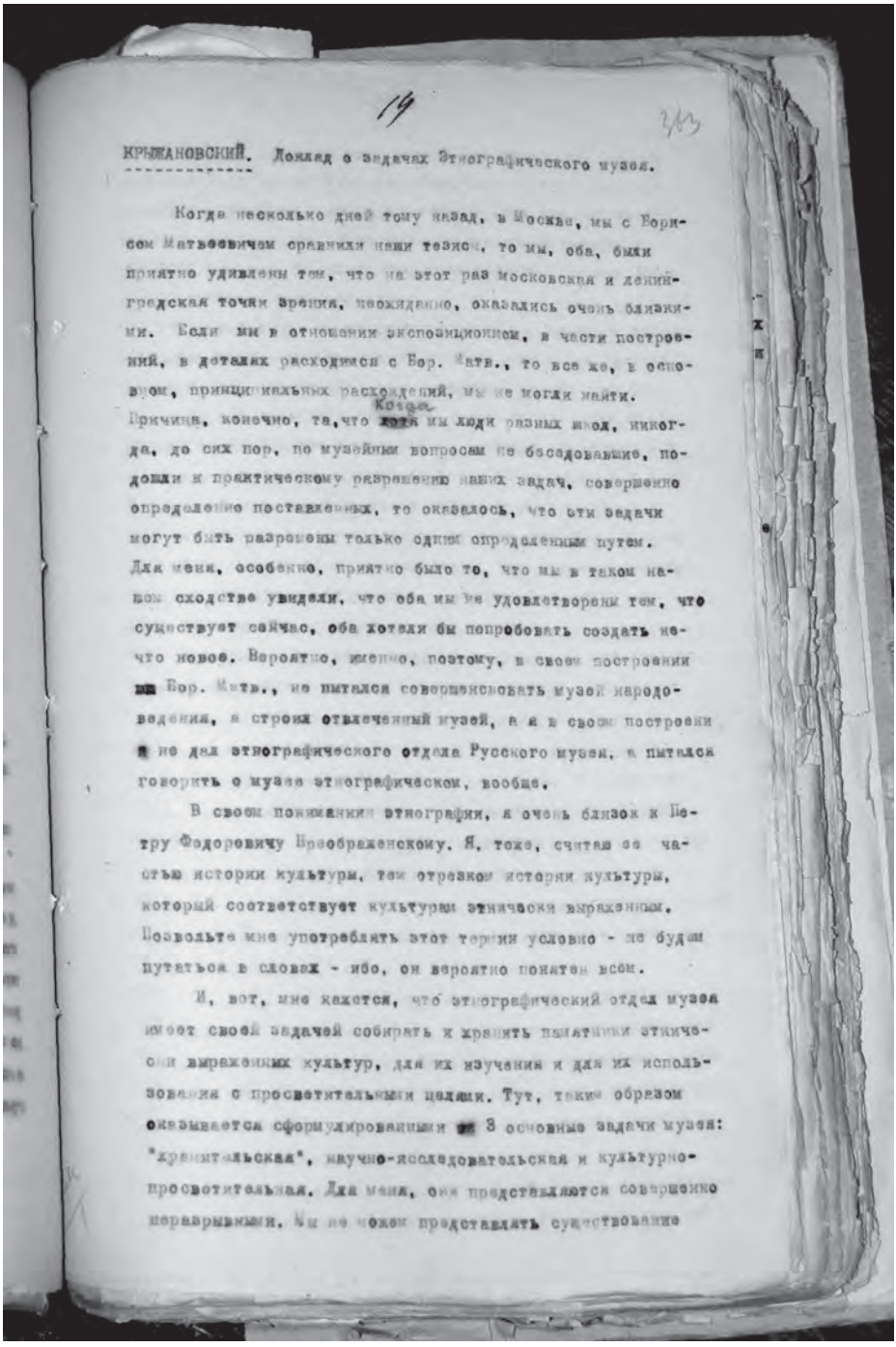
Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

1. Документ и метод

Стенограммы научных совещаний сталинского периода заслуживают отдельного внимания. Судя по пометам на отдельных страницах публикуемой стенограммы, можно сказать, что в ее исполнении участвовали несколько стенографистов (как правило, женщины), которые старались очень подробно фиксировать каждое высказывание выступавших, комментарии, вопросы и даже выкрики из зала. Детальность фиксации была столь высокой, что читатель сможет без труда буквально «услышать» голоса и интонацию выступавших, что позволяет глубже осознать сам ход и драматургию совещания. Многие выступления впоследствии правились, по всей видимости, самими ораторами, что видно из рукописных пометок, зачеркиваний и исправлений, сделанных поверх машинописи. Эти пометки зачастую значительно проясняют смысл соответствующих фрагментов, и при публикации мы, как правило, «принимали» исправления, не оговаривая это в сносках. Такая публикаторская вольность может быть оправдана тем соображением, что, в отличие от документов личного происхождения, непосредственными «авторами», из-под пера которых выходил текст стенограммы, были стенографистки, не являвшиеся, конечно, специалистами в этнографии и допускавшими значительное количество разного рода ошибок. Воспринимая на слух достаточно сложную специальную информацию, они зачастую были не в состоянии адекватно передать научные термины, дать правильные написания фамилий отечественных и зарубежных ученых и т.д. С этим связано и заметное количество отточий и пропусков, только часть из которых нам удалось «заполнить». Орфография и пунктуация публикации приведены в соответствие с современными нормами русского языка. Заполненные публикаторами пропуски, а также фрагменты, оставшиеся нерасшифрованными, соответствующим образом оговорены в тексте.

Процедура письменной фиксации речи, которую можно условно назвать бюрократической, и ее роль в формировании советской науки заслуживают отдельного внимания. Стенограммы документировали высказывания ученых, превращая их в текст, который всегда можно было иметь под рукой для анализа и критики. Из документов дискуссий рубежа 1940–1950-х годов известно, что протоколы совещаний такого рода перевозились из Ленинграда в Москву и тщательно штудировались коллегами-оппонентами, а также, конечно, использовались для написания отчетов в прессе [Алымов 2009: 16]. Протоколирование конституировало саму процедуру совещаний, их академическую важность и ответственность суждений. Как пишет антрополог Мэтью Халл, «документы являются не просто инструментами бюрократической организации, но они сами конституируют бюрократические правила, идеологии, знание, практики, субъективности, объекты, выводы, а порой и сами организации»

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

19

КРЫЖАНОВСКИЙ. Доклад о задачах Этнографического музея.

Когда несколько дней тому назад, в Москве, мы с Борисом Матвеевичем сравнили наши тезисы, то мы, оба, были приятно удивлены тем, что на этот раз московская и ленинградская точки зрения, неожиданно, оказались очень близкими. Если мы в отношении экспозиционном, в части построений, в деталях расходимся с Бор. Матв., то все же, в основном, принципиальных расхождений, мы не могли найти. Причина, конечно, та, что хотя мы люди разных школ, никогда, до сих пор, по музейным вопросам не беседовавшие, подошли к практическому разрешению наших задач, совершенно определенно поставленных, то оказалось, что эти задачи могут быть разрешены только одним определенным путем. Для меня, особенно, приятно было то, что мы в таком нашем сходстве увидели, что оба мы не удовлетворены тем, что существует сейчас, оба хотели бы попробовать создать нечто новое. Вероятно, именно, поэтому, в своем построении Бор. Матв., не пытался совершенствовать музей народоведения, а строил отвлеченный музей, а я в своем построении я не дал этнографического отдела Русского музея, а пытался говорить о музее этнографическом, вообще.

В своем понимании этнографии, я очень близок к Петру Федоровичу Преображенскому. Я, тоже, считаю ее частью истории культуры, тем отрезком истории культуры, который соответствует культурам этнически выраженным. Позвольте мне употреблять этот термин условно - не будем путаться в словах - ибо, он вероятно понятен всем.

И, вот, мне кажется, что этнографический отдел музея имеет своей задачей собирать и хранить памятники этнически выраженных культур, для их изучения и для их использования с просветительными целями. Тут, таким образом оказываются сформулированными 3 основные задачи музея: "хранительская", научно-исследовательская и культурно-просветительная. Для меня, они представляются совершенно неразрывными. Мы не можем представлять существование

Рис. 2. Образец листа стенограммы [АМАЭ РАН. Ф. К-I. Оп. 3. Ед. хр. 7. Л. 363]

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

[Hull 2012: 253]. Интересно, однако, что после издания нескольких отчетов к машинописному тому стенограммы не обращались вплоть до историков советской этнографии постсоветского времени, что можно было заметить по листку читателей, прилагаемому к каждому архивному делу. В определенном смысле можно сказать, что стенограммы совещания 1929 г. долгое время были «забыты», став «вытесненной» частью истории дисциплины. Ее переосмыслению в 1990-е годы сопутствовали повышенный интерес к феномену репрессированной науки и скепсис по отношению к науке официальной. В данном контексте совещание, ассоциировавшееся с наступлением «единственно верного учения», также воспринималось, как правило, негативно, а наиболее внимательным читателем его стенограммы стал французский исследователь Ф. Бертран [Bertrand 2002; Бертран 2007]. По нашему мнению, пришла пора не столько «реабилитировать» данное событие в истории отечественной этнографии, сколько вслушаться в полифонию звучавших на нем голосов и оценить высокий уровень рефлексии и в то же время сумятицу теорий, понятийный хаос, зачастую присущие науке того периода.

Для того чтобы разобраться в этой полифонии, мы возьмем за основу следующий набор методических приемов. Прежде всего на основании корпуса документов из архивов Москве и Санкт-Петербурге мы реконструируем предысторию и контекст совещания. Это дискуссии в Коммунистической академии и Обществе историков-марксистов, которые предшествовали совещанию 1929 г. Для этого мы постараемся выявить набор тем, характер проводимых дискуссий, а также влияние этих заседаний на формирование дисциплины.

Судя по резолюции совещания 1929 г., опубликованной Я. П. Кошкиным и Н. М. Маториным, в работе совещания приняло участие более 86 делегатов от учреждений Москвы и Ленинграда и 60 гостей, что фактически охватывало этнографическое сообщество двух столиц. Чтобы разобраться в драматургии совещания, мы использовали просопографический метод, предложенный историками науки Сёдерквистом и Сильверстейном [Söderqvist, Silverstein 1994], которые его апробировали на примере научных собраний иммунологов. Связь между биографией оратора, его социальным статусом и теоретическими предпочтениями показывают как многообразие групп внутри совещания, так и социальный смысл в отстаивании своей позиции. К счастью, имеется обширная литература, посвященная биографиям советских этнографов [Решетов 2012; Тумаркин 1999, 2003; Тишков, Тумаркин 2004], опираясь на которую мы дали ссылки на большинство имен, упоминаемых в стенограмме.

Особого внимания заслуживает язык выступавших. Мы сделали несколько диаграмм, которые иллюстрируют частотность употребления

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

некоторых ключевых, с нашей точки зрения, понятий и терминов. (В будущем предполагается провести полноценный анализ на примере нескольких совещаний, тем самым показать динамику языка этнографии во времени[1].)

Комбинация этих методов открывает перспективу анализа формирования на совещании не только профессиональной элиты [Söderqvist, Silverstein 1994: 520], но и стратегий союзничества и войны с «невидимыми коллегами» (по выражению социолога науки Роберта Мёртона) в лице Маркса, Энгельса, Моргана, Шмидта, Штернберга и др. Все эти непростые переплетения мы постараемся показать в настоящей статье.

2. Первые дискуссии, подготовка и контекст совещания

2.1. Первая академическая пятилетка

1928–1932 гг. — эпоха первого пятилетнего плана (пятилетки), когда, по сути, создается сталинская модель науки. Главной целью научной политики Советского государства в этот период было создание условий, при которых наука была бы наиболее эффективно поставлена «на службу социалистического строительства» как в технической сфере, бывшей несомненным приоритетом, так и в гуманитарной, основная роль которой сводилась к содействию культурной революции. С одной стороны, число научно-исследовательских институтов и их финансирование значительно увеличиваются, растет и престиж науки. С другой — политика «кооптирования» поддержки ученых, практикуемая в 1920-е годы, заменяется централизованной системой партийно-государственного управления и контроля. Уже в 1929 г. в Академии наук проводятся первые «чистки», впоследствии затронувшие и этнографов [Krementsov 1997: 31–53]. Принятый в 1930 г. Устав Академии наук СССР в качестве ее основных задач постулировал содействие «выработке единого научного метода на основе материалистического мировоззрения» и направление всей системы научного знания «к удовлетворению нужд социалистической реконструкции страны» [Отчет 1931: II].

«Единый научный метод», прописанный в уставе, имел, конечно, другое имя — марксизм. На протяжении первого десятилетия своего правления большевики создали интеллектуальные центры, которые были призваны развивать марксизм как партийную науку. Главной среди них была основанная в 1918 г. Коммунистическая академия. На протяжении 1920-х годов новая (в Москве) и старая (в Ленинграде) академии соблюдали своего рода негласное «разделение труда»: первая занималась преимущественно социальными, экономическими и философско-идеологическими вопро-

[1] Этому будет посвящена отдельная статья Д. В. Арзютова о языке советских этнографов, основанная на анализе стенограмм довоенных совещаний (1929–1940) (по: [Ahearn 2013]).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

сами, связанными с современностью, вторая все больше специализировалась на точных и естественных науках, а в гуманитарной сфере — на областях, лишенных политической актуальности.

Американский историк М. Дэвид-Фокс назвал начавшуюся в 1929 г. «большевизацию» Академии наук «принудительным слиянием» двух академий, в ходе которого избранные академиками представители интеллектуальной элиты большевиков (Н. И. Бухарин, А. М. Деборин, А. В. Луначарский, М. Н. Покровский и др.) парадоксальным образом сохранили «старую» академию, хотя и в заметно измененном виде [David-Fox 1998]. Тот же историк отметил произошедшую в середине 1920-х смену поколений в Комакадемии, в результате которой в нее пришли полторы сотни молодых людей, принесших с собой агрессивную большевистскую культуру полемики и выступивших к концу десятилетия на фронте научно-идеологической борьбы [Ibid.: 240]. Именно из этой среды вышел “enfant terrible” советской этнографии В. Б. Аптекарь, находившийся в 1929 г. в зените своей скандальной славы и сыгравший на совещании свою главную «роль».

В то же время марксизм, к которому постоянно возвращались участники совещания, не представлял в тот момент некой единой модели знания. Существовали разные варианты марксизма, и, как отмечает Александр Дмитриев, шел диалог между марксизмом как идеологией, как предметом преподавания и как набором идеей для дискуссий [Дмитриев 2007]. В нашем контексте представляется важным упомянуть спор между так называемыми «диалектиками» (группой философов, сформировавшейся вокруг А. М. Деборина, к которой, как видно из стенограммы [Стенограмма: л. 223[1]], относил себя Аптекарь) и «механицистами» (помимо И. И. Скворцова-Степанова, А. К. Тимирязева и др., к ним были близки Н. И. Бухарин и А. А. Богданов), разворачивавшийся во второй половине 1920-х годов. Дискуссия касалась соотношения философии (под которой, естественно, понимался диалектический материализм) и науки. Механицисты утверждали, что наука (под которой они понимали, прежде всего, естественные науки) сама по себе способна дать адекватное описание реальности, а роль философии сводится к обобщению полученных ею выводов. Соответственно, они были склонны к редукционизму, объясняющему все феномены, в том числе социальные и психологические, с точки зрения неких «естественно-научных законов». А. М. Деборин и его ученики выступали против такого редукционизма, утверждая, что каждая «форма движения материи» имеет собственные законы и что только марксистская философия может

[1] Здесь и далее указываются архивные листы стенограммы [АМАЭ РАН. Ф. К-I. Оп. 3. Ед. хр. 7], они также обозначены в тексте стенограммы, опубликованном в настоящей книге (часть II).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

выступать в роли арбитра, диктующего наукам основные законы диалектики. К 1929 г. победу одержали «диалектики-деборинцы», что решило судьбу вопроса о первенстве во взаимоотношениях науки и марксистской философии в пользу второй [Bakhurst 1991: 28–47]. В контексте этнографии данные споры найдут отражение как в роли Аптекаря, так и в обвинениях в «биологизаторстве», звучавших в адрес В. Г. Богораза, который в свою очередь скорее ориентировался на представление об этнографии, подразумевавшее постоянное сотрудничество с естественно-научными дисциплинами. Симптоматично, что председательствовавший на совещании 1929 г. М. Н. Лядов симпатизировал механицистам и, будучи ректором Коммунистического университета им. Свердлова, прославился в 1924 г. призывом исключить философию из университетской программы [Евграфов и др. 1985: 221]. В то же время философ И. К. Луппол, представлявший государство на Первом археолого-этнографическом съезде в 1932 г., был одним из видных «диалектиков».

2.2. Марксизм, яфетическая теория и этнография

Одной из предпосылок дискуссии о марксизме в этнографии были реформы высшей школы, произошедшие вскоре после Октябрьской революции. Историко-филологические факультеты университетов были преобразованы в факультеты общественных наук. Среди новых курсов, вводившихся в университетах, была «История развития общественных форм», ставшая обязательным предметом с 1924 г. Под общественными формами в данном курсе понимались формы экономики, семьи, политической организации и т.п., рассматривавшиеся в развитии в ходе смены формаций или «социологических эпох». Наиболее распространенный учебник тех лет — «Очерк развития общественных форм» П. И. Кушнера-Кнышева — рассматривал четыре из них: первобытную, родовую, феодальную и общество «торгового капитала». Таким образом, этнографический материал включался в данный социологизированный вариант всеобщей истории, главными методологическими предпосылками которого были формационный подход, идея однолинейной эволюции и поиска закономерностей в развитии человеческого общества [Алымов 2006: 61–73]. Курс с одноименным названием (но отличный по содержанию) читал в Московском университете П. Ф. Преображенский, руководивший во второй половине 1920-х годов подготовкой московских этнографов (в 1929 г. этот курс был издан под названием «Основы этнологии» и переиздается сегодня).

Студенты Преображенского интересовались марксизмом. К примеру, октябрем–ноябрем 1925 г. датирован сохранившийся в архиве ИЭА РАН доклад С. А. Токарева «Тотемическое общество. Опыт применения марксистского метода к решению некоторых вопросов этнологии» [АИЭА

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

РАН. Ф. 8[1]]. Это был своеобразный эксперимент автора, связанный с увлечением реконструкцией первобытной истории на основании данных этнографии. Опираясь на работы Ленина, Токарев писал, что «каждое общественное явление (определенная форма религии, семьи и т.п.) не может изучаться само по себе, абстрактно, вне социальной обстановки, в какой оно возникло и существует, а должно изучаться именно в связи с последней, конкретно, учитывая все влияния и взаимодействия, и в особенности — влияния условий "производства материальной жизни", учитывая "все связи и опосредствования"» [Ленин, т. 17: 60] [л. 3]. Этот ученический доклад, конечно, не сыграл особой роли в истории марксизации дисциплины, однако свидетельствовал о влиянии курсов по истории развития общественных форм и марксистских подходов на студентов, позже ставших корифеями советской этнографии (о «раннем» Токареве см.: [Анчабадзе 2010]).

Собственно же историю дискуссии о марксизме и этнографии можно начать с доклада В. Б. Аптекаря «Яфетическая теория Марра и исторический материализм», представленного 1 апреля 1927 г. в Обществе историков-марксистов в Москве. Это общество было создано при Комакадемии в 1925 г. «в целях сплочения марксистских кадров для проведения исследовательской работы в области истории и методологии исторического процесса, для борьбы с буржуазной идеологией и популяризации исторических знаний» [Советская историческая энциклопедия 1967: 411]. Как видно из названия, доклад был посвящен своеобразному «скрещению» яфетической теории и марксизма — задаче, к которой сам Марр шел «интуитивно» и выполнение которой специалист по историческому материализму Аптекарь взял на себя. Он широкими мазками описал деятельность «купцов, миссионеров, ученых и солдат», в результате которой рождались западноевропейская и российская лингвистика и другие науки о неевропейском мире, куда «вначале пришли "бескорыстные" ученые, занимавшиеся всякими теоретическими изысканиями, а потом генерал, сверкая очами, уже вел чугунный или медный ряд пушек» [АРАН. Ф. 377. Оп. 2. Ед. хр. 110. Л. 8]. Колониальная наука породила расизм и индоевропейскую теорию, неразрывно связанные как для Аптекаря, так и для многих других советских ученых того периода. «Раса, — утверждал докладчик, — является элементом, неотъемлемым от индоевропейского мировоззрения» [Там же: л. 63]. Из этого положения следовало его радикальное неприятие этнологии и антропологии как наук колониальных, буржуазных и расистских. «Народ, у народа своя психология, потому что он особая раса. Есть сходство, есть расы с одним цветом волос, и все то, что собрала и разработала антропология, — отсюда имеется расовая установка. Ни о какой настоящей социологии там речи не было — социология была заменена ее суррогатом,

[1] Вплоть до сегодняшнего дня фонд С. А. Токарева в архиве ИЭА РАН не разобран.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

чисто буржуазно-феодальными воззрениями — именно этнологизмом» [Там же: л. 32], — так характеризовал он взгляды самого Н. Я. Марра до «нового учения о языке». Из участников совещания 1929 г. на докладе Аптекаря присутствовал В. К. Никольский, высказавший резкое несогласие со «странным» отношением Аптекаря к этнологии: «Мы теперь от расы совершенно освободились. Ведь раса теперь — понятие физиологической и соматической антропологии <…> уже у Ратцеля мы имеем совершенно определенную замену понятия расы понятием этноса, народности. А народ и раса отнюдь не равны. И посему я совершенно должен отклонить от себя упреки в том, что этнология современная до сих пор продолжает стоять на какой-то базе смешения рас с выделением рас породистых и непородистых, высших и низших. <…> Дело в том, что новейшая этнология носит, несомненно, исторический характер, и в этом отношении она приблизилась и к диалектике, и ко всем тем требованиям с точки зрения марксизма, которые вы предъявляете в области лингвистики. Но, как всякая наука, и этнология растет и развивается, и эта новейшая этнология не враждебна ни социологии, ни марксизму, ни всему успешному развитию всех отраслей, изучающих человеческое общество и культуру. Вот, мне кажется, в этом основная принципиальная ваша ошибка, которая заставила вас внести такую, мне кажется, совершенно неправильную оценку взаимоотношений лингвистики и этнологии» [Там же: л. 78–79].

Переубедить Аптекаря, как показал доклад 1927 г. и все последующие дебаты, было невозможно. В своем заключительном слове он отверг все возражения как лингвистов, так и Никольского и заявил, что если снять «новое название» — народность или этнос, то существо останется старым: некая «неделимая, первичная и одновременно не общественная, а взятая в разрезе естественно-научном» субстанция [Там же: л. 105].

Следующая дискуссия такого рода состоялась в Коммунистической академии 7 мая 1928 г. На этот раз Аптекарь полностью сконцентрировался на критике этнологии, которую он отождествлял с диффузионистскими теориями: «В основе всех течений этнологии, нередко противоречивых и взаимно исключающих друг друга, лежат два понятия — “культура” и “этнос”, которые рассматриваются как некие от- и надприродные сущности, что является прямым результатом игнорирования их историчности и метафизического гипостазирования или биологизирования» [АРАН. Ф. 350. Оп. 2. Ед. хр. 233. Л. 3]. Культура, указывал Аптекарь, «наделяется таинственными имманентными силами развития, которые делают ее независимой по отношению к людям», а этнос-народность либо идентифицируется с расой, либо с некой духовной сущностью, идеалистически определяющей судьбу народов. В результате, «разбивая все человечество и созданную им культуру на целый ряд этносов-культур, этнологи то приписывают им вечные качества непроницаемости и постоянства, что ведет

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

при соприкосновении их к смерти — уничтожению слабейших из них (оправдание империалистической колониальной политики), то наделяют их биологическо-химико-физическими свойствами (диффузии, осмос, скрещения–совокупления, мутации и т.д.), рассматривая процесс общественного развития (подмененный процессом культурного развития) как аналогичный явлениям неорганической и органической природы» [Там же].

Обсуждение доклада было бурным. Аудитория, состоявшая в значительной степени из студентов и молодых преподавателей этнологического факультета 1-го МГУ, была настроена по отношению к докладчику достаточно скептически и обвиняла его как в незнании современных этнологических теорий, так и в отсутствии конструктивных предложений — своего рода ахиллесова пята позиции Аптекаря, создавшая ему славу анархиста и «человека с дубиной». В то же время с критической частью многие были согласны. С. А. Токарев согласился с тем, что этнология, будучи на практике вполне ясно очерченной областью знания, не имеет логически очерченного объекта исследования и метода: «Одно направление пользуется биологическим методом, другое — каким-нибудь физическим, третье — геометрическим и т.д. Действительно, до метода социологического, который может быть дан марксизмом, в сущности, ни одно направление еще не дошло» [Там же: л. 31]. Тем не менее марксистская этнология, по мнению Токарева, вполне имеет право на существование, и ее следует создавать. Таким образом, хотя «предпосылки тов. Аптекаря правильны, практические выводы из них являются неправильными» [Там же: л. 35]. П. И. Кушнер указал на необходимость науки об «отсталых народностях», и не столь важно, будет она называться этнологией, этнографией или социологией [Там же: л. 36–38]. Затем Маркелов, Никольский, Гуковский и студенты МГУ продолжили отстаивать право на существование марксистской этнографии, требовать от Аптекаря конструктивных предложений относительно ее создания и указывать на некорректное изложение им современного состояния этнологической теории. Студенты сравнивали тезисы Аптекаря с пролеткультовскими призывами начала 1920-х годов отказаться от всего буржуазного по принципу «паровозы нам не нужны, потому что они — наследие буржуазного строя» и указывали на отрицательное отношение Ленина к таким призывам [Там же: л. 79–82]. В целом, однако, большинство согласилось с тем, что этнография как наука должна быть описательной и подчинена социологии. Наконец, Никольский привел авторитет Моргана и Энгельса в защиту этнологии, и заключительное выступление Аптекаря вылилось в схоластический спор о том, был Морган этнологом или социологом. В качестве «положительной программы» он лишь указал на то, что теория исторического материализма, «базиса и надстройки» уже давно существует, а «конкретно-социологическое» описание какого-нибудь народа «ничего общего не будет иметь с его этнографическим описанием»

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

[Там же: л. 102]. Таким образом, можно заключить, что обсуждение 1928 г. в значительной степени было аналогично публикуемым ниже откликам на доклад Аптекаря на совещании 1929 г.

Последним известным нам выступлением Аптекаря накануне совещания был его доклад «Марксизм и этногеография» на состоявшейся в Комакадемии 28 декабря 1928 г. — 4 января 1929 г. Первой всесоюзной конференции историков-марксистов. Именно на этой конференции лидер марксистских историков и заместитель наркома просвещения М. Н. Покровский поддержал «группу молодых этнологов-марксистов» и призвал «более зрелых» марксистов-историков помочь первым «вывести их специальность на прямую дорогу исторического материализма» [Покровский 1930: XIV]. Главным объектом критики Аптекаря стала книга В. Г. Богораза «Распространение культуры на Земле» [1928], в которой тот выступил в качестве теоретика «этногеографии». Эта работа, упоминавшаяся и в предыдущей дискуссии, была как будто специально создана для подтверждения всех претензий Аптекаря к этнологии. Богораз постулировал свою науку о культуре как «смычку» общественных и естественных наук. Его методологию Аптекарь возводил к таким авторам, как Риттер, Бастиан, Фробениус и Шпенглер, а попытки Богораза использовать «диалектическую» фразеологию подвергал грубому осмеянию, равно как его рассуждения о «социальной геометрии» культурных кругов, линий, эллипсов и т.п. и многочисленные биологические аналогии. «Таким образом, материалистической диалектике общественного развития этногеография противопоставляет свое биомеханическое, эволюционно-мутационное понимание — эклектическую смесь идеалистических и вульгарно-материалистических воззрений» [Труды Первой… 1930: 328–329].

Главным оппонентом докладчика выступил С. Толстов. Он высказался против отождествления Аптекарем этнологии с отдельными теориями и противопоставления ее истории. Этнология, по Толстову, — «одна из исторических дисциплин, объединяемых методологией исторического материализма» [Там же: 331]. Марксистская этнология, изучающая «культурные комплексы» и их распространение, вполне возможна при правильном понимании соотношения культуры и общества. Если «переставить книгу проф. Богораза с головы на ноги», из нее можно извлечь много полезного, равно как из всей этнологической литературы, которую так ценили Энгельс и Плеханов [Там же: 332–333]. Заключительно слово, однако, осталось за Аптекарем, воспользовавшимся авторитетом того же Энгельса, хвалившего Моргана за «социологический подход», и Маркса, сказавшего «мы знаем только одну науку — историю». Возможно, именно в этом заключительном слове впервые прозвучала характеристика этнологии как «суррогата буржуазного обществоведения», которую в дальнейшем он только повторял [Там же: 340].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Подводя итоги предшествовавшим дискуссиям и связывая их с ситуацией, сложившейся на самом совещании 1929 г., можно сделать некоторые предварительные выводы. Во-первых, все вышеописанные дебаты шли в Москве главным образом в Комакадемии и на этнологическом факультете МГУ. Таким образом, совещание стало первым крупным событием, на котором ленинградцы столкнулись со спорами, имевшими место в столице. С одной стороны, ленинградцы, вслед за сторонниками марксистской этнографии из Москвы, возмущались попытками «упразднить» этнологию/этнографию и обвиняли Аптекаря в схоластике, непрофессионализме и т.д. С другой — после докладов П. Ф. Преображенского и В. Б. Аптекаря на совещании были продолжены «московские» споры о соотношении истории, социологии и этнологии, культуры и общества и т.д., в связи с чем ленинградцы формулировали свои представления об этих категориях и путях «применения» исторического материализма в этнографии (см. подробнее об этом в разделе «Люди и идеи»). Как видно из стенограммы, на совещании проявилась лидирующая роль Н. М. Маторина, лучше других понявшего, что не следует отдавать такой бесценный ресурс, как марксизм, Аптекарю, и укрепившего свое выступление надежным «частоколом» цитат из Маркса, Энгельса и Ленина, доказывавших, насколько классики интересовались этнологическими материалами и ценили первого «стихийного» исторического материалиста Моргана.

2.3. Подготовка совещания

О подготовке совещания мы знаем довольно мало. Судя по репликам краеведов из регионов на самом совещании, можно сделать вывод, что готовилось оно весьма спешно. Об этом свидетельствует и протокол заседания Совета МАЭ от 2 апреля 1929 г., то есть фактически за три дня до начала совещания: «Присутствовали: Директор музея Е. Ф. Карский, Д. К. Зеленин, Э. К. Пекарский, С. М. Дудин, Б. Н. Вишневский, В. Г. Богораз, И. И. Зарубин, В. М. Лемешевский, А. М. Мерварт, И. И. Майнов, Г. О. Монзелер, А. Б. Пиотровский, Е. Г. Кагаров, А. В. Шмидт, С. А. Штернберг. Заслушаны: предложение Организационного бюро по созыву совещания этнографов Ленинграда и Москвы избрать представителей на совещание в количестве 4-х человек на паритетных началах от старших и младших работников (совещание состоится от 5 до 10 апреля). Постан[овили]: от старших научных сотрудников просить принять участие в совещании в качестве представителей МАЭ — Д. К. Зеленина и А. М. Мерварта. Младшим научным сотрудникам предложить произвести выборы из своего состава» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1929). Ед. хр. 10. Л. 53].

Судя по всему, совещание для всех участников было в значительной мере «промежуточным». Есть основания об этом говорить еще и потому, что уже 6 апреля 1929 г., на следующий день после начала работы совеща-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

ния, будет высказана идея о необходимости организации этнографического съезда, а в конце совещания его участники будут всерьез обсуждать вопросы о его проведении (см. ниже раздел «После совещания»). Мы не можем быть до конца уверены, что совещание проходило при том количестве человек, которое упоминают Кошкин и Маторин в своей резолюции. Скорее всего, это был своеобразный поток, о чем свидетельствуют и замечания некоторых докладчиков.

Эпоха отчетливо проявляется в технической и бюрократической истории совещания 1929 г. В ходе чтения стенограммы читатель увидит, как его участники интенсивно обменивались телеграммами. Эти телеграммы присылались и отправлялись не только в адрес учреждений, но и от лица таких же заседаний, которые проходили в Москве и Ленинграде. Как пример можно привести II Всесоюзную конференцию марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений, которая проходила с 8 по 13 апреля 1929 г. в Москве, в Коммунистической академии. Эта конференция стала одним из основных событий в борьбе между «деборинцами» и механистами (механицистами). Итогом этой конференции стала победа «деборинцев», за которой последовала книга «Современные проблемы философии марксизма», ставшая концептуализацией идей группы последователей А. М. Деборина. Телеграммы, слухи, возможно, телефонные звонки создавали одновременность присутствия в производстве академического знания, еще должным образом не разграниченного дисциплинарными барьерами.

Технически каждый день совещания был разделен на утреннее и вечернее заседания. В некоторые дни проводились только утренние заседания. Утренние заседания обычно начинались в 11.30 и длились до 16.30, вечерние порой длились до 22.00–23.00.

3. Люди и идеи

Набор тем, которые были представлены на совещании, огромен: объект этнографии, характер и методы полевого исследования, этнографическое образование, этнографический музей и многое другое. Чтобы показать смысл и характер всех дискуссий, нам понадобилось бы написать серию статей. Мы остановимся только на нескольких темах исходя из двух соображений: влияние на последующее развитие дисциплины и характер самих дискуссий (острота, точность формулировок и т.д.). Таковыми оказались дискуссии о предмете этнографии, которая вылилась в обсуждение соотношения этноса, культуры и формации, и дискуссия о «поле», занявшая едва ли не треть всего времени и дающая представление о том, как этнографы того времени стремились увидеть фундамент этнографии и как поразному они представляли само «поле»: от небольших экскурсий до длительных, порой многолетних, экспедиций.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Прежде чем перейти к рассмотрению этих тем, постараемся охарактеризовать язык, возраст и социальное положение участников совещания. Начнем с двух последних пунктов.

Лидерам (как в интеллектуальном, так и в административном смысле) этнографии того времени было предоставлено право прочитать свои доклады. Это были П. Ф. Преображенский (35 лет), Н. М. Маторин (31 год), В. Г. Богораз (64 года), В. Б. Аптекарь (30 лет), С. Ф. Ольденбург (66 лет; на конференции отсутствовал), Б. М. Соколов (40 лет), Б. Г. Крыжановский (43 года), Б. А. Куфтин (37 лет), С. П. Толстов (22 года; на момент проведения совещания являлся студентом МГУ!), а также руководитель Главнауки М. Н. Лядов (57 лет).

В скобках мы указали возраст каждого участника. Нетрудно посчитать, что средний возраст докладчиков (мы исключили из подсчетов С. Ф. Ольденбурга, доклад которого прочитал Б. М. Соколов) был 39,8 лет. Люди, сидевшие в зале, были ровесниками и даже младше таких докладчиков, как Б. М. Соколов и П. Ф. Преображенский. Иными словами, докладчики не были противопоставлены по возрасту вопрошающему залу, а доклады

Рис. 3. Участники совещания этнографов Москвы и Ленинграда, 1929 г.
[Личный архив А. Г. Данилина].
Сидят слева направо: третья — Л. Э. Каруновская, пятый — С. Ф. Ольденбург <…>.
Стоят слева направо: I ряд (4 человека); II ряд (17 человек):
восьмая — С. А. Раттнер-Штернберг

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Рис. 4. Частотность выступления участников совещания

Богораза и Ольденбурга как самых пожилых были восприняты без агрессии, их мнение обсуждалось на равных, несмотря на удивительную для такого «установочного» совещания активность людей 20–30-летнего возраста.

Если обратиться к стенограмме, то мы можем представить своеобразную схему активности зала, не считая председателя (его/их имя/имена нам, увы, не удалось восстановить), вынужденного довольно часто делать ремарки, уточнения и прочие административные замечания, а также «голосов из зала» и нескольких ораторов, оставшихся неизвестными (в тексте стенограммы они помечены как «неизвестный оратор»). Всего (вместе с докладами, ремарками, вопросами и комментариями) было произнесено 204 речи.

3.1. «Теоретический хаос»

«Что касается Куфтина, то здесь каждый мог бы констатировать наличие совершенного первобытного теоретического хаоса мировоззрения. На это не стоило тратить времени»; «…я вынужден, с места в карьер, отмежеваться от методологической путаницы, которую мы видели в докладе Б. А. Куфтина и которая произвела, вероятно, на все совещание угнетающее впечатление», — таковы были отзывы на доклад московского профессора, высказанные на совещании 1929 г. Аптекарем и Маториным. Путаницей для них казалось совмещение марксистской формации и таких понятий, как этнос, культура и раса.

«Теоретический хаос» и «методологическая путаница» не только были свойственны докладу Куфтина, но являлись характеристикой самого лиминального состояния советской науки рубежа 1920–1930-х годов, в котором базовые теоретические понятия (культура, общество, формация, этнос и др.) должны были быть осмыслены, сформулированы или переформулированы заново. Пионером этого процесса был, конечно, Н. Я. Марр,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

теоретик, на которого пытались опереться все участники дискуссии. Сложность состояла в том, что с точки зрения терминологии эта опора оказывалась более чем шаткой, а темнота и неконвенциональный стиль многих писаний Марра, подчеркивавшего, что его «яфетический конь» находится в постоянном движении, а теория меняется буквально ежегодно, сами были порождением «теоретического хаоса» эпохи. К примеру, в докладе «К вопросу об историческом процессе в освещении яфетической теории», сделанном им на Первой конференции историков-марксистов (1929), он поставил под сомнение почти все базовые категории социальных наук. Культура, утверждал он, — понятие «надстроечное», расплывчатое и отвлеченное, «к ней, как к стремившейся к самодовлеющему бытию, не без основания наросло недоверие» [Марр 1934: 152]. Предложив экспромтом переименовать КИПС (Комиссию по изучению племенного состава) в КИСС (Комиссию по изучению социального состава), в заключительном слове он признал наличие «путаницы в терминологии», так как не нашел нужных терминов: «Это замечание, касающееся путаницы в терминологии. Но виноват ли я в этом — не знаю, потому что я еще нужных терминов не нахожу. Нельзя все время в кавычках ставить в новом смысле используемый термин. Мне нужна определенная социальная группировка, которая не будет ни племенем, ни случайной группой. Когда это производственно-социальная группа, как мне ее назвать? Я с удовольствием приму термин, если мне его укажут. Я понимаю, что нельзя ее назвать классом в обычном теперь смысле, но назвать этнической группой я не могу. Поэтому и происходит путаница. Эти вопросы могут быть решены только марксистами» [Там же: 157, 175][1].

Проблема определений была основной для большинства дискуссий. В марровской этнографии сохранялась двойственность «этноса» и самого феномена этнического/национального. С одной стороны, он, безусловно, отвергает «мистический» и внеисторический «этнос» и, по словам Ф. Бертрана, «систематически противостоит любой идее культурной специфики, которую он связывает с известным отныне благодаря яфетидологии процессом стадиального развития», с другой — автохтонность и этногенез являются ключевыми понятиями позднего «марризма», оказавшими огромное влияние на все последующее развитие советской гуманитаристики ([Бертран 2007: 174; Slezkine 1996]; о влиянии Марра на этнографическое изучение религии и «первобытного мышления» см.: [Алымов 2008]). Мы подробнее остановимся на этом вопросе в процессе анализа концепции этноса.

[1] Ср. со словами Бунака: «Но мы должны сказать, что нам нужна догма, чтобы кто-то принес готовую догму, в нашей этнологической среде должен встать вопрос о применении этой методологии к нашему материалу, ибо наша методология должна исходить из нашей среды и нам нужна готовая догма» [Стенограмма: л. 202].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Что касается этнографии, то здесь мы также вынуждены говорить о странной двойственности.

С одной стороны, в его текстах этого периода несложно найти крайне нелестные отзывы об этнографии и этнографах. С конца 1920-х годов Марр ставил под сомнение правомерность существования этнографии и археологии как научных дисциплин, а в 1931 г. опубликовал резкую статью по поводу археологов и этнографов, объявив их непримиримыми врагами яфетидологии и пережитками, обреченными исчезнуть, но «оппортунистически сходящимися сегодня в одном беспринципном сообществе» [Марр 1931: 8–9, 23–24]. Эти формулировки, несомненно, предопределили решения Археолого-этнографического совещания 1932 г. Проектом Марра была «история материальной культуры», построенная на принципах стадиальности и синтезирующая археологические, исторические, лингвистические, фольклорные и этнографические материалы на основе разрабатывавшейся им методологии.

«Тень» Марра, безусловно, стояла за всеми рассмотренными выше дискуссиями, однако его проект был лишь одним из вариантов «историзации» этнографии наряду с предложенными Богоразом, Куфтиным и Преображенским. Временная победа «истории материальной культуры», не приведшая в долгосрочном плане к конституированию данной дисциплины (оставшись, впрочем, в названии одного из институтов системы РАН в Санкт-Петербурге), но оказавшая несомненное влияние на методологию этнографии и археологии, была обусловлена его однозначным принятием политической линии на «большевизацию» Академии и огромным идеологическим, интеллектуальным и административным влиянием.

С другой стороны, академик с 1912 г., Марр был плоть от плоти петербургского научного мира и даже в 1930-е годы, будучи восьмидесятилетним стариком, осуществлял огромную повседневную работу по созданию и руководству множеством научных организаций[1]. Ключевая фигура в трансформации Академии на рубеже десятилетий, он, конечно, не был ответствен за трагические стороны этого процесса, что, впрочем, нельзя исключать относительно некоторых его «оруженосцев» [Голубева 2002: 67–70].

Метафоры, спорность построений и т.д. не были столь большой проблемой для марровских последователей. Как вспоминала О. М. Фрейденберг, Марр покорял своих последователей полетом мысли, демократичностью и страстью к жизни и науке. В то же время у него было страстное, возможно, тщеславное и не слишком разборчивое к людям желание иметь как можно больше учеников [Фрейденберг 1988]. Эти ученики принадлежали

[1] В 1929 г. он декан восточного факультета, академик и вице-президент АН СССР, директор Государственной академии материальной культуры, директор Яфетического института АН СССР, директор Публичной библиотеки.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

к самым разным, зачастую противоположным, типам научных работников. Примером такой противоположности могут служить В. Б. Аптекарь и О. М. Фрейденберг. Первый был яркий полемист и пропагандист, оставивший след в науке исключительно в качестве критика. Вторая — представитель петербургской интеллигенции и выдающийся литературовед-классик. В апреле 1929 г. по рекомендации Марра она приехала в Комакадемию, чтобы прочитать доклад и представить к печати свою работу «Семантика сюжета и жанра (Прокрида)». «Принимающей стороной» был Аптекарь, благодаря чему мы имеем живописный, хотя и нелицеприятный словесный портрет этого человека из дневника Фрейденберг: «В Москве я познакомилась с Аптекарем. Это был разухабистый, развязный и дородный парень в кожаном пальто, какое носили одни “ответственные работники”. Ходил он раскачиваясь, словно не желая признавать препятствий. Весело и самоуверенно он признавался в отсутствии образования. Такие вот парни, как Аптекарь, неучи, приходили из деревень и местечек, нахватывались партийных лозунгов, марксистских схем, газетных фразеологий и чувствовали себя вождями и диктаторами. Они со спокойной совестью поучали ученых и были искренне убеждены, что для правильной систематизации знаний (“методологии”) не нужны сами знания» [Переписка… 1990: 121].

Валериан Аптекарь действительно был ярким представителем поколения «выдвиженцев». Выходец из местечка в Полтавской губернии, еще гимназистом он вступил в РКП(б) и принимал активное участие в Гражданской войне на Украине. Будучи отправлен на учебу в Москву, он проучился один курс на историко-филологическом и один курс на факультете внешних сношений МГУ и уже с 1922 г. стал преподавать истмат и другие идеологические курсы в разных учебных заведениях, включая МГУ. В 1926 г. он лично познакомился с Н. Я. Марром и начал «серьезно работать по яфетической теорией под непосредственным руководством Н. Я. в качестве его ассистента» [Алымов 2006: 86]. Его деятельность в области критики этнологии совмещалась с пропагандой марризма и травлей его противников (в первую очередь Поливанова) на «лингвистическом фронте». Впрочем, «самоуверенность», отмеченная Фрейденберг, привела его не только к успеху в этой области, но и к двум выговорам «по партийной линии» за аморальное поведение и исключению из партии в 1932 г. «за сокрытие переговоров с руководителем антисоветской мясниковской группы — Н. Морозовым, предлагавшим ознакомиться с воззрениями этой группы и принять участие в ее работе» [Васильков, Сорокина 2003]. Этим, по всей видимости, объясняется отсутствие Аптекаря на Археолого-этнографическом совещании. С этого времени и до расстрела в 1937 г. он в основном занимался подготовкой и изданием пятитомника избранных работ своего учителя. Несмотря на то что радикальные взгляды Аптекаря отвергались подавляющим большинством этнографов, многие, как было пока-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

зано выше, видели в его критике ключевых понятий этнографии справедливое зерно. В этой критике, на наш взгляд, и состоит его роль в истории науки. Его полемические выступления, равно как и его многочисленные вопросы «Что такое культура?», «Что такое этнос?» и т.п. (список вопросов, заданных им на совещании 1929 г. П. Ф. Преображенскому, характерен для участия Аптекаря и в других диспутах), «развязывали языки» и провоцировали этнографов формулировать свои теоретические взгляды.

Следует указать на еще один аспект, позволяющий лучше понять генезис основного тезиса Аптекаря о несовместимости «этнологизма» и марксистской социологии. Попав в начале 1920-х годов в МГУ, он видел, что все гуманитарные науки были сосредоточены на факультете общественных наук (ФОН). В 1922 г. в рамках этого факультета было создано этнолингвистическое отделение с кафедрой этнологии и социологии (с 1923 г. кафедры этнологии). Постепенно, как пишут Г. Е. Марков и Т. Д. Соловей, «этнология стала претендовать на некий широчайший междисциплинарный подход к исследованию истории человеческой культуры, объединявший целый ряд гуманитарных дисциплин, включая гражданскую историю». В 1925 г. в МГУ был создан этнологический факультет, состоявший из четырех отделений: этнографического, литературного, изобразительных искусств и историко-архивного [Марков, Соловей 1990: 80]. Эта институциональная экспансия этнологии послужила, на наш взгляд, предпосылкой представления Аптекаря о том, что данная наука претендует на то, чтобы «подменить» собой историю и исторический материализм. Но для ленинградцев «выпады» Аптекаря были вдвойне удивительными, так как здесь все же этнография вовсе не колонизировала гуманитарные дисциплины, а была только частью широкой образовательной системы.

В 1932 г. Аптекарь с присущим ему цинизмом рассказывал: «Недавно я встретился с Преображенским, и он мне сказал, что принял предложение читать курс по этнографии только потому, что “если бы я не взялся, то другой взялся бы, который еще больше чепухи наговорил бы”. Очень возможно, что так и было бы, но это не обоснование иметь кафедру» [АРАН. Ф. 359. Оп. 2. Ед. хр. 88. Л. 8 об.]. Профессор этнологического факультета МГУ П. Ф. Преображенский, наиболее видный теоретик «историзации» этнологии, действительно был одним из главных объектов нападок, последовавших после совещания 1929 г. Этому, конечно, способствовал тот факт, что он был единственный, кто выразил несогласие с резолюцией совещания, поскольку, по его мнению, в ней была дана «расплывчатая и неточная оценка этнологических учений». Негативному восприятию его выступления на совещании, возможно, способствовал и тот факт, что он был сравнительным новичком в этнографии и «кабинетным» теоретиком. Вместе с тем Преображенский, пожалуй, первым высказал идею созыва «этнографического съезда» и, по-видимому, предпринимал для этого опре-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

деленные усилия. Еще в декабре 1927 г., на Втором совещании этнологов Центрально-промышленной области, он предлагал организовать в Москве при Главнауке единое «центральное этнографическое бюро» наподобие Смитсоновского института в США и созвать этнографический съезд «для выяснения всех организационных вопросов, сплочения всех деятелей в области этнографии и смежных дисциплин и установления перспективного плана работ» [Преображенский 1929а: 18–21].

Преображенский, конечно, не слишком подходил на роль «буржуазного профессора». Выходец из семьи священнослужителя и ученик выдающегося историка Р. Ю. Виппера, он стал профессором МГУ в 1921 г. в возрасте 27 лет — факт, ставший возможным исключительно благодаря революционным изменениям в высшей школе [Александров 2008]. Историк античности по специальности, Преображенский был очень активным лектором и популяризатором науки, читавшим курсы и публиковавшим работы по всем историческим периодам. Слушавший его в те годы в Институте красной профессуры историк А. И. Гуковский оставил о нем следующие воспоминания: «Судили о нем противоречиво. Одни восторгались его блестящими лекциями, другие считали циником, в словах улавливали ехидный подтекст. Я редко посещал его лекции, но думаю, что правы были и те и другие. В его личной жизни было много от “Москвы кабацкой”, а икапистов (студентов Института красной профессуры. — *С. А., Д. А.*) тех лет, романтиков и энтузиастов, пуритан в быту, мутило от нэповского духа. Несколько позже П. Ф. Преображенский нашумел книгой о Тертуллиане — яркой, но не имеющей ничего общего с марксизмом. Это был незаурядный человек, он лет на десять опоздал родиться и на прежнем небосклоне мог бы блистать звездою первой величины» [Гуковский 1965: 86].

Эрудиция и блестящее владение современной литературой и теориями были сильными сторонами его «Курса этнологии» [Преображенский 1929б]. В нем были изложены его взгляды на соотношение эволюционизма и «культурно-исторической школы» (диффузионизм), а также задач этнологии. Преображенский резко критиковал эволюционистов, особенно Моргана (и Энгельса), назвав его работу «образчиком эволюционной схемы, в настоящее время совершенно оставленной наукой» [Там же: 14]. Его симпатии принадлежали таким ученым, как Ф. Гребнер и Ф. Ратцель, «историзировавших» этнологию и поставивших в центр своих исследований вопросы распространения и заимствования культуры. Тем не менее он указывал на отсутствие внутренних связей в конструировавшихся ими культурных кругах и считал, что главным, что может объяснить их интеграцию, является «с точки зрения материалистического понимания истории <…> состояние производительных сил в данном культурном единстве». Другой важнейшей проблемой современной этнологической теории он считал вопрос аккультурации, то есть взаимного влияния культур друг на

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

друга [Там же: 27–29]. В двухстраничном послесловии, отвечая на критику своего курса, он указывал на понятие «технически-хозяйственной площади или ареала» как на необходимое для рассмотрения «ранних социально-экономических формаций в их различных вариантах, сейчас формулированных наукой еще сбивчиво и неточно», и предполагал, что «только из синтеза классической эволюционной школы (Морган, Тэйлор) с достижениями культурно-исторической может возникнуть построение, базирующееся на методе истории как науки — историческом материализме» [Там же: 213–214]. За такими терминами, как «культурный круг» Преображенского или «этническая формация» Кагарова и Куфтина, в целом близких первому по взглядам, а также раннего Толстова, еще не «отмарксизировавшегося» от своих учителей, безусловно, «скрывались» этнос/этническая группа и попытки найти этому понятию (и феномену) «место» в истории. В 1930 г. Преображенский опубликовал две статьи в журнале «Этнография»: «Реализм примитивных религиозных верований» [1930а] и «Разложение родового строя и феодальный процесс у туркменов-иомудов» [1930б]. По крайней мере, последняя отражала движение ученого в направлении марксистской проблематики.

Судьба представителей московской культурно-исторической школы сложилась драматически. Куфтин в 1930 г. был арестован, однако «отделался» несколькими годами ссылки в Вологде. К этнографии он не вернулся, но в 1933 г. переехал в Грузию и достиг больших успехов в кавказской археологии. Став первооткрывателем культуры Триалети, он получил за эту работу Сталинскую премию. Свой главный труд по кавказской археологии он посвятил Н. Я. Марру, «которому автор лично обязан кардинальными поворотами (1918 и 1933 гг.) к Кавказу и Грузии его исследовательского пути» [Куфтин 1949; Алымов, Решетов 2003]. После расформирования этнологического факультета Преображенский вернулся к историческим штудиям, охватывавшим сюжеты от античных поэтов до влияния Русско-японской войны на образование Антанты. В 1937 г. он был репрессирован, в 1941 г. — расстрелян [Иванова 1999].

Не менее важной фигурой на этом совещании был Владимир Германович Богораз, на котором, по сути, держалась ленинградская этнография. В целом, он, как и Преображенский, был мало похож на «буржуазного профессора», хотя и имел в своем облике много из того, что сочли бы буржуазным: у него были помощник и ассистент (Н. Г. Шпринцин, Л. П. Потапов), которые носили его книги, помогали с разными поручения и т.п., а он платил некоторую сумму денег за их работу [Потапов 1993: 108]. В его биографии, как и у его друга и коллеги Льва Яковлевича Штернберга, была страница, которая имплицитно связывала их с «текущим моментом» в социальных науках — в своей юности они были народовольцами, пострадавшими от «царского режима», и провели несколько лет в ссылке на Чукотке (Богораз)

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Рис. 5. Участники совещания этнографов Москвы и Ленинграда.
1929 г. Ленинград, Мраморный дворец [АМАЭ РАН. Ф. К-IV. Ед. хр. 29].
Сидят слева направо: 1) В. Г. Богораз, 2) Г.А. Старцев, <…>
6) В. Ершов, <…> 8) А. Мельников, 9) Г. С. Маслова, 10) Н. И. Гаген-Торн.
Стоят слева направо: 1) Я. П. Кошкин, 2) Н. М. Маторин, <…>
9) Н. П. Гринькова, 10) Э. Б. Петри, 11) С. Ф. Ольденбург,
12) А. Н. Самойлович, 13) М. К. Азадовский, 14) А. Г. Данилин,
15) Б. М. Соколов, 16) Ю. М. Соколов, 17) Н. Яковлев, 18) Г. Н. Прокофьев

и Сахалине (Штернберг). Кроме того, оба они были евреями и только благодаря В. В. Радлову смогли получить работу в Петербурге, преодолев черту оседлости. Для участников совещания народовольческое прошлое Л. Я. Штернберга в его биографии совмещалось со следующим фактом: изучение им систем родства гиляков (нивхов) было отмечено Энгельсом, с которым он даже состоял в переписке [Kan 2009: 52, 422]. Таким образом, несмотря на критику, эти обстоятельства словно отгораживали и Богораза, и Штернберга (к тому времени уже покойного) от настоящей травли.

Богораз на совещании был пропагандистом не столько марксизма, в котором он чувствовал себя довольно неуверенно, сколько долговременных экспедиций. Марксистский опыт Богораза вряд ли можно назвать удачным. Всю свою научную жизнь изучая чукчей, а именно — социальную организацию и религию (в первую очередь шаманство), он был скорее сторонником эволюционистских взглядов [Михайлова 2004; Kan 2008], как и его коллега Штернберг, но в отличие от Штернберга Богораз не был столь последователен в своей позиции. Для него этнография была лишь одной из сторон деятельности. Он сам о себе говорил как о двуликом Янусе, ко-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

торый занимается этнографией как наукой и беллетристикой как призванием. Литературный и полемический дар Богораза делал его тексты, возможно, менее академичными и более художественными, особенно когда это касалось построения концепций. Курс лекций, вылившийся в книгу «Распространение культуры на Земле» (1928), — характерный пример богоразовского стиля теоретизирования, в котором огромная эрудиция и глубокое знание «первобытных» культур совмещались с эклектичностью методологии и мифопоэтическим мышлением аналогиями, позволявшим ему сближать явления из самых разных географических областей, эпох и наук. Историк С. И. Ковалев, написавший критическое предисловие к этой работе, указывал на эти свойства, бывшие в то же время в центре полемики между механицистами и «диалектиками». В их числе — «гипостазирование» культуры как самостоятельной силы и всевозможные биологические и механические аналогии, позволявшие ему говорить о культуре и исторических процессах в терминах «излучений», притяжения, отталкивания, роста, «мутаций» и половой принадлежности; преувеличение роли «географического фактора» в ущерб социальному и политическому анализу; отсутствие представлений об обществе и присущих ему «законах» и т.д. [Ковалев 1928]. Эти особенности становились явными слабостями, когда речь заходила о более современных исторических периодах, поскольку книга Богораза представляла собой попытку освещения с этногеографических позиций всей мировой истории.

Однако пресловутое «биологизаторство» Богораза и его представление о том, что этнография находится «на стыке» наук об обществе и природе, имели и гораздо менее экстравагантные обоснования, связанные с вынесенным им из полевого опыта представлением о важности взаимодействия человека и окружающей среды в условиях «примитивного» хозяйства. По всей видимости, марксизм он также интерпретировал вначале как преимущественное внимание к способам жизнеобеспечения, материальной культуре и взаимодействию человека с географической средой. На совещании эту идею наиболее отчетливо высказал Е. А. Крейнович, изложивший программу изучения годового хозяйственного цикла как «базиса», из которого этнограф исходит при понимании всей культуры. Такого рода движение от хозяйственного базиса к «идеологическим» надстройкам было им продемонстрировано, к примеру, в статье «Собаководство гиляков и его отражение в религиозной идеологии» [Крейнович 1930].

В книге Богораза можно увидеть и наследие боасовской антропологии, но только на месте миграций, в том числе и через Берингов пролив, представал синтез движений языков, вещей и народов. В этом смысле Богораз был близок уже к Марру. И наконец, нельзя не сказать, что в значительной степени его последние книги были плодом теоретизирования, рожденного как соединение его преподавательской и экспозиционной деятельности.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Рис. 6. Участники совещания этнографов Москвы и Ленинграда 1929 г.
У входа в Государственную академию истории материальной культуры
[АМАЭ РАН. Ф. К-IV. Ед. хр. 29].
Слева направо: 1) А. Г. Данилин, <…> 3) М. К. Азадовский, 4) И. И. Козьминский,
5) С. П. Толстов, <…> 7) С. А. Токарев, 8) Ю.М. Соколов, 9) В. Г. Богораз,
10) А. Н. Акулянц, 11) Б. Г. Крыжановский, 12) Л. Б. Панек, 13) Л. Э. Каруновская, <…>
16) Н. Г. Шпринцин, <…> 18) Я. П. Кошкин, 19) Н.А. Никитина <…>

К 1929 г. Богораз находился почти на пике своей карьеры: он профессор в ЛГУ, работает в МАЭ в качестве заведующего отделом, руководит Ленинградским филиалом Комитета Севера. Помимо этого, у него огромное количество общественной работы. В действительности он являлся координатором в области этнографии Севера и шире — полевой этнографии в Ленинграде.

Вместе с В. Г. Богоразом в МАЭ работал и Николай Михайлович Маторин, после совещания 1929 г. ставший первым партийным директором МАЭ в 1930 г. [Решетов 2003а]. Маторин не имел полного высшего образования и первые годы занимался пропагандой, а позже, в 1924 г., был приглашен Л. Я. Штернбергом для чтения спецкурса «Методика изучения деревни». Это была часть большой программы, которая вылилась в серию публикаций о новой советской деревенской жизни (комсомоле, быте и др.). Тема деревни и ее «смычки» с городом была предметом теоретической и практической деятельности Маторина. Второй темой стала религия, а именно — проблема религиозного синкретизма, которую он освещает в книге «Религия у народов Волжско-Камского края прежде и теперь. Язы-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Рис. 7. Участники совещания этнографов Москвы и Ленинграда.
1929 г. Ленинград, Мраморный дворец [АМАЭ РАН. Ф. К-IV. Ед. хр. 29].
Слева направо: 1) А. Ф. Анисимов, 2) К. Раднер (*стоит*), <…>
6) Ю. П. Аверкиева, <…> 8) Э. В. Зиберт, 9) Д. Коженикова, 10) В. Ершов,
11) Н. М. Маторин, 12) Н. П. Дыренкова

чество–ислам–православие–сектантство» (1929). Эта книга была написана им в краткий волжский период. Осенью 1928 г. он вместе с семьей вернулся в Ленинград для чтения лекций в ЛГУ, главным образом на антирелигиозные темы. Напомним, что именно в этот период начинается антирелигиозная кампания. На этой волне Маторин сначала заведовал антирелигиозным отделением этнографического факультета, а в с 1929 г. возглавил кафедру истории религии. Совещание 1929 г. было для него важным событием, став своего рода пропуском в мир публичной академической жизни. В самом начале 1930 г. Маторин стал сотрудником КИПС, где он был заместителем председателя и заведующим европейским отделом, в октябре 1930 г. — директором МАЭ.

Несмотря на политическую активность, он создает, поддерживает и развивает международные связи МАЭ. В стенах музея будет организовано несколько крупных международных проектов — покупка архива и издание трудов Моргана, обмен коллекций с европейскими и американскими музеями [Купина 2004; Kan, Arzyutov (forthcoming)]. В это же время в МАЭ начали работать американский антрополог Ф. Бартон, проводивший от МАЭ полевые исследования на Филиппинах [Станюкович 1979], индийский революционер и этнограф В. А. Чатопадайя, этнограф голландского про-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

исхождения В. Г. Трисман. Ю. П. Аверкиева отправилась в экспедицию к индейцам квакиутль вместе с «папой Францем» [Аверкиева–Боас, переписка 2006], что стало результатом договоренностей между В. Г. Богоразом и Ф. Боасом [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1928). Ед. хр. 7], несмотря на начавшиеся между ними разногласия [Кан 2007]. Такого в стенах МАЭ больше никогда не будет. Конечно, судьба каждого из перечисленных ученых оказалась трагичной, но это произойдет позже, в конце 1930-х годов. Только Бартону чудом удалось сначала уехать на Филиппины, а потом вернуться домой в США. Из числа грандиозных проектов Николая Михайловича Маторина можно назвать, увы, несостоявшийся проект экспедиции на Новую Гвинею, которая должна была стать воплощением мечты о «реальной первобытности» [Алымов 2013]. Впрочем, экспедиция Бартона 1937 г. на Филиппины к ифугао отчасти воплотила эту мечту.

В начале статьи мы говорили, что на совещании произносились имена антропологов из Европы и США, многие из которых являлись современниками докладчиков. Несмотря на марксистский лейтмотив, в речах участников совещания слышны отголоски обсуждений тех или иных идей «западной» антропологии. Как писал социолог науки Роберт Мёртон [Merton 1988], порой в цитатах или упоминаниях имен мы можем разглядеть так называемый «невидимый колледж», состоящий из коллег и врагов, которые в равной мере задействованы в производстве знания. Очевидно, Маркс занимал первое место в списке имен. Мы же посмотрим на остальную часть «колледжа»:

Рис. 8. «Невидимые» союзники и враги советской этнографии в 1929 г.[1]

[1] Мы включили в эту схему только те имена, которые упоминались на совещании не менее пяти раз.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Как видно из этой схемы, имена Ленина, Моргана, Гребнера, Энгельса, Штернберга и Марра не сходили с уст участников совещания. Прежде всего такое «соседство» показывает, что упоминание политиков и ученых происходит с одинаковой частотой. С одной стороны, это говорит о собственно идеологическом рождении этнографии в СССР [Соколовский 2011: 72–73], а с другой — о том, как возникали концепции через использование заимствованных идей (Гребнер, Морган), их политическую контекстуализацию (Ленин) и нахождение местной предыстории (Штернберг). Таким образом, советская этнография стремительно накапливала преимущества («эффект Матфея» в социологии науки Мёртона). Можно говорить о том, что советские этнографы оказывались осведомленными едва ли не обо всех текущих дискуссиях в антропологии того времени в США, Великобритании, Франции, Германии, Австрии и т.д. (об этом можно судить по указателю имен в конце настоящего издания). Со временем «враги» все меньше будут фигурировать в дискуссиях, и вплоть до начала перестройки (а порой и до сегодняшнего дня) советские этнографы будут находиться в плену «союзников» своих учителей и учителей учителей.

3.2. Спор о терминах

Для анализа терминологии мы также прибегнем к нескольким процедурам контент-анализа стенограммы совещания. Для такого рода анализа обычно обращаются к ключевым словам, которые приводит сам автор после резюме к своей статье. Однако такая практика относительна нова и больше связана с интернет-технологиями (см. последний опыт такого анализа: [Соколовский 2014]). Мы выделили понятия и термины, которые наиболее часто встречаются в тексте стенограммы, и представили их на схеме.

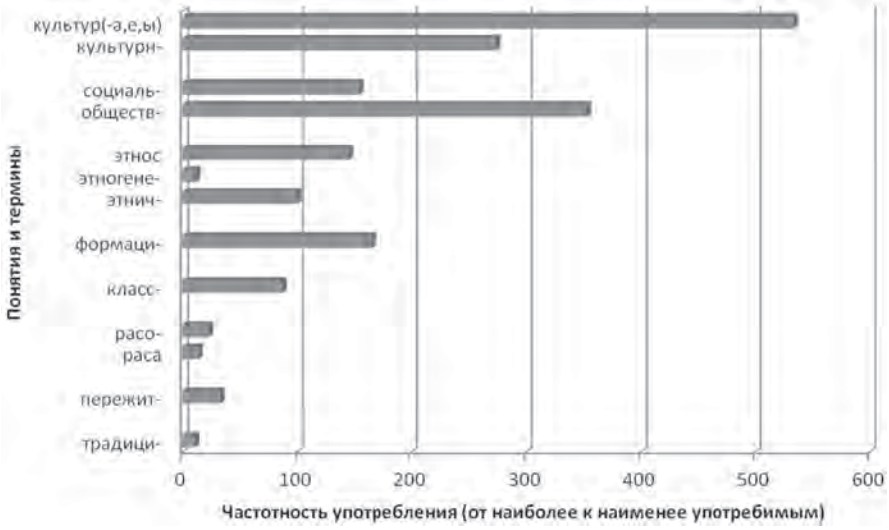

Рис. 9. Статистика употребления понятий и терминов

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Эта диаграмма интересна по двум причинам. Если мы наложим на нее такие же диаграммы, но сделанные на основании стенограмм конференций этнографов (и археологов и фольклористов) в 1932, 1938, 1940 гг., то увидим не только динамику частотности употребления терминов, но и их внутренние альянсы друг с другом. Если на совещании 1929 г. основным «сгустком» (топосом) были термины «этнос», «культура» и «формация», то позже мы сможем увидеть «сгусток» из этногенеза/этногонии/этногенезиса и культуры. Если представлять такие «сгустки» (топосы) как фигуры, то можно говорить о том, что они перетекали одна в другую, реагируя на окружающий социальный и политический контекст, при этом некоторые понятия обрели рядом с собой прилагательные, создав дополнительные смыслы. Так в 1960-е годы появляются этническая и традиционная культуры.

А. Этнос

Обращаясь к тексту стенограммы, можно заметить, что едва ли не основным было понятие «этнос». Главный оратор совещания Аптекарь в своей речи говорил: «Для этнологов этнос выступает как некая ипостась, а не как историческая категория, потому что они этот этнос находят на всех этапах общественной формации, бывших и имеющихся сейчас. Для марксиста этнос, как и нация и всякая другая категория, *является категорией исторической*, то есть возникает на определенной ступени, в определенном временном отрезке существует и на определенной стадии исчезает. Поэтому я рассматриваю *этнос* (может быть, некоторые товарищи это прослушали) *как одну из ступеней или одну из стадий в историческом развитии производственного коллектива*. Когда я говорил по поводу этноса и указывал, что этнос является проекцией классовых и прочих отношений в современном обществе на прошлое, то я как раз говорил не об этносе в марксистском понимании, а о том понятии этноса, которое употребляют и этнологи-немарксисты» [Стенограмма: л. 163] (курсив наш. — *С. А., Д. А.*). Этот фрагмент из речи Аптекаря хотя и вызвал споры в зале, но наиболее точно отразил ту проблему, с которой столкнулся как сам докладчик, так и те, кто стремился связать марксистскую парадигму, основанную на идее формаций с их революционной сменяемостью, с концепциями, которые не учитывали само понятие времени и выступали имманентными категориями, присущими всему человечеству.

Как известно, первым об этносе в русской антропологии высказался Н. М. Могилянский [1908]. Есть основания предполагать, что эта идея была им заимствована из французской антропологии, где в это время шли дискуссии об употреблении понятия *ethnie* (первое употребление в антропологическом контексте на французском языке: [Vacher de Lapouge 1896]). Могилянский и знаменитый французский социолог и этнолог Марсель

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Мосс поддерживали отношения, последний даже приезжал в июле 1906 г. в МАЭ для работы с эскимосскими коллекциями и останавливался у Могилянского [Fournier 2005: 129]. Возможно, что обучение в Париже [Валашкова, Решетов 1995] оставило у Могилянского свой след в использовании такого термина, как «этнос». Французские истоки советского «этноса» переплетаются с французскими же биографиями тех, кто его впервые употребил в России (Ф. К. Волков (Вовк), Н. М. Могилянский, С. И. Руденко, С. М. Широкогоров). Большинством из них этнос понимался как синоним народа. Только у Широкогорова он получил специфический смысл. Заклейменный как внеисторичный, а потом и как буржуазный, этот термин употреблялся довольно редко вплоть до эпохи Ю. В. Бромлея (встречается в текстах П. И. Кушнера, С. А. Токарева, Н. Н. Чебоксарова).

Ниже мы приводим диаграмму, позволяющую понять, кто из участников совещания наиболее часто употреблял в своей речи слово «этнос» (вне зависимости от отношения к нему).

Рис. 10. Употребление слова «этнос» участниками совещания 1929 г.

Как видно, самым активным в употреблении термина «этнос» был В. Б. Аптекарь, именно тот, кто термин не признавал и считал его метафизическим, но позже даже высказался о некоторых этапах развития этноса: «Мы имеем стадии: доэтническую, этническую, национальную и вненациональную. В существовании этноса Петр Федорович [Преображенский] сомневается, но в том, что нация существует, нельзя сомневаться. И все-таки науки о нации нет» [Стенограмма: л. 157].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Очевидно, что «теоретический хаос» был свойствен не только Куфтину, но и многим другим. Этнос, нация, народ, воспринимающиеся нами как отдельные термины, для них не имели четких границ, хотя из текста стенограммы мы можем увидеть формирование терминологических отличий.

Вторым, кто активно использовал термин «этнос», был лингвист-кавказовед Николай Феофанович Яковлев, определивший собственно проблему этноса для участников совещания: «Много говорилось о том, нужен или не нужен этнос, но никто не поставил вопроса об этносе в плоскости развития общественных формаций. О национальности мы можем сказать, что она появляется на определенной общественной формации, что есть донациональное общество. Но что такое этнос? С самого ли начала появления общества мы имеем этнос, потом национальность? Если бы мы попробовали увязать национальность, этнос и доэтнические общества на основе общественной формации, может быть, получилось бы не марксистское, но марксистскообразное представление. Пока же этого нет» [Стенограмма: л. 124].

Однако, несмотря на то что этнос был едва ли не в центре внимания этнографов, никто не мог дать ему определения. Заведующий Главнауки Мартын Николаевич Лядов (Мандельштам) высказался довольно радикально: «Мы не будем спорить, существует этнос или нет. Мы не знаем мертвых абсолютных категорий. Мы не можем дать определение нации; тут получится такое же разногласие, как по определению этноса, потому что у нас нет раз [и] навсегда зафиксированных понятий. Мы имеем все в динамике; это меняющиеся категории. Абсолютного представления об этносе нет и быть не может. Пока этнография искусственно проводила рамки между отдельными категориями, она наукой считаться не могла. Еще раз повторяю, все движется, все меняется, и именно в динамике мы будем познавать, а не в статике» [Стенограмма: л. 209–210].

Как бы то ни было, этнос был оформлен дискурсивно, о нем много говорили и спорили и порой совершенно по-разному определяли. На его фоне более четкой была концепция формации, возможно, и потому, что имела необходимые преимущества в виде достаточного количества ссылок на классиков. В ситуации «брака по любви» этнографии и марксизма (определение участника совещания М. Я. Феноменова), этнос и формация должны были быть кем-то из участников совещания «повенчаны». Путь к такому объединению постарались найти два человека — Е. Г. Кагаров и Б. А. Куфтин. Они, как, возможно, большинство участников совещания, не только думали об этом компромиссе, но, изобретая термины, невольно вплетали их в контекст исследований и дискуссий, уже имевших место в этнографии, создавая тем самым генеалогию собственных терминов и понятий.

В 1928 г. Кагаров написал статью «Пределы этнографии», где ввел понятие «этнографической формации»: «Все население земного шара распадается на ряд “этнографических формаций”, которые, приспособляясь

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

к данной жизненной обстановке или "экологии", образуют типичные органические единства, в которых физический habitus, психологическая структура и материальные, социальные и умственные элементы культуры составляют единое целое». Он также добавляет: «Исследование этнографических формаций и их распределения по Земле, изучение их культур, их экономических и психических компонентов и взаимоотношений между культурными ареалами составляет первую задачу этнографии» [Кагаров 1928]. «Этнографическая формация» Кагарова 1928 г. стала «этнической формацией» Куфтина в 1929 г.: «Этнология преимущественно сосредоточивает свое внимание на этногенезисе, изучая историю общественных форм и культуру в процессе племенных формообразований и, следовательно, в разрезе формаций этнических, возникающих, бытующих и исчезающих на основе более общих законов исторического развития» [Стенограмма: л. 249].

Оба автора в статье Н. М. Маторина 1931 г. станут «эклектиками», не понявшими марксизма [Маторин 1931: 8–9]. В действительности же концепции Кагарова и Куфтина были немного отличны одна от другой. Если для Кагарова «этнографическая формация» была связана исключительно с социальным и «экологическим» контекстами (сходное видение этноса было у Преображенского [Стенограмма: л. 56]), то Куфтин поворачивает «этническую формацию» в историческое русло, хотя для них обоих, как мы уже отметили выше, «этническая формация» была синонимом этноса/народа.

Обратимся к некоторым источникам этой концепции. Кагаров, знавший англоязычную литературу, прибегнул к построению концепции, очень близкой к «психоментальному комплексу» С. М. Широкогорова [Shirokogoroff 1935][1], где идея физической и ментальной реакции на среду (milieu) играла главную роль. Первые высказывания Широкогорова по этому поводу относятся к первой половине 1920-х годов, в том числе в его брошюре "Ethnical Unit and Milieu" [Shirokogoroff 1924]. Примечательно также и использование Кагаровым понятия "habitus". Напомним, что это популярное сегодня понятие в социологии, прежде всего в парадигме Пьера Бурдьё, появилось в социальных науках благодаря Марселю Моссу, который заимствовал его у Аристотеля [Mauss 1936]. Параллельно с Моссом этим термином пользовались биологи и медики. Кагаровский же habitus оказывается едва ли не зеркалом habitus'а Штернберга из последнего доклада об «айнской проблеме», сделанного им в Токио в 1926 г. [Штернберг 1929]. Habitus был важным моментом связи физической антропологии и этнографии, причем такая же связь конструировалась и Моссом, который пытался разглядеть социальный смысл тела, вылившийся потом в его знаменитую

[1] Заметим, что сам Широкогоров не использовал в одном контексте с этносом понятия об этногенезе/этногенезисе/этногонии.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

работу «Техники тела». Такой синтез работ своих коллег, но с «привкусом» Леви-Брюля, а также с отсылкой к формациям Маркса превращал предлагаемую тему в довольно своевременную и политически правильную. В изобретении понятий, конечно, нельзя исключать и того факта, что Кагаров стремился стать «своим» в Ленинграде, совсем недавно (1925) перебравшись из Харькова [Кисляков 1963].

Куфтин вместе со своим старшим коллегой В. В. Богдановым и учениками (среди которых были М. Г. Левин, С. П. Толстов, Н. Н. Чебоксаров, в будущем ведущие специалисты по восточнославянской этнографии Н. И. Лебедева, Г. С. Маслова и др.) был сторонником «культурно-исторической школы». Ученики Д. Н. Анучина, эти московские ученые выступали сторонниками единства так называемой «анучинской триады» (антропологии, археологии и этнографии) и работали главным образом в области изучения материальной культуры, как правило, восточнославянского населения. В 1926 и 1927 гг. на базе Музея Центрально-промышленной области проходили этнографические совещания, на которых представители московской «культурно-исторической школы» и Д. К. Зеленин критиковали эволюционизм и выдвигали программу сравнительно-исторического изучения отдельных районов, в ходе которых во главу угла ставились вопросы взаимного влияния разных культур, а этнографические материалы (главным образом материальная культура) рассматривались как источник для изучения истории заселения той или иной территории. Именно эти идеи легли в основу доклада Куфтина на совещании 1929 г. Этнология, вне всякого сомнения, постулировалась им как наука историческая, изучающая не «статический этнос», а процесс формирования «этнической формации» (или племени, возможно, и нации — в тезисах Куфтина различий между этими понятиями не проводилось). Из пятого тезиса его доклада, в котором говорилось о том, что расовые, культурные и «эргологические» формации могут стать «интернациональными» [Стенограмма: л. 252], следует, по-видимому, заключить, что под формацией Куфтин в данном случае понимал некую общность расовых или культурных признаков на определенной территории, совокупность которых образует, как выяснилось в ходе ответов на вопросы слушателей, этническую формацию, или, «иначе говоря, племя» [Стенограмма: л. 266]. Некоторая усложненность языка привела к тому, что теоретическая часть доклада Куфтина на совещании была проигнорирована, однако проблема, что делать с этносом при историческом, а тем более формационном подходе к этнографии, осталась. В 1932 г. этот вопрос попытался решить С. Н. Быковский, заменив этнос племенем и нацией, становление которых приписывалось соответственно эпохам «разложения» первобытного строя и феодализма. Все вопросы о преемственности между этими двумя формами общностей снимались, так как, согласно Сталину и Марру, «на каждую из известных групп древности претендуют все со-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

временные народы, как и каждый из современных народов не произошел от какой-либо одной группы» [Быковский 1932: 13].

В ранних дискуссиях об этносе можно увидеть и следы прежних дискуссий о народе и народности, которые наиболее активно происходили накануне первой переписи населения в 1896 г. Основанием этих дискуссий была в том числе и сословная модель, берущая свое начало со времени реформ М. М. Сперанского, в рамках которых появилась этническая составляющая (инородцы). Это выразилось в том, что во время переписи сословное деление отчасти смыкалось с делением по национальному признаку. Жюльет Кадио пишет, что «для опрашиваемых и переписчиков этническая принадлежность была знаком социального статуса, занимаемого внутри имперской иерархии» [Кадио 2010: 87]. В этом смысле попытки историзации и «марксизации» этноса на совещании 1929 г. были способом уйти от указанной сословной модели, переводя этнос на язык формаций.

Удивительно, что Широкогоров был упомянут Кошкиным [Стенограмма: л. 452], который, несомненно, знал все статьи Сергея Михайловича, поскольку был, как и он, тунгусоведом, только однажды — как пример идеалистических построений в этнографии. Казалось бы, Широкогоров мог бы быть идеальной мишенью для критики, будучи куда более знакомым, чем пресловутый патер Шмидт. Но, видимо, бороться с далеким немецким врагом, идеально подходящим под понятие «буржуазный», было удобнее, чем с бывшим русским, а на тот момент времени китайским этнографом. На фоне «культурной революции», социалистического строительства и уже имевшегося за счет первых переписей списка национальностей этнос оказался неподходящим термином. «Культурные революционеры» в СССР обошлись без него.

Вдалеке от Ленинграда теоретик этноса Широкогоров воспитал плеяду учеников, среди которых был и Фей Сяотун (费孝通), отмечавший, что в его разработке национальной политики в Китае в период «культурной революции», в том числе в концепции *минзу* (рус. ‘нация’), влияние этноса Широкогорова было куда сильнее, чем влияние британской антропологии и его второго учителя — Бронислава Малиновского. В интервью “Current Anthropology” в 1988 г. Фей Сяотун признается, что именно Широкогоров оказал на него самое большое влияние, но вместе с тем он говорил о его «*этносе*» с сожалением, так как это понятие с большим трудом могло быть инструментализировано [Pasternak 1988: 650]. Так или иначе, Широкогоров и его концепции оказались на перекрестe значительного числа школ в антропологии[1].

[1] О судьбе концепций этноса и «психоментального комплекса» С. М. Широкогорова в многочисленных «западных» и «восточных» антропологиях см. в статье Д. В. Арзютова и Д. Дж. Андерсона (готовится к печати).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Если посмотреть на дискуссию об этносе в 1929 г. еще шире, то мы увидим, что в это же время проходила череда дискуссий о понятии «культура» на Западе, во многом спровоцированных «Аргонавтами…» Бронислава Малиновского [Manganaro 2002]. Итогом стало то, что само понятие «культура» начало терять смысл, становясь «клубком» из разных значений и определений, то есть произошло то, что мы могли видеть на совещании 1929 г. с этносом. В конечном счете разнообразие определений культуры заставило двух учеников Боаса — Клайда Клакхона и Альфреда Кребера — написать книгу, представляющую свод определений понятия «культура» [Kroeber, Kluckhohn 1952].

Б. Технико-хозяйственный ареал и историко-культурная провинция

Помимо этноса, важным в теоретическом смысле было понятие «технико-хозяйственный ареал», предложенное П. Ф. Преображенским в начале совещания. Опыты классификации народов по географическому и хозяйственному признакам в это время предпринимает и Богораз в своей книге по этногеографии [Богораз 1928].

Сам Преображенский не дал точного определения, отослав слушателей к теории «культурных кругов» Гребнера. В контексте речи Преображенского его технико-хозяйственные ареалы были включены в дискуссии об этносе, что может быть сравнимо с 1960-ми годами, когда хозяйственно-культурные типы были важным аргументом в построении теории этноса Ю. В. Бромлея. Прежде всего Преображенский исходил из той простой идеи, что в относительной древности эти ареалы могли быть выявлены в своей «чистоте», а современность заставляет говорить о «смешении культур, смешении языков» [Стенограмма: л. 20]. Фактически это наблюдение Преображенского отзывается эхом в будущих концепциях «традиции» и «традиционной культуры/общества», что совпадает с появлением в советской этнографии теорий хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей, которые стали итогом деятельности учеников Преображенского и Куфтина — М. Г. Левина и Н. Н. Чебоксарова [Решетов 2003б].

Вместе с Преображенским Куфтин ставил вопрос об «историко-культурных провинциях», приравнивая их к «культурным кругам» Гребнера [Стенограмма: л. 255]. Помимо стремления к историзации (как это было с этносом), Куфтин следовал за немецким народоведением и экономической и социальной географией в СССР, стремясь создать метаязык «настоящей науки». Взятые за основу элементы культуры теперь могли быть классифицированы и разложены на карте. Опыты такого классифицирования (можно сравнить с Францем Боасом и Джорджем Мёрдоком) создавали условия для истории народов, стирая грань между народами «историче-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

скими» и «неисторическими». С. А. Токареву даже виделось, что, «когда все народы фактически станут народами, имеющими свою настоящую историю, тогда исчезнет и основание для существования этнологии как отдельной науки» [Стенограмма: л. 187]. Право на историю для всех народов СССР найдет свое выражение в неизданной «Истории СССР с древнейших времен до образования Древнерусского государства» [Алымов 2007: 137–141] и серии книг «Народы СССР», позже ставшей серией «Народы мира».

В связи с опытами классифицирования нельзя не отметить топологические метафоры, присущие Марру [Худяков 1935] и Богоразу [1928], — точки, пласты, круги, эллипсы, параболы, которые, по сути, заменяли определения[1]. Приведем слова Богораза: «Я, однако, не придаю особого значения точному определению терминологии. В науках сравнительно новых, только теперь приобретающих свое научное лицо, гораздо важнее определить наполнение, сущность, материю, чем термин, границы и формы» [Богораз 1928: 42]. Как это напоминает слова Марра, приведенные нами выше! Именно поэтому как в статьях Богораза, так и в его книге термин «культура» постоянно меняет свое содержание. Последние работы Богораза преследовали цель дать нехитрые обобщения для этнографии, что можно увидеть из названия его книг: «Христианство в свете этнографии» (1928), «Эйнштейн и религия. О применении принципа относительности к изучению религиозных явлений» (1923), «Распространение культуры на Земле. Основы этногеографии» (1928). В некоторых своих построениях Богораз отчетливо стремился к объяснению, например, этногеографии СССР и поискам связей между текущей политической обстановкой и социальными науками. Так, идеи о грядущем всемирном коммунистическом объединении находили отголоски в его книге: «Только в последнее время, с начала XX века, культура получает очертания всемирные. Отдельные разбросанные эллипсы, культурные круги с одним, двумя и многими центрами сливаются вместе, стремясь сплотиться в общий круг, периферия которого, по формуле Паскаля, будет расположена везде, а центр — нигде» [Богораз 1928: 254].

Эти идеи были нацелены на возможность не только классифицировать весь корпус этнографического материала, но и предложить новый научный и идеологический проект для молодой советской этнографии. Богораз даже намечает концепцию СССР как этногеографического пространства. Его «геополитика» сводилась к следующему: «Россия–СССР составляет не

[1] Обозревая историю теории этноса в СССР, можно заметить, насколько ее теоретики любили графики и схемы. Почти у каждого из них мы найдем графические зеркала теории, что особенно важно, когда внутренне непротиворечивое определение этносу дать было невозможно.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

только образование историческое и политическое, но также и особое этногеографическое целое. Россия последних веков даже по своей геометрической форме является как бы полосой, скрепляющей и стягивающей вместе разнохарактерную Евразию <…> Этногеографическая политика СССР является продолжением и усилением, преображенным наследством этногеографической политики предыдущего периода. В своей новейшей форме этногеографическая политика Союза Советских Социалистических Республик приобретает какую-то новую крепость, пластичную и вязкую, свойства каучука и стали. <…> Однако, в отличие от предыдущего периода, эти новейшие образования построены на принципе полного равноправия и государственного самоопределения туземных народностей» [Там же: 259]. Один из участников совещания 1929 г. Богаевский выскажет очень созвучную с идеей Богораза мысль: «Наша советская этнология должна быть не чем иным, как научно-марксистским обоснованием Союза более чем 156 народностей» [Стенограмма: л. 94]. В этих высказываниях можно увидеть в том числе и идеологические конструкции так называемых евразийцев, в том числе и идеи Гумилева. Кстати, Богораз едва ли не первым из советских этнографов использовал понятие «советский народ». На совещании 1929 г. он говорит о населении СССР как об «ссср-цах» [Стенограмма: л. 33].

3.3. «Большой нос, бумага и карандаш»: поле и полевая этнография[1]

«Нужно подходить к туземцу как к человеку. Туземцы до сих пор не верят. Они в каждом пришельце видят эксплуататора или, по крайней мере, того человека, который хочет отнять у них не только всю территорию, но и все богатство, пушнину, промыслы и т.д. Всякий приехавший туда всегда будет с бумагой и карандашом. А это самая опасная вещь для туземца. Туземец боится этого смертельно. Если для русского смерть представляется в виде скелета с косой, то для туземца самым страшным является тип большеносого человека с бумагой и карандашом. Так вот, из этого вытекает следующее: всякий научный работник, исследователь и в особенности этнограф должен стать активным строителем жизни» [Стенограмма: л. 332]. Логика студента Богораза — юкагира Тэки Одулока, апокалиптически видевшего столкновение с этнографом, но вместе с этим желавшего строительства «новой жизни», очень характерна для того времени. В этом заключалась новая национальная политика, которая должна была быть реализована через полевую деятельность этнографов. Вместе с тем именно «поле» показало, насколько различно ви́дение этнографии москвичами и ленинградцами.

[1] Мы уже обращались к анализу раннесоветской концепции «поля» и полевой работы [Арзютов 2012; Арзютов, Кан 2013]. В этой части статьи мы акцентируем внимание только на некоторых особенностях понимания «поля» на совещании 1929 г.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Дискуссия о «поле» состоялась 8 апреля 1929 г. Основными были доклады В. Г. Богораза «Стационарный метод в полевой этнографии» и Б. А. Куфтина «Задачи и методы полевой этнографии». В самом конце совещания Б. М. Соколов от имени С. Ф. Ольденбурга прочитал доклад «Увязка этнографических экспедиций отдельных учреждений».

От ленинградской части выступил Владимир Германович Богораз, который, имея опыт ссыльного народовольца, стремился в каждом из своих учеников увидеть добровольного ссыльного в Сибирь, *желавшего* прожить там не менее «этнографического года». Ко времени совещания в руках у студентов уже были полевые программы Л. Я. Штернберга [1914], а также учебное пособие С. А. Макарьева [1928], подготовленное на основании лекций В. Г. Богораза. Более того, в ЛГУ была введена практика, что студент накануне проведения полевого исследования должен был представить полевую программу, большая часть которых сохранилась в архивах Санкт-Петербурга.

Признавая этнографию как «науку об этнических группах», Богораз — едва ли не первый советский этнограф, который призывал к изучению не только аборигенов, но и социальных групп среди «культурных народов», таких как пастухи, лесные кустари, беспризорники, нищие и т.п. [Стенограмма: л. 237]. В такой формулировке он освобождал полевого этнографа от строгого следования за списком этнических групп, видя в последних что-то иное, нежели то, что позже закрепится за понятием «этнос». После такого утверждения к нему был обращен вопрос из зала: «Если профессор считает возможным этнографически изучать нищих, сплавщиков леса, сезонных рабочих, то входит ли в задачи этнографии изучение таких групп, как, например, ученые и т.п.?» [Стенограмма: л. 261]. Богораз уклонился от ответа, отсылая вопрошавшего к собственным лекциям в ЛГУ. Однако именно в этом замечании Богораза состоял едва ли не важнейший момент его речи. Он видел этнографию как метод и значительно шире, чем строгое следование за основным колониальным объектом — аборигенами.

Богораз также акцентировал внимание на психологической стороне полевого опыта и сформулировал общие принципы, которые примерно в это же время в социальную антропологию привнес Бронислав Малиновский с его “participant observation”, а более чем через 30 лет Клиффорд Гирц в США произвел революцию, создав свой интерпретативный метод. В продолжение этого модернистского тезиса «бытия-в-мире» сегодня британский антрополог Тим Инголд разрабатывает концепцию понимания жизни *изнутри* посредством научения в изготовлении вещей, понимании направлений ветра и т.д., что позволяет антропологу встать на другую сторону — своего полевого партнера. Замечания Владимира Германовича давали именно эту перспективу для дальнейшего развития его кажущихся сначала незамысловатыми утверждений.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Ироничный Богораз говорил: «Надо скормить туземным вшам 2 фунта своей собственной крови, чтобы понять его быт. А пища эта воспринимается очень маленькими порциями. Это означает, для того чтобы изучать культуру, нельзя чуждаться ни невежества, ни грязи, ни голода. Вы должны сами это претерпеть <…> Необходима физическая близость, личное восприятие бедности, холода, голода, участие в труде, участие в празднествах» [Стенограмма: л. 241]. Собственно этот долговременный опыт и пристальное наблюдение *изнутри* были реализованы единицами из значительного числа его студентов. Даже в вопросах из зала было видно, что все сидевшие хотя и понимали правоту позиции Богораза, но, по всей видимости, не могли связывать себя с «полем» на столь долгий период времени (см., например, ответ Маркелова на речь Богораза). Для полноценного «поля» Богораз отводил срок в 13 месяцев — годовой цикл, или «этнографический год». За это время этнограф может увидеть все сезоны жизни локального сообщества плюс один месяц, который позволит как бы замкнуть круг. Конечно, Богораз измерял «поле» через свой взгляд «политического полевика» [Ssorin-Chaikov 2008], вынужденного быть среди чукчей не по своей воле, но вместе с этим он отчетливо понимал, что без полевой работы никакое этнографическое исследование невозможно.

Имея опыт работы в МАЭ, Богораз довольно точно охарактеризовал изучение материальной культуры, разделив его на две группы: «немой комплекс», или «музейный тип», и собственно этнография материальной культуры. В этом отношении Богораз говорил о том, что изучение каждого музейного предмета требует детального изучения его социальной жизни в «поле». Этот призыв по большей части также оказался неуслышанным, хотя дискуссия относительно необходимости изучения социальной жизни вещей могла бы стать важным шагом на пути теоретизации изучения материальной культуры, которое в 1980-е годы станет одним из быстро развивающихся направлений в культурной антропологии в США благодаря книге “The Social Life of Things” (1986) под редакцией Арджуна Аппадураи.

Желание студентов глубокого полевого исследования в реальности сталкивалось с тем, что им постоянно не хватало средств на экспедиции. Богоразу приходилось находить деньги на их проведение из самых различных источников, соединяя научные цели (через ЛГУ или МАЭ), политические (через Комитет Севера или КИПС), а также желание своих студентов жить на копейки в отдаленных и неблагоустроенных местах. Удивительно, но, несмотря на нехватку средств и сворачивание полевой деятельности для иностранцев на территории СССР, в частности в Арктике, после Международного совещания по плану устройства экспедиции в полярной зоне [Богораз 1929; Krupnik 1998] Богораз предлагает своему старому знакомому Францу Боасу возобновить сотрудничество [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1928). Ед. хр. 7]. Это происходит в 1928–1929 гг.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Богоразу удается не только купить некоторое оборудование для студентов, но и даже отправить свою студентку Юлию Аверкиеву в США, чтобы она проводила свои исследования среди квакиутлей[1]. Некоторым студентам Богораза (Е. А. Крейнович — среди нивхов; Г. Н. и Е. Д. Прокофьевы — среди селькупов и ненцев, Г. Д. Вербов — у ненцев и др.) удалось прожить в «поле» срок, о котором говорил их учитель. Все они были в «поле» не только этнографами, но и проводниками «культурной революции», или, как говорил сам Богораз, «миссионерами нового социалистического образа жизни».

Дискуссия о «поле» была, несомненно, одним из наиболее ярких событий совещания. Выстроенная вокруг докладов Богораза и Куфтина, отстаивавших соответственно стационарный и экспедиционный методы, она отчасти превратилась в соревнование этнографов двух столиц и двух философских подходов, часто обозначающихся в антропологии как emic и etic. В противовес Богоразу, неоднократно указывавшему, что идеальным полевиком был бы соответственно подготовленный местный житель-«туземец», москвичи (за исключением Феноменова) отстаивали ценности научной объективности и широкого сравнительно-этнологического анализа, в рамках которого полевое исследование мыслилось как добывание материалов для исторических и этногенетических обобщений. Даже краткосрочные экспедиции, уверял Куфтин, могут дать возможность хорошо подготовленному в сравнительной этнологии работнику собрать ценный материал, в связи с чем москвичи подчеркивали важность объективной «фиксации» материала и опасности субъективизма и местной ограниченности исследователя. Еще одним пунктом разногласий стало непосредственное участие этнографа в «культурной революции» или административной работе. Ученики Богораза были убеждены, что это только помогает им «сжиться» с местным населением, в то время как некоторые москвичи (Левин и особенно Преображенский-младший, назвавший такую практику «иезуитской» [Стенограмма: л. 279]) выступили с неожиданно резкой критикой этого, казалось бы, общепринятого в тот момент мнения.

Несмотря на существенные разногласия, и то и другое было «государственной этнографией», где наблюдалась определенная связь между деятельностью этнографа и государственным заказом, в том числе с регулярной отчетностью перед властью, тем самым создавая уникальную административную идеологию [Anderson 2000: 74]. В известном смысле мы можем говорить о том, что знание о государстве, скажем, для Севера наиболее четким было именно у этнографов. Этнографическое изучение

[1] Как итог ее полевой работы относительно недавно была опубликована ее книга по играм с веревкой у квакиутлей [Averkieva, Sherman 1992].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

эвенков привело другого антрополога к заключению, что само государство на Севере существовало на пересечении кочевых путей эвенков и таких же перемещений экспедиций, их изучающих [Ссорин-Чайков 2011: 13]. О пересечении этих двух линий движения сегодня пишет тунгусовед В. Н. Давыдов, обращая внимание на роль проводников-каюров в диалоге между этнографами и местным населением [Давыдов 2013].

Чтобы реализовать полевой государственный проект, одному из академиков и администраторов хотелось выстроить пирамиду экспедиционной бюрократии, а именно — создать специальный орган, координирующий все экспедиции, словно стремясь к некому паноптикальному учету знания о населении империи и движении этнографов на ее просторах. Именно об этом был доклад С. Ф. Ольденбурга, прочитанный Б. М. Соколовым на утреннем заседании последнего дня работы совещания. Идея Ольденбурга была связана с его многолетней деятельностью внутри Академии наук. Ему, как и многим другим, казалось, что бóльшая координация и четкое управления улучшат качество работы. Задуманный проект Ольденбурга по созданию некого координационного центра полевых исследований («Этнографическое экспедиционное бюро РСФСР», которое мыслилось как грядущее «Всесоюзное этнографическое экспедиционное бюро») содержал следующие три основные идеи: 1) создание справочников этнографов[1] и карт их экспедиций с указанием «белых пятен»; 2) согласование планов экспедиций; 3) создание единых полевых программ.

Возможно, что этот проект Ольденбурга, который, впрочем, не был реализован, конкурировал с уже существовавшим с 1926 г. в СССР Особым комитетом по исследованию союзных и автономных республик (ОКИСАР, председатель А. Е. Ферсман), известным также как Экспедиционный комитет. Своей миссией этот комитет видел «исследование Академией наук союзных и автономных республик и областей. Проведенное в течение последних лет переустройство прежней необъятной России по национально-бытовому признаку прежде всего пробудило на местах здоровое стремление к самопознанию и поднятию благосостояния народных масс» [ОБ 1926 (1): 1]. Основной функцией этого комитета было курирование всех экспедиций. Специалисты разного профиля должны были писать отчеты и публиковать их на страницах «Осведомительного бюллетеня» (выходил 2–4 раза в месяц), который не продавался, а рассылался только среди научных учреждений (сегодня библиографическая редкость).

[1] Разбирая документы из личного архива историка этнографии А. М. Решетова, один из авторов статьи наткнулся на опубликованную в журнале «Этнография» хронику совещания этнографов 1929 г. Напротив этого пункта там стояли многочисленные «галочки». По сути, А. М. Решетов реализовал только часть идеи такого справочника, составив, но не успев при жизни опубликовать биобиблиографический словарь по большинству этнографов СССР и России XX в.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Глубокое полевое погружение в социальные и культурные практики внутри локального сообщества, краткосрочные маршрутные экспедиции и стремление к тотальному учету работы этнографов… Договориться о поле не удалось. Быть может, что такой задачи никто не ставил. Оборачиваясь назад, можно сказать, что «проект Богораза» не выдержал испытание временем: в послевоенный период в СССР возобладала более близкая к тому, что отстаивали на совещании москвичи, концепция крупной междисциплинарной («комплексной») экспедиции [Алымов 2013]. Проводившиеся в 1950-е годы многолюдные «полустационары» мало походили на богоразовский стационар, в идеале состоявший из пары (мужчина и женщина) или исследователя-одиночки. «Немой комплекс», потеря знания этнографом языка местного населения также, увы, стали реальностью этнографических исследований. «Анучинская» интеграция этнографии в археологию и физическую антропологию усилилась, в то время как наброски Богораза к концепции «включенного наблюдения» так и остались набросками, не превращенными в самостоятельную концепцию.

4. После совещания

Как свидетельствует «Хроника совещания этнографов Ленинграда и Москвы 5.04–11.04.1929 г.», опубликованная в журнале «Этнография» (1929. № 2), совещание приняло ряд резолюций по основным вопросам работы этнографов: о музейной и экспедиционной работе, участии в «социалистическом строительстве», этнографическом образовании и т.д. [Хроника 1929]. В теоретическом плане наибольшее значение имела резолюция по докладам П. Ф. Преображенского и В. Б. Аптекаря, в которой был сформулирован основной «лозунг дня» — «От классиков к марксизму»: «…советская этнография выдвигает лозунг не отказа от классиков, а перехода от них к марксизму, от стихийного материализма — к сознательному применению диалектического материализма» [Там же: 117]. Резолюция была предложена В. Б. Аптекарем, Я. П. Кошкиным и Н. М. Маториным и, как справедливо отметил А. М. Решетов, представляла собой компромиссную позицию, отражавшую как «полное единство марксистского фронта против <…> всякого эклектизма, вульгарного материализма и идеалистических тенденций в этнографии, против буржуазной “этнологии”» (отождествляемой в основном с немецкой культурно-исторической школой), так и счастливо найденную в ходе совещания генеалогию новой марксистской советской этнографии, в числе отцов-основателей которой были перечислены «лучшие представители» буржуазной этнографии — Э. Тайлор, М. Кастрен, Л. Морган, Л. Штернберг и Ф. Ратцель [Хроника 1929: 117; Решетов 2003а: 160–161]. Доклад Аптекаря действительно, по словам одного из участников, «развязал языки» и имел эффект разорвавшейся бомбы, однако после жесткой отповеди, данной ему не только Маториным, Тол-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

стовым и другими этнографами, но и главным представителем партии на собрании старым большевиком Лядовым, Аптекарь, конечно, уже не мог «диктовать» свои условия. Резолюция использовала критическую сторону его доклада, который своим нигилистическим пафосом помог участникам совещания выстроить «правильную» генеалогию советской этнографии и сформулировать ее задачи на идеологически выдержанном марксистском языке.

Решения совещания 1929 г. воспринимались его участниками как предварительные. В последний день работы была избрана комиссия для подготовки Всесоюзного этнографического съезда, на который возлагались надежды более полного разрешения поставленных на совещании теоретических вопросов. В эту комиссию вошли В. Г. Богораз, Д. К. Зеленин, В.К. Никольский, М. Т. Маркелов, Н. М. Маторин, Я. П. Кошкин, С. П. Толстов и В. Б. Аптекарь, задачей которого было связать ее работу с Коммунистической академией. Примерно год после этого решения комиссия, судя по всему, практически бездействовала. Впрочем, за это время в жизни советской этнографии произошли существенные перемены: Комиссия по изучению племенного состава СССР (КИПС) была преобразована в Институт по изучению народов СССР (ИПИН) по главе с Н. Я. Марром и его заместителем Н. М. Маториным. Этнологический факультет МГУ, на котором, по уверениям П. Ф. Преображенского, шла «историзация» этнологии, с этой задачей успешно справился и превратился в факультет исторический. 28 апреля 1930 г. Богораз, Зеленин, Кошкин и Маторин собрались и заслушали доклад Кошкина, указавшего на важную роль этнографии в социалистическом строительстве, признание этой роли лидером советских историков Покровским и на необходимость созыва съезда, на котором, как и на совещании 1929 г., предполагалось заслушать три рода докладов: а) методологические; б) о роли этнографии в социалистическом строительстве; в) «организационные» (музеи, переписи, образование и т.д.). Пожелание Зеленина о том, что на съезде «должно быть поменьше теории, а побольше практики», было отвергнуто остальными участниками [ГАРФ. Ф. 7668. Оп. 1. Ед. хр. 251. Л. 1–3].

После получения поддержки начальника Главнауки Наркомпроса Луппола ленинградская часть связалась с москвичами и представителями республик, в результате чего ИПИН выступил с обращением о созыве съезда не позднее апреля 1931 г. На данной стадии съезд по-прежнему предполагался «для разрешения специфических задач этнографии как таковой». Во избежание «расплывчатости» участие «смежных» специалистов приветствовалось, но даже для фольклористов планировалось созвать отдельный съезд [ГАРФ. Ф. 7668. Оп. 1. Ед. хр. 520. Л. 52 об.]. Тем не менее к сентябрю 1931 г., когда Ученый комитет при ЦИК СССР подготовил окончательный проект его созыва, съезд уже именовался Первым всесоюз-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

ным съездом по археологии и этнографии, а в качестве его организатора назывался оргкомитет, образуемый Ученым комитетом совместно с представителями наркомпросов союзных республик, Комакадемии, АН СССР, ГАИМК и других НИИ и музеев. В задачи съезда, согласно этому документу, входило: а) «установление содержания и задач истории материальной культуры, археологии и этнографии и их места в системе общеисторического знания в соответствии с марксистско-ленинским пониманием науки и методологическими требованиями диалектического материализма»; б) максимальная увязка научной работы в этих областях с задачами социалистического строительства и классовой борьбы; в) перестройка научной работы «в соответствии с решением ЦК ВКП(б) от 15 марта 1931 г.» [ГАРФ. Ф. 7668. Оп. 2. Ед. хр. 5. Л. 13–15]. Решения Съезда должны были поступать на утверждение президиума Комакадемии, после чего рассматриваться как «директивный материал» для всех научных учреждений [Там же: л. 9]. Таким образом, в конце 1930 — первой половине 1931 г. идея трансформировалась: из чисто этнографического съезд стал междисциплинарным.

Между тем дискуссии в Москве продолжались. 7 января 1930 г. в Комакадемию приехал В. Г. Богораз, чтобы сделать доклад о применении «марксистского метода к изучению этнографических явлений» [АРАН. Ф. 377. Оп. 2. Ед. хр. 24]. Не выступив с теоретическим докладом на совещании 1929 г., Владимир Германович активно воспринял «социальное задание перейти на марксистский метод». До поездки в Москву он несколько раз делал доклад в Ленинграде и в том же году опубликовал на эту тему большую статью [Богораз 1930]. Основной идеей этой работы был поиск корреляции, или причинной связи, между формами хозяйства, социальными институтами и «идеологическими надстройками», то есть культурой. В отличие от географического принципа «культурных кругов», Богораз попытался сгруппировать материал по «производственному» принципу, выделив три основные стадии «первобытного хозяйства» (собирательство; развитая охота и рыболовство; мотыжное земледелие и степное скотоводство) и показав, какие явления в технологической, социальной и культурной сферах этим стадиям соответствуют.

Москвичи, восприняв доклад как своего рода отчет о выполнении задания совещания 1929 г. группой этнографов, им представляемой, единодушно его раскритиковали. Токарев увидел в идеях Богораза скорее экономический материализм, стремящийся найти прямую эмпирическую связь между формами хозяйства и, к примеру, религии, упуская из рассмотрения социальные отношения, политику и т.д. [АРАН. Ф. 358. Оп. 2. Ед. хр. 177. Л. 17–18]. Толстов охарактеризовал доклад как «вульгарный материализм», свойственный теориям автора и в прошлом. По его мнению, Богораз подменял социально-экономическую формацию — основную категорию марксистского анализа, применение которой было «самым важным пунктом

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

резолюции» совещания 1929 г., — производственной стадией, выводить из которой «надстройки» напрямую нельзя [Там же: л. 19–21]. Однако, помимо критики и пожеланий увидеть социально-экономическую формацию, отклики не содержали конструктивных предложений. Богораз не упустил поставить это на вид молодым коллегам: «Вы говорили, что это неладно, а вы покажите, что ладно. Вам был дан специальный заказ — и тов. Маркелову, и тов. Толстову, а почему вы молчите, почему вы до сих пор молчали? Я первый выступил и должен сказать, что мой возраст, мое прошлое дали мне право, когда вы молчите, говорить от имени этнографов» [Там же: л. 27]. Ученый признал, что главные возражения по его докладу в Ленинграде и Москве сводились к подмене социально-экономической формации производственными формами, а также признал наличие этой проблемы — «узкого места этнографии», решить которую для ранних стадий сложно из-за отсутствия материала. Тем не менее старейшина этнографического цеха был явно обижен тем, что его усилия связать хозяйственные и идеологические «формы» в одну «общую схему» не были оценены, а конструктивное продолжение разговора, на которое он рассчитывал через месяц, не состоялось.

Следующим «эхом» совещания 1929 г. в Москве был диспут «Марксизм и этнология» по докладу профессора Ласси 4 июня 1930 г. [АРАН. Ф. 377. Оп. 2. Ед. хр. 130, 131]. Докладчик не согласился с резолюциями совещания и основными дискутантами 1929 г. Преображенским и Аптекарем. Первый, по его мнению, настаивал на слишком расширенном представлении этнологии, а второй тот же тезис применил к истории. Ласси считал, что этнология — самостоятельная наука, предметом которой является доклассовое общество. Этнология не может совпасть с историей хотя бы потому, что, как правило, не оперирует письменными источниками и не может «восстановить» в их отсутствие историю бесписьменных народов. В то же время Ласси вслед за марксистскими критиками считал, что «культура» — слишком расплывчатое понятие, чтобы быть «центральной проблемой» этнологии [АРАН. Ф. 377. Оп. 2. Ед. хр. 130. Л. 10]. Обсуждение этого доклада во многом вылилось в обсуждение решений ленинградского совещания. Наиболее развернутые реплики были даны Токаревым, Вартапетовым, Косвеном и Никольским. Токарев согласился с тем, что «схема» Ласси отражает нынешнее положение вещей, но выразил уверенность в том, что в будущем материал будет делиться не по дисциплинам, таким как этнография, история, археология и т.д., а по регионам и формациям [Там же: л. 19–21]. Развернутое выступление Вартапетова во многом повторило критику понятий «культура» и «этнос», данную Аптекарем. Он не согласился с позицией Ласси, так как доклассового общества в СССР в чистом виде не сохранилось. Вместе с тем Вартапетов выразил неудовлетворенность эмпирической «тряпкологией» (термин Богораза) и поддержал

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

решения ленинградского совещания использовать понятие формации для того, чтобы подняться над описанием «горшков и юбок» [Там же: л. 36–37]. Косвен высказался за историческую и социологическую науку о доклассовом обществе, положительно отозвался о совещании 1929 г. и роли Аптекаря, однако указал на то, что тот «топчется на месте» и этот этап дискуссии можно считать «превзойденным» [Там же: л. 38–39]. Подводя итоги обсуждения, историк Гуковский согласился с тем, что дискуссия между «этнологией» и марксизмом является пройденным этапом, а этнографам стоит заниматься не только пережитками докапиталистических формаций, но и проблемами строительства социализма в национальных районах. Он также настоятельно опроверг «сплетню», услышанную им в Ленинграде, о том, что «Комакадемия занимается разгоном этнографов», и предложил дождаться созыва съезда этнографов-марксистов, который вынесет окончательную резолюцию по обсуждавшимся вопросам [Там же: л. 56–59].

К предстоящему съезду готовился и Н. М. Маторин, который должен был сделать на нем программный доклад. В начале 1931 г. появилась его статья «Современный этап и задачи советской этнографии», подводившая итоги прошедшего со времени совещания 1929 г. периода. Решения этого совещания он оценивал как в основном правильные, определившие «линию работы советских этнографов — за тесную увязку с социалистическим строительством, за изучение диалектического материализма, за использование наследства классиков (Тайлор, Морган), <…> против эклектических попыток соединения марксизма с учением культурно-исторической школы Гребнера и Шмидта» [Маторин 1931: 5]. Объясняя свой спор с Аптекарем, Маторин ссылался на оторванность последнего от конкретного этнографического материала и на свое уважение к достижениям «классической школы в этнографии», необходимость «внимательного отношения» к специалистам. Лозунг «От классиков к марксизму», явившийся, по словам Маторина, результатом компромисса между ним и Аптекарем, был «формулой перехода» и «тактическим контрлозунгом, выдвинутым против ревизии классиков с их стихийными прорывами к материализму, против ревизии, пошедшей со стороны культурно-исторической школы с ее российскими ответвлениями (группа П. Ф. Преображенского)» [Там же: 12]. Однако спустя два года, в течение которых не наблюдалось особого прогресса в освоении марксизма (причины этого крылись как в абстрактности построений истматчиков, так и в «ползучем эмпиризме» этнографов), этот лозунг был, по мнению Маторина, уже недостаточен.

Положительная программа Маторина, впрочем, не претерпела особых изменений. Ключевым в ней было «учение об укладах и формациях», в свете которого этнография должна заниматься доклассовой формацией — первобытным коммунизмом — и его пережитками в позднейших формациях, изучаемыми методом непосредственного наблюдения. Именно

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

специфика этого метода привела к своеобразному «этнографическому империализму», делавшему предметом этнографии современный быт колхозников и другие реалии, далекие от первобытности. В будущем этнограф ничем не будет отличаться от историка, однако пока этого не произошло, этнографический метод применяется и в изучении «ростков социализма», и в изучении конкретных народов СССР. «Чистых формаций», как неоднократно подчеркивал Маторин, не существует, на практике даже самые первобытные народы живут в капиталистическом или социалистическом окружении, и «никому не дано уйти от вопросов классовой дифференциации» [Там же: 21].

Другой чертой данной статьи, ранее не встречавшейся в такой форме в текстах Маторина, была резкая критика «великодержавного шовинизма и местного национализма» в работах этнографов. С середины 1929 г. в Академии наук начала работу специальная комиссия по «чистке» ее персонального состава, в результате которой более ста человек были арестованы и еще более пятисот уволены. Начались аресты по так называемым «Академическому делу», делу Центрального бюро краеведения, по которым, в частности, «проходили» этнографы Д. А. Золотарев и С. И. Руденко, подвергшиеся затем разносной критике. Вслед за «рубинщиной» в экономике, «деборинщиной» в философии и «переверзевщиной» в литературоведении появляется «руденковщина» в этнографии. [Худяков 1931; Бернштам 1932]. Фабриковались дела против «местных националистов», (дела «Союза освобождения финских народностей», «Союза освобождения Белоруссии», «Союза освобождения Украины»), в ходе которых пострадали сотни представителей национальной интеллигенции. Маторин в своей статье использовал стенограмму совещания 1929 г. для критики выступлений арестованных вскоре по делу СОФИН «удмуртского националиста» Кузебая Герда и московского этнографа М. Т. Маркелова [Маторин 1931: 31]. Его критике также подверглись «великодержавные шовинисты» Д. К. Зеленин и Д. А. Золотарев, арестованный по «Делу славистов» в 1933 г. заведующий украинским отделом Русского музея Б. Г. Крыжановский, расстрелянный в 1936 г. М. Г. Худяков и др. В обстановке арестов и «проработок» меняется и отношение к столь защищаемой Матириным в 1929 г. «классической школе в этнографии»: «Недостаточная проработка вопросов исторического материализма среди современного поколения марксистов <…> помешала тогда, в 1929 г., поставить вопрос более четко и коснуться основных проблем доклассового общества по существу, задержала также и углубленную критику работ школы Л. Я. Штернберга. Теперь это время наступило, размежевка ясна, и надо браться за дело» [Там же: 12].

В начале 1931 г. были написаны статьи для сборника «Этнография на службе у классового врага» (1932), развивавшие исторический аспект радикальной критики Аптекаря. «Этнография, — писал С. Н. Быковский, —

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

играла роль информатора правящих классов относительно состояния “инородцев”, в интересах империалистической системы хозяйства <…> выявляя условия быта, степень материального благополучия, культурного развития каждой отдельной “инородческой” группы и тем самым обеспечивая наибольший успех в порабощении и разорении каждой отдельной “изучаемой” нации» [Этнография на службе… 1932: 7]. Худяков, автор центральной статьи сборника «Великодержавный шовинизм в русской этнографии», делил российских этнографов на три основные категории: 1) помещики, крупные чиновники и миссионеры, разделявшие правые консервативные взгляды (Н. И. Ильминский, В. И. Ламанский, В. В. Радлов, И. Н. Смирнов и др.); 2) представители мелкой буржуазии, придерживавшиеся либеральных взглядов (из этой среды вышли Д. А. Золотарев, С. И. Руденко, С. А. Теплоухов) и 3) разночинцы-народники (Д. А. Клеменц, Л. Я. Штернберг и В. Г. Богораз). Критике подвергались в основном представители первых двух «лагерей», однако в целом книга резко контрастировала с попыткой Зеленина представить дореволюционную русскую этнографию на совещании 1929 г. «гонимой наукой», служившей не империализму, а народничеству.

Ситуация в советской науке в 1930–1931 гг. способствовала такому развитию событий. Принятый в 1930 г. новый Устав Академии наук в числе ее основных задач называл содействие «выработке единого научного метода на основе материалистического мировоззрения» и использование научных знаний «к удовлетворению нужд социалистической реконструкции страны», закрепляя, таким образом, методологическое единомыслие и практическую направленность работы ученых. Как об одном из мероприятий, направленных на решение этой задачи, в отчете Академии за 1930 г. говорилось о преобразовании КИПС в ИПИН и обеспечении в нем «должного влияния марксистской методологии» [Отчет 1931: II, VIII]. В то же время в Академии создается организационно-плановая комиссия во главе с вице-президентом АН академиком Н. Я. Марром, утвердившая общие принципы плановой организации научной работы. Отныне планы должны были составляться научными учреждениями совместно с Советом по изучению производительных сил и выноситься на обсуждение специальных конференций, созываемых под общим руководством Госплана с участием соответствующих научных организаций и государственных органов. «Наконец, для проведения итогов всей проделанной работы созывается общая конференция, которая и санкционирует как общие линии плана научно-исследовательской работы, так и произведенное размежевание работы отдельных учреждений» [Там же: XI–XII]. 15 марта 1931 г., как уже упоминалось, было принято постановление ЦК ВКП(б), требующее подчинения всей научной работы «строгой плановости» и преодоления «отставания научной работы от практики социалистического строительства». Постановление предпи-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

сывало Комакадемии продолжить «искоренение» антимарксистских и ревизионистских теорий, а также выдвинуть на первый план «разработку конкретных узловых проблем, связанных с текущими задачами партии и пролетариата» [Все силы… 1931].

В течение 1930–1931 гг. заметно изменилась позиция лидеров марксистской этнографии, постепенно отходивших от оптимизма по поводу этой дисциплины, высказывавшегося ими на совещании 1929 г. В 1932 г. Маторин уже публично «раскаивался» в своей защите «классической школы в этнографии» и ее представителей, ссылаясь на свою тогдашнюю неопытность: «Мы выдвинули лозунг “От классиков к марксизму”. Это был переходный лозунг <…> Мы не дали развернутой постановки вопроса о невозможности марксистско-ленинской этнографии тогда же — это было несомненной нашей ошибкой, которую честно нужно признать» [АИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1932). Ед. хр. 201. Л. 80]. Далее: «…для меня еще много значил авторитет классической школы в этнологии. Мы представляли себе дело таким образом, что, несмотря на все свои ошибки, в этой школе есть много стихийно материалистического, и поэтому нам важно взять тактическую линию на использование всех тех работников, которые еще сохранили эти стихийно материалистические моменты. <…>

Этнографическое совещание 1929 г. демонстрировало нашу половинчатость в этом отношении. Как я уже сказал и в своем докладе, мы не поставили точку над “i” и оставили лазейку для марксистской советской этнографии и т.д. С этим связан так называемый этнографический империализм, как в шутку говорили некоторые товарищи, то есть попытка определить этнографию таким образом, что она является всеобъемлющей наукой, изучающей все, начиная от пережитков [до]классового общества, кончая колхозами, индустрией нацрайонов и т.д.

Уже в передовой статье в “Советской этнографии” № 1–2 я попытался отойти от этого и снизить пределы этнографии, свести ее к задачам исторической науки, представляющей из себя часть общей науки. <…> Несомненно, что позиции марксистской или советской этнографии — позиции ложные. Я считаю это определенным эклектизмом, разновидностью которого является уже марксистская этнография в СССР» [Там же: л. 295–298].

О пересмотре Маториным своих взглядов, непосредственно предшествовавших Археолого-этнографическому съезду 1932 г., свидетельствует доклад «О задачах историков-марксистов на этнографическом фронте», сделанный им в январе 1932 г. в Москве на совместном заседании секции докапиталистических формаций Института истории Комакадемии и Общества историков-марксистов. В нем лидер ленинградских этнографов употреблял слово «этнография» только в кавычках и подчеркивал, что это понятие «является абсолютно изжившим себя в смысле особой науки»

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

[АРАН. Ф. 359. Оп. 1. Ед. хр. 154. Л. 23]. Труды российских этнографов Маторин подразделял на: «а) колонизаторские работы, посвященные Сибири, Поволжью, Кавказу и т.д.; б) работы местных этнографов буржуазных национал-демократов; в) работы великодержавных русских патриотов с восхвалением старинной русской культуры, искусства и т.д.», выделяя также «работы мелкобуржуазной народнической школы», представлявшие собой на фоне всего остального «до известного времени прогрессивное явление» [Там же: л. 20–21]. Начавшиеся с 1928–1929 гг. «искания» в области марксистской этнографии не привели к появлению конкретных работ, где этот метод был применен. Все попытки определить предмет этнографии как самостоятельной науки оказываются несостоятельными: при широком толковании она «подменяет» историю, которая только и может претендовать на изучение «конкретных обществ всех времен и народов», при сужении ее предмета до доклассового или докапиталистического общества теряется из виду необходимость использования для их изучения археологических, письменных и других видов источников. Следовательно: «Поскольку не существует и не может существовать этнография как особая самостоятельная наука, можно и должно говорить об истории как единой науке о диалектическом развитии человеческого общества. Так называемые “этнографы” превращаются в историков соответствующей специальности. Большинство из них, очевидно, должно будет сосредоточиться на истории родового и феодального обществ…» [Там же: л. 23–24].

Превратив «так называемых этнографов» в историков, Маторин выстраивал обширную программу их дальнейших действий, первые три пункта которой гласили:

«а) На всех исторических отделениях вузов выделить спецкурсы по истории доклассовых обществ как на советском, так и на международном материале;

б) превратить на деле “Историю России” в “Историю народов СССР”, так как разработка ее может вестись в первую очередь усилиями самих работников национальных республик и областей, то 1) в местных вузах <…> необходимо учреждение кафедр “Истории края”, отнюдь не сводя ее к истории русской колонизации, как то нередко бывает, а рассматривая ее как историю данной национальности или группы национальностей на материалах археологических, документальных, лингвистических и этнографических; 2) в центральных вузах история народов СССР должна включать в себя обязательно историю всех обществ, где сохранился до революции докапиталистический уклад» [Там же: л. 24–25].

Далее докладчик приводил внушительный список центральных и местных научных организаций, при которых, по его мнению, необходимо создать аспирантуры для подготовки кадров по истории доклассовых, родовых и феодальных обществ. Таким образом, при всей спорности оценок прош-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

лого и настоящего этнографии и предлагаемых рецептов доклад Маторина вряд ли можно назвать неконструктивным. Этот тон обсуждения был продолжен Аптекарем. Наряду с традиционной для этого оратора критикой «буржуазных» ученых (на этот раз больше других «досталось» Кагарову и Куфтину), он критиковал деление народов на исторические и неисторические, а также разделение на историю и «доисторию». Аптекарь попрежнему называл этнографию «суррогатом», но на этот раз уже не социологии, а истории народов СССР, и сетовал на то, что эта история еще не написана [АРАН. Ф. 359. Оп. 2. Ед. хр. 88. Л. 5–7]. Маркелов поддержал констатацию того факта, что «этнографию похоронили и забили последний гвоздь в гроб этнографии и археологии». Созываемый этнографо-археологический съезд должен, по его мнению, направить «бывших этнографов» на изучение советской национальной политики [Там же: л. 12–13]. Толстов в своем выступлении также пересматривал свои взгляды двухлетней давности: «Я должен согласиться с той характеристикой, которую дал моим выступлениям тов. Маторин, и признать, что я был не прав, так же как и большинство выступавших специалистов-этнографов. Сама жизнь и та работа, над которой мы работаем для того, чтобы включить наши этнографические исследования в русло социалистического строительства, сказали, что этнографии как отдельной дисциплины, как отдельной науки не должно быть и не может быть. К этому положению я прихожу на практике своей работы. Практика работы разбила ту точку зрения, с которой я выступал на этнографическом совещании. Я музейный работник. Сейчас работаю над реконструкцией своего отдела в Центральном музее народоведения. Я прихожу к тому выводу, что этнографический музей мы создать не можем, что этнографический музей существовать не может. Тот музей, который мы строим, плохо ли, хорошо ли (когда он будет построен, мы будем критиковать), но этот музей не будет этнографическим. Это будет музей народов СССР, где этнографические источники и археологические источники выступают на равных правах, где основным стержнем является развитие исторического процесса, в частности в Средней Азии. Если мы не можем построить этнографического музея, это является критерием того, что такой науки существовать не должно <…> Поэтому я считаю, что этот вопрос нужно разрешить в основном до съезда. Выносить его лишний раз на съезд, чтобы снова углубляться в дебри, в которые углублялись в 29 г., не стоит. Это вопрос разрешила нам сама жизнь» [Там же: л. 14 об.–15].

Несколько раз откладывавшееся Всероссийское археолого-этнографическое совещание наконец состоялось в Ленинграде 7–11 мая 1932 г. Центральную роль в его подготовке, по всей видимости, играла ГАИМК. Это вытекает из своего рода программы совещания, присланной из ГАИМК в МАЭ 22 апреля 1932 г. В ней указывалось, что совещание созывается для «полной и коренной перестройки» научной работы в этих областях

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

и «изживания отставания теории от практики», на чем настаивало постановление ЦК ВКП(б) от 15 марта 1931 г. [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1932). Ед. хр. 32. Л. 2]. В различных проектах программы этого совещания предполагались программные выступления Н. Я. Марра и В. Б. Аптекаря, однако их на совещании не было.

С. Н. Быковский и Н. М. Маторин прочитали доклады, называвшиеся соответственно «Возможна ли марксистская археология» и «Возможная ли марксистская этнография». Ответ на эти вопросы был однозначно отрицательным. «Буржуазная» классификация наук была основана на «гипостазировании» самостоятельных дисциплин исходя из различных видов источников (археологических, фольклорных, литературных, этнографических) и методов их получения (к примеру, «непосредственное наблюдение»). Буржуазной классификации противопоставлялась марксистско-ленинская. «В системе последней история человеческого общества делится на крупные разделы по признакам: а) общественно-экономических формаций, б) отдельных стран (история народов СССР, история Китая, колониальных стран и т.д.) и, наконец, в) отдельных сторон единого исторического процесса (история материальной культуры, история техники, политическая история, история религии, история искусства и т.д.)» [Резолюция… 1932: 7]. Утверждение о существовании марксистской этнографии в резолюции совещания было названо теоретически несостоятельным и дезориентирующим [Там же: 13].

Доклады, на основе которых была вынесена процитированная резолюция, особых прений не вызвали. Яркое выступление Толстова было вновь посвящено «невозможности» марксистской этнографии и этнографического музея, показывавшего «покоренные народы <…> как зверей, как животных, которые умеют красиво одеваться, носить красиво вышитые одежды, а внутри себя не имеют никакой истории» [АИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1932). Ед. хр. 201. Л. 100–101]. В выступлении Богораза звучали нотки разочарования: «Три года назад на этнографическом совещании мы, этнографы старшего поколения и примыкающие к нам, дали обещание на нашей работе по пересмотру наших прежних работ и к новым работам применять марксистский метод. С другой стороны, этнографы более новой школы дали обещание показать нам подход к этой работе, взять нас как бы на буксир, как это тогда называли. Вот из тезисов тов. Маторина видно, что это не было исполнено. Были трехлетние споры, которые вызвали дезориентацию ищущих правильного пути научных работников, и буксир не был исполнен…» [Там же: л. 373–374].

В ходе обсуждения в речах участников то и дело возникали мотивы «похорон», «ликвидации», «забивания гвоздей в гроб» и т.п. Чтобы противостоять подобному «похоронному» настроению, главные ораторы вселяли в собравшихся оптимизм. Маторин призвал бороться против «левацких

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

заскоков», выражавшихся в закрытии этнографических музеев, и «привести на места не простую голую формулу “похоронили, справили поминки и больше ничего”, но мы должны приехать подкованными к работе и работать на местах с жаром» [АИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1932). Ед. хр. 202. Л. 26–32]. Ему вторил Кипарисов: «…никакой катастрофы, никакого погребения историков, именуемых этнографами и археологами, мы не имеем. Мы перестраиваем свои ряды, никто не собирается отказываться от такого великолепного источника исторического исследования, каковым является археологический и этнографический материал» [Там же: л. 54]. Завершая совещание, председательствовавший Луппол заверил: «…мы не отделяем этнографию от науки истории, отражающей общественные формы движения, изучающей общественно-социальные закономерности, но вместе с тем мы будем решительно бороться против тех, которые захотят истолковать это наше методологическое решение, эту нашу позицию, что вообще ликвидируется археологическая и этнографическая работа. <…> Вот с убеждением, что мы уяснили многое в отношении методологии, наметили много в отношении проблематики и перспектив на будущее, мы и разойдемся для непосредственной практической работы, которая поднимет, несомненно, археологическую и этнографическую работу на качественно высшую ступень» [Там же: л. 197–199].

Археолого-этнографическое совещание 1932 г. действительно представляло собой довольно странные «оптимистические поминки», на которых призывы «похоронить» и «забить гвоздь» перемежались с бодрыми отчетами о перестройке деятельности музеев и научных институтов и декларациями о перспективах деятельности «бывших» этнографов и археологов, а ныне — историков докапиталистических формаций. Уже в следующем, 1933, году Институт по изучению народов СССР был преобразован в Институт антропологии и этнографии, его директор Маторин на Первом всесоюзном географическом съезде прочитал доклад «Пятнадцать лет советской этнографии и ее дальнейшие задачи», и об «отмене» этнографии и археологии как научных дисциплин более не упоминалось [Решетов 2003в]. В вышеупомянутом докладе Маторин вновь осуждал «левацкие» и «нигилистические извращения», связанные с прекращением этнографической работы, и указывал на необходимость восстановления этнографического образования [Маторин 1934а: 101–103]. Таким образом, «похороны» этнографии не входили в истинные намерения даже главного докладчика совещания 1932 г. В то же время в его выступлениях прозвучали тезисы об «истории народов СССР» как новой парадигме, в рамках которой в дальнейшем будут работать этнографы.

В заключение приведем цитату из неопубликованной статьи Д. К. Зеленина «Этнографическая работа в СССР: основные линии и достижения», в которой классик этнографической науки, довольно скептически относи-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

вшийся ко всем теоретическим спорам того времени, подводил итоги совещания 1929 г. и последовавших за ним дискуссий: «Вызванное социалистической революцией резкое преобладание в советском обществе интереса к социально-экономическим вопросам привело сначала к полумеханическому слиянию этнографии с элементами социально-экономических наук. <…> Но скоро специфические особенности этнографии выделили ее особо, и притом в обновленном виде — чисто социологической науки, правда, не самостоятельной, а вспомогательной. В основу этнографического изучения положены не отдельный человек и не культура, а человеческое общество. На многолюдном совещании этнографов Ленинграда и Москвы, состоявшемся 5–11 апреля 1929 г. в Ленинграде, вопрос о теоретических задачах этнографии послужил предметом длительных и горячих дебатов; но два основных тезиса не вызвали среди членов совещания никаких разногласий. Это: 1) методом этнографии должен быть метод диалектического материализма и 2) этнография — наука историческая, часть всемирной истории.

Основным понятием и объектом этнографии ленинградское совещание признало социально-экономические формации в их конкретных вариантах. Задача советских этнографов — историческое изучение конкретных во времени и пространстве человеческих обществ и отдельных культурных явлений, например жилища, костюма и т.д. Понятия “народ” (“этнос”) и “культура” — вторичные понятия. Понятие “культурного круга”, как и другие концепции культурно-исторической школы Гребнера — В. Шмидта — В. Копперса, совещание откинуло. Отрицательно отнеслось совещание и к попыткам построить этнологию как теоретическую науку в убеждении, что это противопоставит ее марксистской социологии. Лозунгом дальнейшей работы этнографов провозглашены переход от классиков к марксизму, от стихийного материализма к сознательному применению диалектического метода. На первый план выступают также чисто практические задачи этнографии, участие в социалистическом строительстве. <…>

Всероссийское археолого-этнографическое совещание, состоявшееся 7–11 мая 1932 г. в Ленинграде, подчеркнуло вспомогательный характер этнографии как не занимающей своего самостоятельного места в марксистской классификации наук. <…>

Каждая самостоятельная наука должна иметь своим предметом ту или иную форму движения; этнография не имеет такого специфического предмета: этнографические материалы отражают те процессы, которые происходят в человеческом обществе; это большей частью продукты деятельности общества на примитивных ступенях его развития. <…>

Для современной советской этнографии характерны, с одной стороны, социологический и исторический, с другой — практический подходы к изучаемым явлениям. <…>

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Этнография не ограничивается изучением одних бытовых пережитков от примитивных эпох, но изучает также и полностью быт различных классов современного населения, не только деревенского, но и колхозного и частью городского — быт рабочих. Изучая жизнь общества комплексно, советская этнография тесно увязывает свои исследования с археологией, с одной стороны, и с лингвистикой, в частности с яфетидологией, — с другой. <…>

Сложный и трудный вопрос о применении к этнографическим исследованиям метода диалектического материализма вызвал большую литературу о задачах и методах этнографии… Критика старых и новых этнографических работ, разоблачение классовой буржуазной и феодальной сущности старых русских и современных западноевропейских этнографов отнимали очень много внимания и энергии у советских этнографов. В последние годы центр внимания переносится на изучение социально-экономических докапиталистических формаций в их конкретных вариантах, особенно родового строя, на этнографических материалах. Родовой быт, пережитки которого еще сохранились у многих народов Сибири и Средней Азии, — вот предмет очень многих советских научных работ, одинаково как этнографических, так и археологических, так и исторических в тесном смысле последнего слова» [СПФ АРАН. Ф. 849. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 1–12].

Заключение

Если в чем-то этнографы, собравшиеся на совещании 1929 г., продемонстрировали почти полное единодушие, то это было представление о том, что их наука должна вступить в более тесную связь с советской национальной политикой и осуществлявшимся в стране социалистическим строительством. Намерения поставить этнографию «на службу СССР» высказывали не только «молодые марксисты», но и их учителя [Богораз 1928; Преображенский 1929а]. В этом они, конечно, не были оригинальны: этос служения государству, представления о совпадении интересов государства и общества и своей модернизаторской миссии были свойственны российским ученым и дореволюционной, и советской эпох [Hoffmann 2011: 29–34]. Преемственность этой традиции видна в деятельности КИПС, созданной в самом начале 1917 г., еще при царском режиме [Hirsch 2005: 45–51]. Участие в картографировании, переписях и определении «племенного состава» населения страны было традиционной функцией «государственных этнографов». Наиболее известным органом, в рамках которого осуществлялась «прикладная этнография» в 1924–1935 гг., был знаменитый Комитет Севера, разрабатывавший разные аспекты модернизационного проекта на Севере — от организации родовых советов и очерчивания административных границ до разработки письменности и образовательных программ [Слезкин 2008]. Резолюция совещания 1929 г. по докладам Маторина и Толстова насчитывала 10 пунктов применения этнографических знаний в «советском

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

строительстве», охватывавших сферу законодательства, экономической политики, статистики, культуры и просвещения национальностей. На решение «прикладных» и актуальных задач социалистического строительства (изучение «пережитков родового и феодального строя», создание письменности, обеспечение перехода на оседлость кочевых народов, участие в антирелигиозной пропаганде и т.д.) ориентировал этнографов в своих последних программных выступлениях Маторин [Маторин 1934а, 1934б]. Теоретической основой марксистской этнографической литературы 1930-х годов стало учение о социально-экономических формациях, а главной задачей монографических описаний — вполне в соответствии с пожеланиями Аптекаря и «практическими» задачами коллективизации — анализ социально-экономических отношений «конкретных обществ» [Alymov 2014].

Связь теории и практики проявилась и в разработке проблематики, связанной с понятием «этнос». Как мы видели, это понятие было подвергнуто суровой критике за антиисторичность и «биологизаторство». Определенная ирония ситуации, однако, состояла в том, что одновременно с этим этнографы продолжали активно участвовать в осуществлении советской национальной политики, направленной на создание национальных территорий, органов власти, культурных институтов и т.д., — политики поощрения этнического партикуляризма, превратившего Советский Союз в «империю наций» или, по метафоре, использованной Ю. Слезкиным, «коммунальную квартиру», в которой каждому народу принадлежала своя «комната» [Slezkine 1994]. Прослеживая зигзаги советской политики «коренизации», направленной на поддержку национальных меньшинств, Терри Мартин показал, что «Великий перелом» 1929–1932 гг. парадоксальным образом привел к усилению представлений о примордиальности этничности. Уже в 1929 г. Сталин стал опровергать представление о скором «отмирании» наций, а к середине 1930-х, по мнению Мартина, можно говорить о сложившемся «сталинском примордиализме», то есть такой политике, при которой усилия «были направлены на консолидацию их (советских народов. — *С. А., Д. А.*) национального самосознания, а глубинные исторические корни их этничности подчеркивались и прославлялись» [Мартин 2011: 613]. Этнографы также колебались между критикой этноса и поиска «корней» современных наций и новообретенной исторической логикой своей дисциплины, диктовавшей уже в решениях Археолого-этнографического совещания 1932 г. поставить на первое место среди «проблем, при изучении которых этнографические материалы могут сыграть особо важную роль», «процесс этногенезиса и расселения этнических и национальных групп» [Резолюция… 1932: 14].

Первоначально вдохновлявшаяся идеями об историчности этноса и смешанном происхождении всех народов, идея этногенеза также прошла в советской науке путь ко все большему вниманию к древним корням

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

и «патриотическим» толкованиям [Шнирельман 1993; Slezkine 1996]. Исследователи, как правило, подчеркивают такие факторы этой трансформации, как общий поворот идеологической политики середины 1930-х годов, восстановление преподавания истории, идеологическая борьба с германскими «арийскими» теориями и подготовка таких обобщающих трудов, как «Древняя история народов СССР». Наряду с историками и археологами этнографы также включились в этот процесс: к примеру, в 1938 г. Г. Н. Прокофьев сделал доклад на тему «Этногенез народностей Обь-Енисейского бассейна», а С. А. Токарев — «Происхождение якутской народности» [Абрамзон 1939б: 215]. Тогда же в Академии наук начала действовать специальная комиссия по проблемам этногенеза [Юсова 2007], в начале 1940-х годов прошли совещания по этногенезу народов Севера, Средней Азии и славян. Известно, однако, что уже в 1934 г. под руководством Маторина шла подготовка однотомного и многотомного вариантов справочника «Народы СССР» [Решетов 2003а: 31, 36]. В 1939 г. была опубликована «Программа подготовляемого Институтом этнографии сборника “Народы СССР”». Каждая статья в нем должна была состоять из трех основных разделов: 1) краткое введение с характеристикой численности, расселения и т.д.; 2) раздел, начинавшийся исторической справкой о «формировании (этногенезе) народа» и освещавший основные занятия, материальную и духовную культуру; 3) раздел, посвященный послереволюционным событиям, социалистической реконструкции и современному состоянию [Абрамзон 1939а: 210–212]. Нетрудно увидеть в этой схеме «костяк» содержания типовой монографии о том или ином народе, над которыми будут в дальнейшем трудиться советские этнографы.

Все вышеизложенное, а главное — публикуемая стенограмма, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что эпоха рубежа 1920–1930-х годов отразила не только кризис, «нокдаун» или даже «смерть» этнологии, но и важные и содержательные дебаты, рождение новых идей и подходов. Далеко не всем из них удалось осуществиться. Эпоха «высокого сталинизма» была, разумеется, крайне сложным периодом для развития любой науки. Организационно этнография пострадала главным образом из-за прекращения вузовской подготовки специалистов, возобновленной в Москве и Ленинграде только в 1938 г. Помимо научно-исследовательских институтов (ИПИН–ИАЭ–ИЭ, ГАИМК), научная жизнь протекала главным образом в музеях (МАЭ, ГМЭ, Музей истории религии и атеизма в Ленинграде, Музей народов СССР, Центральный антирелигиозный музей в Москве), подвергавшихся постоянной реформации в связи с «зигзагами» национальной политики [Ипполитова 2001], но все же продолжавших осуществлять экспедиции и печатать исследования.

Главный урон был нанесен, конечно, репрессиями. Составляя комментарии к данной книге, мы были потрясены тем, какое количество биографий

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

участников совещания 1929 г. обрывается трагическими «репрессирован», «расстрелян» (общее количество репрессированных этнографов, по подсчетам А. М. Решетова, может достигать 500 человек [Решетов 1994: 186]). Профессия этнографа была поистине опасной в эти годы [Kan 2009: 400–407]. Большинство репрессированных участников совещания «проходили» по делам, связанным с террором против «местных националистов», то есть национальной интеллигенции, с которой этнографы в силу своей специальности были тесно связаны. Многие, впрочем, были арестованы и в связи с «Академическим делом» и «делом Центрального бюро краеведения» (в основном специалисты по русским и славянам) или как причастные к внутрипартийной оппозиции (главным образом активные сторонники марксизма, как Аптекарь и Маторин). В этой связи возникает особый стиль проведения полевых исследований, где поле становится укрытием. Многие исследователи просто стремились таким образом избежать преследований или расстрела «дома».

С точки зрения теории, совещание 1929 г. и последующие дискуссии, разумеется, принесли в этнографическую науку марксистскую парадигму, подкрепленную всеми идеологическими, цензурными и репрессивными ресурсами большевистского государства. Можно по-разному относиться к этой парадигме, но она, конечно, не исключала постановку различных теоретических и дискуссионных вопросов. На совещании 1929 г. мы видим, однако, некоторые точки консенсуса, которые определили дальнейшее относительное единодушие советских этнографов, а именно — консенсус относительно «историзации» дисциплины. Не вызывали возражений и уклон в сторону социологических вопросов, и недовольство чисто эмпирической «тряпкологией». Представления о марксистской этнографии (и о ее возможности) заметно отличались как у разных исследователей, так и у одних и тех же людей в ходе развития дискуссии. Такого рода отличия останутся и в дальнейшем, когда под «шапкой» «советской школы в этнографии» [Толстов 1947] в 1930–1940-е годы будут сосуществовать марксистские исследования социальной структуры, этногенетические штудии, марристские подходы к истории религии и «мышления» и чисто эмпирические исследования.

Советская школа этнографии считала себя самой прогрессивной в мире и стремилась оказывать влияние на мировую науку. В заключение мы хотели бы указать на «эхо» этих дискуссий и схожие процессы, имевшие место в мировой антропологии.

Постскриптум

Как продемонстрировала Вера Тольц, российские востоковеды В. В. Бартольд, Н. Я. Марр, С. Ф. Ольденбург и другие во многом предвосхитили (и отчасти повлияли на критику и изучение) «ориентализм» в ра-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

ботах Э. Саида и других представителей постколониальных исследований. Упомянутые ученые последовательно выступали против европоцентризма и колониализма, критиковали европейскую науку за связь с этими явлениями и даже считали, что само понятие «востоковедение» с его противопоставлением Запада и Востока и акцентом на изучении письменных источников, языков и религии устарело и должно уступить место изучению более актуальных социально-экономических реалий [Тольц 2013]. Антиимпериализм и поддержка национального самосознания меньшинств были для этих ученых не только следованием политической конъюнктуре 1920-х годов, хотя они, несомненно, не могли поддерживать «разгромные» выводы, сделанные на основании критики такими активистами культурной революции, как Аптекарь. Все эти темы из советских дебатов рубежа 1920–1930-х годов имели продолжение и развитие в истории антропологии как на Западе, так и на Востоке.

Наиболее очевидным образом советский опыт повлиял на непростую судьбу антропологических наук в коммунистическом Китае. Китайские ученые 1950-х годов были прекрасно осведомлены об атаках на этнологию/антропологию через переводы соответствующих статей из советских источников и рассказы огромного числа эмигрантов, которые поддерживали связь через переписку. По словам историка китайской антропологии, «советские дебаты об этнографии вновь разыгрывались на китайской сцене четверть века спустя» [Guldin 1994: 119]. Обучение у «старшего брата» включало перевод учебников (прежде всего «Очерки первобытной культуры» М. О. Косвена, «Введение в общую этнографию» Левина, Толстова и Чебоксарова), экспорт научной литературы и визиты советских экспертов, наиболее влиятельным среди которых был Н. Н. Чебоксаров. На протяжении 1950–1960-х годов китайские ученые публиковали статьи с критикой западной антропологии как оружия империализма и колониализма. Имела место и резкая критика ханьского шовинизма в работах дореволюционных китайских антропологов, многие из которых были последователями функционализма или школы Ф. Боаса. В результате культурная антропология со всеми западными теориями была объявлена буржуазной псевдонаукой, и соответствующие кафедры в университетах были закрыты.

Этого, однако, не произошло с этнологией. В 1952 г. в созданной по советскому образцу Академии наук возник Центральный институт национальностей, объединивший лучших специалистов по этническим группам страны. Вооруженные историческим материализмом и сталинским определением нации, этнографы начали широкую кампанию по «идентификации», классификации и изучению национальных меньшинств. Таким образом, ученые активно включились в формирование этнической политики нового государства. Другие государственные проекты, над которыми работали китайские этнографы, также имели явные параллели в советской

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

практике. Первый из них был направлен на изучение языков этнических меньшинств и создание письменности для официально признанных таковыми. Второй назывался «Исследование социальной истории национальных меньшинств» и задействовал около тысячи полевых работников. Как и в Советском Союзе, изучение социальных отношений проводилось в ходе социалистической реконструкции. Основной его целью было определение уровня социального развития исследуемых групп в терминах социально-экономических формаций, с тем чтобы эти данные определяли ход земельной и других реформ. «Великий скачок вперед» конца 1950-х годов значительно повлиял как на ход проведения этих исследований, так и на обострившуюся политику идеологических проработок в академии. Одновременно популистские лозунги «культурной революции» сказались на методике полевых работ. Лозунг «Есть вместе, жить вместе, работать вместе» означал соответствующее погружение исследователей в повседневность изучаемой группы. Политически неблагонадежные ученые посылались в деревню на «перековку» физическим трудом. Один из них впоследствии вспоминал, что узнал о жизни народа за время полного «включения» в их жизнь гораздо больше, чем задавая вопросы в ходе полевых исследований [Guldin 1994: 161–164].

Американский историк китайской антропологии Грегори Галдин заметил, что статья 1960-х годов китайского этнографа Лянг Жаотао «предвосхищает многое из современной западной критики антропологической теории и практики в дискуссии об антропологии и “Другом”» [Ibid.: 189]. Данная критика стала более или менее заметным явлением во второй половине 1960-х годов. Этому способствовали такие факторы, как деколонизация и становление новых национальных государств, затруднявших доступ антропологов к «полю» на своей территории, внутренние конфликты в западной науке, связанные с участием антропологов в операциях американских спецслужб в Латинской Америке и Вьетнаме, а также публикация «скандального» дневника Б. Малиновского [Stocking 1991: 3–8; Geertz 1967]. Не отрицая интеллектуальные основания антропологии в проекте Просвещения, исследователи, придерживавшиеся левых взглядов, писали, что антропология является «порождением западного империализма», так как в качестве научной дисциплины она стала возможной лишь благодаря колониальному господству Запада над остальным миром [Gough 1968]. Главной причиной «кризиса антропологии», о котором в 1960–1970-е годы говорили многие, стали растущие отчуждение и враждебность по отношению к антропологам со стороны обретающих независимость и собственные государственные идеологии «объектов» западного изучения и колонизации (пиком стала книга маорийского активиста Линды Смит «Деколонизуя методологии» [Smith 1999], предлагавшей полный пересмотр терминологического и методологического арсенала антропологии). Таким образом,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

эта ситуация имеет определенные параллели с той, в которой оказалась советская этнография 1920–1930-х годов, когда на смену Российской империи пришла большевистская «империя положительного действия», провозгласившая антиколониализм, борьбу с «великорусским шовинизмом» и поддержку национальных меньшинств в ряду своих основных принципов. «Положительная дискриминация» звучала и из уст В. Г. Богораза, предлагавшего в том числе и создание «заказных территорий» как аналога североамериканских резерваций [Об изучении... 1923; Михайлова 2004]. Особенность советского колониального проекта заключалась в том, что с первых лет в сами дискуссии и написание текстов стали включаться «объекты исследования» — коренные народы окраин. Вспомним приведенные выше выступления юкагира Тэки Одулока (Спиридонова), удмурта Кузебая Герда или написание статьи об алеутах для тома «Народы Сибири» алеутом В. П. Хабаровым.

Тема «наука и колониализм», появившаяся в СССР и на Западе в структурно сходной ситуации, разрабатывалась с разной глубиной и добросовестностью. Работы вроде «Этнографии на службе классового врага», появлявшиеся в атмосфере репрессий начала 1930-х годов, представляли собой морально и научно некорректное выискивание в работах «буржуазных» ученых цитат, свидетельствовавших об их шовинистических и империалистических взглядах и «порочащих связях» с царским правительством, миссионерами и т.д. Позднее появлялись несравненно более серьезные работы, анализировавшие различные колониальные контексты деятельности ученых на широком историческом материале [Asad 1973; Stocking 1991; Wolfe 1999]. Кризис антропологии на Западе не привел, разумеется, к закрытиям кафедр и репрессиям. Тем не менее можно указать на такое сходство с процессами в СССР, как появление критики центральных концептов антропологической науки, в частности эссенциализации «культуры» и культурного детерминизма. Одна из сторонниц концепции кризиса Диана Льюис писала: «Антропологи разработали концепцию культуры, аналитическое и теоретическое использование которой в опасной степени отражает точку зрения колониального расизма. Как антрополог, так и колонизатор находят в культурной уникальности определенного народа оправдание сохранения нынешнего положения вещей. Важность понятия культуры может помочь понять, почему антропологи столь некритично воспринимали колониальную систему, внутри которой действовали» [Lewis 1973: 585]. Несмотря на кризис 1960-х, «западная» антропология обладала, возможно, главным ресурсом — методом «включенного наблюдения», который от детальной дескрипции, скажем, терминов родства был повернут в сторону не менее детального изучения практик. По другую сторону от «железного занавеса» этот метод, как мы могли видеть даже на примере одного совещания, не «прижился», не совпав со стремлением

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

этнографов описать историю той или иной группы, ее материальную культуру, но не задаваться вопросом о функционировании этих «элементов». Можно даже заключить, что советская этнография до известной степени оставалась статичной, описывающей мир через ряд имманентных категорий (пища, жилище, «народные знания» и т.п.).

В то же время с 1960-х годов во многом благодаря интересу к колониализму начинается сближение антропологии и истории в работах таких американских неомарксистов, как Эрик Вульф, Стэнли Минц и др. Стремление антропологов исследовать историю «народов без истории» в определенной степени можно сравнить с советскими проектами этногенетических штудий и написания истории народов СССР в противовес «шовинистической» истории России. Советская этногенетическая история, однако, была зажата в рамках стандартной модели описания, в которую лишь изредка проникали «голоса из поля». Примерно в то же время в Северной Америке формировалась концепция этноистории (*ethnohistory*), в основе которой лежала совершенно иная идея интеграция устной истории в историю академическую (впервые на соотношение этногенеза и ethnohistory обратил внимание: [Anderson 2007]).

Наконец, и в Советском Союзе 1920–1930-х годов, и на Западе антиколониальная критика привела к пересмотру отношений этнографа и информантов. Д. Льюис, как и многие другие антропологи, предлагала своего рода замену высокомерно-«объективного» антрополога «извне» на местного исследователя, вовлеченного и отстаивающего интересы изучаемой группы. То же предлагал ученик Богораза Е. Крейнович, писавший: «Мы хотим стереть эту грань между субъектом и объектом, между нами и ними. <…> Объекты исследования должны стать субъектами» (цит. по: [Grant 1995: 77]). Одной из попыток в этом направлении стало основание Северного факультета Педагогического института им. А. И. Герцена, а также многие другие акции в рамках программы «коренизации». Однако голос «информанта» в дальнейшем, как правило, звучал только в рамках стандартизированного языка этнографического описания. Слияние, о котором говорил Е. А. Крейнович (и к которому призывал Богораз), если и происходило, то сводилось к освоению и использованию — продолжающемуся и по сей день — «объектами» этнографии правил академического дискурса. «Государственный» подход, безусловно, возобладал в советской этнографии, и тогдашние эксперты, конечно, крайне далеки от постмодернистских представлений о соотношении ролей исследователя и его/ее «собеседников». В данной книге, однако, мы имеем возможность прикоснуться к тому короткому периоду в истории отечественной этнографии, когда многое казалось возможным и самые смелые эксперименты представлялись осуществимыми.

Итак, 5 апреля 1929 г., Ленинград, утро, здание Государственной академии истории материальной культуры…

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

БИБЛИОГРАФИЯ

Архивные источники

АИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1932). Ед. хр. 201, 202.

АИЭА РАН. Ф. 8.

АМАЭ РАН. Ф. К-I. Оп. 3. Ед. хр. 7; Ф. К-IV. Ед. хр. 29.

АРАН. Ф. 350. Оп. 2. Ед. хр. 233; Ф. 358. Оп. 2. Ед. хр. 177; Ф. 359. Оп. 2. Ед. хр. 88, 154; Ф. 377. Оп. 2. Ед. хр. 24, 110, 130, 131.

ГАРФ. Ф. 7668. Оп. 1. Ед. хр. 251, 520; Оп. 2. Ед. хр. 5.

Личный архив А. Г. Данилина (хранится у его дочери Л. А. Данилиной, Амстердам, Голландия / Санкт-Петербург, Россия).

Личный архив А. М. Решетова (хранится в МАЭ РАН).

СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1928). Ед. хр. 7; Оп. 1 (1929). Ед. хр. 10; Оп. 1 (1932). Ед. хр. 32; Ф. 849. Оп. 1. Ед. хр. 7.

Литература

Абрамзон 1939а — *Абрамзон С. М.* Программа ближайших работ Института этнографии АН СССР // СЭ. Сборник статей. М.; Л., 1939. Т. 2. С. 208–213.

Абрамзон 1939б — *Абрамзон С. М.* Итоги заседания по вопросам этнографии и фольклора народов СССР // СЭ. Сборник статей. М.; Л., 1939. Т. 2. С. 213–217.

Аверкиева–Боас, переписка 2006 — Julia Averkieva / Franz Boas Correspondence (1931–1937) (Переписка Ю. П. Аверкиевой и Ф. Боаса) (перевод, комментарии на англ. и рус. яз.) // Bulletin: Anthropology, Minorities, Multiculturalism. Новая серия. Краснодар, 2006. Вып. 1 (2). С. 117–159.

Александров 2008 — *Александров Д.* Послесловие. Немецкие мандарины и уроки сравнительной истории // Рингер Ф. Закат немецких мандаринов. Академическое сообщество в Германии, 1890–1933. М., 2008. С. 593–632.

Алымов 2006 — *Алымов С. С.* П. И. Кушнер и развитие советской этнографии в 1920–1950-е годы. М., 2006.

Алымов 2007 — *Алымов С. С.* На пути к «древней истории народов СССР»: малоизвестные страницы научной биографии С. П. Толстова // ЭО. 2007. № 5. С. 125–144.

Алымов 2008 — *Алымов С. С.* Три этюда о марризме в советской этнографии // ЭО. 2008. № 6. С. 79–93.

Алымов 2009 — *Алымов С. С.* Космополитизм, марризм и прочие «грехи»: отечественные этнографы и археологи на рубеже 1940–1950-х годов // Новое литературное обозрение. 2009. № 3 (97). С. 7–36.

Алымов 2013 — *Алымов С. С.* Экспедиция в первобытность: об одной нереализованной мечте советской этнографии // ЭО. 2013. № 4. С. 88–94.

Алымов, Решетов 2003 — *Алымов С. С., Решетов А. М.* Борис Алексеевич Куфтин: изломы жизненного пути // Репрессированные этнографы. М., 2003. Вып. 2. С. 227–268.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Анчабадзе 2010 — *Анчабадзе Ю. Д.* С. А. Токарев: начало пути // ЭО. 2010. № 3. С. 120–133.

Арзютов 2012 — *Арзютов Д. В.* Полевые программы Штернберга и Богораза: от концепции поля к категоризации этничности // Лев Штернберг — ученый, гражданин и человек (к 150-летию со дня рождения) / под ред. Е. А. Резвана. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 240–247.

Арзютов, Кан 2013 — *Арзютов Д. В., Кан С. А.* Концепция поля и полевой работы в ранней советской этнографии // ЭО. 2013. № 6. С. 45–68.

Бернштам 1932 — *Бернштам А. Н.* Идеализм в этнографии (Руденко и руденковщина) // Сообщения ГАИМК. 1932. № 1–2. С. 27.

Бертран 2003 — *Бертран Ф.* Наука без объекта? Советская этнография 1920–1930-х годов и вопросы этнической категоризации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. IV. № 2. С. 165–179.

Богораз 1928 — *Богораз-Тан В. Г.* Распространение культуры на Земле: основы этногеографии. М.; Л., 1928.

Богораз 1929 — *Богораз В. Г.* Международное совещание по плану устройства экспедиции в полярной зоне // Этнография. 1929. № 1. С. 103–107.

Богораз 1930 — *Богораз В. Г.* К вопросу о применении марксистского метода к изучению этнографических явлений // Этнография. 1930. № 1–2. С. 3–56.

Быковский 1932 — *Быковский С. Н.* Племя и нация в работах буржуазных археологов и историков и в освещении марксизма-ленинизма // Сообщения ГАИМК. 1932. № 3–4.

Валашкова, Решетов 1995 — *Валашкова Н., Решетов А. М.* Николай Михайлович Могилянский: Факты биографии // Кюнеровские чтения 1993–1994 гг.: краткое содержание докладов. СПб., 1995. С. 58–59.

Васильков, Сорокина 2003 — *Васильков Я. В., Сорокина М. Ю.* Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991). СПб., 2003.

Все силы… 1931 — Все силы научных работников — на теоретическую разработку проблем соцстроительства и классовой борьбы пролетариата: Постановление ЦК ВКП(б) от 15 марта 1931 г. по докладу президиума Коммунистической академии // Правда. 1931. 18 марта.

Голубева 2002 — *Голубева О. Д.* Н. Я. Марр. СПб., 2002.

Грэхэм 1991 — *Грэхэм Л. Р.* Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе: пер. с англ. М., 1991.

Гуковский 1965 — *Гуковский А. И.* Как я стал историком // История СССР. 1965. № 6. С. 76–99.

Давыдов 2013 — *Давыдов В. Н.* Власть проводника: каюры-эвенки и использование оленного транспорта на Северном Байкале // Ранние формы потестарных систем / отв. ред. В. А. Попов. СПб., 2013. С. 267–280.

Дмитриев 2007 — *Дмитриев А.* «Академический марксизм» 1920–1930-х годов: западный контекст и советские обстоятельства // Новое литературное обозрение. 2007. № 88. С. 10–38.

Евграфов и др. 1985 — *Евграфов В. Е., Коган Л. А., Кружков В. С.* и др. История философии в СССР. М., 1985. Т. 5. Кн. 1.

Иванова 1999 — *Иванова Ю. В.* Петр Федорович Преображенский: жизненный путь и научное наследие // Репрессированные этнографы / под ред. Д. Д. Тумаркина. М., 1999. Вып. 1. С. 235–264.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Ипполитова 2001 — *Ипполитова А. Б.* История Музея народов СССР в Москве // ЭО. 2001. № 2. С. 144–160.

Кагаров 1928 — *Кагаров Е. Г.* Пределы этнографии // Этнография. 1928. № 1.

Кадио 2010 — *Кадио Ж.* Лаборатория империи: Россия/СССР, 1860–1940 / пер. с фр. Э. Кустовой. М., 2010.

Кан 2007 — *Кан С.* «Мой друг в тупике эмпиризма и скепсиса»: Владимир Богораз, Франц Боас и политический контекст советской этнологии в конце 1920-х — начале 1930-х годов // АФ. 2007. № 7. С. 191–230.

Кисляков 1963 — *Кисляков Н. А.* Евгений Георгиевич Кагаров // СЭ. 1963. № 1. С. 144–148.

Ковалев 1928 — *Ковалев С. И.* Предисловие // Богораз В. Г. Распространение культуры на Земле. Основы этногеографии. М.; Л., 1928. С. 5–26.

Кожевников 1997 — *Кожевников А. Б.* Игры сталинской демократии и идеологические дискуссии в советской науке: 1947–1952 гг. // Вопросы истории естествознания и техники. 1997. № 4. С. 26–58.

Крейнович 1930 — *Крейнович Е. А.* Собаководство гиляков и его отражение в религиозной идеологии // Этнография. 1930. № 4. С. 29–54.

Купина 2004 — *Купина Ю. А.* Утраты или приобретения? (История коллекционных обменов МАЭ РАН с американскими музеями) // Курьер Петровской Кунсткамеры. СПб., 2004. Вып. 10–11. С. 52–85.

Куфтин 1949 — *Куфтин Б. А.* Материалы к археологии Колхиды. Тбилиси, 1949. Т. 1.

Макарьев 1928 — *Макарьев С. А.* Полевая этнография. Краткое руководство и программа для сбора этнографических материалов в СССР. Л., 1928.

Марков, Соловей 1990 — *Марков Г. Е., Соловей Т. Д.* Этнографическое образование в Московском государственном университете (к 50-летию кафедры этнографии исторического факультета МГУ) // СЭ. 1990. № 6. С. 79–91.

Марр 1931 — *Марр Н. Я.* Что дает яфетическая теория истории материальной культуры? // Сообщения ГАИМК. 1931. № 11–12. С. 7–21.

Марр 1934 — *Марр Н. Я.* Избранные работы. М.; Л., 1934. Т. 3.

Мартин 2011 — *Мартин Т.* Империя положительной деятельности. М., 2011.

Маторин 1931 — *Маторин Н. М.* Современный этап и задачи советской этнографии // СЭ. 1931. № 1–2. С. 3–38.

Маторин 1934а — *Маторин Н. М.* Пятнадцать лет советской этнографии и ее дальнейшие задачи // Труды Первого всесоюзного географического съезда. Л., 1934. Вып. 2. С. 98–105.

Маторин 1934б — *Маторин Н. М.* Задачи этнографии в свете решений XVII съезда ВКП(б) // Советское краеведение. 1934. № 6. С. 1–10.

Михайлова 2004 — *Михайлова Е. А.* Владимир Германович Богораз: ученый, писатель, общественный деятель // Выдающиеся этнологи и антропологи XX в. / под ред. В. А. Тишкова, Д. Д. Тумаркина. М., 2004. С. 95–136.

Могилянский 1908 — *Могилянский Н. М.* Этнография и ее задачи (по поводу одной книги). // Ежегодник Русского антропологического общества. 1908. Т. 3. С. 1–14.

ОБ 1926 (1) — Осведомительный бюллетень [АН СССР. Особый комитет по исследованию союзных и автономных республик]. 1926. 30 июля. № 1.

Об изучении... 1923 — Об изучении и охране окраинных народов // Жизнь национальностей. 1923. Кн. III, IV. С. 168–177.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Отчет 1931 — Отчет о деятельности АН СССР за 1930 г. Л., 1931.

Переписка… 1990 — Переписка Бориса Пастернака. М., 1990.

Покровский 1930 — *Покровский М. Н.* Предисловие // Труды Первой конференции историков-марксистов. М., 1930. Т. 1.

Потапов 1993 — «Это была наука, и еще какая!» (Со старейшим российским этнографом Л. П. Потаповым беседует В. А. Тишков) // ЭО. 1993. № 1. С. 106–114.

Преображенский 1929а — *Преображенский П. Ф.* Вопросы развития советской этнологии / Культура и быт населения Центрально-промышленной области / под ред. В. В. Богданова, С. П. Толстова. М., 1929. С. 14–22.

Преображенский 1929б — *Преображенский П. Ф.* Курс этнологии. М.; Л., 1929.

Преображенский 1930а — *Преображенский П. Ф.* Реализм примитивных религиозных верований // Этнография. 1930. № 3. С. 5–20

Преображенский 1930б — *Преображенский П. Ф.* Разложение родового строя и феодальный процесс у туркменов-иомудов // Этнография. 1930. № 4. С. 11–28.

Резолюция… 1932 — Резолюция Всероссийского археолого-этнографического совещания, 7–11 мая 1932 г. // СЭ. 1932. № 3. С. 4–14.

Решетов 1994 — *Решетов А. М.* Репрессированная этнография: Люди и судьбы // Кунсткамера. Этнографические тетради. 1994. Вып. 4. С. 185–221.

Решетов 2003а — *Решетов А. М.* Трагедия личности: Николай Михайлович Маторин // Репрессированные этнографы / сост. и отв. ред. Д. Д. Тумаркин. М., 2003. Вып. 2. С. 147–192.

Решетов 2003б — *Решетов А. М.* Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области: формирование и перспективы развития концепции // Российская наука о человеке: вчера, сегодня, завтра / под ред. Ю. К. Чистова, В. А. Тишкова. СПб., 2003. С. 161–168.

Решетов 2003в — *Решетов А. М.* Институт антропологии и этнографии — Институт этнографии АН СССР. 1933–1943 гг. // ЭО. 2003. № 5. С. 24–42.

Решетов 2012 — *Решетов А. М.* Материалы к биобиблиографическому словарю российских этнографов и антропологов. XX век. СПб., 2012.

Слезкин 1993 — *Слезкин Ю.* Советская этнография в нокдауне. 1928–1938 // ЭО. 1993. № 2. С. 113–125.

Слезкин 2008 — *Слезкин Ю.* Арктические зеркала. Россия и малые народы Севера. М., 2008.

Советская историческая энциклопедия 1967 — Советская историческая энциклопедия. М., 1967. Т. 10.

Соколовский 2011 — *Соколовский С. В.* В цейтноте: заметки о состоянии российской антропологии // Laboratorium. 2011. № 2. С. 70–89.

Соколовский 2014 — *Соколовский С. В.* Зеркала и отражения, или Еще раз о ситуации в российской антропологии // АФ. 2014. № 20. С. 143–188.

Соловей 2001 — *Соловей Т. Д.* «Коренной перелом» в отечественной этнографии (дискуссия о предмете этнологической науки: конец 1920-х — начало 1930-х годов) // ЭО. 2001. № 3. С. 101–121.

Ссорин-Чайков 2011 — *Ссорин-Чайков Н. В.* От изобретения традиции к этнографии государства: Подкаменная Тунгуска, 1920-е годы // Журнал исследований социальной политики. 2011. Т. 9. № 1. С. 7–44.

Станюкович 1979 — *Станюкович М. В.* Необычная биография (Рой Фрэнклин Бартон, 1883–1947) // СЭ. 1979. № 1. С. 76–83.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Тишков, Тумаркин 2003 — Выдающиеся этнологи и антропологи XX в. / под ред. В. А. Тишкова, Д. Д. Тумаркина. М., 2004.

Токарев 1971 — *Токарев С. А.* Ранние этапы развития советской этнографической науки // ОИРЭФА. М., 1971. Вып. 5. С. 111–120.

Толстов 1947 — *Толстов С. П.* Советская школа в этнографии // СЭ. 1947. № 4. С. 8–28.

Толстов 1957 — *Толстов С. П.* Сорок лет советской этнографии // СЭ. 1957. № 5. С. 31–55.

Тольц 2013 — *Тольц В.* «Собственный Восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период. М., 2013.

Труды Первой… 1930 — Труды Первой конференции историков-марксистов. М., 1930. Т. 2.

Тумаркин 1999 — Репрессированные этнографы / сост. и отв. ред. Д. Д. Тумаркин. М., 1999. Вып. 1.

Тумаркин 2003 — Репрессированные этнографы / сост. и отв. ред. Д. Д. Тумаркин. М., 2003. Вып. 2.

Фрейденберг 1988 — *Фрейденберг О. М.* Воспоминания о Н. Я. Марре / предисл. И. М. Дьяконова; публ. и примеч. Н. В. Брагинской // Восток–Запад: Исследования. Переводы. Публикации. М., 1988. С. 181–204.

Хроника 1929 — Хроника // Этнография. 1929. № 2. С. 110–144.

Худяков 1931 — *Худяков М.* Критическая проработка «руденковщины» // СЭ. 1931. № 1–2. С. 167–169.

Худяков 1935 — *Худяков М. Г.* Графические схемы исторического процесса в трудах Н. Я. Марра // СЭ. 1935. № 1. С. 18–42.

Шнирельман 1993 — *Шнирельман В. А.* Злоключения одной науки Этногенетические исследования и сталинская национальная политика // ЭО. 1993. № 3. С. 52–68.

Штернберг 1914 — *Штернберг Л. Я.* Краткая программа по этнографии // Сборник инструкций и программ для участников экскурсий в Сибирь. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1914. С. 212–251.

Штернберг 1929 — *Штернберг Л. Я.* Айнская проблема // Сборник МАЭ. Л., 1929. Т. 8. С. 334–374.

Этнография на службе… 1932 — Этнография на службе классового врага. Л., 1932.

Юсова 2007 — *Юсова Н.* Первое совещание по вопросам этногенеза и создание специальной комиссии по проблематике происхождения народов в контексте актуализации этногенетических исследований в СССР (конец 1930-х годов) // Проблемы славяноведения. Брянск, 2007. Вып. 9. С. 95–113.

Ahearn 2013 — *Ahearn L. M.* Commentary: Keywords as a literacy practice in the history of anthropological theory // American Ethnologist. 2013. Vol. 40. № 1. P. 6–12.

Alymov 2014 — *Alymov S.* Ethnography, Marxism, and Soviet Ideology // An Empire of Others. Creating Ethnographic Knowledge in Imperial Russia and the USSR / Ed. by R. Cvetkovski, A. Hofmeister. Central European University Press, 2014. P. 121–144.

Anderson 2000 — *Anderson D. G.* Identity and Ecology in Arctic Siberia. The number one Reindeer Brigade. Oxford: Oxford University Press, 2000.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Anderson 2007 — *Anderson D. G.* Ethnohistory and Ethnic history: A Comparative Analysis of English and Russian Language Traditions of Writing the History of Indigenous People // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования. Иркутск, 2007. С. 581–583.

Asad 1973 — *Asad T*. Anthropology and the Colonial Encounter / Ed. by T. Asad. L.; N.Y.: Ithaca Press and Humanity Press, 1973.

Averkieva, Sherman 1992 — *Averkieva J., Sherman M. A*. Kwakiutl string figures. Seattle; L.: University of Washington Press; N.Y.: American Museum of Natural History, 1992. (Anthropological papers of the American Museum of Natural History. Vol. 71).

Bakhurst 1991 — *Bakhurst D*. Consciousness and Revolution in Soviet Philosophy. From the Bolsheviks to Evald Ilyenkov. Cambridge University press, 1991.

Bertrand 2002 — *Bertrand F.* L'anthropologie Soviétique des années 20–30. Configuration d'une rupture. Presses Universitaires de Bourdeaux, 2002.

Comaroff, Comaroff 1992 — *Comaroff J., Comaroff J.* Ethnography and the Historical Imagination. (Studies in the Ethnographic Imagination). Westview Press, 1992.

David-Fox 1998 — *David-Fox M.* Symbiosis to Synthesis: The Communist Academy and the Bolshevization of the Russian Academy of Sciences, 1918–1929 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. 1998. Bd. 46. H. 2. P. 219–243.

Fournier 2005 — *Fournier M.* Marcel Mauss. A Biography / Transl. by J. M. Todd. Princeton: Princeton University Press, 2005.

Geertz 1967 — *Geertz C.* Under the Mosquito Net // New York Review of Books. 1967. 14 September.

Gough 1968 — *Gough K*. Anthropology and Imperialism // Monthly Review. 1968. Vol. 19. №. 11. Pp. 12-27.

Grant 1995 — *Grant B*. In the Soviet House of Culture: A Century of Perestroikas. Princeton University Press, 1995.

Guldin 1994 — *Guldin G*. The saga of anthropology in China: from Malinowski to Moscow to Mao. Armonk; N.Y.: M.E. Sharpe, 1994.

Hirsch 2005 — *Hirsch F.* Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca: Cornell University Press, 2005.

Hoffmann 2011 — *Hoffmann D. L*. Soviet Social Intervention in its International Context, 1914–1939. Cornell University Press, 2011.

Hull 2012 — *Hull M.S*. Documents and Bureaucracy // Annual Review of Anthropology. 2012. Vol. 41. P. 251–267.

Kan 2008 — *Kan S.* Evolutionism and Historical Particularism at the St. Petersburg Museum of Anthropology and Ethnography // Museum Anthropology. 2008. Vol. 31. № 1. P. 28–46.

Kan 2009 — *Kan S*. Lev Shternberg: anthropologist, Russian socialist, Jewish activist. Lincoln; L.: University of Nebraska Press, 2009.

Kan, Arzyutov (forthcoming) — *Kan S., Arzyutov D. V.* The Saga of The L. H. Morgan Archive or How an American Marxist Helped Make a Bourgeois Anthropologist the Cornerstone of Soviet Ethnography // Histories of Anthropology Annual. 2016. Vol. 10. Special issue dedicated to the memory of George Stocking, Jr. (forthcoming)

Krementsov 1997 — *Krementsov N.* Stalinist Science. Princeton: Princeton University Press, 1997.

Kroeber, Kluckhohn 1952 — *Kroeber A. L., Kluckhohn C*. Culture: A Critical Review of Concepts and Definitions. Cambridge, Mass., 1952.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Krupnik 1998 — *Krupnik I.* Jesup Genealogy: Intellectual Partnership and Russian-American Cooperation in Arctic / North Pacific Anthropology // Arctic Anthropology. 1998. 35 (2). P. 199–226.

Lewis 1973 — *Lewis D.* Anthropology and colonialism // Current Anthropology. 1973. Vol. 14. № 5. P. 581–591.

Manganaro 2002 — *Manganaro M.* Culture, 1922: The Emergence of a Concept. Princeton: Princeton University Press, 2002.

Mauss 1936 — *Mauss M.* Les techniques du corps // Journal de Psychologie. XXXII. № 3–4. 1936. 15 mars — 15 avril.

Merton 1988 — *Merton R. K.* The Matthew Effect in Science, II: Cumulative advantage and the symbolism of intellectual property // ISIS. 1988. 79. P. 606–623.

Pasternak 1988 — *Pasternak B.* A Conversation with Fei Xiaotong // Current Anthropology. 1988. 29 (4). P. 637–662.

Pollock 2006 — *Pollock E.* Stalin and the Soviet Science Wars. Princeton University Press, 2006.

Shirokogoroff 1924 — *Shirokogoroff S. M.* Ethnical Unit and Milieu. A Summary. Shanghai: E. Evans and Sons, Ltd., 1924.

Shirokogoroff 1935 — *Shirokogoroff S. M.* Psychomental Complex of the Tungus. L.: K. Paul, 1935.

Slezkine 1994 — *Slezkine Yu.* The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // Slavic Review. 1994. Vol. 53. № 2. P. 414–452.

Slezkine 1996 — *Slezkine Yu.* N. Ia. Marr and the National Origins of Soviet Ethnogenetics // Slavic Review. 1996. Vol. 55. № 4. P. 826–862.

Smith 1999 — *Smith L. T.* Decolonizing Methodologies: Research and Indigenous Peoples. L.: Zed Books, 1999.

Söderqvist, Silverstein 1994 — *Söderqvist T., Silverstein A. M.* Participation in Scientific Meetings: A New Prosopographical Approach to the Disciplinary History of Science — The Case of Immunology, 1951–1972 // Social History of Sciences. 1994. Vol. 24. № 3. P. 513–548.

Ssorin-Chaikov 2008 — *Ssorin-Chaikov N.* Political Fieldwork, Ethnographic Exile, and State Theory: Peasant Socialism and Anthropology in Late-Nineteenth-Century Russia // New History of Anthropology / Ed. by H. Kuklick. Blackwell Publishing Ltd., 2008. P. 191–207.

Stocking 1991 — *Stocking G. W. Jr.* (Ed.) History of anthropology. Vol. 7: Colonial situations: Essays on the contextualization of ethnographic knowledge. Madison: University of Wisconsin Press, 1991.

Vacher de Lapouge 1896 — *Vacher de Lapouge G.* Les Selections sociales: cours libre de science politique, professe a l'Universite de Montpellier, 1888–1889. P.: A. Fontemoing, 1896.

Vucinich 1994 — *Vucinich A.* Empire of Knowledge: The Academy of Sciences of the USSR (1917–1970). Berkeley: University of California Press, 1984.

Wolfe 1999 — *Wolfe P.* Settler Colonialism and the Transformation of Anthropology. The Politics and Poetics of an Ethnographic Event. L.; N.Y.: Cassell, 1999.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Часть II

СТЕНОГРАММА СОВЕЩАНИЯ ЭТНОГРАФОВ МОСКВЫ И ЛЕНИНГРАДА (5–11 апреля 1929 г.)

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

День первый
5 апреля 1929 г.

(*л. 2*) ***Лядов***[1]

Позвольте открыть заседание этнографического совещания.

Товарищи, задача, которая стоит перед этнографами, — громадная. Этнография как наука пышно расцвела и в Западной Европе, и в Америке, и у нас. Но надо сказать, что только теперь, в неких[2] советских условиях, в тех особых условиях, при совершенно особом подходе к отдельным национальностям можно действительно по-научному подойти к изучению отдельных народов. Все те привходящие моменты, которые в Западной Европе и в старой дореволюционной России заставляют смотреть на этнографию как на орудие использования мелких национальностей в целях империалистических, в наших условиях отпали. Благодаря нашим советским условиям при особом, небывалом еще в истории подходе к отдельным национальностям впервые создаются эффективные возможности действительно научно, без всяких привходящих моментов, подойти к созданию этой науки. Эти моменты, эти особые условия, при которых развивалась этнография на Западе и у нас в старое время, откладывали определенный и узкий отпечаток на эту науку. Этнография имела служебный характер, она не могла развиваться как самостоятельная научная дисциплина. Сейчас у нас такая возможность появилась. Поэтому задача, которая стоит перед совещанием, основная задача, я бы сказал, — наметить те вехи, по пути которых должна развиваться как самостоятельная независимая наука этнография. Я глубоко убежден, что эту задачу нигде, кроме как у нас, поставить нельзя. Поэтому ответственность, которая стоит перед нашим совещанием, — громадна. Под этим углом зрения нужно будет критически пересмотреть все то наследство, которое мы получили от буржуазного мира. Пересмотреть под этим углом зрения все, что внесено было в эту науку под влиянием этих повелевающих моментов, которые заставляли искажать эту науку (*л. 3*) для целей политических, для целей империалистических.

Еще один момент имеет чрезвычайно важное значение. Этнография везде и всюду изучалась без того, что имеется у нас в настоящий момент: без диалектической увязки, без увязки ее со всей той окружающей средой,

---

[1] Здесь и далее все примечания сделаны ответственными редакторами.

Лядов (*Мандельштам*) *Мартын Николаевич* (1872–1947) — советский партийный деятель. В 1923–1929 гг. — ректор Коммунистического университета имени Я. М. Свердлова. В 1929 г. — заведующий Главнауки, в 1930 г. — заведующий Архивом Октябрьской революции. Член научных советов Института Ленина и Истпарта. Делегат 12–16-го съездов партии; на 15-м съезде избирался членом Центральной ревизионной комиссии. Кандидат в члены ВЦИК и ЦИК СССР.

[2] Видимо, опечатка. Скорее всего «в этих».

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

в которой данный народ развивался. Только пользуясь марксистским методом, методом диалектического материализма, можно придать этой науке научный характер, объективный характер. С очень сильным объективным подходом возможно превратить ее в действительную науку, которая может выявлять, намечать законы, устанавливать эти законы, по которым развивались отдельные народности.

Еще третий момент, который, опять-таки, создает особо благоприятные условия для развития этнографии у нас. Впервые перед человечеством в целом конкретно поставлена задача, которую оно должно разрешить. Тот подход, который существовал в буржуазном мире при изучении отдельных народов, заставлял человечество смотреть на них как на сумму из отдельных, независимых друг от друга слагаемых, то есть что каждый народ — это независимое слагаемое, которое развивается по своим отдельным законам. Наш подход иной. Мы видим развитие человечества, частицей которого является отдельная народность, отдельная национальность. У нас имеется одна непрерывная цепь развития истории человечества, которая неминуемо должна привести к одному общему концу — к социализму и коммунизму. Каждая из отдельных народностей, являющаяся частицей всего этого человечества, отдельными путями должна неизбежно прийти к этой общечеловеческой конечной цели. Под этим углом зрения мы можем и должны подойти к изучению отдельных национальностей. Это создает небывалые горизонты для изучения отдельных народностей. Это создает такой взмах нашей мысли, на который не могла решиться наука отдельных буржуазных стран. Буржуазия боится этого конечного вывода, который мы резко, определенно перед собой ставим. Буржуазия из всего своего анализа заранее исключает все то, что подтвердило бы этот вывод, заранее от (*л. 4*) него отделывается, чтобы не допустить мысли о возможности существования единого человечества.

Я указываю, товарищи, на эти отдельные важнейшие моменты, которые нам ставит советская этнография, отказаться от которых мы не можем и которые дают нам возможность с полным правом говорить, что мы можем и должны создать, учитывая все эти важнейшие моменты, настоящую науку — этнографию.

(*л. 5*) Мы действительно свободны от целого ряда препятствий, от которых не могли освободиться ученые Западной Европы. Если им приходилось изучать какой-нибудь отсталый, скажем, негритянский народ, могли ли они свободно выявить лицо его? Они подходили с заранее предвзятой мыслью, они должны были искать в этом народе то, что нужно для осуществления империалистических целей своей страны. Все империалистические планы, разрабатываемые западноевропейскими правительствами, в значительной степени опирались на данные той науки, которые их ученые им преподносили. Затем второе, от чего мы также свободны:

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

на основании какого материала делались те или иные научные выводы? На основании случайного материала, чаще всего со слов путешественников, у которых опять-таки был определенный подход к делу. Основная масса материалов западноевропейской этнографии добыта не учеными, а добыта миссионерами, добыта на основании наблюдений купцов, торговых агентов, которые являлись в эти отсталые страны, добыта под углом зрения внедрения западноевропейской культуры, не учитывая отдельных особенностей народов. Все они подходили к этим отсталым народностям под углом зрения недостигнутого буржуазного идеала, какой рисовался буржуа-мещанину с его ярко выраженной волей к частной собственности и ко всем остальным признакам европейской цивилизации. Так подходя к изучению вымирающих и отсталых народов, они неизбежно навязывали этим народам свою собственную идеологию. Они подходили точно так же, как неопытный педагог подходит к ребенку, думая, что ребенок может мыслить так же абстрактно, как это делает образованный педагог, и предъявляет требования к соображению ребенка такие, какие может предъявлять только ко взрослому человеку.

Мы, вооруженные марксистским методом, умеем абстрагироваться от всего того наносного, что навязывала нам наша культура, мы можем себе представить действительную психологию этих отсталых народностей, и мы не навязываем им нашей психологии, не видим в них отраженного зеркала собственной психологии, не достигнутых нами идеалов.

(*л. 6*) Пользуясь диалектическим методом, учитывая конкретную обстановку, в которой развивался тот или иной народ, мы можем ясно сконструировать его психологию, его социальные взаимоотношения.

Товарищи, каждый из нас, кто знаком с богатейшим этнографическим материалом, отлично знает, что путешественник, вышедший из феодальной эпохи, видел в том или ином народе недоразвившиеся феодальные отношения. Если из монархической страны приехал путешественник или миссионер, он в родовом старосте видел царька, короля и видел в исследуемом народе те же отношения, которые существовали при том дворе или правительстве, от лица которого он приезжал.

Мы в этом отношении свободны, мы можем действительно впервые в истории подойти по-настоящему критически к тому громадному материалу, который собран всеми предыдущими исследователями, мы свои научные выводы будем делать не случайно, доверяя каким-то миссионерам и торговым агентам, а планово организуя научные экспедиции. Втягивая в эти экспедиции представителей самых отсталых народностей, тех, которые выросли в этой среде и которые ее знают, мы можем собрать полноценный научный материал.

Таким образом, наши методы тоже должны быть иными, чем методы, какими пользовались западноевропейские исследователи. Перед нами

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

громадные задачи. Готовых рецептов никто из нас, конечно, не может нам предложить: вот готовый план, по которому нужно обязательно действовать. Лишь коллективными усилиями целого ряда научных организаций, научных институтов мы сможем действительно разработать правильный подход ко всему этому делу. У нас нет готовой науки, и мы должны ее разработать, поставить ее на правильные рельсы. Я глубоко убежден, что если мы даже на этом заседании поставим вопрос, что такое этнография, мы вряд ли найдем один ответ хотя бы у нескольких десятков здесь собравшихся. Мы найдем десятки ответов. Да иначе и не могло быть, так как не существовало и самой науки. Создавая науку, мы будем определять взаимоотношения не с другими науками, а прежде всего с историей.

(*л. 7*) Мы будем находиться в особом положении сравнительно с учеными западной Европы. Для нас отнюдь не явится задачей создать узкие шоры, узкие рамки, сказать: «Это вот этнография, а дальше ни шагу, там уже начинается область истории». У нас единая мысль, единая наука. Мы будем двигаться разными приемами и достигать единой цели. Именно комплексное мышление, мышление диалектическое, которое не может быть втиснуто в узкие шоры, даст нам возможность действительно широко и всесторонне работать в целом ряде отраслей над одними и теми же вопросами. Конечно, этнография будет пользоваться историческим, археологическим и всяким иным материалом. Но и она будет снабжать своим материалом историю, археологию и другие науки.

(*л. 8*) Нет грани между отдельными науками, не может быть этой грани, и нет такой узкой специальности, в которой человек, научно мыслящий, мог бы замкнуться. Он должен соприкасаться с научной мыслью для того, чтобы стать действительно научным работником.

Товарищи, я в своем вступительном слове указал на эти моменты для того, чтобы все собравшиеся здесь поняли, что в настоящее время назрел уже вопрос коллективно заняться вопросами этнографии, путем коллективного обсуждения, а не сидя у себя в кабинете, можно будет разрешить эти задачи. Конечно, я не рассчитываю, что в результате пятидневного[1] совещания нам удастся ответить на все вопросы. Нет, мы должны будем резко, четко поставить те вопросы, которые подлежат дальнейшему глубокому изучению, над которыми еще очень и очень много надо будет думать. Надеюсь, что по окончании нашей работы мы сумеем сказать, что эти вопросы нами поставлены, что мы наметили цели к их разрешению, что мы дали задание огромной массе работников науки, которые сейчас заняты этим вопросом, искать и находить ответы на эти вопросы.

Позвольте на этом мое краткое вступительное слово закончить.

[1] В действительности совещание длилось семь дней.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

(*л. 9*) ***Преображенский***[1] «Этнология и ее методы»

На мою долю выпала самая неблагодарная задача — служить козлом отпущения всей конференции. Ибо я должен говорить о том, что такое представляет собой этнография и в чем состоят ее методы.

Совершенно ясно, что все остальные доклады, которые будут говорить о других сторонах этнографического научения, этнографической науки в союзных республиках, будут тем или иным образом опираться на мой доклад, и поэтому моя задача, с одной стороны, является весьма ответственной, а с другой — весьма неблагодарной.

В истории человеческих наук есть целый ряд идей, которые специалисты по данной науке иногда оставляют, а затем снова к ним возвращаются, как мы увидим сейчас, по разным причинам. К числу таких идей я должен отнести краеугольную идею во всех исторических исследованиях — ту идею, которая была наиболее полно сформулирована Гегелем[2], идею о всемирной истории.

Я думаю, что в расцвете точных, или так называемых точных, технических исторических знаний в конце XIX — начале XX века эта идея была оставлена не в смысле своего гносеологического значения, а в смысле реального осуществления. Ибо действительно было трудно построить то, что мы называем всемирной историей, опираясь на узкую европеистическую точку зрения, принимая во внимание то, что Европа ставит[3] в центре исторического изучения, что она является в некотором смысле началом и в некотором смысле концом всякой исторической концепции. Но не так важно, что эта идея когда-то была реально не осуществлена, важно совершенно иное, а именно: то, что если мы будем рассматривать исторический процесс в его целом, в его гносеологическом значении, то мы не сможем построить ни одного исторического этюда, ни одной законченной истории, не опираясь на эту идею.

Совершенно ясно, что всякая история, будь то история права, будь то (*л. 10*) история экономики, история религии, история Англии или Германии, может опираться только на некоторые предположения о начале и конце исторического процесса, на то предположение, что исторический процесс изучен в его целом. Только тогда эта идея может получить свое полное и действительно научное развертывание. (*л. 11*) И надо сказать, что этот логический постулат всякой истории, то есть идея всемирной истории,

---

[1] *Преображенский Петр Федорович* (1894–1941) — российский/советский историк античности и этнограф. В 1921–1937 гг. — профессор Московского университета; в 1921–1923 гг. — профессор Нижегородского университета; в 1922–1929 гг. — член РАНИОН; в 1925–1930 гг. — член Института этнических культур; в 1928–1929 гг. — профессор Промышленной академии. Автор известного «Курса этнологии» (1929).

[2] *Гегель Георг Вильгельм Фридрих* (*Georg Wilhelm Friedrich Hegel*) (1770–1831) — немецкий философ, один из ярких представителей немецкой классической философии.

[3] По-видимому, оратор имел в виду «стоит».

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

получает своего рода развитие, и развитие нужное и необходимое только в цепи всех тех знаний, которые историческая наука получила за последнее время. И в самом деле, что случилось с историей за последние годы XIX и в начале XX века? Во-первых, чрезвычайно расширились ее исторические перспективы, и прежде всего в отношении временном. Ибо все те заслуги, которые дала история, так называемая доисторическая, а затем историческая археология, обогатили исторические процессы чрезвычайно большим временным протяжением. Эти науки раздвинули нам исторический кругозор на десятки тысяч лет и тем самым разрушили возможность всякого богословского построения истории. Затем они вскрыли нам целый ряд новых культур, о существовании которых история прежде даже и не подозревала, но это расширение было главным образом временным, в гораздо меньшей степени оно имело пространственный характер. И вот здесь на помощь истории пришла другая наука, которую мы теперь называем — пока я буду ее так называть — этнология. Именно эта наука расширила предел наших исторических знаний до пределов всего земного шара. Пространственные перспективы исторического знания оказались совершенно измененными. Теперь все народы, как бы они ни назывались, где бы они ни жили, оказались втянутыми в эту бесконечную пространственную историческую перспективу. Конечно, совершенно ясно, откуда мог возникнуть этот последний факт. Ведь со времени наступления эпохи империализма весь земной шар сделался единым хозяйственным целым, наступила фаза мирового хозяйства. И вполне понятно, почему в данном случае история принуждена была втянуть в рамки своего изучения весь мир, поскольку он был населен человеком. История сделалась, с одной стороны, археологической, а с другой стороны, она сделалась этнологической. Совершенно ясно, что хотя и археология, и этнология работали на особом материале, но задачи каждой из них служили только исследованию исторического процесса, и метод у всех трех наук по своей принципиальной основной установке должен быть совершенно единым. Если в настоящее время историческая наука в Союзе республик совершенно твердо и сознательно работает (*л. 12*) одним методом, тем методом, который мы называем методом диалектического материализма. Но из этого следует и дальнейший вывод, что и археология, и этнология в своих принципиальных и основных методологических предпосылках должны работать тем же самым методом. Если мы можем говорить о некоторых разновидностях методики каждой науки, о некоторых специфических особенностях той или другой науки, то мы можем здесь исходить только из одной точки зрения, что этнология и археология имеют дело со специфическим материалом, основываясь на котором каждая из этих наук вырабатывает свои особые вспомогательные методы, при помощи которых она строит ту основную концепцию, о которой я говорил раньше, — концепцию всемирной истории человеческой

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

культуры. Следовательно, для нас вопрос состоит только в том, какой наукой является этнология. В конце концов, это есть вопрос больше о словах. Этнология — это есть та же история или часть истории, которая базируется на специфическом материале. Для нас вопрос стоит иначе: Каким образом этнология работает на своем собственном материале? Здесь мы должны прежде всего констатировать, что этот этнографический материал, поскольку он находился в распоряжении исследователей, представлял целый ряд неудобств для своей методической проработки с исторической точки зрения. А именно: весь этот материал был расположен в одной временной плоскости. Когда исследователь-этнограф занимался исследованием данной народности, данного культурного комплекса, то он, большей частью не имея достаточного количества материала, преданий, не особо углублялся в палеоэтнологическое исследование данной народности и давал нам так называемое описание данного народа. В методическом смысле это описание представляло собой, конечно, с некоторой оговоркой, моментальный фотографический снимок с данной народности, с ее быта, с ее жизни в данный момент времени. Разумеется, здесь было чрезвычайно мало опор для исторического анализа, и вот эта одноплоскостная расположенность в одной временной плоскости этнографического материала оказала в значительной степени губительное влияние на этнографическую науку.

(*л. 13*) Может быть, дело было не столько в том, что этнография в значительной степени осуществлялась на первых ступенях своего бытия, исследование которого получило, естественно, историческую выучку[1]. Может быть, беда была не в том, что идея дарвинизма без всякой критики проникла в этнографическую науку. Наибольшая беда заключалась именно в этом своеобразии этнографического материала, в его временной одноплоскостности. К чему вела эта одноплоскостность? Если мы обратимся к классикам этнографической науки, к тем людям, перед которыми этнографическая наука является чрезвычайно обязанной, перед памятью которых она может быть даже благоговеет, если мы обратимся к Моргану[2], Тэйлору[3] и к другим,

[1] Оратор имел в виду «естественно-историческую выучку».

[2] *Морган Льюис Генри* (*Morgan Lewis Henry*) (1818–1881) — американский этнограф. Известен изучением систем родства, «родового общества» и реконструкцией древней истории по данным этнографии. В Советском Союзе получил известность как предтеча марксизма прежде всего благодаря тому факту, что книга Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» является контекстом книги Моргана. Фотокопии почти всего архива Моргана были заказаны в СССР. Планировалось опубликовать полное собрание его сочинений, однако были опубликованы только два перевода: «Древнее общество» (1934, 1935) и «Дома и домашняя жизнь американских туземцев» (1934). Книга «Лига ходеносауни, или ирокезов» была опубликована в СССР в 1983 г.

[3] *Тайлор* (*Тэйлор*, *Тейлор*) *Эдвард Бернетт* (*Edward Burnett Tylor*) (1832–1917) — английский этнограф, один из основателей антропологии как таковой, автор книги «Первобытная культура» (1871).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

то мы увидим, что для исследователей было совершенно ясно, что при помощи этнографического материала они должны построить историю человеческой культуры. Но что было им делать? Для них материал был все-таки расположен в одной плоскости (материал каждой культуры), и поэтому с методологической точки зрения они ставили себе правильные задачи, а именно: построение истории человеческой культуры в ее целом. Они проделали методологически невозможную вещь. Они пробовали восполнить этот временной недостаток. Они пробовали расположить эти культуры в какой-то временной последовательности. Поэтому каждая из этих культур становилась каким-то звеном в цепи общеисторического и, можно даже прямо сказать, всемирно-исторического развития в их глазах. Задача была в том, чтобы подобрать эти слои отдельных культур в некоторой временной последовательности. Поэтому австралийская культура, скажем, ставилась ниже меланезийской и т.д. Создавалась искусственная лестница культур, причем совершенно забывалось то, что каждая из этих культур есть своеобразный тупик исторического развития, но (*л. 14*) во всяком случае некоторый результат такого исторического развития, которое, может быть, другая культура в своем поступательном развитии вовсе и не проходила.

Таким образом, та школа, которую мы называем старой эволюционистской школой в этнографии, ставя себе совершенно правильную задачу построения эволюции человеческой культуры, приступила к разрешению этой задачи с весьма несовершенными, методологически несостоятельными средствами. Надо сказать, что если теперь современные этнографы и даже современные историки (с моей точки зрения здесь нет большой разницы) не разделяют точку зрения этой школы, то во всяком случае целый ряд специфических выражений, специфических терминологических особенностей все же остался со времени господства этой школы.

Я совершенно не претендую исчерпать решительно все те своеобразные словечки и термины, которые для школы были введены в употребление. Несчастье и горе в употреблении этих словечек состоит, может быть, даже и не в том, что они въелись в науку, а в том, что они употребляются значительной массой нашей читающей публики как нечто само собой разумеющееся, совершенно ясное, непререкаемое.

Прежде всего я должен указать на термин «первобытный». Австралийцы являются первобытным народом. Совершенно ясно, что здесь мы о первобытности можем говорить чрезвычайно с большим трудом, потому что, каким бы образом мы ни стали рассматривать культуру австралийцев, один факт остается фактом совершенно твердым: культура австралийцев является настолько же культурой старой, насколько стара культура европейцев, если говорить просто, в грубо хронологическом смысле.

Разумеется, после мне придется сделать некоторые ограничения, но с исторической точки зрения совершенно невозможно допустить, что

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

какая бы ни была культура на Земле, каков бы ни был народ, чтобы она могла остановиться в своем поступательном развитии.

Может быть, она могла идти каким-то своим особым путем, (*л. 15*) тем путем, который не привел бы ее на путь нашей европейской культуры, но какое-то историческое развитие у каждой культуры было, и потому говорить о народе, что он первобытный, разумеется, несколько неосторожно и, я бы сказал, весьма сомнительно с научной точки зрения. Но рядом с этим термином стоят термины, которые сейчас упорно гнездятся не только в русской, но и в европейской этнографической науке, например такие термины, как «дикий», «малокультурный». Ведь термины «дикий», «малокультурный» мы можем встретить в любом этнографическом сочинении по вопросу истории культуры. Что, в конце концов, обозначают эти термины? Содержание термина «дикий» крайне неопределенно. Может быть, он несколько близок к тому термину, о котором я говорил сейчас, это термин «первобытный». Термин «малокультурный» вносит весьма сомнительные с точки зрения науки элементы. Оценка элементов совершенно не ясна для всякого, кто занимается культурой. Ведь не надо забывать того основного факта, что если принять во внимание данный уровень технического развития, данного географического окружения данной народности, то, может быть, всякая такая народность представляет собою своего рода максимальное культурное приспособление к тем природным условиям, которые ее окружают, что, может быть, даже тот европеец, который попадает в ее среду, окажется в условиях, гораздо более худших, чем те, в которых находится эта народность; так что термин «малокультурный» крайне шаткий и крайне условный.

Эти термины иногда попадаются в несколько более прикрашенном виде. Например, знаменитая терминология немецких исследователей Naturvölker–Kulturvölker. У этой терминологии есть два основных содержания. Первое из них состоит в следующем: термин «Naturvölker» прилагается ко всем народам, (*л. 16*) которые служат по большей части не столько субъектом истории, сколько ее объектом, своего рода фундаментом, на котором эта история строится. С другой стороны, этот термин показывает, что у данного народа нет еще никакой истории, что он не вступил еще в период истории постольку, поскольку он из народа природного «Naturvölker» не сделался тем, что мы называем «Kulturvölker». Совершенно ясно, что в представлении европейских исследователей только этот культурный народ служит субъектом истории.

Таким образом, если старая этнологическая школа, в конце концов, может теперь констатировать сдачу своих прежних позиций, не в их заданиях (это я должен резко подчеркнуть), а в их конкретном выполнении, то, с другой стороны, она оставила нам чрезвычайно неприятный груз, который до сих пор отягощает нашу науку.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Как всем известно, противниками культурно-исторической школы выступила, с одной стороны, школа, которую можно назвать этнографической в чрезвычайно широком смысле слова — я говорю про школу Ратцеля[1] и его учеников, и с другой стороны, школа, вышедшая из недр как европейского музееведения, так и европейской исторической науки, это школа Гребнера[2], Фоя[3] и их учеников. Надо сказать, что эта школа приступила к разборкам исторического материала, данного в этнологической науке, с гораздо более высокой методологической точки зрения, нежели старые эволюционисты. У меня сейчас, к сожалению, из-за недостатка времени нет возможности говорить подробно о методах этой школы. Я остановлюсь только на ее конкретных результатах.

В самом деле, что дала нам эта школа? Она дала нам конструкцию совершенно определенного понятия, которую мы называем «культурный круг». И к этому понятию нам надо присмотреться с двух точек зрения. Прежде всего это понятие представляет собой совокупность целого ряда культурных признаков. Для того чтобы конкретно охарактеризовать эту совокупность, я могу взять хотя бы термин «культурный комплекс». Что мы находим дальше при поверхностном взгляде на это понятие? Мы находим сочетание целого ряда культурных признаков — это своеобразная система земледелия, свайные постройки, так наз[ываемые] висячие циновки, своеобразный способ погребения, своеобразный религиозный ритуал.

(*л. 17*) Если взять всю эту совокупность признаков культурного круга, конструированного Гребнером, можно легко заметить, что этот круг, а также все другие круги Гребнера отличаются следующими свойствами: вся эта совокупность признаков не координирована между собой. Конечно, мы можем очень часто, помимо Гребнера, утверждать, что действительно такая совокупность данных культурных признаков находится налицо, но тем не менее в большинстве культурных кругов Гребнера и его школы мы не находим внутреннего, как бы принуждающего момента, связки того момента, который Огюст Конт[4] называл <пропуск> (сцепленностью отдельных культурных признаков между собой). Эти культурные признаки, культурный комплекс, по Гребнеру, представляют собой своего рода историческую

---

[1] *Ратцель Фридрих* (*Ratzel Friedrich*) (1844–1904) — немецкий географ, этнолог и социолог. Создатель теории диффузионизма и антропогеографии. Автор книг «Земля и жизнь: сравнительное землеведение» (в 2-х т.; СПб., 1903–1906), «Народоведение» (в 2-х т.; СПб., 1903), «Политическая география» (1897).

[2] *Гребнер* (*Grabner*) *Фриц* (1877–1934) — немецкий этнограф. Основатель теории «культурных кругов».

[3] *Фой Вилли* — директор Кёльнского этнографического музея (начальник Гребнера) и издатель серии «Этнологика».

[4] *Конт Огюст (Comte Auguste)* (1798–1857) — французский философ и социолог, основатель позитивизма в социологии.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

фикцию, при помощи которой мы пытаемся конструировать общую историю культуры. И наконец, я должен отметить, что у этого понятия «культурный круг» есть другое свойство, на которое до сих пор, может быть, мало обращали внимания. Школа, во главе которой стоит Гребнер, несомненно, пытается обосновать этнологию как науку, пытается положить конец тому, что он сам называет господствующим в этой науке <пропуск> (Отсутствие всякой методики). И в то же время этим своим понятием «культурный круг» школа Гребнера разрывает объект этнографической науки, а именно: понятие «этнос». Дело в том, что культурный круг Гребнера является понятием, не совпадающим ни с языковым единством, ни с единством этническим, это есть некоторое понятие, покрывающее это единство. Границы его идут, во всяком случае, несколько по другим граням, чем границы прежних понятий, которыми привыкла оперировать наша наука. Совершенно ясно, что понятие «культурный комплекс», «культурный круг», если только признать его действенность в гребнерианском смысле слова, может быть осознан только в одном случае, только при одном условии, если все отдельные моменты будут связаны друг с другом. А это может сделать только чистое, последовательное применение марксистского метода в этнологической науке, выведение всех культурных сторон данного культурного круга из одного признака — признака технически-хозяйственного. Только в этом случае это понятие может получить свое осознание. Именно исходя из этого, мы можем поставить те примерные задачи, на достижении которых должна строиться та этнологическая наука, которая...[1]

(*л. 18*) В самом деле, ведь если этнограф или этнолог (это не составляет никакой разницы) наблюдает некий этнический комплекс в его жизни, собирает тот материал, которым он хочет пользоваться, что прежде всего он видит? Он видит (здесь я выскажу несколько еретическую мысль), он видит, пожалуй, наиболее конкретное подтверждение основных принципов и основных утверждений того учения, которое мы называем диалектическим материализмом. Именно, ведь он видит этот быт, который он пытался описать в полноте своих функций. Он видит, может быть, деятельность всех тех основных функций, из которых вытекают все остальные, как отражение, в технике, в производстве, видит изменение в них и реагирует на изменения либо социальной структуры, либо любой надстройки, существующей в данном этническом комплексе. В этом отклонении этнографический материал, может быть, представляет собою максимальную долю прозрачности. Здесь нам дается та взаимозависимость, которую мы в историческом материале постигаем письменно, постигаем несколько умозрительно. В то же время этот этнографический материал, который стоит перед нами, дает возможность анализировать его не только в плоскости, не только в том

[1] Текст обрывается.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

аспекте, который представляется наиболее очевидным, но и анализировать в глубину, анализировать на пережитках, на существовании в нем каких-то старых формаций, и здесь нам на пользу могут идти те исследования, которые сейчас археологи производят главным образом в европейских странах, но которые они должны проводить и в странах неевропейских.

Это дает нам возможность, в полном смысле этого слова, ретроспективного анализа данного культурного единства.

Таким образом, первой задачей этнолога становится, во-первых, историзация всех этнографических пластов путем и ретроспективного анализа, и путем палеоэтнологического исследования, путем сравнения тех культур, которые погребены в данном комплексе и которые затем в них бытуют. Во-вторых, ведь каждый культурный (*л. 19*) комплекс после целого ряда произведенных исследований является каким-то скрещиванием культур. Нет чистых культур. С этим надо каким-то образом примириться. При рассмотрении скрещения культур всякий этнограф-исследователь должен соблюдать крайнюю осторожность. Ведь вопрос о скрещении культур, о влиянии одной культуры на другую не нов. Он был поставлен Ратцелем, был поставлен Фробениусом[1]. Но принципы, поставленные прежними исследователями, были крайне механичны, можно даже сказать так: самый механизм взаимодействия культур, механизм аккультурации, совершенно не исследовался. Не исследовались ни проблема емкости данной культуры, ни те условия, которые порождают условия культурной заимствованности, ни те законы, которые господствуют над данной культурой. Тем не менее проблема аккультурации является проблемой важной именно в условиях нашего социалистического строительства. Ибо всякое приобщение так называемых отсталых народов к социалистической жизни, к социалистическому культурному строительству, чем является с точки зрения этнографа, как не аккультурацией. Здесь, разумеется, надо быть чрезвычайно осторожным, для того чтобы эта аккультурация произошла с наибольшими результатами для этого народа. Здесь этнограф входит в самую гущу практической жизни данного народа.

Таким образом, условия и механизм культурных скрещений являются второй задачей, которая стоит перед этнографом.

Третьей и, может быть, основной задачей является исследование самих культурных кругов, которое предлагал Гребнер. Но здесь я должен оговориться. Мне представляется понятие «культурный круг», тем более что он развивал старое, привычное нам понятие «этнос» — народ, крайне неплодотворным. Здесь можно было бы внести в нашу науку новое понятие,

[1] *Фробениус* (*Frobenius*) *Лео* (1873–1938) — немецкий этнограф-африканист. Выдвигал теорию о культуре как особом социальном организме, имеющем мистическое начало — «душу» (“paideuma”).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

которое (я не претендую ни на оригинальность, ни на обязательность введения этого понятия) я охарактеризовал бы понятием технически-хозяйственного ареала-площади.

(*л. 20*) Если бы начать историю этнографии с характеристики данного понятия, с продолжением[1] всей этнографической ойкумены на целый ряд техническо-хозяйственных ареалов, то этим самым был бы дан толчок для подлинно научного построения и сцепления культур и определения отдельных культур, которыми пытался заняться Гребнер и его школа. Тут у нас была бы вполне точная и научно выдержанная зацепка, именно зацепка, с одной стороны, к технике данного народа, с другой стороны, к тому хозяйственному окружению, в котором данная народность действует.

Если здесь может быть сделано возражение такого рода, что если мы будем характеризовать эти технико-хозяйственные ареалы в современности, то мы имеем перед собой своего рода смешение культур, смешение языка. С одной стороны, я бы ответил указанием на возможность аналитической ретроспекции каждого такого технико-хозяйственного ареала, а с другой стороны, указанием на тот термин, который я бы предполагал ввести и даже настаивал на его введении. Это понятие — темп исторического развития, относительность такого темпа.

Ведь, в конце концов, совершенно ясно, что если австралиец существует столько, сколько европеец, то очевидно, что темп этого исторического развития австралийца был несколько иным, чем темп развития европейца. Да и, наверное, в европейской истории при подлинном этнографическом исследовании мы найдем некоторую разницу в этих темпах исторического развития. Это, вообще говоря, своего рода теория относительности в истории. Она, конечно, нуждается в дальнейшей весьма сложной разработке, но именно тогда-то и станет для нас ощутимо ясна та картина, которую я бы назвал этнологически-исторической картиной мира.

При принятии моего основного положения, что этнография есть, в сущности говоря, та же история, оперирующая только над иным материалом — над материалом быта, над материалом изучения быта данного народа, станет ясно, что нет принципиальной разницы между терминами.

(*л. 21*) В самом деле, есть ли такая наука, которая занимается только описанием какого-нибудь народа, если она не идет просто «от лукавого»? Такой науки нет. Возьмите самые совершенные описания современной этнологии, этнографии или которые за таковые считаются (Спенсера[2], Л<пропуск> и др.), они, в конце концов, все базируются на этнологическом научении.

[1] Возможно, опечатка/оговорка. Следует читать «разложением»/«распределением».

[2] *Спенсер* (*Spencer*) *Вальтер Болдуин* (1860–1929) — биолог и этнограф. В 1887–1919 гг. — профессор Мельбурнского университета. С 1894 г. вел полевые исследования в Центральной и Северной Австралии в сотрудничестве с Ф. Гилленом.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Всякое описание есть некоторое истолкование данной действительности, так что разница здесь между терминами чисто техническая. Может быть, этнография есть более описательная наука, а этнология более обобщающая, но во всяком случае обе они связаны между собой совершенно неразрывно.

Теперь дальше. Есть ли предел этнологическому изучению? Если сказать несколько парадоксально, можно ли изучать быт хотя бы английского секретаря по иностранным делам сэра Остина Чемберлена[1] с этнологической точки зрения? Я думаю, что можно. Важно только учесть, что есть периоды истории, области истории, для изучения которых мы можем опираться не на этнологический материал, и что изучение, например, Чемберлена — этот материал нам не так нужен, как некоторый другой материал. Что это возможно, показывает между прочим чрезвычайно любопытная брошюра Риверса[2] «Этнология и история»[3]. Риверс занялся несколько курьезным вопросом: как бы стал изучать историю Англии меланезиец, не знающий английского языка и попавший в Англию? Как этнолог, Риверс считает, что меланезиец мог бы это сделать, и дальше в брошюре описывает, каким именно образом. Так что здесь вопрос только в том, какой материал наиболее пригоден для построения истории человеческой культуры. Границы здесь колеблющиеся и условные. Пусть это только не будет понято кем-нибудь как возражение против существования этнологии как науки. Тогда такое же возражение можно сделать и против существования истории как науки или археологии, так как все три науки связаны между собой.

Я думаю, что если попытаться осуществить ту идею, которая (*л. 22*) была высказана Гегелем в реальном смысле? Ведь, как известно, он строил свою реальную историю культуры, но которая для нас важна как логический постулат всякого исторического исследования, то все же недалеко то время, когда путем сотрудничества трех наук — этнологии, археологии, истории — при свободном отношении к материалу каждой из них, будет построена подлинная всемирная история культуры в своем действительно научном раскрытии.

В этом отношении я считаю, что на советском этнологе лежит совершенно исключительная по своему значению обязанность, ибо, с одной стороны, наступил момент великого исторического значения, когда одна

---

[1] *Чемберлен* (*Chamberlain*) *Остин* (1863–1937) — британский государственный деятель. Министр финансов Великобритании (1903–1905, 1919–1921), министр по делам Индии (1915–1917), министр иностранных дел (1924–1929), морской министр (1931). В 1927 г. стал одним из инициаторов разрыва дипломатических отношений с СССР. Нобелевская премия мира за Локарнские договоры (1925).

[2] *Риверс* (*Rivers*) *Уильям* (1864–1922) — британский антрополог, организатор знаменитой экспедиции на острова пролива Торреса. Автор двухтомной «Истории меланезийского общества» (1914), написанной с позиций диффузионизма.

[3] См.: *Rivers W. H. R.* History and Ethnology // History. 1920. Vol. 5 (18). P. 65–80.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

культура, европейская, как бы овладела всем земным шаром. Мы впервые в мировой истории действительно являемся деятелями, какими не являлись ни древние греки, ни средневековый человек, ни человек эпохи Возрождения. С другой стороны, после Октябрьской революции каждый член Союза республик является участником великого процесса не только распространения этой европейской культуры на Земле, но и создания новой культуры, культуры подлинно свободных людей, где нет тех, кто эксплуатирует, и тех, кого эксплуатируют. Таким образом, здесь две бесконечно великие задачи, [которые] как бы громоздятся одна на другую. Я думаю, что если сколько-нибудь серьезно отнестись к разрешению этих задач, то здесь наша, может быть, несколько теоретическая, может быть, несколько сидящая в глубине и тиши кабинетов наука оказывается одной из наиболее важных отраслей нашего знания. Здесь, я думаю, не может быть никакого спора. Не важно, где мы будем ставить ее границы, а важно то, что мы признаем, что этнология как теоретическая наука есть в то же время наука, ведущая к дальнейшим практическим достижениям, которые стоят сейчас на пути наших современных деятелей советской культуры. (*Аплодисменты*.)

(*л. 23*) Вопросы по докладу проф. Преображенского

Аптекарь[1]

Я хочу задать несколько вопросов докладчику, потому что, заслушав доклад, многое осталось непонятно. Этими вопросами, конечно, не исчерпывается все содержание доклада, но, кажется, основные вопросы тут в достаточной мере намечены.

1. Сводится ли содержание истории как науки к истории культуры?

2. Что является критерием при оценке развитости той или иной культуры, чем должны мы руководствоваться?

3. Чем обусловлена относительность темпа развития различных технических хозяйственных ареалов?

4. Как нужно понимать положение докладчика, что каждая культура может быть рассмотрена как своеобразный тупик исторического развития?

5. И как понимать другое положение, что отдельные институты имеют жизнь в культуре, что это за жизнь отдельных институтов культуры?

6. Что такое этнологическая ойкумена[2] в отличие от ойкумены общей?

---

[1] *Аптекарь Валериан Борисович* (1899–1937) — активный проводник марксизма в общественных науках. Сторонник яфетический теории Н. Я. Марра. В 1922–1925 гг. — преподаватель Военно-политической школы Московского военного округа; в 1923–1925 гг. — заведующий издательством Коммунистической академии. Позднее — научный сотрудник НИИ этнических и национальных культур, доцент педагогического факультета 2-го МГУ, ученый секретарь лингвистической подсекции Коммунистической академии. В 1932 г. исключен из ВКП(б). Арестован 14 мая 1937 г., осужден 29 июля 1937 г. и приговорен к высшей мере наказания. Реабилитирован в 1958 г.

[2] В оригинале стенограммы это слово, как правило, писалось как «экумена».

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

7. Что такое вообще культура в понимании П[етра] Ф[едоровича]?

8. Что такое этнос?

9. Как определить этнологию и ее предмет? Мы слышали и то, что она часть истории, и то, что она самостоятельная наука, выступающая вместе с историей.

Яковлев[1]

Петр Фед[орович] указал в своем докладе, что всемирная история должна быть построена силами трех наук. Думает ли П[етр] Ф[едорович], что при построении всемирной истории можно обойтись без данных лингвистики и антропологии? Если нет, то в какую же науку он может включить эти дисциплины?

(*л. 24*) ***Преображенский***

У меня более печальное положение. Я должен отвечать на вопросы тов. Аптекаря, это гораздо хуже.

Я вообще думаю, что большинство тех вопросов, которые заданы тов. Аптекарем, обусловлены малой осведомленностью тов. Аптекаря. Может быть, еще тем, что я, очевидно, не внятно и не ясно говорил и он не все понял. Если же доклад оказался недостаточным, я скажу еще несколько слов.

Вопрос: «Сводится ли содержание истории к истории культуры?»

Ответ: «Я думаю, что то, к чему сводится содержание истории, достаточно всем известно. Я вовсе не намерен его сводить только к истории культуры как таковой».

В конце концов, вопрос идет о том, что мы называем культурой. Мы понимаем, что культура есть что-то всеобъемлющее. Если же вы понимаете это как нечто специфическое, то это и есть история культуры.

Что она включает? Она включает и экономическую, и политическую историю, и то, что мы называем историей права и религии. Все это в совокупности и есть история человеческой культуры, если вы хотите широко понять этот термин.

---

[1] *Яковлев Николай Феофанович* (1892–1974) — советский лингвист. Среди его учителей — А. А. Шахматов. С 1914 г. вместе с П. Г. Богатыревым, А. А. Буслаевым, П. П. Свешниковым, Р. О. Якобсоном при содействии Ф. Е. Корша — организатор и участник Московского лингвистического кружка. В 1920–1930 гг. — научный сотрудник, заведующий отделом Кавказа Центрального музея народоведения; в 1922–1925, 1944–1951 гг. — преподаватель Московского института востоковедения; в 1919, 1927–1930 гг. — этнологического факультета 1-го МГУ; в 1924–1928 гг. — председатель Комитета по изучению языков и народов Северного Кавказа; в 1924–1930 гг. — научный сотрудник НИИ этнических и национальных культур народов советского Востока; в 1931–1936 гг. — ученый секретарь, научный сотрудник Всесоюзного центрального комитета нового алфавита при Президиуме ЦИК СССР; в 1936–1950 гг. — действительный член МО ИИМК; в 1936–1942 гг. — научный сотрудник, в 1942–1950 — заведующий сектором кавказских языков Института языкознания АН СССР. Обосновал теорию фонем, активно участвовал в языковом строительстве в 1920–1930-х годах.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Если же вы под историей культуры разумеете некоторые спецификусы[1], то это есть не только история культуры, а плюс что-то такое. Если вы хотите ее назвать историей культуры, разумея под культурой все, что человеком было создано во время пребывания его на земле, я с вами соглашусь.

Если вы разумеете что-то иное, то, очевидно, еще что-то надо включить.

Затем, каждая культура есть своеобразный тупик исторического развития... Здесь я должен сказать: я очень жалею, когда мне приходится говорить, а не писать.

Я могу сказать следующее: историческое развитие прежде мыслилось так — на одной стадии развития австралиец стоит, его перегнал меланезиец и т.д. Теперь мы так не (*л. 25*) мыслим. Мы мыслим историю человечества в целом, как некое многоветвистое дерево. Центральные ветви — история австралийцев — есть своего рода тупик исторического развития, зашедшего в сторону. Я именно об этом говорю, потому что последователи некоторых методов имеют смелость называть свой метод комплексным. Но грубо сравнивать того же австралийца с европейцем нельзя, потому что это не научно и не логично. Я говорю, что австралийская культура зашла в своем развитии куда-то в сторону от европейского развития. Я именно здесь подчеркивал историчность этой культуры, то, что ее нельзя втянуть в какие-то общие рамки развития. Здесь она развивалась и достигла своеобразной специфической ступени. Грубо говоря, какие-нибудь предания об австралийцах вряд ли существовали у европейских народов.

Что это значит — жизнь отдельных институтов в культуре?

Я ведь не могу снова повторить все то, что я говорил. Если мы понимаем культуру вообще, как общий исторический процесс человечества, то, конечно, в данной культуре история обнимает и жизнь, и право, и религию, каждый из этих институтов имеет собственную жизнь, свое собственное развитие. Вопрос мне кажется не только странным, но, во всяком случае, не совсем внятным.

Что является критерием при оценке содержания развития культуры?

Я сам бы хотел вас об этом спросить. Я не знаю, какую оценку надо приложить. Я за это не берусь, и я не могу делать это научно, потому что во всех оценках мы должны исходить из какого-то мерила. Разумеется, если я встану на точку зрения Г<пропуск>[2], я вам скажу некоторую оценку культуры. Могу, например, дать оценку культуры с точки зрения развития производительных сил, это можно. Но я протестую против термина малокультурный (*л. 26*) человек, и я думаю, что, если вы попробуете в наших союзных республиках назвать так узбека, туркмена или якута, он вряд ли вас за это поблагодарит.

---

[1] Так в тексте.

[2] По-видимому, точку зрения Гегеля.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Что обусловлено относительностью темпа развития различных хозяйственно-технических ареалов?

Ведь странно, если я, тов. Аптекарь, вас, профессора университета по историческому материализму, буду учить историческому материализму. Это обусловливается относительностью развития производительных сил. Никакого больше обусловления[1] нет.

Что такое этнологическая экумена?

Это есть основная часть земного шара. Выражение употреблял Ратцель, употреблял я.

Относительно того, что такое этнология как наука, я просто нахожусь в затруднительном положении. Ведь действительно несчастье. Человек делает доклад, время ограничено 55 минутами, а меня опять спрашивают, что это за наука, когда я 50 минут старался об этом говорить. Этнология есть та же история, одно и то же. Только, как вам известно, история — это письменные источники, этнологические источники: материал погребенных культур, описание быта культур; задача одна и та же. Это тоже история, только работающая над специальными источниками. Я свой доклад посвятил доказательству этого положения и опять повторяю то же самое.

Что такое этнос?.. Это вопрос уже более содержательный. К сожалению, я не могу на нем долго остановиться. Я считаю, что этнос как наука служит продолжением этого понятия, именно подчеркивает то обстоятельство, что этнос в этнологии, как понятие научное, не может считаться чем-то само собой разумеющимся, из чего мы можем исходить. Это понятие требует своего анализа, для того чтобы было совершенно ясно, что это понятие представляет собой, и для того я и предлагаю прежде всего исследование того, что я называю хозяйственно-техническим ареалом. Этнология и должна объяснить, каким образом слагается понятие «этнос».

(*л. 27*) Для конструирования этого понятия я и предлагаю прежде всего исследование того, что я называю хозяйственным ареалом. Этнология должна изучить, что такое этнос, откуда это понятие берется и каким образом оно слагается, ибо, если мы остановимся на нем как на данном, мы придем к целому ряду таких выводов, с которыми нам делать нечего. Меня спрашивают, в каком отношении данные лингвистики и антропологии находятся к построению всемирной истории. И те и другие данные могут оказаться весьма нужными, даже необходимыми элементами для построения всемирной истории. Я этого не отрицал. Лингвистика и антропология имеют свои собственные задания, и если понимать историю в очень широком смысле слова, то может быть лингвистика целиком в нее войдет как история языка. Ведь есть же история религии и права.

[1] Так в тексте.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Аптекарь

На один вопрос вы мне все-таки не ответили — что такое культура?

Преображенский

Понятие «культура» совсем не так легко определить, и я вам не ручаюсь, что сразу сумею выкроить верное определение. Но я думаю, что если не особенно придираться, как у нас часто делают, то культуру можно понимать как совокупность, присущую каждой фазе человеческого существования, потому что у каждой фазы есть свои исторические законы, каждая фаза имеет совокупность институтов, выработанных человеком. Сюда входит техническое развитие, хозяйственное (жилище и т.д.), социальное и идеологическое. Я понимаю термин «культура» очень широко.

Прения

Тан-Богораз[1]

Я не выражаю, конечно, притязания выступить содокладчиком по заслушанному нами блестящему и целостному докладу. Я могу только высказать несколько отрывочных замечаний, хотя они не могут быть особенно отрывочными, так как доклад так крепко спаян и построен на таких основных идеях, что непременно надо высказываться по поводу этих идей и их применения (*л. 28*) к анализу этнографии. Доклад П[етра] Ф[едоровича] построен на двух основных идеях. Первая — идея применения исторического метода к объяснению целого ряда явлений, которые не были раньше включаемы в область формальной истории. Вторая идея — применение к тому же самому анализу метода исторического материализма. Эти идеи в докладе соединены вместе, но я считаю, что их связь в докладе скорее формальная, чем по существу. Я хочу высказаться по очереди об этих двух идеях.

Начну по мере их важности, с вопроса о применении в этнографии метода исторического материализма. Я чувствую на себе большую ответственность, приступая к основным вопросам нашего совещания, но тем

[1] *Богораз Владимир Германович* (*Натан Менделевич*) (псевдонимы: Н. А. Тан, В. Г. Тан) (1865–1936) — советский этнограф, фольклорист, лингвист, музеевед, педагог, общественный деятель. Работал в МАЭ с 1918 г. С 1933 г. заведовал отделом Европы и Америки в Институте этнографии АН СССР в Ленинграде. С 1921 г. — профессор этнографического отделения Географического института, факультета общественных наук и географического факультета ЛГУ. В 1930–1936 гг. — профессор Института народов Севера. С 1924 г. — член Президиума Комитета содействия народностям северных окраин при ВЦИК (Комитета Севера), председатель его Ленинградского филиала. В 1931 г. — организатор и первый директор Музея истории религии и атеизма АН СССР. В последние годы жизни пытался использовать марксистские построения в своих работах, но довольно часто оказывался под ударом критики, возможно, именно поэтому называл себя «комсомольцем».

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

не менее считаю своим долгом это сделать. Не знаю, от имени ли старейшего поколения этнографов, хотя я себя старейшим, несмотря на возраст, не чувствую, или от имени группы молодежи, которая организовала это совещание, но во всяком случае высказаться по этому коренному, основному вопросу нашего совещания необходимо.

При обсуждении тезиса проф. Преображенского, а обсуждали мы его не раз, было высказано, что метод исторического материализма в этнографии дошел до порога, что теперь, очевидно, предстоит очень трудная и ответственная задача перенести его через этот порог. Но эта задача не может быть исполнена дидактически, она не может быть исполнена в порядке декретирования, и еще менее она может быть исполнена в порядке упрощения. Только при глубоком общенаучном исполнении эта задача может быть выполнена.

И вот, когда мы приходим к применению этого метода, ясно, что мы все сейчас, и младшие, и старшие, постоянно думаем над этим вопросом. Сейчас все русские ученые во всех отраслях делают то же самое. Метод исторического материализма дошел до порога не одной только этнографии, но и многих других дисциплин. Есть целый ряд дисциплин, которые могут быть оплодотворены и углублены этим методом. Для нашей науки — этнографии — это тем более возможно, так как она сейчас находится только в стадии рождения, приобретения научного лица. Она только сейчас из науки любительской и случайной превращается в настоящую науку.

(*л. 29*) Она находится в стадии перехода из алхимии в химию, из астрологии в астрономию. Я мог бы сказать, что сказал на одном из съездов американистов, ибо там тоже происходит обсуждение вопросов теоретической этнографии, правда, в других областях и с другим подходом: сейчас наша наука этнография находится в периоде, когда еще не сделано никакой настоящей классификации. Если взять методы, которые изложил докладчик, и ту критику, которую он навел, то делается понятным, что система классификации, система терминологии у нас еще не определена.

После этого предисловия я хочу сказать несколько слов о тех научных трудностях, которые мы встречаем на пути применения этих методов в нашей науке, трудностях, которые должны быть преодолены, но которые сразу не исчезнут, ибо мы не можем декретировать их исчезновение.

(*л. 30*) Первый вопрос — это о дурном качестве собранного материала. Материал собран любителями, чиновниками, миссионерами, торговцами спирта. Это есть действительно наполнение нашего материала, в особенности в более старой стадии, и даже материал в более новой стадии собран не тот, что нам нужен. Собран материал по оружию, по фольклору, по религии, но материал культур, как в музеях, так и в исследованиях, имеется как статическое описание целого ряда культур, органически друг с другом не связанных. Между тем процессы производственные, которые

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

должны лежать в основе изучения практического и теоретического, находятся в первобытной стадии. Таким образом, первый подход для того, чтобы к нашей науке применить научный метод исторического материализма, — это собирать другой материал, и острие этого нового подхода — полевая этнография. Я не буду об этом много говорить, потому что я буду делать особый доклад, но ясно, что, собирая материал для нашей науки, мы должны прежде всего сделать вывод: здесь должен быть прежде всего процесс производственный, который является в мире первобытных процессов циклическим. Процесс религии должен быть отображен процессом социологии, наиболее трудным.

Мы должны стараться собирать этот материал как надстройку над материальной культурой.

Таким образом, нам предстоит в нашей материальной культуре, в наших полевых экспедициях, во-первых, собирать материал по новым методам, во-вторых, чрезвычайно точно применять его к научным наблюдениям, не вводить сюда субъективных методов. Экспедиции должны быть длительны, должны быть связаны с культурной работой.

Теперь, если мы перейдем от вопросов практического изучения к методам теоретическим, надо сказать, что, естественно, встречаются трудности. Прежде всего этнография изучает натуральное хозяйство. (*л. 31*) Натуральное хозяйство от денежного хозяйства отличается самой сущностью своей постановки, отличается замкнутостью, отличается, между прочим, числительным мерилом. Именно мерило к изучению натурального хозяйства совершенно иное, чем числительное мерило к изучению хозяйства денежного.

Приведу пример. Во время переписи мы в Москве по поводу переписи Севера имели ряд заседаний, для того чтобы определить подход к оленеводству как к денежному или натуральному хозяйству. Мне указывали, что западное оленеводство, которое гораздо больше подлежало к денежному хозяйству, чем восточное, оно более богатое и более наполнено, чем хозяйство восточное, в денежное хозяйство не перешло. Конечно, это не верно, потому что восточное хозяйство более массивно. Тем не менее обыкновенным статическим методом мы никак не смогли выйти из этого противоречия.

Затем другая трудность заключается в том, что этнография в своих первобытных частях опирается на биологические и зоологические элементы, изучение которых возможно только на общих основах научного материализма. Например, если взять элементы бытия, пищу, жилище, любовь и т.д., то все они имеют зоологическую основу и в своих низших, глубоких частях примыкают к элементам биологическим. Этнография этим и отличается от истории и других общественных наук, отличается тем, что она составляет стык между науками общественными и естественными. Преодолеть эти трудности возможно только особым техническим методом,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

выводимым из самого изучения этнографического материала, и в этом отношении между мной и докладчиком нет существенной разницы. Он хотел обобщить в истории все науки, но, тем не менее, он допустил, что есть разновидности в методах.

С другой стороны, я должен сказать, что первая его идея — идея исторического метода, идея обобщения вместе этнологии, археологии и истории — мне не кажется удовлетворительной, потому что все эти науки, да и некоторые другие, есть науки о человечестве, а в науке нет никакой (*л. 32*) грани, нет межи, и можно, отвлекаясь от того частного, что есть в каждой науке, выявить общие методы, но чем дальше будем отвлекаться, тем методы будут более общие и не дадут вам наполнения.

Я сказал бы, что тезисы этого доклада очень нуждаются в дополнении и примерах, в которых бы указывалось, как эти тезисы применяются к анализу различных частей указанной науки.

Все-таки я должен сказать, что между этнологией и историей есть существенное различие, несмотря на то что это есть одна и та же наука о человечестве. Это различие, конечно, является в конце концов различием количественным, но вообще мы привыкли, что количество в конце концов переходит в качество.

Я приведу несколько вещей, довольно известных.

(*л. 33*) История в обыкновенном понимании относится к последним пяти тысячелетиям, с начала появления письменных памятников. Так, по-видимому, определил ее и докладчик. Между тем этнография относится к периоду, гораздо более давнему, исчисляющемуся десятками и сотнями тысячелетий. Между прочим, наша наука, стремясь обновить материал, стремится к расширению этого времени, а не сужению его. Это первое различие, конечно, различие количественное, но очень важное. Второе различие — в том, что хотя этнография, история и археология изучают развитие человеческой культуры, но темп этого развития различен. Чем дальше мы уходим от современности в глубину истории, тем сильнее замедляется темп этого развития. И в самых глубинах этнографических пластов этот темп приближается к темпам развития зоологических и биологических наук. Это тот стык, о котором мы говорили раньше и к которому мы неизбежно приходим в анализе.

Следующее различие, о котором как раз говорил докладчик, заключается в том, что история производит изучение в глубину своего собственного времени, археология — то же самое, хотя гораздо глубже. Что же касается этнографии, то докладчик указал совершенно правильно, что мы ее изучаем в порядке одновременности, или, как я сказал бы, в порядке современности. Мы имеем данные о существующих народах, и их мы должны изучать. Между прочим, я хочу возразить против одного положения докладчика, которое мне представляется просто недоразумением.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Он указывал, что батакуды, американцы и мы, СССР-цы, являемся современниками и что поэтому к нам надо применять один и тот же метод изучения. Я должен сказать, что в таком случае нашими современниками являются и шимпанзе; они имеют за собой такое же количество поколений, как и мы. И все животные породы вплоть до амебы и корненожек являются нашими современниками. Но это вовсе не значит, что к изучению этих «современников» нужно применять один и тот же метод. Это мое возражение в скобках.

Дальше. Какие задачи стоят перед этнографом? Мы должны взять современные пласты живых этнографических народов (я извиняюсь, но иначе как первобытными я их назвать не могу), мы должны распластовать современность, мы должны найти глубины, которые гораздо глубже исторических.

(*л. 34*) Мы должны в этом пространственном подходе найти подход временной. Эта задача должна быть сделана другими методами, чем те, с которыми подходят к анализу историки.

Между прочим, я хочу сказать, опять-таки в скобках, по поводу одного из положений докладчика. Я хочу его несколько ограничить. Докладчик совершенно справедливо говорил, что каждый народ в естественных условиях развивает свою культуру. А раз мы говорим о культуре первобытных народов, то тем самым признаем ее развитие. Предыдущие историки как раз не признавали истории тогда, когда говорили о малокультурных народах. Мы, признавая культуру всех народов важной, в то же время признаем, что эта культура имеет свой собственный путь развития. Тем не менее нельзя сказать, что все культуры являются культурами наибольшего приспособления. Здесь есть большое разнообразие, зависящее от естественных условий, о которых докладчик не упоминал, а если упоминал, то сравнительно мало. Если взять мое построение, что этнографическое исследование приходит к стыку с естественными явлениями зоологическими и биологическими, то становится ясно, что природные условия приобретают тем большее значение, чем дальше мы углубляемся в анализ. С этой точки зрения я укажу, что если вам взять несколько примеров развития первобытной культуры, например на севере — эскимосов, самоедов, то в этих трудных условиях они бы погибли, если бы не создали своей эскимосской культуры. Их культура почти приближается к культуре мануфактурного периода. Я смогу сказать из своего полевого опыта, что при встрече с северными народами я чувствовал себя беспомощным, более низким в культурном отношении, чем они. Только после долгого приспособления к ним, после приобретения многих технических навыков (езда на собаках, охота) мы смогли вносить некоторые улучшения в их быт. Но есть и другие примеры несколько иного типа. Возьмем огнеземельцев. Они представляют собой народ, по-видимому, переселившийся из северной довольно широкой

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

полосы в тропическую или субтропическую очень узкую область Южных островов с холодным климатом, где для развития культуры не было места, не было того самого хозяйственно-технического ареала, о котором говорил докладчик. (*л. 35*) Ощущая недостаток в одежде и жилище, они совершенно застыли, и зимой в этом суровом климате с очень густым снегом они ходят неодетыми и судорожно жмутся к огню, получая ожоги. Если это приспособление, то, во всяком случае, приспособление не из лучших.

Если перейти к общему методическому подходу автора, то я бы сказал, что для историка это действительно некоторое откровение. Мы принимаем исторические перспективы не только для народов высококультурных, для народов белой расы, которые до сих пор претендуют на звание «человечеств», но мы постепенно принимаем народы восточные, а также малые народы. Но я не сказал бы, что для этнографии это будет таким же откровением.

(*л. 36*) У меня есть желание повернуть эту сторону этнографии другим концом. Мне кажется, что из последнего заявления докладчика вытекает, что он тоже считается с этими мыслями, потому что если говорить о первобытной культуре, то ее мы видим не только у первобытных народов, но видим ее у народов более культурных, которых когда-то называли варварскими, видим у народов высококультурных в виде пережитков, как говорится, в виде широких этнографических пластов, которые находятся в образовании всех так называемых высших культур и которые надо исследовать методами, приближающимися к этнологии. Я ставлю докладчику такой вопрос. Если взять из культуры область изучения религии, то мы имеем здесь первобытную религию и, тем не менее, высшую религию, которую мы определяем как так называемую высшую религию. Какой метод надо применять для изучения этих запутанных и сложных и в то же время составляющих краеугольный камень всего этнографического изучения положений? Если применить метод исторический, в обыкновенном понятии слова, то вы в истории религии иных указаний и объяснений не получите. Мы говорим наоборот, то есть что к изучению исторической религии следует применять метод этнографический. Только в этом освещении высшая религия становится понятной.

После этих возражений докладчику я хочу все-таки указать, что в этом докладе, кроме формального подхода, есть все-таки достижения, которые можно принять. Прежде всего это то, чтобы заменить понятие «культурные круги» понятием «технически-хозяйственный ареал». Критика, которую навел докладчик на культурные круги школы Фойе[1] и Гребнера, справедлива. Я должен вам указать, что этот термин чрезвычайно странно поставлен этой школой Ф[ойе] и Г[ребнера]. Например, на одном конгрессе патер

[1] Имеется в виду *Вилли Фой.*

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Шмидт[1] высказал такое положение, что родительный падеж связан с матриархатом. Возможность таких построений показывает, в каком предварительном состоянии находится определение этих культур.

(*л. 37*) Что касается технического ареала, технического-хозяйственного изучения, исследования, то это, конечно, не ново.

Правда, с точки зрения социологической и с точки зрения общей теории этнографии, когда мы определяем различные хозяйственные стадии, мы говорим о двух собирательных стадиях, именно: о стадии животноводства мелкого и крупного и стадии земледельческой. Этот подход существует в науке, и до известной степени если не сделан, то намечен.

Я бы сказал, что то новое, что заключается в этом докладе, это есть то, что недостаточно только хозяйственного анализа, а надо делать хозяйственный комплексный анализ, надо сопоставить все стороны культуры с той стороной, на которую натыкаются история и наши исследования.

Опять-таки надо сказать, что это не ново, поскольку это производится в разных частях этнографии. Вы производите это в Москве, а мы — здесь. Мы стараемся комплексно анализировать каждую стадию хозяйственного развития. Если бы я пошел не по вашему пути, а по тому пути, который вам предлагал, и стал бы рассказывать, каким образом каждую стадию мы стремимся наполнить социологическим, религиозным и материально-культурным отображением, то, может быть, это и было бы показателем того, что мы сейчас принимаем марксистские методы, методы исторического материализма. Например, такой пример, сопоставление такое: первая земледельческая стадия, которая является наметкой мотыжного земледелия, очень несовершенная наметка, она является, как вы знаете, женской работой, это женское земледелие, и напрашивается соображение, что, быть может, эпоха матернитета[2] более или менее должна совпадать с этим женским земледелием. Между тем как скотоводство, которое развивается (*л. 38*) на других ареалах, в других областях (например, крупное скотоводство, которое развивается в английских условиях, верховая езда есть привилегии высшего, дворянского класса), должно совпадать с эпохой патриархата. Быть может, это так и есть, я не настаиваю. Вы знаете, что в скотоводчестве[3] есть две стадии: первая стадия — это мясная и шкурная, а вторая стадия — это молочная и шерстяная. В первой стадии люди убивают животных, делают одежду из звериных шкур, покрывают шатры шкурами. Во второй стадии животных не убивают, скот является

[1] *Шмидт Вильгельм* (*Wilhelm Schmidt*) (1868–1954) — австрийский этнолог и лингвист, основатель журнала «Антропос» и одноименного института, профессор Венского университета, создатель теории прамонотеизма.

[2] Матриархата.

[3] Так в тексте.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

капиталом, от него берут молоко и вместо шкур на одежду берут шерсть. Естественно, что воинственность народа в первой стадии развивается больше, чем во второй стадии, [где] она может переходить в пассивное состояние, созерцательное.

Если взять монголов, то они были когда-то народом воинственным, а теперь являются народом созерцательным. Быть может, это изменение монголов связано с изменением их психики.

Я считаю, что наша задача в теоретической этнологии сейчас состоит в том, что мы должны определить технически-хозяйственные ареалы, причем мы должны их разграничивать. Мы должны определить их географическое распространение, мы должны их связать с естественными условиями, и тогда мы должны из них вывести комплекс, который одновременно покрывает производственный подход, покрывает анализ статических элементов как пища, одежда, жилище и т.д., покрывает анализ религии как отображение этого процесса и покрывает анализ психологический и социальной психологии как надстройки над этой материальной базой. Это есть наша важнейшая задача, задача наполнения, задача научного применения, не в общих чертах, а применение действительное в нашем материале этого нового метода, который мы должны перевести и передвинуть через порог нашей науки.

(*л. 39*) ***Никольский***[1]

Я предполагал выступить по поводу доклада П[етра] Ф[едоровича] Преображенского, но, заслушав выступление проф. Тан-Богораза, вынужден несколько раздвоить свое внимание. У меня, к сожалению, Вам, Владимир Германович, больше возражений, чем Петру Федоровичу. Это волей-неволей отражается на целостности моего выступления. Но я предполагаю идти хронологическим порядком, и может быть, вопреки моему желанию на долю Вл[адимира] Гер[мановича][2] ничего не останется. Дело в том, что П[етр] Ф[едорович][3], как мне представляется, в своем выступлении, в общем, правильно указал, что нужно историзировать этнологию. В этом, я думаю, и огромное большинство собрания с докладчиком согласно. Весь вопрос в том, как это нужно сделать. И здесь-то я не совсем согласен со сказанным П[етром] Ф[едоровичем].

---

[1] *Никольский Владимир Капитонович* (1894–1953) — советский историк, доктор исторических наук (1943). Окончил Московский университет (1916). Преподавал в высших учебных заведениях Москвы, в 1930–1946 гг. — профессор МГУ. Ранние работы посвящены истории России XVII в.; в 1920-х годах одним из первых в отечественной науке начал исследование истории первобытного общества, занимался вопросами происхождения религии.

[2] Имеется в виду Владимир Германович Тан-Богораз.

[3] Имеется в виду Петр Федорович Преображенский.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Мне представляется, что для того, чтобы сколько-нибудь удовлетворительно выполнить эту задачу, нужно обладать двумя необходимыми условиями: во-первых, надо хорошо понимать историю и ее метод и, во-вторых, нужно обладать хотя бы элементарной марксистской методологией. И мне кажется, что П[етр] Ф[едорович] погрешил против требования исторической методологии, он в своем ретроспективном обзоре развития этнологии погрешил против принципов исторического изложения. Он, с одной стороны, не совсем верно отобразил картину развития этнологии примерно в третьей четверти XIX в., с другой стороны, он не упомянул о последней главе в развитии этнологии, относящейся почти к промежутку между 1-й и 2-й четвертью XX в. Когда вы, П[етр] Ф[едорович], говорили об эволюционной школе, вы совершенно не отметили интересного метода пережитков — метода эволюциониста Тэйлора. Именно этот метод позволяет им работать при однопланового характере этнологического материала. Мы знаем, что этот метод имел существенный недостаток, потому что эволюционисты, пользуясь им, целостную культуру единого конкретного общества искусственно разрубали на отдельные разрозненные элементы и восстанавливали отчасти при помощи метода пережитков отдельные эволюционные ряды. Меня удивляет, что П[етр] Ф[едорович] приписывал этой древнейшей главе научной этнологии, что она отдельные культуры, как звенья, вставляла в общую цепь культурного развития, что эволюционисты пытались доказать, что австралийская культура стоит ниже меланезийской. Между тем мы знаем на классическом примере Моргана, повторенном (*л. 40*) Энгельсом, что Моргану не удалось установить, что полинезийцы стоят ниже в культурном отношении, чем хотя бы австралийцы. И благодаря этому мы видим у него целый ряд таких неправильных эволюционных рядов. Так что мы не можем приписывать этой эволюционной школе попытки целиком такие культуры отдельных народностей вставлять как отдельные звенья в целую цепь развития.

Здесь я должен отметить, что, несмотря на разногласия с Вл[адимиром] Гер[мановичем], его этнографический подход является более конкретным и более приемлемым для этнологии. Тут несомненная связь между конкретным обществом и окружающей его средой. Совершенно марксистское понимание. Следовательно, когда мы переходим к следующей большой ступени, минуя школу Ратцеля, мы приходим к теории культурных кругов. П[етр] Ф[едорович], говоря о культурных кругах, употреблял термин «культурный комплекс» как синоним и в то же время указывал, что главный дефект культурных кругов Гребнера — в том, что мы там имеем механическое сочетание различных культурных элементов, которые к тому же разрубают те конкретные общие части, которые не совпадают с понятием «культурный круг». Мне представляется, что П[етр] Ф[едорович] не указал новой главы в развитии этнологии, немножко говорил об этом Вл[адимир] Гер[манович].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Действительно, в последнее время этнологи стремятся ввести понятие «культурный комплекс» как консенсус. Здесь достаточно упомянуть хотя бы Ф. Краузе[1] с его понятием <пропуск>.

Мы имеем здесь действительно движение вперед, и движение — я вполне согласен с Вл[адимиром] Гер[мановичем] — по пути применения исторического материализма. По крайней мере, мы можем взять это движение как трамплин и, опираясь на него, проделать дальнейший скачок к марксистскому методу в этнологии. Благодаря такой несколько неточной терминологии мы недостаточно ясно усматриваем направление западноевропейской и американской этнологии, которое мы наблюдали не только у Ф. Краузе, но и у патера В. Шмидта, тоже далеко не совершенное стремление к такому культурному комплексу.

Если мы пойдем по этому пути, то предложение П[етра] Ф[едоровича] о технически-хозяйственном ареале является совершенно ненужным, потому что оно, в конце концов, есть марксистско-образная перелицовка культурного круга Гребнера. (*л. 41*) Мне кажется, что это скорее относится к области экономической географии, к районированию хозяйства нашего Союза, чем к этнологии. Может быть, П[етр] Ф[едорович] в заключительном слове разъяснит, как понимать[2] культурный комплекс в его употреблении и как он предлагает принимать культурный комплекс в моих работах по истории первобытной культуры. Я применяю это понятие с [19]23 г., и здесь, я считаю, легче всего найти дорогу к марксистскому методу. Исходя из этого, я предлагаю не смазывать различие между историей и этнологией, нужно сказать, что есть какой-то специфический материал, и этот материал специфизирует[3] метод. Пусть это будет история со специфическим методом. Но на практике, когда мы приступаем к исследовательской работе, это заставляет нас и специфически работать.

Я беру личный пример. Я пришел к изучению первобытной культуры от истории, и, как историк, я имею совершенно иную установку, иной метод, чем этнолог, особенно полевой, а также иную установку, чем археолог. Я никудышный полевой этнолог и никудышный полевой археолог, но я не считаю себя очень плохим историком. Если мы возьмем культурный комплекс в целом, то здесь переход к марксизму будет очень легким, потому что, в сущности, говоря с марксистской точки зрения, это есть конкретное общество, являющееся вариантом той или иной экономической формации. (*л. 42*) Мне представляется, что с марксистской точки зрения мы как-то должны стремиться именно к социально-экономической формации. Отсюда нам надо исходить, а не из культурных кругов, не из различных ареалов.

---

[1] *Краузе Фриц* — немецкий этнограф, последователь Гребнера.

[2] Вероятно, следует читать «применять».

[3] Так в тексте.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Мне представляется, что здесь нужно разделение. Петр Федорович говорит о всемирно-исторической точке зрения разделения[1]. Но мне кажется, что он не упомянул, что есть конкретная история культуры в отдельных странах, у отдельных народностей. Мне представляется, что задача истории культуры и история отдельных национальных обществ — они не одно и то же.

Мне представляется, что история культуры, или, лучше может быть говорить, история общественных форм, история социально-экономической формации, что это есть некоторое временное построение, которое необходимо нам благодаря тому, что общественность дает целый ряд заказов, что она интересуется рядом вопросов для свободного от религиозных предрассудков мировоззрения. Но вместе с тем это есть временный анализ постольку, поскольку конкретно история культуры недостаточно еще разработана, и мне кажется, что этнография плюс этнология должны дополнять историю культуры, а историю русскую, американскую, французскую должна дополнять этнография.

Нам необходимой представляется крайне узкая специализация. Дело не только в том, что плохие собиратели были. Достаточно назвать имена Моргана, Спенсера, не говоря о целом ряде других, чтобы сказать, что были хорошие этнографы и среди буржуазных ученых. Но беда в том, что им[и] слишком разбросались. Если бы, при более узком специализированном подходе, мы разделили этнографию, с одной стороны, не вообще, а конкретно этнографию, восполняющую историю отдельных конкретных народностей, и плюс этнологию как восполняющую историю культуры, вот именно таким путем <пропуск> (*л. 43*) было приложить марксистский метод.

Мое время истекло, к сожалению, и я больше ничего не могу сказать.

(*л. 44*) ***Бунак***[2] по докладу П[етра] Ф[едоровича] Преображенского

Определив этнологию как историческую науку, тов. Преображенский специфицировал ее как историю «хозяйственно-технических ареалов».

Таким образом, государство, право, хозяйство и другие грани общественной жизни изучаются с исторической стороны — историей государств, историей права той или иной страны и т.д.; история хозяйственно-технических ареалов почему-то не техническая история, а этнология. Докладчик

[1] Так в тексте. Видимо, слово «разделения» является лишним.

[2] *Бунак Виктор Валерьянович* (1891–1979) — выдающий советский физический антрополог. Ученик Д. Н. Анучина. С 1918 г. — приват-доцент, с 1923 г. — доцент, в 1925–1948 гг. — профессор по кафедре антропологии, в 1925–1932 гг. — заведующий кафедрой антропологии, до 1930 г. — директор НИИ антропологии при МГУ, в 1933–1938 гг. — заведующий лабораторией морфологии человека НИИ антропологии, в 1943–1948 гг. — заведующий сектором антропологии ИЭ АН СССР, в 1948–1955 гг. — старший научный сотрудник ЛЧ ИЭ АН СССР.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

прибегает к такому построению потому, что его не удовлетворяет понятие «этнос». В самом деле, славянин IX и XII вв. в разных территориях — это не одно и то же. «Этнос» принадлежит к числу таких понятий, определить которые нелегко, но которые не теряют от этого своего большого значения. Я не берусь дать исчерпывающее определение этого понятия, но укажу на одну его сторону: в отличие от понятия «нация», реального в каждую данную минуту, «этнос» — реальность в прошлом, рабочее понятие, ретроспективно восстанавливаемый комплекс не только ареальных и технических, но и многих иных языковых и исторических свойств. Сведение понятия «этнос» только к тем признакам, какие даны докладчиком, — малообоснованная и практически бесполезная гипотеза, ибо связь техники с ареалом не является абсолютной и комплексы надо рассматривать в их индивидуальности.

Если это так, то теоретически правильное определение этнологии как части исторической науки практически ничего не дает, ибо оно не учитывает ряда других (географических и пр.) элементов. Оставаясь наукой об обществе, этнология должна встать близко к антропологии, которая в свою очередь, работая биологическими методами, имеет дело с социальными формациями, заменяющими «естественную среду» биологов, и в этом смысле сближается с этнологией.

(*л. 45*) ***Толстов***[1]

Некоторые из выступавших товарищей поставили целый ряд новых вопросов и ниже сделали целый ряд замечаний и исправлений к докладу Петра Федоровича. Мне кажется, что некоторые замечания вызваны в известной степени недоразумением, но некоторые имеют действительно под собой вполне конкретную и реальную почву. Будучи согласен с тов. Преображенским в принципиальной установке этнологии как той же истории, работающей над определенными видами исторических источников, я все-таки в дальнейшем не вполне согласен со многими определениями П[етра] Ф[едоровича]. Мне кажется, что, как здесь правильно отметил тов. Никольский, П[етр] Ф[едорович], разбирая эволюционистскую школу, приписал ей не тот основной грех, которым она болела. П[етр] Ф[едорович] не подчеркнул стремления этой школы к построению отдельных эволюционных рядов, а подчеркнул именно то, чего я бы не поставил в вину эволюционистской школе — стремление расклассифицировать на роды по линии <пропуск>.

[1] *Толстов Сергей Павлович* (1907–1976) — советский историк, этнограф, археолог, открыватель древнехорезмской цивилизации. В 1929 г. — студент историко-этнологического факультета МГУ; в 1942–1965 гг. — директор Института этнографии; в 1950–1952 гг. — директор Института востоковедения; в 1939–1951 гг. — главный ученый секретарь Президиума АН СССР, заведующий кафедрой этнографии; в 1943–1945 гг. — декан исторического факультета МГУ; в 1946–1966 гг. — глава редакции журнала «Советская этнография».

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Совершенно ясно, что все те критические моменты в докладе П[етра] Ф[едоровича], которые были направлены против эволюционистской школы, являются чрезвычайно основательными. Но заслуга эволюционистской школы не только в том, что она поставила твердую задачу восстановления исторического развития человеческого общества, но и в том, что она наметила верный путь для разрешения этой задачи, стремясь рассматривать отдельные человеческие культуры как отрезки, географически сохранившиеся, расположенные не в хронологической последовательности, и одновременно стремясь расположить их по ступеням известных процессов развития. В этом я не вижу недостатка этой школы, а скорее ее заслугу. Недостаток эволюционистов — в том, что они к практическому осуществлению указанной классификации подошли негодным образом. Все стремление их построить эволюционные ряды можно признать мало удачным, хотя некоторые отдельные моменты могут сейчас считаться общепринятыми.

Мне кажется, что переходя в дальнейшем к критике культурно-исторической школы, тов. Преображенский не упомянул о том, что эта школа сделала много шагов вперед, но вместе с тем есть и шаги назад, а именно — стремление представить культурный круг как замкнутое в себе понятие и до известной степени разрыв той органической последовательности развития культуры, которая намечалась (*л. 46*) как целевая установка в эволюционистской школе. Мне кажется, что то понятие, которым совершенно основательно П[етр] Ф[едорович] предлагал заменить термин «культурный круг», может быть интерпретировано несколько иначе. Я думаю, что момент такого социологически стадиального подхода к этому культурному ареалу может до известной степени выдвинуть такую формулировку этого ареала; здесь мы имеем как бы географическое выражение одновременного сосуществования различных социально-экономических формаций. И поэтому я бы считал принципиально важным установить эту идентичность понятия культурного круга, поставленного на материалистическую базу, и понятия социально-экономических формаций. Но постольку, поскольку понятие социально-экономических формаций вошло в оборот марксистской науки достаточно прочно, я считаю правильным и логичным назвать этот ареал социально-экономическим, рассматривая его как географическое выражение социально-экономических формаций. Поскольку он является формацией не как рабочий элемент, а как способ анализа реконструкций, его правильно было бы называть социально-экономическим ареалом, тем более что понятие «хозяйственно-технический ареал» действительно может содержать в себе некоторые недоуменные вопросы, (*л. 47*) а именно — как бы выделение только момента производительных сил и базиса социального, а элементы надстройки как будто бы не связываются с этим базисом.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

В общем, я должен сказать, что та концепция, которую предложил П[етр] Ф[едорович] Преображенский, за исключением немногих изменений и уточнений (я думаю, что принципиально вряд ли П[етр] Ф[едорович] будет возражать против этих положений), представляет собой колоссальный шаг вперед в смысле уточнения самого понятия «этнология». Здесь мы имеем вполне четкое положение относительно, во-первых, неразрывной, органической связи этнографии, истории, археологии как, в конце концов, различных сторон одной и той же науки, только работающей над различными темами истории. Именно этот ретроспективный метод анализа истории развития культуры является тем спецификусом, который заставляет этнографию рассматривать как определенную дисциплину, требующую соответственной постановки преподавания и специализации научных исследований.

С другой стороны, мне кажется, что когда некоторые из оппонентов, в частности профессор Богораз, говорили о том, что взамен историзации этнографии необходимо этнографицировать историю, что здесь у нас кроются не только споры, а весьма серьезные разногласия.

Дело в том, что сейчас мы должны признать как существующий факт, что сама этнография до настоящего времени не смогла и долго еще не сможет встать на правильную базу, на правильную научную марксистскую базу, чтобы анализировать все культурные явления социологическим марксистским методом, и поэтому всякая такая этнографизация истории может привести к тому, что взамен социологического марксистского объяснения исторических явлений мы выдвинем не тот новый этнографический метод, о котором я говорил, а те старые этнографические методы, методы недифференцированных представлений о народе как бесклассовой сущности; другими словами, мы подменим то, что мы достигли (*л. 48*) в результате работ, то, что уже является пройденной ступенью в развитии исторических наук.

Таким образом, мне кажется, что, резюмируя то, что мне хотелось сказать, мы можем впечатление от доклада П[етра] Ф[едоровича] сформулировать таким образом. Безусловно, этнография как наука, как определенная историческая дисциплина имеет не только все шансы на свое дальнейшее развитие, но является чрезвычайно необходимой и чрезвычайно важной в той конкретной работе по строительству, которое у нас в настоящее время существует, и что только тогда этнология и этнография будут насквозь социологизированы, когда каждое явление культуры мы будем рассматривать с точки зрения наших марксистских методов; другими словами, когда этнография не будет принципиально ничем отличаться от истории как таковой, а будет отличаться только, как правильно сказал П[етр] Ф[едорович], только характером своих источников. Только тогда мы добьемся того, чтобы наша наука могла получить достаточное признание и сыграла бы ту общественную роль, которую она должна сыграть.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Винников[1]

Мне кажется, что в докладе профессора Преображенского преобладают отрицательные положения, отрицательные признаки над положительными, и в этом, по-моему, один из основных недостатков этого доклада. Почтенный докладчик критиковал существовавшую и существующую теперь на Западе этнологическую школу, и, как тут неоднократно указывалось многими (я вполне с этим согласен), довольно неудачно.

Ибо докладчик критиковал теорию эволюционистов по трудам Бастиана[2], как видно, совершенно не учитывая новейших течений, о чем говорил профессор Никольский.

Дальше докладчик не указал на то, (*л. 49*) что есть ценного в этой эволюционистской теории, нужно ли вообще применять эволюционистские методы в этнологии? Докладчик об этом не говорил.

Дальше. Он критиковал, не совсем удачно, историю культурно-историческую. Мне кажется, тут не выявлена сущность, несостоятельность этого метода, а именно — отсутствие эволюции. На то, что нет связи между отдельными элементами этого круга, на это обратил внимание сам представитель этой школы.

Хотя бы взять патера Шмидта и его последнюю книгу, где он ясно говорит об этом и ищет выход — и находит. Докладчик не указал, что этот выход неудовлетворителен.

Но ведь этот культурный круг существует; не отрицать существование культурного круга предлагается, но другое название для этого круга. Как должны вы объяснить сосуществование всех этих элементов?

Что касается критики теории, то мне казалось, что сейчас для нас, особенно для нас молодых, которые интересуются и работают над методологией и этнологией, было бы желательно услышать действительно новое слово, а не только общие фразы, которые повторяются и повторялись неоднократно, что единственно верный метод — это метод исторического материализма.

Нас не нужно агитировать за этот метод, а нужно показать и доказать состоятельность и пригодность этого метода, не ограничиваясь только отдельными фразами. Мне казалось бы, что в докладе, который называется

---

[1] *Винников Исаак Натанович* (1897–1973) — советский этнограф-арабист и семитолог. Преподавал на этнографическом отделении географического факультета ЛГУ. В 1929–1933 гг. — сотрудник МАЭ, в 1933–1943 гг. — сотрудник Института этнографии АН СССР, в 1941–1942 гг. — директор ИЭ АН СССР, в 1943–1953 гг. — директор Института востоковедения АН СССР в Ленинграде. Создатель и заведующий (1938–1949) кафедрой этнографии, заведующий кафедрой ассириологии и гебраистики (1945–1949), профессор кафедры арабской филологии (с 1955 г.) ЛГУ. В период проведения совещания и после активно занимался поисками и покупкой копий архива Л. Г. Моргана.

[2] *Бастиан Адольф* (*Bastian Adolf*) (1826–1905) — выдающийся немецкий этнолог, первый директор Музея народоведения в Берлине.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

«Методология и этнология»[1], не нужно было бы так заниматься критикой этих теорий, (*л. 50*) частью отживших, частью отживающих, а нужно было выявить то новое, что есть в области теории. Мне казалось, что докладчик учтет все попытки, которые делаются для того, чтобы подойти к применению методов исторического материализма в этнологии. Ведь есть же такие попытки! Я не знаю, какие еще результаты, но ведь что-то делается в этом направлении в течение 11 лет! Ведь кто-то работает над этими проблемами! Именно в этом докладе, который я считаю центральным для нас, который должен быть для нас инструктивным, мы, молодые, должны были услышать новое слово, слово, основанное на конкретном материале, на фактических данных. Мы этого здесь не слышали. Общей фразой, которой вы начали, тов. Преображенский, что единственно верный метод — это метод исторического материализма, вы и закончили. Я этого не отрицаю, но думаю, что если вы утверждаете это так категорически, то у вас имеются какие-то фактические данные. Где же они? Нам не нужно общих фраз, потому что мы сами над этими вопросами усиленно работаем и так же стоим на точке зрения метода исторического материализма.

Перед нашей страной стоит целый ряд актуальных этнологических вопросов, и нам нужен вполне определенный и четкий подход к их разрешению. Если ваш доклад был бы уместен 8–10 лет тому назад, то теперь он совершенно неуместен. Мне кажется, что было бы удобнее этот доклад назвать не «Методология этнологии», а «Проект новой всемирной науки и роль этнологии для всемирной истории» и прочесть этот доклад на съезде историков, потому что фактически докладчик пришел к тому заключению, что этнологии нет, а есть история, что мы изучаем одинаково и огнеземельцев, и Чемберлена. Не чувствую тут никакой разницы между историей и этнологией. Если вы ставите проблему методологии этнологии, вы должны были на специфическом этнологическом материале доказать особенность этой методологии. Вы этого не сделали. Какое же имеет отношение ваш доклад к методологии этнологии как таковой? Это методология общей всемирной истории.

(*л. 51*) ***Феноменов***[2]

Петр Федорович указал, что эволюционистская школа над многими еще тяготеет. Я должен ответить на это некоторым недоумением. Но та часть доклада, что П[етр] Ф[едорович] критиковал культурно-историческую школу, в частности Гребнера и Фойя, вызвала мое полное удовлетворение. Я всегда недоумевал, когда мне приходилось слышать публичные заявления

[1] Имеется в виду доклад С.Ф. Преображенского «Этнология и ее методы».

[2] *Феноменов Михаил Яковлевич* (псевдоним: Михаил Брянский) (1883–?) — сотрудник этнологического факультета МГУ. Автор двухтомной книги «Современная деревня».

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

от многих марксистов, что они являются последователями Гребнера и гордятся этим. Ясно, что марксист последователем Гребнера, который явно идеалистически настроен и совершенно не признает зависимости между развитием производительных сил и высотой других сторон культуры, быть не может. Марксист не может последовать такой методологии.

Но дальше. Когда докладчик переходит к критике эволюционной школы и изложению ее представлений об эволюции культуры, я не уловил тех тонких оттенков мысли, которые нужно было уловить. Эволюционистская школа повинна, по-моему, в том, что она развертывала всю линию развития человечества в один ряд. Но здесь был законный момент, момент понятия «развитие культуры». Этот момент настолько законен, что теперь, после всех завоеваний в этнологии, когда Кунов[1] снова обращается к этому вопросу, он почти повторяет схему, данную Морганом. Снова как Феникс из пела возрождается тот же единый эволюционный ряд, в который располагаются все культуры. Мне кажется, что если мы постараемся развернуть вместо единого ряда параллельные ряды, мы осуществим задачу построения всемирной истории, о которой говорил П[етр] Ф[едорович]. Но можем ли мы при этом сравнивать отдельные культуры между собой? Мне казалось, что П[етр] Ф[едорович] считает это совершенно невозможным. Я считаю, что поскольку в развитии производительных сил мы имеем критерий для измерения высоты всей культуры, постольку по состоянию этих производительных сил можно сравнивать данные народности в данной территории между собой. Тот гуманный, я бы сказал, подход ко всем народам мира, который заставил П[етра] Ф[едоровича] сделать вывод, что все культуры равноценны, по-моему все-таки не совсем правилен. Мне хотелось бы выяснить, правильно ли я понимаю грех исторической школы, видя его в том, что эта школа строит единый эволюционный ряд, располагая в порядке последовательности те различные типы исторического развития, которые создавались на разных территориях. Но вместе с тем несомненно, что многое в прежних построениях этой школы остается важным, а именно: стремление ее к созданию эволюционного ряда и стремление найти критерий для определения той или иной культуры.

(*л. 52*) ***Левин***[2]

Я хотел бы остановиться только на одном из вопросов, которые были затронуты в докладе Петра Федоровича. Это вопрос о технико-хозяйственном ареале и предложение П[етра] Ф[едоровича] заменить этим

[1] *Кунов Генрих* (*Cunow Heinrich*) (1862–1936) — немецкий историк, социолог, этнограф. Здесь, очевидно, имеется в виду его книга “Allgemeine Wirtschaftsgeschichte”, где он отказывается от употребления понятия «социально-экономическая формация».

[2] *Левин Максим Григорьевич* (1904–1963) — антрополог и этнограф, специалист в области этнической антропологии народов Сибири, Дальнего Востока и Японии.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

понятием понятие «культурный круг». П[етр] Ф[едорович] прав, указывая на основной недостаток этой концепции. Отсутствует разрешение вопроса о структуре, о связке внутри каждого определенного круга. Когда проф. Никольский указал как на разрешение этого вопроса на работу Краузе, то это меня привело в недоумение. Этот вопрос в работах Краузе остается неразрешенным и открытым. Этот вопрос чрезвычайно сложный. Решение его было бы достаточно просто, если бы вопрос о связи между отдельными элементами сводился исключительно к простой функциональной зависимости. Но тогда методологически нельзя было бы строить понятие «культурный круг», так же как нельзя было бы строить понятие «расовый тип». Значит, вопрос идет о значительно более глубокой связке между отдельными элементами в пределах культурного круга. Если для нас станет ясно, что основным формирующим и определяющим фактором является вопрос о разрешении деталей, то это и есть тот самый вопрос, который перед нами стоит.

Теперь вопрос о том, в пределах какой единицы возможна постановка проблемы [ак]культурации. Можем ли мы к анализу этих явлений подойти не путем изучения влияния географического круга, влияния отдельных культурных признаков? П[етр] Ф[едорович] указал на то, что заслугой культурно-исторической школы является выяснение вопроса о хронологической смене отдельных кругов, отдельных комплексов, географически связанных и географически обусловленных в местах своего зарождения. Это и есть та концепция, которую формулируют Гребнер и Фойе. Дальнейший вопрос — это вопрос о разрыве…

(*л. 53*) При дальнейшем своем распространении этот круг во многих своих элементах вторгается в пределы других кругов и теряет ту связь с определенной географической территорией, которая была во время его зарождения.

Мне кажется, что к изучению этого вопроса можно подойти путем ретроспективного анализа этих культурных кругов, их хронологической смены, и путем этого анализа мы можем понять те хозяйственные ареалы, которые в основе своей составлены из отдельных элементов этих влияний, возникших в географической территории путем смежных культурных кругов. Так что предложение П[етра] Ф[едоровича] заменить понятие «культурный круг» понятием «технически-хозяйственный ареал» не разрешает методологически тех вопросов, которые ставила культурно-историческая школа.

(*л. 54*) ***Старцев***[1]

Товарищи, попытка историзировать этнографию, как это старался делать тов. Преображенский, не новая идея, и поэтому мы могли бы сказать:

[1] *Старцев Георгий Афанасьевич* (1902–1943) — лингвист, этнограф, историк, фольклорист и музейный работник. Автор серии статей и книг по культуре и языку ненцев, хантов, манси и коми.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

«В новизне вашей старина слышится». На самом деле достаточно вспомнить брошюру Генриха Кунова «Этнология и материалистическое понимание истории»[1]. И также работы покойного профессора Рожкова[2] (хотя бы первый том его истории), чтобы видеть такую постановку вопроса. Автор, по-моему, придерживаясь гегелевской предпосылки — идеальной всемирной истории человечества, хотел для этнологии и археологии в качестве объекта изучения отвести определенный отрезок времени, пережитый человечеством и для истории собственно — период, когда человечество нам известно по письменам. Повторяю: это не новая идея. Еще один вопрос: как докладчик относится к языкознанию и какое место ему отводится в истории человечества? Ведь язык тоже является социальной категорией, ничем, по существу, не отличается от других сторон социальной жизни и творчества в истории человечества. Докладчик совершенно умолчал, говоря о «скрещении» культур, об ином понимании термина «скрещение» новой теорией — яфетической. Докладчик вообще умолчал об этой теории и ее достижениях, хотя эта теория разрешила ряд проблем этнологических, или, выражаясь термином докладчика, ряд проблем исторических.

На эти вопросы и просил бы я ответить.

[1] Имеется в виду: *Кунов Г.* Этнография, социология и материалистическое понимание истории. Киев, 1906. 45 с.

[2] *Рожков Николай Александрович* (1868–1927) — русский историк и политический деятель, автор 12-томной «Русской истории в сравнительно-историческом освещении».

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

(*л. 55*)

День второй
6 апреля 1929 г.
Утреннее заседание

(*л. 56*) ***Заключительное слово профессора П[етра] Ф[едоровича] Преображенского***

Я должен прежде всего с полным удовлетворением констатировать, что со стороны выступавших с возражениями и замечаниями по поводу моего доклада не было сделано ни одной серьезной попытки раскачать логические основы, на которых мой доклад построен. Ведь, говоря о методологии какой бы то ни было науки, мы всегда различаем некоторые, если хотите, логические задачи. Метод этой науки строится логически. Если усвоить себе это положение, то станет совершенно ясным, что такие возражения, которые мне делались, весьма часто основаны на полном недоразумении. Я начну, пожалуй, с тех замечаний, которые мне были сделаны тов. Винниковым. Тов. Винников, очевидно, обретается в методологической части науки в состоянии полной невинности. Ведь его рассуждения похожи на вариации на такую тему: «Вы хотите говорить о физических свойствах кислорода и начинаете доказывать, что кислород — газ, а затем начинаете говорить о газе, а я хочу, чтобы вы говорили о кислороде во что бы то ни стало». Я целью своего доклада ставил следующее: доказать, что этнология или этнография есть та же история. Это буквальная формулировка, и я бы просил моих оппонентов ее придерживаться. Разница только в том, что этнолог работает с другим материалом. Есть целые периоды истории, которые могут быть построены только на основании этого материала. Тогда мне говорят: «Говорили бы, что этнография находится на грани истории». Это есть вопрос методологический, младенческое недоразумение. Важно то, что если мы попробуем строить этнографию на какой-либо иной базе кроме исторической, если мы откажемся от ее историзирования, мы немедленно попадем в целый ряд метафизических сущностей, как то народ, душа народа, духовная формация и т.д.

Дальше тов. Винниковым было сказано, что я не дал ничего нового в своем докладе. Я вообще Америки не собирался открывать, я не Колумб и не беру на себя такой большой задачи. Мне нужно было в течение 40 минут — время ничтожно — дать точный очерк методики той науки, которой мы сейчас занимаемся. Это я по силе возможности сделал. А для того, чтобы привести много живых реальных примеров, мне пришлось бы просить конференцию дать мне второй доклад.

(*л. 57*) Так что целый ряд упреков, что я не упоминаю о том-то и о том-то, сразу отпадает. Мне хотелось бы сделать тов. Винникову еще одно за-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

мечание. Он указывает, что я довольно строго обошелся с эволюционистами, не говорил о новейших достижениях этой школы. Я не знаю таких достижений. Я знаю великие достижения Моргана, Тэйлора, но за последнее время таких просто не было. Я не знаю, о чем вы говорите, хотя смею думать, что литературу по этому вопросу знал не хуже вас, тов. Винников. Другой оппонент повторил ту же мысль, что в моей новизне старина слышится. Но, очевидно, моя новизна не совсем пахнет стариной, потому что многих она заставила смущаться. Ведь, в конце концов, к чему сводятся выступления проф[ессора] Тан-Богораза и пр[офессора] Бунака? Они все-таки хотят протащить в этнологию биологизм. Верно, конечно, что этнология, поскольку она описывает первобытные эпохи человечества, начинается с какого-то стыка. Но следует ли из этого, что мы должны применять какие-то биологические обоснования? Ничего подобного не следует, потому что этнология есть наука социальная. Некоторые замечания, сделанные Вл[адимиром] Гер[мановичем], очень интересные, меня повергают в недоумение, например, я говорю, что абсолютная хронологическая протяженность истории австралийцев такая же, как наша. Но, уважаемый Вл[адимир] Гер[манович], неужели вы придерживаетесь библейских рассказов о сотворении мира в один день? Каким образом можно утверждать, что история абсолютно всех видов животных по своей протяжимости одинакова. Либо вы оговорились, либо сделали неудобный ляпсус. Это опять-таки доказывает, насколько сильна опасность от привнесения биологических понятий в этнологию. Ваш другой пример, Вл[адимир] Гер[манович], с огнеземельцами, что они, живя в суровом климате, не одеваются и влачат жалкое существование, тоже ровно ничего не доказывает. Разве я отрицаю, что целый ряд племен, целый ряд народностей проделал миграцию на Земле, на этом должна строиться вся этнология. Я могу привести контрпример. Австралийцы — довольно изолированный народ, и там очень трудно говорить о позднейшем влиянии, а ведь они тоже не одеваются. Последняя книжка Спенсера[1], где он картинно описывает свое странствие по Австралии, рассказывает о том, что однажды он попал в такой мороз, что вода в мешках замерзла. Это доказывает, очевидно, что австралийцы не одеваются, так как они примирились (*л. 58*) со своими условиями существования. Всякому человеку там трудно жить, а австралийцы живут и, как замечает Спенсер, не желают покинуть негостеприимную пустыню и чувствуют себя прекрасно. Я должен сказать несколько слов по поводу замечаний, которые были сделаны некоторыми из моих оппонентов относительно отношения моего к эволюционистской школе. Я совершенно четко указал, что цели, поставленные старой эволюционист-

[1] Под «последней книжкой» Спенсера Преображенский, по-видимому, имеет в виду: *Spencer W. B*. Wanderings in Wild Australia. L.: Macmillan, 1928.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

ской школой, совершенно правильны, и больше того, в целом ряде ответов на некоторые вопросы эволюционистская школа тоже много дала. Мы только не можем пойти за методами, которыми эта школа работает. Какова была моя критика этой школы? Я не настолько наивен, чтобы думать, что она была исчерпывающей. Можно было бы говорить и о роли пережитков в этой школе, и о том, что она выбирала отдельные явления вне исторического контекста и рассматривала их каждое в отдельности — обо всем можно было говорить. Я указывал на специфическую особенность этой школы, что она пыталась расположить исследуемые ею народности в однолинейной последовательности, принимая каждую народность за известный культурный рост, за известное культурное достижение. Только это я и хотел сказать. Я вовсе не хотел сказать, что эта школа очень плоха, и меньше всего считаю критику мою этой школы исчерпывающей. Здесь мои оппоненты не считаются с тем, что каждый из них имеет 10 минут на то, чтобы отмечать мои ошибки, я же имею всего 40 минут, сколько четыре из них, вместе взятых, а оппонентов было гораздо больше.

Теперь относительно понятия «технически-хозяйственный ареал», которое я предлагаю. Один из оппонентов, говоря о понятии «культурный комплекс», заявил: я это понятие с [19]23 г. применяю. Это вещь очень нехитрая. Это то, что я в своих тезисах называю изучением всех взаимозависимостей, существующих в данной группе. Я только думаю, что изучение этого культурного комплекса имеет смысл на несколько большем технически-хозяйственном протяжении, только тогда этот комплекс может быть вдвинут в общие исторические рамки. Если же мы будем применять комплексный метод, как это делали многие оппоненты, сравнивая, например, культуру археологическую с культурой австралийцев, то это получится не комплекс, а просто научное обобщение. И, конечно, за (*л. 59*) понятием такого комплекса пойти никоим образом нельзя. Понятие технически-хозяйственного ареала нуждается в очень существенной разработке, так как оно по существу своему очень сложно. Здесь я хочу указать на следующее, о чем говорил проф. Тан-Богораз и с чем я глубоко согласен, что для исследования таких ареалов нужны какие-то новые подходы в этнологическом методе, и даже в специальную методику этнографии метод исторического материализма проникнуть должен. Недостаток наших этнографических сведений и наших собирателей состоял в том, что каждая социальная форма изучалась с точки зрения дюркгеймовской формы[1]. Кристаллизованная форма не изучалась или плохо изучалась в своей функции, в своем изме-

[1] *Дюркгейм* (*Durkheim*) *Эмиль* (1858–1917) — французский социолог, основатель французской социологической школы и структурно-функционального направления в социологии и антропологии. Под «дюркгеймовской формой» Преображенский, по всей видимости, имеет в виду методологию Дюркгейма, настаивавшего на объективной реальности общества и социальных институтов.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

нении. Я должен указать как на прекрасный образчик нового метода на последнюю работу Малиновского[1], который очень тонко проследил в исследуемой им меланезийской культуре целый ряд таких функциональных изменений. И тогда он действительно мог подойти к тому, что до него пытался делать Риверс, а именно: сказать, что мы имеем право говорить об истории меланезийского общества, потому что при таком изучении функциональности мы видим, куда идет культура и как она изменяется. До сих пор изучение функциональности было поставлено плохо. Поясню следующим примером. Фольклористы всегда записывали предания, песни, сказания, и на этом их запись исчерпывалась. Так делать нельзя. Важно и время рассказа, и форма рассказывания, и даже то место, которое этот рассказ занимает в духовной культуре данного народа. Только тогда, когда все это будет вдвинуто в определенную плоскость, рассмотрено в своем социальном окружении, мы получим подлинную этнографическую запись. Тут нужен какой-то пересмотр даже и полезной методики с точки зрения требования нового метода.

Я думаю, что и другое понятие, которое здесь несколько раз употреблялось, — понятие «этнос» — имеет смысл только тогда, когда мы берем его не как конечную предельную величину, с которой оперируем как с некой сущностью, которая по какому-то имманентному закону в конце концов станет сущностью метафизической. А важно показать, каким образом этот этнос мог сложиться, откуда он возник. Только в таком случае имеет смысл говорить об этом термине, (*л. 60*) а употреблять его как конечную величину совершенно не нужно. Я кончаю и должен сказать только одно, что логическая постановка проблемы, что такое этнография и ее метод, и разрешение ее возможны только в одном направлении, в котором я пытался пойти в своем докладе, только признав, что действительно этнография строит историческую жизнь человечества, что только при ее помощи мы можем эту жизнь построить. Иначе в занятиях этнографией трудно подметить какой-либо смысл, какое-либо оправдание.

Как-то в разговоре со мной тов. Винников заметил, что я кабинетный работник. И хорошо, что кабинетный работник, потому что в конце концов методическая разработка науки, указание ее места в логической системе наук, конечно, идет от кабинетного работника. Беда будет, когда полевой работник возьмется за разрешение таких вопросов и забудет главную сущность, то основное, чему он служит в своей полевой работе. До тех пор пока этнология не будет историзирована или социологизирована, мы не сможем ее сделать подлинной наукой и, что еще более важно, практически нужной наукой.

---

[1] *Малиновский* (*Malinowski*) *Бронислав Каспер* (1884–1942) — британский антрополог, основатель функционализма.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

(*л. 61*) ***Маторин***[1] «Этнография и советское строительство»

Товарищи, темой моего доклада являются вопросы этнографии в советском строительстве. Но совершенно очевидно, что было бы попыткой с негодными средствами делать какие-либо практические указания без увязки с общими теоретическими положениями.

Я обязан, поскольку я являюсь марксистом в той области, в которой я работаю, пытаться применить свои теоретические взгляды. Я думаю, что вполне назрело время, для того чтобы говорить о применении методов исторического материализма в этнографии.

Этнографию я понимаю как одну из общественных наук, как науку о культуре, которая не изолирует свой материал от всех явлений общественной жизни, взятой в целом, и которая вполне созрела для того, чтобы применить к ней материалистический метод. Нам в этой области приходится иметь дело и с друзьями, и с врагами. Нам приходится бороться и направо, и налево. С одной стороны, с открытыми идеалистами, с людьми, которые не признают никакого вторжения материалистических методов в этнографию. С другой стороны, с полудрузьями-полуврагами, которые пытаются под личиной марксизма протаскивать совершенно идеалистический товар. Нам приходится бороться и против одной лишь левой фразы, за которой не скрывается реального содержания, — этнография, мол, должна стать марксистской наукой — и только на этом остановиться. Этого мало. Нам необходимо поставить перед собой задачу чисто конкретную. Ставя перед собой такую задачу, мы помним о том, что говорил Плеханов[2]. Он писал, что «материалистическое обоснование истории дает необходимую пролегомену для всякого учения о человеческом обществе, которое захочет выступить как наука»[3]. С этого места мы и начнем.

Тоска по марксизму чувствуется во всех общественных науках, в том числе и в этнографии. Но нужны какие-то конкретные формы для того, чтобы выявить эти стремления.

(*л. 62*) Я прежде всего начну с некоторых высказываний Маркса и Ленина, которые могут дать нам удовлетворение. Очень часто у нас марксизм понимается довольно упрощенно — как такая общественная теория, которая ставит на первое место экономический метод.

---

[1] *Маторин Николай Михайлович* (1898–1936) — видный советский этнограф и религиовед, а также партийный деятель. В 1929 г. был заведующим антирелигиозным отделением географического факультета ЛГУ (с 1931 г. — профессор ЛГУ). В 1930 г. стал директором МАЭ и заместителем директора ИПИН АН СССР. В 1933 г. — директор Института антропологии и этнографии АН СССР. В 1936 г. расстрелян как «активный участник контрреволюционной троцкистско-зиновьевской организации».

[2] *Плеханов Георгий Валентинович* (1856–1918) — теоретик и пропагандист марксизма, философ, участник международного социалистического движения.

[3] *Плеханов Г. В.* Основные вопросы марксизма // Плеханов Г. В. Избранные философские произведения: в 5 т. М., 1957. Т. 3. С. 170.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

В письме к Блоху Энгельс в свое время сказал: «Ни я, ни Маркс не утверждали больше, говоря о материалистическом понимании истории, что в основе всего лежит процесс воспроизводства непосредственной жизни, что экономические моменты прокладывают себе дорогу через весь хаос случайности»[1], но что вместе с этим мы имеем те явления, которые Энгельс называет обратным влиянием надстройки на базис. Вы знаете, что на экономический базис существует влияние со стороны всяких надстроек. Разве влияние, скажем, нашей национальной политики на быт отсталых и малых народностей не является применением этого закона? Так что упрощенное понимание того, что только экономика и больше ничего, это понимание было осуждено, как известно, и на фракции историков марксистов и, конечно, ему не место и среди этнографов марксистов.

В своей работе «Что такое друзья народа» Владимир Ильич писал: «Только сведение общественных отношений к производственным и этих последних к высоте производительных сил дало твердое основание для представления развития общественных формаций естественно-историческим процессом. А, что понятно само собой, без такого воззрения не может быть и общественной науки»[2].

Это действительно примыкает к тому, что говорил Маркс в отношении того, что можно и должно рассматривать общественные явления так же, как и естественно-исторические процессы, и Маркс применил здесь совершенно свободно термин “Naturgesetz”[3]. Как законы природы, так и законы общественности имеют соответствующую точность и оформленность, и мы должны приближаться к этой точности и оформленности методов пояснения общественных явлений, подобно (*л. 63*) тому как раньше это было сделано естественниками. Но это, конечно, не значит, что мы должны законы и биологические категории переносить из области естественно-исторических явлений в область социальных явлений. Здесь я целиком

[1] Точная цитата: «Я определяю Ваше первое основное положение так: согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе, определяющим моментом *в конечном счете* является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали. Если же кто-нибудь искажает это положение в том смысле, что экономический момент является будто *единственно* определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу» (письмо Йозефу Блоху в Кенигсберг, 21–22 сентября 1890 г.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. М., 1965. Т. 37. С. 394).

[2] Точная цитата: «Наконец, в-третьих, потому еще эта гипотеза (материалистическое понимание истории Марксом. — *Прим. отв. ред.*) впервые создала возможность *научной* социологии, что только сведение общественных отношений к производственным и этих последних к высоте производительных сил дало твердое основание для представления развития общественных формаций естественно-историческим процессом» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч. М., 1967. Т. 1. С. 138).

[3] Закон природы (*нем.*).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

согласен с Петром Федоровичем. Как раз отпор этому биологизму мы должны дать. Человек есть социальное животное, и законы социальные не могут быть сводимы к законам биологическим. Когда мы видим подобную попытку, то мы ее расцениваем как попытку с негодными средствами.

Что касается возможности применения марксистских методов к различным социально-экономическим формациям, то Маркс и Ленин к этому подходили следующим образом.

Ленин говорит, что «Маркс, высказавший эту гипотезу в 40-х годах, берется за фактическое (это nota bene) изучение материала. (Ленин делает пометку “это nota bene”, то есть что надо заметить тем, кто думает, что можно без фактического изучения материала сделать то, что сделал Маркс.) Он берет одну из общественно-экономических формаций — систему товарного хозяйства — и на основании гигантской массы данных (которые он изучал не менее 25 лет) делает подробнейший анализ законов функционирования этой формации и развития ее»[1].

В другом месте этой же работы В[ладимир] И[льич] говорит: «Если применение материализма к анализу и объяснению одной общественной формации дало такие блестящие результаты, то совершенно естественно, что материализм в истории становится не гипотезой уже, а научно проверенной теорией; совершенно естественно, что необходимость такого метода распространяется и на остальные общественные формации, хотя бы и не подвергающиеся специальному фактическому изучению и детальному анализу»[2].

Но это не значит, что их не нужно подвергать, а значит, что их нужно подвергать детальному фактическому изучению и анализу. В противоположность тем людям, которые думали, что можно применять готовые категории к научному материалу, Маркс относился к вопросу совершенно иначе.

(*л. 64*) Я приведу отзыв Маркса по поводу одной попытки Лассаля[3]. Лассаль, как известно, изучал Гераклита[4] и считал себя большим диалектиком. Он пытался применить диалектику как отвлеченную совершенно схему в материале политэкономии. Маркс пишет в письме Энгельсу в 1858 г. о Лассале.

Если он такую попытку сделает, «он тогда горьким опытом убедится, что одно дело — при помощи критики довести науку до такой степени,

---

[1] *Ленин В. И.* Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов // Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1967. Т. 1. С. 136.

[2] Там же. С. 143.

[3] *Лассаль* (*Lassalle*) *Фердинанд* (1825–1864) — немецкий философ, юрист, экономист и политической деятель.

[4] *Гераклит Эфесский* (544–483 гг. до н. э.) — древнегреческий философ. Основатель первой исторической или первоначальной формы диалектики.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

чтобы ее можно было бы изложить диалектически, а другое дело — применить готовую отвлеченную систему логики к одним лишь предчувствиям подобной системы»[1].

Таким образом, мы должны исходить из трех предпосылок.

Первая предпосылка, что метод исторического материализма оправдал уже себя в ряде практических применений и в первую очередь оправдан самим Марксом на изучении сложнейшей социально-экономической формации, какой является капиталистическое общество. С другой стороны, мы имеем завет того же Маркса и мысль Влад[имира] Ильича, что мы должны исходить из фактического материала, а не просто из применения каких-то отвлеченных схем. Нам нужны не пустые слова, а реальное содержание. Несколько соответствующих моментов необходимо, товарищи, указать.

Прежде всего сами Маркс и Энгельс не были чужды вопросам этнографии и истории культуры. Мы знаем общеизвестное отношение Маркса и Энгельса к работам Моргана. Маркс конспектировал эти работы. Энгельс написал свою работу в значительной мере на основании материала Моргана.

Правда, могут сказать, что фактический материал Моргана, может быть, устарел, но я напомню, что в первых словах своей оценки работ Моргана Энгельс говорит: придет время, накопится новый материал, многое будет заменено, но, во всяком случае, надо относиться с уважением к сорокалетним трудам Моргана, потому что он пришел на основании совершенно иных материалов к материалистическому пониманию общественных процессов. Быть может, пришел более стихийно, не сумел так отточить, так формулировать, как (*л. 65*) это сделали Маркс и Энгельс, но, во всяком случае, для объяснения генетической теории, как говорил Энгельс, не кто иной, как Морган дал материалистический подход. Именно этим (в скобках сказать) объясняются многие из тех нападок, которые терпит сейчас классическая школа на Западе. Дело не в том, что тот или иной фактический материал Моргана устарел, это бывает и с каждым исследователем неизбежно, но дело в том, что Морган исходил из материалистического анализа в ряде случаев, и это вменяется ему в вину так же, как и другим классикам старой этнографии.

К конкретному этнографическому материалу Маркс и Энгельс относились чрезвычайно внимательно. Как они штудируют работу Бангрофта[2] об индейцах! В начале [18]90-х годов Энгельс в одном письме говорит, что ему было даже поручение писать партийную программу, а я, говорит он, сидел счастливый и довольный в самом центре группового брака. Это характеризует исследователя. Он сидел в центре конкретного материала,

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч. М., 1962. Т. 29. С. 224.

[2] *Банкрофт* (*Bancroft*) *Юбер Хоув* (1832–1918) — американский историк и этнолог, автор многочисленных работ о Центральной и Северной Америке.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

а не занимался каким-то отвлеченным материалом. Еще я могу указать на другой пример. Это было в 1868 г. Маркс пишет Энгельсу по поводу книги некоего Фраасе[1] о климате. Он приводит своеобразный диалектический пример. Культура, если она развивается стихийно, а не подчиняется сознательному руководству (до этого Фраас как буржуа это не доходит), оставляет после себя пустыню (Персия, Месопотамия, Греция). Здесь опять бессознательная социалистическая тенденция. На конкретном примере Маркс рассматривает вопрос историко-культурных свойств. Это показывает, что для них этот метод не является отвлеченностью, но даже те тенденции, которые имеются у буржуазного исследователя, они эти тенденции продолжают дальше и показывают, по какому пути может дальше пойти наука. В том же письме Маркс между прочим говорит о германской общине. Он говорит: мы не умеем видеть того, что у нас самих под носом. Вот его буквальные слова: «Оказывается, что ищут общину у русских, в Индии и т.д., а на моей родине, в Рейнской провинции, есть такие пережитки (*л. 66*). Я вспоминаю, что мой отец как адвокат об этом говорил».

Таким образом, Маркс и Энгельс умели использовать материал исследований других, а также умели наблюдать то, что у них находится под носом. Этому мы должны у них учиться.

Можно ли говорить о каком-либо конкретном применении материалистического анализа к этнографическим явлениям? Можно и должно. Приведу несколько примеров из области религии, которой я занимался, скажем, вопрос о классах. Возьмем волжско-камское язычество, народы восточные, финнов… Возьмем представление о загробной жизни, которое там существует.

Предположим, на мордовских поминках какой-нибудь мордвин, как обычно, представляет из себя покойника. Покойника расспрашивают, что делают на том свете умершие родственники. Покойник рассказывает: тот женился, тот промотался, тот в извоз ездит… Полнейшее отражение земного классового общества, земной жизни со всем классовым переплетом.

Возьмем другой пример. В [19]19 г. в известном марксистском обществе этнолог Емельянов[2], описывая обычаи марийской деревни, приводит

---

[1] Имеется в виду книга Карла Фраасa «Климат и растительный мир во времени, их история» (1847) (Письмо Маркса Энгельсу от 25 марта 1868 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1964. Т. 32. С. 45).

Карл Николай Фраас (*Carl Nikolaus Fraas*, 1810–1875) — немецкий ботаник и агроном.

[2] *Емельянов Аркадий Иванович* (1879–?) — этнограф, филолог, специалист по финно-угорским и тюркским народностям Поволжья. Выпускник Казанской духовной академии, заведовал миссионерскими школами в Вятке. С 1917 г. — на преподавательской работе в вузах. В 1925–1931 гг. был доцентом кафедры финнологии ЛГУ. В начале 1930-х годов критиковался за великодержавный шовинизм (см.: Этнография на службе классового врага. Л., 1932. С. 59–60).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

следующий факт. Жрец марийской деревни Ефимка, когда водил деревенского жеребца по деревне, то почему-то в некоторых домах задерживался очень долго, в домах же победней — недолго. Так, одна бедная солдатка едва успела взглянуть на хвост лошади. Для нас, марксистов, это, конечно, смешно. Емельянов спрашивает, чем бы это можно было объяснить?.. Я думаю, что это можно объяснить классовым подходом марийского жреца. Мне попалось в Казани дело казанского губернатора по вопросу о сделках чувашских жрецов при покупке с кулаками этих жертвенных жеребцов. Спрашивается, должны ли мы этот материал привлекать к выяснению социальной роли жреца, социальной роли религии в данной общественной формации? Должны. Иначе мы попадем в смешное положение. Конечно, смешно читать: в [19]19 г., пишет Емельянов, Ефимка произвел на (*л. 67*) меня впечатление такое же симпатичное, как близкое моему сердцу православное духовенство. (Написано в [19]19 г. в научном органе.)

Возьмем еще несколько примеров у мордвы. Известный мордовский этнограф М. Е. Евсевьев[1] описывает моление одной деревни, наше покровское моление. Оказывается, что первый кус богу, второй — жрецам, третий — зажиточным и старательным хозяевам, а к концу моления приходят пастухи, буквально мослы глодать. Здесь перед вами картина, как социальная дифференциация отражается на факте религиозных молений, и таких фактов можно привести много. У меня есть фотография жертвоприношения на Успеньев день в деревне Будогощь бывшего Тихвинского уезда. Там за столом вместе со священниками заседает все кулачество. Или возьмем белорусские поминки. Там обычно садятся в несколько перемен. В последней перемене сидят нищие. Отражается ли это на классовом моменте? Я думаю, можно привести еще 10 других примеров, где это отражается чрезвычайно ярко.

Возьмем социальную роль шаманов. Можно ли лишить их избирательного права? У нас был спор об этом. Голоса разделились. Критерием является степень разрушения родового быта. Чем этот быт разрушить сильнее, тем классовая дифференциация ярче. Там, конечно, у нас больше оснований, чтобы разрушить. Как поступить в отдельных случаях?

Там, где мы имеем до 25 % шаманствующих, это есть бытовое явление, бытовое шаманство. Тут конечно методом лишения избирательного права искоренять смешно. Но там, где мы имеем фигуру шамана как православного попа, фигуру чисто эксплуататорского пошиба, мы лишаем его избирательного права. Откуда идет этот классовый подход? Он идет из

[1] *Евсевьев Макар Евсеевич* (1864–1931) — мордовский ученый-просветитель, фольклорист и этнограф. Создатель мордовской письменности, первых учебников, газет и другой литературы на мордовском языке.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

этнографического материала, если его объяснить должным образом, диалектически. Один пример я уже привел из Маркса. Маркс говорит буквально, что развитие культуры приводит к внутренним противоречиям, и эти внутренние противоречия приводят к опустошению. Это один пример диалектики. Целый ряд примеров можно привести и других. Я уже не говорю, что множество таких антиномий не надо и искать, они сами даются в руки. Возьмем другой пример из нашего (*л. 68*) сектантства. Скопцы выходят из хлыстов. Грань между религиозным экстазом и половым очень тонка и часто легко переходима. В данном случае мы видим, что полнейшее отречение от плотской жизни, в сущности говоря, зиждется на чрезвычайно высокой оценке этой плотской жизни, так что и здесь диалектика очевидна. Но это не есть искусственное пришивание, это есть сама действительность, только надо вскрывать такие процессы.

Теперь перейду к тем вопросам, которые были затронуты в моих тезисах. Совершенно очевидно, что на Западе в ряде случаев, а в прежнее время везде, и у нас в том числе, этнография в значительной степени становилась на службу буржуазной идеологии. Некоторые думают, что этнография может остаться такой же чистой наукой как вообще должна быть чиста наука. Но я бы хотел напомнить слова Тэйлора, который говорит: «Изучение человека и его цивилизации представляет не только предмет научного интереса, но сразу же переходит в практическое житейское дело… Знание хода жизни человечества от отдельного прошлого до настоящего не только помогает нам предсказывать будущее, но и может руководить нами при исполнении нашей обязанности — оставлять наш мир лучше, чем он был, когда мы вступили в него»[1]. Конечно, позволительно усомниться в том, насколько удается улучшить мир буржуазному обществу. Наоборот, мы видим, что они искажают и ухудшают все, что можно, несмотря на колоссальное развитие техники. Возьмем хотя бы национальную политику Англии, которая делит Индию на Британскую Индию, имеющую 240 мил[лионов] жителей, и на туземную Индию с 72 мил[лионами] жителей, в то время, когда там примерно 800 народностей. Если возьмем даже этот пример, мы видим, как буржуазия учитывает и применяет в практической национальной политике выводы из учения этнографии. Мы видим, что никак, в сущности, не применяет, что все ее пожелания остаются висящими в воздухе. Но, тем не менее, в системе национального угнетения используются некоторые достоверные выводы этнографии. В частности, всем известен (*л. 69*) такой этнограф, как Кондриктан[2], который является главой миссионеров. Затем пример католических патеров, того же Шмидта

[1] *Тайлор Э. Б.* Антропология (введение к изучению человека и цивилизации). СПб., 1989. С. 434.

[2] Личность установить не удалось.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

и Копперса[1], которые всем в зубах навязли, говорит о классовом использовании науки в буржуазном обществе. Мы должны в этом вопросе исходить не из того, что этнография является чистой наукой, независимой от общественных процессов. Мы полагаем, что не только в отношении математики, физики, химии, наук, связанных с техникой и вместе с тем связанных с практическими процессами хозяйственной деятельности, но и в отношении этнографии мы должны исходить из тех же самых моментов, то есть из моментов ее связи с практической, общественной деятельностью человека. Изучение быта, изучение языка, сложных надстроек человеческой культуры на материалистической основе есть необходимая предпосылка для того, чтобы мы могли применить это в нашей национальной политике, во всем нашем советском строительстве.

Прежде чем перейти к этой чисто конкретной части, я хотел бы только сказать, что люди, которые хотят, чтобы марксисты не только исповедовали свое кредо, но и применяли бы свои методы в этнографии, должны получить ответ словами старой пословицы: «Здесь Родос, тут и прыгай». Если ты хочешь применять методы материализма в общественных науках, то и применяй; а мы говорим: мы, марксисты, поднимаем перчатку и будем работать над конкретными исследованиями, для того чтобы показать, что как в области общественных наук, так и в области этнографии марксистские методы не есть пустая фраза, а есть нечто реальное, прецеденты чему мы видим в нашей общественной практике. Этнография не только должна, но и не может стоять вне практических задач социалистического строительства в СССР.

Возьмем хотя бы саму структуру Советского Союза. Разве сложнейшая структура нашего Советского Союза с множеством национальных республик, областей, федераций и т.д. могла бы создаться без учета этнических особенностей, (*л. 70*) без учета всей многоплановости Советского Союза? Я настаиваю, чтобы был не элементарный подход к этнографии, а строго научный, и в этом вопросе выводы этнографии уже использованы. Мы живем не в Британской Индии, которая не учитывает национального переплета, мы живем в Советской стране, где этот национальный переплет учтен.

Если мы возьмем прения на нашем 12 партсъезде в [19]23 г., то увидим, что там как раз говорилось об участии отсталых народностей в социалистическом строительстве, о том, что у нас есть право равенства, но нет фактического равенства, о том, что нужно подтягивать хозяйственную жизнь

[1] *Копперс Вильгельм* (*Wilhelm Koppers*) (1886–1961) — немецкий этнолог и католический священник, ученик Вильгельма Шмидта. С 1928 г. — профессор этнологии Венского университета, в 1929–1938 и 1945–1951 гг. — руководитель Института этнологии Венского университета.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

этих народов. Нужно настроить фабрик и заводов, индустриализовать эти области. В ряде случаев подходить индивидуально со своим языком, со своей культурой, со своей школой. Эти принципы могут покоиться только на точном учете национальных особенностей. Но я должен также сказать: национальное самоопределение не выше социализма. Национальное самоопределение мы не понимаем как нечто такое, на чем кончается эволюция жизни данного народа. Национальное самоопределение в условиях социалистического строительства есть отправной пункт для того, чтобы облегчить социалистическое строительство, но это не адекватно мелкобуржуазному национализму. Об этом подробно будет говорить другой докладчик.

Практическая работа советской власти по вовлечению отсталых и малых народностей в культурную жизнь и социалистическое строительство нашла свое отражение в целом ряде практических институтов. Я укажу хотя бы на такое беспримерное учреждение, как Комитет содействия народам Севера при ВЦИК[1]. Мы имеем Совет национальностей как часть, как одну из палат нашего всесоюзного парламента, советского. Мы имеем отдел национальностей при ВЦИК. Мы имеем Совет нацменьшинств при руководящем органе народного образования. Имеем целую сеть работников в качестве уполномоченных по национальной политике при местных советах. То, что у нас есть, — это впервые в мире применение научной, национальной и социалистической политики.

(*л. 71*) Возьмем такие учебные заведения, как Коммунистический университет трудящихся Востока[2], как северный факультет у нас, в Ленинграде[3], на котором существуют два отделения, северное и восточное, и где, начиная от гиляков и кончая различными монгольскими народами, мы найдем представителей самых разнообразных социальных, экономических, культурных формаций. Эти беспримерные учреждения созданы в Советском Союзе благодаря правильной национальной политике. Я должен сказать, что обратный или ответный процесс того, что происходит в наших советских кругах, идет и среди самих этнографов.

Я напомню слова присутствующего здесь Владимира Германовича в его статье «Этнографы на службе СССР» в журнале «Революция и культура» за 1928 г., № 8. Он пишет так: «Заслуга этнографа состоит в том,

[1] Комитет содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК (Комитет Севера) (1924–1935) — орган власти, осуществлявший советизацию Севера и большевистскую национальную политику.

[2] Коммунистический университет трудящихся Востока им. И. В. Сталина (КУТВ) — учебное заведение Коминтерна, действовавшее в Москве с 1921 по 1938 г.

[3] Имеется в виду северный факультет при Ленинградском государственном педагогическом институте (ЛГПИ) им. А. И. Герцена (ныне — Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

чтобы забираться в бездорожные места, к некультурным племенам, малоизвестным и не затронутым светом и знанием. Здесь для советского этнографа-общественника одинаково обширное поприще для работы научно-исследовательской и для работы созидательно-творческой. Этот термин расплывчатый, но мы в него вкладываем конкретное содержание общественной политической работы. Этнограф становится участником общественных процессов при советской власти, и мы видим этому практическое подтверждение. Так, этнографы участвуют и были действительными инициаторами в создании факультета северных народов, в работе Комитета Севера, последний пленум проходил при участии целого ряда работников нашего этнографического отделения. Наши этнографы работают на Культбазе, среди северных народов. Мы встречаем их в краеведческих музеях в Казахстане и др., и этот практический процесс не останавливается. Возьмите участие наших работников в создании нового тюркского алфавита, возьмите участие в создании букваря и учебников для северных народов, скажем, для тунгусов, книжки для чтения, все это есть конкретная помощь, покоящаяся на научном фундаменте, и нужно и дальше развивать эту работу»[1].

(*л. 72*) Я укажу еще на несколько фактов из той же области. При Президиуме союзного ЦИК и ВЦИК существует специальная комиссия по изучению труда и быта женщин Востока. Там советские этнографы встречаются лицом к лицу с вопросом раскрепощения женщин. У нас на этнографическом отделении читается курс по советскому строительству, разбираются вопросы конкретной работы среди народов Севера, народов Востока, раскрепощения женщин Востока и т.д. При научно-исследовательском институте[2] целая секция советского строительства, которая с места в карьер ставит ряд жизненных вопросов, вопросов о быте колхозов. Мы видим могучее колхозное движение. В этом году число их должно дорасти до 30 тысяч.

Разве мы хотим отставать от общего движения социалистического строительства в стране? Нет. Мы не хотим отставать, мы хотим работать и хотим помочь тем этнографическим материалом, который мы собираем при наших научных исследованиях. При нашем научно-исследовательском институте созданы две комиссии по изучению труда и быта женщин Севера и Востока, и это имеет конкретные формы. В ближайшее время удастся составить сборник, посвященный женщинам Севера. Сборник будет составлен научными и общественными силами этнографов, и по этому поводу уже было совещание под председательством тов. <пропуск> в Москве.

---

[1] См.: *Богораз-Тан В.* Этнографы на службе СССР // Революция и культура. 1928. № 8. С. 48–49.

[2] По всей видимости, имеется в виду Институт по изучению народов СССР (ИПИН СССР).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Возьмем другие примеры. Возьмем деятельность наших музеев. Деятельность московского Центрального музея народоведения[1], деятельность Русского музея в Ленинграде, охватывающая широчайшие массы. Сотни людей пропускаются через экскурсии. Имеются также другие формы: рабочие университеты охватывают широкие массы. Массы нуждаются сейчас в этнографах, они не смотрят на эту науку как на роскошь, а чувствуют потребность братского ознакомления с жизнью других национальностей.

Разве Максим Горький, выдвигая идею журнала «Наши (*л. 73*) достижения», не говорит о том, какое громадное значение имеет культурное общение между собою различных народов и племен Советского Союза.

Я присутствовал в Казани на собрании татарской интеллигенции, где он выступал и говорил о том, что надо издавать целый ряд сборников, посвященных культуре и социалистическому строительству отдельных народов.

Спрашивается, а разве здесь этнографы не могут сыграть никакой роли? Я утверждаю, что могут и должны сыграть огромную роль.

Далее мне хотелось бы перечислить те практические формы, в которых этнографы могут принять участие. Они могут принять участие в проработке законодательных предположений и форм советского строительства применительно к условиям быта и правовых особенностей отдельных народов (пример: Положение об управлении северными народами, дополнения к Уголовному кодексу о преступлениях, являющихся пережитками родового быта и т.п.). Затем — участие в проработке планов и обработке материалов демографических переписей в национальных районах СССР. Также они могут принять участие в выработке форм экономической организации отсталых народностей (промысловой кооперации, объединения скотоводов и т.д.) и норм экономической политики применительно к особенностям хозяйственного уклада отдельных национальных районов. Затем — участие в проработке колонизационно-переселенческих планов по национальным районам. Мы сейчас имеем целый ряд случаев стихийного переселения, не регулируемого ничем. Мы имеем случаи борьбы на этой почве, борьбы самой настоящей, напоминающей иногда XVII столетие, когда хищнически отнимаются промыслы у туземцев (например, в Сибири). Регулирование этих вопросов должно происходить с участием этнографов. При их участии должно происходить также изучение быта советской деревни «на переломе» в целях подведения научного фундамента под массовую просветительскую работу среди крестьянства и отражения этих данных в музейной экспозиции. Я возьму один пример. Недавно ко мне обратились из Инсти-

[1] Центральный музей народоведения существовал в Москве с 1923 по 1948 г. См.: *Ипполитова А. Б.* История Музея народов СССР в Москве // ЭО. 2001. № 2. С. 144–160.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

тута политпросветительной работы им. (*л. 74*) Крупской[1]; они просили дать им этнографический материал для ознакомления с окраинами. Возьмем другой пример — Педагогический институт им. Герцена. В отношении педагогов я хотел бы сказать, что тот материал, которым пользуются наши педагоги при преподавании общественных дисциплин, связанных с историей культуры, в значительной степени устарел. Из года в год они повторяют одни и те же примеры. Здесь нужно обновление, и это может быть сделано силами советских этнографов на нашем собственном материале. Затем — этнографы могут популяризировать научные основы и практические результаты советской национальной политики посредством организации просветительской работы, музеев, устройства лекций, выставок, рабочих университетов, издания специальной литературы, выпуска кинофильмов и пр. Разве не известно, что у нас часто бывают безграмотные кинофильмы, без правильной постановки? Здесь наши корректировки чрезвычайно важны. Также участие в разработке алфавита, букварей, участие в разработке форм и методов политпросветработы среди различных национальностей СССР, имея в виду также и антирелигиозную пропаганду.

Товарищи, это такая вещь, в которой этнографы могут и должны принять участие, для того чтобы научно поставить это дело и в наших музеях, и посредством издания соответствующей литературы. В этом отношении, в смысле литературы, у нас большие достижения. Лично мне случилось написать краеведческую, этнографическую книгу, затем в Совете этнографов есть работы Сер[гея] Павловича[2], проделана большая работа Бор[исом]. Матв[еевичем][3] в Центральном музее народоведения, где выставляется и бытовое православие. Все эти вещи необходимы чрезвычайно, а особенно в вопросе о шаманизме, где требуется очень тонкий подход и без участия этнографов не обойтись.

Тот социальный заказ, который предъявляет страна, наша социалистическая общественность этнографам, чрезвычайно важен, но все-таки удельный вес этнографа в стране (*л. 75*) не соответствует этому социальному заказу.

Я думаю, что одним из результатов нашего совещания будет вынесение такого решения, в котором содержалась бы следующая мысль: признать работу, выполняемую этнографами, как работу общегосударственного значения и осуществлять планирование ее в соответствии с конкретными

---

[1] Имеется в виду Коммунистический политико-просветительный институт им. Н. К. Крупской (ныне — Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств).

[2] Имеется в виду Сергей Павлович Толстов.

[3] *Соколов Борис Матвеевич* (1889–1930) — фольклорист, литературовед. Профессор МГУ, директор Центрального музея народоведения в Москве, брат фольклориста Ю. М. Соколова.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

задачами национальной политики и социалистического строительства. А отсюда вытекает и целый ряд практических выводов, и подведение более крепкой базы под этнографические учебные заведения, и соответствующий подбор работников, связанных с национальными республиками и областями. Более широкое ассигнование на издание этнографической литературы, и целый ряд других практических выводов.

Я хотел бы в заключение сказать, что сейчас, поскольку наступает новая полоса широкой деятельности для советского этнографа, нужно помнить, что, только пользуясь методами исторического материализма в наших исследованиях, мы можем эти задачи выполнить. Кто не примет этой платформы органически, не на словах только, а так, чтобы из каждой строчки был виден материалистический подход, кто так не примет этой платформы, для того, мне кажется, солнце науки уже закатилось, а кто стоит на этой платформе твердо, за тем — будущее.

(*л. 76*) ***Толстов*** «Задачи этнологии в социалистическом строительстве»

Я в своем докладе поставлен в некоторое затруднение. Предварительно предполагалось, что мой доклад будет предшествовать докладу тов. Маторина, но в конечном итоге пришлось этот порядок в силу ряда причин изменить.

И поэтому целый ряд положений, фигурирующих в моих тезисах, по существу, уже предвосхищен докладом Маторина. Поэтому я должен заранее извиниться, если несколько собьюсь с того порядка развертывания темы, который намечен в моих тезисах. Я буду исходить из одного положения, которое затронул в своем докладе тов. Маторин. Он вскользь упомянул о том, что осуществленная и проработанная главным образом на одной социально-экономической формации методология исторического материализма нашла блестящее оправдание и подтверждение в работах Маркса и Энгельса.

Я думаю, что самое блестящее подтверждение и оправдание этого метода — это тот практический результат, который этот метод дал революционному движению пролетариата. В конечном итоге Октябрьская революция и та эпоха, которую мы переживаем, является гораздо более блестящим оправданием и подтверждением этого метода, чем какие бы то ни было хитроумные научные изыскания. Научный социализм как история и практика революционного действия построен на глубоком анализе противоречий буржуазного общества. Это то орудие, благодаря которому наша революция победила и продолжает побеждать в настоящее время. Пролетарская революция, которую мы сейчас переживаем, может быть, достаточно сильно отличается от других пережитых человеческих революций именно потому, что, помимо элементов стихийности, здесь колоссальную роль сыграла строго научная подготовка к этой революции, строгий учет

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

всех тех факторов, которые определили ее дальнейший ход. Сейчас переживаемая нами эпоха мирного строительства социализма в одной стране, эта эпоха является как бы продолжением практического применения той же марксистской социологии. На каждом шагу, каждое конкретное мероприятие советской власти построено на глубоком всестороннем анализе тех предпосылок, которые должны обусловить то или иное действие этих мероприятий. Если мы посмотрим (*л. 77*) на программу работ наших партсъездов, на работу наших законодательных и других органов, то мы увидим, какой колоссальный научный материал каждый раз глубоко прорабатывается. Сейчас было бы совершенно бесполезно говорить о той колоссальной важности, которую имеют научные исследования производительных ресурсов, производственных отношений, идеологии и т.д. на территории нашей страны. Это все достаточно ясно. Наглядным показателем этого является тот колоссальный рост научно-исследовательских работ в нашей стране, которого мы все являемся свидетелями. Так, совершенно специфическое, исключительно в советских условиях возможное явление, как советское краеведение, является блестящим подтверждением этого положения. Плановый характер строительства социализма, плановый характер строительства во всех областях обязывает строить каждое мероприятие на строго научном базисе. Мы видим, что наши плановые органы прорабатывают программу строительства применительно к тем конкретным производительным силам, тем конкретным предпосылкам к этому строительству, которые имеются в каждом районе. Районирование нашей страны, экономическое районирование и является такой попыткой общие принципы нашего строительства применить к конкретным данным условиям.

Если мы посмотрим, что представляет собой население нашей страны в смысле развития производительных сил его, то мы увидим, что основной фигурой количественно являются те группы населения, те национальности, которые, по существу, стоят на чрезвычайно низком уровне производительных сил. Еще Лениным отмечалось многообразие тех хозяйственно-бытовых укладов, без учета которых не может осуществляться наше строительство. Сейчас, когда наше социалистическое строительство на основе научного базиса, научных исследований вступает в новую базу, когда в это дело втягиваются колоссальные массы, перед нами стоят задачи гораздо более сложные, чем до сих пор. Мы должны изучать марксизм не только на фоне капиталистических социально-экономических формаций, но и всех тех формаций, к которым приложим метод исторического материализма. Мы должны сказать, что от степени вовлечения широких слоев населения в дело социалистического строительства, от степени учета всех тех предпосылок, на которых на местной основе (*л. 78*) среди каждой народности, в каждом районе может строиться социализм, только от этого зависят полнота и темп развития социалистического строительства. Если мы

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

посмотрим на то, что представляет из себя мелкий производитель, стоящий на низком уровне развития производительных сил, какова его социальная физиономия, каковы особенности его культуры и т.д., то мы должны сказать, что здесь мы имеем дело с чрезвычайно сложным дифференцированием масс. Что в то время, как достаточно хорошее изучение, скажем, в капиталистических условиях в какой-нибудь одной стране, одном районе может служить материалом для практических мероприятий борьбы против капитализма в другой стране, то здесь у низкого производителя мы имеем «что город, то норов, что деревня, то обычай». В каждом отдельном районе мы видим своеобразное проявление социально-экономических форм. Мы видим, что именно в силу низкого уровня развития производительных сил здесь проявляется наиболее ярко теснейшая связь между естественным ландшафтом, естественными производительными силами и всей социальной физиономией этого населения. С другой стороны, опять-таки те же причины, тот же низкий уровень развития производительных сил обусловливает то, что весь быт, вся культура, все общественные отношения этого населения насквозь проникнуты глубокой традиционностью. Если мы можем говорить, что русский советский пролетариат или русская интеллигенция за последние 10 лет претерпели громадный сдвиг в своем мировоззрении в силу чрезвычайно интенсивного темпа исторического развития, то здесь мы видим живыми до настоящего времени те элементы, те формы, которые восходят к чрезвычайно глубоким историческим временам, за много тысячелетий до нашего времени. Каждый раз, когда мы попытаемся подойти к каждой из сторон этого социального бытия, мы не можем не учитывать их глубокой обусловленности историческим временем, за много тысячелетий до нашего времени. Наконец, здесь мы имеем опять-таки вытекающей из той основной причины чрезвычайно глубокую связь между всеми элементами того, что у нас называется культурным комплексом, и между всеми сторонами.

(*л. 79*) Если мы посмотрим, что в этой области должны сделать этнологи, то мы увидим, что здесь открывается чрезвычайно обширное поле для их деятельности. Задачей всего доклада не является перечислить все конкретные мероприятия советского строительства, в которых этнограф как таковой может принимать участие. Задача моего доклада сводится к тому, чтобы показать, каким образом само этнографическое научное исследование должно быть поставлено на службу советского строительства. И вот как раз здесь все те моменты, которые мной отмечаются во втором тезисе, заставляют при построении нашей практической работы во всех этих районах чрезвычайно серьезно считаться с этнографическим материалом как таковым. Я не буду, конечно, останавливаться на теоретических моментах, на моментах определения этнографии. Это уже достаточно отображалось в докладах Преображенского и Маторина. Но во всяком

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

случае, какова бы ни была теоретическая формулировка задач этнографии, она изучает по преимуществу именно социально-экономические формации с низким уровнем развития производительных сил, изучает каждый культурный элемент, каждую сторону бытия этих народов, этих групп населения в исторической перспективе, рассматривая их не как замкнутые в себе стадии, а как продукт определенного исторического процесса. И вот как раз этот комплексный подход, когда, с одной стороны, неразрывно связываются в самих научных исследованиях все стороны культуры, подход исторический, с другой стороны, оперирующий не только моментами истории, за самое последнее время фиксированными в исторических документах, но и вскрывающий всю глубокую историческую перспективу, в которой слагались эти культуры, — этот подход, эта задача как раз лежит на этнологе или этнографе. Это есть тот социальный заказ, который предъявляет социалистическое строительство советскому этнографу. Когда мы подходим к указанным выше группам и национальностям, то именно только этнолог, научно ставящий свою работу, может разобраться в причинах, в предпосылках возникновения целого ряда явлений, с которыми нам приходится сейчас считаться. Маторин на этом уже останавливался, и я буду краток. Перечислю только такие вопросы, как вопрос начинающейся классовой дифференциации у групп культурно отсталого населения нашего Союза; момент выявления, с одной (*л. 80*) стороны, враждебных нам сил, начинающих проявляться у этих народов, и, с другой стороны, выявление дружественных нам элементов коллективистических тенденций, коллективистических навыков, традиций у этих же народов. Разработка вопроса о корнях этих явлений, безусловно, дело этнографа. Такие вопросы, как вопрос о проникновении новых бытовых форм, новых социальных учреждений, столкновение тех или иных мероприятий советской власти с традиционными формами культуры и быта, тоже лежат ни на ком ином, как на этнографе. Скажем, влияние советского законодательства на тот же родовой быт путем учета всех особенностей этих процессов может дать желаемые результаты только при помощи этнографа. Здесь нужно отметить еще другой момент — это момент чрезвычайной дифференцированности местных условий. Мы не можем говорить об оленеводах вообще и для всех оленеводческих народов предлагать одни и те же мероприятия. В области тех или иных законодательных работ мы должны учитывать, что оленеводчество до такой степени дифференцировано, преломлено через местную среду и исторические традиции данного народа, что мы не можем не дифференцировать и наших конкретных мероприятий в той или другой области.

Возьмем другой вопрос нашей антирелигиозной работы. Это чрезвычайно важный вопрос, стоящий теперь в порядке дня, потому что именно на этом фронте классовая борьба проявляется очень ярко. Этот вопрос без участия этнологов тоже неразрешим. Тут тоже проводимые мероприятия

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

должны быть согласованы с конкретными условиями каждого отдельного района, каждой отдельной национальности. Если мы попытаемся те же методы антирелигиозной работы, которые мы проводим в русской деревне, перенести в татарскую, то мы добьемся отрицательных результатов. С другой стороны, изучение религии во всей ее совокупности, изучение тех социально-исторических корней, тех связей с производством, которые на этих стадиях наиболее ярко проявляются, это изучение должно осуществляться этнографом. Мы прекрасно знаем, что, несмотря на все колоссальное внимание, уделяемое политпросветительскими (*л. 81*) органами этой работе, мы имеем очень много ляпсусов. Я знаю много примеров, когда в национальных районах ведется антирелигиозная работа на том же материале, с той же литературой, как и в русских районах, только на другом языке. Такая работа играет на руку определенным враждебным нам элементам. Часто бывает, что удар по попу используется сектантскими группами, которые сейчас являются, может быть, гораздо более серьезным врагом, чем наше церковное православие. На этих небольших примерах я считаю необходимым остановиться. Но наибольшее поле деятельности этнографа, безусловно, в его работе по советскому строительству национальных районов. Тов. Маторин уже говорил о том, что принцип национального самоопределения является одним из основных принципов, положенных в основу всей структуры советской власти. Принцип самоопределения, предоставление права каждой народности свободно развивать свою культуру лежит в основе всей национальной политики советской власти. Мы видим, что эти народности, у которых, за редким исключением, нет писаной истории, эти народности, осознав свое национальное бытие, проявляют чрезвычайный интерес к вопросам своего происхождения, к вопросам об истории своей культуры и т.д. Когда на третьей краеведческой конференции выступал наркомпрос Дагестана (я подчеркиваю этот момент в противовес некоторым идеологам нашего советского краеведения, стремящимся сосредоточить изучение краеведения на изучении только производительных сил), он сказал, что «наши национальности заинтересованы, в силу, может быть, своего специфического положения, может быть в силу того, что мы только что вступаем на путь сознательного строительства, в том, чтобы у нас ставились культурные исследования, лингвистические, исторические, этнографические и археологические. Это не менее важно, чем изучение производительных сил». Вчера Петром Федоровичем чрезвычайно четко было сформулировано то положение, что этнография является одной из сторон истории. И действительно, если мы сейчас посмотрим на большое количество работ национальных молодых историков, чувашских, мордовских, марийских, кавказских и т.д., то мы увидим, как тесно переплетаются (*л. 82*) этнография, археология, история и лингвистика. Работы чисто исторической, опирающейся на одни исторические документы, нет. Зачастую

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

этнографический материал превалирует над другим, вопросы фольклора выступают на первый план. История народов мира может быть построена только совместными усилиями нескольких наук, о чем вчера говорил Петр Федорович.

Вопрос национального строительства, безусловно, составляет центральную задачу этнографической науки у нас в Союзе. Но здесь мы должны остановиться на одном моменте: русская этнология слагалась несколько иначе, чем западноевропейская. Русский империализм, царская национальная политика не нуждались в том материале, в котором так сильно нуждались западноевропейские империалистические государства. Поэтому этнология не выступила в России как наука, служащая интересам царского империализма, лишь в отдельных случаях она проявляла себя как таковая. Основная стихия русской дореволюционной этнографии шла из кругов народнической интеллигенции. Это необходимо учитывать при нашей работе. Мы знаем, что западноевропейская этнография разделяется на два русла, то, что немцы называют [Völkerkunde]. Второе (изучение родной старины), в противоположность первому, направление имеет определенный местный шовинистический характер. Если мы посмотрим целый ряд немецких работ, посвященных немецкой же этнографии, то мы увидим, насколько ярко этот национализм, шовинизм прет из каждой щели. Приведу в пример большую работу Рама[1] «О русском жилище» на немецком языке[2]. Этот профессор стремится свести все многообразие форм русского жилища к немецким источникам. Это чрезвычайно характерно. Безусловно, в наших советских условиях самым скверным типом шовинизма является шовинизм великорусский. Конечно, сейчас откровенно выступить в этнографической работе с достаточно четкой линией великорусского шовинизма невозможно, но тем не менее недоучет других народов в истории формирования того же русского племени, который мы имеем в больших этнографических работах, полное отбрасывание в сторону финских народов, которые, безусловно, сыграли огромную роль в истории формирования русского народа, являются замаскированным великорусским, славянским шовинизмом. Здесь база для нас совершенно ясна. Тем более что эти работы вступают (*л. 83*) в некоторое противоречие с работами финских этнологов, которые те же явления культуры объясняют целиком из финских корней. Во всей нашей национальной этнографической литературе мелкобуржуазный национальный шовинизм является достаточно явным. Может быть, он является неосознанным, часто его можно объяснить как вполне естественную реакцию на прежнее угнетение национального сознания. Но здесь мы имеем четкое подтверждение того,

[1] *Рам Карл* (*Karl Rhamm*) (1842–1911) — немецкий этнограф.

[2] *Rhamm K.* Die Altslawische Wohnung. Braunschweig, 1910.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

что в национальной политике необходимо держаться выдержанной классовой линии, и [в] этнографии то же самое. Стремление найти для своего народа «великих предков» — это основное стремление многих национальностей. Это ясно видно в литературе народов Поволжья, в работах татарских, чувашских, марийских и особенно кавказских исследователей. В работе марийского историка Егорова[1] мы имеем стремление вывести марийцев от индийских предков.

В издании Вотского краеведческого общества печатается сейчас целый ряд работ, где с чрезвычайным упорством доказывается, что вотяки являются потомками арийцев, пресловутой благородной расы, и причислять их к низко рожденным финнам нет никакого основания. Эти теории не научны, они явно тенденциозны. Стремление целого ряда других народностей найти предков в Геродотовых народах, в особенности тех, кому приписывается высокая культура, это, может быть, естественное стремление, но оно может стать и становится знаменем мелкобуржуазного шовинизма. Но особенно строго, повторяю, мы должны отнестись к великорусскому шовинизму, сквозящему во многих работах.

Вчера в докладе Петра Федоровича было ярко подчеркнуто, что этнография является историей и больше ничем, и все тенденции, которые имели место и, возможно, будут и в дальнейшем иметь место на съезде, тенденции придать этносу какое-то особое значение, представить этнографию как науку об этносе, — это ненаучные, вредные тенденции, и с ними надо бороться. «Этнос» как бесклассовое, вернее внеклассовое, образование является как раз тем, что может и становится знаменем мелкобуржуазной и буржуазной идеологии. Наглядный пример из нашей советской действительности: придание исключительного значения понятию «этнос» мы имели на конференции (*л. 84*) историков-марксистов, где обсуждался вопрос об украинской исторической школе и где вся история борьбы классов на Украине представлялась только как национальная борьба[2]. Эта опасность сильнее, чем опасность попасть под влияние патера Шмидта и т.д. В классовой борьбе, ведущейся на сегодняшний день, мы должны проявить максимальную четкость. Мы должны учесть, что те работы, которые я перечислил, являются духовной пищей нашего национального студенчества, которое должно выступить в качестве строителей новой культуры,

[1] *Егоров Федор Егорович* (годы жизни неизвестны) — марийский краевед, историк и археолог; в прошлом священник. Преподаватель педагогического техникума в г. Йошкар-Оле. Активно участвовал в 1920-е годы в деятельности Марийского общества краеведения, посвятил ряд статей древней и дореволюционной истории марийцев. В 1931 г. репрессирован.

[2] Имеется в виду Первая Всесоюзная конференция историков-марксистов, состоявшаяся в Москве 28.12.1928–4.01.1929. См.: Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. М., 1930. Т. 1–2.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

прийти на смену мелкобуржуазной интеллигенции. И именно руками национальных марксистов, национальных студентов, готовящихся стать научными исследователями в своих районах, мы должны вытравить эту линию.

Мой 5-й тезис может показаться как бы противоречащим 4-му: «Этнология в деле интернационального воспитания в политпросветработе и школе». Это кажется парадоксом после того, что я сейчас сказал. Но, тем не менее, этнология должна и может быть исключительным материалом для интернационального воспитания. Если мы посмотрим, что представляют собой культуры, являющиеся объектами нашего изучения, то увидим, что нет категории более интернациональной.

Когда мы сейчас выступаем на фронте лингвистическом, разрешая расовые племенные теории языковедения, когда на сцену выступила яфетидологическая теория[1] со своим интернациональным классовым характером языкового творчества, — материал этнологии становится прозрачным и ясным.

Материальные объекты, социальные институты, которые мы изучаем, совершенно ясно показывают ту глубокую тесную связь между отдельными районами, показывают, насколько историческим, насколько развернутым является самообразование определенных наций. И сейчас ту установку на выявление общих явлений в развитии культуры, вне национальных рамок, должно дать интернациональное воспитание. Если мы попытаемся найти те пути этнологической работы, которые бы дали конкретные результаты в нашем строительстве, то таких путей можно найти много. Тов. Маторин привел достаточно примеров.

Теперь я зачитаю свой 6-й тезис, который, как мне кажется, не нуждается в комментариях.

(*л. 85*) 6. «Основные разрезы работы этнографа в разрезе обслуживания социалистического строительства — изучение производительных сил, техники производства народов СССР в их истории и динамике развития; изучение производственных отношений, социальной дифференциации и [ее] форм, элементов коллективизма в организации производства и распределения; изучение социальных форм, обычного права, их связи с задачами советского строительства; изучение материальной обстановки, бытовых традиций и навыков, жилища, санитарно-гигиенических условий, полового, трудового пищевого режима, условия развития социальной болезни, народной медицины в связи с заданиями здравоохранения; изучение идеологии, религиозного мировоззрения в его связи с обстановкой производства и быта, с социальной дифференциацией; изучение сдвигов

[1] Яфетидологическая теория (яфетидология, новое учение о языке) — лингвистическая теория академика Н. Я. Марра о происхождении и стадиальном развитии языка.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

и переломов в идеологии, связанных с проникновением новых элементов, в связи с задачами политпросветительской работы и школы; изучение воспитания ребенка, бытовых условий, идеологических воздействий среды, его окружающей, в связи с задачами охраны материнства и младенчества и народного образования, необходимость постановки этих работ в комплексном разрезе, во взаимной связи и исторической обусловленности, и вытекающая отсюда необходимость участия этнологов наряду со специалистами в отдельных областях как теоретического изучения, так и практического».

Мы видим, что перед этнографической наукой (как это вчера достаточно наглядно показал в своем выступлении тов. Лядов и как это отметил тов. Маторин в своем докладе), стоят громадные задачи. Задачи эти могут быть распределены по целому ряду русел, как в области практических работ, так и в области изучения общих законов развития технически низших формаций. Задачи эти ставят перед нами большую ответственность. Если тов. Маторин отметил много фактов, когда этнограф целиком идет навстречу задачам нашего советского строительства, то гораздо больше примеров можно привести, когда он не идет навстречу, когда он стоит в стороне и не задумывается над этими вопросами. Я бы мог привести несколько примеров тому, как теоретические исследования могут дать практические результаты. Возьмем хотя бы мою работу «Жилище Ветлужского края»[1]. Работа эта дает исключительный материал.

(*л. 86*) Ни обследования страховых комиссий, ни обследования санитарно-гигиенических комиссий не дали такого богатого материала, потому что все они учитывали лишь одну сторону явлений, а не учитывали истории жилища. Мой материал как раз содержит в себе все эти черты. Он дал наиболее подробные данные для практических мероприятий. Мы ведем работу по изучению родового строя, которая должна иметь большое практическое значение на завтрашний день, но мы это не всегда учитываем. Для того чтобы работа достигла нужных результатов по всем вопросам, как по идеологическому, так и по вопросу изучения низших социальных формаций и т.д., мы должны изжить имеющиеся у нас ляпсусы — параллелизм и дублирование в работе — и согласовать ее с соответствующими организациями. К этому вопросу мы должны подойти серьезно и продуманно. Этот план должен быть прежде всего увязан с задачами конкретного практического строительства в каждом отдельном районе. Он не может строиться из каких-то общетерриториальных по-

[1] Данная работа не была опубликована. Подробнее см.: *Алымов С. С.* На пути к «древней истории народов СССР»: малоизвестные страницы научной биографии С. П. Толстова // ЭО. 2007. № 5. С. 127.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

ложений, он должен быть построен по принципу районирования, каждого отдельного района.

(*л. 87*) Внутри каждого из этих районов общие принципиальные положения плановой работы должны чрезвычайно сильно варьировать[ся]. В каждом плане должна быть очередность вопросов, стоящих перед той или иной национальностью, тем или иным районом. Если в одних районах на первый план как наиболее актуальный встает вопрос антирелигиозной работы, изучения религии и т. д., то в других районах может быть наиболее важным изучение обычного права, родового строя, в третьих районах проблема происхождения социально-этнических групп может оказаться наиболее серьезной, первоочередной, ибо без ее разрешения в дальнейшем будут иметь место для своего развития всякие мелкобуржуазные тенденции. План изучения должен быть связан с планом строительства. Пока эта задача еще слабо выполнена, и в нашей программе нужно поставить вопрос о связи исследователей местных учреждений и организаций с центральными. Эта увязка должна лечь в основу построения всей нашей работы.

Мне кажется, что тут не столько важен стационарный метод, сколько краеведческий, вовлечение в дело этнографических исследований самой массы населения. Этот метод может быть осуществлен только тогда, когда исследовательская работа на любой территории будет строго согласована. Работа каждого учреждения должна быть четкой. Для того чтобы все моменты, оттенявшиеся в докладах, нашли свое практическое осуществление и из деклараций преобразились в жизнь, необходимы конкретные организационные мероприятия. Тов. Маторин уже говорил о том, насколько важным является участие этнографов в целом ряде вопросов социалистического строительства. Мне кажется уместным поставить здесь вопрос о том, чтобы этнографы-консультанты работали в целом ряде советских общественных учреждений — в школе, в плановых органах как национальных окраин, так и центральных, в политпросветительских органах и т.д.

Во всех этих органах, в особенности национальных и национально смешанных районов, должны быть этнографы, но, конечно, этнографы с особой установкой, о которой нам пришлось и придется много говорить. В сеть наших практических учреждений, я бы даже сказал о крупных наркомздравовских учреждениях, во всяком случае, учреждениях Наробраза — вплоть до уездных, районных или окружных — необходимо (*л. 88*) внедрение этнографов-консультантов для тесной связи этнографических исследований с тем строительством, которое осуществляется тем или иным органом. Конечно, очень хорошо, когда к тов. Маторину приходят с просьбой дать материал по тому или другому вопросу. Но гораздо лучше будет, если в тех же политпросветительских органах будут сидеть свои собствен-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

ные этнографы. Это тот идеал, к которому мы должны стремиться. С другой стороны, направление методологической линии работы этнографических секций, отделов, краеведческих музеев, институтов в национальных районах. Краеведческие институты не могут существовать без своего этнографического отдела, и фактически этот отдел всегда существует. Вопрос о краеведении и этнографии в полном объеме у нас не может быть поставлен, но на съезде, который мы когда-нибудь созовем, он займет большое место.

Перед нами стоит задача создания центрального научно-исследовательского института, который бы сосредоточил в себе методологическое руководство научно-исследовательской работой на периферии. Этот институт, который должен иметь два отделения, в Ленинграде и Москве, мог бы быть центральной струной, на которой ориентировались бы этнографические местные отделы и где ковалась бы марксистская линия в этнографии.

Вернусь к вопросу о съезде. Вчера по докладу Петра Федоровича выступил тов. Винников с целой филиппикой, говоря, что он ждал от докладчика много нового и не получил ничего. Безусловно, то, чего ждал тов. Винников, может дать только этнографический съезд, где мы не только заслушаем принципиальные доклады, но и поделимся теми конкретными достижениями, которые имеются у нас, работающих в своей лаборатории и в поле.

Я не буду касаться подробно вопроса преподавания этнологии в наших вузах, так как этому будет посвящен особый доклад, но пора поставить вопрос о том, чтобы в педагогических техникумах и вузах, в особенности в национальных районах, этнография была введена. Значение этнографии для дела интернационального воспитания в национально смешанных районах, где национальная вражда сказывается до сих пор, настолько велико, что она, безусловно, должна войти и в школу 2-й ступени. Конечно, не как отдельный предмет, но в комплексе с историей, археологией, краеведением и т.д.

(*л. 89*) Мне кажется, что резюмировать все мною сказанное можно так: для того чтобы наша работа в дальнейшем принесла пользу, совершенно необходимым является проведение в ней четкой методологической линии. Только тогда, когда этнограф перестанет рафинировать национальную культуру, молиться на нее, когда он поймет, что это есть преходящее явление на пути к социализму, что мы через национальное самоопределение, через свободное развитие национальных культур придем к построению единого социалистического общества, только тогда он сможет правильно поставить свою исследовательскую работу и будет соответствовать тому социальному заказу, который к нему предъявляет наша страна и наше строительство.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

(*л. 90*)

Прения по докладам тов. Маторина и Толстова

Крейнович[1]

Я хочу сказать о том, что ленинградские этнографы уже сделали в области советского строительства. Ленинградские этнографы показали, что этнография может найти себе должное применение в советском строительстве, что в ней нуждаются. Наши этнографы охватили своей работой весь Дальний Восток. Они работают на Каме в Чукотии, в участке Колымы и т.д. Наши научные работники участвуют в советском строительстве в качестве уполномоченных по туземным делам, школьных учителей, заведующих интернатами, инструкторами туземных РИКов[2], и т.д. Помимо Дальнего Востока, наши этнографы работают в районах Туркестана. Особенно широко наша работа развернулась на Севере. В Комитете Севера в Москве работают наши товарищи, которые там готовятся для соответствующей работы в местных комитетах. Нам могут сказать, что мы козыряем словами, еще ничем не доказали своей пригодности для дела советского строительства, что мы занимаемся изучением костюмов и сбором музейных коллекций. Но это не так. Взять хотя бы вопрос районирования на Севере. Мы знаем, что в связи с развитием горной, золотодобывающей, лесной промышленности переселенчество в районы Севера и Дальнего Востока очень широко развивается, и перед советской властью встает практический вопрос о согласовании интересов местного туземного населения с интересами населения пришлого. И что же? Никто, кроме этнографа, не может указать местным органам советской власти, где начинается и где кончается освоенная туземцами территория.

Сейчас поднимается вопрос о постройке базы на Севере, вопрос о выборе пункта для постройки этой базы. Наши этнографы, работающие на Севере, изъездившие большие пространства, указывают районы, где происходит наибольшее скопление туземцев в определенные времена года, указывают районы, географически наиболее пригодные для постройки туземной базы.

(*л. 91*) Я помню доклад Соколова по приезде его из Швеции. Он говорил, что там этнографическая работа строится на средства меценатов,

---

[1] *Крейнович Ерухим* (*Юрий*) *Абрамович* (1906–1985) — лингвист, этнограф, ученик Л. Я. Штернберга. В 1923–1926 гг. — студент этнографического отделения географического факультета ЛГУ; в 1926–1928 гг. — экспедиция на о-в Сахалин, где он работал среди нивхов. После возвращения — аспирантура ЛГУ. В 1929–1931 гг. работал также в Музее антропологии и этнографии.

[2] Районный исполнительный комитет — орган власти в «туземном районе» — в 1920-е годы единице административного деления СССР в районах, населенных коренными малочисленными народами Севера.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

частных лиц, которые дают деньги на экспедиции, на закупку экспонатов и т.д. Мало ли, много ли, но наша этнографическая работа ведется на средства, отпускаемые Советским государством. Государство содержит этнологическое отделение в Москве, наше этнографическое отделение и целый ряд других этнографических учреждений. Я думаю, что эти учреждения никоим образом не могут считать своей единственной задачей подготовку кабинетных научных работников-этнографов. Советская власть ждет от них своего слова в деле практического советского строительства наших отсталых малых народностей, и это слово этнографы должны сказать. Ленинград уже кое-что сказал. Сейчас дело за Москвой и за другими этнографическими организациями.

У нас много говорят, и об этом необходимо говорить, о союзе науки и труда. Я считаю, что наша этнографическая наука уже спаялась с вопросами социалистического строительства у нас в СССР.

(*л. 92*) ***Феноменов***

Два заслушанных сегодня доклада представляют дальнейшее развитие тех мыслей, которые изложены в докладе П[етра] Ф[едоровича] Преображенского. Однако между ними нет полной согласованности. П[етр] Ф[едорович] считает этнографию частью истории. Нынче докладчики значительно расширили понятие этнографии. При этом то построение этнографической работы, которое внутренне противоречиво, оба докладчика начинают с того, что этнография должна работать при помощи диалектического метода. Это бесспорно, это мы приняли вчера. Также бесспорной является ссылка, например, [на] Маркса, который несколько десятилетий работал над изучением механизма капиталистического о[бщест]ва, прежде чем пришел к законченным выводам. Эту ссылку на Маркса сделал тов. Маторин, предостерегая нас против тех товарищей, которые применение материалистического метода понимают лишь как переход на новую фразеологию, а не как длительную работу анализа и собирание материала. Я подкрепил бы этот пример научной добросовестности ссылкой на очень яркое изречение известного ученого: «Годы анализа — часы синтеза»[1]. Но как примирить этот призыв к новой неустанной работе на основе нового, еще не установившегося в этнографии метода с не менее энергическим призывом немедленно же реализовать результаты этнографической работы, как это предлагает Толстов? Этнограф должен посильно участвовать в общей работе строительства, это бесспорно, но представлять себе, что подчас чуть ли не в процессе той полевой работы по собиранию материала о культе он может вести успешную антирелиги-

[1] Слова Д. К. Зеленина. См. об этом: *Сабурова Л. М., Чистов К. В.* Дмитрий Константинович Зеленин (к 100-летию со дня рождения) // СЭ. 1978. № 6. С. 78.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

озную пропаганду, что, собирая сведения по устройству жилища, он может лучше архитектора сконструировать новую избу, что, изучая с этнологической точки зрения кустарные промыслы, он лучше экономиста и при том тут же, на месте, укажет пути к их рационализации, это значит звать нас начать жатву прежде, чем хлеб созрел. Момент изучения должен предшествовать моменту строительства. У Толстова эти моменты совпадают, если я правильно его понял. Если же я его понял неверно, пусть он меня поправит.

Другое противоречие — вчера Толстов признал, что этнография — часть истории, то е[сть] что она изучает прошлое, нынче упор сделан на современность. (*л. 93*) При этом рамки изучения так расширены, что этнография захватывает область других наук: и производственные силы, и производственные отношения, и быт — все это предмет этнографии. Подобный комплекс этнография еще может охватить, когда она имеет дело с примитивной культурой, но когда мы имеем дело с совершенной городской культурой и с ее влиянием на деревню, Толстов рекомендует схватить культуру последнего момента, то здесь только совокупная работа ряда работников может схватить весь комплекс. Я не верю, чтобы этнограф, как уверяет Толстов, мог работу экономиста выполнить лучше, чем экономист. Нужна специализация. Ее нет у Толстова. Даже сам термин «этнос», который говорит о специализации этнографа, он уничтожает. Я думаю, что и это неправильно. Конечно, «этнос» — историческая и преходящая категория, но именно этническую культуру, то есть культуру, уходящую корнями в то прошлое, когда создавались ныне существующие, языком и культурой обособляемые группы, должна изучать этнография. На то она и часть истории. Если этого этнограф не сделает, если он разменивается на выполнение других подобных научных заданий, если он будет «ко всякой бочке гвоздь» — грош будет ему цена. Толстов полагает, что в советских учреждениях должны быть этнологи-консультанты. Да, но только такие этнологи, которые знают то, чего не знают ни инженер, ни экономист, ни архитектор, знают исторические корни существующего у данной этнической группы быта. Такой и только такой этнограф будет необходимым консультантом.

Последнее замечание. Вероятно, именно в силу отмены понятия «этнос» С[ергей] П[авлович] слишком щедро раздает направо и налево титул «шовиниста». Национальное сознание надо рассматривать диалектически: оно может быть и необходимым стимулом культурного роста, и орудием угнетения. Так бывает и в жизни, так бывает и в научных работах. В частности, я не вижу ничего шовинистического в оспаривании мысли о смешении славян с финнами. Это просто научный домысел. Если факты его опровергнут, он сменится другим домыслом.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

(*л. 94*) ***Богаевский***[1]

Товарищи, нигде так ярко не выступает связь этнологии с жизнью, как у нас в Союзе. Я хочу дать одну автобиографическую справку: примерно полтора года тому назад в Берлине на открытии выставки к десятилетию нашего Союза мне пришлось выступить на тему: «Этнология и краеведение». И я в Берлине доказывал ту самую мысль, с которой я глубоко согласен у Петра Федоровича, а именно: что в нашем Союзе наука неразрывно связана с жизнью, а жизнь есть жизнь политическая. Наша советская этнология должна быть не чем иным, как научно-марксистским обоснованием Союза более чем 156 народностей. С этой точки зрения для меня является бесспорным, что на этой конференции необходимо уточнить вопрос о том, что говорит марксизм о необходимости построения на почве диалектического материализма этнологии и ее описательной части — этнографии. Я хотел бы задать такой вопрос по докладу тов. Маторина: не являются ли у тов. Маторина слишком общими указания на то, что марксистский метод применяется и должен применяться в этнологии и этнографии? Эти общие утверждения недостаточны. Когда мы говорим о марксизме, то мы этим самым говорим о том синтезирующем направлении в науке, которого у нас еще нет в достаточной мере. Предыдущий оратор говорил: «Годы анализа — часы синтеза». Если мы скажем так, что сперва анализ, а потом синтез, то этого у нас не будет. Мы должны добиться равновесия между синтезом и анализом. Только тогда мы сможем перевести этнологию и этнографию на материалистический путь. Потому что синтез науки есть не что иное, как известное положение Энгельса о том, что нужно изучать связь явлений между собой в их диалектике. Мне кажется, что поскольку тов. Маторин и Толстов говорили о теоретической стороне, то надо было сказать, как исторический материализм будет проявляться в этнографии и этнологии. Надо было говорить о синтезе, который позволяет уловить связь явлений между собой. Мне кажется, что особенно важно уяснить, каким образом мы, применяя марксизм, поймем все многообразие 150 народов нашего Союза, уточнить понятие исторического процесса, введя, например, понятие стадиального развития, что так отчетливо выявлено в яфетодологической теории Марра[2]. Я надеюсь, что результат

[1] *Богаевский Борис Леонидович* (1882–1942) — русский и советский филолог, историк, археолог, профессор Ленинградского университета, сотрудник Государственной академии истории материальной культуры АН СССР. Специалист по классической античности.

[2] *Марр Николай Яковлевич* (1864/1865–1934) — советский лингвист и общественный деятель, создатель яфетической теории в языкознании. С 1902 г. — профессор; в 1911–1919 гг. — декан факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета; в 1919–1930 гг. — заведующий кафедрой языкознания и материальной культуры факультета общественных наук Петроградского (Ленинградского) университета; в 1919–1934 гг. — председатель Государственной академии истории материальной культуры; в 1921–1934 гг. —

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

работы нашего совещания сведется к тому, что мы получим уточнение применения марксистского метода.

Тов. Толстов совершенно правильно указал, что существует обусловленность (*л. 95*) прошлого, живущего в настоящем. Тут необходимо ввести понятие реликтового человечества. Это же понятие «реликта» необходимо и тогда, когда мы подходим ко второй части доклада тов. Маторина, где он хочет показать, что может дать этнография для социалистического строительства. Я не буду перечислять все большие задачи, которые он ставил, но скажу только, что в некоторых его примерах слишком силен статицизм. Этнография должна изучать национальные республики, автономные области. Для чего? Для того чтобы изживать те особенности, в силу которых эти народности являются отсталыми, стоящими на низком техническом уровне. Наука и политика — две стороны одного и того же явления, и, следовательно, в этнологии должна быть направленность, установка на то, чтобы изжить те недостатки, которые мешают переходу к социализму.

Нужно стремиться искоренить националистические, шовинистические тенденции, которые часто происходят от того, что мы слишком восхищаемся «магическим волшебным» шаманизмом. Я напомню, что в путеводителе по Каме и Волге напечатано, что река Кама происходит от имени индийской богини и что пермяки чувствуют себя арийцами[1].

Я не думаю, что тов. Маторин прав, говоря, что отрицание плотской жизни основывается на очень сильном ее признании. По-моему, это не диалектика. Я хотел бы обратиться с вопросом к тов. Толстову: правильно ли говорить, что этнография изучает только отсталые народы? Я думаю, что здесь противоречие. Только изучая все культуры, мы добьемся того, что и низкие, и высокие народы перейдут, как родственные братья, в сферу того единого социалистического миростроения, к которому мы стремимся.

И последнее: желательно было бы, чтобы наша конференция поставила и разрешила вопрос о терминах. А то получается так, что в термины «этнология» и «этнография» докладчики вкладывают различное содержание.

основатель и директор Яфетического института (Института языка и мышления); в 1924–1930 гг. — директор Государственной Публичной библиотеки; в 1917–1930 гг. — заведующий кавказским отделом Комитета по изучению племенного состава; в 1930–1933 гг. — директор Института по изучению народов СССР; в 1921–1930 гг. директор Кавказского историко-археологического института; в 1926–1928 гг. — председатель Комитета по изучению языков и этнических культур народов Востока; в 1928–1934 гг. — директор Научно-исследовательского института этнических и национальных культур народов Востока; заместитель председателя Центрального бюро краеведения. В 1909 г. — адъюнкт, позже — ординарный академик Академии наук, в 1930–1934 гг. — вице-президент АН СССР. В 1930 г. первым из дореволюционных членов Академии наук вступил в ВКП(б).

[1] Источник установить не удалось.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

(*л. 96*) ***Зеленин***[1]

Я намерен сказать несколько слов по докладу тов. Толстова. Он высказал очень верную мысль, которую у нас очень часто забывают, а именно: что русская этнография служила народничеству, а не империализму.

Если бы русская этнография служила империализму, она не была бы гонимой наукой, какой она была до революции. Известно, что этнографию не пускали в университет, не давали средств. И не удивительно, так как это делали, имея на то основание. Ведь политическая ссылка была одной из главных школ этнографии. Я могу назвать известные имена русских этнографов, которые получили специальное образование в политической ссылке. Это Ефименко[2], Богораз, которы[й] занимал[ся] этнографией на Колыме.

Если было к ней такое недоверие, то, очевидно, она не служила империализму. Но вместе с тем докладчик обвинил этнографию в шовинизме.

Это, с моей точки зрения, совершенно неверно. Русская этнография, в отличие от западной, не занималась никогда шовинизмом, и у нас нет ни одного научного труда, который был бы подобен труду немецкого ученого Рама. Он действительно полон шовинизма.

Я не буду говорить о том, что напечатано, но никем не признано. Это не дает оснований для обвинений. Русские этнографы имели совсем другую тенденцию, они преуменьшали значение русской культуры, с одной стороны, а с другой — смотрели лицом на Восток и отвертывались от Запада. Преуменьшение национальной русской культуры сказалось, например, в том, что Стасов[3] весь орнамент великорусский выводил от финнов и персов. Финны и персы действительно оказали большое влияние на русских, но после переработки орнамент получился совсем особый.

Русская культура полна чужих элементов, именно элементов восточных, а не западных. Здесь, по-видимому, сказалось славянофильское течение. У нас особенно модно говорить о финских элементах нашей культуры, о турецких и т.д. Это у нас укоренилось, и с этим приходится бороться путем (*л. 97*) научной постановки этнографии.

Между прочим, очень распространена идея об обрусении финнов, о том, что великорусы составились из большого процента финнов и из меньшего процента славян.

---

[1] *Зеленин Дмитрий Константинович* (1878–1954) — этнограф, член-корреспондент АН СССР. С 1925 г. — профессор этнографического отделения географического факультета ЛГУ, с 1926 по 1949 г. — сотрудник МАЭ/ИЭ АН СССР.

[2] *Ефименко Петр Саввич* (1835–1908) — российский этнограф, статистик и библиограф, участник революционного движения. Был сослан в Архангельскую губернию. Автор трудов по этнографии Русского Севера, русскому и украинскому фольклору.

[3] *Стасов Владимир Васильевич* (1824–1906) — русский музыкальный и художественный критик, историк искусства, этнограф, публицист. Автор книги «Русский народный орнамент» (1872).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Идея эта рушится, если к ней прикоснуться научным анализом. Когда этнограф говорит: массовое обрусение финнов началось позже, то тут совсем не шовинизм проявляется, а научные факты в разрушение тех теорий, которые были созданы под влиянием отчасти, может быть, преуменьшения значения славянской, в частности русской, культуры, отчасти — вследствие недостаточного анализа.

Я признаю культуру интернациональной. Если говорить о национальной культуре, то это надо понимать условно. Чистой национальной культуры нет. О чистой национальной культуре можно говорить только в том смысле, когда это интернациональное содержание переработано применительно к данной среде и к данной психологии, соответствующей народности.

В отличие от русских этнографов, многие этнографы из нацменьшинств грешат с точки зрения шовинизма. Я могу привести рельефный пример.

На заседании в секции этнографов при научном институте было выражено пожелание, чтобы докладчик, представитель коми, открыто сказал, что нацменьшинствам не следует заниматься генетикой культуры. Он против этого возражал, говоря, что тогда могут сказать, что у них все русское и нет своих элементов культуры. Эта боязнь показаться не имеющими собственной культуры основана на предрассудке, что культура должна быть национальной.

Поскольку русские этнографы имеют значение в социалистическом строительстве, мне хочется сказать несколько слов по этому вопросу.

Мне кажется, что русские этнографы в советском строительстве играют ту роль, какую играют краеведы у нацменьшинств. Необходимо дать конкретные образцы этнографического изучения. Такие образцы должна дать русская этнография (*л. 98*), которая больше изучена, чем этнография нацменьшинств, и потому располагает большими силами. Если мы не дадим таких образцов этнографического исследования народностей нацменьшинствам, то они, естественно, будут ориентироваться на Моргана, Фреза[1] и др. При такой ориентировке у неподготовленных краеведов часто получаются печальные результаты, потому что нельзя заниматься синтезом без анализа. Для того чтобы дать такие образцы, необходимо поддержать, отметить значение русской этнографии с этой точки зрения.

Я бы сказал, что для руководства такими краеведами, не только нацменьшинств, но и нашими русскими краеведами, желательно создать особое бюро этнографическое. Сейчас у нас имеется бюро краеведения, но краеведы занимаются больше этнографией, чем другими науками, это

[1] По-видимому, имеется в виду Джеймс Джордж Фрэзер (1854–1941) — британский антрополог и религиовед.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

вполне естественно. Достижения у них очень большие, но они не прорабатываются по той простой причине, что нет того органа, который бы обрабатывал, синтезировал, объединял эти достижения краеведной этнографии.

Этим позвольте закончить.

(*л. 99*) ***Павлов-Селиванский***[1]

Оба предшествующих докладчика указывали на необходимость практических достижений для этнографии. Они указывали, что этнография только тогда будет осуществлять свои цели, если она даст нам известные практические результаты и построения. Мне кажется, что об этой основной мысли особенно спорить не приходится. Желательно, чтобы тот план, который докладчики предполагают создать, для практических осуществлений достижений этнографии, для работы строительства был создан, и мне кажется, что нельзя, как докладчики имели в виду, одновременно требовать от этнографов, чтобы они вели и научные исследования, и давали практические результаты. Ясно, что одно должно предшествовать другому. Сначала должна быть проведена научно-исследовательская работа, а затем результаты этой работы, несомненно, должны оказать известную практическую помощь и строительству.

На одном из таких моментов, которого докладчик коснулся вскользь, я хочу остановить ваше внимание. Именно на моменте того громадного значения, какое должен иметь для практической работы строительства вопрос изучения правового быта и обычного права. Мне кажется, что этот вопрос, которого только вскользь коснулся докладчик, говоря, что этнография должна иметь отношение и к законодательству, и к обычному праву, действительно имеет существеннейшее значение в живой практической жизни. Дело в том, что народные судьи, юридические органы постоянно сталкиваются в своей практической деятельности с остатками правового быта, с пережитками, с одной стороны, и, с другой стороны, с вновь нарождающимся правовым бытом, который так или иначе надо регулировать и который может быть изучен главным образом, конечно, этнографией.

С этой точки зрения мне кажется несомненным, что для того, чтобы оказать помощь широким кругам советской юстиции в деле правильного подхода к различным народностям (*л. 100*), к различным их воззрениям и т.д. с правовой точки зрения, необходимо включить в программу наших этнографических исследований в самом широком размере вопросы изучения правового быта и обычного права, и если действительно создастся тот этнографический институт, о котором говорили наши докладчики, или то этнографическое бюро, о котором говорил проф. Зеленин, необходимо,

[1] *Павлов-Селиванский Н. Н.* (?–1931) — краевед, специалист по обычному праву.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

чтобы в этом учреждении нашел свое место и специальный орган, подобно тому, который существует уже на Украине при Академии наук.

Этот орган должен быть создан в виде комиссии изучения обычного права; в нем должны быть сконцентрированы все собранные этнографией данные, которые давали бы возможность практически помогать советскому правосудию в правильном осуществлении его функций.

Вместе с тем я хотел обратить внимание на последнюю неясность, которая была в докладе тов. Толстова. Он говорит о желательности иметь в учреждениях этнографов в форме консультантов. Мне кажется, что это химера. На этнографов, которые явились бы консультантами во всех областях, рассчитывать трудно. Можно рассчитывать только на этнографов консультантов в тех областях, в которых они являются специалистами. Это, конечно, правильно, и этого нужно желать.

(*л. 101*) ***Соколов***

Мы присутствуем на совещании, которое знаменует собой определенный сдвиг в нашей науке. Если бы 5 лет тому назад было созвано это совещание, нашлось бы бесконечное количество скептиков в постановке очень многих вопросов, которые здесь являются вопросами программными. Так как происходит сейчас, в полном смысле слова, пересмотр науки, ее задач и методов, то нельзя быть, мне кажется, настолько придирчивыми, как были здесь иной раз некоторые товарищи, к отдельным докладчикам, требуя от них абсолютной точности разъяснения нашей сложной науки. Я не призываю к затемнению ясности, конечно, но требовать ответа, иной раз единолично, абсолютно невозможно и потому надо воздержаться от слишком большой строгости.

Я хотел бы подчеркнуть сейчас, что для этнографов вопросы современной этнографии новы и, безусловно, чрезвычайно важны. Здесь еще много недоговоренности. Естественно, потому что и в нашей среде постоянно, ежедневно могут идти на эту тему споры. Современность как таковая не только для ретроспективного изучения явлений прошлого, но и для изучения сегодняшнего дня, для построения будущего, она должна быть предметом этнографии. Несомненно, что в результате нашего совещания этнография получит новый пафос своего этнографического деяния.

Я бы хотел указать, что в нашей обстановке советской действительности надо изучать зарождение новых явлений, обусловленных и новыми факторами жизни Советского государства. Поэтому для многих явлений дальше не будет, в прямом смысле слова, длинного предыдущего пути развития, особенно по вопросу о национальной культуре, где мы присутствуем при резком во многих отношениях перескакивании ступеней обычного развития.

Затем, я думаю, для этнографа нужно отметить тот принцип давности, который всегда являлся как бы обязательным. Этнограф обычно раньше на явления современного дня, если им не было, по крайней мере, 10-летней

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

давности (*л. 102*), просто не обращал внимания или искажал их невольно в музейном зеркале, в музейном отражении.

Несомненно, надо приучиться изучать и наблюдать явления новой жизни в самый момент их зарождения. Я позволю себе сослаться на пример моих товарищей и мой во время нашей работы в Саратове, в эпоху страшного голода. Мы, группа молодых этнографов, занялись изучением голода в нашем районе с почти первых признаков его приближения.

Это наблюдение за формами жизни в условиях голода, проводимое изо дня в день в течение двух лет, позволило нам подметить такие факты, такие моменты и такие явления, в высшей степени важные для этнографов, которые, если бы сделали изучение этого голода ретроспективно, мы бы не поняли. Мне думается, в высшей степени важно при изучении таких явлений в отдельных районах изо дня в день применять методы стационарные. Я должен указать на хороший пример киевского музея, который выбрал предметом своего изучения одну деревню. Он наблюдал жизнь этой деревни и все малейшие признаки новых явлений, немедленно их фиксировал, и таким образом мы присутствовали при непосредственной конкретной динамике.

Я должен сказать, в чем особая роль этнографии, товарищи. Здесь мы избегаем слова «быт», и мне думается, напрасно. По существу, в конечном счете момент явлений бытового характера и является предметом изучения этнографии.

Хочу пояснить свою мысль. Мы не занимаемся историей техники, это само собой разумеется, но явления техники в их бытовых функциях — это тоже наш предмет. Объяснение явлений без их бытового изучения — это уже не специальность этнографа, и потому наше участие в строительстве новой жизни является главным образом участием в культурно-бытовой революции. Собственно говоря, этнография изучает те черты быта, которые по существу вредны новому строительству, так как они являются противоречием. Они могут быть устранены. Конечно, не быт устраняется, а те причины, которые эти формы быта поддерживают (*л. 103*). Но нашим главным предметом все-таки является эта бытовая сторона, и тот быт, и та совокупность надстроек, которые существенным образом могут воздействовать вторично на базис. Это не значит, что надстройка изучается отдельно, мы условимся об изучении полного комплекса, но, во всяком случае, устремление нашего внимания, по сути дела, в значительной мере уходит сюда. И, я думаю, когда мы приходим к вопросу об участии этнографа в социалистическом строительстве, мы должны сами проявлять инициативу, не ждать, когда кто-то нас призовет; примеров этому можно привести много. Как благодарны бывают практические деятели в области советского государственного строительства, когда этнографы приходят им на помощь! В частности, мы имеем, например, такое явление. Здесь был конкурс на самопрялку, он проходил вне достаточного внимания этногра-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

фов, а ведь не важно изобрести прялку, а важно, как она будет применяться в тех или иных бытовых условиях, для тех или других народностей, для техники других групп. То же самое можно сказать в отношении жилища, детского питания и др.

Я укажу пример. Взять хотя бы некоторые праздники в нашей деревне, например, праздник урожая. Этот праздник фактически проводится в жизнь часто очень декретным, очень просветительным методом, без всякого реального учета тех особенностей, которые вытекают из потребностей самой народной жизни. Таким образом, если перед нами сейчас такая сложная и большая задача, я думаю, что этнография получает новую силу, новый пафос своей работы, и, безусловно, прав докладчик С. П. Толстов, когда говорил, что мы должны строить всю нашу экспедиционную работу и всю нашу исследовательскую работу планово, с учетом тех актуальных, особо важного значения вопросов, когда этнограф и своим ретроспективным методом, и своим умением наблюдать явления так, как они есть и даже до известной степени предполагать их дальнейшую динамику, может быть особенно полезен.

Я считаю, что в этом отношении в области культурно-бытовой (*л. 104*) революции особенно большое место должны занять именно этнографы. Это есть та сфера, где они больше всего могут быть полезны.

(*л. 105*) ***Золотарев***[1]

К сожалению, как и многие из присутствующих, я не имел возможности ознакомиться с тезисами раньше и только уже во время прений мог их просмотреть. Вопросы, поставленные здесь, необычайно важны [как] своей практической стороной, так и практическими выводами, которые подробно развиты и в том, и в другом докладе. Я хотел бы остановиться только на нескольких вопросах. Мне казалось, что, уточняя и определяя задачи этнографии, мы делаем шаг вперед к улучшению положения данной дисциплины. Но те практические выводы и предложения, которые были сделаны обоими докладчиками, мне кажется, чрезвычайно возвеличивают этнографию и тем самым ослабляют ее, затушевывая то понимание, которое мы должны вынести из этого совещания.

В самом деле, в задачи этнографии входит: изучение производительных сил, санитарно-гигиенических условий, выработка алфавитов, проработка букварей, половой режим и т.д., целый ряд задач, которые, конечно, вы-

[1] *Золотарев Давид Алексеевич* (1885–1935) — антрополог и этнограф. С 1918 г. — профессор Петроградского университета. В 1919–1921 гг. — секретарь КИПС, в 1921–1930 гг. — заведовал ее европейским отделом. Работал также в Русском музее и РАИМК. Специалист по народам Северо-Запада России. В 1930 г. арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности в Ленинградском отделении Центрального бюро краеведения. Умер в ссылке.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

ходят за рамки этнографии, как бы мы ее ни понимали. Здесь, мне кажется, должно быть внесено уточнение, в противном случае мы окажем плохую услугу дисциплине, ради которой мы здесь собрались. Путь, я думаю, совершенно ясен. Вчера, открывая заседание, начальник Главнауки говорил о необходимости комплекса, о необходимости сотрудничества смежных дисциплин. Те вопросы, которые были поставлены докладчиками, и те, которые должны были бы быть поставлены, но в примерах не перечислены, хотя бы вопрос о вымирании ряда наших народностей, вопрос о внесении воинской повинности, вопросы гигиены и т.д., все эти вопросы могут быть разрешены и поставлены только совместными усилиями этнографов, экономистов, антропологов и т.д. Это надо прямо сказать. Империализм этнографический надо оставить. Я приветствовал бы тезисы Маторина, подписался бы под всеми его пожеланиями и формулировками, если бы говорилось не об этнографии, а науке о человеке, изучении населения Советского Союза совместными усилиями представителей (*л. 106*) различных дисциплин. Только в комплексной работе мы можем изучить то, что необходимо для советского строительства.

Вместе с тем я хотел бы остановиться на ряде вопросов, имеющих большое практическое значение. Вопрос о школе. Чрезвычайно важно, чтобы изучение разноплеменного населения нашей страны вошло в систему нашего школьного преподавания; не так, как в старое время, когда мы преподавали географию и мелким шрифтом рассказывалось о жизни отдельных народностей, что часто опускалось, а как особая часть курса. «Народности СССР» должны быть поставлены и проходиться или в обществоведении, или в географии, это не так важно.

Затем мне кажется, что необходимо, перечисляя задачи исследовательского порядка, в которых заинтересовано наше государственное строительство, следовало бы более резко поставить вопрос о монографическом исследовании, монографической характеристике поселений, отдельных национальностей, отдельных районов. Эта задача имеет большое государственное значение и глубокий смысл.

Наконец, я хочу остановиться еще на одной задаче, которая мне кажется опять-таки существенной и важной в аспекте связи нашей работы с сов[етским] строительством. До сих пор мы не имели хорошо выполненных изданий, характеризующих отдельные народности нашего Союза. Мы все говорим о народах Союза, мы построили наше государство, учитывая отдельные особенности этих народов, но хорошей книги, дающей возможность познакомиться как следует с этими народами, мы не имеем. Приходится возвращаться к «России»[1] Семенова или пользоваться суррогатами

[1] Россия. Полное географическое описание нашего Отечества… / под ред. В. П. Семенова; под общ. рук. П. П. Семенова, акад. В. П. Ламанского. СПб., 1899–1913.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

популярной литературы, которые ни в коей мере не удовлетворяют. Я думаю, что надо поставить как государственную задачу издание «Библиотеки народов СССР», составленной на основе сотрудничества представителей смежных наук, изучающих население Союза, библиотеки, обслуживающие не только школьников и людей, ищущих самообразования, но и работников, имеющих настоящую подготовку и знания. Эта задача, по-моему, колоссальной важности, и мы не выполнили бы своего долга, если бы не подчеркнули необходимости хорошо продуманной программы и хорошо выполненного издания «Народов СССР».

(*л. 107*) ***Маркелов***[1]

Товарищи, в основных положениях я совершенно согласен с обоими докладчиками. Остановлюсь только на одном вопросе — на вопросе о строительстве этнологических, или национальных, культур ввиду того, что это положение в обоих докладах, особенно в докладе тов. Толстова, сформулировано несколько неточно. Неточно в том отношении, что из него можно сделать несколько выводов. Тов. Толстов совершенно справедливо указал на то, что в самом этнографическом изучении диалектически заложена некоторая опасность мелкобуржуазного уклона, опасность национализма, и еще более эффектное положение — опасность шовинизма. Это последнее, товарищи, меня, как человека, имеющего отношение к национальным вопросам, приводит в некоторое смущение. Я полагаю, что то же испытывают и представители других национальностей. И понятно — почему. Тов. Толстов определенно сказал, что имеется опасность национального шовинизма, исходя из этнографического изучения, причем он привел конкретный пример: у чувашей, вотяков, марийцев есть историки (он ссылается на молодого марийского ученого Егорова, которому 50 с лишним лет и он бывший священник), и вот эти историки пытаются вывести свою народность от калькутов, пытаются выяснить свое происхождение. В этом тов. Толстов видит мелкобуржуазный уклон, в этом он видит шовинизм. Я считаю, товарищи, что тут необходимо сделать некоторую существенную оговорку. Опасность заключается не в том, что вотяки выводят себя из Верхнего Удинска или из Калькутты, в этом опасности нет. Это просто объективно научно неправильное положение, которое явилось в результате плохой подготовленности тех исследователей, тех историков, которые

[1] *Маркелов Михаил Тимофеевич* (1899–1937) — этнограф, финно-угровед, исследователь культуры народов Поволжья. Ученик Б. М. Соколова. Работал заведующим отделом Урала и Поволжья ЦМН, а также в РАНИОН и МГУ. Арестован в 1932 г. по делу т.н. «Союза освобождения финских народностей», деятельность которого якобы была направлена на создание «Единой финно-угорской федерации под протекторатом Финляндии». Выслан в Томск на пять лет. В 1934–1937 гг. — доцент Томского университета и директор Этнолого-археологического музея при университете. В 1937 г. арестован повторно и расстрелян.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

этим занимаются. Опасность более существенная: она заключается в том, что некоторые представители национальностей относятся к своему этносу как к некоторой равноценной величине, а также в том, что в этнологии не видно еще путей к строительству той международной культуры, к которой мы должны стремиться. Я считаю, что найти этот путь — это дело этнографов, практических работников. Мое конкретное предложение сводится к следующему. Я считаю, что можно говорить о шовинизме (*л. 108*) украинском, но нужно осторожно говорить о шовинизме тунгусском, марийском и т.д. Здесь мы часто встречаемся с другим положением — непониманием культурного современного национального строительства. Практическому работнику приходится часто доказывать представителям этих национальностей, что введение грамматики на родном языке имеет большое значение. Что тут говорить о шовинизме?! Такое положение объясняется тем, что историки данных народностей недостаточно подготовлены, что они не марксисты. Это в большинстве случаев бывшие священники или просто священники. Если мы будем ясно и определенно сознавать, что всякий этнос, всякая национальность — это категория чисто историческая, то в никакой шовинизм мы не попадем, на эту удочку марксиста не поймаешь.

Я считаю, что в резолюции, которая будет вынесена по докладам тов. Маторина и Толстова, должна быть подчеркнута необходимость дифференциации того положения, о котором говорили оба докладчика. Осторожно с теми народностями, которые еще не дожили до этой шовинистической опасности.

(*л. 109*)

6 апреля 1929 г.
Вечернее заседание

(*л. 110*) ***Аптекарь***

Я должен предупредить, что не намерен входить в полемику по данным докладам просто потому, что повторяться не имеет смысла. Я хотел бы только остановиться на некоторых пунктах, чтобы покончить с одним недоразумением. Дело в том, что на конференции оказалось, как мне кажется, слишком много марксистов. В данном случае это количество перешло в качество. Вообще, конечно, очень хорошо, что марксистская идеология растет и т.д. Но у меня с марксизмом, может быть по простоте душевной, связано несколько иное представление, чем тот марксизм, с которым нас здесь познакомили. Можно прямо сказать, что если бы Маркс с таким марксизмом выступил, то не было бы всей истории марксизма, он давно был бы забыт. И я потому хочу отмежеваться от этих выступлений, в частности от того марксизма, который был у тов. Маторина и Толстова. Если это марксизм, то я себя марксистом не считаю, считайте меня, если хотите,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

диалектическим материалистом, не возражаю против такой формулировки. В самом деле, нельзя же сводить содержание марксистской теории, исторического материализма в частности, к нескольким цитатам, совершенно правильным по существу, но неправильно использованным. Вот образчик заявления: «Марксизм базируется на изучении одной формации». Я не знаю, чему приписать такое утверждение? Надо совершенно не знать истории развития марксизма, чтобы заявлять, что Маркс занимался изучением только одной формации. Зачем вообще тут была какая-то проповедь, очень интересная, но по существу совершенно не нужная. Здесь поднимался вопрос о том, как относится марксизм к эмпиризму. В этом отношении нет противоречия между взглядами марксизма и Гегеля. Не знаю, можно ли такую хвалу петь эмпиризму. В заявлении одного товарища вопрос стоял так, что готовые категории ничего не учли, и в доказательство приводится ссылка на письмо Маркса относительно Лассаля, причем совершенно не учитывается, какое употребление хотел придать Маркс готовым категориям. Марксизм уже создан, и нечего ходить в потемках, факты от этого не пострадают. Но и к фактам нужно подходить с выдержанной теорией. Сущность теории состоит в том, что она научает нас пользоваться готовыми категориями. Имея готовые категории, прилагая их к специфическому материалу, надо только учесть специфику этого материала, а не начинать работу заново. Иначе вся теоретическая работа превратится в переливание из пустого (*л. 111*) в порожнее. Раз вы себя считаете учеником Маркса, то извольте считаться и с тем, что Марксом было сделано. Мы вчера имели тут и попытку основное понятие марксизма — социально-экономическую формацию — обменять на пресловутый ареал, но это, конечно, можно считать обмолвкой.

Я считаю неслучайным у тов. Маторина его сравнение ВЦИК с парламентом. Такое слово вырывается тогда, когда человек «смазывает» вопросы в их методологической постановке. Затем, у того же Маторина прозвучало утверждение о чрезвычайно тонкой грани между половым и религиозным экстазом. Это то же самое, что говорит Фрейд[1].

Мартикян[2]

Меня заставляет выступить следующее. Я еще небольшой специалист в этнологии, я только студент, но одна ошибка, ошибка политическая, допущенная в докладе тов. Толстова по вопросу о строительстве национальной культуры, заставляет меня выступить. Толстов заявил примерно следующее: принцип самоопределения национальной культуры лежит

[1] *Фрейд* (*Freud*) *Зигмунд* (1856–1939) — австрийский психиатр, основатель психоанализа.

[2] Личность установить не удалось.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

в основе национальной политики советской власти. Это совершенно неправильная постановка вопроса, неправильное понимание лозунга национальной культуры в нашей стране. Посмотрим, что сказано у Ленина по данному вопросу. Он говорит, что «лозунг национальной культуры — не наш лозунг, что мы не стоим за развитие национальной культуры вообще, что национальная культура есть лозунг буржуазии». Разрешите прочесть эту выдержку: «Борьба против всякого национального гнета — безусловно, да; борьба за всякое национальное развитие, национальную культуру вообще — безусловно, нет. Экономическое развитие капиталистического общества показывает нам во всем мире примеры недоразвитого национального движения, примеры образования крупных наций из ряда мелких или в ущерб некоторым мелким, примеры ассимиляции наций. Принцип буржуазного национализма — развитие национальностей вообще. Отсюда исключительность буржуазного национализма, отсюда безвыходная национальная грызня. Пролетариат же не только не берется отстоять национальное развитие каждой нации, а, напротив, предостерегает массы от таких иллюзий, отстаивая саму полную свободу (капиталистического оборота — так у Ленина. — *Прим. отв. ред.*), приветствует всякую ассимиляцию наций, за исключением насильственной или опирающейся на привилегии»[1].

Наша национальная политика заключается в том, что мы уничтожаем (*л. 112*) национальные привилегии, мы налаживаем национальные отношения, то есть делаем то, что должно было делать буржуазное общество, потому что складывание наций должно было происходить в эпоху буржуазии. То, что она не доделала, доделает пролетариат, и на основании этого он выдвигает лозунг интернациональной культуры человечества. Иное совершенно значение получает лозунг «национальная культура» сейчас. Разрешите прочесть еще одну цитату: «Значение лозунга “национальная культура” определяется не обещанием или добрым намерением данного “интеллигентика” толковать этот лозунг в смысле проведения через него (интер)национальной культуры. Смотреть так было бы ребяческим субъективизмом. Значение лозунга национальная культура определяется объективным соотношением всех классов данной страны и всех стран мира. Национальная культура буржуазии есть факт (причем, повторяю, буржуазия везде проводит сделки с помещиками и попами). Воинствующий буржуазный национализм, отравляющий и разлагающий рабочих с тем, чтобы вести их на поводу у буржуазии, — вот основной факт современности»[2].

---

[1] *Ленин В. И.* Критические заметки по национальному вопросу // Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1969. Т. 24. С. 132–133.

[2] Там же. С. 121–122.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Это писалось до революции, тут учитывалось, что соотношение классов переменится, и соотношение классов переменилось. Мы сейчас выдвигаем лозунг национальной культуры по форме, интернациональной — по содержанию. Элементы интернациональной культуры, которые должны иметься в каждой нации, должны развиваться в интернациональную культуру всего человечества. Только этот вопрос я и хотел затронуть.

Но мне хочется задать ряд вопросов тов. Маторину и Толстову.

1. Можно ли называть все народности, населяющие СССР, нациями?

2. Докладчик считает абсолютно недопустимым для марксиста пользоваться готовыми категориями, зачем же тогда диалектика как наука о категориях?

3. Можно ли считать с марксистской точки зрения систему товарного хозяйства общественно-экономической формацией?

В заключение я хочу сказать, что лозунг самоопределения наций должен быть заменен единственно правильным лозунгом: право наций на самоопределение.

(*л. 113*) ***Прокофьев***[1]

Являясь этнографом, который работал уже в поле именно по части советского строительства среди туземцев Севера, я хотел бы иллюстрировать конкретным материалом три момента из доклада тов. Маторина, чтобы показать, насколько обширно, насколько богато поприще этнографа в советском строительстве, среди наших отсталых народностей.

Если мы посмотрим в тезисы тов. Маторина, отдел участия этнографа в советском строительстве, мы находим в 3-м пункте: «участие в проработке плана и обработке материала демографической переписи».

Конечно, тов. Маторин, будучи очень ограничен сроком, в своем докладе не мог развить отдельных пунктов. Я позволю себе пополнить конкретным материалом эти самые пункты. Я приведу пример, который покажет, насколько действительно важно участие этнографа в деле демографической переписи. Это пример из моего собственного опыта. Когда я приехал в Туруxан в [19]25 г., то в Туруханском исполкоме я увидел карту народностей, которая была составлена не этнографом. Я стал настаивать на очень существенных изменениях. В исполкоме мне ответили: «Да, конечно, вы, может быть, и правы, ваши указания вполне правильны и научны, но вы знаете, нас это мало интересует, это вопрос теории,

[1] *Прокофьев Георгий Николаевич* (1897–1942) — этнограф и лингвист, создатель письменности и специалист по самодийским народам. В 1925–1928 гг. заведовал школой на фактории Янов Стан (Туруханский р-н Красноярского края); в 1928–1930 гг. заведовал Хаседахардской культбазой (Ненецкий АО). В 1930–1937 гг. — доцент ЛГПИ им. А. И. Герцена, ЛИФЛИ. Научный сотрудник ИПИН, в 1938–1941 гг. — заведующий кабинетом и отделом Сибири ИЭ АН СССР.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

вопрос этнографии, вопрос не жизненный». Они даже не приняли моих указаний.

Дело было в том, что три народности, которые принадлежат к разным группам, а именно: енисейцы, живущие по Енисею, остяки и самоеды, были помечены одним цветом, и все они числились под фирмой остяков, и мне было сказано, что дифференцировать их — это вопрос теории, а не практики. Но насколько ошибочен такой взгляд, было доказано в следующем, [19]26 г., когда была произведена перепись. Переписчик, приступая к переписи, начал всех переписывать под фирмой остяков. Я был здесь случайно и вступил в разговор с переписчиком. Я его убедил в том, что он имеет дело с тремя народностями, с этим в переписи надо (*л. 114*) считаться. Он это учел, и Туруханская область не грешит теми погрешностями, которые мы видим в других районах, где смешаны все национальности, где к ним не подходят с точки зрения этнографии, с точки зрения лингвистической.

Следующий пример касается 7-го пункта тезисов. Я хочу сказать, насколько этнографу широко поле деятельности, насколько он должен быть втянут в работу советского строительства. 7-й пункт говорит следующее: «Популяризация научных основ и практических результатов, в частности издание советской литературы» и т.д. Я хочу зачитать небольшую цитату из одной книжки, специально составленной для туземцев нашего Севера. Я хочу показать, насколько важно участие этнографа в составлении литературы для малых народностей. Книга, из которой я зачитаю цитату, составлена недавно, всего год тому назад, очень серьезным педагогом. Вы увидите, насколько непригодна литература, составленная без этнографического и лингвистического подхода к тем вопросам, которые предъявляются.

«Мглистая полярная ночь с холодным светом. Северное сияние скоро кончится. На востоке из-за темного горизонта уже начала появляться светло-серая полоска. С каждым новым днем она делается все шире и светлее. Стали свирепствовать метели. Буря нередко свирепствует по несколько суток. Стонали горы, рушились скалы…» и т.д.

Теперь я хочу приступить к анализу и показать, насколько не соответствует эта зачитанная мною цитата той литературе, которая должна быть составлена.

«Мглистая полярная ночь…» Из этих трех слов только «ночь» — понятие, доступное пониманию той среды, для которой это предназначено. «С холодным светом»… Свет — слово, вообще, довольно отвлеченное, во многих языках совершенно отсутствует. Перевести, например, слово «свет» на самоедский язык невозможно, такого слова у них нет. Но «холодный свет»… Это уже полный абсурд, который вы никак не объясните.

«С каждым днем она делается все шире и шире, светло-серая полоска…»

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

(*л. 115*) Какая такая полоска?.. Ведь здесь сколько времени надо убить, чтобы расшифровать этот текст и сделать его доступным для понимания той аудитории, для которой он предназначен.

«Бури нередко свирепствуют по несколько суток, стонали горы, рушились скалы…» Конечно, здесь, может быть, очень много красивых оборотов, к которым мы привыкли, но надо вдуматься, для кого эта литература составлена и насколько она соответствует их запросам. Если бы я имел время, я бы продолжил этот анализ. Что же, приходится выкинуть. Оказывается, примерно 60 % приходится считать непригодным и выкинуть.

Другое дело, если бы к составлению учебников мы подошли с точки зрения этнографии. Этнография ведь старается использовать тот материал, на котором она базируется. Материал надо брать из жизни тех туземцев, для которых книга предназначена. Но этого оказывается слишком мало. Мало использовать материал, но нужно и язык строго приспособить к этой самой культуре, к тем силам, с которыми мы имеем дело. Лексикон живого русского языка не соответствует лексикону туземного языка и потому тут получается громадное расхождение и вследствие этого масса курьезов.

Наконец, я хочу остановиться на 10-м пункте: «Участие в проработке форм и методов политпросветительской работы, в частности антирелигиозной пропаганды…»

Тов. Толстов правильно указал, что те методы, которые выработаны у нас, которые мы употребляем в нашей русской деревне, они совершенно не пригодны для работы среди национальностей, и даже я бы сказал, что лозунг, который стоит во главе нашей антирелигиозной пропаганды, который напечатан на всех антирелигиозных изданиях именно так: «Религия — дурман для народа», он теряет свой смысл, когда мы его переносим на другую почву. В национальных областях нельзя говорить, что религия есть дурман для народа, там можно (*л. 116*) говорить, что религия есть дурман, но что для народа такое выражение не годится, потому что нет там религии, используемой как дурман для народа тем или другим классом. Там религия настолько еще свежа, видим корни, из которых она выросла. Так что говорить о том, что она используется кем-то для порабощения, не приходится.

Наконец я хотел бы сказать тов. Толстову следующее. У меня возникло некоторое недоумение по поводу вашего заявления, что стационарный метод не столь важен, как метод краеведческий. Я не считал возможным вообще сопоставлять эти два метода. Я не вижу между ними большой разницы. Может быть, вы в своем заключительном слове укажете, что вы имели в виду.

(*л. 117*) ***Тан-Богораз***

Я хочу сказать несколько слов или скорее привести несколько справок по поводу того вопроса, который сегодня был одним из центральных во-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

просов, — это вопрос о плюсах и минусах нашего национального строительства и о том комплексе, который так или иначе существует. Между прочим, много говорилось о том, что сейчас ряд национальных писателей старается приискивать своим народам более благородных предков: арийцев, индусов и т.д. Я позволю себе заметить, что это приискивание предков народами плебейского происхождения, в частности финскими, было начато уже давно. Я процитирую место из Кастрена[1], приведенное в моей книге, изданной в [19]24 г.: «Нам придется раз и навсегда отказаться от родства с эллинами, десятью коленами израильскими и другими привилегированными нациями. Но пусть нам служит утешением, что каждый человек — сын своих дел, и меньше риска быть сыном сапожника, чем сыном сенатора. Пока мы бобыли, будем утешаться сознанием, что наши отцы были тоже бобылями. Я совсем не забочусь о благородных предках. И больше люблю таких, у кого в отцах каменщик, вязальщик или мельник. Такова моя вера»[2].

Это очень характерное место. Оно идет как будто бы вразрез, оно опровергает стремление финских писателей искать своему народу более благородных предков. Эта цитата напрашивается на то, чтобы применить к ней социально классовый анализ.

Все группы, приведенные Кастреном: мельник, вязальщик, каменщик — относятся к элементам мелкой буржуазии, но надо оценить, что 80 лет тому назад мелкая буржуазия Финляндии была началом эволюционным, прогрессивным и даже революционным и, будучи таковым, она должна была свои прогрессивные стремления выразить в данном подходе. Мы знаем, что с тех пор различные народы, в частности те, которые получили перевес в <пропуск> как в восточной части центральной Европы, пришли к победе национального строительства и перестали быть прогрессивными. Их национальное строительство получает шовинистическую окраску. Этот же самый процесс (*л. 118*) происходит и у нас в той или иной форме, и здесь в наших суждениях имели место элементы не только осуждения и отрицания этого явления, но и элементы утверждения. Вместо приводимых тут цитат я приведу ряд справок из нашей северной практики. Всем известен факт, что три наиболее культурных народа: коми-зыряне, буряты и якуты — вступают еще до сих пор с народами Севера, более отсталыми, в такие отношения, которые, конечно, свидетельствуют о шовинизме. Северный комитет ведет постоянную настойчивую и твердую политику защиты этих малых народов от шовинистического давления. Здесь указывалось, что хищнический напор сибирских авантюристов, искателей

[1] *Кастрен Матиас Александр* (*фин. Matthias Alexander Castrén*) (1813–1852) — финский филолог, исследователь финно-угорских и самодийских языков, финского и саамского фольклора; основоположник сравнительной уралистики.

[2] Цитата немного изменена. Богораз имеет в виду сборник: Памяти М. А. Кастрена. Л., 1927. С. 28.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

приключений на туземную пушнину, принимает характер действий XVII в. В этом участвуют не только русские, но и представители всех других национальностей. Это факт, с которым надо считаться. Дальше я позволю себе привести конкретную справку о том докладе, который мне пришлось читать в Америке в <пропуск> (высшем пед[агогическом] вузе) о положении нацменьшинств в Америке сравнительно с СССР по очень настойчивому приглашению студентов и профессоров. Я прежде всего стал анализировать положение в Америке и говорить о шовинизме, который проявляется настолько всеобъемлюще, что, может быть, превосходит размеры шовинизма во всех других европейских станах, ибо американский «котел» принимает в себя целые пласты национальных меньшинств, которые он поглощает и как-то переваривает. Тем не менее это переваривание не доходит до конца. Американские нацменьшинства хотя и умирают, но даже после смерти живут в своей национальной оболочке. Мне пришлось говорить о том, что там есть люди, которые родились в стране своего изгнания, есть целые группы, которые представляют живой перевод с русского и итальянского на английский. Потом, переходя к оценке того, какой продукт из этого получается, пришлось сказать, что американский продукт денационализирования является продуктом без вкуса, цвета и запаха, который американцы набивают в трубки и распространяют как некоторый <пропуск>. Американцы — публика довольно либеральная. Это было видно на последних выборах, где, с одной стороны, были чужие (более 10 миллионов), а с другой стороны, 100%-ные американцы…

(*л. 119*) Когда я стал говорить о положении нацменьшинств в СССР, то стал на ту точку зрения, что мы даем национальное самоопределение этим народам не потому, что мы переоцениваем этот признак, а потому что перестали его достаточно ценить в какой-то фазе нашей истории, перестали считать национальный признак цементом. У нас есть другой цемент, производственный. Мы даем национальные права потому, что считаем это, в конце концов, собственностью второго разряда. Когда меня спрашивали по поводу частной собственности, я сказал полушутя, что это (национальные права) единственная частная собственность, которую мы признаем, — права на собственный язык, собственную культуру, собственный фольклор. Это есть большое культурное достояние, ибо цветущий букет национальностей, который мы развернули опахалом на всю ширину нашей страны. Чем цветистее и душистее этот букет, тем больше выигрывает от этого наша культура. Мне кажется совершенно неправильным высказанное здесь мнение, что мы стремимся к тому, чтобы подвести все человечество под одну гребенку, чтобы исчезли все национальные признаки. Мы строим не казарму, даже не рабочую казарму, а строим город-сад для нашего цветника национальностей. Я не преувеличиваю его значения, скажу, что тогда, когда он будет освобожден от всех накипей буржуазного влияния, накипей

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

шовинизма, он сделает нашу культуру более душистой и разнообразной. В разнообразии — счастье. Чем человечество будет разнообразнее, тем оно будет счастливее.

(*л. 120*) ***Гаген-Торн***[1]

Мне хотелось бы прежде всего отметить, что прения шли не только по докладам о советском строительстве, но все время касались и не могли не касаться, потому что это тесно связано с первым докладом, вопроса: что есть этнография и этнология и каковы ее методы? Неизбежно, когда мы будем говорить о роли этнографии, мы будем говорить — и каковы ее методы. В том и заключается самая ценная часть этнографии как участника советского строительства, что она обладает какими-то совершенно особыми методами. Я думаю, что замечание Богаевского о том, что должна быть целевая установка и что в задачи этнографии войдет как бы изжитие самой себя, надо признать очень характерным. Б[орис] [Леонидович] говорил, что с помощью этнографии мы добьемся того, что не будет отдельных культур, а многомиллионные народности растворятся в одной культуре.

Я думаю, что задача этнографии в советском строительстве заключается вовсе не в этом, а главным образом в том, чтобы помочь безболезненно и, сохраняя свою национальную культуру, так как нам важна и ценна национальная культура, национальный язык, помочь перейти, перепрыгнуть определенный этап такого первичного состояния в состояние, связанное с современной мировой культурой.

Как до сих пор обычно шло проникновение культуры? Это вызывалось явлениями классового общества, для чего подходили к примитивной культуре с эксплуататорскими целями. Первой шла водка, за ней шли предметы украшения, ненужные по существу, но весьма охотно расхватываемые. И первые плоды цивилизации, которые мы видим, — это вымирание, уничтожение всех народностей, до сих пор соприкасавшихся с европейской культурой. Я думаю, что задача советской этнографии и будет заключаться не в том, что она поможет изжить свою культуру, но в том, что благодаря уменью этнографа разобраться в том, как безболезненно свести прошлые формы жизни к формам жизни новой, создать иной способ связи с европейской культурой.

(*л. 121*) Теперь я остановлюсь на том, что говорил тов. Маторин. Мне кажется, что его доклад чрезвычайно богато иллюстрирован примерами.

---

[1] *Гаген-Торн Нина Ивановна* (1900–1986) — этнограф-славяновед, поэт и писатель-мемуарист, ученица Д. К. Зеленина и Л. Я. Штернберга. В 1927–1930 гг. училась в аспирантуре в НИИ сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока (ИЛЯЗВ) при ЛГУ. В 1932–1936 гг. работала в ИПИН СССР. Дважды арестовывалась (в 1935 и 1947 гг.) и приговаривалась к пяти годам лагерей, с 1955 г. работала в Ленинградском отделении ИЭ АН СССР.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Возьмем пример с шаманами. Он говорит о том, что этнограф подойдет к священнику-шаману. Это чрезвычайно важно. Если мы возьмем обычное нормальное отношение советской политики к шаманам, всякий, будучи убежденным, принципиальным и революционным марксистом, совершенно несомненно должен сказать, что шаман — явление принципиально вредное. Но если в данном случае марксист — этнограф, то он сумеет различить шамана от шамана. Он сумеет понять, что в одном случае шаман, который является жрецом, есть представитель господствующего класса, а в другом это есть представитель неких родовых тенденций, там, где есть родовое общество, и тогда этот самый шаман не враг, а друг, и он может быть нам полезен.

Другой пример: создается кооперация. Она слабо развивается. Только после того, как этнограф укажет, что сеть кооперативов надо построить иначе, чтобы там не сталкивались враждующие роды, которым нежелательно встречаться, после того как делается иная сетка кооперативов, кооперация начинает развиваться и расти.

Целый ряд таких мелких примеров показывает, насколько велика и важна практическая задача этнографа. В прениях на это совсем почти не указывалось. Говорили о теоретических требованиях и не говорили о том, что, мне кажется, требуется наиболее подчеркнуть в этом докладе, — о роли этнографа в советском строительстве. Чем же вызывается, что именно этнограф должен заниматься этим? Это вызывается тем особым положением, в каком стоит этнография, и главное — ее особыми методами. В то время как остальные науки могут и должны прежде всего подходить к изучению ряда явлений в какой-то одной плоскости, аналитически, этнография должна подходить к изучаемым явлениям синтетически, комплексно. Владимир Германович сказал правильно, что этнограф должен быть немножко художником. Это правильно в том смысле, что этнограф должен охватывать явления синтетически (*л. 122*) и брать в целом как предмет своей среды, и затем изучать. Этнография является прежде всего, как мне кажется, если можно так грубо формулировать, как анализ преломления надстройки на экономический базис, как анализ преломления в человеческой психике всевозможных надстроек на базис хозяйственный. Человек, изучаемый этнографом, прежде всего является живым человеком, выросшим из своей среды, и только этнограф поможет ему перейти в иную культурную стадию, в иную культурную эпоху.

В этом, я думаю, и должна заключаться роль этнографа, и в этом мы, этнографы, можем быть полезны. Этнограф не явится кабинетным ученым, а явится человеком, который сможет помочь ориентироваться практически работникам по народному хозяйству, по национальной школе, помочь ориентироваться в той разнице, которая существует между психикой человека современного сложного капиталистического хозяйства

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

или переходящего к социалистическому хозяйству, и в той разнице психики и уклада всей жизни человека, которые существуют у человека примитивного общества. В этом задача этнографа, которую выполнить никто другой не может.

Реальные результаты могут получиться при разработке методов полевой работы, конечно, стационарных, когда исследователь входит в окружающую его среду, затем, когда мы сможем создать определенное бюро, очень тщательно изучающее и прорабатывающее методы, также этнографа-консультанта в помощь практическим работникам, когда мы все это создадим, только тогда мы добьемся реальных результатов. Я думаю, что задача советской этнографии — не быть кабинетной наукой, но стать прикладной наукой. Выйти из кабинета настолько, чтобы войти в жизнь и пробить жизнь. Тогда, накопив совершенно новый материал, не взятый из описаний прошлого, а взятый синтетически из живой бьющей жизни, из чрезвычайно быстро и разно меняющихся форм жизни, перейти к созданию иного теоретического построения.

(*л. 123*) ***Яковлев***

Я мог бы начать свое выступление с утверждения, что в общем и основном я согласен с выступающими товарищами, если бы такое утверждение не стало труизмом. Дело не в том, признают или не признают, что этнографии пора стать марксистской наукой. Я думаю, что с этим никто спорить не станет, но дело в том, как марксистский метод к этой науке применить. В дальнейшем я хочу остановиться главным образом на докладе тов. Толстова. Толстов в своих тезисах делает, например, такое утверждение, что задачей этнологии является изучение формаций с низким уровнем развития производительных сил. Остановлюсь на термине «низкий». Я вовсе не противник, как Петр Федорович, качественных критериев. Но вопрос в том, как эти качественные критерии строить, на чем базировать. Что такое низкий культурный уровень? Если бы сформулировали это таким образом, что этнология изучает, положим, доклассовое общество, а классовое общество изучает история, это было бы точно и ясно. Когда же мы говорим о низком и высоком уровне, то мы здесь путаемся в общих словах, за которыми не скрывается никакого содержания.

Далее я прочел в тезисах, что этнология изучает комплексно отдельные стороны социальных культур. Что-нибудь одно: если комплекс, то не отдельные стороны, а весь комплекс в целом, синтетический. Изучение же отдельных сторон есть изучение частное, аналитическое.

Затем совершенно правильно Толстов остановился и формулировал, что культура есть признак по преимуществу интернациональный, но тут возникают затруднения. Если мы возьмем в разрезе горизонтальном, то,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

конечно, так называемая национальность есть продукт междунациональных отношений. Каждая отдельная конкретная национальность в своей индивидуальной особенности складывается под влиянием воздействия, приходящего извне. Но, кроме этого, есть еще процесс развития каждого общества в отдельности. Как сочетать эти две стороны? С одной стороны, развитие отдельного общества, а с другой — влияние на него других обществ, которое с ходом развития будет все возрастать, и на известной общественной формации наступает момент, когда появляются национальности и национальные группы. Это вопрос, кардинальный для новой этнологии, не получил (*л. 124*) здесь разрешения.

Следующий вопрос — об этносе. Много говорилось о том, нужен или не нужен этнос, но никто не поставил вопроса об этносе в плоскости развития общественных формаций. О национальности мы можем сказать, что она появляется на определенной общественной формации, что есть донациональное общество. Но что такое этнос? С самого ли начала появления общества мы имеем этнос, потом национальность? Если бы мы попробовали увязать национальность, этнос и доэтнические общества на основе общественной формации, может быть, получилось бы не марксистское, но марксистскообразное представление. Пока же этого нет. Затем большой коренной вопрос, которому были посвящены оба доклада, — это вопрос о прикладной этнографии. Мы слышали, как многие этнографы, которые, не сомневаюсь, работают геройски, самоотверженно в трудных условиях, говорили, насколько они помогли делу социалистического строительства. При этом приводили даже факты, что Ленинград сделал многое. Москва не сделала, и не мешало бы ей подтянуться, Москва будет спорить, что и она кое-что сделала. Но не в этом дело. Мне кажется, что и те и другие сделали чрезвычайно мало и, что самое главное, чрезвычайно плохо сделали. Почему я пришел к этому выводу? В этом меня убедил товарищ, выступавший здесь с вопросом о переписи, который сказал, что случайно приехал, ему сказали, что его не считают полезным деятелем и не приняли его указаний, но он настоял, и ошибка была исправлена. А сколько таких мест, где перепись провалилась, куда этнографы не ездят и где в списки занесены несуществующие национальности? Гораздо больше, чем таких, где этнограф действительно помог. Мне скажут, что этнографов не привлекают, а мне кажется, что они сами не едут. Действительное положение не похоже на то, что здесь старались изобразить. Государство не может опереться на этнографию, потому что последняя не имеет организационного центра. Здесь, товарищи, дело не в одном желании, надо переработать саму науку, чтобы она не [была] теоретической или, кроме теоретической, стала и прикладной этнографией. Здесь одним кустарничеством обойтись нельзя. Что касается задач, то я бы их коротко формулировал так: основная задача этнографии — в том, чтобы способствовать переходу

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

(*л. 125*) к социалистической формации. Это основная задача, и для нее стоит создать особую науку — прикладную этнографию. Тут одними словами и желаниями не отделаться, нужен коренной пересмотр методики, приемов хотя бы собирания материалов, подхода к объекту исследования. До революции подход был один, после революции его должно изменить, но организационных выводов еще не сделано. Нужно пересматривать терминологию — <нрзб.>, багаж, из которого мы должны ученых-этнологов (sic), надо коренным образом пересмотреть постановку этнографических вузов. Только после того, как соответствующая прикладная дисциплина будет построена, дело участия в социалистическом строительстве этнографии и этнологии станет на твердую почву. А пока этого нет, лучше не говорить и не отвлекать нашего внимания от непосредственных практических задач.

Кошкин[1]

Я хотел бы констатировать, что вопрос об участии этнографов в советском строительстве превратился в прения о нашей национальной политике. Это показывает, что этнография тесно связана с национальной политикой, что должно будет отразиться в наших резолюциях. Приведу цитату из тов. Бухарина[2], из того, что он сказал года полтора тому назад, когда был выдвинут лозунг культурной революции. Он говорит, что в связи с культурной революцией, в связи с развертыванием социалистического строительства этнография должна будет сыграть большую роль. Это определение совершенно правильно, потому что при существующем в нашем государстве национальном переплете без этнографического анализа трудно вести правильную национальную политику.

Теперь о тех конкретных достижениях, которые имеются в смысле применения этнографии в области решения национальных проблем. Тут было отмечено пренебрежительное отношение некоторых органов к этнографии вообще. Я должен сказать, что это происходит не потому, что работники не осознают значения этнографии, но главным образом зависит от того, что этнография до сих пор была сама по себе любительской наукой и как на таковую на нее и смотрели. С другой стороны, этнография даже до сегодняшнего дня чрезвычайно формально подходит к изучению (*л. 126*)

[1] *Кошкин* (*Алькор*) *Ян* (*Яков*) *Петрович* (1900–1938) — сибиревед, лингвист и этнограф, специалист по тунгусо-маньчжурским народам. Большевик, активный участник революционного движения. Окончил ЛГУ, в 1925–1928 гг. — секретарь этнографического отделения географического факультета. В 1925–1929 гг. — член бюро и ответственный секретарь Ленинградского отдела Комитета Севера при Президиуме ВЦИК. В 1930 г. возглавил новообразованный Институт народов Севера. Также работал в ИАЭ и вузах Ленинграда. В 1937 г. репрессирован, в 1938 г. расстрелян.

[2] *Бухарин Николай Иванович* (1888–1938) — советский политический деятель. Активный сторонник планирования научной деятельности в АН СССР.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

тех или других явлений. Совершенно естественно потому, что не всегда она может дать нужный материал для нашего национального строительства. Когда мы будем принимать единственно научный метод, метод диалектического материализма, когда мы полностью осознаем, что нужно для советского строительства, изменится и отношение к этнографии, ибо этнография как таковая чрезвычайно необходима для нашего строительства. Значение этнографии для советского строительства заключается в том, чтобы изучить этнические особенности различных общественных формаций и их осколков, которые есть в нашем государстве, для ускорения их перехода на следующую ступень развития, не для того, чтобы законсервировать этнические особенности, а для того, чтобы подняться нашим малым народностям до того культурного уровня, которого достигли наш русский или украинский народы, чтобы затем им легче было пройти в социализм. Остановлюсь на некоторых конкретных вопросах.

У наших сибирских народов сохранилось чрезвычайно много черт так называемого первобытного коммунизма, который очень важно изучить и приспособить для перехода на наши коллективные формы хозяйственной жизни (рыболовецкие артели, коллективные оленеводческие хозяйства и т.д.).

Остановлюсь на частном вопросе, в какой степени нашей всесоюзной переписью не были учтены данные этнографической и лингвистической наук. Перепись значительно проиграла от этого. Мы должны выразить пожелание, чтобы демографический отдел Статистического управления считался при последующей переписи с научным материалом, имеющимся в этих науках.

Еще конкретный вопрос. Наше государство, как известно, предоставляет целый ряд хозяйственных и других льгот малым народам, находящимся в стадии разложения родового быта, с тем чтобы помочь им безболезненно подняться на следующую ступень развития. В законе о снижении подоходного налога со всех племен Сибири упомянуты, между прочим, Маньчжурия, дауры[1], высококультурные народы для сибирских условий, которые, живя среди тунгусов, являлись торговцами и купцами. Недооценка этнографических сведений, незнакомство с (*л. 127*) этими группами привело к тому, что были освобождены от налогов и от призыва на военную службу и немалые народы Севера. Это характеризует, насколько важно учесть именно этнографический материал, но, я подчеркиваю, не всякий материал, а только доброкачественный.

Я считаю, что краеведческого метода вообще не может быть, так что противопоставлять его стационарному методу нельзя. Краеведение —

[1] Дауры — народ, проживающий в северной части Китая, в основном во Внутренней Монголии и Синьцзян-Уйгурском автономном районе.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

это общественное движение, которое пытается силами самых различных слоев общества продвинуть выяснение тех или иных вопросов. Но для их решения нужны те же научные методы, которые существуют в каждой науке.

(*л. 128*) ***Маторин*** (заключительное слово)

Прежде всего я должен сказать, что со многими товарищами, выступившими здесь по моему докладу, я, в общем, вполне согласен. Совершенно правильно говорил Б. М. Соколов об участии этнографов в культурно-бытовой революции. Я согласен и с целым рядом практических пожеланий, которые им были высказаны. Здесь многие говорили о необходимости создания, оформления или, вернее, закрепления научно-исследовательских этнографических институтов. Я думаю, что и в нашем краеведческом движении этнографическую сторону надо выделить более четко. Создание центрального бюро краеведения — вполне назревшее мероприятие.

Я хотел бы теперь коснуться вопросов принципиального свойства, прежде всего вопроса о том, можно ли проложить мост между теоретической и практической работой. Я думаю, что так же трудно, как в материи отделить верхнюю сторону от исподней, так же трудно в научной работе отделить теорию от практики, и мне кажется, что этнограф-теоретик, работая над изучением какой-либо этнической группы, тем самым уже дает материал для целого ряда практических применений, и то, что сейчас говорил тов. Прокофьев, в высокой степени иллюстрирует, как можно исправить отдельные ошибки при помощи доброкачественного этнографического материала.

Тов. Феноменов говорил, что нам нужна высокая специализация. Можно ли говорить об этнографе-консультанте с этой точки зрения? Я полагаю, что можно и должно, но надо говорить не об универсале, а об этнографе-специалисте в соответствующей области; у нас сейчас таковых уже не хватает.

Давид Алексеевич говорил о том, что он подписался бы под моими тезисами, если бы это касалось не этнографии, а общественных наук, так как в отношении этнографии будто бы очень резко выпирает этнографический империализм, в частности, он подписался бы, если бы это касалось антропологии. Я думаю, что при всей высокой ценности антропологии, при практическом непосредственном приложении (*л. 129*) все-таки будет иметь значение знание быта народа во всей его совокупности, а не большие таблицы черепных показателей при всей их высокой научной объективной ценности.

Борис Матвеевич с опаской вводил понятие «быт». Он боялся, нет ли в этом понятии чего-нибудь антимарксистского. По-моему быт — это такая вещь, о которой можно говорить смело. Из каких элементов он слагается — это другой вопрос. Но сказать слово «быт» — этого мы бояться не должны.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Затем, Богаевский говорил, что не слишком ли общей является попытка применить материалистический метод в этнографии, как это вытекало из моего доклада. Я хотел бы ему напомнить, не знаю, присутствовал он здесь или нет, что я в своем докладе приводил целый ряд конкретных примеров чисто этнографического свойства, главным образом из материала Волжско-Камского края. Думаю, что нет смысла это повторять. Примеров можно привести еще много.

Также здесь выступал тов. Яковлев и указывал, что говорить сейчас на тему «этнографический марксизм» — это трюизм, и он указывал, как подойти к целому ряду конкретных моментов. Я думаю, что нельзя откладывать в долгий ящик разбор вопросов об этнографии и роли ее в советском строительстве, говорить, что это отбивает нас от прямой теоретической работы. Это не верно, и это и будет отгораживанием в «кабинетчину». Наоборот, нам нужно теоретическую работу увязать с практической действительностью, и в этом отношении жизнь не ждет. Если мы будем с этим вопросом опаздывать, то действительность будет вырабатывать какие-то суррогаты, что совершенно нежелательно; и я думаю, чтобы не было этих суррогатов, надо поставить сейчас же четко вопрос о создании или расширении целого ряда научно-исследовательских институтов в области этнографии, вплоть до организации кафедры этнографии при Академии наук, и также нам надо поставить вопрос о том, чтобы в целом ряде практических работников, (*л. 130*) непосредственно ведущих работу в массах и среди различных национальностей в советских органах, были этнографы, подкованные теоретически и практически для работы в советской действительности. Мы сейчас делаем первый опыт. Десять студентов ведут практическую работу в Ленинградском совете и в облисполкоме по изучению национального вопроса. Когда они будут знакомы с советским аппаратом, с массовой советской работой, с прохождением наших законов, они смогут и на местах применять свои познания. Я совершенно согласен с тов. Яковлевым, что не нужно кустарничество, а нужно разрабатывать прикладную дисциплину, не просто лабораторно — это никогда не удается. Так же как гомункула в реторте не создать, нельзя создать в реторте советское строительство, а надо в нем участвовать.

Теперь я перехожу к возражениям, которые мне были сделаны тов. Аптекарем. Я очень рад, что он настолько догадлив. Бывает иногда, что пишут «Ливерпуль», а выговаривается «Лондон», бывает, что пишут «Лассаль», а выговаривается «Аптекарь». Он правильно догадался, в чем тут дело. Я напомню цитату… Это, между прочим, не из письма Маркса к Лассалю, а из письма Маркса к Энгельсу. 1 февраля 1858 г. Маркс пишет про Лассаля: «Я вижу, что он собирается в своем втором великом творении, по-гегелиански, изложить политическую экономию. Он тогда горьким опытом убедится, что одно дело — при помощи критики довести науку

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

до такой степени, чтобы ее можно было изложить диалектически, а другое дело — применить готовую отвлеченную систему логики к одним лишь предчувствиям подобной системы»[1].

Я думаю, что мы бы очень необдуманно поступили, если бы думали, что без анализа конкретного материала данной науки и без изучения специфических методов данной науки могли предложить марксизм как нечто готовое. Это будет только курам на смех и во вред марксизму.

Совершенно правильно и разумно я ссылался на то, что говорил Вл[адимир] Ильич насчет социально-экономической (*л. 131*) формации, в которой меня упрекает тов. Аптекарь. Ленин пишет: «Если применение материализма к анализу и объяснению одной общественной формации дало такие блестящие результаты, то совершенно естественно, что материализм в истории становится не гипотезой уже, а научно проверенной теорией; совершенно естественно, что необходимость такого метода распространяется и на остальные общественные формации, хотя бы и не подвергшиеся специальному фактическому изучению и детальному анализу»[2].

Я нарочно читаю до конца, чтобы меня никто не упрекнул, что я передергиваю. Я не знаю, что антимарксистское находит тов. Аптекарь в моем выступлении. Он также полагает, что ни к чему было здесь приводить латинские цитаты. Я виноват, но, может быть, это произошло оттого, что я учился в классической школе. Все-таки я хочу сказать тов. Аптекарю еще одну латинскую поговорку, может быть, кто-нибудь из соседей ему переведет. <пропуск>

Теперь относительно того, что я сравнил ЦИК с парламентом. Случайно ли я это сделал или нет? Т[оварищи], в течение ряда лет я был работником, агитпропом Ленинградского облисполкома и в настоящее время веду эту работу и преподаю в нашем комвузе политическую грамоту и исторический материализм. Я думаю, что все-таки понимаю разницу между ЦИК и парламентом. Если у нас на партсъезде совершенно спокойно говорят о том, что у нас две палаты, но, сравнивая их с палатами в английском парламенте, конечно, видят разницу. У нас представительство рабочего класса, у нас палаты совершенно иного свойства, так что, я думаю, вполне законно так сказать. У нас, например, нет старост, нет сотских, десятских, но тов. Калинина называют ведь старостой! Вероятно, тов. Аптекарь, вы и здесь найдете какую-нибудь монархическую реминисценцию.

В отношении так называемого фрейдизма я скажу (*л. 132*) следующее: видите ли, монахини, которые были невестами Христа, они задолго до

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч. М., 1962. Т. 29. С. 224.

[2] *Ленин В. И.* Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов // Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1967. Т. 1. С. 143.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Фрейда описывались в различной литературе. Мы, например, знаем о массовом психозе в средневековых монастырях, это мы знаем и без Фрейда, и на этом основании меня обвинять во фрейдизме нельзя.

Еще один интересный момент насчет этнографии как науки, находящейся на стыке между науками общественными и естественными. Здесь у меня некоторое разногласие с Влад[имиром] Германовичем. Он говорит, вы называете человека зоон политикон, а он все-таки зоон. Я же отвечу, что он все-таки политикон. Поэтому, если мы имеем перед собой явления социальные, законы биологические не отменяются, но они превосходятся, и налицо качественно иная форма бытия и иные законы. Точно так же биологические законы не отменяют <пропуск>, они являются качественно новыми, и здесь целый ряд узлов, которые очевидны. Поэтому здесь нельзя недооценивать значения естественных наук и значения общественных наук и в то же самое время нельзя переоценивать, нельзя перетаскивать [элементы] этого естественно-научного подхода на все 100 % в область социальных наук.

Как будто уже все вопросы принципиального теоретического свойства, которые следовало здесь затронуть.

Я думаю, что еще ряд моментов всплывет у нас по докладу тов. Аптекаря, вероятно, он захочет взять реванш. Мне по его докладу тоже молчать не придется, но вся штука будет заключаться в том, чтобы мы нашли какой-то общий язык, не отвлеченный теоретический, а практический. Он меня упрекает в ползучем эмпиризме. Видите ли, это такая категория, которую применяют к людям, не желающим вообще знать никакой теории, а я говорю не потому, что нам нужны факты, а потому что это так и было. Маркс не был только теоретик, и больше ничего, Маркс давал нам конкретный анализ, он был глубочайший экономист. Владимир Ильич дал нам образчики конкретного политического (*л. 133*) анализа, он решал боевые практические вопросы классовой борьбы, показал нам применение диалектического материалистического метода, он дал нам блестящие образцы анализа экономического и философского.

Если возьмем Покровского[1], он дал нам блестящие образцы анализа конкретного исторического материала.

А что нам дает тов. Аптекарь? Он дает образцы исключительно в области абстрактных категорий. Это не марксизм, а талмудизм. Если мы хотим, чтобы марксистский метод в этнографии у нас действительно был применен, то надо его применять в этнографии, а не так, вообще. Иначе у нас получится «взгляд и нечто».

[1] *Покровский Михаил Николаевич* (1868–1932) — русский и советский историк-марксист, советский политический деятель. Лидер советских историков в 1920-е годы, «глава марксистской исторической школы в СССР». Академик АН СССР (1929).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

(*л. 134*) ***Толстов*** (заключительное слово)

Мне, собственно, немного осталось сказать, потому что большинство выступлений относились к обоим докладам и тов. Маторин четко на них ответил.

Я остановлюсь на тех моментах, на которых он не останавливался, и на тех, которые относятся исключительно ко мне. Мне, конечно, придется идти в порядке выступлений, так как перерыва между прениями и заключительным словом не было и я не имел возможности составить план заключительного слова.

Первое — выступление тов. Крейновича. По-моему, это не оппонент доклада, а иллюстратор.

Что касается тов. Феноменова, то ему уже было отвечено до известной степени. Мне кажется, что тов. Феноменов как-то своеобразно понимает те положения, которые были выдвинуты в моем докладе. С одной стороны, стремление как бы к узкой специализации, с другой стороны, стремление как можно более резко отграничить теорию от практики.

Когда я приводил пример из моей личной работы в области изучения нижегородского жилища, где я работал 5 лет, то я отнюдь не говорил о том, что я сконструировал какой-то приемлемый тип крестьянского жилища, я не инженер и не конструктор: но благодаря тому, что я этнограф, мне удалось дать анализ истории развития жилища Нижегородской губернии в связи с местными географическими условиями, в связи с историей хозяйства этого населения и в связи с определенными историческими явлениями. Мне удалось выяснить, какие типы являются случайными, какие типы являются обусловленными социальным взаимодействием и какие являются приспособленными к местным условиям и к местному хозяйству. Благодаря этой мотивировке, которая целиком и полностью может быть сделана только этнографом, мне удалось выработать целый ряд указаний, целый ряд форм в крестьянском жилище, которые являются прогрессивными и которые при незначительном усовершенствовании могут быть (*л. 135*) непосредственно представлены как рациональные формы крестьянского жилища в этом районе. Было бы очень скверно, если бы я или другой специалист, сидя у себя в кабинете, исходя из теоретических предпосылок в области санитарии, гигиены, антипожарной и т.д., выработал бы целый ряд идеальных типов. В большинстве случаев эти идеальные типы, которые у нас фигурируют на страницах пропагандистской литературы, в области огнестойкого строительства, очень слабо прививаются, и очень часто мы имеем в результате то, что бывало, когда некоторые помещики пытались строить крестьянские кирпичные хаты, и то, что из этого выходило. И вот, благодаря применению этого конкретного исторического анализа я и имел возможность делать указания и выступить не в качестве инженера-конструктора, а в качестве консуль-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

танта. Я увидел, что мои результаты резко разошлись с результатами врачей, которые не учли всех исторических элементов, не учли других сторон этого жилища. Жилище крестьянина является не только его жилищем, но одновременно орудием его хозяйства. Постольку поскольку эти вещи не были учтены, я смею уверить, что тот прогноз, который был дан в моей работе, был более верный, чем тот, который дали врачи. Этому показателем служат те факты, которые наблюдаются в целом ряде других районов.

В ближайшем будущем выходит моя работа о нижегородском жилище, и там тов. Феноменов может познакомиться [с тем], как происходит процесс трансформации в крестьянском жилище в настоящее время. То же самое относится к антирелигиозной пропаганде и к др.

Я отвечу, кстати, и тов. Богаевскому относительно того, что делать этнографа-энциклопедиста консультантом по всем вопросам совершенно невозможно, не мыслимо и не нужно. Я в своем докладе ясно говорил о том, что, с одной стороны, нужен этнограф-консультант в органах политпросветительской работы, в органах, ведущих антирелигиозную пропаганду, в органах здравоохранения, в судебных органах, причем, конечно, они должны быть специалисты. С другой (*л. 136*) стороны, я говорил, что в плановом хозяйстве должны быть этнографы-консультанты, особенно в районах национальностей, и т.д. И опять-таки здесь по отношению к малым народностям мы имеем определенную специализацию. Нельзя же разжевывать и вкладывать в рот, что консультант должен быть в то же время и специалист в разрезе этнографии, а не в каком-нибудь другом. С другой стороны, может быть и энциклопедист, прекрасно знающий все стороны культуры этих народов. Это тоже возможно, хотя более трудно и более ответственно. В силу наших слабых человеческих ресурсов по отношению к малым народностям Севера это и будет единственным выходом, паллиативом до тех пор, пока мы не будем настолько богаты, чтобы содержать штат консультантов в полной мере.

Затем тов. Феноменов возражал против моего тезиса, в котором сказано, что этнография должна заниматься не только ретроспекцией истории, но должна изучать процессы, которые происходят в настоящее время, внедрением городской культуры, или, как я бы сформулировал, влиянием мероприятий советской власти, направленных к строительству социализма в этих районах, на изменение быта национальностей и их культуры. Таким образом, наше социалистическое строительство дает реальные результаты. Как оно, в конце концов, осуществляется? Какой эффект дает это строительство? Мы знаем, что изучать это надо как можно лучше.

Здесь я должен сказать тов. Феноменову, что до этого додумались уже и буржуазные страны и они эти вопросы ставят достаточно широко.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

В частности, в последней статье профессора Турнвальда[1], напечатанной в русском антропологическом журнале, проф. Турнвальд как раз и подчеркивает тот момент, что совершенно необходимой задачей современного народоведения, современного этнолога является изучение процесса аккультурации туземной культуры с так называемой европейской цивилизацией. У него совершенно иной подход, и также не учитывается то, чего не учитывает тов. Феноменов, (*л. 137*) что этнологу необходимо вести эту работу, что в этом есть как раз та прикладная роль этнографии, которую этнография может сыграть в буржуазном обществе. У нас, в наших условиях, мы должны изучать другую сторону явлений, и эта другая сторона — применение форм, в которых осуществляется социалистическое строительство у этих народов, и изучение всех сторон, всех эффектов этого строительства, безусловно, является нашей задачей. С другой стороны, если подходить к этнологии как к науке чисто теоретической (достаточно уже давно американские этнологи ставят перед собой как очередную задачу изучение механизма аккультурации, диффузию эллинских ((sic!) элементов), необходима постановка другая. Но мы видим, что здесь опять-таки стоит вопрос о том, что этнография занимается не только восстановлением старого, но и изучает новые процессы.

(*л. 138*) Как мы можем интерпретировать то, что было давно, если мы в деталях не знаем, как эти процессы преломляются через различную среду в настоящее время? Эти основные замечания тов. Феноменова и Богаевского, которые относились к обоим докладам так же, как и многие другие замечания, основываются на неверном понимании задач нашей конференции. Мы знаем, какую колоссальную роль в строительстве нашей лингвистики сыграла яфетическая теория. В течение месяца построить яфетическую теорию в этнологии мы не можем. Мы можем поставить вопрос об этом, мы можем уточнить и заострить наше внимание на всех больных сторонах, на всех пунктах, на которых наш марксистский анализ должен проявить себя в максимальной степени, но мы не можем без того, чтобы действительно серьезно проработать это на самом материале, говорить о том, что мы действительно предлагаем, а не только декларируем определенную концепцию марксистской этнологии. Ни я, ни тов. Маторин, ни тов. Преображенский не могли дать и не дали, конечно, законченную концепцию марксистской этнологии. Мы лишь дали ту установку, с которой марксист должен подойти к вопросам этнологии. Насколько это удалось сделать, это вопрос другой.

Теперь, переходя к дальнейшему, я позволю себе пропустить целый ряд выступлений. Я остановлюсь только на центральном вопросе, вокруг

[1] *Турнвальд Рихард* (*нем. Richard Thurnwald*) (1869–1954) — этнолог, основатель национальной немецкой школы социальной антропологии. Название статьи установить не удалось.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

которого развернулись прения по моему докладу, — это вопрос о классовом подходе к этнографическим и историческим исследованиям наших национальных культур, вопрос о связи этнографии с национальным строительством.

Прежде всего я должен отвести один упрек, сделанный тов. Мартикяном относительно того, что я как будто выступил здесь с известной путаницей, известным непониманием задач национального строительства в наших советских республиках. Мне кажется, что это не совсем верно. Конечно, если пользоваться голым методом цитат, то можно доказать очень многое, но, по-моему, весь 6-й тезис как раз показывает, что я прекрасно это учитываю и что я, изучая развитие национальной культуры, понимал его как нечто единое, бесклассовое или внеклассовое. Я вполне согласен с тов. Мартикяном и благодарю его за то, что он дополнил мой доклад цитатами из Ленина. Это дополнение чрезвычайно полезно, но мне кажется, что (*л. 139*) не моей задачей было сформулировать принципы национальной политики советской власти. Моей задачей являлось указать, каким образом этнография может и должна служить национальной политике партии и советской власти и какие уклоны, какие враждебные нам течения существуют в исторической и этнографической литературе у нас в Советском Союзе. Целый ряд выступлений, которые были до тов. Мартикяна, показали, что я, может быть, перегнул палку, а отнюдь не недоучел классового момента в этнографическом исследовании. Здесь я остановлюсь на выступлениях товарищей, которые пытались смягчить мои положения по этому вопросу, в частности на выступлении тов. Маркелова.

(*л. 140*) В частности на выступление тов. Маркелова я могу сказать следующее. Я опасаюсь, что тов. Маркелов меня не совсем понял, и если он хорошо следил за моим докладом, то он должен помнить, что в 5-м тезисе я говорил о том, что задача этнографа состоит в изучении происхождения национальной культуры и т.д. Я говорил лишь о том, что не нужно исследования ставить так, как они ставятся. Тов. Маркелов дал мне одно указание (может быть, я недостаточно четко на этом остановился), что этими историками и этими этнографами являются наши классовые враги. Тов. Маркелов говорил главным образом о чувашах и марийцах. Это люди определенно нам враждебные, они представляют наиболее враждебный нам слой среди поволжских национальностей, и поэтому совершенно ясно, что и историки, и этнографы, которые у них имеются, не могут не быть нам классово враждебны. Поэтому необходимо учитывать, что у нас сейчас растет новая национальная интеллигенция, которая учится в наших вузах и готовится стать исследователями и строителями, и что она очень внимательно следит за своей отечественной литературой, и мы не гарантированы от того, что молодые товарищи, которые являются в конце концов близки[ми] к нам, не проникнутся всеми этими теориями и рассужде-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

ниями. Мы имеем на каждом шагу такое явление, что люди, действительно близкие нам по социальному положению, по общественной работе, все-таки проникаются такими шовинистическими тенденциями. Так что мне кажется, что я ни в коем случае не заостряю этот момент, напротив, я его несколько смягчаю.

С другой стороны, выступление тов. Зеленина и его слова относительно того, что он не видит шовинистических тенденций в русской этнографии, мне кажется, не совсем верны, вернее, что это совсем не верно. Ведь шовинизм в этнографии имеет самые различные формы. Иногда его нельзя назвать даже шовинизмом, а известной тенденцией. Отвечая тов. Маркелову, я должен сказать, что, безусловно, трудно сопоставлять грузинский шовинизм, который является своеобразным (*л. 141*) великодержавным шовинизмом, даже империалистическим по отношению к мелким народностям Грузинской республики, с шовинизмом вотяков или марийцев. Здесь несколько иные формы, так как они принадлежат, в конце концов, к разным классам. Одной из форм является стремление изолировать свой народ и нивелировать чужеродные влияния и чистокровность своего народа доказать как можно лучше. Например, когда мне пришлось разговаривать с национальными работниками, татарами, и когда мне пришлось высказать мою точку зрения на вопрос происхождения мещеряков, мне сказали: «Вас будут крыть в Казани, и с вашей точкой зрения не согласятся». Когда чуваши и татары дерутся из-за того, кто является потомком болгар, — это тоже показательный момент, это искание предков. Но русские этнографы и турецкие именно подчеркивают только чистокровность. Здесь нет искания предков. Я веду одну работу этнографа-башкира, который вопреки рассудку, наперекор стихии, наперекор всем фактам, в конце концов, делает вывод, что нет никаких оснований говорить о том, что башкиры в своем генезисе имеют другие влияния, не те, которые имеют турецкие народы. В русской этнографической работе стремление доказать чистокровность русской культуры тоже есть одна из разновидностей проявления великодержавного шовинизма.

Это, так сказать, основные ответы на основные возражения.

Я боюсь, что это поймут как известное запугивание, что я хочу запугать молодую национальную науку. Отнюдь нет. Я только хочу, чтобы все товарищи националы, стоящие на марксистской позиции, взяли четкую классовую линию, и осознали бы свою собственную культуру как известный продукт определенных классовых взаимоотношений, и поняли бы, что строительство, развитие культуры вообще быть не может; должно быть развитие социалистической культуры, но в которую органически вливаются различные народности нашей страны. И здесь мне кажется, что замечание тов. Яковлева, с которым я почти целиком согласен, есть только редакционная (*л. 142*) поправка, например в отношении комплекса отдельных

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

сторон — это только чисто редакционная поправка. Но вопрос о низком уровне — это условное выражение. Я не говорю, что этнолог изучает только эти формации. Я в прошлом моем выступлении по докладу Петра Федоровича показал, что этнография может изучать различные формации, но преимущественно чисто эмпирические моменты. Этнография работает над этим и здесь может быть максимально полезна. Мне кажется, что неосновательны опасения тов. Яковлева, что такая постановка доклада, которая имела место сейчас, и другой, собственно, и быть не могло на настоящей конференции, является известной преградой к развитию нашей работы. Мне кажется, как раз наоборот, и задача нашего совещания заключается в том, чтобы после него немедленно началась организационная, плановая, коллективная работа над изучением этого вопроса. Только тогда можно считать это совещание успешным, если мы все принятые резолюции воплотим в формы организационной работы.

Разрешите еще сказать по национальному вопросу. Относительно метода стационарного и краеведческого выступали тов. Прокофьев и Кошкин. Дело в том, что принципиальной разницы, в смысле научных методов, нет. Но есть разница, достаточно существенная. С одной стороны, мы можем посылать на места исследователей-специалистов, которые будут жить там длительное время и заниматься всеми этими вещами, с другой стороны, мы можем привлечь местное население. Это является общественным движением, но для этнографа оно может быть методом, а не само по себе. И вот этнографические исследования и должны идти этим путем по преимуществу.

Мне кажется, что в тезисах проф. Богораза несколько выпирается на первый план один стационарный метод. По-моему, сочетание методов стационарной работы и краеведческой даст нам те же результаты, что и стационарное пребывание исследователя.

(*л. 143*) Это к вопросу о методах этнографии.

Что касается выступления тов. Аптекаря, то, собственно, оно ко мне не относилось, хотя он заметил, что если Толстов и Маторин являются марксистами, то он будет называть себя диалектическим материалистом. Это, конечно, его частное дело. Но я считаю, что это не по существу доклада.

Относительно ареалов. Я, кажется, вчера достаточно ясно сказал, что Гребнер подразумевает под культурными кругами и что является фактом, против чего не пойдешь. Географические элементы в культурном распределении существуют, так что это распределение является либо сейчас существующей, либо ранее существовавшей формацией, и с этой точки зрении мне кажется, что именно эта постановка тесно связывает представление об ареалах с существованием социально-экономической формации. Это позволяет вести различные интерпретации этих понятий и является нашим единственным путем, по которому мы можем в этом вопросе идти.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Когда мы признаем стадиальность этих явлений, географически расположенных этнографических фактов, когда мы осмыслим ту совокупность фактов, которые определяются Гребнером и его школой как культурные круги, осмыслим с нашей точки зрения и дадим освещение этих фактов, только тогда мы сможем выставить против позиций Гребнера достаточно основательно свою собственную марксистскую позицию.

На этом разрешите закончить.

(*л. 144*) ***Аптекарь*** «Марксизм и этнология»

Я прежде всего просил бы некоторого изменения регламента. Дело в том, что совершенно неосновательно к моему докладу привлечено больше внимания, чем должно. Если с моей стороны имеются некоторые «авансы», то, конечно, очень хорошо, но это связано с небольшим затруднением, а именно: [за] 40 минут в силу некоторых индивидуальных недостатков мне будет трудно уложиться, и я попросил бы прибавить еще минут 20.

Раньше, чем приступить к самому докладу, я бы хотел сказать несколько слов тов. Маторину. К сожалению, я не могу ответить комплиментом на комплимент: вы сравнили меня с Лассалем, но я вас с Марксом не могу сравнить.

Для тех товарищей, кто хотя бы в общих чертах знаком с современным состоянием марксистской науки, является не секретом, что термин «механисты» является бранной кличкой для того направления, к которому я имею честь принадлежать, направления диалектиков, в противовес которых выступают как раз не «талмудисты», люди-практики, опирающиеся на опыт. Этот термин рано или поздно должен был здесь всплыть, и чем раньше, тем лучше[1].

После этого позвольте еще несколько оговорок, предшествующих самому докладу. Прежде всего я прошу рассматривать мой доклад единственно как мое выступление, а не как изложение точки зрения того учреждения, которое сделало мне честь, командировав на это совещание. Институт ни в коей мере не ответствен за мои положения[2].

---

[1] Слова Аптекаря в данной фразе, возможно, искажены. В 1920-х — начале 1930-х годов шла дискуссия между «механистами» (механицистами), отрицавшими необходимость философии диалектического материализма как особой науки и считавшими возможным — в духе позитивизма — заменить ее общими выводами естественных наук, и «диалектиками» (А. М. Деборин, Н. А. Карев, И. К. Луппол), настаивавшими на признании диалектики единственной всеобщей и универсальной методологией, обладающей приоритетом перед методами конкретных наук. Аптекарь в данном случае декларирует свою принадлежность ко вторым.

[2] Как большинство интеллектуалов своей эпохи, Аптекарь работал одновременно в целом ряде организаций. В 1929 г., помимо преподавания в МГУ, он был заведующим редакторским отделом РАНИОН, членом Общества историков-марксистов (влившегося в Институт истории Комакадемии), ученым секретарем секции материалистической

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Второй момент касается того, что стиль моего доклада будет несколько декларативный. Мне было чрезвычайно неудобно об этом думать, когда я решился прочесть доклад. Но, прослушав три доклада, я должен, к сожалению, констатировать, что тон и стиль декларации пока что является общим тоном конференции, и поэтому я надеюсь не выпасть из общего стиля. Я хотел поставить свой доклад после того, как выступят практические деятели этнографии: проф. Тан-Богораз и Куфтин[1], но ввиду целого ряда моментов приходится выступать до их докладов.

И, наконец, последний момент: мне хотелось бы предпослать (*л. 145*) своему докладу небольшую цитату из труда того ученого, который собственно является «хозяином» этого помещения, из последней работы Н. Я. Марра «Карфаген и Рим». Эта цитата не связана с темой доклада, но она даст некоторое психологическое оправдание тому, что я рискую выступать здесь с докладом. Прошу извинения за несколько длинную цитату: «В одном из заслуженнейших в мире столетних востоковедных обществ я был свидетелем поучения из уст естественно тоже ориенталиста, также несомненно растущего в линии заслуг, что все, что он собирается прочитать, — это деталь, частный вопрос, мол не берет он на себя решение затронутого вопроса в масштабе широких перспектив. Он, дескать, достаточно “осторожен”, чтобы не поддаться подобному соблазну (это была прелюдия). Он вовсе не освещал вопроса во всем его охвате, в каком предмет мог бы быть трактован, ибо данных немного, да с шипами, они захватывают интерес[ом] чересчур ответственные, к тому же рискованные предметы; докладчик же, разумеется, был осторожен, разумен и держался-то в своем докладе он правил хорошего общества и благоразумия (это был исключительный аккорд)». Не знаю, как отнеслись в душе к этой манифестации осторожности и благоразумия. Мне показалось, что один из выступавших, по-видимому, тоже сторонник этой очень полезной для серьезного успеха и в ученом мире «осторожности» и благоразумия, нашел все-таки в докладе один винтик, торчащий как колючий шип, выходя за пределы призываемой для заслона, как защитный цвет, осторожности. А мне, не скрою, хотелось крикнуть: «Осторожно, коллеги, дорогие, осто-

---

лингвистики Комакадемии, а также заместителем Н. Я. Марра в секции языка Института этнических и национальных культур, также вошедшего в Комакадемию при слиянии ее с РАНИОН в 1929 г. По всей видимости, Аптекарь имеет в виду Институт истории Комакадемии либо Институт этнических и национальных культур народов Востока.

[1] *Куфтин Борис Алексеевич* (1892–1953) — археолог и этнограф; занимался этнографией русских, а также Крыма, Сибири, археологией Грузии и Средней Азии. Один из видных московских этнографов 1920-х годов. Профессор МГУ, заведующий отделом Средней Азии и Сибири ЦМН. В 1930–1935 гг. — ссылка в Вологду. Впоследствии работал в Государственном музее Грузии, действительный член Грузинской АН, лауреат Сталинской премии за монографию «Археологические раскопки в Триалети: Опыт периодизации памятников» (Тбилиси, 1941).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

рожно, как бы с вашей хваленой мнимой осторожностью не замереть окончательно и потомственно в стоячем болоте».

И тем не менее, находясь в Африке среди кабилов, не могу не дыхнуть свободно и не вскрикнуть с легким сердцем, пусть и идеалистически наивно и безнадежно: «Долой хотя бы в науке все эти стратегическо-политическо-дипломатические приемы. Без всяких формальных осторожностей. Осторожность есть в таких случаях лицемерное прикрытие того факта, что есть нечто, просмотренное такими грешными людьми, как мы все, обслуживающими, допустим, "царственную науку", но наука по этой линии гола, как известный голый царь, но мудрым змиям признавать это не хочется»[1].

Переходя к содержанию нашей дискуссии в итоге того, что здесь было сказано и уже отчасти резюмировано, надо сказать, что, как бы мы ни относились к науке или наукам (у отдельных товарищей имело место такое представление, я не согласен с этим) этнологии и этнографии, положение этих наук таково, что они могут быть охарактеризованы как категории «голого царя». Тут как раз выступал товарищ, сказавший, что основной недостаток — это слабость. Если мы будем констатировать положение сегодняшнего дня, то это будет недостаточно убедительно. Слабость может являться признаком различных явлений, выражать собой наличие разных тенденций. Мы, безусловно, сейчас слабее во многих отношениях, чем Великобритания, но только совершенно безнадежный человек может отсюда сделать вывод, что мы такими и остаемся. Наоборот, все наши тенденции таковы, что мы растем и, следовательно, обгоним Великобританию. Но бывает слабость другого порядка, когда она является совершенно неизбежной в силу тех основных процессов (*л. 146*), которые свойственны данному комплексу явлений, когда мы имеем дело с процессом деградации, именно в данном случае в науке этнологии мы имеем дело с таким явлением, когда эта слабость являлась, есть и будет перманентным явлением, до тех пор пока эта наука или, вернее, изучение объектов этой науки будет строиться на тех позициях, которые не только до сего времени предлагались, но которые были предложены и здесь. Мы по существу заслушанных нами докладчиков имеем три позиции. Чтобы не быть голословным, сошлюсь на самое определение науки: для Преображенского этнология есть история; для Толстого — наука, изучающая примитивные формации; у тов. Маторина мы по существу имеем старую формулировку: этнология — это наука о культуре. Я думаю, что здесь не надо быть талмудистом, чтобы констатировать, что все эти три положения в значительной степени отличаются друг от друга. Если не считать, что мы имеем дело с ошибкой,

[1] *Марр Н. Я.* Карфаген и Рим // Марр Н. Я. Избранные работы. Л., 1937. Т. 4: Основные вопросы истории языка. С. 165–166.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

то следует предположить, что этот момент неслучайный. Хотя мы и признаем объективную случайность, но нет необходимости рассматривать как случайность то, что гораздо лучше может быть объяснено просто объективным моментом, для чего мы имеем достаточные данные. Это та часть спектра, которая была развернута здесь на конференции. Но этим отнюдь не исчерпывается все многообразие, вся цветистость определений этнологии и этнографии, существующая в этнографической науке, и, не подвергая даже никакому марксистскому анализу, а беря только то, что говорят этнографы сами о своей науке, надо констатировать, что сколько голов, столько различных определений. Конечно, можно только всячески приветствовать, что эту проблему пытаются разрешить единственно научным методом — методом диалектического материализма, пытаются приложить категории исторического материализма к анализу этой самой этнографии. Вся беда заключается только в вопросе, как применить этот анализ. Мое впечатление (я постараюсь его из области предположений и впечатлений перевести в некоторую реальность) сводится к тому, что это самое применение марксистского метода к изучению проблем этнографии, кот[орое] было сделано здесь, совершенно ничего общего не имеет с подлинным марксизмом.

(*л. 147*) У тов. Маторина вышло так, будто Маркс изучил одну формацию, и не было сказано о том, что Маркс изучил все формации и применил это к одной. Маркс изучил все общество и дал конкретный анализ той формации, которая именуется капитализмом, в частности промышленным капитализмом. И совершенно не правы тов. Маторин или Толстов, который и систему товарного хозяйства сделал общественно-экономической формацией. Может быть, это будет названо талмудизмом, но я должен указать, что система товарного, если держаться не Толстова, и не Маторина, и не Аптекаря, [а] Маркса и Энгельса, то надо будет сказать, что в систему товарного хозяйства входят различные формации капиталистического порядка, входит и такая формация, как наша советская некапиталистическая и в то же время с наличием товарного хозяйства. Основной недостаток этого «нового» марксизма, по поводу которого мне пришлось выразить сожаление, что чересчур много развилось марксистов, что марксизм в их руках превращается в какое-то средство для украшения готового здания. Я не знаком со строительным делом, но мне кажется, что там имеется особая категория различных материалов, употребляемых для орнаментации фасада здания. Марксизм у этих товарищей играет такую же роль. Эта совокупность нескольких выражений: производительные силы, производственные отношения, классы, еще два-три ходячих избитых термина, которые толкуются и вкривь и вкось, — совершенно невозможная вещь. Для этих товарищей реально стоит вопрос о социологизировании или историзировании такой вещи, как культурный круг Гребнера. Мы рискуем та-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

ким образом уйти в такую область, что нас никто не поймет, даже талмудисты и те скажут: «Разбирайтесь сами, мы не рискуем». Мне кажется, что применение исторического материализма к той совокупности явлений, которая до сего времени считается объектом изучения этнографии, может быть сделано только тогда, когда те, кто будет этим заниматься, по крайней мере, знают марксизм. Если здесь совершенно разумно указывалось, что нельзя говорить об этнографии и этнологии без знания реальных фактов, то так же точно обстоит дело и с марксизмом: лучше не говорить о марксизме, если ты о нем ничего не знаешь или если твои знания сводятся к нескольким положениям.

Мы имеем пример крупнейших ученых современности, которые (*л. 148*) дали действительно марксистские работы, их можно считать стихийными марксистами. Мы имеем построения Н. Я. Марра, который никогда не называл себя марксистом и который до сего времени чрезвычайно плохо оперирует марксистской терминологией. Происходит это от того, что «марксизм» Марра, в противоположность докладчикам, не исчерпывался ссылками на Ленина, Бухарина, Маркса, где в самой неприличной связи цитировались и Гребнер, и Бахофен[1], и Морган, и Энгельс, мешанина, которая должна удовлетворить всякому изысканному вкусу, в том числе и марксистскому. Мне кажется, что совершенно не случайным является то, что здесь очень много говорили о марксизме, об историческом материализме, и в то же время ни одна категория диалектики, в том числе и самое выражение «диалектика», ни у одного из докладчиков не проскользнула. Очень странно, как можно сейчас в самом разгаре дискуссии между «механистами» и «диалектиками» обойти совершенно такой вопрос, пропустить такого кита. Это отражение того, что товарищи совершенно правильно избегают оперировать такими вещами, которые им не совсем понятны. Но если поступают так благоразумно, то надо было после «а» сказать «б». Можно было говорить о новых путях, но не вывешивать ярлыка марксизма. Нужно констатировать, что с точки зрения марксистского подхода не может быть речи о каком-то «чистом» описании, а раз мы отрицаем позицию чистого описания, раз мы считаем, что его не может быть, то, следовательно, и старый исторический термин «этнография», если эта последняя претендует на звание науки, не может быть употребляем. И поэтому впредь я буду оперировать понятием «этнология». Совершенно неверно считать этнологию продуктом капиталистической фазы. Она имеет очень глубокие корни, с основными ее методами мы, по существу, еще

[1] *Баховен Иоганн Якоб* (*Johann Jakob Bachofen*) (1815–1887) — швейцарский этнограф, юрист, историк. Историк первобытного общества и автор концепции «матриархата» в антропологии (“Das Mutterrecht: eine Untersuchung über die Gynaikokratie der alten Welt nach ihrer religiösen und rechtlichen Natur”, 1861).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

знакомимся в Древней Греции. Не случайно, однако, то, что особенный интерес этнология приобретает в середине и конце XIX века. Это был период, когда она формировалась как наука. Корни этого процесса в достаточной мере были понятны не только марксистам-талмудистам, но даже такому человеку, который никогда с марксизмом не заигрывал и свою карьеру профессора построил даже на борьбе с марксизмом (*л. 149*). Я говорю о П<пропуск>, который в своем труде «Философия истории»[1] совершенно правильно определил природу этнологических изысканий: «Эти изыскания являются не чем иным, как попыткой заменить социологические построения». И не случайно момент развития этой науки совпал с моментом большого кризиса в западноевропейской социологии, с кризисом, который прежде всего был вызван появлением исторического материализма. С появлением Маркса все социологические системы катастрофически захромали и захирели. Они все могут быть охарактеризованы как «нечто + neo». Можно говорить о neo-органической школе, о неосубъектизме в социологии, но самостоятельного течения мы там не находим. Этот кризис был связан не только с самим фактом появления марксизма, но мы объясняем его тем кризисом, который вообще переживало и переживает буржуазное общество, которое дошло до точки, когда его историческое существование уже не является необходимым. Историческая роль буржуазии в основном отыграна, и дальнейшее развитие буржуазной социологической науки должно было бы привести к утверждению, что буржуазный мир обречен на гибель, что буржуазия лишена исторического права на существование. Это было декрактировано и доказано в «Коммунистическом манифесте» в 1847 г. Марксом и Энгельсом. Там мы сталкиваемся с такими положениями, из которых вытекает, что дальнейшее развитие общественных наук возможно уже не как развитие наук буржуазных, а как пролетарских наук.

(*л. 150*) Потерпев фиаско на путях наук исторических, буржуазия вынуждена была привлечь такие элементы, которые давали бы ей возможность обойти эти серьезные вопросы. Если вы будете внимательно следить за развитием этнологической литературы, вы увидите, что в первоначальной стадии, даже в период Бастиана и его современников, довольно четко стоит этот вопрос. Мы не касаемся социологических построений. Социология даст нам метод, а мы возьмем те факты, которые социологами не учитываются. Там эти факты строились на узкой базе, мы эту базу расширим. Этнография тогда не претендовала на наличие у нее методов. Это не является талмудистской фантазией, и каждый может это проверить в статье «Этнография» Брокгауза и Эфрона. В этом старом словаре, также «талмудистском» по своему подходу, вы найдете такое рассуждение у покойного

[1] Имеется в виду книга немецкого философа и социолога Пауля Барта «Философия истории как социология» (СПб., 1900; переиздание: М., 2014).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

профессора Штернберга[1]. На такой позиции он продолжал стоять почти до самого последнего времени. Однако логическое развитие исторических процессов не могло примириться с такой постановкой голых фактов, голых только описаний при наличии науки, которая действует методом науки социологии. Мы видим следующий этап, когда начинают противопоставлять социологии этнологию, когда начинают рассуждать о специальном этнологическом методе, и тут нужно договориться о том, что мы понимаем под методом. Здесь у многих товарищей, докладчиков и части оппонентов было принижение метода до совокупности каких-то технических приемов. С другой стороны, и марксистский метод для некоторых марксистов является тоже техническим приемом, их странное желание сводится к тому, чтобы скорей нашелся такой человек, который дал бы книжку, и чтобы эту книжку можно было прочитать в один вечер, усвоить несколько технических приемов и быть марксистом на все 100 %. Эти лица колоссальную вину Маркса как ученого видят в том, что он столько жил, столько работал и не дал сводки своего метода исторического материализма. Мы знаем, что к числу таких лиц принадлежал французский историк Оляр[2], который прочитал все сочинения Маркса, чтобы найти в них «диалектический материализм». И можно поверить, что он действительно все прочитал, но я очень сомневаюсь, что наши товарищи, которые выступали с определениями марксистской этнологии, проделали хотя бы треть работы Оляра.

(*л. 151*) Не приличествует на научной конференции применять метод тестов, но они были бы очень показательны. По крайней мере, то, что здесь преподносилось, а именно — путаница в основных марксистских понятиях, как понятие «социально-экономическая формация», как ответы Преображенского на те вопросы, которые я ему задал, в значительной мере свидетельствует о том, что с марксизмом здесь весьма неблагополучно. И не только в тех вопросах, в которых отсутствуют указания Маркса. Ясно, что не все было решено Марксом и Энгельсом. Наука движется, колоссальное количество фактов, совершенно неизвестных Марксу и Энгельсу, у нас известны даже студенту, начинающему знакомиться с наукой (так, например, Маркс и Энгельс не знают о трестах), так что и после Маркса развитие науки возможно. Если бы путаница была в таких вопросах, которые еще

[1] Такого утверждения в статье «Этнография» Л. Я. Штернберга не содержится. Он указывает на «хаос названий, вызвавший хаос в самом понимании предмета науки», в многочисленных определениях этнографии, этнологии и антропологии. Штернберг дает свое определение предметной области этнографии — «наука, занимающаяся изучением культуры народов, не входящих в круг ведения истории и доисторической археологии, то есть главным образом народов первобытных и тех слоев культурных народов, которые наиболее сохранили черты первобытного строя».

[2] Имеется в виду *Франсуа Виктор Альфонс Олар* (*Aulard*) (1849–1928) — французский историк, специалист в области истории Великой французской революции.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Марксом не были освещены, то можно было бы быть только благодарными выступавшим товарищам за то, что они взяли на себя тяжелый труд по разработке марксистской науки. Но в таких проблемах, которые являются давно разрешенными, по поводу которых марксизм вел большие бои, путаться человеку, называющему себя марксистом, не рекомендуется, если он не хочет получить плохую репутацию.

В частности, в одной из ранних работ Ленина, а именно в его статье «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», мы находим место, которое будет весьма полезным для наших задач, а именно для разрешения вопроса о том, как должны быть изучены т[ак] наз[ываемые] этнографические явления. Разрешите мне эту цитату привести.

«Г. Струве совершенно прав, указывая, что теория классовой борьбы довершает, так сказать, общее стремление социологии сводить "элементы индивидуальности к социальным источникам". Мало этого: теория классовой борьбы впервые проводит это стремление с такой полнотой и последовательностью, что возводит социологию на степень науки»[1].

Я не имею здесь этой работы под руками, но того, кто поинтересуется, могу направить к рецензии П. И. Стучки[2] на книгу Энгеля: не то «Элементы», не то «Основы материалистической социологии»[3]. Основным недостатком этой работы П. Стучка, тоже признанный марксист, считает то, что автор совершенно не постарался отграничить социологию от других общественных наук. Он очень долго занимался вопросом о том, как общественные или естественные науки (*л. 152*) отграничить от биологии. От других же наук не постарался отграничить, и это вполне понятно, если принять во внимание, что в методологии материалистической диалектики мы находим такую категорию, как категория звена. При всех исследованиях, при всех действиях нужно не просто размахивать руками и говорить о том, что подвернется на язык, а надо выбрать такой пункт, который является узловым и удар по которому обнаружит шаткость построения, или, наоборот, ухватившись за некое звено, мы вытащим всю цепь.

В отношении вопроса об этнологии основным звеном и является вопрос о том, как должно строить марксисту диалектическо-материалисти-

---

[1] В. И. Ленин (под псевдонимом К. Тулин). Цитата сверена с изданием: Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития. СПб., 1895. С. 34.

[2] *Стучка Петр Иванович* (1865–1932) — советский государственный и партийный деятель, один из основателей Коммунистической партии Латвии. Организатор и директор Института советского права, профессор МГУ. Автор исследований и учебных пособий по теории государства и права, статей по аграрному и национальному вопросам.

[3] Имеется в виду: *Энгель Е. А.* Очерки материалистической социологии. М.; Пг., 1923.

Энгель Евгений (*Генрих*) *Александрович* (1887–1932/1942) — социолог, профессор Петроградского университета, автор первого учебника «Социология» (1919) для средней школы.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

ческую этнологию, вопрос, как отделить ее от социологии. Эта проблема социологизирования или историзирования этнологии, эта почтенная интересная задача могла бы быть разрешена только тогда, когда этот вопрос был бы поставлен. Тут же вопрос оказался смазанным и обойденным. И для того, чтобы его выяснить, нужно поставить новый доклад.

Для Ленина в этой работе и затем в более поздних работах Плеханова вопрос стоял в том, что делает социологию наукой (хотя социология была в лучшем положении, чем современная этнология). Для марксистов стоял вопрос, возможна ли социология как наука. Я должен сказать, что этот вопрос и сейчас еще является в марксистских кругах вопросом дискутирующимся, требующим обсуждения.

Продолжаю цитату: «Достигнуто это было материалистическим определением понятий “группы”. Само по себе это понятие слишком еще не определено и произвольно: критерий различения “группы” можно видеть и в явлениях религиозных, и этнографических, и политических, и юридических и т.п.»[1].

Между прочим, наши товарищи оперировали этими «группами» без всяких кавычек. Это, конечно, не случайно. Когда я поставил ряд вопросов Петру Федоровичу, попросил его дать определение нескольких основных понятий, которыми он все время оперировал, ему, П[етру] Ф[едоровичу], показалось это недопустимым, и он сначала отказывался от ответа на эти вопросы. Я отнюдь не полагаю, что задачи науки сводятся к тому, чтобы дать раз [и] навсегда застывшее определение, не полагаю, что явления могут быть целиком охвачены одним определением. Но марксизм никогда не отказывался давать эти определения. И Ленин часто спорил с теми, кто говорил, что определения (*л. 153*) нельзя дать. Какое-то определение надо было дать и для понятия культуры, и для понятия этнологии; нужно было указать те тенденции, те пути, по которым может идти процесс деформирования этих определений, процесс перехода их в другие определения. Мы знаем такую категорию, как «полярность», в любом определении. Все это нужно было учесть и определить такое понятие, как «группы». Вы видите, что для Ленина-неталмудиста являлось необходимым это понятие взять в кавычки, до того как он нашел объективное мерило.

Читаю дальше: «Нет твердого признака, по которому можно было бы в каждой из этих областей различать те или иные группы. Теория же классовой борьбы потому именно и составляет громадное приобретение общественной науки, что устанавливает приемы этого сведения индивидуального к социальному с полнейшей точностью и определенностью. Во-первых, эта теория выработала понятие “общественно-экономической формации”».

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 428–429.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

В третьем томе старого издания Ленина жирным шрифтом написано о том, что понятие социально-экономической формации — это есть такое понятие, без применения которого полностью нельзя быть вообще марксистом, и всякая сдача позиций в этом вопросе, из каких бы лучших соображений она бы ни исходила и на какое количество различных фактов она бы ни опиралась, эта сдача позиций может быть охарактеризована только как отход от марксизма. (Не знаю можно ли ставить вопрос об отходе тех, кто не был марксистом.)

Продолжаю: «Взявшись за исходный пункт, основной для всякого человеческого общежития факт — способ добывания средств к жизни, она поставила в связь с ним те отношения между людьми, которые складываются под влиянием данных способов добывания средств к жизни и в системе этих отношений (“производственных отношений”, по терминологии Маркса) указала ту ОСНОВУ ОБЩЕСТВА, которая облекается политико-юридическими формами и известными течениями общественной мысли».

Ленин не побоялся в скобках поставить: «производственные отношения», по терминологии Маркса, хотя льва узнают по когтям. Вы в данном случае видите, что, хотя всех остальных признаков марксизма нет (в частности, даже производственные отношения в кавычках попали в скобки), все-таки положение является марксистским, в отличие от тех немарксистских положений, когда только благодаря тому, что видят «производственные отношения», считают: ага, марксистская точка зрения.

(*л. 154*) Кончаю цитату: «Каждая такая система производственных отношений является, по теории Маркса, особым социальным организмом, имеющим особые законы своего зарождения, функционирования и перехода в высшую форму, превращение в другой социальный организм. Этой теорией был применен к социальной науке тот объективный, общенаучный критерий повторяемости, возможность применения которого к социологии отрицали субъективисты».

И если мы, опираясь на данные марксовой методологии, говорим, что социологию можно строить, если мы говорим о том, что историческая наука приводит к социологическим обобщениям, то нужно при этом подчеркнуть, что мы понимаем историческую науку совершенно иначе, чем ее понимает Преображенский, который особенно ратовал за историзацию этнографии. Для Петра Федоровича историческая наука по существу и в целом сводится к истории культуры. Я задавал вопрос, как он понимает историческую науку. Ответа не было получено. Для марксиста историческая культура не сводится к истории культуры, потому что марксист не исходит из культуры как первичного момента; для марксиста всякая культура является моментом вторичным. В этом отношении мы признаем настоящим человеком, идущим по пути диалектического материализма, Н. Я. Марра, который пришел к этому же выводу, не читая марксистских

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

книжек, а путем действительной творческой работы над материалом, путем обобщения этого материала. Для марксиста есть общество, и это общество дает ступени развития социально-экономических формаций. Историческая наука есть наука об общественном развитии. Когда вы говорите «наука об общественном развитии», вы этим самым не выделяете какие-то особые науки, особые отрасли, стороны или факторы этого процесса. Вы имеете дело с единым целым процессом. И в этом процессе вы находите проявление различных категорий, в том числе и проявление культуры. Я не знаю, почему для некоторых марксистов вопрос о том, что такое культура, кажется вопросом, который нельзя сформулировать. Мы имеем бухаринскую формулировку, имеем прекрасную формулировку Покровского, так что здесь не такой уж и сложный вопрос. И в том и в другом определении (Бухарина и Покровского) один момент является основным: культура по отношению к обществу является вторичным моментом. Когда я задавал Преображенскому вопрос о том, как надо понимать (*л. 155*) жизнь отдельных институтов культуры, то я этот вопрос задал именно потому, что мне было совершенно непонятно, как марксист может находить жизнь или развитие в области изолированных надстроек. Для нас историей обладает только общество, и никакая надстройка или даже культура в целом имманентной истории не имеет. Если бы мы думали иначе, мы были бы идеалистами. Это вопрос элементарный, и мне приходится только извиниться, что мой импровизированный доклад насыщен такими «азами». Но, к сожалению, обстановка заставляет это делать. После глубокого анализа приходится возвращаться к тому, чтобы проверить марксистские «таблицы умножения». Надо договориться относительно элементарных вещей, и потом будем путешествовать дальше. Примат общества над культурой исходит из общества, а не культуры. Это первое, что нужно учесть при решении вопроса об этнологии как науке. Классической чертой, недостатком всех этнологических построений, какими они были до сего времени (оставляю в стороне вопрос о споре между эволюционной школой и школой культурно-исторической), являлось решение вопроса как раз в обратную сторону, решение вопроса так, что культура является исходным моментом.

С этой точки зрения совершенно последовательно ставит вопрос Вл[адимир] Герм[анович], когда он в своем труде «Основы этногеографии» рассуждает о культуре общественной, культуре политической, технической, хозяйственной и т.д. Я с его постановкой вопроса не согласен, но логически она правильна. Для того, кто признает примат культуры. Но эта постановка не может быть базовой для построения марксистской этнологии. Тут надо исходить из общества, а тогда встает вопрос: есть ли такая наука, которая рассматривает явления культурные как явления, производные от общества, от факта наличия совокупности производственных отношений

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

между людьми, возникающих в процессе их производства? (Я это говорю для того, чтобы потом не ставился вопрос: что я понимаю под обществом?) Надо сказать, что такая наука есть. Она выводит все надстройки, исследует не только происхождение, но и их развитие. Это и будет теория исторического материализма. Это есть та наука, которая только и может решать эти вопросы для марксиста.

(*л. 156*) Когда мы подходим к вопросу о происхождении различных религий или религиозных форм, предположим, религии воды на Гаити, для нас не встает вопроса о том, что это такое, надстройка или базис. Мы не поставим вопроса так, как один из участников нашего совещания, — о святости, невинности религии, не отягощенной никакими эксплуататорскими моментами, о «парной» религии, о которой говорил Прокофьев (а ему вторил еще другой товарищ), оплакивавший несчастную участь шаманов. Мне кажется, что задача товарищей, выступавших с докладами о марксистской этнографии, о ее роли в советском строительстве, прежде всего заключалась в том, чтобы дать по рукам тем товарищам, которые под таким флагом защищают религию, для нас и «свежая», и «протухшая» религия одинаково неприемлемы.

Мне кажется, что задача агитпропов и всяких вообще марксистов — в том, чтобы от таких позиций отмежеваться. Докладчики проглядели, пропустили это явление. Пропускаем же мы то, на что не обращаем внимания. А не обращаем внимания потому, что пытаемся заняться делом, марксисту не свойственным, противопоставить марксистской социологии что-то другое, только по тому простому факту, что это простое существовало давно. Это совершенно непристойная роль, но, скажу, тяжелая обязанность, так как никто не заставлял докладчиков это делать.

Нехорошо выступать в роли гунна — варвара, крушащего науку. Люди строят, работают, является невежда, дубиной раз по этой науке, нам она, мол, не нужна. Так Простакова в свое время подходила к географии: «Наука это не дворянская»[1].

Это неприятное положение, приходится в нем быть, так как прежде всего ставился вопрос: наука ли этнология, можно ли назвать этнологию наукой? Мне кажется, что если строить этнологию без этноса, по предложению Петра Федоровича, то это будет не этнология. Разрешите указать, что вопрос о том, что с уничтожением понятия «этнос» ликвидируется самая наука этнология, этот вопрос был поставлен Н. Я. Марром совершенно независимо от меня. (*Смех.*) Он исходил из совершенно других соображений.

Совершенно неоспоримым является то, что не может быть ни одного этнолога, который игнорировал бы понятие «этнос».

[1] Реплика госпожи Простаковой из комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль».

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

(*л. 157*) Буржуазные этнологи или те, кто пытался строить суррогаты обществоведения, поступали совершенно последовательно, когда они во главу угла вместе с культурой клали и этнос. Совершенно не случайным кажется то, что этот самый этнос является не чем иным, как проекцией буржуазного национализма. И не случайно, что эта современная терминология, как «культура», или «культурный круг», или даже «культурный комплекс», является не чем иным, как заменой старого, весьма потрепанного понятия «расы». Раньше мы имели отчетливую феодальную постановку, когда не церемонились и прямо объясняли все расовыми различиями. В эпоху буржуазной науки «раса» уже звучит чересчур грубо. Здесь нужно что-нибудь преподнести потоньше. С одной стороны, преподносится этнос, с другой стороны, культура. И все же, когда буржуазные ученые начинают анализировать эти понятия, они скатываются к «расе». В области лингвистики мы имеем утверждение Менье[1], что расы не имеют связи с языком, и через три страницы он же говорит: этот факт объясняется расой. Я рекомендую это сделать тем этнологам, которые желают быть последовательными (я не скажу, которые желают быть марксистами, так как только у нас появилась такая разновидность желающих быть марксистами). Советую им понятие «этнос» не отбрасывать.

В последней брошюре Н. Я. Марра[2], написанной в [19]28 г., вопрос стоит так: (зачитывает) <пропуск>

Так что вы видите, что этот самый «гвоздь», «шип» торчит во многих местах не только у талмудистов, но и у такого человека, как Н. Я. Марр, который является даже председателем нашей конференции, председателем организационного бюро. Так что с этим фактом нужно считаться.

Марксистской этнологии мы построить не сможем по той простой причине, что мы не сможем взять «этнос» как понятие статическое, мы берем «этнос» как одну из стадий, или ступеней, в диалектическом развитии производственного коллектива. Мы имеем стадии: доэтническую, этническую, национальную и вненациональную. В существовании этноса Петр Федорович сомневается, но в том, что нация существует, нельзя сомневаться. И все-таки науки о нации нет.

(*л. 158*) Этноса я не отвергаю, но науки об этносе строить нельзя, это будет этнография социологического порядка. Нельзя брать этнос как нечто самостоятельное, изолированное. Мы должны различать вопросы школьного преподавания, вопросы специализации и вопросы научной классификации. Если взять последнее, то нужно исходить из реальных основ. От того, что не будет этнологии, этнос не исчезнет. Если мы откажем этноло-

[1] Видимо, имеется в виду *Мари Луи Гюстав Менье* — французский путешественник, естествоиспытатель, археолог.

[2] Имеется в виду: *Марр Н. Я.* Яфетическая теория. Баку, 1928. 156 с.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

гии в праве на самостоятельное существование, то объекты ее изучения — первобытная, примитивная «высшая» и «низшая» культура — они будут продолжать жить и развиваться в силу обязательных законов развития. Но наличие определенных объектов еще не создает науки. Наши товарищи, выступавшие с докладами о том, как строить марксистскую этнологию, должны были поставить перед собой вопрос о классификации, на какую ступень поставить эту саму этнологию в числе других наук? Есть у нас такие специальные работы? Специальных работ нет, но есть отдельные места, где можно найти сведения по интересующему нас вопросу.

Б. Л. Богаевский с большой боязнью употребил термин «быт». Тут мы наталкиваемся на один очень важный момент: у нас этим термином объединяют очень много явлений, конечно, быт — это не научная формула, но то, что в этом комплексе явлений, именуемом «быт», существует ряд таких явлений, которые могут служить предметом специального научного изучения, — это факт. Если бы вместо того, чтобы взамен или параллельно диалектическому материализму строить еще одну науку, науку о происхождении культуры и законов ее развития, мы бы больше внимания уделяли реальным фактам, то стало бы совершенно ясно, что у нас еще целый ряд конкретных явлений не изучен. У нас получается комплексное изучение изолированных явлений, это не совсем нормально. Каждая наука начинается с того, что дифференцирует материал, выделяет какую-то отдельную сторону: вся наука в целом охватывает комплекс. Это осуществляется коллективной работой миллиардов живших, живущих и имеющих жить человеческих поколений. Такой наукой может заниматься человечество, но (*л. 159*) не отдельный человек.

Все это приводит к заключению, что всякая попытка построить этнологию как марксистскую науку, будет обречена на неудачу. Можно сделать то или иное наукообразное построение, но это будет безответственно, и с большими шипами и винтиками приходится это делать. Даже в рамках буржуазной науки вопросы социологии и этнологии являются такими вопросами, которые предпочитают не затрагивать. Даже там этот вопрос не разрешен, а тем паче это является невозможным при марксистском подходе. Нельзя, например, построить марксистскую хиромантию на основании того, что существует учение о высшей нервной деятельности, которое ставит вопрос о бугорках на руке. Мы можем иметь дело с какой-то модифицированной хиромантией, но мне кажется, что мы тут получим такое смешение, за которое будет больше оснований называть нас хиромантами или шарлатанами, чем учеными-марксистами. (*Аплодисменты.*)

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

(*л. 160*)

День третий
7 апреля 1929 г.
Утреннее заседание

(*л. 161*) ***Председатель***

Разрешите открыть заседание. На повестке дня — прения по докладу тов. Аптекаря. Я просил бы тех, кто желает поставить вопросы, сделать это сейчас.

Бунак

Я должен сказать, что я в значительной части интересуюсь тем, что сказал тов. Аптекарь, но я хотел просить дать несколько разъяснений, в частности о том, что является наиболее практически важным: о его взглядах относительно значения этноса, а также попутно по вопросу о расе. Докладчик указал, что сущность этноса — он привел мнение проф. Яковлева — есть проекция существовавших национально-классовых отношений в прошлом. Относительно рас он сказал, что это есть проекция феодальных отношений. Я не понял: какие отношения, какие проекции, и если и тут, и там проекция, то какая разница? Потом для меня неясно относительно самого понимания им этноса. С одной стороны, он сказал, что ак[адемик] Марр доказал, что этнос не существует, с другой стороны, он сказал, что этнос существует. В конце концов, как же следует понимать это положение? И если ак[адемиком] Марром доказано, по словам докладчика, что этот этнос не существует, то надо ли делать такой вывод, что и расы не существует? Как на этот счет нужно представлять себе мнение тов. Аптекаря?

Следующий вопрос заключается в том, что тов. Аптекарь утверждал, что понятие «культура» в марксистской литературе оценивается именно как «из верхнего этажа» — как надстройка, а не как база, разумея под культурой совокупность известных технических и прочих особенностей. Я не вполне уловил, на какой именно источник, аргумент он ссылался, утверждая это. Было бы желательно точнее этот источник выяснить.

Последний вопрос, который тоже не вполне ясен. Раз этнос

<л. 162 отсутствует>

(*л. 163*)

...Если ответ будет положительным, то в каких взаимоотношениях культура в этом смысле будет находиться с обществом в его представлении?

Председатель

Больше нет вопросов?

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

С места

Разрешите вопрос. Я хотел бы просить, чтобы тов. Аптекарь дал определение этноса в его понимании, потому что для меня это не ясно.

Председатель

Как мы считаем, ответит ли докладчик на вопрос сейчас или в заключительном слове?

Голоса с мест

Просим сейчас.

Председатель

Вам дается для ответа на вопросы 10 минут.

Аптекарь

Мне кажется, что в заданных вопросах в значительной мере отразилось то основное противоречие, которое можно констатировать на данной конференции. Противоречие между метафизическим и диалектическим подходами. Я оставляю пока в стороне другие моменты, связанные с этим. Вот этнос и <нрзб.>. Для этнологов этнос выступает как некая ипостась, а не как историческая категория, потому что они этот этнос находят на всех этапах общественной формации, бывших и имеющихся сейчас. Для марксиста этнос, как и нация и всякая другая категория, является категорией исторической, то есть возникает на определенной ступени, в определенном временном отрезке существует и на определенной стадии исчезает. Поэтому я рассматриваю этнос (может быть, некоторые товарищи это прослушали) как одну из ступеней или одну из стадий в историческом развитии производственного коллектива. Когда я говорил по поводу этноса и указывал, что этнос является проекцией классовых и прочих отношений в современном обществе на прошлое, то я как раз говорил не об этносе в марксистском понимании, а о том понятии этноса, которое употребляют и этнологи-немарксисты.

В чем заключается феодальный метод в науке? Он заключается в понимании расы. Именно в эпоху феодализма вы находите особенно четкое распределение на расы как совершенно чуждые друг другу [единицы?] (*л. 164*), между которыми лежит непреодолимая грань, и эти самые феодальные воззрения вы находите и сейчас в некоторых антропологических теориях. Я думаю, что профессор Бунак это знает не хуже меня. Для нас в каждой науке, особенно общественной, существует отражение классовой идеологии, и когда здесь говорили о развитии этнографии, надо было сказать, что наряду с другими методами существует и этнография феодальная, и этнография типа русского, помещичьего и т.д.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

(*л. 165*) Теперь относительно вопроса, который задал тов. Преображенский, — это о взаимоотношении общества и культуры, и тут же параллельно я дам ответ проф. Бунаку о том, на какой источник я ссылался, рассматривая культуру. Надо сказать, что любой учебник исторического материализма может служить для этого достаточным источником и может дать нужные справки. Вы имеете у Маркса такую формулировку, что общество — совокупность производственных отношений, возникающих между людьми совершенно независимо от объединения их в процессе производства[1]. В понятие общества для марксиста входят следующие элементы, из которых общество само конструируется, — люди и отношения людей, а база общества — отнюдь не общественный базис является определительной силой. Люди выступают в данном случае как категория рабочей силы, и если говорить о культуре, то здесь мешаются и идеи, и вещи, но не люди, люди с марксистской точки зрения в состав культуры не входят. Вот взаимоотношения между обществом и культурой. Я пока отвечаю на вопрос и не могу развить специальной главы исторического материализма о производственных отношениях, могу лишь порекомендовать проф. Бунаку для этого Лебедева "Zur Kritik der politischen Ökonomie"[2].

Последний вопрос — это вопрос по поводу школьной науки и теоретической. Для меня вопрос о построении науки является вопросом теоретическим. В такой плоскости я и беру, а не вопрос о преподавании. Реально в нашей советской трудовой школе 2-й ступени имеется такой предмет, как обществоведение, куда входят все общественные науки, но я не думаю, чтобы можно было говорить о существовании такой науки, как обществоведение в целом. Если речь идет, например, о том, что необходимо наличие людей, которые должны иметь малую энциклопедию, и вы будете как-то называть этих людей, например, этнографами, это не будет правильно. То же самое как при наборе людей в ротную школу, которым ставится целый ряд требований, а именно — чтобы они были со здоровыми легкими и т.д., и только после этого их допускают проходить теоретический курс ротного дела, то же, что и при вступлении во флот подводной лодки, и т.д. Значит, и человек, обладающий такими-то и такими-то конкретными навыками, который (*л. 166*) сможет подойти к отсталым народностям, не будет проявлять колонизаторского чувства. Если так ставить вопрос, то я думаю, что

[1] Возможно, оратор имел в виду именно эти слова Маркса: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные необходимые отношения, независимые от их воли, производственные отношения [Produktionsverhaltnisse], соответствующие определенной стадии развития их материальных производительных сил [Produktivkrafte]. Совокупность этих производственных отношений образует экономическую структуру общества» (*Маркс К.* К критике политической экономии. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 6–7).

[2] Имеется в виду: *Marx K.* Zur Kritik der politischen Ökonomie. Berlin, 1859.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

не будет никакой проблемы. Я ставил вопрос об этнологии как о науке, а не о школьной дисциплине. Наука — это та, которая имеет методы и устанавливает законы, где нет законов — там нет науки.

(*л. 167*) ***Феноменов***

Я во многом вполне согласен с тов. Аптекарем и думаю, что многие из его положений заслуживают самого серьезного внимания. Мне кажется особенно ценным то, что тов. Аптекарь ставил вопросы прямо, четко и, по-видимому, искренне желая разрешить стоящую перед нами проблему. А затем его мужество: в данном случае он вступает в бой без щита и забрала, можно сказать, совершенно обнаженный; поэтому много ядовитых стрел вопьется в его тело во время прений. Я займусь более мирным делом.

Я согласен с первым положением, выдвинутым тов. Аптекарем: брак по любви лучше брака по расчету. Образец брака по любви — союз между яфетической теорией и марксизмом. Здесь обе стороны стихийно тяготеют друг к другу, поэтому их союз заключается вполне естественно и является прочным. Этнология — в лице докладчиков — чужда марксизму, но делает вид, что она без него жить не может. Здесь перед нами попытка заключить брак по расчету. Я не знаю, насколько правильно понял тов. Аптекарь скрытые намерения докладчиков. Может, здесь яду больше, чем истины. Но его основное положение, что из брака по расчету толку не будет, вполне правильно.

Второе положение тов. Аптекаря — то, что докладчики не определили отношения своей науки к другим наукам и особенно к социологии, — это положение надо признать не только правильным, но и неотразимым. Если докладчики будут стоять на той точке зрения, (она особенно ярко выявлена, замечу от себя, у Толстова), что этнография изучает всякие общественные формации и что она, в сущности, покрывает и экономику, и историю, и ряд других наук, мы будем без конца топтаться на одном месте.

Правильно и третье положение тов. Аптекаря, связанное со вторым: стремление возвести этнологию на неподобающее ей высокое место, стремление заменить этнологией социологию, коренящееся, в конце концов, в реакционных течениях буржуазной науки конца XIX и начала XX в., сознательно или бессознательно воспринято докладчиками (особенно тов. Толстовым), что делает довольно безнадежной их попытку создать марксистскую (*л. 168*) этнологию.

Но в одном я не могу согласиться с тов. Аптекарем: нельзя направлять громы и молнии ортодоксальной марксистской критики против этнологии как науки вообще. Следовало эти громы и молнии направить против определенной этнологической школы, именно против культурно-исторической школы (школы Гребнера). Тов. Аптекарь как будто сомневается вообще в том, возможна ли этнология (правда, он делает маленькую уступ-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

ку и говорит, что можно изучать быт, но это сказано мимоходом). Сомнение в праве этнологии на существование в устах марксиста странно. Марксисту следовало бы знать, что этнология, и именно марксистская этнология, существует почти полстолетия. Когда мы здесь говорим о создании марксистской этнологии, мы совершаем не акт «самобытного творчества», а акт «заимствования». Марксистская этнология, — впрочем, лучше бы условиться называть ее этнографией, чтобы тем пресечь самую мысль о смешении ее с социологией, — так вот марксистская этнография получила свое начало тогда, когда появилась книга Моргана «Древнее общество». Маркс и Энгельс признали, что Морган самостоятельно и чисто по-марксистски проработал историю доклассового общества и что он может считаться одним из основоположников теории исторического материализма. (Здесь был, так сказать, брак по любви.) (*л. 169*) Я думаю, что с этим именно содержанием, как историческая наука о доклассовом обществе, этнография и теперь остается одной из подсобных исторических наук, имеет скромное теоретическое, но огромное практическое значение. Культурно-историческая школа мало прибавила к тому пониманию этнографии, которое дано Морганом и его последователями. Культурно-историческая школа вовсе не вдвинула этнографию в число исторических наук. Это сделал Морган (так это всегда и понимается марксистами). Да и самый термин «исторический» основоположники культурно-исторической школы присвоили себе неправильно. Ведь они понимают его так, как понимает этот термин школа Риккерта[1], то есть, с точки зрения марксистов, не научно.

Не могла культурно-историческая школа внести в этнографию исторического метода. Он применен уже Морганом, и притом двояким образом: как способ расчленения данной современной действительности на диалектически связанные между собой ступени (метод переживаний) и в смысле сопоставления территориально обособленных, но этнологически подобных явлений для установления эволюционного ряда (сравнительно-исторический метод).

Единственная заслуга культурно-исторической школы — то, что она разработала и широко применила географический метод в изучении отдельных элементов культуры и их комплексов. Но и здесь дорога проложена Морганом. Уже у него находим не один, а два эволюционных ряда (один — для Америки, другой — для Старого Света) — Кунов в своей новой работе, когда решается сопоставить германцев и инков, идет вспять в до-моргановский период. Однако все же в разработке этого метода куль-

[1] *Риккерт Генрих* (*Heinrich Rickert*) (1863–1936) — немецкий философ-неокантианец. Разрабатывал философию ценностей. Один из основателей Баденской школы неокантианской философии. Феноменов имеет в виду именно эту школу.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

турно-исторической школой сделано много, и этот метод должен в марксистскую методологию — Mutatis mutandis[1] — войти.

Итак, этнография есть подсобная наука, изучающая историю доклассового общества, используя для этого материал современного быта. Но она изучает быт динамически, то есть изучает и его изменения при переходе доклассового общества в высшие общественные формации. У нас практическое значение этнографии огромно, так как еще очень многие социальные и этнические группы стоят на ступени доклассового общества или на переходной ступени. Но практически этнограф работает вместе с другими специалистами, комплексным методом. Иначе он работать не может. С этнографом-империалистом надо поко[нчить].

(*л. 170*) ***Крейнович***

Я слышал, товарищи, три характерных выступления. Начну с выступления проф. Богаевского, который выдвинул вопрос о том, что нам надо поставить какие-то границы между терминами «этнология» и «этнография». Я не буду спорить относительно этого, надо же дать в конце концов работу людям, пусть они занимаются спором на словах.

Затем выступление тов. Аптекаря, которое сводилось к тому, что понятие «этнос» существует, но это понятие обосновать материалистически, по-марксистски мы не сможем, и поэтому построить на основе материалистического понимания истории этнографию мы не сможем.

Голос с места

Вы поняли меня неправильно.

Крейнович

Я извиняюсь, если понял Вас не так.

Сейчас я хочу остановиться на выступлении тов. Преображенского. Несмотря на то что профессор Преображенский — этнолог, является чрезвычайно странным, что в течение 5 минут я не слышал ни одного слова об этнологии, хотя его доклад и назывался «Этнология и ее методы». Этнологию он определяет как отрезок исторической науки. Задача этнологии сводится к тому, чтобы совместно с целым рядом социологических наук в будущем построить единую картину развития человечества. Я хотел бы сказать, что нельзя смешивать перспективные задачи всех социологических наук с конкретными задачами данного момента. Политическую экономию нельзя называть наукой. Вы выдвигали, что исходным пунктом этнографического анализа должно быть изучение хозяйственно технического ареала. Я должен сказать, что мне абсолютно неизвестно, что это такое и каковы способы изучения хозяйственно-технического

[1] «С изменениями, с оговорками» (лат.).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

ареала. В связи с этим хочу дать определение этнографии, а именно: этнография есть наука о культуре тех народов земного шара, которые в процессе культурно-исторического развития не достигли капиталистической формы хозяйства и общества.

(*л. 171*) <...> Этнография есть наука о культурном мышлении тех народов земного шара, которые в процессе культурно-исторического развития не достигли капиталистической формы хозяйства и строительства, а также о пережитках, бытующих в среде народов современных капиталистических государств, доставшихся в наследие от прежней социальной формации. Можно задать вопрос: а африканский народ, например, подлежит нашему изучению? Конечно, мы — этнологи — и это будем изучать. Я подчеркнул, что этнография изучает пережитки, бытующие среди народов современных капиталистических государств. Возьмем СССР: до Октяб[рьской] революции проживала огромная масса народов, тех самых крестьян, которые в процессе своего экономического развития достигли капиталистических форм хозяйства, — будут ли они подлежать нашему изучению? Конечно, это будет относиться к народам, пребывающим в состоянии торгового капитала.

Теперь такая вещь. Я работал два года среди гиляков и хотел на основании своей практической работы выдвинуть такое положение: что нужно брать за исходный пункт этнографического анализа? Если бы тов. Преображенский дал определение, каким образом мы можем установить хозяйственно-технический ареал, я мог бы спорить с ним, я мог бы выдвинуть другую точку зрения; я тут возражать не буду, потому что мне непонятно, как он будет определять ареал, например, в Амурском районе; жители там занимаются рыболовством; там есть река Амур, — этим Вы будете определять? Или по-другому? Я считаю, что за исходный пункт надо брать конкретные факты, народы, этнос.

Мы, практические полевые этнографы, подкованные практическими знаниями, приезжаем в определенное место заниматься изучением определенного народа. Что мы должны здесь изучать? Мы должны изучать социально-экономические формации данного народа. До сих пор было такое положение, что очень многие этнографы шли по линии наименьшего сопротивления: они приезжали в определенный район и собирали материал; скоплялось огромное количество материала, относящегося к материальной культуре, к религиозной культуре, устанавливаются кое-какие связи, устанавливается идентичность. Я бы назвал это изучением в вертикальном разрезе. Я считаю, что от этой стадии этнографического (*л. 172*) изучения, когда изучаются разные стороны культуры вне связи с другими сторонами культуры, надо отказываться; получается много элементов, которые не связаны между собой. Например, поехал ученый к остякам и дал описание одежды; другой дал описание религии; теперь попробуйте все эти отдельные элементы увязать, сцепить, дать комплекс; ничего не получается...

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

(*л. 173*) Фактически получается то, что говорит академик Марр. Он говорит, что у нас создалось такое положение, что имеется много ученых, которые повторяют зады отдельных книжек и по ним пытаются составить теорию. При повторении задов этих книжек у них получается отрыв научной теории от действительных вещей, вещей-слов, вещей-предметов. И показать сцепление их становится уже невозможным. Я могу закончить вот чем. Что изучение этнографии должно начинаться с конкретной народности. Мы должны начинать с изучения экономической формации данной народности. Географическая среда ясна. На ее фоне мы изучаем хозяйство, изучаем разделение труда, создавшееся на основе этого хозяйства, социальную организацию этого общества и изучаем отражение хозяйственных и социальных форм на религиозно-духовной культуре данной народности. Изучая народность таким путем, мы получаем необходимый охват, характеризующий циклы хозяйственных явлений, и сможем в действительной жизни установить взаимоотношения между целым рядом сторон, баз и надстроек.

Председатель
Ваше время истекло. У нас записалось еще много желающих.

Крейнович
Разрешите одну минуту.

Голоса [из зала]
Просим.

Крейнович
Дальнейшим пунктом нашего анализа является выяснение всего комплекса культурной среды данной народности, создавшей определенный уклад экономической жизни. Мы увидим, что имеется много сторон культуры, не объясняющихся данным укладом хозяйственной жизни. Что это такое? Это пережитки, которые имеются не только в капиталистической среде, но и среди низкокультурных народов. Они не объясняются ступенью хозяйственно-экономического развития.

Затем вы будете иметь <нрзб.> ряд элементов культуры заимствованных. Вы не сможете выяснить данную хозяйственно-экономическую формацию, и тут, я считаю, изучение должно пойти по пути изучения групп, окружающих данную народность, откуда могли произойти те или иные заимствования. Таким образом вы сможете установить хозяйственно-технический ареал. Теперь я считаю вот…

Председатель
Довольно.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Голоса [из зала]

Не по существу… Докладчик говорит не по существу.

(*л. 174*) ***Прокофьев***

Я не буду здесь говорить о методологических вопросах, но хочу лишь ответить тов. Аптекарю на его выступление по моему адресу. Когда я говорил относительно религии, то я говорил исключительно об антирелигиозной пропаганде, но не о приемлемости или неприемлемости той или иной религии. Я подтвердил высказанный тов. Толстовым взгляд о том, что действительно те методы антирелигиозной пропаганды, которые мы употребляем здесь, на другой платформе, в частности на платформе наших отсталых народностей, совершенно не приемлемы. Там должны быть какие-то другие выработанные методы, совершенно специфические для той среды. Я указывал на то, что даже лозунг «Религия — дурман для народа» должен быть как-то изменен на той платформе. Но я отнюдь не собираюсь говорить о том, что там нельзя вести антирелигиозную пропаганду, и если тов. Аптекарь говорит, что для нас одинаково неприемлемы «свежая» и «тухлая» религия, то я совершенно не знаю, откуда он взял эти термины. Я взял лишь момент, когда религия употребляется как эксплуатация.

(*л. 175*) ***Маторин***

Товарищи, прежде всего я хотел сделать несколько замечаний вводного характера. Может быть, для противников исторического материализма доставило или могло доставить некоторое удовольствие, что на этой трибуне дерутся между собой марксисты, что вот насколько марксизм — такая неразработанная вещь, что они сами не могут между собой столковаться. Я хотел разочаровать сторонников такой школы, которые, может быть, и не представлены на этой конференции, но которые где-нибудь в социальной атмосфере имеются в виде таких микроорганизмов. Я думаю, что есть целый ряд вопросов принципиального характера, с которыми мы все с тов. Аптекарем совершенно согласны; но есть ряд конкретных вопросов в отношении той науки, в которой мы все работаем, ради которой мы собрались здесь, и тут с точки зрения приложения марксистского метода к этим вопросам у нас есть, действительно, расхождение. Мы должны выработать такой модус и в результате практической работы должны прийти к определенным положительным выводам.

Нужно сказать, что я с большим вниманием, с самым искренним товарищеским вниманием слушал, что говорил тов. Аптекарь, но у меня создалось впечатление такое же, как у М. Н. Лядова, что «обещал большое кровопролитие, а чижика съел». Дело в том, что тов. Аптекарь берет на себя монополию знания марксистского метода. Он говорит, что, мол, у него

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

есть два утверждения; по-моему, это есть кватернис терминорум[1]: с одной стороны, у него этнология сводится к социологии, а с другой стороны, этнологии совершенно не существует. Как это увязать? Такая постановка вопроса обязывает определить отношение этнографии или этнологии к истории. Я стою на той точке зрения, что есть на свете одна наука — история, которая имеет два основных раздела: историю народов и историю общества. Если подходить с такой точки зрения, то, конечно, этнология есть как часть исторической (*л. 176*) науки, как часть науки о человеческом обществе. В такой постановке вопроса я согласен с тем, что говорил Петр Федорович в первом докладе. Метод этнографии и этнологии — в данном случае спор о словах несущественен — в основе тот же, что у всех общественных наук; но, конечно, в каждой науке есть свои специфические научные методы: одни — у археологов, другие — у фольклористов и этнографов. В этом смысле этнография имеет свои специфические методы, но вытекающие из общего материалистического подхода к общественным явлениям.

Тов. Аптекарь нападает на самое понятие культуры и говорит, что мы должны признать приоритет общества над культурой. Я думаю, мы можем говорить только о культуре человеческой, о культуре, присущей только общественному человеку. Но что вкладывается в эту культуру? Конечно, буржуазная наука может в это понятие вложить все что угодно; но разве наша марксистская наука этого термина не употребляет? Мы имеем его у Лафарга[2], у Покровского в его «Очерках по истории русской культуры»[3]. После этого страшно будет говорить «да» и «нет», потому что эти слова тоже говорятся буржуазными учеными. Я слова «диалектик» вовсе не боюсь; я даже привел конкретный пример, где это слово употребляют и не боятся. Затем в отношении диалектического подхода я как раз этот пример и приводил. По-моему, метод исторического материализма есть метод диалектического материализма в применении к общественным процессам. Я не знаю, какую Америку открыл тов. Аптекарь.

Далее тов. Аптекарь говорил в отношении социально-экономической формации. Это тоже понятие, которое дано и Марксом, и Лениным.

---

[1] Лат. *quaternio terminorum* (досл. «учетверение терминов») — логическая ошибка в простом категорическом силлогизме, обусловленная нарушением правила, гласящего, что в силлогизме должно быть только три термина. Ошибка состоит в том, что в силлогизм включают четыре термина. Обычно это происходит благодаря тому, что слово, играющее роль среднего термина, в одной посылке выражает одно понятие, а в другой посылке — иное понятие. Пример: «Все металлы — элементы, латунь — металл, следовательно, латунь — элемент».

[2] *Лафарг Поль* (*Paul Lafargue*) (1842–1911) — французский экономист и политический деятель, теоретик марксизма. Зять Карла Маркса, муж его дочери Лауры.

[3] *Покровский М. Н.* Очерк истории русской культуры. М., 1915–1918. Ч. 1–2.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Докладчик указывает, что марксизм в докладе моем и докладе тов. <пропуск> является средством укрепления уже готового здания. Извините, нет: Вы подходили к этому зданию, Вы ходили вокруг здания этнографии, а внутрь не пытались войти ни разу, а мы давали конкретные примеры. Я приведу еще один пример, который показывает, что ко всем этнографическим (*л. 177*) явлениям может быть подход марксистский и диалектический. У марийцев существует секта Куму-Сарта[1], которая живет в условиях абсолютного натурального хозяйства, не принимает фабричных изделий, кроме чугуна и стекла, не употребляют мыла, керосина; сеют картофель, не сеют льна, потому что лен поздно появился и семена его тонут в воде; они не признают спичек, а для целей хозяйственных пользуются первобытным способом добывания огня. Представьте себе, что эта секта существует; мы имеем ее этнографическое описание, но, к сожалению, это описание грешит отсутствием выводов. А когда мы делаем выводы, то видим, что перед нами секта, выросшая в условиях натурального хозяйства в таких уголках, куда не достигает влияние города, где слабо классическое расслоение деревни, — перед нами глубоко отсталая, реакционная секта. Я не знаю, будет ли мое объяснение марксистским. Теперь очень затруднительно говорить с тов. Аптекарем: он сразу скажет: «Ты — ползучий эмпирист». А я думаю, что научный работник, если он марксист, он берет конкретное явление и объясняет его с точки зрения марксистского метода.

Своей придирчивостью тов. Аптекарь, действительно, заслуживает название талмудиста. Я не хотел бы солидаризировать с механистами, которые по другим поводам называют деборинскую школу талмудистами. Я напомню только одно тов. Аптекарю, что как раз Деборин[2] упрекал Тимирязева-сына[3] в том, что он мало занимается физикой, а занимается отвлеченными вопросами. Позвольте, как можно так передергивать? С одной стороны, упрекать физика, материалиста, диалектика в том, что он своей наукой мало занимается, с другой стороны, перед Вами выступают этнологи, которые пытаются к конкретным явлениям применить конкретный метод исторического материализма, но Вы ни словечка не возражаете по конкретному вопросу, а, как говорят, «лупите мимо Сидора в стенку». Простите, так нельзя.

---

[1] Имеется в виду Кугу-сорта (Чи-мари) — религиозное движение среди марийцев, возникшее в 70-х годах XIX в. в среде крещеных марийцев Яранского уезда Вятской губернии.

[2] *Деборин Абрам Моисеевич* (Иоффе, 1881–1963) — советский философ-марксист, один из создателей Института философии АН СССР. Профессор (1935), академик АН СССР (1929).

[3] Имеется в виду Тимирязев Аркадий Климентьевич (1880–1955) — советский физик, приемный сын биолога К. А. Тимирязева. Известен своим отрицанием теории относительности и квантовой механики. Маторин в этом споре приводит имя Тимирязева, имея в виду, что тот являлся одним из лидеров философского фронта «механистов» в советской науке.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Я хотел сказать несколько слов относительно понятия «этнос». Я согласен с тов. Аптекарем, когда он сказал, что мы, марксисты, должны понимать его диалектически, как понятие (*л. 178*) преходящее, как все категории буржуазные, но дело в том, что это понятие преходящее, — я с этим согласен, — но оно приходит очень медленно; если бы не пришлось изучать эти этнические особенности, то не было бы и национального вопроса в СССР. Наши учителя-марксисты говорили, что практикой мы должны проверить истинность своего мышления.

Теперь относительно теории Н. Я. Марра. Вопрос о теории Марра здесь у нас не ставился, но я лично думаю, что он должен на этнографическом съезде стать. Вопрос о теории Н. Я. Марра имеет прямое отношение к целой группе общественных наук, потому что в лице яфетической теории лингвистика вышла за свои собственные пределы и должна была соприкоснуться с материалами других общественных наук. Для истории нашей страны, для скифской и средиземноморской проблемы — для всех этих вопросов яфетическая теория имеет колоссальное значение, и я думаю, этнографы должны заняться ею по существу. Может быть, яфетическая теория является такой теорией, которая опровергает конкретное исследование? Наоборот, яфетическая теория ставит его на новые рельсы; она облегчает нам изучение движения, изменения отдельных культурных институтов, отдельных черт, присущих быту или другому народу.

Относительно понятия «быт». Я соглашусь с М. Н. Покровским, что понятие «быт» не научное; между тем это понятие употребляется до настоящего времени. Если возьмем старые работы, то там, как, например, у Лафарга, понятие «быт» тоже употребляется. Я думаю, что наша задача — не спорить о словах, а попытаться определить, есть ли быт. Быт есть — это факт, от которого не уйдешь. Быт есть факт, который в истории разных народов имеет особые черты. Что нужно положить как основу в деле изучения этого быта? Нужно начинать с отношений производства и распределения, которые существуют в данной формации. Есть вид надстроенных категорий, которые мы должны изучить. Я думаю, что против понятия «быт» нам возражать не приходится.

(*л. 179*) Можем ли мы сузить понятие этнографии? Да, я думаю, что можно сузить по тем объектам изучения, которые являются до сих пор преимущественными объектами изучения. Мы можем сузить до тех пределов, которые были выведены тов. Крейновичем; мы пока в этих пределах и работаем. Но это не значит, что мы должны отречься от изучения других групп, но основное заключается в изучении быта народов, не стоящих еще на капиталистической ступени развития и, может быть, никогда не дойдущих благодаря тому, что они очутились в Социалистическом Советском Союзе. С другой стороны, сюда входит изучение пережитков в нашем быту.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Я хотел в заключение — тов. Аптекарь был недоволен сравнением с Лассалем — сделать другое сравнение. Перенеситесь в XVIII в.: у Сумарокова есть интересная комедия под названием «Тресотиниус»[1]. «Что за дело имеете Вы, государь мой?» (*Аплодисменты.*)

Поэтому я думаю, что, несмотря на Ваш громкий доклад, тов. Аптекарь, — не по сущности, а по намерению, — этнографам, и материалистам, и диалектикам, предстоит еще большое поле деятельности.

(*л. 180*) ***Ильин***[2]

Товарищи, второй год носит тов. Аптекарь имя антиэтнолога: в прошлом году — в Москве, ныне — в Ленинграде, вот на данном заседании. Некоторые склонны видеть в нем один «аптекаризм», но я думаю, что его точка зрения близка к точке зрения академика Марра, поставившего на очередь вопрос о переделке этнографии. Если сравнить прошлогоднее выступление тов. Аптекаря в Комакадемии с нынешним, то наше впечатление от сегодняшнего его доклада несколько иное, чем в прошлом году. В самом деле, какие основные выводы вытекают из доклада тов. Аптекаря? Эти выводы заключаются: а) в необходимости сопоставления этнологии с социологией; б) в примате общества над культурой; в) в немыслимости этнологии без этноса, что, в свою очередь, не противоречит признанию тов. Аптекарем за этносом объективной реальности; г) в стадиальном состоянии этнологии как социально-экономической формации; д) в попытках предоставления этнологии места в классификации наук; е) в методе этнологии, на что до сих пор обращалось мало внимания.

Многие товарищи, выступавшие по данному докладу, эти принципиальны выводы тов. Аптекаря признали верными, тогда как в прошлом году сторонников у него было мало. Из этого [следует] более правильная позиция тов. Аптекаря по сравнению с прошлым годом.

Что касается предыдущих докладов, то в таковых проскальзывают следующие недостатки: а) тенденция к этнографизации исторической науки или, вернее, примат этнографии над историей; б) раздвижение истории до пределов земного шара зависит будто бы от этнологии, но такая исключительная роль ее весьма сомнительна; в) структура СССР в практическом докладе исходила будто бы только из этнических элементов, между тем если вспомнить историю возникновения СССР, то главными причинами такового были хозяйственно-экономические предпосылки. Например, районирование происходит не по этническим, а по экономическим признакам края; г) этнологию признавали полностью или частично историей.

---

[1] Комедия А. П. Сумарокова «Тресотиниус» (1750), в которой высмеивались педантизм и псевдоученость главного героя.

[2] Установить личность не удалось.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Историческое развитие этнологии пережило стадии: любительскую, естественно-историческую (антропологическая), историческую. А на настоящей конференции некоторыми товарищами этнология определялась (*л. 181*) как наука по изучению докапиталистического состояния народностей.

Все это, вместе взятое, говорит, опять-таки, о более верной методологической постановке проблематики в докладе тов. Аптекаря. Правда, как и во всякой работе, имеются ошибки и заслуги и в докладе тов. Аптекаря, но ошибки его по сравнению с ошибками прежних докладов менее значительны.

В заключение следует в виде справки сказать тов. Феноменову, что не всякое копьеметание против тов. Аптекаря может быть сильным. Мечут копья и против яфетической теории Н. Марра, но это не мешает ей приблизиться к марксизму. Некоторые из таких копьеметателей не постеснялись демонстративно покинуть зал заседания при обсуждении яфетической теории в Комакадемии в нынешнем году. Но все это, повторяю, доказывает незыблемость марксистско-яфетической теории языкознания.

Далее тов. Маторину нужно сказать о том, что тов. Аптекарь ни в какой мере не высказывался против изучения конкретного этнографического материала, так что обвинение в этом здесь не имеет под собой никаких оснований.

К сожалению, за ограниченностью времени я не успел резюмировать все сказанное здесь по докладу тов. Аптекаря, в котором в основном, за исключением некоторых ошибок, высказаны правильные взгляды в отношении марксистского метода в этнографии.

(*л. 182*) ***Преображенский***

Тов. Аптекарь требовал, чтобы каждый из докладчиков твердо определил все понятия, с которыми он оперирует. Мне думается, в этом смысле тов. Аптекарь сам себе удружил, а именно — смазал это понятие культуры и сказал в свою пользу. Когда мной задан был вопрос о том, что он понимает, вкладывает в понятие культуры, он на это ответил так, что мы, мол, сами смешиваем школьную научную дисциплину с наукой, таким образом, ввел еще новое понятие — «школьная дисциплина». Здесь уже достаточно говорилось о том, что социология сама по себе оперирует своим специфическим материалом, так что ее можно рассматривать как школьную дисциплину, когда границы школьной дисциплины и науки вообще меняются. Думается, это надо объяснить. С нашей точки зрения, культура является конкретным выражением оформления социально-производительных сил, отношений, сюда входят и орудия, и средства труда, и социология с материалом хозяйственно-экономической формации в различных ее видоизменениях. Модификацией может быть тот пространственно-временной комплекс, который был принят в терминологии. Но это не значило бы обобщить разнообразие всего этого развития и возникновение видоизме-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

нений. Выражение родового быта одной по существу формации не одно и то же на различных точках земного шара. Понимать так, как тов. Аптекарь, — значит, превратить марксистскую теорию в догму, в талмуд. Вывод отсюда, мне кажется, совершенно ясен. Затем мы имели несколько вопросов, и в докладе тоже были очерчены вопросы, связанные с понятием «этнос». Можно ли отрывать этот культурный комплекс от различных пространственных изменений понятия этнической группы. С нашей точки зрения, нельзя. Ведь этническое единство является существенным моментом, и Н. Я. Марр говорил об этносе как о классе; он, возможно, применял неопределенные термины, но в этом может быть зерно истины. Мы знаем, что этнос выступает иногда как класс. Мы можем говорить о выявлении (*л. 183*) компонента гибридных культур. Является ли это двигателем истории и есть ли особенности, которые оперируют только социологией. Да, с нашей точки зрения, имеются эти особенности. Тут товарищ говорил о каком-то браке по любви и по расчету. Я думаю, что у нас есть и брак по расчету. Это есть основное требование всякой методологии, и не надо в этом отношении закрывать глаза на то, что мы понимаем методологию не только по любви, но и из чисто практического интереса.

(*л. 184*) ***Токарев***[1]

Говоря по докладу тов. Аптекаря, я буду иметь в виду отчасти доклады предшествовавшие. Основной тезис тов. Аптекаря гласит, что марксистская этнология существовать не может; создать такую науку нельзя и именно потому, что марксистская методология не применима к тем принципам, на которых строится в настоящее время этнология как наука. Нужно ли понимать это утверждение тов. Аптекаря так, что он отрицает существование тех предметов, тех объектов, с которыми этнология имеет дело, или он отрицает применение в их изучении марксистского метода. Тов. Аптекарь хотел сказать, что этнология как особая наука не имеет права на существование или, по крайней мере, что марксистская методология к ней как к особой науке не может быть применена. Прав ли он? Какие аргументы приводились им? Мне кажется, что большая часть доклада была посвящена такой мысли, которая, в сущности, не является аргументом в пользу этой основной идеи; но мне кажется, что мне удалось установить два основных мотива. Во-первых, он говорит, что этнология основывает все свое построение на утверждении о примате культуры над обществом; культура как нечто первичное, к чему все сводится. Этот аргумент, мне кажется, бьет по адресу

[1] *Токарев Сергей Александрович* (1899–1985) — советский этнограф. Доктор исторических наук, профессор, в 1956–1973 гг. — заведующий кафедрой этнографии МГУ, заслуженный деятель науки Якутской АССР (1956) и заслуженный деятель науки РСФСР (1971). Автор книг по этнографии славян, общим проблемам этнографии, а также истории этнографии досоветского периода и зарубежной этнографии.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

некоторых этнологов, но не этнологов вообще. Мало ли вообще существует таких течений, в частности марксистская этнология, которые не стоят на этой точке зрения, а утверждают вместе с тов. Аптекарем, что культура есть продукт общественного развития, а общественные отношения являются основными моментами. Многие этнологи употребляют весьма расширенное понимание термина «культура», говоря о социальной культуре, вместо того чтобы говорить об общественных отношениях, социальной структуре или социальном строе. Конечно, спорить о словах не имеет особого смысла, но если мы употребляем термин «социальная культура», то мы расширяем понятие «культура» до такой степени, что оно включает в себя все; линия общественного базиса (*л. 185*) ставит эту культуру голыми ногами на географическую среду, из которой она непосредственно возникает. Такова точка зрения Богораза. От этой точки зрения этнологам надо отказываться, тогда выпадет одно из оружий тов. Аптекаря.

Другое утверждение тов. Аптекаря о том, что этнология ставит на место изучения общественных формаций изучение культурного ареала. Я думаю, что тов. Аптекарь не прав: понятие культурного ареала не заменяет собой понятия общественной формации, потому что это две вещи разные. Общественные формации — это такие общественные структуры, и их мы насчитываем не больше десятка: первобытное общество, феодальное, капиталистическое, социалистическое; тогда как культурных кругов, этнических районов существует большое количество, потому что культурный ареал — понятие индивидуальное, относящееся к определенному индивидуальному факту.

Таким образом, оба аргумента тов. Аптекаря не являются, по-моему, принципиальным возражением против существования этнологии как науки. Тем не менее я позволю себе высказать мнение, что в суждениях тов. Аптекаря заключена известная доля истины, но ее надо было бы формулировать иначе.

Что такое этнология? Товарищи, выступавшие здесь, давали каждый свое определение; еще большее количество определений осталось невысказанным. Я думаю, что в статье проф. Кагарова[1] перечислена одна деся-

[1] *Кагаров Евгений Георгиевич* (1882–1942) — советский историк и этнограф. В 1920–1925 гг. — ординарный профессор Харьковского университета; в 1919–1925 гг. — действительный член Этнографической комиссии при Всеукраинской АН, действительный член Всеукраинской научной ассоциации востоковедения; в 1925–1931 гг. — профессор этнографического отделения географического факультета ЛГУ; в 1931–1937 гг. — ЛИФЛИ; в 1937–1941 гг. — профессор филологического факультета ЛГУ; в 1926–1933 гг. — научный сотрудник, руководитель отделения эволюции и типологии культуры МАЭ; в 1933–1941 гг. — старший научный сотрудник, заведующий кабинетом Европы и Кавказа ИЭ; в 1932–1937 гг. — старший научный сотрудник ИИМК; в 1934–1936 гг. — профессор кафедры северных языков ЛГПИ им А. И. Герцена; в 1939–1942 гг. — профессор кафедры всеобщей истории Педагогического института им. М. Н. Покровского.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

тая доля определений. Я не беру на себя задачу давать такое определение, мало того, я думаю, что в теперешнем состоянии этнологии даже нет возможности определить. Из дававшихся здесь определений я возьму те, которые приводят скорее к цели, именно понимание, данное в докладе П[етра] Ф[едоровича] Преображенского и разделенное Толстовым. Он утверждает, что этнология есть та же история, что в ней нет принципиального отличия от истории, — я совершенно согласен, но нужно уточнить: есть ли этнология та же история, совпадает ли этнология с историей? Этнология есть часть истории (*л. 186*), но какая часть? Как отграничивается эта связь? Здесь мне не удалось добиться четкого ответа. Утверждают, что этнология имеет дело со специфическим материалом, в частности с тем, который лишен письменных источников; этнология имеет дело с живыми пережитками и пользуется поэтому методом ретроспективного анализа. Этот метод является господствующим, но не единственным. Если возьмете капитальное руководство Бернгейма[1], то в числе исторических источников найдете: письменные памятники, материальные памятники, изустные предания, живые пережитки. История пользуется этими методами, так, например, история Англии пользовалась преимущественно этими видами источников. С другой стороны, многие народы мы можем изучать только по письменным памятникам; в таком изучении мы не видим никакой разницы с чисто историческим изучением. Напомню о работе Риверса, который писал историю полинезийского общества. Одним словом, ни принципиально, ни практически этнология не отличается от истории. Разделению на историю и на этнологию соответствует разделение на народы, имеющие письменность, и на народы, не имеющие письменности. Kultur Volker und Natur Volker. Это разделение в настоящее время покидается даже буржуазными историками; нам придерживаться его нет никакой возможности не только теоретически, но и практически. Мы живем в такую эпоху, когда народы, до сих пор не имеющие письменности, получают ее; народы, не имевшие истории, начинают ее иметь. Этот процесс совершается на наших глазах на территории одной шестой земного шара. Не далеко то время, когда этот процесс захватит весь земной шар. Тогда не будет основания выделять этнологию как отдельную науку для народов, не имеющих истории; этнология сольется с историей, не будет оснований для самостоятельного ее существования, как особой науки и — это в идеале — этнология сделается полной исторической наукой. Когда это будет, не будет особого названия, а будет американистика (*л. 187*), африканистика, австралистика и т.п.

[1] *Бернгейм* (*Бернхейм*) *Эрнст* (*Ernst Bernheim*) (1950–1942) — немецкий историк, источниковед, методолог истории. Здесь имеется в виду его книга: *Бернхейм Э.* Введение в историческую науку. М., 1911.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Тов. Аптекарь не прав, что эту этнологию нужно упразднить сегодня; этнология, как и всякая наука, декретами не упраздняется. В настоящее время перед нею стоят известные проблемы; она существует и будет существовать впредь до того времени, когда исчезнут условия для ее существования как отдельной науки. Процесс развития науки соответствует известным общественным переменам: когда все народы фактически станут народами, имеющими свою настоящую историю, тогда исчезнет и основание для существования этнологии как отдельной науки.

(*л. 188*) ***Толстов***

Бывают недоразумения всякого рода. Мне кажется, что одним из недоразумений можно считать и доклад тов. Аптекаря на нашей конференции. Это утверждение не является голословным, потому что прежде всего тов. Аптекарь почти ничего не сказал в своем докладе. А то, что он сказал, имеет не научное значение, не имеет характера определенных научных положений, а объясняется чисто психологическими свойствами самого же тов. Аптекаря. Тов. Аптекарь, собираясь на конференцию, позвольте мне сделать такое предположение, заранее знал, что Преображенский, Толстов, Маторин выступят с немарксистскими, может быть, даже антимарксистскими докладами. Тов. Аптекарю нужно было это доказать. Он заранее знал, что марксистской этнологии нет и быть не может, и поэтому всякая такая попытка является заранее немарксистской и антимарксистской попыткой. И действительно, если мы посмотрим на весь доклад тов. Аптекаря, то увидим, что весь доклад построен на одном материале: это материал наших докладов, заслушанных им в первые дни конференции. Тов. Аптекарь, может быть, и очень основательно стремился к тому, чтобы его доклад был отложен на конец конференции. Тогда было бы больше материалов, чтобы строить свой доклад. Когда тов. Аптекарь сюда ехал, у него не было почти никакого материала, кроме убеждения, что этнология не может быть наукой и особенно марксистской наукой. Отсюда все качества самого доклада и всей дискуссии. Любопытно, что если взять все основное содержание доклада, отбросив предисловие, которое заняло 55 минут, то оно, за исключением формулировок, которые вряд ли можно признать приемлемыми, собственно есть попытка с чрезвычайно большим шумом, с большой сенсацией ломиться в открытую дверь. В самом деле, разнятся утверждения, скажем, мои по докладу тов. Преображенского, доклад Преображенского, вводные части докладов моего и Маторина? В чем разница? Разницы нет. Есть разница в выводах, а само содержание, сами методы, на которых эти выводы зиждутся, они одни и те же. Мы сами говорим, что этнология как отдельная наука не может существовать. Мы рассматриваем ее как историческую дисциплину, обладающую своей технической методологией, некоторой своей методикой, некоторыми частными методами анализа своего материала. Общий

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

метод, конечно, один и тот же. Мы не претендуем на то, на что претендуют многие (*л. 189*) этнологи. У тов. Аптекаря была предвзятая мысль, что нельзя быть этнологом и марксистом. И это он постарался доказать. Но из его доказательств, собственно, ничего не остается. Он упрекал Маторина в том, что он неумеренно пользуется цитатами, а сам он страдает этим в большей степени. Затем он читал отрывок из Марра. Если Марр протестует против филистерской научной односторонности, то я не думаю, чтобы Марр был сторонником научного нахальства, потому что нахальство не может быть научным. Так что весь доклад тов. Аптекаря был полемикой, попыткой с негодными средствами доказать, что мы не являемся марксистами или не знаем Маркса. Этот менторский тон преподавателя истмата[1] казался мне неуместным, и мне казалось, что нужно было бы доказать, что наши утверждения являются антимарксистскими, а не говорить, что Толстов, пользуясь терминами, принятыми в марксистской социологии, которыми в такой же степени пользовался тов. Аптекарь или Маторин, который пользовался цитатами, как тов. Аптекарь, являются немарксистами, потому что они применяют эти методы, которые достаточно приняты в марксистских кругах. В этом корень зла, и отсюда все качества.

В самом деле, если мы посмотрим на доклад тов. Аптекаря, то увидим, что здесь есть целый ряд немарксистских и просто безграмотных мест. Например, что этнология может быть противопоставлена истмату. Но мне кажется, что если тов. Аптекарь посмотрит, чем мы занимаемся, над чем работаем и будем работать, то он никак не сможет сказать, что мы занимаемся истматом и что этим не следует заниматься. Потому что это не есть социология, и нельзя разграничить резко этнологию и социологию. Разграничение с историей — это другое дело. Это вопрос серьезный. И вполне логично, что именно на этом вопросе и был сосредоточен максимум выступлений.

Тов. Аптекарь выбрал себе действительно неблагодарную задачу. Потому что ломиться в открытую дверь вообще смешно. А это он делал в течение длительного периода, придавая этим несерьезный, немарксистский характер всему нашему обсуждению, а придавая ему характер схоластики, талмудизма. И если взять в конечном итоге корень вещей, (*л. 190*) то все сводится к очень простой вещи. Конечно, тов. Преображенский, и Маторин, и я во многом ошибаемся. Конечно, в наших собственных работах и докладах можно найти такие ошибки, которые мы сами признаем, если нам докажут их ошибочность. А тов. Аптекарь не имеет способности ошибаться. Уже давно было сказано, что тот не ошибается, кто ничего не делает. Здесь мы все работаем в деле строения марксистской этнологии, и мы ее построим вопреки вам и многим другим ультралевым и ультраправым. А тов. Аптекарь ничего не делает и поэтому, конечно, ни в чем не ошибается.

[1] Сокращение, образованное от «исторического материализма».

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Маркелов

(*л. 191*) Совершенно не случайно, товарищи, что все выступавшие меньше всего говорят по докладу тов. Аптекаря, именно потому, что воевать-то здесь приходится с ветряными мельницами. Ведь точка зрения тов. Аптекаря очень и очень проста. Этнология, говорит он, собирается просто дублировать социологию, она не дублирует сейчас, но собирается, поскольку выходит из чисто описательных рамок. Описательной науки тов. Аптекарь никакой не признает, отсюда вывод, что этнология не должна иметь место среди научных дисциплин. Это является вполне логичным с точки зрения формальной логики, но не с точки зрения диалектика, марксиста, каким считает себя тов. Аптекарь. Нужно все же учесть те количественные изменения и количественные накопления, которые не делятся без остатка на социологию в той отрасли, которую мы называем этнологией. Этого вы никогда не отнимете от этнологии, кроме того, я считаю, было бы более логично, если бы вы ваше положение распространили на другие науки, как, например, на историю. История — не описательная наука, она изучает конкретные проявления социологических законов или законов диалектического материализма, но изучает недаром. Какие могут быть выводы — что история не нужна, а вам надо сделать этот вывод, но опасность не в этом. Мне кажется, что тов. Аптекарь пошел с точки зрения ползучего, если хотите, эмпиризма, с точки зрения того, что сделано и делается в этой области. В самом деле национальная политика ведет жизнь к культурному строительству этнических групп и т.д., а тов. Аптекарь ведет в своих утверждениях к мракобесию, совершенно невозможному. Вот логический ход его мыслей: этнос есть, национальности тоже существуют, но не существует этнологии науки, которая хочет изучать как раз и этнос, и национальности. Вы были бы более логичны, тов. Аптекарь, если бы начали с другого конца, а именно нужно было бы начать с разрушения того, что уже создано. Есть, кроме этих понятий, кое-что и другое, есть то, что уже создано этнологией, есть целая сеть этнографических, (*л. 192*) этнологических учреждений, целая сеть школьного строительства среди национальностей, целая армия специалистов в этой области, и я бы понимал, если бы вы начали с разрушения всего этого, взяли бы дубину, прошлись по всем этим учреждениям, разбили все и сказали: этнографии нет, географической этнологии вообще нет. Я скажу, что в прошлом году я вас сравнил с таким героем андреевского типа — с голым человеком на голой земле, думаю и сейчас вас поздравить больше не с чем.

(*л. 193*) ***Яковлев***

Я должен сказать, что, несмотря на то что многие говорят, что они во всем согласны с тов. Аптекарем, все же тут многие, особенно в кулуарах, высказывают беспокойство по поводу того, что тов. Аптекарь уничтожает

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

этнологию. Как же тогда останется этнос, кто его будет изучать, а с другой стороны, куда идти безработным этнографам? Я должен успокоить этнографов и этнос, потому что ни того, ни другого тов. Аптекарь не собирается делать: он не собирается уничтожать этнографов с этносом. Насколько я понимаю тов. Аптекаря, он только ставит вопрос: что следует понимать под этносом и как, с другой стороны, организовать изучение этого этноса? Ведь все дело в том, что не всякий объект требует особой науки: вы не будете спорить, что существует стул, но не должна существовать стулология[1]. Мне думается, что здесь, конечно, в отношении этноса дело обстоит несколько сложнее и тут встретились бы известные затруднения. Говорят, что спорить о словах не стоит, но я смотрю на дело иначе. Мне кажется, что сейчас положение с этнографией не совсем благополучное: этнография не находится в системе государственного строительства; этнография у нас в государстве находится на положении научного любительства. Как перевести ее на другие рельсы? Какую идеологическую основу подвести под деятельность этнографов? Об этом идет речь. От этого зависит будущее развитие этнографии.

В частности, здесь говорили об этносе. Я должен сказать, что в известном понимании этнос, конечно, представляет перенесение в прошлое тех воззрений на национальности, которые, собственно, не могли существовать в ту эпоху, но, с другой стороны, должен существовать и какой-то реальный этнос как определенная историческая формация. Если мы так поставим вопрос, то вопрос о делении науки встанет перед нами в следующем виде. Если мы историю развития общества (*л. 194*) будем изучать в горизонтальном разрезе, то у нас действительно может получиться этнология, потом национология[2] и т.д. Тов. Аптекарь говорит, что не делить нельзя; он говорит, что делить можно вертикально: может существовать лингвистика — наука о языке всех формаций. Здесь есть известная принципиальная разница. Тут говорили, что тов. Аптекарь сам себя выставил, как некий парень с дубиной, который начал крушить. Мне думается, что в известные моменты это тоже нужно сделать. Я считаю, что такому парню с дубинкой, который ворвался в дом для того, чтобы люди, которые спокойно сидят, увидели, что дом рушится, чтобы они прервали свою повседневную работу и предприняли что-то, чтобы перестроить свое здание, — такому парню приходится сказать «спасибо». Конечно, это не значит, что мы от этого парня с дубиной не потребуем созидательной работы. «Если Вы пришли критиковать, то потрудитесь сами предложить конкретные

[1] Характерная для того времени фигура речи. «Стулология» — выдуманная дисциплина, которая будто бы изучает стулья. В адрес В. Г. Богораза в 1930 г. сыпались обвинения в занятиях «тряпкологией» (наукой о тряпках).

[2] Также выдуманная наука о нациях.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

меры для того, чтобы действительно построить настоящее здание науки, назовем ли мы ее этнологией или историей — это все равно».

Кстати, об определении этнологии. Если бы удалось делить таким образом горизонтально, то я бы считал самым удобным определить этнологию следующим образом: это есть история доклассового общества. Что касается изучения пережитков на последующих стадиях, то я сомневаюсь, чтобы эти пережитки могли быть изучены отдельно от тех формаций, на которых они сохраняются. Мне кажется, что пережитки можно объяснять определенными условиями, которые создаются на этих последующих формациях.

В частности, касались здесь и яфетической теории. Тут я должен сказать, что вряд ли можно так рассматривать яфетическую теорию, как ее многие рассматривают, что это наука всех наук. Действительно, яфет[ид]ология вышла за пределы лингвистики, но это не значит, что лингвистика становится наукой всех наук.

(*л. 195*) Я хотел бы подчеркнуть то обстоятельство, что, несмотря на те достижения этнографии в практическом строительстве государства, о которых здесь говорили, несмотря на это, существуют значительные недочеты в этой области. Если существуют люди, которые ездят, которых используют на местах, то есть такие, которых не используют, и таких больше; есть этнографы, которые должны найти себе другую специальность. Есть материалы, которые никому не нужны потом, а это тоже, мне кажется, не случайно; это характеризует известное хроническое положение этнографии. Этнография должна как-то переконструироваться, найти новые организационные формы, чтобы войти в систему государственного строительства. Если этого не будет, то мы в дальнейшем увидим еще большее ухудшение в положении с этнографией, чем сейчас.

Теперь мне хочется остановиться на докладе Петра Федоровича. В докладе есть одно несомненное достоинство — это то, что П[етр] Ф[едорович] прямо и определенно высказал мысль, что между этнологией и историей никакой разницы нет. Я считаю, то в этом отношении сам П[етр] Ф[едорович] проделал известную эволюцию, которую следует приветствовать, ибо он не всегда стоял на этой точке зрения. Кроме этого утверждения, единственного утверждения, которое представляет положительную сторону доклада, я в его докладе не нашел других положительных сторон, наоборот, здесь я имею несколько пунктов чрезвычайно, по-моему, скользких. В самом деле, докладчик предлагал нам критику таких терминов, которые употреблялись: «первобытный», «дикий», «малокультурный». Одновременно он говорил, что никакая оценка недопустима. В этом случае, конечно, согласиться нельзя. Казалось бы, что при таком подходе докладчик должен был выбросить всякие оценки, тем более оценки, которые не имеют под собой социологической почвы. Дальше мы слышали, что существуют народы,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

сидящие в историческом тупике, например австралийцы, и существуют народы, которые дают боковые ветки. Вы все знаете, что в садовом искусстве, чтобы дерево давало хороший ствол, сучки надо подрезать. Чтобы (*л. 196*) дерево европейской истории хорошо развивалось, остальные народы росли в сук. В этой картине недостает одного: божественного садовника, который эти сучки отрезал бы, чтобы дерево лучше росло. С другой стороны, П[етр] Ф[едорович] говорил, что нужно сознательное применение марксистского метода. Мне думается, эти два построения никак нельзя друг с другом увязать в докладе П[етра] Ф[едоровича]; в этом есть коренное логическое противоречие. Мне кажется, что в первом он связан с идеализмом Гегеля, с идеей развития всемирного духа; во втором он пытался провести марксистскую линию; он пытался связать идеализм Гегеля с марксизмом; в конце концов, он сказал: «Идеологическое построение моего доклада никем не разрушено», ибо разрушать было нечего, ибо самый доклад представлен как некая руина, в которой барахтался докладчик.

В заключение я должен сказать два слова о пафосе и тупике. Здесь говорили, что этнографы работают сейчас с пафосом, а П[етр] Ф[едорович] утверждал, что народы малокультурные находятся в тупике. Здесь, мне кажется, немного перепутано; здесь дело обстоит как раз наоборот: в тупике мы сидим пока с нашей этнографией, которая не идет вровень с нашей жизнью, с нашим строительством, а те народы, которые у нас сейчас строят свою национальность, эти народы не сидят в тупике, наоборот, они осуществляют самое живое, самое творческое строительство, и у них имеется подлинный пафос жизни. Чем скорее наши этнографы сумеют к этому пафосу приобщиться, тем лучше для них.

(*л. 197*) ***Бунак***

Я отметил, что в значительной части положения, высказанные тов. Аптекарем, не заслуживают, пожалуй, такой резкой полемики, какую мы здесь наблюдаем, и не расходятся с обычным представлением большого количества этнологов. Центральным вопросом если не всего совещания, то во всяком случае значительной части прений является определение того, что такое этнос. И если я верно понял мысль тов. Аптекаря, то это та мысль, к которой, я думаю, очень многие этнологи и, в частности, товарищи, которые работают в Географическом институте, могут вполне присоединиться. Ведь в сущности этнос в его определении есть историческая категория, возникшая из производственных отношений. Но в таком определении мысль, конечно, недостаточно конкретна. Нужно ее конкретизировать, а при этом неизбежно возникает масса модификаций этих производственных отношений, которые являются этапами той или иной стадии общего развития. И вот, главная задача заключается в индивидуализации того, что далеко не безразлично, как происходил процесс развития в Африке, на

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Волге или на Ориноко. Этот метод, если его поставить в полной ясности, вызывает целый ряд проблем, которые должны быть как-то конкретно связаны, и если они конкретно будут связаны, то перед нами совершенно отчетливо и возникнет все здание этноса, которое, конечно, вполне определенно и закономерно укладывается в особую отрасль исследования, достаточно дифференцирующуюся от социологии, которая, конечно, этнографической науке должна быть особенно близка.

Для того чтобы дифференцировать и индивидуализировать эти местные модификации производственных отношений, необходимо учитывать те факторы, которые их определяют. Этими факторами являются, с одной стороны, среда, с другой — раса, тип, которые хотя, в свою очередь, изменяются и модифицируются теми или иными производственными отношениями, о чем я скажу ниже, но на известной стадии являются факторами, которые так или иначе влияют на ту форму, на тот сложный комплекс элементов, в какую выливаются эти самые производственные отношения, и если это так, то ясно, что для того, чтобы изучать эти местные модификации производственных отношений, нужно, конечно, эти факторы четко учитывать и на основании их индивидуализировать (*л. 198*) эти модификации, и тогда мы получим, в конце концов, очень сложный и трудно разрешимый комплекс, который будет скрывать в себе и производственные ресурсы, и географическую обстановку, и в связи с этим технику, определяемую хозяйством, и многое другое, включая и те более сложные надстроенные построения, какими являются идеология, язык и т.д. Если это так, то едва ли можно этнологии дать так[ое] ее определение, как дал ей профессор Преображенский в своем докладе, когда он пытался свести этнос к хозяйственно техническому ареалу. Разумеется, в практическом понимании этноса это означало бы такое сужение его, которое не дало бы возможности построить и научным образом учесть эти местные модификации. Из этого, мне кажется, следует, я не претендую здесь на то, чтобы дать такое совершенно четкое и ясное определение этого понятия этноса, я считаю, что это и невозможно сделать путем кабинетной работы или съездовской дискуссии, а лишь в результате больших исследований по определенному плану, поставив себе задачей известный анализ… Мне хочется только указать, что если мы с таким рабочим понятием этноса, с которым, вероятно, значительная часть этнологов согласится, то совершенно необходимо будет ясно отграничить его от той общей схематизирующей истории, которую тов. Аптекарь выдвигал как всеобъемлющую социологическую науку. Если это так, то необходимо сделать еще одно добавление. Поскольку здесь мы имеем совокупность разного рода моментов, то все эти моменты, которые служат для определения этноса, должны быть как-то тщательнейшим образом поставлены в связь с самой сущностью этого этноса, и из числа этих элементов для этнолога ближайшее значение

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

имеет этнография и, с другой стороны, антропология. И существенным пробелом тех докладов, которые были здесь заслушаны, является как раз недостаточно выделенная связь этих моментов.

Разумеется, из того, что я сказал, не следует, что этнология в какой-нибудь мере перестает быть наукой или должна работать методами не социологическими. Разумеется, в основе своей, в общем и целом она остается социологической наукой, но для того, чтобы изучить проблемы, которые специфически здесь выделяются в изучении этноса, (*л. 199*) она их никогда не разрешит, если будет работать оторванно от тех двух отраслей, а может быть, и от некоторых других, например, <нрзб.> и пр., которые только целиком, все вместе взятые, могут определить эту центральную проблему этноса как местных модификаций.

Надо отметить, что на те вопросы, которые были [мной] поставлены тов. Аптекарю, собственно, едва ли можно считать то, что он сказал, ответом. В частности, совершенно непонятно его сравнение с феодальными отношениями для объяснения понятия расы. Разумеется, здесь нельзя подробно остановиться на этом вопросе, но я все-таки должен отметить, что в современной антропологии нет такого понятия расы, которое, по-видимому, тов. Аптекарь имеет в виду. Вопрос о происхождении человеческого рода от одного или нескольких приматов ни в какой связи с данным вопросом не стоит и не всеми разделяется. И не играет никакой роли. А вместе с тем ясно, что поскольку дифференциация человеческих племен происходила в условиях общества, которое заменяет собой общественную среду, постольку этот фактор имеет огромное значение и является здесь связующим звеном.

Я приведу один из многочисленных примеров. Возьмем такое явление, как появление в некоторых местах длинных волос как местной племенной особенности. Мы знаем, что индивидуумы, у которых были такие длинные волосы, считались очень сильными и даже выбирались в начальники. Вот вам фактор социальный, который в то же время является фактором дифференциации определенной группы. Можно привести массу примеров, например, когда систематическому убийству подвергаются все альбиносы или люди с голубыми глазами и т.п.

Я хочу сказать, что если это понимание расы достаточно ясно выдвигается теперь и остается в рамках дарвинистического представления, то, конечно, ничего подобного тому, на что намекал тов. Аптекарь, не существует, и то представление, которое он дал, отвергая этнос, оно в значительной степени распадается.

[Винников?]

(*л. 200*) Наша этнографическая наука среди всех остальных общественных наук занимает своеобразное положение. Лингвисты, историки, социологи, экономисты и хозяйственники вторгаются в эту науку и расхищают ее

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

понятия. Проф. <пропуск> выступает с книгой по аналогичной теории происхождения религии, разрешает проблему происхождения религии; в научном обществе марксистов существует специальная секция по истории религии, и там подвергаются разрешению сложные основные проблемы этнологии. Все хозяйничают в этой науке и считаются специалистами. Лучшим доказательством этому могут служить наши доклады, доклады лиц, которые пришли извне этнологии, может быть, историков, но не этнологов, ибо у них не было этнологических докладов, но материалы которых совершенно увязали с этнологическим материалом. Я говорю по поводу доклада проф. Преображенского. В чем здесь дело? Причин здесь много, но прежде всего это отсутствие метода, отсутствие методологии. Наша этнографическая наука начинает переходить из стадии первичного собирания и накопления этнографического материала, что она частью и выполнила, если не на 100 %, то на 75 %, в стадию синтеза, обобщения научно-этнологических построений. И вот когда мы стали переходить в эту стадию, мы увидели, что мы для этого не подготовлены, что у нас не хватает существенного момента, у нас нет проверенного нужного метода. Наша наука зашла в тупик, и не только у нас, но и на Западе. Разрешите процитировать одно место в новейшей книге по этнологии одного западноевропейского ученого, который занимает выдающееся место в этнографической науке на Западе — патера Шмидта "Gesellschaft der Völker"[1] на 38-й странице, где вы увидите, что вместо того, чтобы объяснить, он заявляет, что ни о какой закономерности нельзя говорить в общественной жизни, когда эта закономерность ежеминутно нарушается талантами, выдающимися личностями, а главное Божьей волей, которая определяет нашу (*л. 201*) общественную жизнь. Это последнее слово западноевропейской науки, но это вместе с тем и тупик, когда уже заговорили о Боге. Наша наука тоже зашла в тупик, так как старые методы оказались совершенно непригодными для нашей этнологической науки. Причиной этого явления может быть так же и то, что наши этнологи слишком задаются империалистическими целями, империалистическими тенденциями: они хотят захватить абсолютно весь мир, не оставляя ничего другим наукам, они всюду хотят быть специалистами. Нет такой территории, о которой можно было бы говорить, что это этнографическая территория, а дальше начинается другая. Мы этнологи часто вторгаемся в другие области, в то время как представители других наук вторгаются в нашу. Мы должны определить точные границы нашей этнологической науки, поскольку об этом вообще можно говорить, так как общественные науки переплетаются. У нас в Университете существует отделение экономической географии, но мы не экономисты, не хозяйственники, мы этнографы. Часто получается параллелизм,

[1] Имеется в виду следующее издание: *Schmidt W., Koppers W.* Völker und Kulturen. I. Teil: Gesellschaft und Wirtschaft der Völker. Regensburg: Josef Habbel, 1924. 794 s.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

в одно и то же место на практику с хозяйственниками посылаются студенты экономгеографического отделения, которые приезжают и спрашивают: «Что же нам делать?» Необходимо по возможности произвести конкретное разграничение. Единственным понятием этнологии является понятие, предложенное нашим покойным проф. Львом Яковлевичем Штернбергом, хорошо известное всем. На известной стадии развития находящуюся культуру мы изучаем, а потому надо указать границу: какую стадию социально-экономической культуры мы изучаем. Нужно сказать, что мы изучаем первобытное общество, первобытное относительно, но границы этого примата[1] должны хотя бы приблизительно быть указаны. Мы не только это изучаем, но также, как говорил тов. Крейнович, первичные, примитивные институты в дальнейшей эволюции культуры. В Ленинграде у нас нет таких споров, московские же товарищи все время дебатируют такие вопросы, как где границы. Для нас это ясно, мы знаем, что делаем, а потому я хочу внести такое предложение: наше первое этнографическое совещание в нашей (*л. 202*) стране должно громко заявить, что этнография есть наука прежде всего самостоятельная и самодовлеющая (конечно, оговариваясь, поскольку можно вообще оговориться в самостоятельности той или другой науки). Ни одна наука не может обойтись без выводов этнографической науки, мы имеем колоссальные результаты нашей живой активной работы в социалистическом строительстве. Это является лучшим доказательством того, что наша наука существует как самостоятельная наука.

Я предлагаю расширить то понятие, которое высказывал в своем докладе тов. Толстов, когда говорил, что нужны консультанты во всех советских учреждениях, я бы сказал, что нам нужны этнографы-консультанты в учреждениях, где рассматриваются этнографические проблемы.

Тов. Аптекарь, вы оперировали здесь яфетической теорией, а задумались вы над теми этнологическими предпосылками, которые лежат в новой этнической теории? Я не буду касаться здесь этих предпосылок, но хотел бы знать, как тов. Аптекарь увязывает с марксизмом этническую[2] теорию, как увязывает с марксизмом коллективные идеи, как увязывает с марксизмом дологическое мышление. Вы об этом не говорили и не говорите. Наша наука окрепнет, если мы <нрзб.> разработаем определенный метод, и мы должны заявить, что метод исторического материализма, который оправдал себя в описательной и общественной науке, должен быть применен и в нашей этнологической науке. Но мы должны сказать, что нам нужна догма, чтобы кто-то принес готовую догму, в нашей этнологической среде должен встать вопрос о применении этой методологии к нашему материалу, ибо наша методология должна исходить из нашей среды и нам нужна готовая догма.

---

[1] Имеется в виду «предмета».

[2] Из контекста видно, что вместо «этнической» оратор имел в виду яфетическую теорию.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

(*л. 203*) ***Серебряков***[1]

Мне кажется, для всех в настоящее время стало понятным, что каждый пришедший сюда на совещание не думал заниматься такими «шарлатанскими выступлениями», как это характеризовал некоторые выступления тов. Аптекарь. Мы пришли сюда, во всяком случае желая договориться, обсудить и разрешить практические вопросы увязки этнографии как науки с жизнью, с окружающей нас действительностью, с нашим социалистическим строительством. Но дело в том, что тов. Аптекарь совершенно не хочет даже признавать этнографию как науку; одновременно он вместе с нами признает, однако, наличие объектов у этнографии, но он говорит, что наличие объектов не создает науки. Совершенно верно: для этого, тов. Аптекарь, мне кажется, требуется еще кое-что, но во всяком случае не то, что сказал тов. Аптекарь. Всякая наука, в том числе и этнография, создалась тогда, когда назрела необходимость в такой науке, когда назрела в обществе необходимость обследования того объекта, который в данный исторический момент времени интересовал общество. Вот тогда создалась этнография. Между прочим, этого тов. Аптекарь не отметил; он, признавая за этнографией объект, отнюдь не признает за ней метода, то есть той большой работы, тех общих методологических подходов, которые никто не будет отрицать, кроме тов. Аптекаря, тех методов, которые накопились у этнографии в процессе ее развития как науки. Действительно, что мы можем назвать научным методом? В самом деле, мне кажется, что научным методом мы можем назвать лишь тот метод, который правильно отражает окружающую нас действительность, определяет те закономерности, те законы, по которым развивается изучаемый объект. Если мы посмотрим на этнологию, найдем ли мы там действительно такие исследования, которые бы не только объясняли, не только бы описывали, как говорит тов. Аптекарь, но такие исследования того или другого объекта, чтобы можно было говорить о его возникновении, о его изменении, о его исчезновении? Мне кажется, что здесь можно отправиться к тому же Моргану; здесь мы найдем, что (*л. 204*) культурные институты, присущие докапиталистическому обществу, вскрыты Морганом; эту работу до сего времени приводят многие исследователи, углубляя и детализируя этот моргановский метод как таковой. Мы видим, таким образом, что заслуги у эволюционной школы все-таки имеются, но чего не хватает? Многих смущает самое понятие эволюции; с точки зрения марксистской методологии оно не выдержано, с точки зрения наших наблюдений над окружающей природой и обществом оно тоже не выдержано, как бы оно ни отражало существующей вокруг нас объективной реальности. По-видимому, должен быть внесен какой-то корректив.

[1] Возможно, имеется в виду студент В. Серебряков, автор статьи: *Серебряков В.* К вопросу о праазиатских элементах культуры у хакасов // Этнограф-исследователь. 1928. № 2–3.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Этот корректив мыслится тов. Преображенским, по-видимому, как отход скорее от эволюционной школы и большей ориентировки на школу Гребнера, на школу культурно-историческую. Мне кажется, говорить о действительно научных достижениях и той, и другой школы можно, но нужно говорить именно в такой плоскости: насколько эти школы действительно отразили то общественное развитие, тот общественно-исторический процесс, который протекает собственно сейчас.

Быть может, современная этнология, подобно тому как Маркс изменил в «Капитале» Смита[1] и Рикардо[2], она должна будет сделать с Морганом и Тэйлором. Я не говорю точно так же, но, может быть, в такой плоскости должно идти исследование вопроса. В данный момент наша этнографическая наука может развиваться лишь при коллективном желании, при коллективной воле всех этнографов к созданию действительно новой марксистской этнографии.

(*л. 205*) ***Арбузов***[3]

Мне, как и прочим москвичам, не впервые приходится иметь дело с тов. Аптекарем. И сегодня я с удовлетворением должен констатировать, что мы в борьбе с тов. Аптекарем оказались не одни. Этнографы и молодежь Ленинграда, кажется, разделяют нашу точку зрения. В чем же заключается наш протест против выступления тов. Аптекаря? Здесь говорить теперь просто, поскольку целый ряд товарищей говорили уже об отдельных деталях. Начну хотя бы с того, что укажу на характерный разнобой в лагере, объединенном вокруг тов. Аптекаря. Здесь мы слышали товарищей, выступавших как бы в защиту тов. Аптекаря, которые упорно навязывали тов. Аптекарю, что он, признавая этнос, не отрицает и этнологии. Я только что поставил лицом к лицу тов. Аптекаря и его защитников, и он заявил категорически: «Я категорически изгоняю этнологию, но допускаю этнос». Это нечто совершенно новое в истории развития мысли тов. Аптекаря. В прошлом году он отрицал этнологию[4] именно потому, что считал этнос расплывчатым и, следовательно, ненаучным понятием. А раз в науке существует такое понятие, то надо исключить и всю науку. Это совершенно эмпирический подход кабинетного ученого, когда ценность и место науки

[1] *Смит Адам* (*Adam Smith*) (1723–1790) — шотландский экономист и философ. Основоположник современной экономической теории.

[2] *Рикардо Давид* (*David Ricardo*) (1772–1823) — английский экономист. Критик Адама Смита.

[3] Видимо, имеется в виду *Арбузов Степан Семенович* (1898–1938) — этнограф, исследователь культуры мордвы. В 1928–1930 гг. учился в Институте народов советского Востока. С 1930 г. — декан мордовского отделения Саратовского государственного университета, с 1933 г. — ученый секретарь НИИ мордовской культуры в Саранске. В мае 1937 г. арестован по «делу СОФИН». В 1938 г. расстрелян.

[4] Скорее всего, имеются в виду заседания в Коммунистической академии.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

определяются с философской точки зрения. Этот подход неверен для разрешения вопроса, что собой представляет этнология и должна или не должна быть этнология. После этого лозунга, выдвинутого тов. Аптекарем, к нему примкнул целый ряд последователей, которые начинают детализировать эту мысль. В их числе тов. Токарев, который начинает путаться в вопросе о конкретных границах понятия этнологии во времени и в методе. Есть люди, которые не отрицают, что этнологию можно мыслить монолитно чистой наукой. Это утопия. Это немарксистский подход к какой бы то ни было науке. Нет монолитных наук, и искать их — это утопия. Но тов. Аптекарь, естественно, иначе не мог поступать. Ведь он совершенно не нюхал полевой работы, не знаком с ней ни с какой стороны. И я думаю, что здесь одной полемики в области диалектического материализма недостаточно для решения, какое место наука должна занимать в жизни и, в частности, в социалистическом строительстве. Вы знаете, какое место занимает этнология в нашем строительстве. Это одно уже говорит за то, что она имеет под собой какую-то (*л. 206*) почву. Мы знаем, что все рудиментарные органы в свое время отсекаются, беспощадно. Но мы видим, что этнология заключает в себе много здоровых элементов. Со всевозможными уклонами мы бороться должны. Но нельзя приходить к тому, чтобы гнать в целом всю отрасль науки. Ведь прежде всего место, занимаемое наукой определяется жизненной необходимостью. Тов. Яковлев говорил, что этнология не вовлечена в орбиту строительства советской власти. Но теперь она вовлекается. Тогда об этом много говорили. Мы имеем примеры, когда этнология вовлекается в строительство советской власти и, больше того, когда вопросы этнологии ставятся на широкое обсуждение, чтобы установить понятия этой науки, выкристаллизовать их. Я думаю, что то, что говорил тов. Токарев, это не упрек, и, по существу, это нас не пугает.

Любопытные прения по поводу выступления тов. Аптекаря были в прошлом году в Комакадемии. Многие, в том числе и проф. Никольский, очень рьяно выступали против того, что выставлял тов. Аптекарь, и говорили, что, собственно говоря, мы знаем, что спор был о всеобъемлемости науки антропологии и т.д. Но впоследствии эти науки стали выделяться. Собственно в силу какой закономерности? В силу того, что опыт жизни стал все больше и больше накопляться и стал требовать отдачи целой жизни, чтобы учиться читать эти материалы и делать выводы. И естественно происходит такая градация специальностей. Тов. Аптекарь говорил, что нельзя же мыслить существования таких энциклопедистов, как этнологи. Но скажите, тов. Аптекарь, когда вы хотите заменить этнологию социологией, то ведь социология еще более энциклопедична, чем этнология? Но мы ставим рамки *уже*. Этнология, несомненно, является частью социологии, которая определяется прежде всего жизненной практической необходимостью и затем определенным уже материалом. Всегда материал создает методику работы.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Большая часть товарищей собралась после доклада тов. Аптекаря, и я поставил ему вопрос: «Вы допускаете существование этноса, хотя в прошлом году вы отрицали это? Тем более странно, почему теперь вы не допускаете существования этнологии как логического следствия существования этноса. Как же вы мотивируете это?» Он ответил, что у (*л. 207*) него не хватило времени, иначе он бы объяснил. Мы спросили, признает ли он наряду с этносом некоторые явления быта. Отвечает, что некоторые явления признает. Некоторые остаточные переживания национальных градаций признает. Все материалы этнологии признает. Применение метода исторического материализма к использованию этого материала тоже признает. Тогда в чем же дело? Ведь наличие материала не определяет науку, говорит тов. Аптекарь. Для этого нужна методология. Мы имеем методологию исторического материализма и рабочую методику. Не отрицает он, что мы имеем специфический материал. Следовательно, наука этнология налицо. Теперь методологическое построение. Практическая необходимость этой науки очевидна. Тут было сказано тов. Яковлевым, что ведь этнология как будто до сих пор спала. А потребность в ней большая. Национальности этого требуют. Я сам являюсь представителем национальных меньшинств и стараюсь принимать участие в этой работе. Но без изучения методов, без изучения материала нельзя изучать нацию. Нельзя изучать нацию, не зная своего народа, нельзя и управлять им. Но когда мы начинаем работать и сталкиваемся с вопросом, как же изучать народ, тут и нужно уточнить методы. Но здесь была допущена неправильная постановка вопроса. Один товарищ высказал мысль, что ведь, собственно говоря, не все явления жизни мы можем подвести под законы исторического материализма. Это совершенная нелепость. Конечно, отдельный изолированный факт, как, например, стул, мы не можем подвести под закон материалистического развития. Но такие явления, как религиозные воззрения и т.п., можем.

Отныне, может быть, меньше будет споров, быть или не быть этнологии. Я стою на той точке зрения, что этнология есть наука со своим материалом, своей рабочей методикой и своими методами, присущими социологии, это значит, социологическими методами, методами исторического материализма. Но, конечно, эта наука является частью истории.

(*л. 208*) ***Лядов***

Я очень сожалею, что не присутствовал на всех выступлениях. Меня поразил доклад тов. Аптекаря; когда он попросил слова, я все ждал, когда начнется доклад; мне казалось, что это еще предисловие; в конце концов вся полуторачасовая речь свелась к тому, что наука должна быть, но она не должна называться этнологией. Мы о словах спорить не будем; никогда не спорили и спорить не будем, но наука должна быть, она будет, она должна существовать. Все вопросы, которые стоят перед этнографами, стоят?

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Стоят и они должны быть разрешены научным путем, должны быть разрешены путем исторического материализма.

Возражения тов. Аптекаря сводились в конце концов к тому, что эта наука, которую он признает, которая должна этими вопросами заниматься, не должна называться этнологией. Вас назвал тов. Маторин талмудистом. Да, это чисто талмудический схоластический подход, напоминающий средневековых ученых, которые хотели свою узкую сферу отграничить от жизни. Это напоминает историю о поваре в Париже, который специально жарил гусей; этот повар не допускал мысли, чтобы повар, который жарит уток, носил одинаковый с ним мундир. Вы должны понимать, что не может быть грани между отдельными науками; они настолько тесно переплетены, настолько связаны, что разграничить их нельзя.

Комиссия, которая подготовляла это совещание, должна была дать определение этнографии. Нас было 5–6 человек; каждый давал свое определение, и ни на каком мы остановиться не могли — и понятно, потому что оно гораздо шире. Не в этом суть. А истории Вы дадите определение? Не дадите. Вы не можете ее отграничить от исторического материализма, потому что история является частью диалектического материализма, потому что, если Вы выхолостите диалектический материализм от истории и этнографии, останется пустое место, не будет того, что является действительной сущностью материализма. В отличие от буржуазной науки, наша марксистская наука ставит себе задачей не только познание мира, но и преобразование (*л. 209*) мира. Вы это, тов. Аптекарь, забываете.

Я ставлю себя в положение большинства; здесь собралось больше 200 человек, все они жизнью подведены к разрешению целого ряда важнейших для них вопросов, которые в их работе встретились. Вы пришли и в течение полутора часов говорили. Какой вывод из Вашей речи должны были товарищи сделать? Они должны были сложить ручки в брючки и ждать, пока тов. Аптекарь с другими схоластами разрешит вопрос, как назвать эту науку. Это призыв к бездействию. Это отрицание марксизма. (*Аплодисменты*.) Каждое выступление марксиста должно призывать к действию. А Вы к чему призываете, пока Вы в Комакадемии разрешаете этот спор? Если Вы пытались намекать, что тов. Маторин не марксист, Вы доказали, что Вы не марксист, потому что марксист должен прежде всего увязать свою теорию с практическими задачами, а Вы этого не сумели, никакого практического вывода Вы не предложили; Вы ограничились только критикой, поэтому, тов. Аптекарь, никого удовлетворить Ваш доклад не мог. Можно было соглашаться с отдельными положениями, но отчего Вы выступили с докладом — это непонятно. Не будь тов. Аптекаря, надо было его придумать[1]. (*Аплодисменты*.)

[1] Слова Вольтера: *Si Dieu n ‘existaitpas, ilfaudrait I’inventer* («Если бы Бога не существовало, его следовало бы выдумать»).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Я не слышал выступлений всех остальных товарищей, но те несколько выступлений, которые мне пришлось слышать, ясно показали, что у товарищей принципиальный марксистский подход. С отдельными положениями можно спорить, но постановка вопроса у товарищей правильная, очень правильная, именно они призывали к организации действия.

Мы не будем спорить, существует этнос или нет. Мы не знаем мертвых абсолютных категорий. Мы не можем дать определение нации; тут получится такое же разногласие, как по определению этноса, потому что у нас нет раз [и] навсегда зафиксированных понятий. Мы имеем все в динамике; это меняющиеся категории. Абсолютного представления об этносе нет и быть не может. Пока этнография искусственно проводила рамки между отдельными категориями, она наукой считаться не могла. Еще раз повторяю, все движется, все меняется, и именно в динамике мы будем познавать, а не в статике. В динамике можно строить науку? Можно; а как назвать ее, [наплевать?] (*л. 210*) наука есть такая, которая ставит задачи создавать не мертвые формулы, не мертвые величины, от которых мы открещиваемся, а познавать все в движении, в каком мы должны влиять. В этом отношении доклады тов. Маторина и Толстова имеют большое значение; в них указываются реальные пути применения всех данных этой науки к жизни, к действительности, как активно воздействовать на жизнь, — в этом марксистская тактика: не в мертвых определениях, не в схоластических спорах, а в том, чтобы организовать, найти правильное применение.

Товарищ цитировал из Ленина. Я помню, когда это писал Ленин; мы вместе с ним эту эпоху пережили. Тов. Аптекарь ввел в заблуждение: то, что писал Ленин, не имело никакого отношения к этнографии. С кем спорил Ленин? С активной[1] школой социологии — другой школы ведь не было. Он спорил с Михайловским — против него он и писал, он упоминал Струве, он привел положение Струве о классовой борьбе, он растолковывал Струве, что связь между классовой борьбой и социологическими проблемами, между базисом и надстройкой, которую Струве не понимал, он должен понять. Струве, который закончил призывом идти на выучку к капитализму, увязать базис с надстройкой, диалектически как-то увязать не умел. Вот против чего писал Ленин[2]. Современной этнографии не существовало — она только начинала появляться.

Как относился к истории культуры Ленин? Я помню, мы вместе принимали участие в переводе Липперта[3]. Владимир Ильич придавал этому

---

[1] Так в тексте. Оратор, очевидно, имел в виду субъективную школу в социологии.

[2] Речь идет о дискуссии между Николаем Константиновичем Михайловским (1842–1904), теоретиком либерального народничества, Петром Бернгардовичем Струве (1870–1944), теоретиком «легального марксизма», и Лениным.

[3] *Липперт Юлиус* (1839–1909) — австрийский историк и этнограф, представитель эволюционного направления. Какую книгу переводил Лядов, осталось неясным.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

большое значение, и на основе изучения развития материальной культуры он делал выводы; он связывал историю культуры с диалектикой развития.

Теперь еще один вопрос. Тов. Аптекарь сказал, что он является правоверным диалектиком, а что все являются механистами. Я никогда механистом не был. Вы сами, тов. Аптекарь, не уяснили себе хорошо разницу между механистами и диалектиками, если бы Вы были диалектиком, Вы не выступали бы с такими выводами. Именно диалектика жива — к жизни, к действию она призывает. А этого Вы не сумели. У Вас тот подход, который вреднейшим образом действует именно на марксистское воспитание, который создает возможность появления таких (*л. 211*) марксообразных, о которых Маркс говорил, что «я никогда марксистом не был».

Тов. Аптекарь выдает себя за стопроцентного марксиста. Ведь весь 2-й Интернационал идет под знаком марксизма; ведь и Каутский — душеприказчик Энгельса — был марксистом, но гарантировало ли это от того, что он попал в лагерь меньшевизма? Не гарантировало, как не гарантировало и Плеханова от того, что он не мог понять действующей жизни. В том основное отличие нашего ленинского подхода к марксизму от меньшевистского, что мы умеем увязать каждый вопрос марксистской теории с действительной жизнью.

Можно клясться, что ты стопроцентный марксист, но если ты не умеешь увязать марксизм с практическими задачами жизни, то ты неизбежно будешь оппортунистом, хотя бы ты наизусть знал Маркса.

(*л. 212*) ***Кошкин***

Одно, мне думается, безусловно, произошло в наших прениях — это что развязались языки. По первому докладу — тов. Преображенского — почти совершенно не высказались. А после бомбы, которая разорвалась во время доклада тов. Аптекаря, все начали говорить.

Я хочу остановиться на той цитате, которую привел тов. Аптекарь в доказательство того, что этнология — это просто часть истории. Он взял цитату из немецкой идеологии, где говорится, что мы знаем только одну науку — это историю, естественную историю и историю людей. Так в чем же дело, товарищи? Если бы Маркс и Энгельс были бы Аптекарями, им пришлось бы выкинуть лозунг «Долой науку, существует только история». Этого никто не сделает, потому что в науке нужна специализация, хотя наука сама есть едина, есть история, но ни один человек, ни одна специальность ее охватить не могут, и поэтому эта единая наука — история — дифференцируется на отдельные специальности. Следовательно, в этом отношении было по меньшей мере неудачным появление этого тезиса.

Второй момент, почему этнологию нельзя признать наукой, это примерно такое утверждение тов. Аптекаря: что в классификации наук нет такой науки. Как известно, главнейшая квалификация принадлежит Конту,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

не являющемуся марксистом. Следовательно, если у Конта или у его последователей-немарксистов этого не было, значит, и науки этой не было. Такой метафизический подход недопустим. У нас есть химия, физика, сейчас создается физико-биологическая химия. Как вы ее вгоните в контовскую классификацию наук? В этом непонимание диалектики. Мы производим классификацию наук для облегчения работы, а в действительности наука едина. Дифференцируем мы для того, чтобы лучше работать по отдельным областям, и нельзя выдвигать то, что было при Конте.

В каком отношении должна находиться этнология к истории и социологии? Я считаю, что так же, как история пользуется социологическим методом, методом исторического материализма, в такой же степени и этнология может пользоваться этим методом для того, чтобы быть наукой. Это их сближает. И поэтому мы должны совершенно определенно сказать, что этнография или этнология — это есть одна из социальных (*л. 213*) наук, именно та, которая пользуется социологическим методом в его научном виде, то есть марксистским методом. Только при применении этого метода могут быть полезные для исследования выводы.

Далее, тов. Никольский несколько останавливался на таком вопросе. Тов. Аптекарь предлагал изучать то, что сейчас изучает этнология историкам, а историкам — изучать историю человеческого общества по формациям. Опять глубоко метафизический подход. Совершенно ясно тов. Никольский говорил, что изучать конкретное человеческое общество по формациям — вещь невозможная. Нельзя сказать, я буду сейчас изучать родовое общество, например. Где вы найдете такую формацию? Ее нет. Даже в Сибири, где сохранился родовой строй, он перемешан с элементами торгового капитала, феодализма и пр. Такое упрощение марксизма трудно представить себе, если бы мы ни слышали это здесь самолично от тов. Аптекаря.

Мне кажется, что основное, что нужно было тов. Аптекарю сделать в своем докладе, раз уж он обладает такой дубиной и, самое главное, обладает мандатом на марксизм, на стопроцентный даже марксизм, это надо было крушить именно немарксистскую школу этнологии. Если бы на это направил свою дубину, это было бы именно то, что нужно. Мы же знаем, что целый ряд школ в этнологии глубоко ненаучны. Существует, например, целый ряд школ психологических. Существует биологизация этнологии и целый ряд других искривлений в этой области, которые не дают возможности проявить действительно научное лицо этой науки. Я на некоторых из них остановлюсь. Например, пережитки народничества. Это факт, и против этого надо бороться. Оно проявляется в субъективном подходе к изучению исторических явлений, а также в том, что не различаются классы в этносе. Вот в этом отношении, конечно, нужно было дать бой и нужно было доказать, что остатки мелкобуржуазной народнической идеологии

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

в этнологии и этнографии надо окончательно искоренить, чтобы развязать руки этнологии и дать ей возможность идти вперед.

В работе профессора Хаггара, вышедшей в 1923 г., мы видим такое определение этнологии: «Этнология есть наука — морфология темпа развития человеческого сообщества, рефлекторный процесс мышления»[1]. Вот против таких определений надо бороться. Это надо сметать. (*л. 214*) Или возьмем такое высказывание, что этнология есть некое среднее между естественными и общественными науками. Никак нельзя этого признать. Это не соответствует действительности, потому что этнология — социальная наука и употребляет биологические методы как данные, а не изучает их. Для этого есть другие дисциплины. Поэтому смешивание этнологии с другими науками — вещь невозможная, и это будет замедлять правильный путь нашей науки.

Далее, некоторые товарищи говорят, вот есть яфетическая теория, почему вы не берете этой теории? Мы берем, например, у марксизма понятие экономической формации. Что же касается яфетической теории, то я не ставлю вопроса метафизически. Это наиболее близкая к марксизму теория в лингвистике, но когда она хочет объяснить все что угодно, она подменяет марксизм, и на это мы не согласны. Поэтому нам надо применять марксистский метод, а из яфетической теории брать материал для сопоставления целого ряда моментов, которые, может быть, без этой теории нельзя выяснить. Поэтому мы должны брать яфетическую теорию не как метод, а только пользоваться ее материалами.

Далее тов. Аптекарь установил 4 стадии развития хозяйственного коллектива-этноса: доэтническая стадия, этническая, национальная и вненациональная. Скажите, пожалуйста, у нас в СССР есть сейчас нация или нет? Вы подумали, о чем вы говорите, или нет? Нация есть явление капиталистического общества. В нашем социалистическом государстве мы ни русской, ни других наций не назовем, потому что у нас государство ставится на изживании национальностей. Следовательно, надо все-таки в этом отношении разбираться, когда определять те или другие стадии развития человеческого общества. Это не свидетельствует о том, что нации нет вообще или что у нас в СССР нет национального вопроса. Он есть. И именно потому, что есть национальный вопрос, и нужна этнография. Если бы у нас национального вопроса не было, не нужна была бы этнография. Она должна изучать те этнические особенности, которыми обладают хозяйственные коллективы, для того чтобы легче привести к единому знаменателю, к изживанию этих отдельных этнических единиц и, с другой стороны, для того чтобы ускорить рост социалистических элементов. Вот в этом весь смысл этнографии, (*л. 215*) именно в том, что в нашей стране, где

[1] К сожалению, определить, кто такой профессор Хаггар, мы не смогли.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

большое количество народов и национальностей, мы обязаны изучать эти этнические особенности для того, чтобы помочь нашему советскому строительству.

(*л. 216*) ***Никольский***

Уж очень большой калейдоскоп взглядов и мнений кружит наши головы и мою в первую очередь. Поэтому я извиняюсь, если буду недостаточно отчетлив в формулировке своих взглядов. Равным образом не является возможным остановиться определенно на выступлениях 14 говоривших здесь товарищей; придется говорить, не приурочивая к конкретным лицам отдельные свои замечания. Мне представляется, что такой пестроты в оценке доклада тов. Аптекаря мы избежали бы, если бы первая часть докладов была построена более полно и более отчетливо. Мне представляется, что в докладах об этнологии следовало более или менее четко поставить вопрос о термине; важно, что существует конкретное понятие, а конкретного понятия как раз нам здесь не дали. Тов. Маторин напрасно думает, что без этого понятия можно обойтись. Здесь не было проведено ни малейшего отмежевания от соседних наук. Одни говорили, что этнология есть история; если нет отличия, то будем говорить об истории первобытного общества или об истории первобытной культуры, но я не понимаю, почему нам должна быть дана этнология, раз она то же самое, что история; тогда перейдем к истории (я лично не согласен).

Здесь говорили, что целая комиссия прорабатывала доклады; она внесла много путаницы. Сейчас возник вопрос и о фольклористах; у них подобное же явление: акад. Ольденбург[1] заявил, что термин для нашей науки не совсем подходящий, что его необходимо было бы заменить; а сам докладчик сказал, что возможно и другой термин взять. Дело не в термине, а в работе. Весь ли вопрос в словах? Мне представляется, что не только в словах. Я с тов. Аптекарем спорил в [19]28 г., что тов. Аптекарь исходит из практики; он построил свой доклад на том материале, который ему дала комиссия. Если бы мы попробовали какой-нибудь реальный вывод сделать, то, мне представляется, вывод надо сделать такой. Тов. Аптекарь признает существование этноса. Тут некоторые видели успех в том, что тов. Аптекарь переделал свои тезисы, с которыми он выступал в Комакадемии в [19]28 г.

[1] *Ольденбург Сергей Федорович* (1863–1934) — российский и советский востоковед. В 1897–1934 гг. — профессор Петербургского/Петроградского университета (ЛГУ). В 1904–1929 гг. — непременный секретарь АН. В 1916–1930 гг. — директор Азиатского музея, в 1930–1934 гг. — директор Института востоковедения АН СССР, в 1913–1929 гг. — основатель и руководитель отдела древностей Китайского и Русского Туркестана МАЭ, в 1917–1929 гг. — председатель КИПС, в 1919–1934 гг. — член ГАИМК, в 1926–1930 гг. — ответственный редактор журнала «Этнография», в 1922–1927 гг. — председатель ЦБК.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Оказывается, у него действительно «этнос» был, но за горячей дискуссией мы как-то не заметили. В 10-м тезисе: «Этнос — народность, с марксистской точки зрения историческая категория, порожденная производственными (*л. 217*) отношениями…» Следовательно, у него этот «этнос» был, он его, стало быть, не отрицает. Но тов. Аптекарь оторван от практической работы: он человек посторонний, он сам сравнивает себя с человеком с дубинкой, он сравнивает себя с хирургом, который вскрывает опухоль, — вырезал опухоль и ушел. Никто из этнологов этого не сделал, поэтому приходится благодарить такого плохого коновала, как тов. Аптекарь, что он вскрыл опухоль; а теперь Вы сами управляйтесь. Кто ученый, кто этнолог? Мы или он? Мы. Мы не должны остановиться на этом, что у нас опухоль, что у нас нарыв, — мы должны работать, тем более что «этнос», нации ждут этой работы.

Как приступить к работе? Мне представляется, что, хотя организационная комиссия одобрила намеченные доклады, мы не встречаем в них практического подхода к работе, даже методологического. Что нам предлагали? Один докладчик предлагал какой-то ареал технически хозяйственный, другой докладчик говорил о социально-экономическом ареале. Еще скажут, что нам надо поучиться у патера Вильгельма Шмидта. Нужно сказать, что незадолго до съезда нам уже пришлось испытать жесткую дискуссию по докладу одного заграничного этнолога, марксиста (да еще левого) в Комакадемии, где разбирался взгляд Моргана, Энгельса на происхождение и развитие брака и семьи, — это Отто Мехен[1]; он предлагал применить схему развития брака и семьи, которую дает В. Копперс. Но здесь нам ничего не предлагали, за исключением того, что мы находим у Гребнера, которого нам перелицевали. Даже мы видим дальнейшую проработку буржуазной науки; а в результате приходит «дикий» человек — тов. Аптекарь.

Я говорил, что социально-экономические формации можно просто изучить. Соц[иально]-экономическая формация не дана где-нибудь. Всюду мы имеем конкретные проявления соц[иально]-экон[омической] формации и должны упереться в конкретное общество. Нельзя изучать феодализм по документам вообще; вы должны взять документы определенной эпохи, и чем *уже* будет эпоха, тем лучше. Так же Вы должны изучать родовое общество. Возьмите общество по Кайери в Юж[ной] Америке. Это Вам даст совокупность общественных отношений. Для того чтобы выделить то, что научно для формации родового общества, Вы возьмете еще папуасов на Н[овой] Гвинее. Вы увидите социально-экономическую формацию в разных степенях: она возникает, развивается, в ней возникают противо-

[1] *Отто Мехен-Хельфен* — немецкий этнолог и путешественник. Совершил путешествие по Туве. Написал книгу «Путешествие в Азиатскую Туву».

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

речия, в ней возникают элементы новой, (*л. 218*) высшей формации, — Вы все отметили. При диалектическом материализме нет схемы — все высшая конкретность; никакой абстракции не должно быть. А когда изучите, Вы должны описать. Вы создаете общую категорию, социально-экономическую формацию родовую. Вот наш путь; так мы должны идти. В области изучения социально-экономических формаций капиталистических наша наука играет роль вспомогательную; как имеется нумизматика, палеография, так есть и такая область, в которую историки не заглядывают и в которой этнологи могут работать, — пусть это называется праистория (я давно предлагал этот термин). В этой культуре высшего типа, изучаемой историческими науками, мне кажется, мы можем изучать только ее пережитки, как правильно было замечено. Если мы так пойдем, тогда еще яснее будет наш путь, а чем больше будет планомерности, тем больше будет успеха в нашей работе.

(*л. 219*) ***Аптекарь***

Выступление 17 человек по поводу моего доклада, мне кажется, является противоречием тому, если расценивают мои слова как пустяк, как ерунду, и странно то, что эти 17 человек потратили сегодня реально 5 часов времени на борьбу с чепухой, может быть, по этнографии существует такое правило, но везде обычно этого не бывает. Вместо того чтобы, так сказать, выдрать за уши и перейти к деловой работе, здесь выступают такие квалифицированные товарищи, как Лядов. Я не в претензии против некоторых острых выражений по моему адресу выступавших здесь товарищей, я считаю, что этим самым и мне дано формальное право, но полагаю, мне не придется пользоваться этим так, как считаю свою позицию достаточно крепкой.

Действительно, товарищи, надо констатировать совершенно позорное явление. Тут дело сводится не просто к тому, что мы будем спорить и вы зашибете меня резолюциями, я должен заявить (вы, конечно, можете считаться или нет), что факт остается фактом, а мы имели такой факт, когда совершенно молодой человек в марксизме, тов. Никольский, должен был старого большевика уличать в факте незнания элементарной вещи — незнания того, что в марксизме имеется метод колоссального значения — учение о конкретном понятии. Для тов. Лядова до сего времени весь марксизм и вся диалектика продолжает сводиться к тому, что все течет и все изменяется. Это такие азы, которые давно всем известны. Если я обнаружил это у тов. Лядова, то не знаю, что же можно требовать от других. Например, тов. Кошкин в одной фразе «влепил» целый ряд таких вещей, как, например: «У нас социалистическое государство». А возможно ли социалистическое государство? Для нас социализм — отсутствие государства. Дальше относительно того, что у нас наций нет, значит, раз мы ведем

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

политику к тому, чтобы изживать буржуазию, значит, и буржуазии нет. Я не знаю, партиец вы или нет, но это уже называется правым уклоном, когда не видят кулака. В одной фразе вы ухитрились сказать такие вещи и все под знаком марксизма. Это не совсем хороший метод проявления своих чувств. (*л. 220*) <…> у меня есть несколько листов записей; почти у каждого товарища можно найти такие возмутительные вещи. Покажите конкретно, где я выражался против марксизма; где у меня были выражения, из которых видно, что я не знаю основ марксизма? Тов. Лядов говорил, что у марксиста дело идет не о теории, а о действии. Для марксиста всякое действие определяется теорией; странно такой вещи не знать. А здесь считают: кривая вывезет, факты сами научат. Зачем ломать голову там, где уже имеется <пропуск>.

После моего последнего выступления, когда я говорил, что здесь много марксистов и нет диалектиков, сегодня чрезвычайно много диалектиков появилось. Я не знаю, что делать, чтобы от них отмежеваться; если они диалектики, то я не диалектик. Но ваша диалектика нисколько не похожа на то, что понимал под этим Маркс, Энгельс, Плеханов, Ленин.

Какие здесь аргументы приводились? Зачетная книжка — не аргумент. Здесь тов. Маторин ссылался, что он заместитель заведующего Агитпропом[1]; я мог бы тоже сказать, что я был политическим инспектором Реввоенсовета[2], но это не аргумент, это не метод доказательства. Реальное положение такое: этот дом, который я громил, в порядке, и тут же говорят, что мы зашли в тупик, что у нас нет границ, что мы не можем отмежеваться от других областей, что у нас нет метода, — и это называется «дом в порядке». Что же у Вас есть? Что имеется в качестве базиса для марксистской этнологии? Нашлись такие марксисты, для которых кардинал Шмидт является если не марксистом, то на него можно штукатурку навести.

Если Вы отбросите самую теорию, то у Вас будет груда эмпирического материала, в котором Вы тонете сами, в котором Вы не можете разобраться.

Тов. Лядов сказал, что если бы не было Аптекаря, то надо было бы его выдумать, — это ведь не аргумент. А если бы Маркс был Аптекарем… Я считаю, что в данной аудитории лучше всего оперировать тем материалом, который был дан здесь на конференции. Если бы я привел одну книжку, то

---

[1] *Агитпроп* — обиходное название Отдела агитации и пропаганды при ЦК КПСС (ранее — ЦК ВКП(б) и местных комитетах КПСС в СССР в разное время.

[2] *Реввоенсовет* — Революционный военный совет республики. Высший коллегиальный орган управления и политического руководства Рабоче-крестьянской Красной армией (РККА) в 1918–1934 гг.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Вы сказали бы, что есть другая книга. (*л. 221*) Мой доклад, который я читал в прошлом году, вызвал достаточно большое оживление, развязал языки, как здесь говорили. Он не напечатан не потому, что я не имел возможности этого сделать. Я могу это сделать. Я знаю, что если я напечатаю это в том виде, то или я должен буду дать целый том со всем, что сказано каждым этнологом, или мне скажут, что вы тут ни при чем. Поэтому я ожидаю выхода первого марксистского труда по этнологии, который приготовлен Преображенским. Ежели к тому времени буду жив, то как раз мой доклад и будет перекроен в рецензию на это сочинение. И тогда к каждому моему положению будет идти ссылка на соответствующую страницу и строчку, и тогда можно будет судить, имеет это место в действительности или нет. Если я взял эту область для анализа, то, может быть, действительно по праву. Этнологи не имеют права влезать в философию, не зная ее. Докажите, чего я не знаю у вас. Какие факты мною не были учтены? Вы говорите, что мы делаем эту вещь. Не всякое делание является полезным. И поэтому эта самая деятельность нуждается в большой критике. И мы совсем не стоим на той точке зрения, что, пожалуйста, дайте всеобъемлющую работу. Вы многие вещи только разрушаете. И я думаю, что тов. Лядов (беру его собственный курс «Истории партии»[1]), если взять период борьбы большевиков с Керенским[2] и Временным правительством, пусть тов. Лядов укажет те положительные рецепты, которые большевики давали Керенскому. Пусть он укажет. Он их не укажет. Потому что линия была — только громить этого Керенского. И Думскую трибуну большевики брали для того, чтобы не помогать строить государство, а чтобы критиковать эту работу и доказывать ее невозможность. И вся работа была на том построена, и это была Ленинская линия.

(*л. 222*) Если мы, марксисты, сталкиваемся с таким затруднениями (они были вами констатированы, даже теми, кто давал такую райскую оценку, как, например, те товарищи, которые говорили, что у нас в Ленинграде все хорошо), и если я подхожу к этому явлению, то просто потому, что не могу встать на такую позицию, что это ошибка отдельных лиц, тогда пришлось бы встать на позицию того автора, о котором говорил тов. Лядов, а именно Вольтер[3] в его оценке Средневековья. Я не могу вставать на такую позицию и считать, что этнология — полет человеческого заблуждения. Если есть такие люди, которые повторяют азы марксизма, то

[1] Имеется в виду: *Лядов М. Н.* История Российской социал-демократической рабочей партии. СПб., 1906. Ч. 1–2.

[2] *Керенский Александр Федорович* (1881–1970) — российский политический деятель, министр, а затем министр-председатель Временного правительства (1917).

[3] *Вольтер* (*Voltaire*, настоящее имя: Франсуа Мари Аруэ — *Arouet*) (1694–1778) — французский философ, писатель, публицист, один из ярких представителей французского Просвещения XVIII в.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

я могу все же сказать, что я знаю тов. Ленина. И если происходят все эти явления, то они мне напоминают одну аналогичную вещь, а именно — пошехонское кормление коров. Пошехонцы тащили коров на крыши изб, где росла трава, и они должны были есть эту траву. Точно так же и занятие наших этнологов равняется тому. Здесь сначала берут социологию, а потом исходят из истории. Вы не будете отрицать того, что это было здесь сказано. Так что вы имеете здесь совершенно возмутительные вещи против марксизма. Ведь каждый марксист мог поставить вопрос о том, что если наука общественная, то в каком отношении она находится к другим наукам. И так всегда бывает у человека, который пытается последовательно мыслить, а здесь этого вопроса совершенно не было. Когда я поставил этот вопрос, то тов. Кошкин дал великолепное разрешение, что отношение между социологией [и] этнологией такое, как между этнологией и историей. Дать такое объяснение — значит ничего не дать. Вы имеете здесь голое отношение между 4-мя неизвестными. Четыре неизвестные величины одного уравнения у нас равны четырем неизвестным. Я не знаю математики, но думаю, что такая задача неразрешима. Для вас, тов. Кошкин, все величины — социология, этнология и история — являются неизвестными, а вы берете какое-то отношение.

(*л. 223*) Я в свое время констатировал, что это исходило от марксистов. Создалось впечатление спора славян между собой. Вполне правильно, тем более что и славяне бывают разные.

Тов. Маторин привел пример и сказал: «…живут в условиях абсолютного натурального хозяйства, не признают фабричных изделий, кроме…» Вы говорите «абсолютный» и рядом с этим делаете исключение. Вы не знаете, что такое слово «абсолютный».

Некоторые здесь становились на такую позицию, которая является всегда выгодной по существу; можно сказать: «О чем мы спорили, ведь спорили о словах». Ведь в конце концов можно перекинуть мостик от одного к другому, и настоящая Венеция получилась, но венецианские творцы упирались в твердую почву, а здесь плавучая; это находится в области социалистической утопии. Такая Венеция у нас здесь получается. Надо различать спор о словах и спор о словах. Если дело сводится к тому, что начинается игра словами, то это бесполезная вещь; тогда надо считать, что бесполезны и те доклады, которые были до моего доклада; зачем докладывать, что история есть этнология? Но бывают такие споры, которые весьма полезны. Когда речь идет о понятиях, то понятие для марксиста не сводится к игре словами. Когда Вы хотите быть учеными, то не берите слова из воздуха, не базируйтесь на интуиции, а берите понятие научное.

Если вчера был талмудизм, а сегодня схоластика, то, если бы было время, всплыл и третий термин — софистика. Я могу отослать к № 10–11 «Под знаменем марксизма» за [19]25 г. — А. М. Деборин «Очерки по тео-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

рии материалистической диалектики»[1]. И не случайно, что все эти термины здесь выплывают в нормальной логической последовательности. Я был бы талмудистом, если бы речь шла о перелицовке, о приспособлении старого здания; чтобы сделать из истории этнологию и наоборот. Речь идет о принципе построения. Когда товарищи идут хлебать кисель в погреб, а потом лезут за молоком, то нужно сказать, что это ненормально.

(*л. 224*) Так как время мое истекает, я сейчас не имею возможности ответить на все конкретные моменты, указанные оппонентами. Утверждаю все так и что по всем этим пунктам я могу дать ответ в любом месте и в любое время. Я позволю себе за неимением времени зачитать тезисы того доклада, который я делал к 15 апреля прошлого года[2]. Возможно, что я и кое-чему научился за этот год и некоторые положения, не изменяя по существу, изменил по форме. Эти мои тезисы дадут понятие о моих взглядах. Повторяю, что эти тезисы прошлогодние.

«1) Являясь одной из самых молодых наук по времени возникновения, этнология до настоящего времени не может точно определить свой характер, предмет исследования и задачи, а также отмежеваться от других дисциплин. Причина этого лежит не столько в недостаточности усилий со стороны ее адептов, сколько в крайне сбивчивых их методических установках».

«2) Отграничиваясь от попыток некоторых ученых рассматривать этнологию то как часть антропологии, то как чистое описание быта и культуры разных народов, собственно этнологи определяют ее как науку о культуре человечества и о законах ее развития, претендуя на вытеснение не только социологии, но и истории человечества вообще».

«3) В основе всех теорий этнологии, нередко противоречивых и взаимно исключающих друг друга, лежат два кардинальных понятия: “культура” и “этнос”, которые рассматриваются, как некие от- и надприродные существа». У некоторых вы можете здесь уловить моменты и отприродности, и надприродности, «…что является прямым результатом игнорирования их историчности и метафизического ипостазирования или биологизирования и т.п.».

«4) Развитие общества понимается как развитие культуры, результат общественного труда превращается в первопричину общества. Культура наделяется таинственными имманентными силами развития».

---

[1] Непонятно, что имеется в виду: *Деборин А. М.* Очерки теории материалистической диалектики. Очерк первый. Предмет философии и диалектики // Под знаменем марксизма. 1926. № 11; или: *Деборин А. М.* Энгельс и диалектическое понимание природы // Под знаменем марксизма. 1925. № 10–11.

[2] Видимо, Аптекарь имеет в виду собственный доклад «Марксизм и этнология», прочитанный им на заседании Коммунистической академии 7 мая 1928 г. [АРАН. Ф. 350. Оп. 2. Ед. хр. 233].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

«Когда мы говорим о жизненных законах развития, то это и есть имманентный закон». «…И которые делают ее независимой по отношению к людям».

(*л. 225*) Я очень настаивал, чтобы мне дали слово после профессора Кошкина, у которого культура была независима от природы. Эту точку зрения мы находим в книге В. Г. Тана-Богораза. Потому я и хотел, чтобы мой доклад был поставлен после его.

«Во многих этнологических направлениях общество вообще игнорируется — влияние природы на различные культурные явления происходит непосредственно». (*л. 226*) Тов. Винников и против этого метал гром и молнии, хотя и не по моему адресу, а по адресу тех этнологов, которые существуют и представлены на этой конференции.

«5) "Этнос"/народность — с марксистской точки зрения историческая категория, порожденная общественно-производственными отношениями, этнологами или идентифицируется с антропологическим понятием "раса", что ведет к объяснению всех общественных явлений в их разнообразии расовыми свойствами (вульгарный материализм), или рассматривается как некая духовная сущность, формирующая в силу свойственных ей имманентных законов культуру того или иного народа (спиритуалистический идеализм)».

Когда я давал эту схему, то и привел это как иллюстрацию. Вы найдете промежуточные формы, которые должны быть учтены, и если мы расу возьмем как научное явление, то вы получите крах вульгарного материализма.

«6 (11)[1]. Взаимоотношения этноса и культуры рисуются этнологами так: с одной стороны, нет этноса без культуры, «культура является одним из главнейших составных отличительных признаков этноса, этнос является только пассивным носителем культуры, которая пользуется им как постаментом для своего самопроизвольного выявления и развертывания, с другой стороны, этнос-носитель является необходимым условием для появления культуры, которая представляет собой не что иное, как результат специфического психического воздействия этноса на внешнюю среду. Таким образом, и этнос, и культура выявляются как некая органически связанная диада».

Я думаю, можно показать, что и такая точка зрения имеется.

«7 (12). Разбивая все человечество и созданную им культуру на целый ряд этносов, культур, этнологи то приписывают им вечные качества непроницаемости и постоянства, что ведет при соприкосновении их к смерти — уничтожению слабейших из них (оправдание империалистической колониальной политики), то наделяют их биологически-физическими свойствами (диффузия, осмос, скрещения–совокупления, мутации и т.д.),

[1] Так в тексте.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

рассматривая процесс общественного развития (подмененный процессом культурного (*л. 227*) развития) как аналогичный явлениям неорганической и органической природы».

Я имел удовольствие сталкиваться с товарищами, которые доказывали, что совершенно правильно приветствовали британскую политику, что англичане, мол, культурный народ.

«8 (13). Построенные при помощи подобных ненаучных методологических приемов этнологические теории, естественно, приводят исследование в старые тупики естественно-научного (антропологического, географического, биологического, психического и т.п.) и спиритуалистического (божественного, идеалистического) объяснения истории».

(*л. 228*) «Являясь для целого ряда дисциплин буржуазного культуроведения (археология, лингвистика и т.д.) методологией, этнология превращается в этнологическое понимание истории (то сводимое к идеализму, то к вульгарному материализму), несовместимое с диалектически материалистическим пониманием».

«Поскольку этнология претендует на звание отдельной от социологии дисциплины, она должна быть признана не чем иным, как буржуазным суррогатом обществоведения, поставленным на голову, знаменующим невозможность построить науку об обществе средствами буржуазной науки».

Последний тезис: «Диалектически-материалистический подход к вопросам культуры различных народов ведет к установлению примата общества — производственных отношений — базиса по отношению к культуре и ее составным элементам — общественным надстройкам. Силы развития лежат не внутри этих надстроек культуры, а кроются в развитии производственных сил. Марксистская социология — исторический материализм — разрешает основную задачу этнологии — происхождение и развитие культуры, уничтожая этнологию как особую науку. (Здесь Вы имеете элемент “снятия”.) Что же касается этнологического исследования отдельных “этнических культур”, “культурных кругов” и т.д., то оно превращается в социологическое исследование конкретных во времени и пространстве отдельных человеческих обществ».

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

(*л. 229–230*)

День четвертый
8 апреля 1929 г.
Утреннее заседание

Председатель

Слово для внеочередного заявления имеет тов. Никольский.

Никольский

Я позволю себе задержать внимание совещания на 3 минуты, чтобы сделать внеочередное заявление по следующему поводу: в процессе прений по первым трем теоретическим докладам оказалось, что в Президиуме недостаточно полно представлены все течения, имеющиеся на конференции. Мне представлялось бы более целесообразным в интересах деловой работы ввести следующих представителей: проф. Городцова[1] от московской археологической школы, нашего уважаемого докладчика по методам полевой работы проф. Куфтина от антропологической школы, затем нашего "Enfant terrible"[2] тов. Аптекаря ввиду того, что он отвергает право на существование этнографии как науки, его необходимо запрячь в хомут трудовой работы по организации теоретического обоснования нашей науки и как крайне левого нигилиста тоже включить в Президиум.

Акулянц[3]

Позвольте назвать также имя профессора Кагарова, о работах которого вчера как раз говорили.

Председатель

Президиум совещания обсудил поставленный вопрос и со своей стороны находит удобным изменять состав Президиума в процессе работы, тем более что состав Президиума на течение работы повлиять не может.

(*Вопрос ставится на голосование, и большинством голосов принимается предложение Президиума*.)

Председатель

Тогда позвольте перейти к повестке дня. Слово для доклада имеет В. Г. Богораз-Тан.

---

[1] *Городцов Василий Алексеевич* (1860–1945) — российский советский археолог. Возглавлял археологическую секцию Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН) с момента ее организации в 1924 г. Несколько лет руководил Археологическим отделом Главнауки Наркомпроса РСФСР.

[2] Фраза «ужасное дитя» используется как синоним невоспитанности.

[3] *Акулянц Абрам Никитич* — этнограф, сотрудник КИПС, специалист по Кавказу.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

(*л. 231*) ***В. Г. Богораз-Тан*** «Стационарный метод в полевой этнографии»

Мой доклад является докладом по практической линии. Однако, быть может, будет уместно сказать несколько слов и по линии теоретической. Я ставлю себе в некоторую заслугу, что почти не участвовал в нашем двухдневном коллективном сражении с «драконом». Я не говорил по докладу тов. Аптекаря. Впрочем, не ясно кто, собственно, является драконом. С одной стороны, выступали очень дружно, кто с дубьем, кто с ружьем, против тов. Аптекаря, а с другой стороны, тов. Аптекарь нередко сам выступал как Георгий Драконоборец, стараясь раздраконить всю нашу этнографию. Тов. Аптекарь говорил о единстве нашего настроения, о единстве спектра. Мне это единство не представляется столь очевидным. Если сравнить этнографию со спектром, то на правом конце этого спектра есть ультрафиолетовые лучи, правда невидимые, но все же действительные, а на левом конце — красные. Эти лучи длинные (скажем, длиннословные), но они не очень эффективны. Как бы то ни было, после этих трехдневных споров мы, этнографы, все не можем решить, упразднили нас или нет, существуем мы или не существуем, и не должны ли мы себя чувствовать как чеховский майор, который не знал, существует он или нет.

Я, впрочем, еще в первом своем выступлении сказал, что если мы действительно дошли до порога метода исторического материализма, то все-таки этот порог мы еще не перешли, метода этого мы еще не имеем. Мы не можем его получить в порядке директивном, а должны его прорабатывать шаг за шагом на нашем собственном материале. Эти три дня прений являются полным доказательством того, что мы описали полный круг и вернулись или почти вернулись на прежнее место. Я считаю, что мы эти прения должны были вести, чтобы выработать пути применения нового метода к нашей науке. Мне кажутся все-таки наивными запросы некоторых молодых ленинградских товарищей, которые говорят: «Научите нас применять этот метод». Никто этого указать ни вам, ни нам не может. Мы сами должны это проработать, сами должны научиться этот метод применять. (*л. 232*) Заодно я должен несколько опровергнуть утверждения тов. Винникова о том, что западная этнография зашла в тупик и вопиет об избавлении. Ссылка на патера Шмидта с его Божьей волей нимало не убедительна. Я нахожу, что мы вообще слишком много говорим о патере Шмидте.

Я только что вернулся из-за границы, где бывал на разных совещаниях этнографов[1], в том числе на некоторых прямо огромных по количеству

[1] Скорее всего, В. Г. Богораз имеет в виду XXIII Международный конгресс американистов в Нью-Йорке, который состоялся 17–22 октября 1928 г., на нем он сделал несколько докладов, а в кулуарах этого конгресса проводил совещание с Францем Боасом о продолжении экспедиционного сотрудничества между американскими антропологами и советскими этнографами. Одним из результатов этих переговоров стала отправка молодой аспирантки Юлии Аверкиевой в США на стажировку и для проведения полевой работы.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

докладов и по числу участников. И никто об избавлении не вопиял. Америка — страна архибуржуазная, но экспедиции там буйно развертываются при изобилии средств. В Америке вообще много богатств материальных, но, конечно, распределение этих богатств нелепо и нецелесообразно. И в это распределение богатств мы, быть может, могли бы внести свой голос, в том числе, конечно, в распределение богатств этнографических. С другой стороны, надо сказать, что на международном совещании по плановому изучению Севера иностранцы, желающие непременно проникнуть на нашу территорию, в виде аргумента показывали мне этнографическую карту северной Сибири и спрашивали, когда мы ликвидируем эти белые пятна, они желали бы непременно нам помочь. Мне, как делегату СССР, пришлось стоять довольно непримиримо на той позиции, что мы эти пятна ликвидируем сами в ближайшем будущем и отчасти уже ликвидировали. Такое заявление нас ко многому обязывает.

В Нью-Йорке после 23-го конгресса американистов у нас было другое международное совещание с участием специалистов по вопросу о культурных кругах с участием Копперса (ученика и преемника Шмидта), но он не играл особо выдающейся роли, Гордон Чайлда[1] и других. Каждый из них строил особые «культурные круги».

Глава американских этнографов занял положение скептическое и всех опровергал[2]. В западной этнографии надо отменить неуклонно растущее стремление к укрупнению районов и составлению новых расширенных групп, этнических и культурных. С другой стороны, совершенно верно, что они на Западе являются эмпириками и скептиками, в том числе эмпирическими являются такие школы Гребнера и Фойя, они не могут найти ни общего критерия, ни метода для изучения этих районов. Этот метод мы должны найти и применить к обширному имеющемуся материалу. Но я не знаю, нужно ли мне говорить о методе, так как мне пришлось бы говорить и о том биологизме, в (*л. 233*) котором весьма несправедливо упрекают не только меня, но и всех ленинградцев. Так, например, Петр Федорович в своей последней статье говорит следующее: «Подготовка этнографов производится на этнографическом отделении геофака Ленинградского университета, где в основе преподавания лежит преимущественно есте-

---

Вместе с тем характер отношений между советской и американской антропологией в этот период был непростым. Подробнее см.: *Kan S. A*. My Old Friend in a Dead-end of Empiricism and Skepticism": Bogoras, Boas, and the Politics of Soviet Anthropology of the Late 1920s — Early 1930s // Histories of Anthropology Annual. 2006. Vol. 2 / Ed. by R. Darnell, W. Frederic Gleanch. P. 33–68 (русский перевод: *Кан С*. Мой друг в тупике эмпиризма и скепсиса: Владимир Богораз, Франц Боас и политический контекст советской этнологии в конце 1920-х — начале 1930-х годов // АФ. 2007. № 7. С. 191–230).

[1] *Вир Гордон Чайлд* (1892–1957) — британский археолог и историк, автор многочисленных трудов по археологии и древней истории Европы и Востока.

[2] Очевидно, имеется в виду Франц Боас.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

ственно-научный подход, и на этнографическом отделении этнофака Московского университета, где это преподавание базируется на социальных науках и лингвистике».

Я не знаю, почему Петр Федорович так империалистически захватил себе лингвистику. У нас вообще полевая работа, как будет видно из моего доклада и как известно из нашей практики, а не только из нашей программы, построена на лингвистике. Я не чувствую себя виновным в применении биологического метода, тем более что мы, как я уже сказал, ищем нового метода и действительно хотим его найти. Я не знаю, как можно отрицать огромное значение, которое имеют в этнографических фактах естественно-научный, географический и биологический элементы. Мы тут перекликались с тов. Маториным относительно зоополитикон[1]. Тов. Маторин утверждал, что он говорил политикон, а я — зоо. Я говорил и то, и другое. Не знаю, как можно отказываться от зоо. Человек — действительно животное, зверь и даже гад. (*Смех.*) Современный человек в культуре это явно демонстрирует.

Или взять, например, технически-хозяйственный ареал, технически-хозяйственные приемы или, скажем, классы. Известно, что первые классы были возрастные, половые. Затем классы «М» и «Ж» превратились в производственные группы, это процесс очень длительный.

Теперь о стыке общественных и естественных наук. Петр Ф[едорович] оттолкнулся от этого стыка, как от забора. Но это не забор, а постепенный переход. П[етр] Ф[едорович] возводит первобытные народы в звание исторических. Я вижу этнографические пережитки, широкие этнографические пласты в так называемых культурных народах. Этнография охватывает широкую область перехода человеческого рода к роду зоологическому. Эта область огромная, и чем дальше мы уходим в глубь, назад, тем сильнее влияние естественных условий (*л. 234*) на человека. С нарождением культуры человек изменяет эти условия. Культура есть воздействие человека на естественные условия, на окружающую природу, активное их приспособление для своих потребностей.

Кстати сказать, тов. Аптекарь цитировал мою книгу не совсем точно. Я не говорил о разных культурах. Вот почти буквальная выдержка: «Культура человека является по существу единой, но изучение ее можно производить по различным методам, по различным отделам и с различных точек зрения»[2]. Наряду с этим я говорил с формальной точки зрения о методе графическом. Распространение культуры на Земле — это явление линейное. Земля — геометрическое тело; культура — график замкнутой геометриче-

[1] Зоо политикон (*греч.* «общественное/политическое животное») — аристотелевское определение человека.

[2] *Богораз-Тан В. Г.* Распространение культуры на Земле. Основы этногеографии. М., 1928. С. 45.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

ской линии, части поверхности. Распространение культуры происходит в таком же порядке, как распространение физических сил, электрического света или тепла, — от центра к периферии. От такого формального подхода никуда не уйдешь.

Откуда вообще такое недоверие к естественным наукам? Тов. Толстов высказался довольно определенно: «Мы не можем ждать, пока вы с вашим методом придете к тому же результату, к какому пришли мы с методом исторического материализма». Я не знаю, зачем исторический материализм противопоставлять естественно-научному материализму. Я считаю, что они почти совпадают, и в практических вопросах мы говорим на одном и том же языке. Если угодно, примените так наз[ываемый] биологизм как преддверие к методу исторического материализма. Раз мы метода исторического материализма еще не имели, то единственный метод, который могли и должны были иметь, — это метод научного материализма. Тов. Аптекарь признал, что этот метод применяется нами или многими, не знаю, как сказать, в порядке определения отприродных элементов. Конечно, отприродных элементов лучше, чем надприродных.

После этого предисловия я перейду к докладу. Темой моего доклада является «Стационарный метод в полевой этнографии». Во избежание недоразумений я должен указать, что в практической полевой этнографии есть, очевидно, три метода: стационарный, экспедиционный долговременный и экспедиционный кратковременный.

(*л. 235*) Стационарный метод имеет, в свою очередь, две разновидности: стационарный метод научный и стационарный метод культурный. Мы признаем, что в нашем настоящем положении полевой метод не вырабатывается на бесконечно долгое время. Сейчас в этнографии должен быть метод культурный, метод сближения научной работы с работой культурной. Так в практике возникает бесчисленное количество недоразумений. Например, мы обсуждали вопрос, что такое двухлетняя экспедиция. Русский язык дает возможность ее понимать как экспедицию, продолжающуюся два года, и как экспедицию, продолжающуюся два лета. Но, конечно, мы понимаем два года. Тезисы, которые я зачитаю, они чрезвычайно простые, но и с удовольствием отмечаю, что эти тезисы вошли в обиход. Эти тезисы являются результатом нашей пятилетней работы, они были проработаны нашим семинаром и сложились в виде этой программы, опубликованной в прошлом году[1]. Конечно, программа весьма несовременная, это только первый опыт. Тем не менее я считаю долгом подчеркнуть, что это не мое индивидуальное творчество, а результат работы нашей ленинградской полевой этнографической школы.

---

[1] *Макарьев С. А.* Полевая этнография. Краткое руководство и программа для сбора этнографических материалов в СССР. Л., 1928.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

«1. В условиях СССР полевая работа этнографа должна непрерывно сочетаться с культурно-общественной работой. Такая работа существенно необходима среди многоплеменного состава СССР, в особенности среди культурно отсталых народностей. Этнограф нашел широкое применение своим знаниям: учитель с этнографическим образованием, секретарь сельсовета, уполномоченный по туземным делам, инструктор, кооперативный работник, музейный работник получают большое применение в отдельных туземных районах, в особенности в районах Севера. Этнограф со знанием языка и быта туземцев, являясь культурно-общественным работником, приобретает исключительное доверие туземцев. Он получает доступ к самым сокровенным, часто неожиданным материалам.

2. Научная работа этнографа получает углубленность на основе культурно-общественной работы. Такая научная работа требует большой длительности. Культура каждой этнической (*л. 236*) группы представляет сплошной культурный комплекс, изучение которого невозможно без длительного стационарного подхода. Метод стационарного исследования включает как главный момент комплексное изучение методических разделов материальной, социальной и духовной культуры.

Статические элементы материальной культуры, как пища, жилище, одежда, не могут являться главным предметом изучения. Необходимо изучение трудовых производственных процессов и их отображений, духовных (в частности, религиозных) и социальных. Производственные процессы имеют циклический характер, поэтому существенно необходим годовой цикл изучения. Принимается так наз[ываемый] этнографический год — два лета и в промежутке одна зима, для того чтобы по возможности удлинить изучение, а также потому, что летние производственные процессы интенсивнее и важнее зимних».

Мы считаем необходимым, чтобы перерыв был не меньшей, а иногда даже большей длительности, чем изучение, потому что в полевой этнографической работе повторность имеет громадное значение и весьма реальное применение. Я хочу здесь отметить такой факт. При всем нашем глубоком изучении Севера мы проглядели целую культуру, а именно — культуру оленеводческую, существующую на западе от Енисея у остяков, самоедов, культуру оленеводчества без пастушечьей собаки, имеющую оригинальные подробности. Между прочим, на основании новых материалов я попытался установить новую систему распределения оленеводчества с семью разделами. Это был один из моих докладов на конгрессе американистов.

«3. Следует особо отметить специализацию женщин и мужчин-этнографов. Женщины-этнографы необходимы для изучения женщин в особенности там, где женщина порабощена и даже не показывается чужому мужчине. В этих условиях равно необходима женщина-врач, женщина-антрополог и женщина-исследователь туземного быта и брачных отношений».

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

(Я приведу факт в доказательство того, что наша наука еще только складывается: несмотря на наше пристальное, настойчивое и постоянное изучение Севера, вопрос об изучении женщин был поставлен только этой зимой в Москве, и поставлен не учеными, а группой партийных работников как задание для нас. И действительно, это задание чрезвычайно необходимое.)

(*л. 237*) «4. Нельзя быть этнографом без работы в поле. Работа только по литературным источникам, по цитатам чужих исследований, при всем ее значении важности, нередко складывается в неразборчивую этнографическую компиляцию типа Летурно[1] или приводит к дедукции. Без полевой работы создается отрыв от этнографической базы, рождение научных суеверий — каково знаменитое суеверие о где-то существующем первобытном языке с тремястами словами или другое суеверие о народах, не знающих добывания огня».

Конечно, изучение музейной литературы отдельных народов необходимо для подготовки этнографов. Через полевую работу мы пополняем литературу, и мы должны ее знать, знать всех наших предшественников. Для студенчества у нас полевая практика иная (об этом будет особый доклад), мы не можем требовать от них такой продолжительной практики, которую мы выставляем, как правило, для работы полевой исследовательской.

«Этнография — это наука об этнических группах, а не о записях, к ним относящихся. Полевая работа в особенности необходима для исследования народов полуизученных или совсем неизученных. Также среди культурных народов имеются группы, подлежащие полевому изучению этнографа. Таковы земледельцы глухих районов, пастухи, лесные кустари, сплавщики леса. Такой же характер имеют и городские элементы: сезонные рабочие, беспризорные, преступники, нищие. К той же категории малообследованных групп надо причислить городские обособленные группы, национальные и социальные. Таковы айсоры, цыгане, различные сектанты и т.д.».

Можно поставить вопрос об этнографическом подходе, об изучении других социальных групп, более культурных, но это завело бы нас очень далеко и отвлекло бы от темы, которую я здесь ставлю.

«5. В своем историческом развитии полевая этнография прошла две стадии: любительскую и научную. Любительская стадия полевой этнографии относится к XVIII и отчасти XIX в. Работали в поле странствующие миссионеры, чиновники, исправники, офицеры-завоеватели или офицеры-разведчики, (*л. 238*) странствующие торговцы. Отсюда возникло весьма неосновательное представление о зверстве и грубости первобытных людей,

[1] *Летурно* (*Letourneau*) *Шарль* (1831–1902) — французский этнограф-эволюционист и социолог, президент Парижского антропологического общества, профессор истории цивилизации в Антропологической школе (с 1885 г.).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

о ничтожестве их культуры, о варварстве культуры инородцев, даже о грубости крестьян и рабочих».

С другой стороны, есть много хороших научных работ. Мы должны упомянуть основоположников лингвистики — великих Штеллера[1] и Кастрена XVIII и XIX вв. Однако нужно указать, что между элементами изучения лингвистики и этнографии всегда было расхождение. Можно указывать на исследователя Потанина[2], производившего многолетние работы среди монгольских народностей без знания языка, или Б<…>, основоположника якутской лингвистики, который произвел основные записи, не выезжая из Петербурга, при помощи У<…>, приехавшего из Якутской области в Петербург[3]. Даже у Кастрена, проведшего в поле всю свою жизнь, основоположника этнографии и лингвистики, даже у него этнография и лингвистика идут перемежающимися квадратами и пятнами, но вместе не сливаются или сливаются в недостаточной степени».

«Начало научного подхода к полевой этнографии возникло в связи с другими научными дисциплинами. Возникли совмещения, такие как естествоиспытатель и этнограф; географ и этнограф; антрополог и этнолог. Однако во всех сочетаниях этнография представляет только побочное изучение. С конца XIX в. и в особенности в XX в. полевая этнография развивается как особая специальность».

«6. Изучение культурного комплекса этнической группы невозможно без знания языка. Работать в поле без языка совершенно невозможно. Однако до сих пор выдвигаются попытки “немого комплекса”: археология, антропология и т[ак] н[азываемая] материальная культура музейного типа, то есть регистрация видимых предметов без объяснения словами. Создается опасная психология у самого исследователя, дилетантский подход, невольное презрение к данному народу, вульгаризация работы. Такими же недостатками страдают нередко и более краткие экспедиции музейного характера для собирания вещей. В результате собираются вещи: а) по культу, б) по оружию и в) по народному платью, как будто бы люди только молятся, сражаются и наряжаются. Собираются разрозненные (*л. 239*) предметы материальной культуры. Однако выражение трудо-

---

[1] *Штеллер* (*Стеллер*) (*Steller*) *Георг Вильгельм* (1709–1746) — российский ученый немецкого происхождения, выдающийся натуралист и путешественник, адъюнкт натуральной истории Петербургской академии наук (1737). Участник Второй камчатской экспедиции под руководством В. Беринга. Ему принадлежат такие труды, как «Путешествие от Камчатки к Америке вместе с капитан-командором Берингом» (1793) и «Описание земли Камчатки» (1774).

[2] *Потанин Григорий Николаевич* (1835–1920) — русский путешественник, этнограф, фольклорист, исследователь Сибири и Центральной Азии.

[3] По-видимому, Богораз имеет в виду *Отто фон Бётлингка* (Otto von Böhtlingk) (1815–1904) — российско-немецкого филолога, индолога и санскритолога, а также автора трехтомной работы «Язык якутов» (СПб., 1849–1851).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

вых процессов в коллекциях музеев требует также годового цикла изучения.

Конечно, археология и антропология имеют огромное значение, но у них есть свой собственный метод. В комбинированных экспедициях лучше всего соединять двух исследователей, имеющих по две родственные специальности: 1) этнограф-лингвист; 2) археолог-антрополог.

Собственное знание языка не может быть заменено работой с переводчиком. Хороших переводчиков вообще не существует. Конечно, переводчик-туземец лучше переводчика-русского, но, в общем, переводчик мешает работать. В результате работа с переводчиком является искажением фольклора, упрощением данных о религии.

Возможен образованный переводчик из местных туземных студентов, но в этом случае переводчик должен явиться этнографом, а приезжий исследователь не нужен. Метод изучения языка требует надежности, точности и глубины. Для языков неизученных потребна двухгодичная работа. Необходимы записи текстов с восточным переводом[1], а также с литературным переводом, грамматический разбор, фразеология, словарный материал».

Исхожу из своего собственного опыта. Моя чукотская работа при всей терпеливости и внимательности все-таки в первый год была только работой подготовительной, и при последующем изложении, в том числе и в новую сводную работу о чукотском языке, опубликованную в [19]19 г. в Америке, эта работа первого года не была введена как излишняя, как представляющая много неизбежных ошибок. Я зачитаю вам собственный перевод одного из чукотских заклинаний: «Что за диво! Твою сердечную жизнь с аортой я потянул, из задницы вытащил, себе взял (как раз из след[ующей/его] его травку или щепку, что-нибудь берут говоря в рукавицу (две такие) вещи помещают). По приходе домой одна должна быть положена в очаг, другая над лампой повешена, завернута в оболочки. Что за диво! Что за диво! Книжку (желудок) вытянул, из задницы вынул, на нос мешком облек. Что за диво! Что за диво! Выученной важенкой делаю тебя. Что же! У рассветного народа мужа ищи. Что за диво, что за диво! Из небесной щели сына принесла. Что за диво, что за диво! Верхушки рассвета народа сына принесла. Что за диво, что за диво! Рассветного народа сына принесла. Что за диво, что за диво! Особых туч сына принесла. Что за диво! На обширной скале… поместил тебя».

(*л. 240*) Я прочитал этот перевод, мне кажется, тщательно. И я готов держать пари, что никто здесь смысла этого перевода не понял. Нужна большая компетентность, чтобы это объяснить. Так что при помощи переводчика здесь ничего нельзя сделать.

В качестве другого примера приведу чукотскую сказку, которая кончается так: «Ага, я убил ветер». Когда переводят такие концовки, то говорят

[1] По всей видимости, имелось в виду «с подстрочным переводом».

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

так: <…>, но по сути дело обстоит так: сказка рассматривается как заклинание против ветра, главного врага северной культуры. Таким образом, здесь соединение фольклора и производства. Такую вещь вы можете найти только тогда, когда вы знаете язык и постоянно учитесь. Я сказал бы, что двух лет для этого недостаточно. Нужно посвятить этому делу всю жизнь, как делали великие этнографы-основоположники XVIII и начала XIX в.

«Этнограф-лингвист избирает языки малолитературные или вовсе не имеющие письменной литературы. Например, в родственных группах языков этнограф выбирает вместо персидского таджикский, вместо грузинского — чеченский, вместо финского — суоми, карельский или вепсский.

Однако интересы этнографа шире интересов лингвиста. Этнограф включает лингвиста. Этнографический подход к языку и диалекту предполагает подбор этнографического словаря: созвездия, месяцы, системы счета, восприятие цветов, метод выражения отвлеченных понятий, шаманский язык, охотничий язык и т.д. Сюда же относятся топонимика и технические словари. Для языков ассимилированных или гибридных, например для обруселых туземцев Северо-Восточной Сибири, для сибирских протоазиатов, туркизированных или монголизированных, необходимо устранение верхнего слоя языка и тщательное изучение древнейшей подпочвы».

7. «Кроме стационарного метода, возможен также метод экспедиционного изучения, производимого группою ученых, посетивших данную народность для этой цели. При условии долговременности, экспедиционный метод приближается к стационарному и приобретает большую часть его достоинств».

(*л. 241*) Если будем говорить о работе миссионеров или этнографической работе политических ссыльных, то ее первым достоинством было то, что это была работа долговременная. Поэтому миссионер, при своем неправильном подходе, все же мог дать сведения этнографические в деталях. Кроме того, в работу миссионеров, а особенно в работу политических ссыльных входил другой очень важный момент: они не были нарочными исследователями. Мы приехали туда не как ученая экспедиция, а совсем по другому делу. Мы там должны были жить туземною жизнью, создать материальную базу, научиться охотиться, ловить рыбу, строить дома, рубить лес, косить сено и пр. Именно потому, что мы туда приехали не для этнографии, мы там заняли определенную позицию, материальную и производственно-культурную. Известно, что многие отрасли сибирской культуры, вплоть до политического роста, произошли от политических ссыльных. Именно потому, что мы были культурными и производственными работниками, мы стали действительно этнографами. Мы имели много досуга в течение 10 или даже более 10 лет, а за 10 лет много можно сделать.

Когда я читал лекцию о русской этнографической работе в Америке, я сказал, что мы в нашей практической работе применили пословицу, которая говорит: «Надо съесть с человеком пуд соли, чтобы понять друг

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

друга», а мы, полевые этнографы, можем сказать: «Надо скормить туземным вшам 2 фунта своей собственной крови, чтобы понять его быт». А пища эта воспринимается очень маленькими порциями. Это означает, для того чтобы изучить культуру, нельзя чуждаться ни невежества, ни грязи, ни голода. Вы должны сами это претерпеть.

8. «Однако даже долговременная экспедиция не вполне соответствует стационарному методу. Научный исследователь, прибывший со стороны, не сливается с народом. Необходима физическая близость, личное восприятие бедности, холода, голода, участие в труде, участие в празднествах. Между тем полевые исследователи, прибывшие со стороны, порой опасаются жить с туземцами и живут отдельно. Отсутствие общего быта мешает работать. Идеалом полевого исследования является работа местных людей, русских и туземцев. Эта работа туземных людей только теперь начинается».

(*л. 242*) «Более кратковременные экспедиции, летние, полугодовые или четырехмесячные, не должны иметь в современной этнографии широкого применения. Они по необходимости приобретают любительский поверхностный характер. Они, однако, могут быть дополнительными и тематическими для изучения отдельных научных вопросов или повторными после предварительной стационарной работы.

Для восточнославянских народностей, лучше изученных и в среде, более близкой исследователю, при естественном условии знания родного языка возможно более сокращенное время работы. Но, конечно, и здесь стационарный метод является основным и существенно необходимым».

Конечно, надо считаться с финансовыми возможностями, а последние очень часто являются непреодолимым препятствием. Я устраивал и устраиваю ряд экспедиций в нашей Академии наук и разных учреждений, и каждый раз из-за недостатка средств, несмотря на все старания Академии, получается следующее: в прошлом году мы устраивали экспедицию на устье Енисея. Из-за недостатка средств нам пришлось ее устроить на 8 месяцев. Через 8 месяцев нам предстояло или прилететь на аэроплане, или замереть на 4 месяца, или продолжать работу без ассигновок, что очень часто делается. Сплошь и рядом у нас бывает так, что дают ассигновок на 8 месяцев, в то время как одна дорога продолжается 5–6 месяцев. В этом нужно отдать себе полный отчет. Главные трудности — это трудности финансовые и организационные, это линия наибольшего сопротивления полевой работы, но и эти трудности мы должны преодолеть. Мы должны быть готовыми к тому, чтобы покрыть «белые пятна» упорным долговременным трудом. Тогда мы будем иметь право претендовать на средства, достаточные для ведения экспедиций, хотя бы на полуголодном пайке, но чтобы можно было их довести до конца.

(*л. 243*) «8. Методы работы устанавливаются особо по отделам: а) материальная культура; б) экономика; в) социальная культура; г) духовная культура, в частности область религиозных верований. Изучение ввиду сложности

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

предмета должно производиться по особо выбранной программе. Упомяну программу Л. Я. Штернберга[1] и недавно вышедшую программу, составленную С. А. Макарьевым[2] под редакцией В. Г. Богораза, «Полевая этнография».

В изучении материальной культуры отмечу необходимость участия исследователя в трудовых процессах местного населения как полноправного члена. В худшем случае, если физические силы не позволяют, необходимы его постоянные присутствия при работах. Для этого отдела важно применение фотографии, рисунка и чертежа. Для сбора коллекций необходимо установить надлежащую пропорцию подлинных предметов и моделей. В особенности орудия труда должны быть подлинны. Необходимо организовать записи самих туземцев, собирать их рисунки и чертежи, заказывать им модели, но следить за работой с научно-технической точностью.

Для религиозного отображения производственных процессов важно собрать местные указания на связь обрядов и трудовых процессов, сделать подробные записи космогонии и фольклора. Не менее важно участие в жертвоприношениях и производстве заклинаний. Для анализа шаманства необходимо общение с шаманами. Важен подробный систематический анализ чудес и анализ шаманского внушения. Нужно составлять списки наличных шаманов, списки колдунов, колдуний, знахарей и знахарок, сказочников и сказочниц и всех выдающихся людей местного населения. Надо записывать их родословную и их биографию. Необходимо организовывать записи указанных лиц и рядом с биографиями собирать автобиографии, нередко наивные, написанные неумело, но тем более ценные. Самая «плохая» автобиография лучше искуснейшей биографии, написанной исследователем со стороны.

В отделе экономики надо стараться отделить элементы натурального хозяйства от элементов денежного хозяйства; собрать (*л. 244*) статистические данные о меновой торговле в прошлом и в настоящем и о более новой денежной торговле; о торговле купеческой и кооперативной; данные по статистике обмена города и деревни, русских и туземцев, различных племен между собой; собрать статистические данные о развитии новых трудовых процессов, о замещении скотоводства земледелием, мелкого рыболовства — более крупным рыболовством, разведении заказников и питомников у охотничьих племен. Нужно составить таблицы цен товаров, городских и деревенских, в старые и новые даты, например в 1914, 1919, 1925, 1929 гг. Особо: изучение производства и употребление спиртных напитков, собственных (самогон) и привозных.

---

[1] Видимо, имеется в виду эта программа: *Штернберг Л. Я.* Краткая программа по этнографии // Сборник инструкций и программ для участников экскурсий в Сибирь. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1914. С. 212–251.

[2] *Макарьев Степан Андреевич* (1895–1937) — советский этнограф, выходец из вепсской деревни, помощник В. Г. Богораза-Тана. На основании лекций Богораза составил первый советский учебник по полевой этнографии (1928), который и упомянут здесь.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

В отделе социальной культуры ввиду трудности анализа необходимо делать записи серий отдельных фактов по обычному праву, в частности по брачным отношениям и формам, по воровству, убийству, кровомщению, особо по убийству стариков и детей, по праву собственности, коллективному и индивидуальному. Сюда же относится анализ родового быта, системы родства, пережитков так наз[ываемого] «натурального коммунизма». Общность потребления, право на пищу в голодное время, общие пиршества в сытое время принадлежат сюда же.

В анализе классовых отношений нужно отметить классы взрослых и классы половые и их различный производственный характер. Изучить положение женщины, ее порабощение, ее сравнительную свободу. Калым, многоженство. Отметить ширину производственного значения женщины, начиная с работы женщины как вьючного животного до выдающегося значения женщины в создании первобытных ремесел. Следует особо отметить производственные группы по их специализации, каковы горшечники, кузнецы, ткачи. Еще подробнее надо анализировать экономические классы по признаку накопления и распределения богатств. Таковы старшины и торговцы, в частности торговцы чужеплеменные и торговцы одноплеменные; ростовщики, работодатели, богатые собственники, например хозяева стад; особо отметить положение класса шаманов-жрецов, (*л. 245*) их экономическую силу, собираемую плату, зажиточность, влияние.

В отделе новой советской общественности нужно отметить развитие местных политических и просветительских организаций, например развитие туз-советов и туз-отделов[1] <у> примитивных племен, также кооперативных ячеек и просветительских ячеек, в особенности местных и мелких. Сюда же относится новейшее взаимоотношение бедняков, середняков и зажиточных, раскрепощение женщин. Строительство женского быта и женское участие в строительстве общего быта, взаимоотношение отцов и детей».

Это, в сущности, и есть мой доклад. Это, конечно, только выборки. Я их привел для того, чтобы показать наполнение нашей работы и те разделы, по которым она идет. Эти выборки идут по линии аналитической. Во-первых, потому что это есть учебный подход, взятый нами из семинария, во-вторых, потому что синтез гораздо труднее и его нам предстоит еще сделать. Самая проработка программы произведена у нас более подробно, но даже и эта разработка, которую мы сделали, является еще опытом, нуждающимся в дальнейшем совершенствовании.

(*л. 246*) ***Б. А. Куфтин*** «Задачи и методы полевой этнографии»

К сожалению, мне не удалось к сегодняшнему дню заготовить достаточное количество тезисов моего доклада. В интересах тех, кто тезисов не получил, мне придется в своем докладе держаться ближе текста самих

[1] Туземные советы и туземные отделы.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

тезисов, так как считаю их чрезвычайно важными, поскольку они касаются основных вопросов этнологии не только полевой, но и этнологической науки в целом ввиду их неразрывной связи.

Задачей моего доклада является не выяснение технических приемов и технической методологии полевой работы, а выяснение тех путей и основ полевой этнологии, которые вытекают из самого существа этнологической науки и из требования жизни и социалистического строительства. Последнее не только направляет отдельные задачи полевого исследования, но и является до известной степени критерием разрешимости, критерием действительной приемлемости основных задач самой науки. Здесь существует постоянная связь. Если научная методология является сама по себе правильной, то совершенно очевидна и практическая ценность результатов, получаемых от работы той или другой науки, в частности этнологии.

Не будучи марксистом, не имея специального марксистского образования, я, конечно, не могу претендовать на то, чтобы выразить основы этнологии в терминах и категориях диалектического материализма. Это, по-моему, является задачей не отдельных научных работников, а может явиться в результате работы целого коллектива. Если мы наблюдали и наблюдаем на нашем совещании целый ряд споров относительно методологии и задач нашей науки, то это показывает, что вопрос о методологии этнологии на основе диалектического материализма еще не выработан. Для выработки его необходим коллектив. Только коллектив с его внутренними противоречиями, которые вполне естественно могут возникнуть, поскольку в коллектив должны войти и этнологи-марксисты, и марксисты-неэтнологи, и этнологи-немарксисты, может дать правильную установку для нашей науки. Только в противоречиях рождается истина.

(*л. 247*) Исходя из этого как бы предисловия к своим тезисам, я подойду уже к рассмотрению самих основных вопросов полевой этнологии. Прежде всего нужно сказать, что этнологическая наука не может быть разрезана по двум линиям: по линии практического собрания материала и по линии его определения [и] научного истолкования, то есть по линии этнографии как науки черновой, собирающей и этнологии как науки беловой, истолковывающей собранный материал. Если возможны другие разрезы внутри этнологии, то во всяком случае не по этой линии. Собрание материала вовсе не есть какой-либо механический процесс, это есть процесс научно-исследовательской работы, который является основой этнологической науки, так как материал для нее находится не в кабинетах, не на книжных полках, а находится в живой истории народов, в живом развитии общественных групп и тех различных категорий и формаций, которые связаны с историей человечества. С другой стороны, этнолог, не работающий в поле, не в состоянии часто учесть содержание самого процесса жизни, так как процесс этот является неразрывным, не разбивающимся на

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

части. Эта неразрывность самого жизненного процесса делает необходимым непосредственное наблюдение его и выработку основных понятий и категорий из самой работы и наблюдений этого исторического процесса на материале, привозимом с поля. Материалы, которые находятся в музеях и библиотеках, уже являются определенно методологически собранными и уже определенным образом разрывают этот процесс по тем или иным понятиям и категориям. Поскольку этнологическая наука, как и всякая, в сущности, наука, вырабатывает свои основные методологические приемы постоянно в истории ее развития, постольку, конечно, для этнолога важно постоянное соприкосновение с живыми объектами жизни, что возможно только через полевую этнологию.

Задачи и методы полевого исследования в области этнологии вытекают из теоретического обоснования самой этнологической науки, причем так, что эта наука исторически сложилась и осознала себя в процессе своего развития и в определенных условиях действительности и жизни и, наконец, потребностей социалистического строительства.

(*л. 248*) Практические требования и отдельные задачи жизни иногда вклиниваются в общую жизнь того или научного исследования. Это, с одной стороны, процесс неизбежный, но, с другой стороны, эти практические требования не должны влиять на планомерность и определенную углубленность исследовательской работы. Только в том случае, если наука построена на основе правильной методологии, она гарантирует и обеспечивает определенную практическую пригодность своих выводов и своих материалов.

Конечно, этнология является наукой исторической. Изучая отдельные проявления общественного развития и общественно исторического процесса, она строит свои понятия на основе тех категорий, которые вытекают из самого существа самого исторического развития. В этом смысле этнология и ее методы тесно связаны с историей. Изучая различные стороны, вернее различные проявления общественного развития, этнология восстанавливает историю человечества как бы ретроспективно, исходя из тех проявлений исторического процесса, который мы, этнологи, наблюдаем в настоящий момент. Этнология в этом смысле формально отличается от социологии, так как она изучает конкретные формы проявления более общих законов общественного развития. Это необходимо комментировать, чтобы не было недоразумения, так как очень часто этнологию сравнивают с социологией (на этнологическом факультете Московского университета было такое деление этнологии и этнографии, при котором под этнологией понимали социологическую дисциплину).

(*л. 249*) Принимая во внимание, что этнология формально отличается от социологии, все-таки необходимо подчеркнуть специфические особенности этнологии, материально выделяющие ее среди других социологических дисциплин, хотя бы политической экономии, во всяком случае тех, которые

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

занимаются формациями вненациональными (классовыми, политическими и пр.) через методологическое преодоление племенных различий. Каждая из этих наук, занимающаяся явлениями и формациями внеплеменными, вненациональными, их, конечно, не игнорирует, а методологически преодолевает, выясняя те внеплеменные, вненациональные формации, которые образуются в историческом процессе. Этнология преимущественно сосредоточивает свое внимание на этногенезисе, изучая историю общественных форм и культуру в процессе племенных формообразований и, следовательно, в разрезе формаций этнических, возникающих, бытующих и исчезающих на основе более общих законов исторического развития.

Я и наша школа антропологическая, Московского университета, именно рассматривает основным объектом этнологической науки не отдельные, как бы застывшие статические элементы или метафизически созданные понятия об этносе, племени и т.д., а изучает процесс, процесс определенный, который и называется процессом этногенетическим, то есть процессом образования тех различий, которые мы в обычном нашем понимании называем племенным различием. Этнология изучает процесс образования, то есть сложения на определенных стадиях общественного развития определенной стадии производства, хозяйственных отношений, затем их бытование и дальнейшее разложение. Это чрезвычайно важно установить, чтобы не было опять-таки ряда недоразумений, которые часто проистекают из того, что те или другие категории, выработанные в науке, смешиваются с их словесными определениями. Нужно сказать, что диалектический материализм, изучая процесс исторического развития, выработал в себе определенные категории, и не только определенные категории, но и их словесное обозначение, определения.

(*л. 250*) Очень часто нам приходится наблюдать, что категории, выработанные на основе научной дисциплины, в частности хотя бы этнологии, по существу являющиеся близкими, а иногда даже тождественными с теми категориями, которые вырабатываются в диалектическом материализме и социологии, но связанные с иным словесным обозначением, понимаются как не имеющие отношения к данным категориям, как категории просто непонятные. Я бы сказал, что проявляется некоторого рода номиналистическая тенденция, как раз в среде диалектиков.

Вопрос об этносе, племени, нации, национальности является до известной степени кардинальным, поскольку этнология изучает этногенезис, в который входит понятие «этнос». Само название «этнология» или «этнография», понятия племени, расы и национальности, все они получили свое определенное оформление как в обычном житейском понимании, так и в истории разработки той или другой дисциплины, в частности антропологии, которая расу может понимать не совсем так, как ее понимает этнология или социология. Я должен указать, что, говоря об общей методологиче-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

ской установке этнологической науки, говорю об этносе в общем смысле, как я бы говорил в другом случае о племени, национальности и т.д., то есть не делаю тех специфических различий, которые имеются и которые пригодны как для общежитейского языка, так и для языка научного. Я представляю себе этнос, и нацию, и национальность не как ряд метафизических сущностей, а как определение, помещающееся в промежутке исторического процесса общественного развития, которое само по себе является подвижным и переходит из одного явления в другое, является вполне реальным. Именно эти только и процессы изучает этнология. Чтобы избегнуть недоразумений, я бы сказал, что этнология, изучая этногенезис, рассматривает его с точки зрения формирования и формаций различных степеней сгущенности, именно момент этнический. При этом мы наблюдаем такого рода явление, что на известных ступенях общественного развития, которые часто называются доэтническими, мы имеем дело с (*л. 251*) определенными группировками, которые в той или другой степени имеют аналогичный характер с теми, которые позднее оформляются более или менее определенно, с понятиями племени, народности и, наконец, нации как уже определенной совокупности часто племенных или других делений, но уже связанных с высшей формой исторического развития, прежде всего развития государственного и политического, когда мы можем говорить уже о нациях. Но, по существу, мы часто в национальностях можем иметь дело с осколками нации в том смысле, как нация понималась в процессе развития государства докапиталистического и государства Древнего мира, Востока или Греции, где вырабатывалось понятие о нации, близкое к тому, которое мы наблюдаем в настоящее время. При разрешении этих национальных единств мы имели дело с определенными племенами, которые носили в себе пласты этих национальных объединений. Этнология именно и понимает свои задачи как выяснение всех этих многосложных процессов. В них входит и понятие «раса». Часто расу понимают как определенный физический тип. Тов. Аптекарь выразился таким образом, что раса есть понятие, в основе своей выходящее за пределы истории развития общества, что раса часто связывается теми или другими антропологами с происхождением человека от различных пород обезьяны, что одна раса произошла от африканской породы, другая — от азиатской и т.д. Таким образом, получаются как бы основные расовые различия, которые не могут быть преодолены историческим процессом и на которые даже можно указывать как на такие различия, которые как бы оправдывают борьбу отдельных групп, не классов, а именно национальностей, друг с другом. Хотя такого рода тенденции имеются, в частности, у К[лаач?][1], но это тенденция отдельных ученых, которые не получили признания и которые, во всяком

[1] *Клаач* (*Klaatsch*) *Герман* (1863–1916) — немецкий антрополог и анатом, один из создателей теории полигенизма.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

случае, не имеют отношения к этнологии, которая стоит на точке зрения моногенетического развития человечества. То, что этнология не рассматривает расу как чисто физический тип, является чрезвычайно существенной частью единения ее [с] антропологией и дает возможность найти более правильные пути понимания того, что является расой. Раса есть формация общественного порядка, а не естественного в том смысле, что само появление расы невозможно без определенных явлений изоляции, то есть (*л. 252*) одними биологическими законами раса объяснена быть не может. Иногда есть тенденция в антропологии понимать расу как явление непосредственной функции определенной климатической зоны или тех или других географических областей. Такого рода взгляды не разделяются всеми, и прежде всего антропологической школой Анучина[1]. Эта школа считает, что раса есть формация общественная, возникшая не при условиях географической изоляции, а прежде всего изоляции общественной, внутри которой только и возможно было образование при определенном хозяйственном уровне и при определенной идеологии тех разновидностей и форм, которые мы наблюдаем в человеческих расах в настоящее время. В этом смысле раса является формацией этнической, этнологической, именно постольку, поскольку она выражает наиболее древние формы тех этногенетических процессов, которые привели к тому или другому чисто расовому облику.

В процессе дальнейшего развития человечества мы наблюдаем как процессы постепенной денационализации этнических групп, так и процесс расового смешения, который особенно сильно проявляется в настоящее время, хотя ему часто противостоят определенные идеологические представления, как борьба рас в Америке, вопрос о неграх. Таким образом, можно сказать, что мы имеем дело с различными этническими формациями различной древности, различной уплотненности и даже в значительной степени различной наполненности тем или другим комплексом проявлений общественной жизни. Точных границ мы тут никогда не проведем. Я не мог согласиться с положениями, высказанными Преображенским, который, определяя этнологию, делал упор на технически-хозяйственный ареал, а с другой стороны, даже иллюстрировал, как бы графически представляя себе, что этнология не может покрыть поверхность земного шара такого рода технически-хозяйственными ареалами. Все дело в том, что поскольку является наукой исторической, поскольку она изучает процессы исторические, никакого постоянного покрытия земного шара теми или другими границами технически-хозяйственного ареала быть не может.

---

[1] *Анучин Дмитрий Николаевич* (1843–1923) — известный русский географ, антрополог, этнограф, археолог, музеевед. Создатель московской (анучинской) школы в этнографии. На совещании 1929 г. среди представителей московской делегации было немало его учеников.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

(*л. 253*) Напротив, если говорить о такого рода графическом представлении, то приходится указать, что этнология имеет дело не с одними планами покрытия земного шара определенными ареалами, площадями и границами, а имеет дело с постоянно перекрещивающимися в самых различных направлениях планами, в которых формации более древние покрываются более новыми при несовпадении границ. Мы знаем, что границы расовые не совпадают с языковыми, а те и другие не совпадают с технически-хозяйственными ареалами. Мы постоянно видим перекрещивание, которое есть не что иное, как простой исторический процесс, который призвана изучать именно этология. Здесь необходимо учитывать углубленность и текучесть процесса исторического развития человечества. В 5-м тезисе я об этом и говорю: «Таким образом, целый ряд формаций по происхождению этнических становится интернациональным независимо от своего содержания. Таковы в большей своей части формации расовые, эргологические да и вообще культурные, за исключением языка, который в наибольшей степени остается национальным определителем».

Я говорю «за исключением языка» условно. Дело в том, что язык в сильной мере является национальным определителем в настоящий момент. Но он, может быть, являлся национальным определителем в смысле самой конструкции понятия «этнос», если в понятие «этнос» вводить комплекс понятий языковых, хозяйственных производственных, идеологических и др. Здесь язык является как бы более ярким определителем, как мы его обычно в жизни понимаем. Но нужно сказать, что яфетическое языкознание, открывающее особые пути к пониманию развития языков, оно открывает пути выяснению процессов денационализации, гибридизации, взаимного приспособления языков, стремящихся к единству. Яфетическое языкознание, которое глубоко реформирует те установки, которые до него развивались в различных направлениях и в то же время открывает пути для понимания этногенетического процесса, не только не противоречащего этнологии, но воспринимающего в себя те положения, которые, по существу, в этнологической науке. Нужно сказать, что в самой истории развития яфетического языкознания мы (*л. 254*) имеем дело с выработкой понятий, которые постоянно меняются. Н. Я. Марр учится на своих собственных ошибках и противоречиях. Он в этом постоянно сознается — и здесь залог дальнейших успехов. Беря первоначальные племенные понятия и понимая их слишком реально, он приходит к тому, что таких понятий не существует. Это есть процесс вхождения в языкознание моментов, выработанных этнологической наукой, понимающей свой объект в смысле этногенетического процесса, то есть постоянного образования различного рода формаций, которые материально часто выражены различно. Так, например, расовая формация материально выражена в человеческой расе; формация лингвистически языковая является тоже этнической формацией, но

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

с материалом языка. Наконец мы может говорить об эргологической формации в смысле материальной культуры. Мы будем иметь дело с формациями, имеющими различный материал. Об этом говорит 6-й пункт моих тезисов: «В разрезе этногенетическом этнология проявляет свою неразрывную связь с антропологией, которая, являясь наукой биологической по своему материальному содержанию, имеет дело в большей степени с формациями общественными, в которых законы биологические и естественные трансформированы и специализированы».

Это чрезвычайно важный момент, поскольку очень часто идет спор совершенно необоснованный о том, можно ли соединять этнологию с антропологией на одном факультете или на одной кафедре, говорят о том, что это соединение ведет к биологизации этнологии. Здесь идет процесс как раз обратный: соединение антропологии с этнологией при правильной методологической установке ведет не к биологизации этнологии, а к социологизации антропологии. Ввиду того что антропология действительно имеет дело с определенными общественными формациями, то было бы неправильно объединять ту или другую антропологическую категорию с точки зрения биологических законов. Например, дарвиновская борьба за существование не покрывает тех более сложных исторических процессов общественного развития, которые имеют место в создании тех или других антропологических формаций. С этой точки зрения, отделение расовой антропологии от этнологии отрывает от последней необходимые звенья, так как, если мы оторвем антропологию от этнологии, мы тем самым не сможем учесть целый ряд древних общественных формаций в общем ходе исторического развития и в общем ходе генетического процесса. И обратно, если мы оторвем этнологию, мы обрекаем (*л. 255*) антропологию на возвращение ее на одну из зоологических дисциплин, что совершенно невозможно. Это необходимо учесть для того, чтобы учесть, как мы понимаем отношение этнологии к антропологии и наоборот.

В столь сильной степени, как этнология связана с антропологией, но по совершенно иному разрезу, этнология связана с археологией. Археология изучает в сущности тот же процесс, но по материалу, который с первого взгляда как будто лишен своего спецификума, связанного с этногенезисом. Но поскольку самый процесс возникновения определенных производственных, общественных групп, производственных коллективов выявляется самой археологической наукой на ступенях древнейшей истории человечества, постольку археология в своем целом всем своим материалом примыкает к общему числу антрополого-этнологических наук, опять-таки понимая эти науки широко, как часть всемирной всеобщей истории. Очень часто среди археологов возникает недоразумение на той почве, имеет ли археология действительно связь с этнологией или антропологией, не связана ли она с историей. Конечно, связана: но поскольку

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

этнология и археология рассматриваются как исторические дисциплины, как часть всеобщей истории человечества, постольку археология тесно связана и с этнологией, и с антропологией.

Когда археолог интересуется расовыми типами погребения, костями тех или других форм домашних животных, которые, конечно, являются следствием определенного общественного развития человека, так как домашние породы появляются в связи с определенной идеологией на той или другой ступени общественной жизни, то этот археолог приходит к материалам этнологии. Отрыв этнологии от археологии делает выводы этнологии часто теоретическими, отнимая от нее конкретные памятники культурного развития в прошлом. Но и археология без этнологии становится бессильной в выполнении задачи выяснить механику процесса развития человечества в реальном многообразии его культурно-племенных проявлений. При этом связь этнологии и археологии не является чисто механической, а обе науки органически едины.

(*л. 256*) ***Председатель***

Я попросил бы докладчика перейти конкретно к части своего доклада, так как время уже истекло.

Куфтин

В таком случае мне придется остальные тезисы зачитать без комментариев.

«8[1]. Объектами этнологической науки, таким образом, являются следующие реалии, племенные и внеплеменные» (я условно называю их реал[и]ями, так как подразумевается, что наука должна заниматься реал[и]ями. Но если отдельные перечисленные категории не вполне соответствуют тем реал[и]ям, которые будут созданы в дальнейшем процессе развития этнологической науки и ее методологии, то это не исключает самой постановки вопроса). «К первым относятся национальные группы, их языки и идеология, а также чисто национальные пласты в их антропологическом строении (физиогномическое, психологическое своеобразие, общественно-биологические свойства) в хозяйственно-бытовом укладе и социальном строе. Ко вторым — расовые типы с их биологическими особенностями (способностями акклиматизации, ассимиляции, биологической стойкостью или, обратно, слабостью), орудия и техники труда, хозяйственно-бытовые формы географических зон культурно-исторических провинций».

Под культурно-историческими провинциями я отчасти понимаю то же, что Гребнер — под своими культурными кругами. Опять-таки повторяю,

[1] Такой счет приведен в тексте стенограммы.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

что эти реалии являются неизменными, но самое их наполнение будет иметься в истории развития науки.

«Если изучение первых требуется практическим строительством многонационального Советского Союза, изучение вторых тем более имеет значение как изучение производительных сил для рационального построения хозяйства страны и сознательного воздействия на его развитие».

Этим ограничиваются мои общие тезисы, и отсюда мы переходим к вопросам полевой этнологии.

«9. Этими общими положениями определяются задачи и приемы научно-исследовательской работы, многообразной по существу самого материала этнологической науки. Задачей полевого исследования является раскрытие культурных формаций и их генезиса в пределах или отдельного племенного образования, или группы родственных по языку или культуре племен, или отдельной территории с характерным хозяйственно-бытовым обликом и исторической судьбой, или, наконец, расового образования. Необходима спецификация приемов и исследователей. Прежде всего надо различать краеведное изучение силами края и представителями самой национальности, связанной языком и бытом с данным краем, но непрофессионалами науки, и изучение представителями центральной науки.

10. Краеведное изучение непрофессионалами науки, но лицами, работающими в близком и длительном контакте с этнографическим объектом, при рационально организованной связи с центральными научными учреждениями дает постоянно накапливаемый материал не только местного, но и общенаучного значения. Собранный в местных музеях, краеведной литературе, рукописях и архивах, а также в живом опыте местных культурных работников, он должен быть в первую очередь использован этнологом, приступающим к работе в данном районе. Особенно целесообразным является усиление (*л. 257*) этнологической квалификации среди лиц, работающих в районах среди культурно отсталых народностей, как то учителей, кооператоров, инструкторов, уполномоченных по туземным делам, и еще более выделение подобных работников из среды самой их национальности.

11. Изучение силами центральной науки отличается от краеведного изучения возможностями использования широкого сравнительного метода и углубления исторических перспектив, а также возможностями более полной координации с общегосударственным плановым строительством. Недостатком его является ограниченность научных сил и невозможность подолгу сосредоточиваться на одном месте. Однако последнее, как сказано, должно восполняться организацией научной связи с краеведными силами. Экспедиционные изучения позволяют различать в себе два основных типа и их комбинацию: стационарное пребывание одного исследователя среди одной народности в продолжение нескольких лет, и более краткосрочные наблюдения народностей и культуры одним или группой специалистов,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

и смешанный тип, когда одну народность изучают различные специалисты: один — стационарно, другие — менее длительно — одновременно или разновременно. При этом является важной четкая разработка ставимых задач и координация работ отдельных специалистов.

12. Стационарная работа специалиста среди одной народности в продолжение нескольких лет вызывается, во-первых, задачей полного усвоения бесписьменного и еще малоизученного языка народности, так как без этого невозможно правильное научно-лингвистическое его использование, и, во-вторых, лучшей возможностью за это время исследователю сжиться с изучаемой народностью и более органически опытно проникнуть в ее уклад и идеологию. Весьма желательно в этом случае, чтобы исследователь в своей частной жизни, особенно в пище, труде, сливался с изучаемой народностью и не становился в отношении ее в особое положение, особенно в качестве административного лица, так как это в корне затрудняет работу и лишает материал объективной ценности. Особенно ясно это проявляется при изучении религиозной идеологии, последователями которой являются лица и классы, с которыми ведется административная борьба (например, шаманы, ламы и др.). То же можно наблюдать при изучении семейного уклада при борьбе с многоженством или при введении хозяйственных бюджетов, запрещенных форм охоты и т.д.

13. Стационарная работа исследователя, необходимо по специальности лингвиста, работающего, кроме того, в языках определенной группы, не может исчерпать ни теоретически, ни практически (в настоящих условиях) задач этнологического изучения этнически и культурно сложной страны, так как раскрытие хронологических формаций и их генезиса в пределах отдельного племенного образования группы или территории требует не только знания языка и истолкования самим племенем его культуры, но и широкого сравнительного анализа, возможность которого обусловлена специальной достаточной подготовкой исследователя этнологии не только одной языковой группы, но более обширного культурного базиса. Без широкой подготовки в области сравнительной этнологии, знаний чисто материальных, позволяющих ставить постоянно конкретные задачи, даже долго живя среди чужой народности и зная ее язык, можно многое проглядеть.

14. Широкое этнологическое исследование страны тесно связано с деятельностью этнологических музеев, и невозможно без них, так как сравнительный анализ и сопоставление фактов культуры дают достаточно прочные результаты, если исследуются и сравниваются сами объекты культуры, то есть подлинные памятники, а не только их фотографии, рисунки модели, а тем более описания, которые, как показывает опыт, почти (*л. 258*) всегда оказываются недостаточными. Отсюда вытекают и вполне определенные требования, необходимо предъявляемые этнологическим

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

музеям, которые не должны забывать ради целей только просветительных научно-исследовательских задач, так как без этого невозможно будет вообще построение истории народов Союза и нормальное развитие этнологической науки. Этнологические музеи должны при этом честно сознавать, что не этнологическая наука находится на служении у музеев, но что музейная этнология является органическим продолжением этнологии полевой и связана с ней одними научно-исследовательскими задачами. Правда, некоторые специфические задачи музея как учреждения просветительного могут ставить перед научно-исследовательскими этнологическими экспедициями и некоторые особые практические задачи.

15. В основе сравнительно-этнологического изучения района лежит исследование всех реалий, указанных в пункте 8-м, но прежде всего материальных орудий производства, с которыми связано все своеобразие производственных процессов, отражающихся и на экономике, и типах общественности изучаемой среды. Далее следует сравнительное изучение и собирание других сторон культуры, по возможности в формах, поддающихся зрительной фиксации. К такого рода явлениям принадлежат расовые типы, вся материальная культура (пища, жилище, одежда, средства передвижения), годовые циклы производственных процессов и годовые циклы бытовой жизни, а также те стороны племенной идеологии, которые выражаются в материальных предметах и действиях. Преимущественное изучение таких явлений вытекает из самого существа сравнительной этнологии, так как даже сложный факт социальной жизни, закрепленной в материальном объекте, становится легко фиксируемым и достоверным. Смысл явления не исчерпывается, как известно, точкой зрения на него племенной группы, у которой оно бытует. Все эти собранные материалы, помещенные в музее вместе с точно зафиксированным языком, фольклором и музыкальными мелодиями, являются действительно реальными материалами для построений этнологии.

16. Поэтому наряду с краеведным и стационарным изучением с полным усвоением языка необходима организация изучения этнокультурных и расовых формаций на основе сравнительной этнологии соответствующими специалистами, пребывание которых на месте работ ограничивается сроком выполнения поставленных задач и подготовка которых находится в тесной связи с работой музеев.

17. Однако голое собирание материальных объектов культуры, вытекающее часто из неправильной установки со стороны музеев, преувеличивающих свое самостоятельное значение, является не только недостаточным, но обыкновенно ничего не дает, если эти предметы не рассматриваются исследователем в самый момент собирания как памятники истории данной страны, культуры или народности. Для того чтоб собираемый материал становился таковым, каждый предмет должен быть снабжен необходимым

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

количеством дат и легенд, выражающих местное название его и его частей, время и процесс изготовления и использование его на месте с определенной целью (по возможности описание должно вестись по отношению не к категории вообще, а к данному объекту, как бы быть его биографией). Памятники не должны собираться безразлично все или в пропорции их бытования. Необходим особый выбор, для которого совершенно недостаточно статистического принципа (такой-то памятник является наиболее обычным, следовательно, характерным). Напротив, поскольку задачей этнологии является вскрыть механику этнологического процесса и историю образования при этом различных хозяйственно-общественных формаций, необходимо, чтоб памятники отражали и были бы способны вскрыть динамику жизни, явления трансформации народного быта, то есть диалектику развития. Если исследователь по условиям данной экспедиции не в состоянии проследить лично у изучаемой народности все моменты ее годового хозяйственного кругооборота, необходимо подвергнуть тщательному обследованию зимние стойбища и весь инвентарь деятельности в различные времена года, (*л. 259*) чтобы не путем отвлеченного расспроса, а подробного уяснения назначения каждого памятника составить представление о полном годовом производственном и бытовом цикле ряда семей или родов. Все, что связано с путями кочевых и охотничьих передвижений, порядка общественных сборищ, возможно получить в форме планов, чертежей, зарисовок, сделанных по инициативе исследователя самими туземцами.

18. Изучение народностей, языком которых исследователь-этнолог не владеет, должно проходить при ближайшем участии лица, знающего русский язык, из представителей изучаемой народности, а не обратно даже в том случае, если бы в качестве переводчика мог бы быть исследователь-лингвист, стационарно работающий на месте и усвоивший уже язык. В последнем случае, однако, желательно, чтобы легенды о предметах записывались непосредственно на туземном языке с русским переводом. От самого этнолога, работающего в поле, необходимо, безусловно, требовать, чтобы он в порядке подготовки к экспедиции усвоил фонетику и основные морфологические особенности языка изучаемой народности (поскольку для этого имеется материал), что необходимо для точных терминологических записей. <нрзб.> конечно, если этнолог имеет лингвистическую подготовку по группе тех языков, на котором говорит изучаемая народность.

19. Маршрут экспедиции разрабатывается в общих чертах в связи с заранее поставленными научными задачами и имеющимися экономическими возможностями. Порядок и направление внутренних передвижений диктуются не только местными общими условиями, но и ходом самой исследовательской работы, направляющей исследователя то в одном, то в другом направлении, и определенных объектов, лиц и культурных границ,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

сведения о которых приобретаются от самих туземцев. В зависимости от основных задач различаются маршруты, связанные с изучением отдельного племени в пределах его современных языковых границ, и маршруты для выяснения вариаций и географического распространения формаций, выходящих за пределы языково-племенных подразделений (например, культура нагорного Дагестана с его десятками языков или круг нижнеамурских племен: тунгусских, маньчжурских, палеоазиатских — с переходящими языковые границы родовыми делениями, хозяйственно-бытовыми чертами, религиозными культами и т.д.)».

Этим заканчивается программа полевой этнологии. В заключение я должен сказать, что, исходя из основ этнологической науки и методов этнологического изучения, я подчеркиваю совершенно необходимую тесную связь между антропологической и этнологической науками. Причем примат должен быть не естественно-исторической методологии, а методологии общественной, с тем чтобы обеспечить полноту изучения всех формаций различного материального содержания.

(*л. 260*)

Прения
Вопросы по докладам проф. Богораза-Тана и Куфтина

Маркелов

Есть два вопроса к первому докладчику.

1) Когда Влад[имир] Германович определяет метод и говорит о стационарном методе, он подразделяет этот стационарный метод на культурный и научный.

Мне хотелось бы знать точнее: какая разница в этих двух подразделениях?

2) Когда Влад[имир] Герм[анович] устанавливает объекты этнологического исследования, он делит его на 4 группы: на материальную культуру, экономику, социальную культуру и духовную. Мне бы хотелось знать, в частности, какая разница в понимании Вл[адимиром] Герм[ановичем] материальной культуры, экономики, социальной культуры и духовной культуры.

Яковлева[1]

Так как значительная часть доклада тов. Куфтина о практической работе этнографии была посвящена разработке теоретических вопросов, которые предопределяют собою всю практическую полевую работу, то я буду говорить главным образом о вопросах теоретического порядка.

[1] Имеется в виду или Н. Ф. Яковлев, или В. И. Яковлева.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

1) Что такое этническая формация, о которой говорил проф. Куфтин?

2) Чем определяется и что собою представляет процесс этногенезиса?

3) Что подразумевает проф. Куфтин под социологической наукой?

4) Что, в сущности говоря, является предметом политической экономии, о которой говорил тов. Куфтин?

5) Какова верхняя и нижняя временные границы этнологического объекта?

6) В чем заключается различие между нацией и национальностью и как они подразделяются?

7) Какие науки входят в антропологию и этнологическую цепь дисциплин?

8) Являются ли формации, классовая и политическая, вне- (*л. 261*) национальными?

9) В чем заключается различие между национальными группами и национальными пластами?

10) Из 15 или 17 тезиса докладчиком совершенно недоразвиты такие положения: что такое бытовая жизнь и что такое механика этнологических процессов?

Чистяков[1]

Я бы не загружал проф. Богораза вопросами, но так как я приехал сюда не поучать, а учиться, то я позволю себе задать ему несколько вопросов.

1) Как понимает профессор культуру?

2) Считает ли профессор, что при изучении общественных явлений можно пользоваться физической и биологической аналогией?

3) Что является критерием при расценивании этноса и различных групп явлений (политических, религиозных и т.д.)?

4) Считает ли профессор делом этнологического изучения такие явления, как, например, розенкрейцерство, франкмасонство, тайлоризм, карбонарии?

5) Если профессор считает возможным этнографически изучать нищих, сплавщиков леса, сезонных рабочих, то входит ли в задачи этнографии изучение таких групп, как, например, ученые и т.п.?

6) Что надо понимать под культурой социальной и культурой политической?

7) Наконец еще один вопрос, что меня поразило в докладе профессора следующее обстоятельство: возможна ли какая-либо научная работа при полном психологическом воплощении, которого требовал профессор от этнологов? Не может ли получиться, что при таком буквально спиритуалистическом подходе социолог, изучая кошку, должен перевоплотиться

[1] Не удалось определить личность.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

в кошку? Наверно, профессор, не откажет в объяснении. Наконец, один вопрос к проф. Куфтину. Я думаю, он не прогневается за мое невежество. Что профессор понимает под диалектическим материализмом?

(*л. 262*) ***Левин***

Три вопроса к Владимиру Германовичу.

1) Как он определяет этнографические группы?

2) Считает ли он возможным, чтобы человек, просто знающий язык, из местных людей, был уже этнографом или требуется еще другое?

3) В чем видит профессор основное различие конструируемых им культурных кругов и кругов Гребнера и Фойя?

Яковлев

Мне бы хотелось знать, как смотрит докладчик на комплексное изучение, то есть на самый метод комплексного изучения, метод сотрудничества специалистов в разных областях для изучения того или иного объекта в части метода комплексного.

(*л. 263*) ***Богораз-Тан***. Ответы на вопросы

Что такое стационарный метод и что такое культурный?

Я хотел указать следующее: стационарный метод — это метод исследовательский, живой, на месте. Стационарный метод — строго научный метод. Мы не мыслим стационарной работы без культурной.

Что касается этнологии и этнографии, я считаю, что в наших условиях стационарная работа возможна. Западные этнологи и этнографы ставят перед собой культурные задачи. Мы же сейчас не мыслим стационарной работы без культурной, так что в нашей современной, советской этнографии стационарная работа есть культурная работа, то есть работа, основанная на культурной работе. Я думаю, что это правило было бы приемлемо и для западных этнографов. Но в этом отношении они ничего не сделали или сделали очень мало. Возможно, что и не могут сделать. Поэтому наши доклады в Америке были чем-то вроде откровения. Этот подход был центральным пунктом нашего доклада.

Дальше вопрос о выработке учебников. Никто не знает, какой подход нужен для выработки учебников для туземцев. Нужен подход не только к языку, но и к пониманию туземцев. Я приведу пример. К нам приехал чукча. Русского языка он не знает. Прилежно изучал он русский букварь. Переписывал страниц по 30, не делая никаких ошибок. Однажды он попросил меня перевести на его язык несколько слов. Я стал переводить и натолкнулся на такую фразу, «Ваня, пойдем молотить». Я никак не мог перевести. Он рассердился и говорит: «Знаний столько получил, а нам не даешь». Таких фактов много. Тогда-то я и увидел, что необходимо создать

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

для них русский букварь с точки зрения этнографии. Не с земледелия начинать, а с рыболовства, оленеводства, охоты на зверя и т.д.

(*л. 264*) Здесь тов. Прокофьев указывал, что язык должен быть конкретный, а не абстрактный. На Западе я тоже не нашел учебников с нужным подходом. Мне пришлось обратиться к миссионерам, которые живут среди туземцев и лучше их понимают. Но их буквари меня тоже не удовлетворили.

Есть еще ряд вопросов, но мне трудно ответить на все вопросы, для этого нужна целая энциклопедия. Тех людей, которые хотят учиться, я пригласил бы поступить на наш факультет, и там я по мере возможности дам объяснения. Я знаю, что у нас здесь не исследовательский институт, а практическое совещание. Я стараюсь поэтому воздерживаться от всех вопросов, ведущих к недоразумению.

Например, вопрос о культуре.

Я сказал, что это целый ряд вопросов. Сначала мы должны сказать, что такое культура. Пожалуйте ко мне в семинарию, и там я вам расскажу.

Последний вопрос поставлен мне одним из студентов. Должен ли исследователь перевоплотиться в кошку при ее изучении?

По-моему, это зависит от его свойств. (*Смех*.)

Очень долгая и трудная работа — исследовать биологию кошки. Это есть особая наука, правда, теперь только возникающая, которую надо, в конце концов, сравнить с этнографией. С другой стороны, я протестую против такого подхода. Человек не кошка. Если вы желаете исследовать человека, извольте, исследуйте его культуру, иначе вы наделаете много естественной истории.

Если бы я имел время, я бы рассказал, как я исследовал шаманство. Я бы мог рассказать случай шаманского внушения. Как шаман меня заставил видеть вещи, которых не было, как он повлиял на мою волю и что из этого вышло. Опять-таки надо сказать, что для более подробных ответов я приглашаю вас в свой институт. Но, конечно, надо сказать, что изучить туземный народ можно только тогда, когда вы входите в его физическую жизнь. Перевоплощение начинается с физической работы. Вы должны вместе с ними заниматься их производством, тогда остальное приложится.

(*л. 266*) ***Куфтин***. Ответы на вопросы

Мне предложили целый ряд вопросов, которые связаны с моими тезисами, вернее, с отдельными словами моих тезисов. Вопросы не касаются непосредственно этнологии, и если и дальше будут задавать такие вопросы, то мы не подойдем к существу, тем более что вопросы не касаются этнологической методологии.

1) Что такое этническая формация?

Я говорил, что это есть формация или, может быть, совокупность формаций, в число которых входит понятие языковое, понятие расовое,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

«расовая формация», понятие «производство», «производственная формация» или «хозяйственная формация», наконец, «идеология», которая связана с производством.

Таким образом, совокупность такого рода формаций образует этническую формацию, иначе говоря, образует собою племя, так что этническая формация есть племенная в настоящем смысле слова.

2) Что представляет собою процесс этногенезиса?

Процесс образования подобного рода формаций есть процесс соединения определенных типов общественной жизни на основе тех или других производственных процессов и отношений, это и есть этногенезис, то есть генезис — история образования этнической формации.

3) Что такое социологические науки и что является предметом политэкономии?

Это вы найдете в азбуке коммунизма.

В политэкономии изучаются отношения капиталистического периода истории, так что возьмите азбуку коммунизма и прочтите. Социологическая наука — это наука об обществе и о развитии человеческого общества. Этнология и антропология — тоже социологические науки.

(*л. 267*) 4) Каковы верхние и нижние временные границы этнологических объектов.

Временных границ нет, а есть границы по типам, то есть мы можем в настоящее время изучать очень древние формы, формы общественные, очень древнего типа общественно-племенных формаций. Мы можем изучать хотя бы австралийцев. Но также мы можем в европейском обществе, пользуясь методом восстановления прошлого, изучать определенные формации, бывшие в прошлом, хотя бы в капиталистическом обществе. Так что никаких границ нет, и даже если произойдет денационализация всего человечества, то и тогда этнология не исчезнет. Как ретроспективная наука, она будет изучать законы прошлого.

5) В чем заключается различие между нацией и национальностью?

Я как раз подчеркивал, что не хочу в данном случае делать различия, хотя различие очевидно.

Нация есть совокупность определенных национальностей, объединенных одной политической формой или идеологией, созданной на основе жизни капиталистического государства, а национальность я понимаю как этническую формацию, то есть включаю ее в общий круг этнических формаций.

6) Что такое денационализация этнологии?

Конечно, не то же самое, что денационализация имущества. Я понимаю под этим явлением явление конца этнологического процесса, то есть явление, которое происходит в смысле уничтожения того комплекса, который объединяет язык и все другие хозяйственные формы производства, где

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

кончается такое объединение, происходит денационализация. Это явление в этнологии носит название аккультурация.

Может быть, собрание считает, что не следует затруднять собрание ответами на все эти вопросы.

Соколов

Товарищи, я должен сказать, что нам нужно подумать о том, что у всех нас большая трудовая работа и жизнь.

(*л. 268*) Мы оторвались для важного дела, но вместе с тем мы должны уважать и наше время, которое нужно нам для плодотворной ежедневной, будничной работы. Мы, москвичи, дольше нужного времени оставаться не можем. Уехать же до съезда только с разработкой терминологических, общепринципиальных вопросов мы не можем, мы будем не удовлетворены. Три дня у нас ушли на чисто теоретические вопросы. Было бы наивно думать, что мы эти вопросы разрешим. Важно их поставить, выяснить наши недостатки в общих границах. Я думаю, здесь достаточно выявлены наши недостатки и наши основные установки. Они подлежат дальнейшей длительной проработке.

Теперь остались очень важные вопросы для этнографа. Это вопросы полевой практики, вопросы музейные, вопросы высшего образования.

Позвольте просить внутренне себя так ограничить, чтобы прямо перейти в прениях к вопросам по существу, практическим, а не будем всякий раз проверять, как ты делаешь, что ты вкладываешь в отдельное слово.

Каждый может и ошибочно, и правильно сказать, но если каждый будет развивать свой термин, на это уйдет много времени и мы не кончим наше заседание, и я боюсь, что мы снизим наш серьезный тон, так как я вижу, что в наше заседание вошла уже несерьезность. Поэтому прошу прения вести по вопросам стационарной, полевой работы, нашей музейной работы, нашей высшей школы.

(*Президиум разделяет точку зрения проф. Соколова.*)

Куфтин

В чем заключается различие между национальными группами и пластами?

В том, что национальная группа определяется совокупностью признаков, причем этими признаками является язык, а национальные пласты могут существовать как пережитки национальной группы в прошлом, в настоящее время исчезнувшей, потерявшей свой язык.

Что такое бытовая жизнь?

(*л. 269*) Этот термин проскальзывал в тезисах как случайный. Я, в сущности говоря, не вполне разделяю ту точку зрения, что можно говорить

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

об этнологии как о науке, изучающей быт, который существует, но в данном случае бытовая жизнь, если я упоминал слово «жизнь», определяется как совокупность производственных отношений и идеологии и включает в себя более или менее всю совокупность отношений.

Что такое диалектический материализм?

Мне кажется, что это из азбуки коммунизма.

Относительно комплексного изучения — это имеется у меня во 2-м тезисе.

По другим вопросам я скажу в заключительном слове.

(*л. 270–271*)

8 апреля 1929 г.
Вечернее заседание

Председатель

Записавшихся имеется уже 18 человек. Поэтому я просил бы по возможности «не растекаться мыслями» и давать краткие положения, касаться прямой темы наших докладов.

Маркелов

Как первый докладчик, так и второй (первый в предисловии, второй на протяжении двух третей своего доклада), мне кажется, уклонились от темы, поставленной докладами, и продолжали, собственно, беседу по поводу вчерашних вопросов и по вопросам, которые мы рассматривали в прошлые дни. Я думаю, что основным руслом сегодняшнего обсуждения должны быть как раз вопросы, связанные исключительно с методами работы полевой, стационарным методом и методом экспедиционным, и поэтому совершенно естественно думать, что каждый оратор будет главное внимание сосредоточивать именно на этом. Мне хотелось несколько слов сказать по поводу первого доклада Владимира Германовича. Многое из того, что он говорил в своем докладе, для нас, полевых этнологов, является приемлемым. В частности, докладчик констатировал важнейшие основные методы, которые существуют в полевой этнографии: метод стационарный и методы экспедиционные, кратковременный и долговременный. Совершенно научно приемлемыми являются положения докладчика хотя бы о том, что, безусловно, предпочитать мы должны стационарный метод, или положение о том, что трудно быть этнографом без полевой работы. И Влад[имир] Герм[анович] формулировал это гораздо более резко, говоря, что нельзя быть этнографом, не работая в поле. Но точно также к очень плодотворным мыслям нужно отнести и то, что для всякого полевого работника необходимо знание того языка, культуры языка той народности, которая изучается. Но вместе с тем, мне кажется, в принципиальных по-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

ложениях Влад[имира] Герм[ановича] были моменты очень сомнительные. Мне хотелось бы в двух словах остановиться на этих сомнительных моментах, чтобы выяснить мнение и докладчика, и всех остальных, которые будут выступать после меня.

Вот, совершенно справедливо, что знание языка необходимо для этнографа, но вместе с этим нужно отметить, что в этом как раз может корениться (при некоторых условиях) и некоторое зло для полевой (*л. 272*) работы или для полевого работника. Это вот что значит. Над этнографией, мне кажется, долгое время тяготела лингвистическая наука. Тяготела в том смысле, что этнограф всегда, как правило, шел в полевой работе за лингвистом, тогда как это не всегда возможно. Я попробую сослаться на несколько примеров из московской работы. В Москве велся ряд работ над изучением народностей Среднего Поволжья, Волго-Камского бассейна, над изучением мишарей и башкир. Эта работа показала, что идти с классификацией этих народов, которую дает нам лингвистика, не всегда возможно. Во всяком случае, этнологический анализ покрывает в этих культурах, хотя бы в культуре этих самых мишарей, элементы, которые далеко отстоят от культуры турецкой народности мишарей, которые принадлежат по языку именно к турецкой группе народов. То же самое можно сказать о башкирах, которые по языку причисляются к турецким народам. И прежние этнографы относили культуру башкир к турецкой группе, следуя за лингвистами, и долгое время не обращали внимания на ряд элементов культуры, которые идут совсем не из среды этих турецких народов. Я этим хочу сказать, что при перегибе этого положения для этнографа может возникнуть ряд трудностей и этнограф может легко прийти к неправильным заключениям. По существу, изучение языка необходимо для этнографа, главным образом для непосредственной работы в поле.

Теперь мне хотелось бы обратить внимание на второе положение первого докладчика. Это на положение о сочетаниях отдельных специалистов по полевой работе. В докладе и тезисах Влад[имира] Герм[ановича] обращено внимание главным образом на соединение, на симбиоз, так сказать, лингвиста и этнографа, на соединение естествоиспытателя-этнографа, географа и антрополога. Это для Москвы имеет реальное значение. Я считаю, что не менее плодотворным, а может быть, и более плодотворным, является и такое соединение, как историка и этнографа. По многим причинам, хотя бы потому, что исторические методы более проверены и применение, в частности, диалектического материала по отношению к истории более реально. И этим самым мы просто освобождаемся от некоторого налета биологизма.

(*л. 273*) Мне хотелось бы сказать еще несколько слов по 7-му тезису первого доклада, по вопросу о необходимости физической близости между исследователем и той культурой, которую данный исследователь изучает.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Мне кажется, что это положение формулировано недостаточно отчетливо, недостаточно точно и, может быть, не совсем верно…

(*л. 274*) Мне кажется, что не в физической близости все дело и не от физической близости зависит успех полевого работника-этнолога, а этот успех заключается в том доверии, какое вызовет к себе исследователь. Мы должны заботиться не о том, чтобы физически сблизиться, не о том, чтобы участвовать в праздниках или даже трудовых процессах. Иногда это чрезвычайно просто, а иногда трудно и невозможно. Практически нам, этнографам-полевикам, нужно заботиться только о том, чтобы производить исследование в таком духе, который бы обеспечил нам доверие той или другой народности. И тогда успех, по существу говоря, будет обеспечен. Затем я думаю, что в этом положении докладчика есть некоторый налет народничества, если хотите, толстовства, ибо не всякий исследователь способен на то, чтобы выполнить все те требования, которые высказывает докладчик. Я думаю, что в данном случае всякий исследователь-этнограф должен быть немного художником, а на это способны не все. И если на это способен великий шаман чукчей Владимир Германович, то думаю, что в качестве принципиального положения это выставлять невозможно. Мне хотелось бы обратить внимание на следующее обстоятельство. Владимир Германович в своем докладе делит объекты исследования на четыре отдела, а именно: материальная культура, экономика, социальная и духовная культура. Такое деление не имеет под собой основания. Здесь очень легко, мне кажется, впасть в заблуждение и выставить эти отдельные моменты в качестве отдельных, самостоятельных субстанций. Ведь, по существу говоря, мы все изучаем социальную культуру (если уже вводить понятие культуры) в различных проявлениях, начиная с хозяйственно-производственных и кончая идеологическими в самом широком смысле слова. Я думаю, что и в этнологии это подразделение должно играть основную и самую главную роль. Имеет ли это значение? Да, потому что такое деление не дает нам возможности изучать эти явления изолированно, тогда как при делении, которое предлагает Вл[адимир] Герм[анович], такая возможность допускается.

Теперь мне кажется, что оба докладчика не обратили внимания (*л. 275*) на чрезвычайно важный вопрос рабочей методики полевого исследования. Я не имею времени подробно об этом говорить, а просто изложу это в качестве вопроса. Мне кажется, что имело бы большое принципиальное значение осветить в докладах хотя бы картографический метод работы полевого исследования. Картографией занимается почти каждый полевой работник. Затем чрезвычайно важно было бы ответить докладчику на вопрос: в какой последовательности должны при комплексном изучении изучаться отдельные явления? И наконец, если возможны экспедиции тематические, возможно изучение жилища, например отдельно пищевого

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

режима, полового режима, то будет ли методика работы в данном случае отличаться от методики при комплексном изучении? Вот целый ряд практических вопросов, которые не затронуты в докладах и на которые желательно было бы получить ответ.

Золотарев[1]

Я вполне приветствую тот призыв, который из президиума был направлен к нам, — не заниматься теми общими вопросами, которыми мы три дня занимались. Но нельзя все-таки на некоторых вопросах не остановиться, потому что так много пущено в оборот понятий, недостаточно продуманных положений, что очень трудно во многих вопросах разобраться после этих трех дней нашей работы. Я не буду на них останавливаться, но считал бы, что эта вина не столько отдельных докладчиков, сколько той коллегии, которая имела тезисы (мы этих тезисов не имели) и которая должна была их согласовать и в более заостренном и более продуманном виде предоставить нам. Мы действительно много времени тратим благодаря тому, что здесь не определенная точка зрения, не определенная школа, а иногда недостаточно точно и удачно сформулированные индивидуальные мысли, которые и мешают нам разобраться во всем том, что нам предлагается. Я не буду на многих вопросах останавливаться, но упомяну только, что в докладе Б. А. Куфтина, в той части, которую я как антрополог принять не могу и думаю, что вместе работающий с Куфтиным проф. Бунак тоже, вероятно, не в полной мере разделяет те положения, которые были высказаны. Понятие о расе, об антропологии как исторической дисциплине — все это вызывает не только (*л. 276*) сомнения, но и полное отрицание. Я не имею возможности останавливаться на этом подробнее, внемля голосу из президиума.

Затем и тот и другой докладчик употребляют термин «полевая этнография». Мне кажется, что нам от этого термина надо отказаться, в особенности после тех разговоров, которые были здесь. Никакой полевой этнографии нет и быть не может. Можно говорить о полевой работе этнографа, но не о полевой этнографии. Я думаю, что В[ладимир] Г[ерманович] с этим согласится. Тем более что в одном тезисе сказано: «вернее, полевая работа». Нужно из обихода термин «полевая этнография» убрать, чтобы не вносить путаницы в умы нашей молодежи, тем более что из этого понятия вытекает ряд последствий, имевших большую важность. Нельзя отрывать полевую

[1] В тексте стенограммы фамилия Золотарев приводится с инициалами Д. А. несколько раз, в то же время встречается употребление фамилии без инициалов. К моменту проведения совещания 1929 г. в этнографии активно работали два Золотарева — Давид Алексеевич (1885–1935) и Александр Михайлович (1907–1943). В силу того что стенографисты не различили этих двух людей, можно заключить, что в работе совещания принимал участие только Д. А. Золотарев.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

работу от работы исследовательской. Нельзя ограничиваться экспедициями, хотя бы двух или трехгодовыми, без исследовательской проработки перед экспедицией и после нее. Поэтому мне кажется, что устранение этого термина обяжет нас не делать ошибок, которые многие делают. Я не буду останавливаться на других общих вопросах, остановлюсь на ряде пунктов скорее редакционного порядка. Мне кажется, что здесь не столько разногласия, сколько неточность известной редакции. Если Вл[адимир] Герм[анович] говорит о статических элементах культуры (пища, жилище, одежда), то я думаю, что вы, Вл[адимир] Герм[анович], согласитесь с тем, что нельзя рассматривать и одежду, и пищу, и жилище как элементы статические. Они все время живут, как и все элементы в культуре. И здесь говорить о них как о статических элементах нельзя. Точно так же когда вы говорите о методах работы и устанавливаете категории (здесь уже на это обращалось внимание). Здесь, я думаю, тоже есть известная неточность в формулировке. Когда вы говорите о материальной культуре, экономике, социальной и духовной культуре, здесь, по-моему, нужно некоторое уточнение, и в особенности нужно вместо экономических явлений сказать как-то более точно и определенно, установить, не выделяя особые категории, экономику рядом с материальной культурой, социальной и т.д. Здесь, несомненно, нужно будет построить иначе, как-то иначе редактировать… (*л. 277*) Затем, когда вы говорите, что полевая этнография развивается как особая специальность, то, я думаю, здесь тоже должна быть другая редакция. Дальше, в одном тезисе вы говорите: археология, антропология и так называемая культура музейного типа, то есть реставрация вывезенных предметов без объяснения словами. Простите, я как музейный работник должен сказать, что этого сейчас нет и нет даже в музеях старого типа, и здесь опять-таки должна быть какая-то редакционная поправка. Материальной культуры музейного типа нет и не может быть, так же как не может быть серьезного музейного работника, который бы так относился к явлениям материальной культуры.

Затем насчет мутаций. Я не думаю, чтобы вы так смотрели, Владимир Германович, да, в частности, когда вы говорите относительно языка, что для языков обруселых туземцев необходимо устранение верхнего слоя языка и тщательное изучение древнейшей подпочвы. Я не лингвист, но думаю, что для нас, для этнологов, чрезвычайно интересны не только древнейшие подпочвы, а именно те процессы, которые происходят и в языке под воздействием тех влияний, которые придут от русского или других языков. Такое разделение едва ли можно допустить и признать правильным. Нужно сказать, что основное положение мне представляется чрезвычайно нужным и важным, и в этом отношении я должен больше соглашаться, чем возражать.

Значение стационарного метода, значение знакомства местных общественных работников с бытом, с этнографией чрезвычайно ценно. Это очень

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

важно. Но когда говорят, что полевой работник-этнограф должен неразрывно соединяться с культурно-общественной работой, то это уже спорно, и другой докладчик как раз выдвигает совершенно противоположный тезис, подчеркивая вредность такого рода явлений. Здесь опять нужно как-то договориться. Я думаю, что связь действительно должна быть, но в такой формулировке, как она дана в тезисах, вызывает возражения.

Таким образом, у меня намечается целый ряд не столько крупных возражений, сколько известных редакционных поправок (*л. 278*), которые, если бы они были приняты докладчиком, дали бы ряд практических дополнений к докладам. Если это не будет сделано, это вызовет целый ряд возражений, которые будут мешать плодотворной работе в дальнейшем в наших полевых исследованиях.

Но о чем мне хотелось бы еще говорить, это о той дальнейшей работе после полевой исследовательской деятельности на местах, о которой мы слишком мало говорим и которой мы слишком мало внимания уделяем. Вот на эту именно сторону нужно было бы обратить внимание, потому что даже хорошо поставленная полевая работа в конечном результате дает мало, потому что уже на месте в исследовательских учреждениях материалы мало прорабатываются, слабо публикуются. А главное — материалы теряются на частных квартирах исследователей, оставаясь достоянием отдельных лиц. Это вопрос необычайной важности и значения, и на него нужно было обратить внимание. Необходимость обработки материалов и хранения их для общественного пользования и исследовательской работы над теми материалами, которые собираются, — эти вопросы надо поставить.

Преображенский-младший[1]

Товарищи, мне кажется, что оба доклада говорили нам по существу о формах стационарной и экспедиционной работы, а не о методе. Правда, тов. Аптекарь совершенно правильно отметил, что наша наука страдает нагромождением материала, и при этом материала художественного достоинства, в котором разобраться не тому, кто работал, а другим исследователям, нет никакой возможности. И поэтому основной упор должен был бы быть сделан, мне кажется, на научную документацию и на научную фиксацию тех явлений, которые приходится наблюдать каждому из нас. Без этого этнография была и не совсем наукой, несмотря на всякие разговоры о марксистской методологии. Мы имеем в большинстве случаев самые расплывчатые, может быть, и очень художественные описания в дневниках исследователей, которые обобщить невероятно трудно. В этом отношении

[1] Преображенский-младший — по всей видимости, *Сергей Федорович Преображенский* (1900–1962) — младший брат П. Ф. Преображенского, антрополог, сотрудник Института антропологии МГУ.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

то, что говорил Владимир Германович о том, что нельзя быть этнографом, оперируя только одними книгами, в достаточной степени верно, потому что мы не имеем хороших документальных источников по этнографии. Вопрос об источниках — вопрос самый актуальный. (*л. 279*) Но говоря о том, что стационарный метод является, несомненно, идеальным методом, нужно, конечно, сделать целый ряд оговорок. Конечно, Морган сделал очень хорошо, что прожил 40 лет среди ирокезов. Но можно ли этого требовать от этнолога и требуется ли это вообще? Да и нет. Потому что, кроме того, что мы, этнологи, работаем в поле, теперь в поле начинают работать много местных краеведов, которым мы должны привить научные методы фиксации материала, и этим самым мы, может быть, до некоторой степени сузим и сгладим наш стационарный метод работы.

Теперь относительно культурно-просветительной работы, относительно участия этнографа в различного рода кооперативных организациях, школах, комитетах, где хотите. Здесь одновременно говорится о близости к тому обществу, которое вы изучаете, и одновременно о том, чтобы вы по отношению к этому самому обществу иногда выступали в качестве чиновника. Противоречие, по-моему. Нельзя, например, заниматься вопросами религии и вести одновременно антирелигиозную пропаганду. Работая в поле, мы занимаемся культурно-просветительской работой, но у нас поставлен вопрос, когда ею заниматься. Мы делаем как иезуиты. Сначала входим в доверие знахаря и обследуем формы религиозных верований, а назавтра мы ведем антирелигиозную пропаганду. Нельзя одновременно заниматься этим. Это, по-моему, совершенно неверный подход к материалу, потому что вы здесь имеете дело с очень чутким человеческим обществом, которое знает, что вы представитель и религиозного мировоззрения. Вы не совсем тут правы, и особенного перевоплощения здесь от этнографов требовать нельзя.

Я хотел бы остановиться еще на той методологической работе, которая проделывается сейчас группой московских студентов, организующих выставку по методике этнографической работы. Это будет касаться существа дела. Мы ее разделили на целый ряд отделов.

(*л. 280*) В первый раздел этнографического исследования у нас попадают средства и орудия труда, промыслы и хозяйственные формы данного общества. Во второй отдел входят и те объекты материальной культуры, которые связаны с данным трудовым процессом и с данным промыслом. То, что мы объединяем под общим термином «хозяйственная культура» или «хозяйство». Следующий отдел — общество — у нас имеет такое деление: семья исследуется на основе точного анализа производства и распределения в данной первичной ячейке. Здесь у нас поставлен вопрос о точной фиксации бюджета времени, распределения производственного и потребляющего труда (извиняюсь за термин «потребляющего»), на основе которой мы получаем точное отображение, числовое отображение занято-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

сти каждого члена данной семьи в той или иной работе. Потребляющим трудом мы условно называем тот труд, который связан непосредственно с потреблением, то есть с топкой печей, не с добыванием дров, а с варкой пищи. Одним словом, тот труд, который большей частью делают женщины. Сюда же включаем и одежду, и целый ряд нужных предметов материальной культуры. Материальную культуру мы не выделяем из целой совокупности социальных явлений, с которыми она теснейшим образом связана. Следующий отдел — идеология — основан по такому же типу. Кроме того, там уже у нас поставлен вопрос на основе целого ряда опытов о комплексе этнографической и археологической работы. Антропологический институт уже не первый год вступает в экспедиционную работу, одновременно работая и над археологическим, и над этнографическим материалом. Этот вопрос, который был недостаточно освещен в докладах, должен быть в значительной степени оценен и освещен оппонентами. Дело в том, что в целом ряде случаев мы не так уж и хорошо понимаем этот самый комплексный метод. Иногда у нас под комплексной экспедицией понимается экспедиция, где археолог работает в одном месте, а этнолог — в другом, то есть они работают не только над культурой, не связаны друг с другом генетически, но разрознены и во времени, и в пространстве. С другой стороны, мы имеем комплексную работу, связанную с одной территорией, где изучаются детально народности и в плоскостном (*л. 281*), и в глубинном разрезе, изучаются и памятники данной народности, и ее современный быт, что дает, с одной стороны, значительное оживление и оплодотворение археологическому материалу и выводит археологию из своеобразного мертвого застывания, с другой стороны, оплодотворяет исторические кабинеты этнографического исследования. Этот комплексный метод исследования, историзированный или археологизированный, является актуальнейшим вопросом нашей методики, и он еще в значительной степени не разрешен. Кроме того, несомненно, не верно, что ни один докладчик не дал программы исследования. Ведь, в конце концов, мы имеем очень много программ, но ни одна из этих программ нас не удовлетворяет. Не удовлетворяет ту самую методологию, о которой мы столько здесь распространяемся. Мне хотелось бы закончить тем, что в этом смысле мы должны идти по пути документации явлений, найти те методы фиксации материала, которые дали бы возможность не только тем, кто работает над этими материалами и его обрабатывает, но давали бы возможность пользоваться и тем, кто непосредственно не принимал участия в данной работе.

Левин

Согласно нашему сегодняшнему правилу не говорить по теоретической части, а ограничиться исключительно полевой методологией, я оставлю в стороне теоретическую часть докладов и Куфтина, и Богораза. По второму

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

докладу это сделать довольно легко, так обе части, и теоретическая, и практическая, между собой органически не связаны, так что перейду непосредственно к теме обоих докладов. Никто из присутствующих здесь не будет спорить с проф. Богоразом о том, что стационарный метод исследования — это есть тот метод, по которому лучше всего и легче всего работать при наличии определенных средств и определенных условий. Но я позволю себе не согласиться с той частью, где он почти исключает экспедиционный метод или сводит его к работе тематической. Когда мы говорим об экспедиционном методе исследования, мы должны рассматривать этот метод исследования как метод, диктуемый современными условиями. Приведу конкретный пример. Я лично разделяю мнение, что стационарный метод более приемлем. Мои интересы, как этнографа, связаны с <…> тунгусами. Средств на то, (*л. 282*) чтобы поехать к ним на 16 месяцев, нет, ехать туда с административными функциями я считаю нецелесообразным. Должен ли я отказаться от экспедиционного исследования? Конечно, нет. Работы последних лет показали, что много может дать экспедиционный метод среди тех народностей, которые представляют белое пятно, о котором говорил Вл[адимир] Герм[анович] и которое мы должны покрыть если не на 100 %, то хотя бы для сравнительного материала. Что мы знали до экспедиции Московск[ого] центр[ального] музея о <…>? До сих пор в литературе пришлось ограничиться Шренком[1]. Работа Васильева[2] если не идет вглубь изучения духовной культуры, то она все-таки дает четкие типы оленеводчества, охоты, хозяйства и других признаков, которые для нас чрезвычайно важны. В[ладимир] Г[ерманович] недооценивает того, что называется музейной этнографией. В этом слове — «музейная этнография» — у него есть пренебрежительное отношение. Это может являться верным в том случае, если эта музейная этнография понимается так, как изложена в тезисах В[ладимира] Г[ермановича]. Но экспедиционный метод это не значит просто привоз материалов без его документации. Мы присутствуем при полном исчезновении тех этнических групп, которые уничтожаются под влиянием проникновения к ним культуры. Они у нас совершенно не зарегистрированы в наших музеях и в наших объектах, и экспедиционная работа эти пробелы должна восполнить. Насколько музейные объекты являются важными, об этом, по-моему,

[1] *Шренк Леопольд Иванович* (1826–1894) — русский этнограф, натуралист, академик Петербургской АН (1863). Директор Музея антропологии и этнографии в Петербурге (1879–1894). В 1854–1856 гг. возглавил экспедицию на Амур и Сахалин, где изучал нивхов (гиляков) и другие народы. Материалы экспедиции изданы в 4-томном труде на немецком языке. На русском языке издана этнографическая часть этой работы: «Об инородцах Амурского края» (1883–1903. Т. 1–3). Ввел в науку термин «палеоазиатские народы».

[2] *Васильев Борис Александрович* (1899–1976) — этнограф-сибиревед, ученик Б. А. Куфтина. Работал в ЦМН. В 1929 г. был выслан из Москвы. Впоследствии работал в Антропологическом музее МГУ и Музее народов СССР. Активный деятель Катакомбной церкви, учитель о. Александра Меня.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

говорить не приходится. Только через музейные объекты мы можем подойти к таким сложным явлениям, как те, что В[ладимир] Г[ерманович] называет духовной культурой или религией. Мне казалось бы, что, когда мы изучаем шаманство, мы и здесь методологически можем исходить из внешних проявлений шаманства. Это может нам гарантировать изучение того, что является типичным для данной этнической группы. Это не является индивидуальным выражением отдельных лиц, а это есть настоящий тип, который может быть зарегистрирован в экспедиционной работе.

(*л. 283*) Вопрос второй, на котором я хотел остановиться, — это вопрос, о котором говорил В[ладимир] Г[ерманович]. Мы признаем, что мы должны вести культработу, но так, чтобы она не затемняла остальных сторон нашей работы. Человек, который едет в качестве административного лица, не может там работать, потому что он не может быть с туземцами в достаточно близких отношениях. Это в известной степени правильно. Я скажу, что когда я еду в поле, где я делаю важное и полезное этнографическое дело, то мне жаль времени и мне не хочется тратить его на то, что может лучше меня сделать другой человек, знающий это свое дело. Этнографическая работа, как это здесь выяснилось, заслуживает того, чтобы этнограф зарабатывал свой хлеб через этнографию, а не через другое дело. Это не значит, что мы не должны вести культурную работу, всецело связанную с местными органами. Весь материал от такой культработы мы должны принести на помощь, но не принимать это как необходимую увязку с той работой, с теми функциями, которые мы несем по своей непосредственной работе. Культурную работу должен вести человек, который занимается культурной работой. Я хочу сказать, что государство, если имеет средства, может обеспечить этнографа, а если учитель, кроме своей специальности, еще и этнографически подготовлен, то это очень хорошо. Но пока мы не можем еще располагать таким штатом. Штат же этнографов мы должны использовать по прямому назначению — чтобы захватить то, что нам оставил быстрый рост исчезновения этнических особенностей. Если товарищ хорошо знает тунгусский язык, то он должен ехать к тунгусам и зафиксировать то, что еще не зафиксировано.

Третий вопрос — это то, что Владимир Германович называет близостью к населению. Но очень часто этот метод рассматривается как метод вживания в философском смысле. Такое направление есть у германских ученых[1]. Метод вживания Влад[имира] Герм[ановича] мне представляется просто симпатией населения.

[1] По всей видимости, Левин имеет в виду разрабатывавшуюся немецкими философами Генрихом Риккертом, Вильгельмом Дильтеем и др. методологию «понимания», применяемую «науками о культуре» и противопоставляемую ими генерализирующему методу естественных наук.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Четвертый вопрос и последний — это вопрос об этнографическом изучении новых формаций, того, что мы имеем сейчас в деревне, в городе и т.д. Если мы оставим в стороне философский вопрос, должна или не должна этнография заниматься этими явлениями, то это вопрос, (*л. 284*) который зависит от определения этнографии. Если мы определим этнографию, как определял Лев Яковлевич, то это выключается из программы, изучение новых формаций отпадет. Если мы оставим в стороне вопросы, должны или не должны мы это изучать, то все-таки останется вопрос, умеем мы или нет это изучать. Надо сознаться, что у нас полевой методики и разработки этого вопроса не имеется, и мне казалось, что от положений, должны мы изучать эти явления или нет, надо подойти к методике этих новых явлений.

Вот в основном то, что я хотел сказать. Резюмирую это тем, что, конечно, стационарная работа хороша. Работа, которая дает человеку возможность пребывать долгое время на одном месте, хороша, но не в настоящий период, когда мы присутствуем при полном исчезновении многих этнических особенностей и при отсутствии в целом ряде музеев вообще предметов той или иной народности. Мы должны остановиться вначале на более, может быть, быстрых способах исследования экспедиционным методом, не исключающим стационара, где он ведется местными силами. Надо добиться возможности обеспечить полностью специалистов, едущих на места, чтобы дать им возможность целиком отдаться своей этнографической работе. Они обойдутся и без того, чтобы заниматься там еще культурной работой. Надо добиться, чтобы этнограф получал свой хлеб без побочной работы.

Ильин

Полевой работе был посвящен доклад профессора Богораза. К числу достоинств доклада нужно отнести те отрезки такового, в которых говорилось о женщине, затем о роли туземцев, о родном языке и о длительном периоде изучения этнографического материала. Язык здесь имеет большое значение, потому что если мы проследим старые полевые работы, то почти в каждой найдем немало ошибок. Например, приведенный пример Потанина, который смешивает в известной работе два кожаных каяка нижней и верхней нагрузки. Роль туземцев и языка была здесь докладчиком правильно уловлена, в отличие от тех старых работ, которые мы имеем в печати. Затем высоко нужно здесь ставить роль женщины, потому что до сих пор женщина Малой Азии (*л. 285*) или Закавказья была мало изучена. Виновато было в этом отсутствие женщин-этнографов. На Востоке мы имеем женский мир под чадрой или паранджой. Эту половину населения мы при помощи женщин быстрее изучим.

Далее здесь спорным был вопрос о сближении с населением. Здесь я стою на стороне докладчика. Дело не в терминах, а в содержании. Сбли-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

жение необходимо. Многие этнографы до революции и сейчас подходят к населению свысока, с пренебрежением, с боязнью заразы и т.д. Я здесь понял докладчика так, что при стационарном методе нужно с населением действительно сживаться. Это усугубляется еще и тем, что мы имеем сплошь и рядом стопроцентное недоверие к приезжим. Трудно, например, работать уездным и даже волостным статистикам, потому что население скрывает свой инвентарь. Так и при этнографическом подходе мы сталкиваемся с недоверием населения. При экспедиционных выездах среди вотяков, когда начинаешь расспрашивать о религии, они думают, что вы собираетесь накладывать лишний налог на жрецов или лишить их права голоса. Внимательный подход к населению необходим.

(*л. 286*) Наряду с положительными чертами проскальзывали и противоречия. Прежде всего я уловил два противоречия. Первое относительно изучения производственных сил. С одной стороны, это нужно приветствовать, а с другой стороны, это изучение или сугубое внимание к таким группам населения, которые не имеют социальных производственных организаций, как нищие, беспризорные, преступники и целый ряд других лиц, по-моему, являются излишними. Их можно изучать любительским путем. Второе противоречие — это то, что в тезисах говорится: немыслима этнография без полевой работы. Это совершенно верно. Но наряду с этим есть выпячивание полевой работы в виде особой специализации. Если мы полевую работу признаем двухсторонне, как теоретически, так и практически, то есть ли нужда выпячивать полевую этнографию как особую специальность? Может быть, это терминологическая придирка? Я был бы за взятие в скобки этой специальности. В качестве дополнения я бы высказал такие пожелания полевой работе. Я внимательно слушал доклады и просматривал тезисы, но не заметил, чтобы где-нибудь уделялось внимание изучению смешанного населения, с одной стороны, и изучению компактной массы — с другой. Ведь мы имеем, с одной стороны, смешанное население, пять-шесть национальностей в одной волости, с другой стороны, целое компактное население — одну национальность. Это приходится учитывать. Компактные массы нет нужды сравнивать. Но если на территории мы имеем три-четыре национальности, рождается необходимость сравнения этого материала. Сравнение диктуется скрещением этнографических факторов на этой территории. Об этом не было сказано в докладе. Такой сравнительный подход раскроет полезность аккультурации более высоко стоящих народов на низкие или, обратно, с низких национальностей на более высокие. Такие скрещения имеются. Например, вотятско-черемисские и русские взаимоотношения. Такие две отрасли изучения: с одной стороны, компактное, а с другой стороны, смешанное — нужно было оттенить. Нужно было остановиться на плановости проведения специальной работы как со стороны научных работников, так и местных

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

плановых организаций. Тут мы имеем разнобой: в [19]26 г. в Вотской области работали несколько экспедиций стационарным (*л. 287*) методом или отдельными выездами. Там были антропологи, этнографы, почвоведы и археологи. Между ними не было никакой сговоренности, работали в разных территориях: северной, южной и средней части. Если бы они договаривались, мы не имели бы таких недостатков, какие были у московских археологов. Если бы эти экспедиции были проведены на одной территории в одно время, они дополняли бы друг друга и могли бы выпустить даже монографии.

Наконец нужна и связь с местами, согласование с местами темы, а то бывает так, что экспедиции выбирают темы неактуальные, население могло бы выдвинуть гораздо более интересные темы, и это привело бы к выяснению местных нужд и большему их удовлетворению. Я стою за то, чтобы была увязка с населением и, наконец, осторожный подход к населению, без чего работа не пойдет.

Аптекарь

К сожалению, принужден начать с критики на этот раз не докладов, а президиума. Доклад тов. Куфтина полностью оправдал те предложения, которые были высказаны рядом наших товарищей, в частности и мною, что нельзя будет подойти к вопросу о методах полевой этнографии, не рассмотрев вопросы теоретические. И действительно Куфтин не удержался от этого. Я считаю большой ошибкой президиума, что он не гильотинировал первой части доклада Куфтина. Но я не буду восполнять ошибки президиума и не использую свое время для того, чтобы снова возвращаться к этому вопросу, тем более что В[ладимир] Г[ерманович] здесь на конференции отказался от защиты своих теоретических взглядов. Он совершенно правильно подошел к делу, взял этнографического быка за рога. Что касается Куфтина, то здесь каждый мог бы констатировать наличие совершенного первобытного теоретического хаоса мировоззрения. На это не стоило тратить времени. Хотя, с другой стороны, имеется превосходный момент по части теории. В частности, то, что возмутило Золотарева. Это понимание расы и антропологии как обществоведческих наук. Это является большим достижением. Сегодня мне пришлось познакомиться в вечерней газете с выступлением Покровского в Москве, которое имело место в субботу. Мне кажется, что для нашей конференции, если она хочет быть конференцией научной, это выступление играет большую роль и конференция на это должна как-то реагировать.

(*л. 288*) Выступление заключается в следующем. Покровский дал формулировку основных задач марксистской науки: надо переходить в наступление на всех научных фронтах. Период мирного соседства с буржуазной наукой надо считать изжитым до конца. Надо создавать собственную

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

марксистскую науку. Если до сих пор кое-кто еще мог думать, что мы можем создать себе научную смену руками старых ученых, то теперь эти соображения надо оставить. Мы должны иметь смену, подготовленную нами самими, мы должны иметь научные труды, приготовленные хотя бы чужими руками, но по нашим планам и проверенные нами на наших практических задачах.

(*л. 289*) Я, товарищи, отнюдь не хочу сказать тем, что я здесь цитировал этот кусок, из доклада М[ихаила] Н[иколаевича], что мы здесь имеем дело с буржуазными учеными. Ничего подобного, если считаться с фактами, здесь утверждать нельзя. Ничего подобного нельзя утверждать, если считаться с фактами. Но когда вы подходите к этой области в этнографической деятельности, надо считаться с тем, что здесь мы имеем почти на 100 % дело с буржуазным наследством, а к нему с голыми руками подходить нельзя. Здесь снова и снова нужно подчеркнуть особое значение марксистской теории, и эта теория, как и всякая другая, не дается в порядке налета. Нельзя овладеть марксизмом в течение трех заседаний хотя бы, в которых обменяться некоторыми беглыми замечаниями. Марксизм, как и всякая другая наука, должен серьезно прорабатываться, и такую вещь не нужно было бы растолковывать представителям науки. Однако и эту азбучную истину приходится здесь поставить. После того как на этой конференции тупик до известной степени констатирован и защитники этнографии выступают с заявлением, что этнография не совсем наука, это вам уже не только негативный, но и положительный момент развития. Конечно, не по части этнографии как науки, а по части «этнографического исследования» (в кавычках) или по части того, как нужно подойти к тем объектам, которые в реальной действительности существуют и которые никто из научных работников не может игнорировать. Теория, которая не считается с самыми маловажными, с самыми мельчайшими фактами, обречена насмарку (sic!). Таких фактов, которые не могли бы быть обоснованы с марксистской точки зрения, еще нет. Уже в своем последнем тезисе, которым я закончил заключительное слово по своему докладу, я замечал теоретический выход из создавшегося положения. С крушением построений этнологии как науки не решается дело научного исследования тех объектов, которые сейчас несколько неудачно называются объектами этнографическими. Если вы возьмете общество как совокупность производственных отношений, то вы в этом обществе найдете самые разнообразные стороны, и этим самым ставится вопрос о классификации этих явлений, и оставляя пока (*л. 290*) вопрос о том, что эти явления тесно связаны с другими и потому должны представлять не что иное, как различные стороны единого процесса. Мы практически можем провести деление и синхронически, и диахронически, в разрезе вертикальном и горизонтальном. Я постараюсь доказать, что ни один из тех объектов, которые могут явиться или были объектами изучения,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

не выпадают из рамок этой схемы. Я не претендую на то, чтобы здесь дать нечто совершенно готовое. Это, конечно, будет только неким материалом для дальнейшей разработки, но мне кажется, что этим самым выход из тупика может быть найден.

Если мы возьмем общество, то для того, чтобы подойти к нему реально, мы должны оперировать с конкретным обществом, а не обществом вообще или, точнее, конкретным обществом как вариантом конкретной социально-экономической формации, и если вы такое историческое изучение поставите, вы можете перейти, начиная или от верхних границ, от нашего времени, ретроспективно или, наоборот, от самых первичных этапов человеческого общества, от стадии, когда оно появляется и проходит границу между природой и обществом, и подняться вверх. И вот по этим плоскостям вы будете иметь целую серию истоков[1] различных специальностей. Ученого надо понимать, и все и понимают его как специалиста. Ученый — это прежде всего специалист. А мы здесь столкнулись не со специалистами, а с товарищами, претендующими на энциклопедичность. Почти каждый из выступающих товарищей проявлял такие империалистические замыслы, что создавалась какая-то неуверенность насчет того, существует ли у этого товарища область, где он специалист. Эта легкость полета — очень хорошая вещь в некоторых областях. Здесь, в такой области, которая требует особого внимания и осторожности, которая считается признаком подлинного научного работника, такой подлинной осторожности совершенно не было. Подходя к исторической науке, надо обладать специальностью. И мы можем получить историка империализма, историка эпохи промышленного капитала, историка феодальной формации, родового быта, историка тотемического общества и т.д. Мы можем таким вертикальным порядком пройти все области. Мы можем и иначе строить эту науку. Мы можем исходить из отдельных реальных (*л. 291*) объектов. Изучать язык, религию, жилище, хотя о нем науки еще не построено, но объектом для науки оно может быть. Совершенно был прав тов. Золотаревский[2], который указывал, что жилище, пища и пр. — не статические моменты, а что в них имеются и динамические элементы. При этом оказывается, что очень много из того материала, который добывается полевыми этнографами, в сыром виде должно быть передано соответствующим специалистам, не подвергая его никакой обработке. В частности, если за материал по истории религии возьмутся этнографы, это будет кустарничеством. Владимир Германович должен в заключительном слове поставить более четко вопрос, что нельзя требовать, чтобы этнографический работник был и швец, и на дудочке игрец. Бывает, что тот или иной работник совмещает все это, но, как правило, надо ориентироваться

[1] Вероятнее всего, в стенограмме ошибка, должно быть — «историков».

[2] По всей видимости, Золотарев.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

только на специалиста. И поэтому всякое изучение в качестве своего основного метода должно выдвинуть именно комплексный метод изучения специалистами конкретной области, причем каждый специалист не должен замыкаться в своей области. И человек, изучающий жилище, не должен подходить к нему абстрактно, беря только жилище и не обращая внимания на то, кто в нем живет, как живет и пр.

(*л. 292*) Такая проблема, как проблема красного угла в избе, будет непонятна, если не принять во внимание идеологическую надстройку, которая существует реально в головах обитателей. Все эти моменты должны быть изучены. При таком подходе окажется, что целый ряд явлений, которые реально изучаются, но изучаются кустарно, они нуждаются в научной систематизации. Мы можем их рассматривать конкретно как исторические науки, как науку о языке, о религии, науку о том или ином элементе производственных сил. В частности, жилище в этом случае появится в качестве науки об одном из элементов средств производства. Этим самым ни один объект, ныне изучаемый этнографом, не исчезнет с поля нашего зрения, а, наоборот, он получит свое научное место в этих классификационных клетках. Этим самым будет установлено его реальное отношение к другим общим теориям и будет обеспечена увязка всех отдельных институтов.

Феноменов

Говоря о полевой работе докладчики, как мне кажется, остановились на трех главных вопросах: методы организации работы полевой работы; объекты полевой работы и задачи полевой работы. Что касается метода организации полевой работы, то здесь всплыл очень важный вопрос о стационарном методе в противовес методу экспедиционному. Я думаю, что здесь такая точка зрения Вл[адимира] Г[ермановича] была чрезвычайно правильна, и те критические замечания, которые были сделаны по адресу докладчика, нужно в значительной степени смягчить. Дело в том, что мы здесь имеем очень живую и верную мысль и вместе с тем не только мысль, идущую от практики, но это как будто бы выводы теоретические и в западноевропейской науке, что именно метод стационарного исследования является наиболее совершенным. Я думаю, что когда Вл[адимир] Герм[анович] довольно иронически изображал экспедицию, в которой в течение одного месяца приходится заниматься собиранием музейных предметов, он был прав: такая практика существует. И напрасно тов. Левин протестовал против этого. Эта практика существует не только в музеях, но и в институтах, в академической практике. Это зло надо вскрыть и с ним бороться. Но, разумеется, это часто не вина, а беда этнографического учреждения, (*л. 293*) что оно не может вести стационарной работы, так как очень часто не хватает средств. Однако я думаю, что если бы учреждения, ведущие этнографическую работу, музеи или подготовляющие этнографов

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

университет и научные институты осознали и вполне оценили значение стационарной работы, они нашли бы возможность откомандировать своих сотрудников на полевую работу не на один месяц, а на годичный или даже больший срок работы, пусть хотя бы даже в меньшем количестве. Если такая практика будет введена в наши музеи и академические учреждения, дело этнографии значительно выиграет.

Вопрос о краеведческой работе. Проф. Куфтин затрагивал этот вопрос не совсем правильно. Тов. Левин тоже однобоко. Краеведение собственно не ждет от них указаний, директив сверху. Краеведы вовсе не хотят собирать полевой материал, они хотят работу, заслуживающую названия «научной». Центральные работники вовсе не должны дирижировать. Это неверная точка зрения. Они должны показывать пример, как надо работать. Если стационарная работа будет введена в практику учреждений, тогда такой пример будет показателен и для местных краеведов, и мы получим ответные примеры. Так что здесь я присоединяюсь к точке зрения Вл[адимира] Герм[ановича].

Затем вопрос о работе экспедиционной, длительной или кратковременной, и вопрос об объектах экспедиционной работы. Здесь получилась некоторая путаница у докладчиков. Причем то, что шло от их практики, было вполне ясно и отчетливо, а то, что они пытались теоретически обосновать, было совершенно неясно. Насколько я понимаю Вл[адимира] Герм[ановича], он представляет себе, что объект работы — это определенная племенная группа, обычно отдаленная от нас, например северные народности. Между тем теоретически он предполагает, что можно этнографически исследовать и группы сложного капиталистического общества: преступников, люмпен-пролетариат и другие группы. Мне кажется, что здесь громадная теоретическая путаница, могущая повредить делу. Я настаиваю на том, чтобы развитое капиталистическое общество не подлежало исследованию этнографическому, а социологическому. Здесь, совершенно правильно в своих примерах указывая на объекты исследования, проф. Тан (*л. 294*) совершенно неправильно определяет эти объекты теоретически. Проф. Куфтин несколько ближе подошел к вопросу об определении объектов исследования. Мы тут слышали от Яковлева одно из таких определений, что этнография изучает в своей полевой работе доклассовое общество, или, как говорили ученики проф. Штернберга, примитивную культуру. Б. А. Куфтин в своих тезисах предложил определение доиндустриального общества или доиндустриальной формации. Я думаю, что это, конечно, еще не окончательное определение, но оно нас к чему-то подводит и в дальнейшем на основе практики необходимо установить какую-то грань, за которой будет возможно плодотворно работать. Разумеется, только простые этнические группы, стоящие на примитивной стадии развития, могут стать объектом этнографического изучения. Сложное капиталистическое

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

общество не подлежит этнографическому исследованию, а является объектом истории и социологии.

Затем по поводу целей и задач этнографического исследования В[ладимир] Г[ерманович] не определил эти задачи, но насколько можно было уловить из его доклада, этой задачей является имманентное постижение жизни народов, полное постижение путем очень близкого общения, путем сживания с этим народом. Я думаю, что, как первичная, эта задача вполне может быть поставлена. Что касается проф. Куфтина, то он определил задачу изучения как историческое исследование, но это связано с его теоретическими взглядами. Он сделал возражение проф. Преображенскому о том, что географические зоны, или технически-хозяйственный ареал, не должны быть объектом этнографа, что этнографы не должны стремиться их определить. А дальше сам же говорит, что изучение культурных провинций — задача внеэтнологическая. Я думаю, что это не внеэтнологическая, а чисто этнологическая задача…

(*л. 295*) Я думаю, что задача этнолога также — намечать известные географические зоны, на которых разнообразно развивается культура, раз вы изучаете историю самой культуры. Я думаю, что момент исторический и географический должен иметься в виду при полевой работе.

Председатель

Товарищи, всего записалось 26 человек. Высказалось только 6. Я вношу такое предложение: трем следующим докладчикам, одному москвичу и двум ленинградцам, дать положенную норму времени — 10 минут. А так как по многим вопросам невольно высказывается то, что думали высказать записавшееся, то желательно сократить время для каждого оратора до 5 минут. Тогда можно было бы выслушать все существенные мысли каждого оратора. Мы должны сегодня закончить прения. Завтра вопрос о высшей школе и вынесение резолюции. Мы должны быть реальными людьми и сегодня заставить себя кончить с этими докладами. Мое предложение: высказаться трем по 10 минут, остальным — по 5 минут.

[Голос] с места

Всем высказываться по 10 минут. Доклад наиболее серьезный. Просим всех высказаться.

Из Президиума

Так как большинство высказавшихся были москвичи, и есть группа ленинградских этнографов, я предлагаю дать высказаться ленинградцам.

[Голос] с места

Мне кажется, что не нужно держаться принципа разделения на Москву и Ленинград.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Председатель

Позвольте проголосовать мое предложение. Кто за это предложение? Кто против? Меньшинство. Слово предоставляется тов. Толстову.

Толстов

Я прежде всего должен сказать, что я хотел бы высказаться по докладу тов. Преображенского, именно сказать, что оба доклада не дали того, что мне хотелось от них получить. Не дал этого ни доклад Владимира Германовича, ни доклад Куфтина. И не только потому, что они были построены не так, как нам хотелось бы, не только потому, что Б[орис] А[лексеевич] занимался высказыванием своих теоретических взглядов, но и потому, что задача была поставлена не та, что нам нужна. Была поставлена задача аргументировать два метода, как будто взаимно исключающие (*л. 296*) друг друга, в то время как задача гораздо шире и актуальнее, чем проведение в конце концов политических счетов между школами, одна из которых придерживается стационарного, другая — экспедиционного метода. Поэтому мы и не можем быть всецело удовлетворены обоими докладами. Не можем мы быть удовлетворены и тем, что докладчики сначала делали философские вылазки, причем Влад[имир] Герм[анович] доказал, что то, о чем мы говорили раньше правильно, и то, что он называет применением научного материализма к этнологии, есть то, что мы характеризовали как вульгарный материализм. И Б[орис] А[лекеевич] то же самое доказал, что, желая утвердить положение в начале доклада, он вместо утверждения внес большой хаос, хотя у него и были верные мысли. Поэтому я мог бы многое еще сказать, но я не буду говорить по этому поводу. Я предпочитаю сразу перейти не к обсуждению доклада, а к высказыванию своих положений, вытекающих из моей собственной экспедиционной практики, и остановиться на тех вопросах, которые, мне кажется, могут быть более актуальными, чем разрешение проблемы стационарного обследования.

Мне кажется, разделять эти два метода нельзя. И не прав тов. Богораз, когда он пытается все свести к одному стационарному методу, и не правы товарищи-экспедиционисты, которые становятся в стыдливую позу и говорят так: «Конечно, Богораз прав, стационарный метод — это все, но и экспедиции имеют известное право на существование». Экспедиции являются неизбежным и совершенно правильным методом не из-за нашего нищего кармана, но и потому что без них нельзя обойтись. Можно говорить, что каждое исследование имеет определенную степень приближения к истине, что прежде, чем делать всестороннее описание народа, можно дать его беглое, но ценное описание. Но нельзя считать изучение народности законченным, когда исследователь провел хотя бы и 40 лет в одном пункте и изо дня в день наблюдал жизнь этого народа. Совершенно необходимым является маршрутное исследование, прослеживание и при-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

стальное изучение явлений в 1–2–3 пунктах на гораздо более обширной территории. Сам Влад[имир] Герм[анович], как автор этногеографии, не может отрицать того, что, соглашаться ли с его позицией или нет, но анализ географического распространения для этнолога (*л. 297*) является неотъемлемым методом. И при анализе истории какой-нибудь этнической группы мы не можем обойтись без этого анализа распространения между отдельными ответвлениями этой группы. Поэтому нельзя ограничиваться изучением отдельных групп того же чукотского или финского народов. Необходимо брать большой маршрут и пересекать территорию, на которой обитает этот народ, это племя, изучать ту конфигурацию, которая имеет место в смежных районах, изучать взаимоотношения этнических групп, то есть то, что называется аккультурацией, и т.д. Стационарного метода в том виде, как его рекомендует профессор Богораз, мы еще не пробовали. Мы практикуем метод более углубленной работы в определенных пунктах, потому что мы работаем в средней России, в русской деревне, которую мы хорошо знаем…

Перерыв

(*л. 298*) ***Толстов***

Потому что мы работаем в средней России, изучаем русско-финские деревни, которые мы так хорошо знаем, в которых большинство из нас выросло. В большинстве хозяйственные циклы чужими для нас не являются. Но мы все же практикуем, с одной стороны, маршрутное изучение. С другой стороны, длительное, когда мы ведем в отдельных пунктах изо дня в день наблюдение над жизнью данного народа. Это совершенно верно, и с этой точки зрения я считаю совершенно неправильным возражения Феноменова, который выступал с каким-то краеведческим патриотизмом. Мы говорим не об исследованиях индивидуальных работников, а об исследованиях, обогащающих нашу этнографическую науку безразлично, что сделает центральный работник, а что — краеведческий. Важно, чтобы совместными усилиями были построены выводы и собраны материалы. Я бы сказал, что эта кратковременная экспедиция, на которую обрушился В[ладимир] Г[ерманович], не является чем-то абсолютно незаконным. Я исключительно работаю в кратковременных экспедициях, и тем не менее никто из присутствующих, кому знакомы мои работы, не скажет, что они лишены научного значения. Я работал по месяцу, по два и по три, больше не приходилось. Но я из года в год продолжал работать в отдельных, связанных между собой районах, хозяйственно близких между собой. И этот экспедиционный, кратковременный метод оказался наиболее продуктивным. Я приведу в пример большую, колоссальную работу, которую мы с тов. Маркеловым провели по изучению Туруханского края, по месяцу

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

в год. Здесь мы собирали материалы, которые сейчас занимают примерно 25 печатных листов и которые намечены к опубликованию. Нас работало 10 человек, но эти 10 человек работали одновременно в виде кратковременной экспедиции по изучению целой, довольно крупной по североазиатскому масштабу народности. Я считаю, что кратковременная экспедиция не может исключаться. Это есть первое продвижение, но вполне законное, и против нее возражать не приходится.

Я считаю наиболее интересным выступление тов. Преображенского, который подчеркнул актуальность проработки вопроса об уточнении технической методики (*л. 299*) этнологического материала. Если мы возьмем программу, которая недавно была напечатана в Ленинграде, то увидим, что она все-таки дает очень мало, несмотря на большой труд, который был на нее затрачен[1]. Для неподготовленного работника она абсолютно ничего не дает, а подготовленному работнику она не нужна, потому что он это и так знает, прошел в университете и других местах. Нужно дать методику полевого исследования, научить научно подходить к материалу. Не прав тов. Левин, когда говорит, что метод Вл[адимира] Герм[ановича] ничего общего не имеет с методом вживания, формулировавшегося некоторыми немецкими философами, а именно с методом вживания, субъективного изучения народов. Здесь как бы отрицание возможности объективного документального изучения. Я не говорю о том, что В[ладимир] Г[ерманович] этого не делает. Но, исходя из его положений, можно легко до этого докатиться. Как противоядие нужно выдвинуть то, над чем работает группа московских этнологов, а именно — детальная разработка, точная документация и фиксация материала. Изучение динамики семьи путем статистического учета этой динамики, путем исследования хозяйственных форм и т.д. Все это является тем путем, по которому этнография должна пойти, чтобы стать действительной наукой. Мы должны протестовать против стремления сделать этнографию как бы искусством, интуитивной наукой. Так нельзя подходить. Необходимо сделать этнографию объективной наукой, умеющей оперировать совершенно точным, документальным материалом…

(*л. 300*) ***Маторин***

Товарищи, в Москве сейчас происходит конференция марксистских научно-исследовательских учреждений[2]. Эта конференция имеет огромное

[1] Имеется в виду «Полевая этнография» С. А. Макарьева.

[2] Имеется в виду II Всесоюзная конференция марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений, которая проходила с 8 по 13 апреля 1929 г. в Москве в Коммунистической академии. Эта конференция стала одним из основных событий в борьбе между «деборинцами» и «механистами» (механицистами). Итогом этой конференции стала победа «деборинцев», за которой последовала книга «Современные проблемы философии марксизма», ставшая концептуализацией лагеря А. М. Деборина.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

значение для всех наук, не только общественных, но в ближайшее время будет иметь значение и для естественных, и для точных наук. Я думаю, что поскольку на нашей конференции были такие бурные дебаты по принципиальным, теоретическим вопросам о роли марксистского метода в этнографии, постольку все наше совещание, я думаю, единогласно согласится со следующим предложением. Послать приветствие конференции научно-исследовательских марксистских учреждений и там самим рекламировать, что и в области точных наук, которыми мы занимаемся, в изучении тех объектов, с которыми мы сталкиваемся, мы и в дальнейшем будем твердо стоять на марксистской почве. (*Аплодисменты*.)

Председатель

Позвольте поручить Президиуму выработать текст приветствия.

Крейнович

Товарищи, этнографическое изучение в СССР пошло по двум методам: стационарному и экспедиционному. Тут выступал представитель экспедиционного метода тов. Куфтин, Серебровский[1], Преображенский, Левин и Толстов. Тов. Преображенский кинул такую фразу: «Если мы будет чиновниками в поле, мы ничего не сделаем в этнографии». Я думаю, что этот упрек кинут нам. Но мы не являемся чиновниками в поле. Мы являемся там культурными работниками, а не чиновниками. Разрешите зачитать телеграмму тов. Молла[2], нашего этнографа, работающего в Чукотке: «Объехал юг района, скоро еду [на] север. Работы много. В культбазе провел 5 бесед на чукотском языке…» Тов. Молл — практический работник, провел на месте, изучил чукотский язык у Богораза, проводит там собрания, является практическим советским работником. Практическая работа, тов. Преображенский, не вредит этнографической. В ней мы сживаемся с туземцами. Мне вспоминается пример Руденко[3]. Он делал экспедиции на Алтай и брал с собой не больше не меньше кумачовый мешок, чтобы спасаться от блох. Мы этого не делаем. Мы едем к ним в дома, живем с ними, а не приезжаем как гастролеры и не смотрим сверху вниз. Мы являемся для них практическими работниками.

---

[1] Видимо, это студент В. Серебряков, проводивший свои полевые исследования у хакасов. Известна его статья: *Серебряков В*. К вопросу о праазиатских элементах культуры у хакасов (из материалов поездки в Хакасский округ Сибкрая летом 1927 г.) // Этнограф-исследователь. Л., 1928. № 2–3.

[2] Имеется в виду П. Ю. Молл — этнограф, ученик В. Г. Богораза.

[3] *Руденко Сергей Иванович* (1885–1969) — русский и советский этнограф, антрополог, археолог. Доктор технических наук (1944), профессор (1919, 1950). В 1930 г. был арестован, процесс над ним был назван «руденковщиной». Занимался этнографией и физической антропологией обских угров и башкир. Автор раскопок всемирно известных Пазырыкских курганов.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

(*л. 301*) Теперь я хочу перейти к нашим методам стационарной работы в поле. У нас есть 4 основных пункта нашей стационарной работы. Это, во-первых, языковость; во-вторых, изучение циклического характера производственной деятельности человека на протяжении года; в-третьих, изучение культурного комплекса этнических групп в его расчленении на составные части материальной и духовной культуры. Нужно сказать, что это расчленение, конечно, искусственное. Затем, в-четвертых, это что стационарный метод требует от этнографа культурной советской работы в среде изучаемой народности. Разрешите вкратце перейти к обоснованию этих методов. Языковость нам нужна. Язык является не только средством выражения, но и культурным достижением человека. И мы изучаем его так же, как изучаем культуру, религию и пр. Что нам дает язык в смысле понимания его психологии? Разрешите один пример. Когда туземец идет на охоту ловить рыбу, предположим, форель, он называет <…>. В переводе это значит «многопятнистая». А вообще он называет ее иначе. Вы подходите таким путем к его психологии, к его религии. Есть масса примеров. Например, ветер по-гиляцки называется <…>. Когда шумит листва — ветер сердится. Когда хорошая погода, он говорит: ветер хороший. Ветер как будто живое существо, и вы начинаете искать и делать выводы. На Амуре есть 4 названия. Оказывается, что северный ветер — женщина, юго-восточный — тоже. В чем дело? Вот и подошли к тому, что ветер — это женщина. Вот вы подошли от языка к пониманию психологии. Сможете вы это сделать во время экспедиционного метода? Нет, не сможете.

Разрешите перейти к изучению циклического характера производственной деятельности человека, в течение года. Я сейчас сижу над работой «Рыболовство у гиляков». Эта работа проработана в поле. Она взята как годовой кругооборот хозяйственной деятельности человека. Вы видите, что в одно время года он занимается рыболовством, в другое — морским промыслом, в третье — сборами ягод, трав и охотой на пушного зверя. Изучая эти занятия, вы увидите, что их названия имеют производственный характер. Вы иногда можете подметить даже годовое разделение труда между мужчинами и женщинами. На этом (*л. 302*) годовом кругообороте хозяйственной деятельности человека наслаиваются определенные родовые празднества, которые соответствуют определенным месяцам. Когда вы начинаете их изучать, изучать религию, вы подходите к их психологии. И получается очень интересная вещь. На моей работе, например, я проследил, что когда вы изучаете хозяйственную деятельность, например гиляк[ов], или годовой кругооборот празднеств, вы видите, что годовому кругообороту хозяйственной деятельности соответствует годовой кругооборот разделения труда и определенных родовых празднеств. Исходя из хозяйственной деятельности человека вы все это можете объяснить. Дальше. Имеется масса элементов, которые вы объяснить не сможете. Это пере-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

житки предыдущих формаций. Вы пытаетесь эти пережитки объяснить более глубокими слоями. Дальше в культуре гиляков вы начинаете замечать, что есть масса элементов, которые объясняются производственной деятельностью, заимствованной из чужой культуры. Вы начинаете распространять свое изучение на окружение народа по линии изучения горизонтального разреза. Тогда как первый разрез был вертикальный.

Перейду к пункту изучения культурного комплекса этнических групп. Здесь возражали по поводу ненаучности этого термина. Это термин относительный. Вот пример: тов. Аптекарь говорил об изучении жилища. Я не хочу вам бросать упрека, но в том, как вы высказали вашу мысль, заметен формальный подход, который присущ этнологам. Жилище нельзя рассматривать как дом, сруб и более ничего. Жилище имеет большое значение в том культурном комплексе, где оно создалось. Вы увидите, что в пороге живет дух собаки, что в дымовом отверстии тоже живет какой-то дух, что в стенах живут духи и т.д. Вы идете дальше, изучаете огневище и видите, что это очень сложный комплекс, в котором нельзя отделить элементы материальной от духовной культуры. Нельзя формально подходить к изучению таких сторон культуры. Подход к изучению отдельных слоев культуры, материальному изучению, возможен. Изучение должно быть диалектическим…

(*л. 303*) Подход к изучению отдельных слоев культуры, материальной, социальной и духовной, возможен только в процессе экспедиционной работы. У нас гибнут народы, говорит тов. Левин, надо ехать в поле, хватать предметы и привозить в музей. Тов. Левин, вы хорошо делаете, что ездите в поле, хватаете предметы. Но ту роль, которую они играют в этнических группах, вы выяснить в короткое время не сможете. Получается так, что во многих местах у нас есть предметы, собранные 200 лет тому назад, а значение их нельзя выяснить, потому что они собраны кратковременными экспедициями. Я хочу сказать, что мы, работающие стационарным методом, не белоручки. Мы занимаемся не только научной работой, но и культурной. Лично я был преподавателем по ликвидации неграмотности, уполномоченным по туземным делам и в то же время работал санитаром во время экспедиции. Болел цингой, но и это не исключало работы. Эта работа не мешала научной работе. Она создавала тесную связь с туземцами. Мы не были гастролерами, не ходили в белых перчатках. Я считаю, что задача нашей конференции — сказать, что, без сомнения, единственно научным методом в этнографии является метод стационарный. Экспедиционный метод возможен только после работы в поле. (*Аплодисменты.*)

Винников

Я хотел обратить внимание полевых этнографов или этнографов, работающих в поле, на то, что отсутствие научного метода в этнологии,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

отсутствие, скажу просто, социологического подхода к этнологическим данным сказалось не только теперь, когда наша наука вступила в фазу научного обобщения, но это оказало свое влияние и на самый характер нашего этнологического материала. Если мы возьмем нашу литературу по отсталым народностям Союза, то мы увидим, что далеко не все разделы культуры представлены одинаково полно, в одинаковой степени. Мы увидим, что на первом плане стоит материал по религиозным верованиям, по примитивным представлениям. По этому вопросу у нас материал довольно богатый и обширный. На втором плане идет материальная культура. Социальные явления и социальная культура — только на третьем плане. Не только далеко не все институты социальные, существующие у наших народностей, описаны в литературе, но, больше того, даже явления (*л. 304*) религиозного порядка очень часто описываются вне социальной среды, так что абсолютно не представляется возможным что-нибудь сделать с этими сообщениями. Это явление не только у нас, но и в западноевропейской литературе, и в литературе американской. Если мы берем какую-нибудь монографию, то там больше всего внимания уделено религиозным верованиям, религии, затем идет материальная культура, а меньше всего уделяется внимания социальным явлениям, жизни разных социальных институтов. Это есть недооценка социальных факторов. Мне кажется, что нашим работникам, работающим в поле, нужно срочно заполнить эти пробелы. Это тов. Левин не этнические группы катастрофически умирают, а исчезают катастрофически этнологические учреждения.

Возьмем проблему тотемизма у наших народностей. Есть на этот счет определенная точка зрения в нашей литературе? Нет абсолютно никаких намеков, никаких указаний на существование у наших народностей тотемизма. Априори же можно сказать, что тотемизм у наших народностей, бесспорно, есть, ибо тотемизм распространяется по всей Северной Америке, существует у всех североамериканских индейских племен до Аляски.

Возьмем затем такой интересный институт, который тоже существует в разных частях света, — институт дарения, которым на Западе интересуются все этнологи. Есть у нас этот институт дарения? Безусловно, есть. А в литературе этот институт совершенно не описан.

Возьмем следующий институт, опять-таки в значительной степени интересный для нас, потому что описан и существует у всех народов Северо-Западной Америки, — институт <…>, который имеет колоссальное значение для первобытного хозяйства, для первобытного общества. И этот институт в нашей литературе не выявлен, не описан, хотя он, бесспорно, существует. У меня для этого есть данные.

Родовая организация — до сих пор спорный вопрос. Одни отрицают, другие признают ее. В чем же дело? Почему же до сих пор родовая организация не выявлена у наших народностей? Количество (*л. 305*) этих при-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

меров можно умножить до бесконечности. Я ограничусь только приведенными. Моя цель — показать, что это есть большой минус в нашей литературе, что жизнь социальная, социальные институты недостаточно представлены в ней. Не представляется возможным работать и двигаться дальше, если не будет этот пробел восполнен. Происходило же это потому, что не было у нас социологического подхода к явлениям социальной жизни. Я считаю, что наше совещание должно объявить эту задачу весьма срочной и актуальной. Совещание должно издать программы, детально разработанные по этнографическим экспедициям, и по этнографической работе, и стационарной полевой. И в этих программах должны быть особо указаны и отмечены те актуальные проблемы, которые должны быть в первую очередь социологизированы.

(*л. 306*) ***Герт (Герд)***[1]

Я не буду касаться общих теоретических вопросов, остановлюсь лишь на вопросе об изучении народов СССР, на вопросе, о котором очень мало говорят и к которому с большими ошибками подходят. Я очень жалею, думаю, что и другие товарищи, представленные на этой конференции, тоже сожалеют о том, что нет специального доклада об этнографическом изучении народов СССР или «Этнография в строительстве национальной культуры народов». На этот вопрос нужно обратить внимание, и мы будем надеяться, что в будущем этнографическом съезде этот вопрос будет выделен. Я хочу сказать об идеале работы, о совместной работе туземцев и приезжающих этнографов. И как-то не сходится приятное и нужное желание проф. Богораза с теми выступлениями и доводами, которые шли из уст тов. Толстова. Я не знаю, как он будет работать, когда так поверхностно подходит к деревне, особенно к национальной деревне. Его летучая фраза о том, что знаем русскую и финскую деревню, что все мы выросли там, говорит о поверхностном подходе к работе, как и его утверждение о кратковременном экспедиционном методе. Я бы лично протестовал против такого подхода и могу заявить, что я не знаю хорошо вотятскую деревню, хотя и вырос в ней. Вотятская деревня и мой собственный дом за время моего пребывания в городе постоянно меняется. Когда я родился, был один план моего дома, на следующий год — другой, и так всю жизнь меняется, сейчас уже 4-й план дома, так что говорить о том, что мы прекрасно знаем деревню, — нельзя. Нужно приветствовать прекрасную мысль о таком идеале работы, но вместе с тем не нужно подходить к местным

[1] *Герд Кузебай* (настоящее имя: *Чайников Кузьма Павлович*) (1898–1937) — удмуртский поэт, этнограф, фольклорист. Этнографией увлекся в 1918 г. после встречи с известным этнографом А. Н. Максимовым; вступил в местное Историческое общество, которое возглавлял М. Г. Худяков. В 1926 г. основал краеведческое общество в Ижевске. В 1932 г. арестован по «делу СОФИН». В 1937 г. расстрелян.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

национальным работникам так, чтобы смотреть на них сверху вниз. На этой конференции говорят об этой работе и вместе с тем боятся, что огромная волна людей, которая идет к нам, нас захлестнет. Наоборот, некоторые товарищи не учитывают той волны этнографической и краеведческой научной мысли, которая растет в самих окраинах, где создаются культурные очаги и центры. О создании культурных очагов и центров нужно, конечно, позаботиться и об этом поговорить. Здесь проскальзывают некоторые дирижерские нотки по отношению к местным краеведческим работникам.

(*л. 307*) Наши молодые этнографы-марксисты имеют ряд ляпсусов в подходе к изучению национальностей, об этом говорит доклад тов. Толстова, когда он говорит о шовинизме. Здесь ваше наблюдение за народностями как за далекой кометой. Он ведь глубоко не разбирается в том, какие причины находятся в этом шовинизме. Надо глубже подходить к этому вопросу. Я не хочу подробно анализировать, что такое шовинизм. Я скажу, что шовинизм на местах нельзя сравнивать, например: украинский и вотятский — две вещи совершенно различные, но поскольку шовинизм крупных народностей, достигших развития капитализма, реакционен, постольку шовинистическое начало мелких народностей — явление пока прогрессивное. Пора бы этнографам перейти на ту точку зрения лабораторных работников, которые делят народы на более развитые и малоразвитые. Я бы просил тов. Толстова прочесть платформу ВОА[1], где это положение четко проведено. Подходить с одной меркой ко всем народностям нельзя. Что касается шовинизма, то шовинизм одновременно явление и реакционное, и прогрессивное. Кроме этих групп, есть еще третья группа, которая борется с этими группами, — группа, отрицающая национальную культуру. Тот же писатель отрицал родной язык и культуру и писал об этом. Среди нашей интеллигенции есть интеллигенция царского времени, строившая эту русскую культуру: становые, урядники и.т.д. Весь этот привилегированный слой и после революции для того, чтобы помешать социалистическому строительству, говорит: «Нужен родной язык и русская культура», так как кулаку выгодно поддерживать русскую культуру, и для того, чтобы поставить преграды культурному возрождению, они говорят о том, что нужен родной язык. Для борьбы с ними у нас есть целая группа национальных слоев, наши партийные товарищи, которые отрицают значение родного языка, говорят о языке интернациональном. Между прочим характерно отметить Лудорвайское дело[2], которое является в этом отношении характерным явлением. (*л. 308*) <…> но когда вскрылись глубокие

[1] Значение аббревиатуры установить не удалось.

[2] Лудорвайское дело — прошедший в конце 1928 г. в Удмуртии судебный процесс против группы «кулаков» из деревни Лудорвай и соседних сел, обвиненных в применении телесных наказаний против бедняков.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

классовые корни Лудорвайского дела, суд присудил виновников очень строго. И тогда эта группа говорит, какая нехорошая советская власть: раньше нас царь судил, а теперь советская власть нас так хлещет. Это реакционные элементы страшно сильно используют. Как же быть? Бить направо и налево нельзя. Нужно подходить к этим явлениям осторожно, а не поверхностно.

Здесь еще очень интересен центральный пункт в докладе Вл[адимира] Герм[ановича] — родной язык в полевой работе.

Маторин

Я прежде всего хотел сказать, что неправильна мысль, будто можно с теоретическими вопросами покончить и перейти только к одной практической работе. Я думаю, что вопросы практической работы мы не можем разрешать с точки зрения того, что Левин называл беспринципным делячеством. Мы можем исходить только из определенной теоретической платформы. Поэтому я вынужден, с места в карьер, отмежеваться от методологической путаницы, которую мы видели в докладе Б. А. Куфтина и которая произвела, вероятно, на все совещание угнетающее впечатление. Что касается чисто практической части этого доклада, то я, может быть, отношусь с глубоким уважением к тому, что на практике проделал Б[орис] А[лексеевич], но я считаю, что это менее всего нашло отражение в его докладе. Я приветствую слова Вл[адимира] Герм[ановича], где он сказал, что отказывается от целого ряда тех или иных, может быть, теоретических промахов методологического свойства, которые у него есть, и что он сосредоточивает свое внимание на непосредственных задачах полевого исследования. Вместе с этим, товарищи, нельзя не сказать, что самое то, это полевое исследование может быть вполне плодотворным лишь тогда, когда оно покоится на твердой теоретической базе. И в этом отношении, с точки зрения, (*л. 309*) подхода к объектам изучения, с точки зрения подхода к самому этнографическому материалу, у меня, например, нет никаких расхождений с тов. Аптекарем. Сегодняшнее его выступление я приветствую. Если есть люди, которые во всем этом, может быть, готовы занять позицию Tercius Gaudens[1], то я думаю, что в результате этого обсуждения может быть сделан совершенно иной вывод, а именно тот, что тем или иным путем, может быть, в очень жарких боях и схватках, но марксизм прокладывает дорогу в самую сердцевину научной работы. И здесь, конечно, такой Tercius Gaudens в конечном счете обречен на полное вытеснение и из полевой работы, и если хотите, и из кабинетной, потому что теоретическая база у нас должна быть совершенно иная.

[1] *Tertius gaudens* (лат.) — «третий радующийся» (третье лицо, извлекающее пользу из борьбы двух противников).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Теперь, по существу того, что говорилось в обоих докладах. Прежде всего я хотел бы сказать, что стационарный метод не исключает экспедиционной работы. В отношении, например, восточных славян, в отношении русских, в отношении украинских и белорусов мы имеем вполне законную возможность организовать экспедиции и долговременные, и даже кратковременные, с узкими цифровыми задачами. И необязательно нам превратиться в народников 70-х годов и делать все, что они проделывали во время хождения в народ: косить, пахать, хлебать из общей чашки и все прочее, потому что в данном случае мы имеем гораздо большую степень изученности. Иное дело, когда перед нами народы сравнительно более отсталые или же имеющие специфический культурный комплекс. Нам приходится, конечно, следовать примеру классиков, полевых этнографов, работавших как в прошлом столетии, так и наших современников, которые показали нам, что необходимо вжиться как следует в жизнь данного народа.

Стационарный метод, как его понимает В[ладимир] Г[ерманович], не только, возможно, не осуществим, но даже наверняка не осуществим где-нибудь на Западе или в тех же Соед[иненных] Штатах, не осуществим потому, что у западных исследователей подход совершенно иной, чем тот, который должен быть у исследователей (*л. 310*) советских. Я не согласен с теми, кто думает, что можно наездом или через переводчика действовать в среде того или другого народа. Я думаю, что будет самым правильным изучение языка и изучение всего быта данного народа.

Если мы хотим диалектически подойти к вопросу, учитывать необходимость разного подхода в русской деревне и среди гиляков или самоедов, то мы должны сказать, что стационарный метод должен быть основой для изучения малых отсталых народностей по преимуществу. Но в отношении тех же русских или украинских, я думаю, что и здесь можно и нужно применять такие длительные исследования, которые бы охватывали явления со всех сторон. Возьмем, например, работу Феноменова «Современная деревня»[1], работу, которую проделывают некоторые украинские этнографы, которые берут один район и в течение ряда лет изучают его со всех сторон. Такая длительная работа, включающая и житье на месте, и выезды со специальными цифровыми заданиями, может и должна иметь место в отношении нашей русской деревни.

Понятно, что такие методы работы, какие в свое время практиковали некоторые этнографы, должны совершенно отойти в область истории: Макар Евсеевич Евсеев, критикуя работу Смирнова о мордве, рассказывал,

[1] *Феноменов М. Я.* Современная деревня. Опыт краеведческого обследования одной деревни. М.; Л., 1925.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

как собирались эти сведения: пока перепрягают лошадей на постоялом дворе, он записывает[1].

Я не думаю, чтобы сейчас были такие вещи, хотя ручаться трудно. Но, во всяком случае, если мы сравним такой кустарный подход и то, что В[ладимир] Г[ерманович] предлагает взять за основу, то мы должны сказать: да, здесь действительно жизненный, действительно научный подход.

На что нужно сделать упор в отношении большинства неизученных или малоизученных национальностей Советского Союза? Тов. Герд затрагивал вопрос о различных национальностях в отношении шовинизма. Есть шовинизм, а есть и похуже. Эту штуку я, в частности, встречал среди вотяков и чувашей. Есть известный кадр национальной интеллигенции, воспитанный при царском режиме в подхалимском и рабском духе, которая специально воспитывалась не для того, чтобы служить своему народу, а чтобы помогать этот (*л. 311*) народ эксплуатировать. Я присутствовал однажды в Казани на собрании вотяцкого землячества, где стоял доклад о человеческом жертвоприношении у вотяков. Доклад делал известный в Казани доктор Хомяков[2], а председателем был И. С. Михеев[3], один из известных представителей вотяцкой интеллигенции старого типа. После доклада он и говорит: «Я это дело изучал, оно в Казани находится в архиве. В мултанском деле[4], я бы сказал, вотяки не без греха». И это говорит вотяк. В книжке о Волжско-Камском крае я пригвоздил этот факт к позорному столбу. Надо иметь в виду такие факты, которые являются показателями реакции этого подхалимства. Возможна и другая сторона. Это флюс справа, а бывает флюс слева. Это утрировка, попытка придать самому распространению своей народности какие-то чрезвычайно широкие, необычайные размеры, тут начинается и копание в Геродоте и т.д. с определенной тенденцией. Несколько примеров таких явлений можно привести из той

---

[1] По всей видимости, имеется в виду работа: *Смирнов И. Н.* Мордва. Историко-этнографический очерк. Казань, 1895. (Переиздание: Саранск, 2002.)

[2] Вероятно, имеется в виду казанский терапевт *Хомяков Михаил Аристархович* (1841–1894).

[3] *Михеев Иван Степанович* (1876–1937) — удмуртский писатель и педагог. Окончил Казанскую учительскую инородческую семинарию (1896). В 1924–1929 гг. преподавал на рабфаке Казанского восточно-педагогического института, с 1929 г. — в вузах Средней Азии. В 1937 г. был репрессирован и расстрелян.

[4] Мултанское дело — судебный процесс 1892–1896 гг. над группой крестьян-удмуртов (вотяков) с. Старый Мултан Малмыжского уезда Вятской губернии, обвинявшихся в человеческом жертвоприношении языческим богам. Суд, состоявшийся в декабре 1894 г. в г. Малмыже, оправдал троих, признав виновными в ритуальном убийстве и осудив на каторгу семь человек. На третьем разбирательстве в мае–июне 1896 в г. Мамадыше Казанской губернии обвиняемые были оправданы. На стороне обвинения в процессе выступал казанский этнограф И. Н. Смирнов.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

же Казани: спор между татарами и чувашами о том, кто из них происходит от болгар, кто является прямыми их наследниками; или спор о том, кто является строителем башни Сюни-Бека[1]: с одной стороны, она как будто бы напоминает Муралееву мечеть[2], а с другой стороны, походит на Бородинскую башню в Кремле, татарская она или русская. Эти болезненные явления, конечно, временные, и они должны войти в свои берега по мере того, как нарождается на местах новая рабоче-крестьянская интеллигенция, по мере того как крепнет советская общественность, по мере того как люди научаются ко многим вопросам подходить с интернациональной точки зрения.

Теперь о стационарном методе. По мере того как на местах растут эти люди, они переходят к краеведческой работе не стихийной и кустарной, а соединенной с творческой, общественной работой, и в этом смысле рост краеведческого движения и рост новых туземных кадров советской общественности поможет в дальнейшем и уже сейчас помогает развитию этнографической науки.

(*л. 312*) Последний момент — о некоторых явлениях в нашей деревне, которые, мне кажется, подлежат особому изучению этнографа. Это ряд явлений, таких что ли синкретических явлений на переломе. Можно указать ряд примеров, когда в старые формы вливается новое содержание. Несколько лет тому назад в Гдовском уезде я как раз был на Пасхе у одного крестьянина, бывшего питерского рабочего. Он угощал меня пасхой, на которой вместо «Христос воскресе» было «Пролетарии всех стран, соединяйтесь», «СССР» и т.д. Одним словом, эту пасху покрыла советская идеология. Другой случай был в Л<…> волости Ленингр[адского] уезда. Так, у меня работал студенческий семинарий из Комвуза по изучению деревни: вхожу в одну избу, смотрю, висит у кровати занавес и на нем крупными буквами «РСФСР». Третий пример из Тат[арской] республики: конек крыши, и на нем изображен[ы] вместо обычного конька или петуха рабочий и крестьянин, подающие друг другу руки.

В самые старые формы вкладывается совершенно новое содержание. Эти новые моменты чрезвычайно важно изучать.

В заключение я хотел бы сказать, что метод полевой работы, который предлагается в докладе В[ладимира] Г[ерамановича], может быть, с некоторыми урезками, с некоторыми оговорками, но является тем основным завоеванием практической этнографии, которое мы должны положить в основу дальнейшей работы. И бесспорно, что этнографы, стоящие на

[1] Имеется в виду башня Сююмбике — дозорная (сторожевая) башня Казанского кремля.

[2] Муралеева мечеть (мечеть Нур-Али) — несохранившаяся мечеть в Казанском кремле.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

марксистской точке зрения, на том, чтобы наиболее полным всесторонним образом исследовать объекты нашего изучения, они, конечно, сумеют из наследия старой этнографии выбрать то, что является наиболее жизненным и важным. И с этой точки зрения те методы, которые предлагает В[ладимир] Г[ерманович], они, бесспорно, должны лечь в основу нашей полевой этнографической работы.

(*л. 313*) ***Яковлев***

Я хочу сказать относительно полевой и кабинетной работы. Тут говорилось, что кабинетная работа должна быть. Даже у Петра Федоровича есть как будто уклон в сторону кабинетной работы. Я думаю, что, потому что П[етр] Ф[едорович] — начинающий полевой работник, и в дальнейшем у него точка зрения изменится. Вопрос о том, какая работа здесь важнее, сводится к такому вопросу: что важнее — есть или переваривать? Я думаю, то и другое одинаково важно. Я не мыслю настоящего этнолога без того, чтобы он не знал полевой работы и не имел бы в ней опыта.

Затем тут же возник вопрос о методе исследования или о различных методах исследования. Выдвигался долговременный и кратковременный экспедиционный метод, стационарный. Тут надо устранить недоразумение, а именно, что речь идет не методе, а о технических приемах и навыках исследования. В докладе внимание было обращено на срок поездки, между тем, кроме этой стороны, есть целый ряд технических признаков, на которые тут правильно указывали. Например, встает вопрос о том, как фиксировать самый материал, как описывать, каким методом, хотя бы методом производственным, то есть фиксировать предметы культуры в процессе его производства. Это очень важно, так как те части, которые входят в технику собирания, обойти нельзя.

Теперь по поводу того, что стационарный метод является самым лучшим, я должен высказать некоторое сомнение. Мы не должны выбрать один прием для этнологического исследования. Технические методы должны быть разнообразны, разносторонни и достаточно гибки для того, чтобы можно было выбрать применительно к данному объекту обстоятельств. Я не хочу опорочивать стационарный метод, как его понимает Владимир Германович, он был разработан на основании опыта целой жизни и дал хорошие результаты, но в определенной обстановке — изучение сибирских народностей, а в другом месте он, может быть, даст отрицательный результат. Этот прием в исследовании не абсолютный, а относительный. Этнограф должен уметь выбрать прием применительно к работе.

Вопрос относительно того, что изучать. Изучать ли нам комплекс и как этот комплекс проводить? Тут надо перейти от средневекового (*л. 314*) метода работы, метода, который до сих пор применяется и смахивает

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

больше на метод кустаря-одиночки, который должен на месте всю работу выполнить сам, перейти к строгой специализации и разделению труда, чтобы комплексная работа руководилась коллективным методом. Экспедиции должны быть коллективными, как и всякие другие формы исследования.

Затем перейдем к вопросу о том, как быть с подходом к народностям, как нужно вживаться или не вживаться, кормить вшей или спать в кумачовых мешках. Есть такие люди, которые хвастают тем, что заехали к туземцам и ничем от населения не отличаются, рук не моют и в баню не ходят. Есть все-таки предел: надо приблизиться к населению, но не потерять культурный облик и не ассимилироваться самому и превратиться в самоеда. Дальше я хочу сказать по вопросу о том, бороться нам, например, с религией или мы должны ее изучать. Надо сказать, когда идет, напр[имер], война, то она в том и заключается, чтобы изучить врага, а затем использовать свои знания. Ни одна борьба не совершается без знания противника. Этнограф, который хочет бороться, прежде всего должен иметь знания по этому вопросу, а затем он может спокойно бороться.

Относительно языка я должен сказать, что здесь нельзя встать на такую точку зрения, что этнограф должен знать фонетику, морфологию, это совершенно невозможно, он этой задачи никогда не достигнет. Это должен делать лингвист, этнограф должен практически овладеть языком, а остальное переложить на лингвиста.

Этнограф должен участвовать в культработе и в национальном строительстве. Участие этнографа в национальном строительстве не было здесь подчеркнуто. Это вопрос очень важный, и ему надо посвятить отдельный доклад.

(*л. 315*) ***Токарев***

Я хотел бы остановиться, во-первых, на том вопросе, на котором полностью сходятся оба докладчика и, по-видимому, большинство здесь собравшихся, а именно на тезисе, который гласит, что не может быть этнографа, не работающего в поле. Я позволю себе не согласиться с этим утверждением в такой категоричной форме. Я знаю, что полевая работа чрезвычайно полезна не только для собирания материала, но и для чисто исследовательской работы. И в то же время я выскажу мнение, что эта работа для исследователя не является необходимой, и вот почему. Во-первых, многие из выступающих здесь, в том числе и докладчики, указывали на то, что этнография или этнология есть наука историческая и что объекты ее и метод, которым она пользуется, почти те же, что и у исторической науки. Однако, если бы историки столкнулись с требованием необходимости полевой работы, они были бы лишены всякой возможности

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

работать. Историческое исследование не требует непременно личного знакомства со всеми изучаемыми материалами. Мы изучаем Французскую революцию по письменным источникам и вооруженные методом исторического материализма, мы можем понимать эти объекты, не будучи лично с ними знакомы. Точно так же и в этнологии мы имеем целый ряд случаев, когда личное знакомство с объектами изучения просто невозможно или потому что данная народность исчезает, или потому что ее культура перестала существовать как нечто особое (например, камчадалы), или потому что народ живет так далеко, что к нему не попадешь. Даже там, где исследователь имеет возможность работать в среде данного народа стационарно, он не ограничивает свою эрудицию пределами личного наблюдения. Вл[адимир] Герм[анович], который дал нам образец классического описания общества и культуры палеоазиатов, сам не ограничивает свою эрудицию только палеоазиатами. Он по письменным материалам знаком и с другими народами, населяющими земной шар.

(*л. 316*) Могут сказать, что и Вл[адимир] Герм[анович], и всякий, кто знаком с каким-нибудь народом по личным наблюдениям, лучше понимает общество, общественный уклад и культуру другого народа. С этим я опять-таки позволю себе не согласиться. В таких случаях часто происходит перенос, может быть и бессознательный, своих личных наблюдений, вынесенных из жизни одного народа, на общественный уклад и культуру другого народа. Ведь, в частности, метод исторического материализма категорически запрещает переносить то, что мы видим в одной общественной формации, на условия жизни общественной формации другого типа. Поэтому я и опасаюсь, что полевая работа среди одного народа может иногда не принести никакой пользы для понимания народа, живущего в совершенно других условиях. Мало того, работа в пределах данной народности не всегда гарантирует исследователя от непонимания того, что он видит собственными глазами. Мы имеем огромное множество этнографической макулатуры, совершенно малоценной, а иногда и вредной. Описание какого-нибудь народа наблюдателями, видящими данный народ собственными глазами, но не понимающими того, что они видят, так как они не вооружены соответствующим методом.

Я не буду говорить о случайных наблюдателях, а укажу на Моргана, который прожил много лет среди ирокезов и не понял основного института, о котором он писал и которому сам придавал громаднейшее значение, — системы родства.

Прав был Преображенский, говоривший о том, что задачей полевой работы является выработка таких точных методов датировки, фиксации и документации материалов, которые позволят исследователю, не жившему лично среди данного народа, все-таки заниматься продуктивной исследовательской работой.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

(*л. 317*) ***Данилин***[1]

Оба докладчика сходятся в том, что стационарный метод в наших условиях является основным методом, которым мы должны ввести в полевую работу. В известной мере этнографической экспедиции тоже отводится место в случае большого территориального охвата на изученный район, в случае ликвидации абсолютно белых пятен на нашей этнографической карте и в целом ряде других. Совершенно определенно всеми подчеркивалось, я к этому тоже присоединяюсь, что особенность стационарного метода в том, что мы должны слиться с населением, так как это даст больший эффект нашей работе. Здесь надо отметить интересную сторону, а именно: когда наблюдается такая тенденция — слиться, но с явно негодным методом, например слияние, которое происходит на почве угощения водкой, слияние, которое осуществляется путем принесения им в подарок (прежняя торгашеская точка зрения) колечек, серьги, иконы Николая Чудотворца и т.д., получая взамен меха. Едва ли при таких условиях можно требовать от этих работников антирелигиозной пропаганды. Наша задача стационарного работника — конкретно участвовать в работе, в жизни этого населения с целью не только его изучения, которое дает наибольший эффект, но и переустройства, внесения туда культурных навыков, помочь перестроить жизнь на новых началах.

Хотелось бы осветить еще один момент, а именно — некоторые устанавливают определенные тенденции консервирования некоторых институтов: раз они исчезают, необходимо бережное к ним отношение, чтобы они были в такой стадии, чтобы их можно было изучать. Это не является нашей задачей, мы не должны это делать путем консервативного заповедничества.

(*л. 318*) ***Арбузов***

Я скажу два слова относительного стационарного и экспедиционного методов работы. Безусловно, первый из них имеет много преимуществ перед вторым. Но тут уже много говорилось о том, что этнография до сих пор не служит современности, и когда мы подойдем к этнографии с этой точки зрения, то перед нами встает другой вопрос, а именно то, что мы называем социальным заказом или злободневными вопросами. Эти вопросы подчас требуют спешного выезда, и часто не на продолжительное время, для выяснения того или иного определенного явления. В таких

[1] *Данилин Андрей Григорьевич* (1896–1942) — этнограф, специалист по русским, Алтаю, Дагестану. С 1925 г. заведовал этнографическим отделом Музея ЦПО в Москве. В 1930–1932 гг. — научный сотрудник ГАИМК, одновременно в 1931–1933 гг. — научный сотрудник ИПИН. С ноября 1933 г. — научный сотрудник ЭО ГРМ, с 1934 г. — ГМЭ. В 1940 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Бурханизм. Из истории национально-освободительного движения в Ойротии».

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

случаях приходится предпочитать такие кратковременные выезды стационарному методу, несмотря на всю научную ценность последнего.

Теперь я хотел бы, хоть отчасти, перечислить эти злободневные для этнографии вопросы. Здесь один товарищ уже указывал на то, что у нас изучение социальных вопросов, социальных взаимоотношений занимает третье место. Мне хочется эту мысль дополнить. Возьмем, например, так называемое обычное право, которое уже создается в семейных взаимоотношениях, внутри семей разных национальностей и разных территорий нашего Союза. С введением советской власти мы очутились перед такими важными моментами, как отмена крупной собственности и переход на социалистическое хозяйство, государственные налоги и пр[очие] государственные мероприятия. Эти явления вызывают в жизни большие изменения в обычном праве, вернее новое обычное право, вроде раздела имущества между членами семьи, спешного и вынужденного раздела и пр. Все это нужно изучить для того, чтобы оказать помощь государству и населению.

Затем момент освобождения женщин. Здесь тоже мы имеем перелом в быту, при котором возникают новые, доселе небывалые социальные взаимоотношения.

Такое явление, как пионеротряды, тоже требует изучения.

Когда мы зададим себе вопрос, нашли ли все эти новые (*л. 319*) явления отражение в этнологической литературе, то мы должны будем ответить: безусловно, нет.

Теперь мне хочется отметить следующее: тов. Маторин совершенно как бы одобрил сегодня тов. Аптекаря. Таким образом, нужно согласиться с выводом, который говорит нам, что этнология — ненужная наука, и в то же время сказать, что нужно работать в поле. Как же это понимать? Как можно не быть научным этнологом и работать в этнографической области? Затем дальше тов. Маторин указал, что марксизм проникает в гущу этнологии. А тов. Аптекарь говорит, что нужно изъять из круга этнологических вопросов изучение религии. Это недопустимое явление. Один из выступающих товарищей указал, как нельзя отрывать изучение религиозных форм древнейших формаций от производственных процессов, от материальной культуры, так как они тесно связаны.

Мне кажется наиболее целесообразным введение в гущу этнографии целого ряда других моментов, как, например, проведение в ряды этнологов молодого кадра, переподготовка работающих этнологов в марксистском отношении и пр.

(*л. 320*) У нас прения разбились на два полюса: с одной стороны, прения и самый доклад по полевой работе этнографа является программным докладом о том, что есть этнология, с другой стороны, прения решали чисто практический вопрос о том, сколько фунтов крови нужно скормить или сколько написать томов маршрутной работы, как говорил тов. Толстов.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Вопрос не в этом. Вл[адимир] Г[ерманович] сказал, что за 10 лет мы больше узнаем, чем за 3 месяца. Вопрос в том, какова целевая установка работы маршрута и работы стационара. Я думаю, что по целевой установке и надо различать эти две методики. Если подходить к такой задаче, как ее ставит классическая работа по маршруту, например, книги Б. А. Куфтина об одежде, то увидим, что для изучения одной женской одежды, несомненно, нужен маршрутный метод работы. В то же время если мы будем брать иную задачу, если будем говорить не об изучении какого-нибудь отдельного этнографического явления и будем брать культурный комплекс в целом, будем брать этнографическое явление как часть культурного комплекса, то мы не сможем действовать маршрутным методом, а обязаны перейти к методике стационара. Тут мы упираемся в вопрос о том, что нужно понимать под этнологией. Совершенно нелогичной будет для москвичей проповедь методики маршрутной, так как москвичи принадлежат к исторической школе, если утверждать, что между этнографией и историей нет никакой разницы, что наша наука — этнография или этнология — является только частью истории, то, понятно, ее можно изучать только маршрутно, и логически был прав тов. Токарев, говоря, что полевая работа не играет большой роли, но стоя на точке зрения того, что этнография является отличной от истории наукой, что этнография имеет свои собственные методы и свою собственную установку, мы должны будем говорить о стационарном методе, и мне кажется, что для этого нужно прежде всего формулировать, что я понимаю под этнологией. Это неизбежно. Я считаю, что этнология отличается как от истории, так и от социологии. В то время как социология занимается общими проблемами человеческого общества в целом и законами его развития, под историей понимается изучение фактической жизни какого-нибудь отдельного человеческого общества.

(*л. 321*) Я беру в марксистском понимании, но подчеркивая отдельные группы, будь то этнические или государственные, но связанные единым хозяйственным процессом. История занимается изучением фактической жизни данной группы. Этнография занимается изучением процессов творчества, законами развития этой группы, но, в отличие от социологии, она занимается конкретными проявлениями в развитии надстройки над базисом. Для этнологии безразлично, чем заниматься: происхождением ли галстука или мифом о непорочном зачатии. Важно не чем, а как, каким методом. Я не хочу сказать, что надо отмежевываться от науки исторического материализма, но надо брать его в особом аспекте и преломлении. Этнография сама доходит до метода исторического материализма.

(*л. 322*) ***Никольский***

К сожалению, уже очень поздно, и у меня недостаточно времени, чтобы высказаться подробно обо всем. У нас на конференции начинает

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

воцаряться какой-то хаос, и очень трудно собрать мысли в известном порядке и направить по нужному направлению. Нельзя выбрать центральное звено, по которому можно было бы ударить, потому что звеньев много и все они равно непрочно сделаны.

Здесь говорили о человеке с дубинкой. Мне кажется, что тов. Аптекарь, в сущности говоря, не является этой дубинкой, а персонификацией ее. Дубинка же — это теория диалектического материализма. Куда ее ни направить, всякое иное мнение окажется маслом, сквозь которое нож свободно проходит и режет по инерции, направо и налево.

Я в полемику вступать не буду и ругать постараюсь анонимно, чтобы не было обид. Мне кажется, мы должны отказаться от путей, которые все-таки никакая дубина не пробила, и пойти по новым путям.

В самом деле, по залу уже гуляет карикатура одного автора, не художника-специалиста, который изображает организацию нынешней конференции в таком свете. Уже при самой организации ее была дана гармония, паритет, во-первых, возрастной (это, должно быть, пережиток тотемического общества) и, во-вторых, паритет Ленинграда и Москвы (это от феодальной формации); и затем в процессе прений, особенно сегодня, когда мы подошли к практике, всплыл новый паритет, или, иначе, всплыли новые «диалектические противоречия», которые художник изобразил в виде городского кота и полевой мыши. Это эмблема городской этнологии и полевой этнографии, причем город можно подразделить на две группы: кабинетную (это, по-видимому, такие, как я) и музейную. По этим линиям, по всем этим направлениям и идет борьба.

Затем есть карикатура по поводу ареалов. Эта карикатура делит, правда, неправильно с лингвистической точки зрения, слово «ареал» на а-реаль (без-реальность). (*л. 323*) Эта «безреальность» опутывает наши умы, и в этом весь ужас. Ведь что мы имеем? Когда ругали так называемых полевых этнографов (сюда по большей части попали ленинградцы), москвичи (те городские), они повеселели, а дальше, когда дубина Аптекаря ударила по кабинетчикам и музейщикам, полевые повеселели: двинемся собирать материал, сам Аптекарь признал нашу работу нужной и полезной. Но не нужно думать, что здесь возможна такая идиллия. Я тоже считаю, что нужно работать и в кабинетах, и в музеях, и в полях, и в лесах, но весь вопрос в том, что при работе нужна теория.

Я вполне согласен с Вл[адимиром] Герм[ановичем], что надо понимать то, что изучаешь. В области теории у нас очень много туманностей, но, как во всех туманностях, здесь есть отверделые ядра.

Пусть Борис Алекс[еевич] разрешит мне коснуться его терминологии. Я считаю, что понятие «раса» у него прекрасно. Все марксисты-диалектики подпишутся под этим понятием. Нам нужна четкая теория, пусть хотя бы даже не марксистская. Но, к сожалению, ее нет, и надо в этих туманных

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

теориях выбирать золотые и серебряные нити, элементы марксизма. Тут раздаются требования: давайте нам марксизм, и не просто марксизм, а марксизм высшей марки, диалектический. А получается так, что самые простые вещи, те реальности, о которых правильно говорил Б[орис] М[атвеевич], у нас пропадают.

Мы говорили, что нет никакой практической этнографической работы без теории, нет никакой научной дисциплины без определенной установки. Мы послали приветствие в Москву. Мы кричим, что желаем быть марксистами первого сорта — диалектиками. Так давайте же учиться. Ведь невозможно сделаться марксистами за один день.

Я кончил в [19]16 г., и я еще не совсем марксист, недостаточно патентованный, но сознаю свои недостатки. Важно желание идти в этом направлении, и нужно подчеркнуть тремя чертами, что это желание должно претвориться в действие.

(*л. 324*) Я скажу о практике другой науки, которая, собственно, является моей основной специальностью — истории. Как я подходил к своей работе. Тут многие отмечали, что история и этнология — родственные, близкие, смежные науки. Но почему никто не говорил об истории хотя бы немного конкретнее? Я беру конкретный факт, я специально работал в архиве, изучал московский мятеж 1648 г., Морозовский бунт. Во-первых, я собираю материал, причем начинаю с самого нового, с 1929 г., и спускаюсь как можно дальше вглубь, составляю библиографию. Этнографу для проникновения в жизнь самоедов нужно, во-первых, составить библиографию, предварительно ознакомиться с материалом, а после этого вы проделываете интерпретацию, затем критику, и, наконец, вы приступаете к конкретному изучению.

[Голос] с места

Хватит нас учить, мы не школьники.

Никольский

Ну что же, приходится кончать, так как время мое, вероятно, истекло.

(*л. 325*) ***Прокофьев***

Мне кажется, что здесь произошло некоторое смешение в том отношении, что стационарный метод так резко сопоставляется с методом экспедиционным. Не в названии дело, но главное, о чем должен быть разговор, — это о том, что этнограф должен знать язык. Если он знает языки данной народности, ему позволителен экспедиционный метод, если языка не знает — экспедиционный метод непригоден. По этой линии нужно делать различие. Языковой метод есть основной принцип, который решает, можно ли применить экспедиционный метод или нельзя. Что касается того, что

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

должен этнограф знать язык или нет, то тов. Яковлев говорил, что немного надо знать, а дело лингвиста — изучать морфологию и.т.д. Этот взгляд непозволителен. Этнограф без солидного знания языка не есть этнограф. Ему необходимо знать фонетику и морфологию. Могу привести такой пример: тов. Кастрен, очень видный и солидный лингвист, допускал много ошибок, потому что не экскурсионно и не стационарно изучал язык. Между прочим, из области мне близкой, из остяко-самоедского языка, у Кастрена в словаре вы найдете такой перевод: «глиняный человек». Я даю другую терминологию, у меня получается «лесной человек». Дело в том, что Кастрен недостаточно четко записал, спутал два слова, одинаково звучащие. Одно слово — «лес», другое — «глина». В именительном падеже это слово не встречается. Форму именительного падежа можно выявить, изучая практически язык и изучая морфологию, и нужно сказать, что никакой переводчик здесь не поможет.

Перехожу к дальнейшему пункту относительно тезисов В[ладимира] Г[ермановича]. Первый тезис о том, что «в условиях СССР полевая этнография, вернее полевая работа этнографа, должна сочетаться с культурной общественной работой». Здесь тов. Куфтин, Лядов выступали в сомнении: как быть, административная работа должна, несомненно, мешать научно-исследовательской работе. Я должен дать пояснение, поскольку сам три года был на административной работе среди самоедов и в то же время изучал их с точки зрения этнографа. Административная работа сама по себе нисколько не препятствует исследовательской (*л. 326*) работе, правда, на этнографию иногда накладывается бухгалтерская работа, но это хорошо, поскольку не мешает. Сама культурная работа среди данной народности не только не мешает, а чрезвычайно способствует исследовательской научной работе. Давно пора покончить с хищническим, я бы сказал, подходом к туземцам: приехать на два месяца и затем уехать, обещаем прислать фотографии и не делаем этого. Это было позволительно до революции, но сейчас с этим надо покончить. Наша обязанность — нести туземцам культуру, и только от нас, этнографов, можно этого ждать. Мы не должны пребывать в той косности, в которой пребываем сейчас. И если товарищи говорят, что нам нужно торопиться, чтобы захватить все, что быстро исчезает и что необходимо для нашей науки, я хочу сказать: «Поезжайте, товарищи, на два года туда, там вы скоро достанете все необходимое».

В заключение я должен сказать, что именно путем культурной работы среди туземцев мы добываем то доверие, которое нам необходимо, и только этим путем мы его добьемся. Если нам говорят, что мы являемся азиатами, изучаем шаманство и применяем иезуитские методы, то мы можем сказать, что можно совместить то и другое. Это не азиатство, и мы должны совместить то и другое. Это не мешает друг другу. Дело в том, как подойти к туземцам и как это выполнить.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

(*л. 327*) ***Линевский***[1]

Я взял слово по следующему поводу. С этой трибуны говорили не раз о кризисе в этнографии. Ясно каждому, что полевая работа является основным источником для собрания новых фактов. Следовательно, связь между полевыми методами этнографии и кризисом в этнографии как то не может не существовать.

Для меня лично не существует кризиса в этнографии нашего государства. Те миллионы, которые тратятся на экспедиции, содержание музеев и т.п., являются лучшим доказательством, что нет кризиса в обычном понимании этого слова. Ведь не приходится зависеть от капризов богатого мецената, что испытали в свое время присутствующие здесь старые этнографы. Деньги есть, людей пока хватает, материалов масса, возможностей неисчислимо много — в чем тогда кризис, непосредственно связанный с полевой работой?

Но тем не менее существует совершенно определенный кризис в советской этнографии. Отличие между этнографией вообще и советской этнографией, в точном смысле этого слова, по-моему, в том, что советская этнография мыслится и фактически может существовать только на принципе do ut des, то есть «даю, чтобы дал», по отношению к населению. Работа протекает на строго паритетных началах, этнограф собирает материал у населения, этнограф что-то дает населению. Этот принцип выполняется редко и почти исключительно «молодняком» в науке. Эта практическая неувязка с современностью непосредственно отражается на теоретической неувязке между этнографией и ее полевыми приемами, в частности с методом диалектического материализма.

Совещанию этнографов Москвы и Ленинграда нужно возвысить свой авторитетный голос, чтобы усилить формирование (*л. 328*) этнографов из туземцев самых глухих углов Сибири. Этой осенью начинается этнографическое отделение Ленинградского университета юкагир тов. Спиридонов[2]. Много ли в Союзе этнографов с высшим образованием из подобных маленьких племен? Правда, теперь студенты тунгусского цикла, которыми руководит тов. Кошкин, каждое лето привозят из дальних мест по несколь-

---

[1] *Линевский Александр Михайлович* (1902–1985) — писатель, археолог, этнограф, заслуженный работник культуры Карельской АССР, лауреат Государственной премии Карельской АССР. Учился на этнографическом факультете Географического института Ленинграда. В 1929–1931 гг. работал в Карельском краеведческом музее в Петрозаводске.

[2] По всей видимости, следует читать «оканчивает этнографическое отделение Ленинградского университета юкагир тов. Спиридонов». *Спиридонов Николай Иванович* (Тэки Одулок) (1906–1938) — северовед, писатель, по национальности юкагир. Окончил ЛГУ в 1931 г., ученик В. Г. Тан-Богораза. Аспирант Института народов Севера, кандидат экономических наук (1934). В 1937 г. арестован, обвинен в работе на японскую разведку. В 1938 г. расстрелян.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

ко наиболее одаренных ребят из тунгусов. Необходимо, чтобы администрация учреждений, подобных северному факультету, посылала бы на этноотделение наиболее способных товарищей. Может быть, они не обратятся в «чистых» (в кавычках) этнографов. Каждый полевой работник знает, что этнограф на местах и жнец, и швец, и на дуде игрец, но этого не знает тов. Аптекарь! В этом-то комплексе его разнообразных функций в деревне и рождается возможность работать на высоте современных общественных требований. Ибо тогда со всех сторон жизни этнограф может уловить корни изучаемого явления.

Другой корень кризиса — это нетерпимое положение с экспедициями, когда нередко они напоминают какие то «налеты» (в кавычках). Налетел человек на селение, и через 2–3 дня даешь новое селение! Ясно, что, возвратясь в город, работник не сможет обработать по-марксистски свой материал, потому что целый ряд социальных моментов окажется упущенным. И ему приходится на новый год совершать туда же, как чистосердечно говорится, для углубления и расширения материала. Итак, существует кризис не этнографии в Союзе, а советской этнографии. Одним из средств изживания этого кризиса считаю форсированную выработку этнографов из туземцев и прекращение мимолетных экспедиций.

(*л. 329*) ***Серебряков***

Выступавший здесь тов. Никольский никак не мог разобраться в том хаосе, который имеется у нас на совещании. Мне кажется (а мне может казаться все что угодно, я являюсь студентом, изучающим как этнографию, так и марксизм, а потому прошу простить некоторые невольные ляпсусы), что у нас не имеется хаос, а, наоборот, определенная и четкая группа. Если выкинуть из выступлений тов. Аптекаря его непризнание этнографии как науки, то его можно отнести к тов. Маторину, который по существу ничем не отличается. Вся группа наших ленинградских этнографов присоединяется с некоторыми комментариями, которые внесены тов. Материным к тому, что было предложено проф. Богоразом. У нас единая полевая школа этнографов, если можно говорить об этом, а приходится говорить, потому что Москва придерживается иного метода. Значит ли это, что мы не думаем о теоретических вопросах? Вот что тов. Никольский никак не мог разобрать. Мы не думаем, чтобы мы представляли из себя щупальца, а главой мозга был тов. Преображенский. У нас собственные головы тоже есть. Тов. Маторин отмечал две задачи: первая — внедрение марксистской методологии в этнографию, которую мы ставим на данном совещании, и вторая — об увязке нашей этнографической работы с социалистическим строительством. Эти задачи поставлены и, насколько можно, разрешены в докладах тов. Маторина и проф. Богораза. Мы подытожили свою работу,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

чего не видели в выступлениях московской школы. Однако это не значит, что московская школа не дала ничего ценного. У нее имеются ценные мысли, напр. у проф. Куфтина — внедрение марксистской методологии в этнографию, не в творчество отдельного работника, а в коллективе. Полевая работа неразрывно связана с научной исследовательской работой. Об этом говорил проф. Золотарев, чего мы у себя отчасти не чувствуем, и это нам необходимо сделать. Мы это знаем и сделаем, пожалуй, и без московских поучений.

Не может быть разреза по линии этнографического материала и его исследования. Это совершенно правильно. Некоторые, я не скажу, ошибки имеются у тов. Никольского в его книге, которая говорит, что полевой этнограф пусть работает в поле, а мы — насколько этнографическая работа достаточно специализировалась (*л. 330*), что требует своего особого специалиста и, конечно, кабинетного работника. Получается так, что здесь имеется разрыв, к этому именно как будто не присоединялись остальные докладчики. Проф. Никольский хотел немного поучить, как готовиться к полевой работе. Мы знаем, что то, что было предложено проф. Богоразом, не исчерпывает всего хода исследовательской работы. Стационарный метод не исчерпывает всего хода исследовательской работы, слагающейся из трех моментов: подготовка к полевой работе, знакомство со всей этнографической и смежной литературой, теоретическая оценка, знакомство со всем музейным материалом и теоретическое осмысление, дополнение и использование программы, осмысление стандартной программы, где имеется наметка предварительной работы. Эта предварительная работа должна быть проделана.

(*л. 331*) ***Спиридонов***

Я, товарищи, может быть, не учту всех вопросов, которые здесь становились, так как я не все дни присутствовал на конференции. Я хочу затронуть совершенно новый вопрос, который всплыл в последнее время, когда мы разбирали вопрос о спасении северо-восточных племен, которые в настоящее время находятся на стадии полного вымирания. Я прослушал здесь несколько ораторов, которые касались Севера (большинство же его даже не касалось). Тут говорили о методологии вообще, о подходе к исследовательской работе вообще, говорили в каком порядке нужно проводить исследовательскую работу, но совершенно упускали из виду положение той народности или среды, в которой должны происходить работы. Мой вопрос связан с племенами северо-востока Азии, с так называемыми палеоазиатскими народностями, как юкагиры, ламуты, чуванцы и др. Производственный подход, который вытекает из слов всех ораторов, в отношении этих северных народностей, не только перечисленных мною, но вообще северных народностей, не применим. Современные политико-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

экономическими категории для этих народностей совершенно неприемлемы. Эти категории, которые здесь разбирались, категории марксистские (вы не думайте, товарищи, что я отвергаю марксизм), эти марксистские категории и марксистский подход с точки зрения производственной совершенно неприменим к тем народностям, у которых преобладающими видами является первобытный коммунизм, с которым появляющийся индивидуализм сочетается без всяких трений. Эти люди еще до сих пор живут в условиях каменного века, посуду им заменяет береста, до сих пор еще нет материй, а одежду заменяют шкуры зверей, перерабатываемые собственными руками и каменными орудиями. Ведь если я говорю, что они до сих пор не знают белья, до сих пор едят без соли и совершенно не знают хлеба, это не утка, а действительно существующий факт. И прав был Вл[адимир] Герм[анович], который на пленуме Комитета Севера в Москве сказал, что этнограф-исследователь, который едет работать в эти северные окраины, (*л. 332*) должен скормить два фунта крови туземным вшам, прежде чем понять жизнь туземцев. Может быть, вы рассердитесь, что я вас немножко задержу, но мне хочется высказаться до конца. Я являюсь представителем мест, там родившимся и выросшим, только лишь в вашем облике европейской культуры. Ведь я духовно и телесно самый истинный туземец, прибывший несколько месяцев назад для получения университетского образования. Товарищи, мы здесь живем в условиях советских, где развивается братство народов, где сильные духовно, организованные социально и обеспеченные материально должны помогать всем отсталым и угнетенным. И поэтому каждый из вас, цивилизованных людей, представителей советской культуры, который попадает в условия Севера, должен относиться к отсталым народностям не так, как относились до сих пор. До сих пор, когда научные исследователи приезжали на эти окраины, они считали себя большими людьми и не хотели вникнуть в жизнь туземцев. Примером в этом отношении, как надо работать, должен служить подход политических ссыльных. Они действительно скормили половину своей крови туземным вшам и блохам. А теперешние научные работники, попадающие туда, и в частности некоторые этнографы, такого подхода не имеют. Некоторые выступавшие здесь говорили: как же мы не должны мыться и т.д. Нет, этого не требуется, а нужно подходить к туземцу как к человеку. Туземцы до сих пор не верят. Они в каждом пришельце видят эксплуататора или, по крайней мере, того человека, который хочет отнять у них не только всю территорию, но и все богатство, пушнину, промыслы и т.д. Всякий приехавший туда всегда будет с бумагой и карандашом. А это самая опасная вещь для туземца. Туземец боится этого смертельно. Если для русского смерть представляется в виде скелета с косой, то для туземца самым страшным является тип большеносого человека с бумагой и карандашом.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Так вот, из этого вытекает следующее: всякий научный работник, исследователь и в особенности этнограф, должен стать активным строителем жизни. (*л. 333*) И только в процессе общественной работы, строительства жизни туземцев он должен производить свои научные работы. Только после этого добытый материал будет иметь ценность, а еще более он будет ценен тогда, когда пойдет в сторону улучшения жизни и спасения этих народов.

В этом отношении есть некоторые недочеты на местах. Центры окраин, областные или окружные, недостаточно внимательно относятся к приезжающим этнографам, а в большинстве случаев даже отрицательно. Они говорят: вот, действительно, мышь полевая пришла, которая роет и портит поле. Такое отношение является большим минусом в работе этнографа исследователя. Нужно добиться того, чтобы общественные организации на местах и прибывающие к ним смыкались теснее и чтобы они являлись союзниками в общей созидательной работе по поднятию культуры и жизни или даже по спасению этих народностей.

Я никак не могу допустить, что мы здесь строим быстрым темпом социализм, а там вымирают люди. Как это так? Я этот вопрос много раз задавал себе, задавал разным организациям, а теперь ставлю его перед вами. Вы ездите туда, собираете материалы, а для чего? Какая целевая установка у вас? Вы скажете, что мы изучаем. А для чего? Раз вы их все равно не спасаете от смерти.

Приходят десятки экспедиций, которые не только дезорганизуют ряды родовых организаций местных туземцев, но и забирают средства связи, оленей, лошадей, забирают продукты, которые туземцы добывают. Вы не обижайтесь, если я скажу, что некоторые члены экспедиций, научные работники, выманивают пушнину. Чего вы этим хотите добиться, неужели только за этим вы к нам едете?

Я вношу такое предложение (этот вопрос я разбирал уже со многими товарищами и во многих организациях, но пока он имеет только первичное осмысление): центры непременно должны взять шефство над этими вымирающими племенами. Нельзя допускать, чтобы здесь строился социализм, а там (*л. 334*) вымирали люди, которые находятся в одном с вами государстве, в одних с вами советских условиях. Вы здесь организуете всевозможные центры культурные и т.д., а там — ничего. Какой толк от десятков экспедиций, изучающих туземные богатства, если эти туземные, вымирающие племена не будут иметь от вас помощи? Я не жалуюсь на эти экспедиции, а я хочу только, чтобы и вы в свою очередь подняли этот вопрос. На этом я кончаю. (*Аплодисменты*.)

(*л. 335*) ***Акулинц***

Мне приходится говорить о вопросе, совершенно не затронутом здесь. Это вопрос об этнографическом картографировании, имеющий

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

актуальное значение среди задач по изучению народов нашего Союза и совстроительства. Как и все задачи этнографии, составление этнографических карт базируется на результатах тщательных исследовательских работ на местах, и только в последней стадии своего оформления, принимая технический характер, оно переносится в центры, где сосредоточены все сложные приспособления для издания всякого рода карт. В первой своей части, то есть в части собирания материала, эта работа в прошлом была поставлена в неудовлетворительные условия, при которых ее случайные исполнители не находились на должной высоте в отношении научной подготовки и сознательного отношения к делу. Так обстояло дело до сих пор, как в смысле исчерпывающей полноты списков названий населенных мест, так и в смысле точного транскрибирования этих названий. Между тем как от этого зависит многое. И если простое собирание названий является одной из программных задач так называемой полевой этнографии по части географического словаря, а их научное осмысление — кардинальным вопросом топонимических исследований, при громадном значении этих последних для целого ряда важных научных выводов об этнографических взаимоотношениях, каковы вопросы о происхождении, путях передвижения, иммиграции и эмиграции племен, их скрещенных взаимных воздействиях, порою даже хронологических моментах и т.п., то этим самым область работы по составлению этнографических карт является неотъемлемой частью этнологии, одновременно с этим и нашего советского строительства, следовательно, и одной из задач нашего совещания. Поэтому в программу наших полевых работ, как комплексных, так и специальных, надо включить вопросы о проверке, пополнении и уточнении, в форме правильного транскрибирования, названий населенных мест каждого соответственного района. Далее, имея в виду, что в настоящее время в результате Всесоюзной переписи 1926 г. имеется соответствующий новейший материал, опять-таки зарегистрированный более или менее случайными, в интересующем нас смысле, лицами (*л. 336*), причем значительная часть названий новых населенных пунктов не находится на существующих даже детальных картах, необходимо использовать на местах, в особенности на отдаленнейших окраинах, всякую возможность для перенесения на карту названий новых населенных мест с указанием их географического положения. И наконец, не упускать из виду в районах кочующих народов и племен — вопросы об установлении реальных условий кочевых движений в смысле разграничения понятий «кочевой» и «полукочевой» по точным бытовым формам и территориальным пределам движений, с обозначением одновременно главных путей постоянных передвижений, что весьма важно для этнографического картографирования, в особенности по способу дозиметрическому.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

(*л. 337*) ***Потапов***[1]

Мои молодые годы и природная скромность не позволяли бы мне никогда выступить в столь почтенной аудитории, где собрались львы — этнографы, марксисты и историки, если бы в речах некоторых товарищей не прозвучали нотки неверия в возможности совместительства научной и культурной работы этнографа в поле. После выступления тов. Спиридонова и учитывая то, что я выступаю последний, я считаю, что подчеркнуть это особенно уместно.

Я объясняю отрицание культурной, научной работы в совместном проявлении в поле незнанием практической полевой работы или считаю, что такое отрицание является продуктом умственного досуга кабинетного работника. Трудно работать по обеим линиям. Это верно. Но работать возможно и нужно. Мы имеем ряд молодых работников, разбросанных по обширным окраинам нашего Советского Союза, которые ведут там культурную работу и даже публикуют свои материалы. Вы, вероятно, имели возможность просмотреть сборники, которые здесь продаются, и ряд фамилий на них, которые вам известны, принадлежат культурным работникам на местах. Те товарищи, которые упорно не хотели этого совместительства, которые доказывали его несостоятельность, они или служат интересам чистой науки (вы меня извините за несколько резкое выражение), или просто хотят отмежеваться от советского строительства на окраинах. Я как полевой работник, работавший в Алтае и Узбекистане, где выполнял работу по советскому строительству и где собирал научный материал, сошлюсь на такой факт: когда мне пришлось уехать сюда, чтобы закончить университет, мне это стоило больших усилий. Меня не пускали из Узбекистана, сравнительно обеспеченного научными работниками: настолько мы там нужны.

На нашем этнографическом отделении это обстоятельство уже частично учтено. Среди этнографов у нас введены специальные уклоны, которые, помимо чисто научной деятельности, готовят к практической работе. Я полагаю, что в будущем, при построении нашей новой школы, этому будет уделено должное внимание.

(*л. 338*) ***Толстов***

Я хочу внести некоторую ясность, так как прения приняли неправильное направление. Здесь нужно констатировать следующий факт, который

---

[1] *Потапов Леонид Павлович* (1905–2000) — этнограф, доктор исторических наук, профессор, лауреат Государственной (Сталинской) премии СССР, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный деятель науки Тувинской АССР. Крупнейший исследователь истории и культуры алтайцев, шорцев, хакасов, тувинцев и некоторых других народов Южной Сибири. В 1928 г. окончил этнографическое отделение географического факультета ЛГУ. В 1930 г. поступил в аспирантуру Академии наук.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

я заметил после выступления тов. Спиридонова, а именно: что выступавшие московские этнографы работают на народностях Среднего Поволжья, в то время как ленинградские — на народностях Северной Азии. Поэтому оказалось, что тот практический метод, который является для народностей Северной Азии, оказался необходимым, приписать всей науке этнографической целиком. Характерно, что все выступавшие работали по народностям Сибири, в то время как наши работали по другим народностям и, в то же время приветствовали стационарный метод. Мне кажется, нельзя говорить, что стационарный метод есть начало и конец. Нужно сказать, что метод этнографического исследования должен быть дифференцирован в зависимости от района и объема изучения. Невозможно говорить, что единственно возможным путем изучения является изучение комплекса в целом. Вот конкретное положение, к которому совершенно определенно привели прения. Мы должны сказать в нашей резолюции, что значительной частью наших недостатков, которые имеются в нашей стационарной и экспедиционной работе, является отсутствие средств. Я думаю, что товарищи, которые настаивали на необходимости совместительства, занятия общественной должности, не учли данного момента. Невозможности поставить эту работу так, как она должна быть поставлена, чтобы этнограф занимался именно этнографией. Поэтому мы должны четко сказать, что для работы в тех районах, где необходимым является применение стационарного метода, необходимо выделение большого количества средств. После выступления тов. Спиридонова мы должны подчеркнуть государственную актуальность этого момента, но есть и другие проблемы. Для народов Среднего Поволжья метод исследования должен быть другой и задачи другие. Там ориентация должна быть на те государственные задачи, которые стоят в каждом районе.

(*л. 339*) ***Куфтин***. Заключительное слово

Совершенно невозможно, конечно, дать исчерпывающий ответ на все вопросы, поставленные моими многочисленными оппонентами. Поэтому, может быть, наиболее правильным было бы указать на те тезисы, в которых выражены основные положения моего доклада и которые могут быть использованы для уяснения тех положений, которые я высказал. Тем более мне невозможно ответить на отдельные вопросы, что в некоторых случаях они касались лишь общей оценки моего доклада, вроде: хаотическая методология, непродуманные мысли и т.д. Я думаю, что это главным образом зависит не только от того, как построено, но и от того, как воспринято. Может быть, многие, ознакомившись в дальнейшем с тезисами, изменят свое мнение. Думаю, что, поскольку общие положения моего доклада были созданы не к данному собранию, а являлись результатом практики всей моей работы, преподавательской деятельности в университете, за ними

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

обеспечена все-таки некоторая солидность. Что касается положений, выдвигающихся непосредственно практическими задачами, то нужно сказать следующее: те положения, которые я развивал в практической части как один из содокладчиков по «задачам и методам полевой этнологии», эти положения были непосредственно связаны с тем, что доклад по стационарному методу был сделан Вл[адимиром] Герм[ановичем]. Именно ему, как лицу наиболее компетентному, работающему не только стационарным, но даже сверхстационарным методом, принадлежало право на развитие и обоснование этого метода. Таким образом, мне осталось обосновать другие возможные методы, которые я вовсе не считаю заменяющими стационарный метод или даже соперничающими с ним. Но, признавая стационарный метод, я не могу согласиться с Вл[адимиром] Герм[ановичем] в том, что метод экспедиционный не имеет ни методологической, ни даже практической ценности. Это совершенно неправильно. Экспедиционный метод мною выражен прежде всего как своеобразный метод экспедиционных исследований, увязанный (*л. 340*) с краеведной, местной работой. Эта сторона мною выдвинута потому, что она у Вл[адимира] Герм[ановича] была совершенно опущена или растворилась в общих положениях о том, что этнографический работник должен в то же время быть культурным работником. О краеведной исследовательской работе я прежде всего ставил вопрос как о работе культурной. Именно краевед является местным культурным работником. Всякий этнограф, который готовится к практической деятельности, получает этнографическую подготовку, он прежде всего может быть именно культурным работником, особенно в том случае, если он связан с данной национальностью или данной территорией. Конечно, это наиболее желательный, наиболее ценный культурный работник. Вопрос о том, возможна ли исследовательская работа вместе с культурной, решается именно развитием краеведной этнографии. Но в то же время я ставлю и тот вопрос, что, признавая возможность одного, нельзя отрицать другое. Работник, поставивший определенные этнографические задачи по тем или другим темам, по тем или иным формациям, в тех или других территориях, приезжающий из центра и опирающийся на краеведные силы, может добиться вполне определенного результата, и этот результат будет особенно велик в том случае, если исследователь будет работать сравнительным этнологическим методом. Стационарная работа является в высшей степени важной для проникновения в жизнь отдельных народностей, среди которых отдельный исследователь должен жить целые годы. Исследователь, который работает сравнительно-этнологическим методом, имеет возможность самой подготовкой своей (и это вовсе не шутка) познакомиться со всем окружением данной народности. В сущности говоря, нужно познакомиться с материальной культурой или другими институтами всего земного шара, чтобы быть сравнительным этнологом. Этнолог с такой подготовкой,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

приезжая в определенную область даже на короткий срок, может получить в высшей степени ценные и необходимые результаты, каких местный краевед, как бы точно он ни знал язык группы, не может получить, (*л. 341*) просто их не заметив. Мы видели примеры того, как важно знать язык, так как язык вскрывает всю сущность этнографического объекта. Но в то же время нельзя понимать вещи так, как их понимает сам носитель, сам народ. Нужно понимать их в свете сравнительной широкой этнологии. Для этого необходима особая подготовка, и эта подготовка должна быть тесно связана с музеями.

Это я подчеркиваю особенно резко, поскольку у Влад[имира] Герман[овича] эта сторона совершенно отпала и даже прибрела карикатурные формы, так как музейная работа рассматривается с точки зрения простого собирания, искажающего объекты. Я подчеркиваю свой тезис, что музей есть не самостоятельное учреждение, которое служит этнологическим экспедициям, а музей является подсобным средством для этнологической работы, так как это есть один из наиболее ценных способов фиксации полевого материала. Когда говорят о фиксации полевого материала, то тут не столь ценной является записная книжка, сколько музей и затем легенды, привязанные к каждому предмету, которые хранятся в архиве. И вот таким образом зафиксированный этнологический объект есть настоящий материал, которым может воспользоваться этнолог, изучающий тот или иной вопрос кабинетно. Именно для этой линии, для этого разреза исследовательской работы и необходим более широкий экспедиционный метод. Я не буду входить в дальнейшие обоснования, которые хотя и кратко, но все же выражены в моих тезисах. Здесь я закончу тем, чем и закончил свои тезисы, а именно тем, что этнолог не должен быть оторванным от исследователей-специалистов других смежных областей: лингвистики, антропологии, археологии, поскольку каждая из этих дисциплин, в конце концов, связана с одной и той же методологической установкой и ведет к одной и той же цели.

Кстати, я скажу, что высказанное здесь мнение тов. Золотарева показывает, что он, как антрополог, не продумал того, что является действительным объектом антропологической науки. Заявляю, что проф. Бунак, антрополог школы Анучина, приближается в своем понимании антропологического объекта к тому, что я здесь высказал.

(*л. 342*) ***Богораз***. Заключительное слово

Теперь очень поздно, все мы устали, и я устал так, что вначале мне казалось, наша точка зрения была оставлена четко, а теперь она как будто стала туманнее. Если взять эти две точки зрения: стационарный и долговременный и кратковременный метод, когда товарищи говорят, что мы можем вести работу иначе, то я хотел бы внести сюда поправку: если работа

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

ведется среди восточного славянства и русских, где язык нам известен, мы можем работу вести иначе. Среди славянских народов можно применить другой, более сокращенный метод, но когда здесь упоминают волжские народы, я позволю с этим не согласиться. Я сказал бы, что даже среди русских народов, в русских селениях необходим при более тщательном исследовании цикловой ход работы.

Раньше, когда тов. Куфтин говорит о кратковременном экспедиционном методе, я должен сделать оговорку, потому что в нас с поля, с полевой работы прозвучали некоторые довольно тревожные нотки, нотки о том, что нужно поехать в поле и надо захватить предметы музейные. Кажется, если исчезают люди, надо изучать их быт, культуру, которая погибает, те институты, которые исчезают. Было сказано, что культурную работу вести мы не можем, что мы наше время ценим очень дорого. Это есть плод недоразумения. Наша страна бедная, находится на переломе, мы строим культурную работу и научные методы, мы все ржаная, а не крупчатка[1], до крупчатки нам далеко. Я считаю, что этот вопрос надо поставить четко. Я считаю, мы должны заострить этот вопрос, потому что для нас необходимо поднять качество нашей этнографической работы, поставить ее на линию наибольшего сопротивления как в научной, так и культурной работе. Краткая экспедиция — легко проводимая вещь, особенно в Европейской России. Острием нашей резолюции мы должны поставить ту экспедицию, которая поднимает значение исследовательской работы, наше внутреннее самосознание — возможность делать экспедиции далекие по стационарному долговременному методу, чтобы государство пришло на помощь нашей культурной работе и чтобы не было таких ужасных выступлений, как выступление тов. Спиридонова, когда говорят что здесь строят социализм, а там вымирают люди. Наша культура должна быть в местах, чтобы такие факты были невозможны.

(*л. 343*) Я хочу сказать относительно программы. Здесь говорили, что я заострил внимание только в направлении форм и в направлении движений наших экспедиций, тем не менее мы работаем над методами. Эта программа разработана студентами в семинарии так, что здесь не хватает целых отделов: нет отдела искусства, музыки, потому что у нас за эти 5 лет все обилие материалов было проработано, но здесь все же есть целый ряд методологических подходов, например, что такое этнограф. Мы рассматриваем его как естествоиспытателя. Чем отличаются факты этнографические от зоологических, что такое индивидуальный факт и т.д.? Новый ряд технических вопросов ставит работу этнографа на степень точности естествоиспытателя. Я думаю, что только марксистский метод, который [мы] хотим ввести в этнографию, будет плодотворным, и тогда технические

[1] Крупчатка — сорт пшеничной муки, отличающийся значительной зернистостью.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

подходы будут подходами естествоиспытательскими, когда мы сравнимся с ними в точности. Это одно из объяснений, которое я мог бы дать по поводу программы.

Тут были сделаны некоторые поправки по поводу моих тезисов. Их я принимаю, но некоторые заострил нарочно с полемическими целями, нужно было вывести вас из равновесия. Поэтому когда будем составлять резолюцию, мы их учтем.

Я вовсе не желаю отрицать другой метод, в частности в областях, более близких к центру, в областях восточнославянских культур. Это мы в резолюции должны оговорить, но то практическое, что должно выйти из нашего совещания, та резолюция, которая должна быть здесь, она должна указывать, что нам надо поднимать нашу науку на высшую ступень, нам нужно увеличить актив и белые пятна покрыть культурной научной работой. Для этого мы должны иметь необходимые средства, возможность широкой помощи государства и должны выразить свою готовность сделать усилие и преодолеть обилие преград и трудностей на нашем пути вперед, с надлежащей глубиной, как подобает ученым, гражданам, культурным работникам нашего великого Отечества.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

День пятый
9 апреля 1929 г.
Утреннее заседание

(*л. 345*) ***Председатель***

В Президиум поступило заявление от пяти делегатов, студентов этнологического факультета первого МГУ, с просьбой его огласить: «В связи с выступлением московских студентов со схоластическими спорами о терминах, не имеющих отношения к предмету наших занятий, в связи с предъявленными докладчиками вопросами мы считаем необходимым сообщить, что выступавшие студенты никакого отношения к нам не имеют и что мы со своей стороны оцениваем их выступление как полное непонимание задач настоящей конференции».

Никольский

Я как представитель первого МГУ заявляю, что со мной это заявление совершенно не было согласовано. Мы с проф. Сергиевским[1] являемся старшими членами этой делегации, и поскольку здесь произносится первый МГУ, должны были информировать о заявлении как его, так и меня.

Маркитьян[2]. Слово для ответа

Дело в том, что слухи об этом заявлении до нас дошли еще вчера. Точно так же дошли до нас и слухи о приблизительном содержании этого заявления. Мы заявляем, что рассматриваем это заявление как политическое; мы видим в нем определенную политическую демонстрацию против марксизма. Они заявляют, что ничего с нами общего с нами не имеют, так как мы поднимаем схоластические споры и не понимаем задач нашей конференции. Мы с очень большим удовольствием констатируем, что ничего общего с ними не имеем и не хотели бы иметь, так как мы считаем, что они расценивают марксистские теоретические обоснования как схоластику, как спор о терминах. Можно с прискорбием констатировать тот факт, что, вероятно, в первом МГУ положение с марксизмом неблагополучно. Группа, подавшая заявление, не понимает того, что без разрешения общих теоретических вопросов (*л. 346*) двигаться дальше нельзя.

Заданные нами вопросы были по существу правильны и закономерны, потому что один из докладчиков большую часть своего доклада посвятил

---

[1] *Сергиевский Максим Владимирович* (1892–1946) — советский лингвист, профессор МГУ.

[2] Личность установить не удалось. Возможно, это неправильное написание фамилии Мартикян, упоминавшейся выше.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

теоретической путанице. Мы не отрицаем того, что нашей целью было показать вещи в таком виде, как они существуют в действительности.

Со своей стороны мы также отмежевываемся от таких студентов, которые, нося звание пролетарских, отказываются от разоблачения чуждой пролетариату идеологии. Мы клеймим позором поведение таких студентов и считаем их примиренцами, оппортунистами и подхалимами.

Соколов «Построение и деятельность советских этнографических музеев»

Этнографические музеи в советской стране должны строиться на высоте современной советской этнографической науки, ее методов, ее задач и, быть может, живыми участниками социалистического строительства Советского государства.

Как подвержена у нас серьезному пересмотру самая этнографическая наука, так вполне естествен и закончен пересмотр основ построения и деятельности этнографических музеев. Поскольку советская культура отличается в самом своем существе от культуры буржуазных стран, постольку уже и сейчас направление и деятельность советских музеев имеют сейчас заметные отличия от зап[адно]европейских: характер экспедиционной работы, широкая просветительская деятельность, принципы равенства народов, живость экспозиции и др.

Посещение мною целого ряда стран убедило меня в этом достаточно ярко. Самый характер, самая устремленность, может быть, стихийная в экспедиционной работе, безусловно, стоят в большом отличии от западноевропейских. Мы благодаря революции избавлены от той помехи, которую создает частная собственность, воля жертвователя для нас (*л. 347*) не играет роли. Мы в интересах науки можем совершенно свободно перестраивать любые коллекции, любые музейные материалы. В зап[адно]европейских же музеях личная воля жертвователя, мецената настолько сильна, что идет вразрез со всякой логикой. Музеи зависят от частного капитала и должны подчиняться этому фетишу.

Широкая просветительская деятельность наших музеев в корне отличается от всей западноевропейской деятельности. Там музеи мало мыслят о просвещении масс через музеи.

Принцип равенства народов, который так органически воспринимается каждым советским работником, на Западе не существует. Меня поражало, например, что в такой маленькой, но глубоко империалистической стране, как Польша, мы в варшавском музее видели только польский народ. Нац[иональные] меньшинства польские туда принципиально не вводятся. Наша точка зрения совершенно другая, но все-таки надо сказать, что мы свои советские музеи строим еще стихийно. Жизнь сама вводит нам поправки и изменения, и хотим ли мы того или не хотим, но мы отражаем движение нашей современности.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Сейчас настал момент острого осознания этнографическими музеями своего бытия, обусловленного общим бытием Советского государства и его социалистических принципов и вытекающего отсюда планомерного более четкого построения этнографических музеев и направления их деятельности.

На этой конференции мы должны будем в резолюциях суметь сформулировать эти основные принципиальные установки.

Этнографические музеи одновременно являются научно-исследовательскими и просветительными учреждениями. Научное исследование и просветительская работа — две стороны одного неразрывного целого.

Я бы очень хотел подчеркнуть это. Я считаю, что если бы просветительная работа стала пониматься как что-то придаточное, не вытекающее из существа научного построения, это было бы ложно. Мы должны преодолеть то, что у нас бывало нередко, когда научные работники считали для себя просветительную работу или учет просветительной работы (*л. 348*) делом второстепенным. С другой стороны, может быть, некоторые лица, занимающиеся просветительной работой, считают это своей, только исключительно личной функцией, а не функцией всего организма музея в целом. Таким образом, научное исследование и просветительная работа — это две стороны одной и той же медали, имеющие одну сущность.

Просветительная работа в музее должна базироваться на материале подлинного этнографического исследования. Этнографический музеи в своей работе (во всех видах — полевом исследовании и собирании материалов, экспозиции, просветительной работе и пр.) должны бороться против узкого, безжизненного академизма (превалирование своих индивидуальных интересов под общемузейными, отказ от постановки в ближайшую очередь наиболее актуальных тем, принципов «чистой науки», пренебрежительное или спесивое отношение к просветительскому делу, уход в детали ради деталей, отсутствие заботы о понятности и живости экспозиции и пр.), должны бороться против дилетантского упрощенства (выводы без достаточной научной убедительности, стремление к внешнему эффекту без вдумчивой обоснованности, пренебрежение к конкретному факту во имя общей схемы, доминирование агитационной формы над реальным материалом).

(*л. 349*) Я лично считаю, что существует этнографическая наука, изучающая конкретное общество, и именно конкретность является сущностью музея. Вне конкретности нет, собственно говоря, и смысла создавать какой-либо музей. Доминирование агитационной формы над реальным материалом, доминирование лозунгов не оправдано подбором несоответствующего материала. Вот эти две опасности мы имеем: академизм и упрощенство. Если мы будем с ними бороться, то мы и создадим подлинное лицо советского музея. Поэтому во всех частях деятельности музея нами должна быть

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

осознана органическая внутренняя связь во всей многогранной деятельности этнографических музеев.

«Как этнография должна занимать определенное звено в цепи социальных наук, так и этнографические музеи должны входить органическим звеном в цепь музеев других смежных дисциплин».

В этом отношении у нас абсолютно неблагополучно. У нас каждый музей строится сам по себе, сам себе довлеет. Между тем музей является могучим орудием просветительной целью, дает систематические знания посетителю и совершенно ясно, что он должен осознавать себя как одно из звеньев в единой цепи научно-просветительных учреждений. Из одного музея должен быть естественный переход к другому так, чтобы они, в конечном счете, позволяли осмысливать всю человеческую жизнь, и в результате музеи должны содействовать широкому самообразованию широких кругов трудящихся.

«Особенно тесно и внутренне увязанными должны быть материалы этнографических музеев с материалами археологическими (палеэтнологическими) и материалами историко-бытовых музеев».

В этом отношении имеется колоссальный разрыв в Ленинграде и Москве. Естественного движения культур, которые мы осознаем через данные археологии и через данные этнографии, нет, ибо внутренней согласованности этих музеев друг с другом нет.

«В краеведческих музеях эта увязка возможна и в смысле территориальной близости друг к другу соответствующих музейных залов. В центральных музеях увязка должна идти по линии согласования построения и деятельности отдельных специальных музеев так, чтобы переход от материалов одного музея к материалам другого был вполне оправдан и естествен. Вполне оправдывающим себя нужно (*л. 350*) счесть внесение в этнографические музеи археологических памятников позднейших эпох, когда эти памятники со всей определенностью могут быть отнесены к народности, выявляемой в экспонатах этнографического музея».

В этом отношении тот опыт, который сделал Музей народоведения, как будто признается и другими музеями. И если Исторический музей в Москве дает памятники более древней культуры, то поздние памятники, могущие быть определенно отнесены к данной народности, абсолютно необходимы музеям для того, чтобы давать динамику исторических культурных процессов той или другой народности, той или другой общественной группы.

«Построению отделов быта городского и высших классов в непосредственное посредство с этнографическими отделами в музеях отечественной этнографии Зап[адной] Европы и наших краеведческих должны соответствовать в центральных музеях согласованность планов и принципов построения музеев этнографических и историко-бытовых. Я не буду

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

вдаваться в обсуждение вопроса о том, где верхняя грань музея в объекте этнографии. Я должен сказать, что логически между историко-бытовым музеем или историей быта высших классов и этнографической, по существу, наукой грани нет, она лишь чисто формальная. Поэтому изучение явлений быта в высших классах, в частности городских классов, вообще должно быть естественным продолжением того, что мы видим в этнографических музеях. Поэтому для Русского музея в Ленинграде[1] нужно иметь естественную глубокую увязку с бытовым отделом, в Москве Цент[ральный] музей народоведения[2] должен быть увязан с историко-бытовым отделом Исторического музея[3]. Получается полная нелогичность, когда в Историческом музее имеется отдел крестьянского быта, отдел искусства. Искусство является оторванным от форм хозяйства и бытового комплекса. Это должно быть пересмотрено. Здесь или в прошлом в этом отношении была сделана ошибка, или наша наука настолько выросла, что мы можем теперь четко распределять материал. Теперь должен быть пересмотрен вопрос о Центральном музее народоведения вместе с Историческим музеем и Музеем восточных культур[4]. Нужна четкая программа в этом отношении. В каждом из этих музеев и их взаимоотношениях есть несомненное (*л. 351*) дублирование, недостаточная внутренняя обоснованность помещения.

«В наших центральных этнографических музеях естественно доминирующее место занимает материал по быту народов, населяющих нашу страну, но, в отличие от установок музеев дореволюционного периода, самый подход к национальным культурам носит совершенно другой характер. Вместо инородцев (ср. инородческий отд[ел] в б[ывшем] Румянцевском музее[5]), подчеркивающих обилие покоренных Россией народов; (все русские музеи в значительной мере строились под этим знаком), советские музеи выявляют быт, труд и творчество национальной культуры равноправных народов СССР. Пережитки старых подходов должны быть в музеях решительно выправлены, где они сохранились».

---

[1] ГМЭ — Государственный музей этнографии, ныне — Российский этнографический музей. Основан в 1902 г. как этнографический отдел Русского музея. В качестве самостоятельного музея — с 1934 г.

[2] Центральный музей народоведения был создан в Москве в 1924 г. В 1948 г. музей был закрыт, а коллекции расформированы по другим музеям СССР.

[3] Государственный исторический музей в Москве.

[4] Музей восточных культур. Поочередно менял названия: Государственный музей восточных культур (1925–1962), Государственный музей искусства народов Востока (1962–1992), Государственный музей Востока (с 1992 г.).

[5] Румянцевский музей был создан в 1828 г. в Санкт-Петербурге, а затем критик Владимир Васильевич Стасов в 1861 г. перевел музей в Москву. В 1924 г. музей был расформирован, а его коллекции распределены между музеями и библиотеками страны, в частности в Центральный музей народоведения в Москве.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Эти пережитки бессознательно остаются, и не всегда мы, музейцы, улавливаем эти промежуточные моменты, так что иной раз свежий человек натыкается на прежние для нашего времени установки.

«Этнография народов СССР может быть понята лишь в связи и наряду с эволюцией и взаимоотношениями культур народов всего мира, отсюда необходимость существования в Москве и Ленинграде этнографических музеев европейских стран, и в особенно[сти] первобытных культур. В Ленинграде должно быть произведено согласование и органическая увязка этнографических музеев — Академического[1] и Русского, в Москве — Центрального музея народоведения и университетского Этнографического музея[2]. В вопросах пересмотра построения и согласования, а возможно, и перегруппировки коллекций должна быть проявлена наряду с большой вдумчивостью и достаточная смелость. Разумная целесообразность должна стать выше охраны традиций отдельных учреждений».

В Центральном музее народоведения есть отдел Австралии. Мы решили поступить таким образом: мы не даем, не выявляем всего материала, который имеется, и не стремимся к тому, к чему стремится Академический музей. Мы даем только основные типы культур, типы хозяйственных основных форм, выявляем при помощи первобытной культуры, и это является вполне достаточным.

(*л. 352*) Мы считаем для Москвы бессмысленным в какой-нибудь мере стремиться быть параллельным академическим музеям. Ибо у нас не будет средств и возможностей предоставить быт народов внеевропейских в такой мере, и в таком богатстве, и в такой полноте, как это могли сделать старые музеи вроде академических. Но во всяком случае этнография народов СССР не может быть осознаваема для уяснения основных форм культуры народов земли.

К этому вопросу о пересмотре наших планов и органическом согласовании мы должны, наконец, смело приступить. Мы должны подойти к этому с большой вдумчивостью, но вместе с тем с достаточной смелостью. Пора нам отбросить несколько вотчинный взгляд на свои музеи. Хозяин-то у нас, в конце концов, один — Советская страна. И нигде в мире нельзя так легко, не задевая никаких законов о частной собственности, воле жертвования и т.д., произвести целесообразную перепланировку, перераспределение между музеями.

Но у нас препятствие до известной степени фетишистского порядка — это есть понятие о традиции. Мы иногда за словом «традиция» не хотим

---

[1] Музей антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде. Сегодня — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Старейший публичный музей России. Основан в 1714 г.

[2] Имеется в виду Антропологический музей МГУ (создан в 1883 г.), при нем существует этнографический отдел.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

вскрыть истинного смысла этой сущности. Считаем, что было собрано, то и должно остаться. Если бы мы так посмотрели на творческое строительство наших музеев, мы оставались бы на старом месте.

Разумная целесообразность должна стать выше охраны традиций отдельных учреждений. Это вопрос больной. Конференция его, конечно, не сможет разрешить конкретно, но это положение мы должны заострить.

Построение этнографических музеев идет по линии территориальной (например, Сибирь, Средняя Азия, Кавказ и пр.), внутри этих крупных отделов — по признаку этническому. Близость культурных признаков должна в распределении народностей в музее доминировать над признаком чисто лингвистическим. (*л. 353*) (Надо сделать, чтобы чуваши находились рядом с мари, тюрюхане с мордвой, а не с русскими и т.д.) Наиболее актуальным и очередным является вопрос о распределении этнографических материалов музея внутри каждой народности. Здесь должна быть произведена значительная реэкспозиция.

Я думаю, что важно общее впечатление, что у нас какого-нибудь четкого принципа в распределении экспонированного материала в музеях, по каждому отделу, даже внутри каждого народа, нет. Очень часто мы выставляем вещи шиворот-навыворот: начинаем с религиозного культа, а потом в какой-то смеси идут все остальные формы народного быта.

Я думаю, что здесь музейцам особенно легко перейти на путь построения музея по признаку хозяйственному, с постепенным переходом к различным культурным надстройкам.

Я позволю себе сослаться на первый опыт, который был сделан нашим музеем именно в отделе восточных славян, может быть, опыт не вполне удачный, может быть, требующий тех или других поправок, но, поскольку я был инициатором этой реэкспозиции, она мне кажется удовлетворяющей основным требованиям. Многие ленинградцы посетили этот музей, так что у них есть объективная возможность судить. В основном принципе они как будто с нами соглашаются.

Отдел восточных славян выставлен у нас по таким рубрикам: посетитель сначала знакомится со способами передвижения. От способов передвижения легко перейти к окружающей природе, так как они в значительной мере обусловливаются географическими особенностями. Но это только преддверие. Дальше идут орудия земледельческого труда, пахота, сенокос, обработка земли и т.д. в последовательном порядке самой работы. Затем идет жилище и домоводство. Если мы там кончили молотьбой, то здесь начинаем с выпечки хлеба, приготовления пищи. Здесь уже вся утварь, связанная с печью и со столом, предметы освещения и т.д., все, что характеризует уклад крестьянства в домах. Затем занятия домашние, занятия во дворе, тут и уход за скотом, и молочное (*л. 354*) хозяйство. Затем мы переходим к трудовым процессам, протекающим опять-таки внутри дома,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

являющимся обработкой волокнистых веществ, например прядение и ткачество.

Естественным переходом от прядения и ткачества является одежда. Одежда воспринимается как продукт того производства, который был раньше показан, и распределяется по тем признакам, я сказал бы, социально-этническим, которые может одежда собой характеризовать. Затем идут сбоку подсобные промыслы, рыболовство и лесные промыслы. Это именно те подсобные промыслы, которые во многих местах служат средством существования. Затем идет надстройка, детское воспитание, игрушки и игры. Они должны в своей экспозиции тоже выявлять ту обусловленность хозяйственных форм, которая была показана раньше. Игра показывается как воспроизведение трудовых процессов и упражнений в трудовых навыках.

Затем мы переходим к другим надстройкам, которые я озаглавил просто — фольклор. Здесь был сделан первый опыт в смысле экспозиции религиозного культа, православия, двоеверия. Причем основной является тот же самый земледельческий культ, круговорот растительности, магические действия самого обряда крещения с иконами, так называемые низкие поклоны Купале и Илье, органически входящие в состав христианской, земледельческой двоеверной религии. Я позволю себе назвать это ложной техникой, так как здесь все направлено на увеличение производительности самой почвы, но идет по ложному направлению, (*л. 355*) не по научному, а по магическому (условно назовем — суеверному). Затем мы имеем обряды, связанные с ингутами[1], заклинательные моменты, которые мы видели, и смену обычаев и обрядов: культ предков, свадебный культ и т.д., опять-таки целиком базирующийся на основных хозяйственных формах, на роли крестьянина, затем музыкальные инструменты в связи с пастушеством, а также представлены и певцы, носители фольклора, и должны быть также указаны, какие формы труда поддерживает тот или иной вид фольклора. Я не настаиваю целиком на этой схеме, но мы должны все отделы в музее по каждой народности построить по единому принципу. Если мы этого не сделаем, то в музее получится хаос. Этим путем будут достигнуты и сквозные осмотры материала: кто интересуется земледелием, тот пройдет по всем народностям, изучит земледелие; кто интересуется надстройкой религиозного культа, он возьмет этот разрез и пройдет по всем залам. Важно, чтобы был единый, единственно правильный принцип, кладя в основу хозяйство. Затем мы должны стремиться (этого мы не делаем в силу того, что нам приходится иметь дело с такими классами, у которых классовая дифференциация не столь ярка, для того чтобы могла быть выявлена, но наши музеи все же теперь могут сделать достаточно много, хотя бы восточнославянский) к выяснению в предметах культуры той специальной дифференциации, которая существует в крестьянской среде.

[1] Так в тексте. Возможно, опечатка и следует читать «ингушами».

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Здесь, например, в отделе жилищ мы можем принести существенную пользу широким массам в понимании вопроса относительно границ между середняком, кулаком и бедняком. Наши музеи могут показать, что этот принцип для каждого района является своим, относительным. Жилище, например, Белоруссии не представляется как жилище богача, а является только известным выводом из тех реальных и хозяйственных природных условий, которые имеются в том или другом районе. Мне думается, что в целом ряде отделов этот момент социальной дифференциации и классовой дифференциации может быть выявлен, например, в домоводстве, одежде и т.д.

«6[1]. Этнографические музеи, как наши, так и заграничные, ограничивают свою задачу выявлением предметов материальной культуры до промышленного, дофабрично-индустриального периода, выставленные в этнографических музеях предметы являются продуктом и (*л. 356*) потреблением мелкого производства, самодельные или кустарные. Даже если оставаться этнографическим музеям в этих пределах, их обязанностью является: во-первых, показать и объяснить весь культурно-бытовой комплекс, созданный на основе этой примитивной техники, индивидуального хозяйства и культурной отсталости масс; во-вторых, противопоставить (я полагаю, что по этому вопросу будут споры) этому социалистический культурный, бытовой комплекс, начало которому закладывается сейчас советским строительством, комплекс, основанный на индустриальной технике (тракторы, машины, электрификация), на коллективном хозяйстве и на культурном образовании масс. Это противопоставление должно быть сделано в заключительном зале музея (это пока еще в проекте[2] и одобрено всеми учеными Совета и Главнаукой) или в заключительных залах соответствующих отделов музея, где должны быть показаны в движущейся модели (или в оригинале) орудия современной сельскохозяйственной техники, даны яркие и наглядные понятия о колхозах и совхозах, а также таблицы многополья и трехполья. Этот «просвет» в новую культуру социализма, техники и науки должен помочь осознать основную природу всего прежнего многовекового культурно-бытового комплекса с его базисом и надстройками».

Только при таком контрасте может быть осознано, что те надстройки, которые составлялись в течение многих веков, неизбежно изменятся, раз переход самого хозяйства будет поставлен на другие рельсы. Мы не должны заниматься тем, что выставляем современную фабричную технику как таковую. Это дело Политехнического музея[3]. Мы должны показать, что по существу преобразует нашу жизнь.

---

[1] Нумерация хаотичная.

[2] Слово проект во всей стенограмме писалось как «проэкт». Здесь и далее заменено на современное написание через «е».

[3] Политехнический музей в Москве. Основан в 1872 г.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

После такого заключительного зала для посетителя естествен переход в музеи агрономические и др. Те предметы промышленной техники, которые уже и теперь «отстоялись» в народном употреблении, целиком вошли в его быт, напр[имер]: фабричный текстиль, самовар, посуда др., должны вводиться в оригиналах или в иллюстрированных формах в экспозиции с краткими пометками начала их реального бытования, особенное внимание должно быть обращено на факты приспособления, сживания элементов этой промышленной культуры с традиционной самодеятельностью (например, фабричный материал в национальном костюме, фабричный ремень на примитивной сохе и многое другое).

(*л. 357*) Этнографические музеи не должны искусственно архаизировать быт, а давать его в жизненной динамике. Перевес в «реликтовых» материалов над реально бытующими же имеет представления о подлинном быте, хотя бы и крестьянском.

Национальная политика советской власти, проводимый ею принцип национального самоопределения народов явился важнейшим новым фактором жизни народов СССР. Этнографические музеи не имеют права обойти своим вниманием как в изучении, так и в экспозиции явлений новой культуры. Естественной частью в экспозиции предметов каждой национальной культуры должны быть основные реалии этих культур, как то первые учебники и книги на родном языке, алфавит и шрифт каждого народа, иллюстрации характерных моментов и фактов нового строительства и т.д.

Музеи в СССР являются могучей школой воспитания и образования широких масс трудящихся, поэтому они должны носить наиболее живой, понятный, выразительный характер, отнюдь не впадая в вульгаризацию, упрощенство, в дешевку.

Я должен сказать следующее: мы все имеем хорошие пожелания, но мы прежде всего люди реальные. Мы делаем ошибки и по своей вине, и часто из-за слабого оборудования и недостатка научного материала. Это невольно подрывает тот идеал, который носится перед музейным работником. С этой стороны у нас нет еще ни одного музея, который мог бы похвалиться настоящей отшлифованностью.

Одним из важнейших средств понятливости этнографического музея должна быть сама экспозиция собранных музеем предметов. Необходимость четкой тематики.

Большой виной старых музеев является то, что посетитель не может понять, о чем говорит тот или другой предмет или группа предметов. Мы должны в этом определенно признаться. Наша старая музейная традиция не давала четкости, не выявляла, не заостряла тематики.

Наряду с систематической, аналитической экспозицией наши этномузеи должны проектировать формы комплексной экспозиции (*л. 358*) — «обстановочные сцены», «интерьеры», «диаграммы».

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Нужно, чтобы не просто были вместе выставлены, как я видел на Западе, обстановочные сцены, а эти сцены должны подчеркивать существенные трудовые процессы, выражать основные формы хозяйственной жизни. Нужно, чтобы обстановочная сцена максимально выражала жизнь во всем ее многообразии, ни в коем случае не искажая действительности и не сокращая того, что на самом деле не сокращено.

Широко должен применяться принцип периодических выставок с выбором наиболее научных и общественно нужных и ценных тем для них.

В этом отношении я должен сослаться на музей Осло[1], где помещение очень мало, и поэтому единственным средством является устройство выставок. Там берут не только экспонаты своего музея хранилища, но и привлекают материал из провинциальных музеев и даже от частных владельцев и устраивают тематические выставки. Фактически проводится смотр всей страной тех бытовых материалов, которые к этой теме относятся. Этот принцип устройства выставок не только на материале своего музея должен быть широко развит и у нас. Пора приступить к совместным выставкам на определенную тему, в частности Ленинграду и Москве.

Музеи заботятся о посетителях, свежести восприятия ими даваемых музеем экспозиций, должны бороться с внешней «музейной скукой, монотонностью цвета и однообразием внешнего оформления».

Меня за границей, особенно в Гамбурге, поразил хороший прием, «освежение» внимания посетителя тем, что каждый зал с определенной темой, той или другой народности, окрашен в особый цвет. Мы этот принцип применили уже в одном из помещений, в отделе восточных славян. Единственным недостатком у нас является то, что здание не музейное, а дворцовое. Тут вносится дисгармония благодаря лепным потолкам и всякой иной чепухе. В музее должны быть гладкие внутренние помещения. Все-таки этот цветовой эффект не должен носить характера дешевки, а, напротив, служить цели «освежения» внимания. У нас был очень большой (*л. 359*) фетиш — серый цвет. Мы считали скуку нейтральностью. Это психологически совершенно не верно.

Каждый предмет и тематическая коллекция должны быть представлены с максимальной жизненностью, с понятностью его названия и способа употребления. Ни один предмет в музее не должен быть выставлен, если он не может быть понят посетителем. Этого можно достигать разными средствами, но это есть закон. Я не могу и не буду развивать здесь мысль, которая давно исчерпана. Это мысль об этнопарке. Для нашей Советской страны это самая лучшая, самая жизненная и самая желательная форма этнографического музея.

---

[1] Видимо, имеется в виду Норвежский исторический музей в Осло.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Отдавая главенствующее место в музейной экспозиции самым оригинальным предметам, музей должен оставить боязнь перед использованием других вспомогательных экспозиционных средств (иллюстрации, картины и фотографии, чучела, манекены и пр.).

Было время, когда в наших музеях ввести иллюстрацию или фотографию считалось величайшим нарушением музейного дела. Внесение какой-нибудь карты, диаграммы, модели, макета, муляжа, чучела и т.д. считалось чем-то абсолютно ненаучным. Это показывает всю условность понятия научности.

Эти вспомогательные средства должны всегда занимать второе место и употребляться тогда, когда этого требует иллюстрируемый предмет или тема. Здесь вредны излишества, так же как и ригористический отказ. Чувство музейного такта также особенно нужно в данном случае. Проверкой должно служить систематическое научно-исследовательское изучение посетителя.

Для тех же просветительных целей в наших этнографических музеях нужно отвести большое внимание просветительному кабинету. (Он может быть и «вводным», и «заключительным».) Такой кабинет должен давать отправные точки для восприятия и осознания музейных экспонатов. Здесь должны быть даны основные сведения по географии, антропологии, археологии, а также поставлены главнейшие проблемы (*л. 360*) этнографической науки и на отдельных типах показаны методы этнографического подхода к явлениям жизни и быта народов.

Это те рельсы, по которым пойдет затем мысль посетителя. Этот кабинет должен помочь осознать музей в его систематическом виде, а не в каком-то хаосе, в котором простой посетитель не сможет разобраться. Для советских музеев особенно важно давать в этом кабинете примеры об основных принципах национальной политики советской власти, о национальных республиках и областях, особенно достижений советского строительства у каждого народа СССР. Пример: этнологический отдел в Гамбургском музее[1] и «вводный» кабинет Центрального музея народоведения в Москве.

(*л. 361*) Может быть, тов. Плисецкий[2] дополнит это в своем слове.

«Для развития роли этнографических музеев в просветительной деятельности нужны организации рабочих университетов при музеях (Русский музей), лекции внутри музея и выездные подвижные выставки, кино-, этносеансы при этнографических музеях необходима настоящая хорошо оборудованная аудитория, как в музеях Гамбурга, Лейпцига, Гельсингфорса».

---

[1] Видимо, имеется в виду Этнологический музей в Гамбурге. Основан в 1879 г.

[2] *Плисецкий Марк Соломонович* (1881–1957) — советский физический антрополог.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Я должен сказать, что в Лейпцигском, Гамбургском музеях вся этнография преподается профессорами в этих аудиториях при наличии живой огромной лаборатории, какую представляет музей.

11. «В целях научно-просветительной работы наши этнографические музеи должны иметь при себе широкую сеть вспомогательных учреждений, палеэтнологическую и этнографическую лаборатории, манекенные реставрационные и муляжные мастерские и др. Особенно важным является наличие при этнографических музеях своих небольших типографий, обслуживающих просветительные нужды (листовки, объявления, этикетаж, брошюры) и научно-регистрационные (бланки, карточки, каталоги, схемы). Сравнить музеи Стокгольма, Гамбурга, Центральн[ый] музей народоведения в Москве».

Наш большой недостаток — в отставании инвентарного дела. Научная инвентаризация должна пойти по линии именно технического облегчения, по линии фотографии. Вот то, что нам в значительной мере заменит все наши инвентаризационные недостатки.

«12. Абсолютной необходимостью для советских этнографических музеев является усиление их издательских возможностей. Огромный собранный музеями этнографический материал и исследования бесполезно лежат под спудом».

«13. В интересах роста и развития этнографических музеев и повышения актуальности всей их работы наряду с большим ассигнованием средств на устройство экспедиций и вообще на полевую работу самый характер собирания новых материалов должен особо согласовываться с основными потребностями музея в целом, стремиться к заполнению иногда вопиющих лакун и учитывать основные особо важные проблемы этнографической науки и современности. Сбор новых экспонатов отнюдь не должен носить случайный характер, а должен явится плодом (*л. 362*) придуманной целевой установки».

«14. В подборе материала и определении границ для собирания отдельных предметов центральные этнографические музеи должны согласовать свою работу с краеведческими».

Здесь абсолютно неблагополучно. Мы уже об этом сколько раз говорили и сколько мы слышали плача со всех сторон, однако разного разграничения программ этнографических музеев центральных и краеведческих нет. Это очередная задача...

«Если этнографические центральные музеи собирают отдельные предметы, то подборы более мелких разновидностей должны стать функцией краеведческих музеев. Такой сговоренности пока нет, и она должна быть поставлена на ближайшую очередь».

«15. Но и между центральными этнографическими музеями нет или почти нет какой-либо увязки во всех сторонах музейной работы. Настало

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

время более тесного контакта, взаимного согласования экспедиций, планомерного и целесообразного обмена самими экспонатами, взаимного пополнения друг друга, устройства совместных выставок на общие планы».

Взаимного обмена экспонатами и взаимного пополнения друг друга — этого, товарищи, нет, и к этому после этой конференции абсолютно должны приступить.

«Вместо взаимного отрыва нужно настаивать на согласованности, планомерности и во многих отношениях совместности в работе».

Мы должны раскрыть все те потенции, которые имеют наши работники — от малого до великого. Музеи должны всколыхнуться, молодежь наша горяча этнографическим энтузиазмом и должна получить гораздо большие права, например: ученые советы у нас в Москве проведены уже года 2–3 назад и являются прежде всего открытыми для всех сотрудников музея. Только в живом общении и возможно по-настоящему, коллективным образом построить нужные Советскому государству научные и вместе с тем вполне понятные этнографические музеи.

(*л. 363*) ***Крыжановский***[1]. Доклад о задачах Этнографического музея

Когда несколько дней тому назад в Москве мы с Борисом Матвеевичем сравнили наши тезисы, то мы оба были приятно удивлены тем, что на этот раз московская и ленинградская точки зрения неожиданно оказались очень близкими. Если мы в отношении экспозиционном, в части построений, в деталях расходимся с Бор[исом] Матв[еевичем], то все же в основном принципиальных расхождений мы не могли найти. Причина, конечно, та, что когда мы, люди разных школ, никогда до сих пор по музейным вопросам не беседовавшие, подошли к практическому разрешению наших задач, совершенно определенно поставленных, то оказалось, что эти задачи могут быть разрешены только одним определенным путем. Для меня особенно приятно было то, что мы в таком нашем сходстве увидели, что оба мы не удовлетворены тем, что существует сейчас, оба хотели бы попробовать создать нечто новое. Вероятно, именно поэтому в своем построении Бор[ис] Матв[еевич] не пытался совершенствовать Музей народоведения, а строил отвлеченный музей, а я в своем построении не дал этнографического отдела Русского музея, а пытался говорить о музее этнографическом вообще.

В своем понимании этнографии я очень близок к Петру Федоровичу Преображенскому. Я тоже считаю ее частью истории культуры, тем отрезком истории культуры, который соответствует культурам, этнически выраженным. Позвольте мне употреблять этот термин условно — не будем путаться в словах, ибо он, вероятно, понятен всем.

---

[1] *Крыжановский Борис Георгиевич* (1886–?) — заведующий этнографическим отделом Государственного Русского музея.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

И вот мне кажется, что этнографический отдел музея имеет своей задачей собирать и хранить памятники этнически выраженных культур для их изучения и для их использования с просветительными целями. Тут, таким образом, оказываются сформулированными три основные задачи музея: «хранительская», научно-исследовательская и культурно-просветительная. Для меня они представляются совершенно неразрывными. Мы не можем представлять существование (*л. 364*) какой-нибудь одной из этих задач без остальных, как невозможны совершенно отвлеченные занятия научным исследованием без желания применить затем на деле для просветительных целей. Также невозможно вести просветительную работу, не опирая ее на научное исследование, которое было предварительно проделано.

Я говорю, что этнографический музей занимается этнически выраженными культурами. Может быть, это нужно несколько уточнить, потому что у тех народов, которые достигли высокого социального расслоения, у них не все слои общества сохранили эти этнически выраженные культуры. И в этих случаях мы должны сказать, что применительно к таким народам этнографические музеи собирают свой материал и изучают только те части, только те слои общества, у которых эти культуры этнически выражены. Что касается остальных, то ими пользуются лишь постольку, поскольку там можно почерпнуть соответствующий материал.

Когда мы подходим к материалу музеев, то мне кажется, что мы подходим к первому основному вопросу — собственно музейного построения. Границы этого материала и его качество определяют в значительной степени самый музей.

Прежде всего вопрос территориальный. Этнографический музей собирает материал, относящийся к территории, которая определена как круг его действия. Но на практике это оказывается несколько сложнее, и с полной строгостью этот принцип может быть применим только к музеям небольшого охвата, краеведческого типа, к музеям местным.

Я могу легко себе представить музей где-нибудь в Лохвицах Полтавской губ.[1], работающий на небольшом районе, где за этим районом он видит этнографические черты, вполне сходные со своим районом. Такой музей не нуждается в сравнительном материале и может быть строго замкнут в том районе, который ему строго определен.

Но когда мы переходим к большим музеям, республиканским или областным, а особенно к музеям всесоюзным, мы (*л. 365*) неизбежно становимся перед необходимостью привлечения значительного материала из-за границ, поставленных как границы территории данного музея. Пред-

[1] Сегодня г. Лохвица Полтавской области (Украина). Видимо, имеется в виду Лохвицкий краеведческий музей им. Григория Сковороды, основанный в 1919 г.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

ставьте себе музей, который должен работать в общесоюзном масштабе. Может ли он, изучая украинцев, ограничиться только изучением той части, которая осталась по эту сторону чисто искусственной политической границы? Или когда мы выставляем в музее бурят, можем ли мы их полностью понять, если рядом не будут показаны монголы, оказывающие на них значительное влияние?

Какие же границы музея? Это границы хронологические. Конечно, музей должен в течение всего времени своего существования отмечать все изменения культуры, которые он наблюдает. Но совершенно также ему необходимо углубляться в исторический материал, который не может быть оторван от современного. Таким образом, весь исторический материал, поскольку музей может в него углубиться, должен войти в состав его изучения. Сквозь материал исторический музей проникает в материал доисторический, охватывает его до глубины, до какой можно проследить связь с данными этническими группами или с данными народами. Это совершенно необходимо, потому что доисторический материал без материала современного понят быть не может. Дело не только в том, что отдельные предметы даже и в комплексе оказываются непонятными…

(*л. 366*) Если вы побываете в музее, который занимается только одним археологическим материалом, вы неизбежно будете чрезвычайно утомлены. В Историческом музее в Москве вы устаете не потому, что материала много или он плохо выставлен, а потому что этнографический материал дает только обломки культур и только в том случае, если вы покажете его рядом с современным материалом, характеризующим данную культуру, только тогда вы избегнете этого утомления, потому что материал будет значительно понятнее. Я иду несколько дальше, чем Борис Матвеевич в этом отношении. Мне кажется, что музей такого типа, как я его описывал, безразлично этнографический или этнологический, не может ограничиться материалом, связанным с данными этническими группировками. Он неизбежно должен охватить всю культуру, которая существовала на данной территории. Мы больше не верим, что культуры могли исчезать бесследно. Когда мы изучаем культуры, которые возникали одна за другой, мы отчетливо и последовательно видим их связанность одну с другой. Эта преемственность, которую мы наблюдаем у культур, принадлежащих к различным этническим группировкам, заставляет нас поставить в круг нашего изучения и этот материал, и тот, который относится к городским типам культур. Эта городская культура шла в окружении общих культур, на которые оказывала непрерывное влияние. Если бы отказались от включения этих культур в наш круг изучения, мы бы отсекли 12 городских классов, которые выросли рядом или над культурной основой. Таким образом, Этнографический музей собирает весь материал, относящийся к историко-культурным процессам, и рассматривают как единственный в пространственно-хроно-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

логическом отношении. Мы устанавливаем границы территориальные, но эти границы условны, и мы должны помнить и проводить их по чисто техническим причинам. На границах Советского Союза не прерывается та цепь, которая связывает отдельные культуры между собой, но технически советская страна будет изучаться подробнее, полнее, чем весь остальной мир. Во-первых, потому что это более доступно и, во-вторых, потому что этот метод для нас имеет наибольшее практическое значение, но вообще музей мирового охвата, конечно, возможен, он является завершением музейной схемы.

(*л. 367*) Где же верхние границы этнографического материала? Тут я должен вспомнить тов. Преображенского, который сказал, что мы присутствуем при двух замечательных моментах. Первый момент, когда одна культура действительно обтекает весь земной шар, культура, которую мы можем по ее происхождению назвать европейской цивилизацией, становится культурой интернациональной. Это продвижение идет неравномерно и прошло еще не всюду, но, действительно, эта культура становится интернациональной и нивелирует все, что встречает на своем пути. И тот момент, когда интернациональная культура вступает в игру, должен явиться верхней границей нашего музея. К этому принципиальному моменту присоединяются и практические соображения. К тому моменту, когда культура достигает такого развития, что приобретает необычайно сложную полноту, то выставить ее технически в одном месте невозможно, и совершенно естественно, что части нашего Этнографического музея должны превратиться в колоссальный самостоятельный музей. Наши скромные орудия для обработки волокнистых веществ превращаются в фабрики, средства продвижения — в современные пути сообщения, — все это должно показано в огромном музее, но мы технически не могли бы показать все вместе: осмотр такого музея был бы невозможен, так же как и пользование им. Конечно, происходит это не сразу, но одновременно все элементы культуры приобретают характер фабрично-городской цивилизации. Это происходит последовательно: сначала появляются отдельные предметы, затем появляются смешанные комплексы, которые в течение долгого времени сохраняют этнологический характер. Большинство предметов из тех институтов, которые мы там находим, уже давно утратили свой этнический характер. Когда фабрично-заводские орудия постепенно вытесняют тот инвентарь, те изделия, которыми пользуется данный народ, тогда эти пришлые явления слагаются в определенный комплекс, который часто остается долго характерным для данной группы. Таким образом, происходит постепенная смена, и это музеем должно быть учтено. Для музея не следует приобретать все машины, сел[ьско]хоз[яйственные] орудия американского типа, которые входят постепенно в обиход. Это дело сел[ьско]хоз[яйственного] музея, но фиксировать эти процессы, постепенную замену — значит подойти

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

к динамике этих процессов, что является совершенно необходимым. В известном моменте наши музеи расчленяются на целый ряд индустриальных и др. (*л. 368*) музеев, которые соответствуют частям наших музеев в современном фабрично-заводском быту. В интернациональной культуре изучать динамику этих процессов мы должны. Некоторые стороны очень долго сохраняют этнический характер. В частности, тот пример, который привел Петр Федорович. Должны ли мы изучать быт Чемберлена, потому что он отличается от быта наших советских работников? Я скажу, что да, должны. Должен быть такой отдел личного быта, который должен заключаться в Русском музее, в историко-бытовом отделе, который бы фиксировал бы детальное отличие между бытом высших классов, оторвавшихся от национальной народной культуры.

Я должен вспомнить проф. Преображенского при следующих тезисах, когда он сказал, что мы должны иметь другой замечательный момент, — это то, что мы присутствуем при первом широком опыте социалистического строительства, при создании совершенно новых форм общественной жизни и это налагает на наши музеи очень важное обязательство. Дело в том, что изменения, которые происходят сейчас с чрезвычайной быстротой и бурностью, когда явления быстро сменяют[ся] одно другим и многие из них уже исчезли. (*л. 369*) <…> многое уже изучалось в период первых революционных лет. Много явлений уже было таких, которые отошли далеко назад. Для того чтобы уловить динамику процессов в этот бурный период, музеи должны очень тщательно за ними следить, потому что такой момент больше не повторится не только на нашей памяти, но, может быть, и никогда. Перед нами происходит совершенно новое строительство, и зафиксировать это строительство музеи должны. Вот, мне кажется, те границы, которые мы должны поставить материалу Этнографического музея.

Но есть еще один вопрос, связанный с ним, — это вопрос об окружении этого материала. Если музей будет собирать только голые предметы, описывать только явления, которые он наблюдает, то этого будет недостаточно. Нужно дать этому окружению известное освещение. Ведь все эти предметы имеют свое экономическое основание, свою базу и в то же время находятся в определенном окружении. И этот материал также должен собираться, чтобы быть использованным вместе с основным материалом.

Но не думайте, что я хочу сказать, что музеи должны вести полностью работу по экономическому исследованию, работу статистического характера. Нет, существует принцип разделения труда, который заставляет нас в таком случае, пользоваться работой тех, кто для этого специально поставлен. Я говорю о том, чтобы проделывать эту работу в круге той узкой специальности, которую данный научный сотрудник музея ведет.

Я считал бы целесообразным, что если кто-нибудь хочет изучить гончарный промысел в определенном районе, то он должен собрать материал,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

дающий экономическое обоснование этому промыслу. Но было бы неправильно, если бы он занимался широкой экономической задачей. Это за него гораздо лучше сделают другие, и их результатами он воспользуется.

Теперь относительно качества материала. Лучшим материалом, конечно, является тот, который музеи собирают (*л. 370*) сами. Поэтому для музея представляется существенно важным и необходимым не ждать, пока материал будет доставлен со стороны или от чужих экспедиций, а он сам самостоятельно должен проделать эту работу, помня, что только такой материал будет иметь научное основание и только такой материал будет соответствовать его задачам. Всякий же лишний материал является обузой и должен быть из музея устранен.

Поэтому для музея важно вести работу исследовательского характера, в виде экспедиций, командировок, в виде работы на своих станциях, которые у него должны быть, и наконец важно установить связь с работниками на местах, из которых потом складывается сеть корреспондентов музея. Только это может обеспечить точное соответствие материала с задачами музея.

Не весь тот материал, который музей собирает, попадает на постоянную выставку. Значительная часть уходит в так называемые резервы. Но я хотел бы сказать, что эти резервы не должны быть оторваны от материала, помещаемого на выставке, так как они составляют одно целое. В сущности говоря, было бы правильно говорить вообще об одном органически слитом музейном материале, часть которого потом помещается на выставке.

Для чего создавать эти резервы? Резервы являются не только опорой выставки, но они дают возможность расширять эту выставку, показывая более подробно отдельные темы, освежая ее, или дают возможность создавать выставки исследовательского характера, лабораторного типа.

Эти же резервы служат, как определил А. А. Миллер[1], той библиотекой, которой пользуются научные сотрудники. Когда вчера Б. А. Куфтин говорил о том, что музей должен служить хранилищем того материала, из которого исходит будущий исследователь, он был прав. Музей должен быть таким хранилищем, и в соответствии с этим он должен (*л. 371*) быть определенным образом организован. Библиотека — так библиотека. Значит, резервный материал должен быть приведен в систематизированный и законченный вид, должен быть создан справочный аппарат, которым можно было бы так же легко пользоваться, как библиотекой.

[1] *Миллер Александр Александрович* (1875–1935) — археолог и этнограф, специалист по Северному Кавказу. Профессор ЛГУ, председатель этнологического отдела и Северокавказской экспедиции ГАИМК, сотрудник Русского музея. В 1933 г. арестован по так называемому «делу славистов» (Российской национальной партии), умер в лагере.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Теперь мы должны перейти к научно-исследовательской работе, которая лежит в основе работы просветительной. Совершенно невозможно представить себе, как была вчера попытка это сделать, что может быть полевая работа без предварительной подготовки. Совершенно также невозможно представить, чтобы музей собирал материал для себя без предварительной подготовки. Уже самый сбор материала предусматривает предварительную исследовательскую работу. Для того чтобы хорошо использовать имеющиеся у нас время и деньги, необходимо заранее быть знакомым с теми материалами, с теми народами, куда едут собирать материал. Уже первоначальная обработка материала, попавшего в музей, требует исследовательской работы для уяснения значения данных предметов.

Недостаточно также делать простое описание предметов или отдельных элементов культуры. Важно также найти место этих предметов в общей картине. Необходимо определить то значение, которое эти предметы имеют в общеисторико-культурных процессах. Таким образом, работа научно-исследовательская в музее не может быть сведена к первоначальному описанию. Ведь только из этих исследований, о которых я говорил, определяющих местное значение данного предмета или данного комплекса, только из них мы можем получить общую характеристику данных элементов культуры или народов, которые затем будут отображены в наших экспозициях. Иначе экспозиции будут построены случайно, по принципу просто выставки, демонстрации предметов, от чего мы отошли и к чему, надеюсь, больше не вернемся. Таким образом, вся эта предварительная исследовательская работа должна вестись, а затем проектироваться на музейной (*л. 372*) выставке.

Может, это будет излишним повторением, но, чтобы вполне закончить эту тему, я скажу, что материал, собранный музеем, не составляет его собственности, а принадлежит обществу. Следовательно, он должен быть опубликован. Сырые материалы и исследования, которые удалось произвести, должны найти отражение в тех научных трудах, которым музеи очень мало, к сожалению, могут посвящать и времени, и денег. Но этот круг должен быть разорван. И мы надеемся, что эта сторона постоянно будет улучшаться.

Остается вопрос относительно перенесения исследовательской работы в исследовательские учреждения. Я считаю, что чрезвычайно желательным было бы объединение деятельности музеев с деятельностью исследовательских учреждений. Мне представляется, что многие работы могут быть проведены совместно, могут быть согласованы.

Наконец, я представляю себе, что музеи могут поручить подобрать определенный материал и проработать определенные вопросы <…> исследовательским учреждениям. Из этого не следует, что исследовательская работа может быть как-то от музея оторвана. Это также невозможно, как

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

не может быть оторвана исследовательская работа, например, от вузовской кафедры. Речь идет о том, чтобы объединить, согласовать работу, но не отрывать. Это может привести или к тому, что в исследовательских учреждениях работа будет вестись теми же сотрудниками и на том же материале, или это вызовет смерть музеев, превращение их в кунсткамеры, которыми они не так давно были.

(*л. 373*) Работа просветительная базируется, прежде всего, на постоянной экспозиции, которая является как бы лицом музея. Ведь постоянная экспозиция должна отразить установку музея и те задачи, которые перед музеем стоят. И так я говорил, что центральное место в просветительной работе музея должна занимать постоянная экспозиция. На нее опирается вся остальная культурно-просветительная работа и на ней поэтому нужно остановиться. Постоянная выставка должна отразить идею музея, его задачи его установку. Это обязывает к тому, чтобы основная идея выставки была проведена последовательно во всех частях музея, о чем говорил Б. М. Преображенский[1]. Из этой экспозиции необходимо выкинуть все, что затемняет основное. Нужно отчетливо подчеркнуть основное и ту экономическую базу, на которой она развивается. В основу экспозиции должен лечь производственный принцип. Только производственный принцип может раскрыть те процессы, которые развиваются на данной территории в кругу наших этнических группировок. Музей на своей экспозиции должен объяснить зависимость этих форм от природных условий, которые его окружают. При помощи материала доисторического и исторического должна быть показана подготовка того быта, который мы наблюдаем сейчас, и при помощи переходного материала нужно показать зависимость форм в быту данного народа от соседей и тех культурных влияний и связи, которые между отдельными народами можно установить. Динамика культуры помогает нам раскрыть классовой разрез, который мы можем демонстрировать для тех народов, у которых он отчетливо выражен. Само собой разумеется, что экспозиция должна быть сделана так, чтобы она могла быть понятной всякому посетителю без какого-либо руководителя, то есть она должна быть не только отчетливой в своем построении, но должна также иметь объяснительный материал. Это ни в какой мере не освобождает музей от организации такого аппарата или от помощи такого аппарата, который бы дал возможность эту выставку наилучшим образом использовать. Вот почему, несмотря на всякий этикетаж, необходимо иметь консультантов, которые находились бы в зале и разрешали бы недоумения посетителей, чтобы музей помогал (*л. 374*) Политпросвету, а в Москве самостоятельно вел экскурсионную работу, чтобы имел литературу, которая освещала бы те предметы, которые у нас выставлены.

[1] Здесь перепутаны инициалы (видимо, Соколов) и фамилия (Преображенский).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Затем вопрос о расширении углублении выставки. Это должно заключаться в том, чтобы при помощи постоянных, временных выставок, докладов и концертов давать возможность углубить знания по тому предмету, материалу, который в музее можно демонстрировать. Наиболее возможной формой являются рабочие университеты. Они интересны не только потому, что дают кадр лиц, более систематически познакомившихся с нашим материалом, но и потому, что этот кадр лиц явится как бы пропагандистами изучения этнографических идей. Я скажу, что только в целях преемственности работы в музеях музей должен заранее позаботиться о подготовке [в] своей среде смены, чтобы это обеспечило работу музея без каких-либо затруднений.

Я пропускаю вопрос о научно-вспомогательных учреждениях, который в моих тезисах изложен, и перехожу к вопросу организационного порядка. Нельзя всегда начинать сызнова. Музеи должны явиться хранилищем той работы, которая была когда-то сделана, об этом говорил тов. Куфтин. Таким образом, мы должны сказать, что только правильно организованная сеть музеев может лечь в основу этнографического изучения стран, но сеть должна быть сложной и должна покрыть всю страну. Местные музеи краеведческого типа должны собирать этнографический материал, исчерпывающий по своему району. Эти музеи имеют принципиальные особенности. Только в таких краеведческих музеях мы должны найти полную пропорциональность между этнографическим материалом по данной территории. Только в нем мы можем найти достаточное равновесие в экспозициях и достичь если не полной увязки материалов экспозиционных этнографических с остальными материалами, то во всяком случае территориальной близости, которая облегчит использование их. Что касается областных и республиканских музеев, то тут возникает известная их специализация. (*л. 375*) Они обычно принимают такой размер, что их этнографические и зоологические части приобретают такой большой объем, что становятся самостоятельным отделом учреждением. Они, конечно, не могут с такой полнотой работать по своему району, но могут в более общих чертах представить картину данной области с более широкими перспективами. Особенность этих музеев должна была бы заключаться в том, что они должны накоплять основные научные резервы, которые затем должны быть использованы специалистами. Что касается музеев, имеющих всесоюзный охват или мировой, то они лишены возможности с такой полнотой изучать всю свою территорию. Они не могут останавливаться на деталях, а должны себя целиком посвятить регистрации возникающих новых явлений в быту тех народов, которые они изучают. Их значение определяется охватом огромной территории сложного материала, который дает возможность раскрыть такие перспективы, какие ни областные, ни республиканские музеи выявить не могут. Это поведет к широкой исследовательской работе,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

в процессе которой может быть выбран нужный материал из всей массы того материала, который предлагается к их услугам. Все музеи, которые будут на данной территории, должны быть связаны рабочей связью.

Было бы пагубным, если бы одни музеи по отношению к другим начали играть роль административную. Речь идет только о рабочей связи, которая представляется необходимой и должна выразиться в совместной проработке планов, вовлечении сотрудников одного музея в работу других.

(*л. 376*) <…> конечно, очень желательна связь музеев, работающих в соседних областях. Это дало бы возможность правильно распределить работу, создать правильную организационную сеть.

Я считаю, что музеи должны быть музеями всесоюзного мирового охвата. Они имеют много общих задач методического характера, задач уточнения работы и объединения этой работы и наконец ведения этой общей работы исследовательского характера. Все это наилучшим образом могло бы быть выполнено Ассоциацией центральных гуманитарных музеев. Именно ни какое-нибудь учреждение, стоящее над музеями или вне их, а такая межмузейная организация дала бы возможность музеям планомерно и отчетливо работать. Если бы могли создать такую Ассоциацию центральных музеев, мы получили бы как раз аппарат не ведомственный, не административный, а чисто рабочий аппарат, который наилучшим образом согласовал бы работу и дал бы возможность вести ее наиболее планомерно.

(*л. 377*) ***Плисецкий***

Я коснусь только просветительной работы этнографических музеев. Основной тезис докладов о музейном строительстве заключается в признании, что музеи являются в одинаковой степени научно-исследовательскими учреждениями.

Тезис этот в настоящее время начинает завоевывать право гражданства. Но все же, несмотря на имеющийся в этой области сдвиг, приходится констатировать, что, в общем, музеи еще не в достаточной степени включили себя в общую цепь учреждений, ведущих работу в области политпросвещения. А между тем этнографические музеи, будучи научно-исследовательскими учреждениями, должны занять в этой области почетное место. Это исходный пункт, под знаком которого должно проходить дальнейшее музейное строительство. Обслуживая широкие посетительские массы, в большей части массы мало посвященные в вопросы этнографии, музеи должны перестроиться таким образом, чтобы при затрате минимального количества времени быть понятыми посетителю.

В частности, раньше, чем показать посетителю конкретные темы, необходимо дать ему понятие о культуре в широком смысле слова — понятие о человеке, и среде, и эволюции культуры. Лучшим для этого средством является организация общего отдела, дающим схематичное понятие

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

о смежных с этнографией дисциплинах — антропогеографии, антропологии, а также о структуре человеческого общества и политическом его устройстве. Такой отдел должен быть построен на конкретном материале и ничем не отличаться от остального музея.

Такой отдел не должен, однако, свестись к так называемому «вводному кабинету». Кабинет — это придаток музейного дела. Данный же отдел должен быть органической частью всего музея. Что касается экспонируемых в музее тем, то они до[лжны] быть тесно связаны с современностью и служить целям актуальных задач советского строительства.

Конкретно увязка Этнографического музея должна быть сделана по линии отображения происходящих в быту и хозяйстве сдвигов, содействия поднятию производительных сил страны и отображения пережитков, мешающих строительству.

(*л. 378*) В частности, следует отметить отдельные моменты. 1) Этнографические музеи являются прекрасным средством пропаганды новых(?) задач реконструкции сельского хозяйства. На основе пережитков в земледелии весьма легко построить тему о переходе к повышенным формам земледелия. 2) Весьма важным моментом является помощь кустарю как в деле ознакомления его с улучшенными формами производства и образцов, а так и в деле ознакомления с его продукцией потребителя. Это относится главным образом к районам, где краеведная[1] работа или вовсе отсутствует, или слабо развита. 3) Для СССР, этнически мозаичной страны, национальный вопрос является одним из важнейших, и освещению его должно быть уделено большое место. 4) Строительство нового общества требует от нас, чтобы вопросу раскрепощения женщины и улучшению условий ее труда и быта было уделено максимум внимания. 5) Особо следует фиксировать внимание музеев на вопросе религиозных верований. До сих пор музеи в этой области сделали крайне мало.

Музеям следует учесть, что посещение их рабочими бывает в большинстве случаев однократным. Естественно возникает вопрос о том, чтобы с посетившим музей посетителем не была окончательно порвана связь. При наличии ее она создаст стимул и для повторного посещения музея. Связь эта в первую очередь должна быть установлена через популярные листовки и брошюры по отдельным вопросам постановки лекций в рабочих клубах и т.п. мероприятий.

Музеи только тогда сумеют увязаться с пролетарскими массами, когда последние примут участие в их строительстве. Теперь же целесообразно поставить другой вопрос — о шефстве пролетарских коллективов фабрик и заводов над музеями. Здесь не место спорить о формах такого шефства. Они легко могут быть найдены. В частности, некоторую работу в этом

[1] Краеведческая.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

отношении проделал Музей народоведения, только в таком случае рабочий (да и школьный) коллектив будет смотреть на музей как на нечто свое, как на нечто близкое, так же как он смотрит на свой клуб. Осуществление этого тесно связано со многими частными вопросами, как выделение специальных комнат для отдыха, (*л. 379*) открытие при музеях читален, кино и пр. Но это только частности, которые будут разрешены с разрешением общих намеченных мною вопросов. До тех пор пока основной взгляд на музей как учреждение, призванное обслужить широкие посетительские массы, не будет усвоен всеми без исключения музейными работниками, до тех пор пока научный сотрудник музея не станет и культурно-просветительным работником музея, до тех пор все разговоры о приближении музеев к современности останутся только разговорами, только данью современности и только.

Теперь несколько слов о составе лекторов-руководителей. Мы до сих пор не имеем достаточно квалифицированного и идеологически проверенного кадра. Вопрос этот весьма важный и требует срочного разрешения. Но он относится уже к другому вопросу — вопросу о подготовке смены. Следует надеяться, что новые кадры, в которых мы чувствуем настоятельную нужду, будут созданы. Залогом для этого является та молодежь, представителей которой мы видим на данной конференции и которые должны заменить некоторую часть нашего «актива»

(*л. 380*)

Прения по докладам Соколова и Крыжановского

[Неизвестный оратор]

Я остановлюсь на вопросах, которые мне представляются чрезвычайно важными из вопросов, затронутых обоими докладчиками.

Вопрос первый. Буду говорить в форме тезисов, чтобы не терять напрасно времени. Вследствие целой залежи этнографических коллекций, накапливаемых десятилетиями в наших музеях, необходимо поставить вопрос об отдельных нужных коллекциях для разрешения тех задач, которые нам нужны. Как раз первый тезис тов. Соколова и говорит о наших задачах, также говорит об этом и второй докладчик, с которым согласны все. Исходя из этих задач должна быть построена музейная техника, под которой я понимаю экспедицию, просветительную работу и всякие другие моменты музейной работы. Между тем мы до сих пор этого не наблюдали. До сих пор центральные музеи грешат параллелизмом, в результате которого получается снаряжение экспедиций в те районы, где экспедиции музея уже были раньше. Отсюда залежи коллекций, куда трудно добраться постороннему человеку, который хотел бы поработать на этом материале, точно так же как и самому музейному работнику. Это нужно изжить, и наше

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

совещание должно реально поставить этот вопрос. Второе, что в значительной мере мешает проведению реформе музея, — это не только теснота помещений, но и чисто психологический момент. О нем говорил первый докладчик, а именно — что существует такой разнообразный фетишизм: пусть коллекции будут гнить (не нужно смущаться говорить об этом, так как такие факты есть), пусть будут параллельные коллекции, но мы все-таки будем их накапливать, потому что это коллекции нашего музея и мы не выпустим их за стены нашего музея. Где же здесь обмен с провинциальными музеями? Бывают такие обмены, которые проходят по принципу: охотно дарим, что нам не нужно, но обмена, основанного на том, что важнее для данного музея, — этого у нас нет. Второй докладчик высказал ценную мысль об организации ассоциации музеев. Только с тех пор, когда мы встанем на правильный путь разрешения сложных и важных организационных задач в музейном строительстве, когда разрешение музейных задач выйдет из тиши, из сферы кулуарных, кабинетных разговоров отдельных лиц, а будет это дело предано мировой общественности, только тогда мы будем знать, правильно ли расходуются те крупные средства государства, которые отпускаются на музейное дело, дальше — регистрация.

(*л. 381*) И, наконец, вопрос чисто ленинградского порядка. О нем упоминал первый докладчик, а именно как о желательной увязке деятельности Музея антропологии, этнографии с Русским музеем. Пора сказать вслух то, о чем ведутся потихоньку разговоры: мы подходим к вопросу о слиянии этих двух музеев, необходимость которого диктуется ненормальным их до сих пор положением.

(*л. 382*) ***Черешков***[1]

Тов. Крыжановский в своих тезисах отклонился от прямого ответа на вопрос, который должен был быть сегодня поставлен. В первом тезисе он на вопрос, чем должен являться музей, отвечает, что перед музеем стоит задача собирать и хранить памятники для изучения и использования с просветительной целью. Я считаю, что неправильно ставить вопрос, что есть трехчленная формула, которую никак не перейти и все положения которой одинаковы. Год назад на краеведческой конференции музейные работники определяли музей как научно-исследовательское учреждение. Ныне времена не те, от этой формулы приходится отступить, и поэтому выбирают такую витиеватую формулировку.

Какие задачи стоят перед музеем? Нельзя себе представить, чтобы ни одно из положений, выставленных докладчиком в качестве задачи музея, не являлось доминирующим.

[1] Личность установить не удалось.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Как можно собирать или изучать памятники, не зная, для какой цели, они предназначаются? Что определяет, в конце концов, собирание и изучение памятников? Ведь если мы будем работать, не зная дальнейших перспектив, то можно набрать такие памятники, которые нужно будет сдать в резерв. Если вы будете изучать памятники, не поставив конкретных просветительных задач, вы тоже можете производить работу впустую.

Пора откровенно и определенно поставить вопрос, что музеи являются политико-просветительными учреждениями, это нисколько не умаляет научно-исследовательской работы. Нас, политпросветчиков[1], обычно обвиняют в том, что мы хотим принизить музеи, отнять от них научно-исследовательскую работу. Ничего подобного. Научно-исследовательская работа остается при музеях, но ставятся границы ее собирательской и научно-исследовательской деятельности.

Прав был тов. Данилин, который усомнился в реальности программы, выдвигаемой докладчиком. Недаром докладчики отмахнулись от дела рук своих. Почему они, музейные работники, (*л. 383*) признавая, что их музеи несовершенны, совершенно отошли от них и начали строить какой-то отвлеченный музей, забывая, что их музей нужно только перестроить. Это подчеркивает нам опасность того, что и на этот раз вопрос о перестройке музеев, после этого этнографического парада, будет снова отложен, положен под сукно.

До тех пор пока перед музеями не будет поставлена четка[я] задача, что они являются политико-просветительными учреждениями, вы будете мариновать в портфеле ваши прекрасные проекты, а дело с места не сдвинется.

Второй вопрос — относительно краеведческих музеев. Здесь они выставляются в качестве меньшого брата, которого можно иногда использовать в определенном направлении, можно кое-чему подучить. Но до того, чтобы поставить эти музеи в качестве равноправных учреждений в ряд с музеями этнографическими, мысль этнографов-музееведов не дошла.

Тов. Соколов говорит о том, что музеи в значительной степени еще являются вотчинами и далеки от того, чтобы перераспределять ценности. Почему не пойти дальше и не сделать перераспределения не только между центральными музеями, но и поделиться богатствами с краеведческими музеями.

Мне кажется, что мы должны вменить в обязанность центральным этнографическим музеям вести подготовку и переподготовку музейных работников, краеведов.

---

[1] Политпросвещение — политическое просвещение. Деятельность, связанная с внедрением и массовым распространением политических знаний.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Мне хочется указать на один вопрос, который до сих пор в наших музеях обходился, — этот вопрос об антирелигиозной установке наших экспозиций, вопрос, который политпросвет упорно выдвигал перед этнографическими музеями. И что же вы думаете, пришли хо[т]ь раз этнографические музеи и на помощь политпросвету? Ничего подобного, они считали, что, если этнографический музей пойдет по линии отображения антирелигиозных моментов, это явится принижением науки.

Я считаю, что, если этнографические музеи хотят стать на путь не только отображения быта спокойного, статического, а хотят своими выставками содействовать преображению (*л. 384*) этого быта, они должны отказаться от мысли, что некоторые проблемы, выдвигаемые советской властью как проблемы актуальные, являются ненаучными, что за них не следует драться научным работникам музея.

Еще один вопрос — относительно «вотчины». Я сказал бы, что действительно наши центральные музеи представляют собой феодальные крепости. Я приветствую выступление Соколова, когда он говорил, что нужно развернуть все потенции музея, нужно опереться на молодежь. Но что мы видим на деле? Действительно ли вы опираетесь на эту молодежь? Мы имеем факты, как раз противоречащие этому утверждению. Когда в одном из ленинградских музеев комсомольцы-аспиранты шесть месяцев не допускаются к этой работе, это разве есть ставка на молодые силы? Это есть зажим молодых сил, которые не могут «сметь свое суждение иметь»[1]. Обстановка музеев такова, что там критика рядового, научного работника недопустима.

В нашем Музее этнографии и антропологии научные сотрудники не допускаются в Совет. Юридически ему говорят «пожалуйста», но когда происходит заседание Совета, ему заявляют: «Лучше занимайтесь своим делом — вы в это время нужны в кабинете».

Когда ваш покорный слуга однажды в ячейке позволил себе выступить с критикой одного из руководителей музея, один из ответственных работников не преминул принести на меня жалобу: мы, мол, делаем вам любезность, представляем ваши интересы, а вы критикуете нас. Это разложение сотрудников. Вот как рассматривается критика в музеях! Вы представляете, что если так относятся к критике политпросветработника, ни в какой зависимости не находящегося от музейной работы, то что можно сказать о положении рядового научного работника.

Нужно всячески протестовать против зажима и режима, существующих в музее. Действительно нужно раскрыть форточки, проветрить музеи, и только тогда можно приниматься за новую работу и осуществлять те планы, которые вы намечаете.

Дальше — регистрация.

---

[1] Слова Молчалина из произведения А. С. Грибоедова «Горе от ума» (1824).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

(*л. 385*) ***Шнейдер***[1]

В развитии темы обоих докладов и несколько углубляясь в практику работы, я хотел бы остановиться на двух вопросах. Первый вопрос — о быте музейного работника, о том, как складывается его работа, и второй вопрос — о технике музейного дела. Мне могут возразить, что эти вопросы как будто не совсем относятся к теме настоящего доклада, но я постараюсь доказать, что это вплотную к ним примыкает, особенно первый вопрос — о быте музейного работника. Мне кажется, что он имеет прямое отношение, так как теоретическое предначертание основного плана и проекта только тогда имеет цену, когда оно построено на реальной возможности, когда составлено при учете практического применения в жизни. Посмотрим, как живут музейные работники, как они работают. Тот, кто работает в музее и знает, какая это кропотливая работа и как она велика по своему масштабу: здесь и устройство постоянных фундаментальных выставок, и постоянный переучет укладывающихся в резерв предметов и т. д. Эта работа, с одной стороны, научная, с другой — просветительная, но то, что дает эта выставочная работа, конечно, незначительно. Жизнь требует от нас более широкой просветительной работы, и мы ее делаем: мы читаем лекции в рабочих университетах на специальные темы, делаем доклады, ведем экскурсии и т. д. Хотят ли, чтобы эта работа была качественно высока? Я думаю, конечно, да, но для этого нужны особые условия. Музейный работник должен быть вместе с тем и научным работником. Это уже подчеркивалось в докладах, и я хочу еще больше заострить этот вопрос. Но для этого нужно, чтобы музейный работник имел возможность работать в поле, работать стационарно, он не должен остаться только скупщиком этнографических экспонатов в поле, он должен собирать сведения, не только связанные с собиранием предметов, и не ограничиться изучением материальной культуры. Это истина, которую бы не следовало подчеркивать, если бы не раздавались голоса, об этом говорящие. Часто приходится слышать, что на деле музейный работник занимается вопросами, непосредственно не относящимися к музейным экспонатам, что его дело сводится только к тому, чтобы собирать экспонаты в поле и прицепить к ним этикетку: где говорилось бы о названии предмета, (*л. 386*) его назначении, названии народности и т д. Думаю, что этого мало. Для музейного работника необходимо изучение отдельных народностей вне зависимости от собрания предметов, для того чтобы музейный работник не превратился в музейного техника, оторванного от жизни и науки, чтобы не подрубить то дерево музейно-просветительной работы, которое мы стро[и]м. Конечно, тр[и]виален вопрос о том, нужно ли музейному работнику знать литературу, но посмотрим: может ли он знать и как он это делает, какое время

[1] Личность установить не удалось.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

он посвящает изучению литературы? Он посвящает этому вечернее, а иногда и ночное время. Но много ли времени он этому уделяет? Я скажу, что немного. Ставка музейного работника — 80 рублей, я говорю о младшем музейном работнике. На эту сумму существовать музейный работник не может, не говоря уже о том, что эта ставка не позволяет ему приобретать научную литературу, которая часто бывает ему необходима, он не может просто материально обеспечить себя, и музейный работник должен посвящать вечернее и ночное время на научную работу и изыскивать средства к своему существованию. Это явление совершенно ненормальное. Строитель, когда производит расчеты здания, учитывает крепость материала и ту нагрузку, которая будет на него возложена. И мы должны сказать, что эти расчеты по отношению к музейному работнику сделаны неправильно. Нужно поставить вопрос прямо: сколько дано, столько и отдано. Нас не нужно обвинять в том, что мы не имеем достаточного пафоса в работе. Наоборот, и нам не нужно пояснять, что наше государство находится в тяжелых материальных условиях. Мы это знаем и напрягаем все усилия для продвижения нашей работы вперед, но все же музейный работник — не двужильное (простите за выражение) существо, мы просим немного, а именно: возможности посвящать известное время только научной работе, а не той, которая не имеет к ней никакого отношения.

В технике музейного дела, мне кажется, необходимо обратить внимание на транскрипцию туземных названий, которая производится в музее разнообразно. Одни предметы академической транскрипции, другие имеют латинское название и т.д. Этот вопрос должен быть урегулирован.

(*л. 387*) Дальше: регистрация предметов должна быть более полной. Предмет должен быть связан большими нитями с той средой, из которой он вышел. Здесь иногда раздаются опасения некоторых работников относительно того, что опасно включать в регистрацию, которая находится в музее, полные сведения, боясь, что их работа будет использована как-нибудь. Это заявление совершенно ненормальное, но, может быть, имеет под собой почву в том отношении, что собирание материалов не является простой механической работой, а работой научно-исследовательской, так что здесь надо поставить вопрос об авторском праве, который, может быть, осветят другие докладчики.

Что касается доклада Бориса Георгиевича[1], то я присоединяюсь к нему целиком, но хочу все же сделать возражение. Он говорит, что центральные республиканские музеи не должны обращать внимание на детали. Это неправильно. Центральный музей должен быть сопоставлен с публичной библиотекой, где все должно быть представлено, возможно, полнее. Только в таком случае мы можем иметь материалы для нашего широкого изучения.

[1] Имеется в виду Б. Г. Крыжановский.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Разрешите высказать мнение по поводу положительного отношения к введению культа в выставку восточных славян, которое было проделано Соколовым.

(*л. 388*) ***Богораз***

Я должен внести некоторую поправку в слова предыдущего докладчика по поводу музейного оформления и музейной работы в области антирелигиозной пропаганды. Пять лет тому назад в Музее антропологии и этнографии Академии наук был отобран материал в области религиозной, который потом лег в основу Музея <…> воспроизведения этих предметов для распространения в разных областях СССР, как раз в области оформления религии, значит, одновременно и оформления антирелигиозной пропаганды. Но это возражение вовсе не значит, что я не согласен со многим из того, что говорил предыдущий оратор. Я приветствую, что некоторые фиговые листки, оболочки уже сняты, их нужно было снять рано или поздно. Это совещание этнографов СССР призвано сделать какой-то поворот — движение вперед. И мы надеемся, что оно это сделает. В нашей деловой практике второй день имеется такой прецедент, что один докладчик говорит по программной работе, другой — по исполнению работы. И я в качестве работника трех музеев СССР чувствовал себя в несколько невыгодном положении. Вчера я мог говорить по программе, больше всего по исполнению программы, а что мне сегодня нужно говорить — это несколько труднее. Если взять программу работ, которая была перед нами [с]формулирована докладчиком, развита широко и подробно, то я думаю, что я разделяю эту программу, считаю ее приемлемой, но сделать по поводу этой программы какие бы то ни было частные указания я считаю сейчас несколько излишним, по крайней мере для меня. Это программа будущего, и сейчас намечены только отдельные детали, когда мы ее будем прорабатывать, тогда придет время для той или иной критики тех или иных подробностей.

Здесь первый докладчик говорил, что есть старые и новые музеи. Я скажу, конечно, довольно откровенно, что я работник старого музея, даже старейшего, который существует в СССР, того музея, который существует больше 200 лет, который раньше был Кунсткамерой (здесь кунсткамера употреблялась в виде укора), мы выросли из Петровской Кунсткамеры. Накапливая огромные сокровища коллекций этнографии СССР, бывшей царской России и сокровища всемирные, мы не имели возможности расшириться, (*л. 389*) превратились в музейную или даже какую-то лавку древностей. До [19]25 г. она до половины была завалена вещами, которые там лежали как в сундуках, и только в [19]25 г. советская власть с Академией наук дала нам возможность расшириться. Мы сделали героический подвиг, и я, как участник этого подвига, горжусь, и не ставили тогда вопроса ни о дневной, ни о ночной работе, о быте работника. Я с удовлетворе-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

нием слушал первого докладчика о том, что наш музей в СССР является единым в своем роде, с которым другие музеи не могут, не хотят и не должны соперничать. Несмотря на то что являюсь представителем старого музея <нрзб.> движение вперед, и с этой точки зрения я чрезвычайно приветствую не только доклады, но и ту работу, которая делается в Москве, и наше взаимное отношение Москвы и Ленинграда, которое, как бы мы ни устраняли, все-таки есть: вчера складывалось в одном направлении, сегодня — в другом. Я должен сказать по поводу практической работы, которая ведется в Москве. Я мог бы в дружеской форме сделать ряд замечаний, которые я высказывал и которые были принимаемы здесь во внимание: по поводу, например, художественного оформления музея, по поводу выставки диаграмм, по поводу отдельных фигур и групп, по поводу объяснительных таблиц, экспедиций. (Я вчера говорил, и это относилось ко всем экспедициям), но считаю, что такие частичные указания сейчас излишни, тем более что те поправки по поводу художественного оформления, которые слышались по адресу московского музея, не только несправедливы, но имеют даже некоторое основание в европейском опыте. Первый докладчик ссылался на поездку в Европу. Я сейчас тоже как музейный человек во время моей большой поездки в Европу и Америку осмотрел целый ряд музеев и работал там. 25 лет тому назад я работал в Музее антропологии в Нью-Йорке и первый доклад на конгрессе начал с того, что 25 лет тому назад в этом здании у меня был свой кабинет, а сейчас здесь есть кабинет другого ученого, нашего советского ученого[1]. Я вошел там в сферу работников и видел много хорошего. Там есть обилие коллекций, обилие экспонатов, есть выставка, но там не менее многое из того, что там делается, мы можем сделать иначе, и мы делаем иначе. Например, вопрос (*л. 390*) о диаграмме, который подвергался такой критике в прошлом году, сейчас в главном музее Нью-Йорка (там три больших музея), в Музее натуральной истории, диаграммы применены чрезвычайно широко. У меня с собой есть <нрзб.> снимков этого музея, и есть книжки, которые составляют оформление Вашингтонского музея, где приведены в большом количестве диаграммы, но диаграммы зоологические, они художественны при оформлении зверей, птиц, рыб, но при оформлении людей они недостаточно применяются. В этих музеях человек — до сих пор венец мироздания. В музее Нью-Йорка этнографическая выставка занимает какое-то побочное положение. Я там острил, что в одном и том же зале так, как выставка производится по алфавиту, индейцы выставлены вместе с насекомыми[2].

[1] Имеется в виду *Владимир Ильич Иохельсон* (1855–1937) — российский и американский этнограф. Один из крупнейших специалистов по этнографии юкагиров, алеутов и коряков. Участник Сибиряковской и Джесуповской экспедиций.

[2] В английском языке “Indians”, “insects”.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Я скажу несколько слов по поводу заграничных музеев. Тов. Соколов говорил, что заграничные музеи являются созданием единого жертвователя и повинуются этому жертвователю. Это, конечно, позиция феодальная. В Америке я видел Музей индейца, который посвятил все время и деньги на собирание коллекций и стоит на точке зрения, о которой все высказывались и которую мы отвергаем: что, так как индейская культура погибает, надо скорей нахватать в музей и пусть она погибает. Он набрал огромное количество материала, но выставки настоящей нет, есть лишь первоначальное накопление сокровищ. Он держит музей в крепких руках, и его сотрудники, люди почтенного физического веса, ходят перед ним на цыпочках. Рядом с феодальной формой музея на Западе есть другая чрезвычайно развитая форма — капиталистическая форма музея, который финансируется и направляется безличной акционерной формой капитала. Во главе музея стоит группа <…> из 12–20 человек, которая снабжает его деньгами. (*л. 391*) <…> причем, например, существует такая градация: член-соревнователь платит 5 долларов, член действительный — 10 долл., член почетный — 30 долл., член пожизненный — 100 долл., член пожизненный действительный — 1 тыс. долларов и, наконец, благодетель, который платит 25 тыс. долларов; есть еще вице-благодетель, который платит 10 тыс. долларов.

Я видел провинциального деятеля, который на своих карточках поставил «вице-благодетель» такого-то провинциального музея.

Что касается тростистов[1], то в музеях больших они дают деньги, в провинциальных же музеях бывают странные явления. В Гайе, когда умерло четыре богатых тростиста, пришлось свернуть третью часть музейного состава, и два самых лучших деятеля уехали на Запад, где денег больше. Другой случай был в Монтане, где одна политическая партия сменилась другой. Новая была против разбазаривания денег, музей заперли на ключ, перестали топить, оставили только сторожа, а весь научный состав распустили. Вот какое состояние может быть даже в богатой Америке. Не скажу, чтобы это было для нас особенно завидно. После этого предисловия я перейду к существу дела.

Я уже сказал, что в [19]25 г. мы сделали усилия и превратились в музей. Для того чтобы оценить это по существу, нужно сравнить нас с западноевропейскими или американскими музеями.

Если мы возьмем музей Франции, Трокадеро[2], который был в ужасном состоянии, хотя он не переживал ни разрухи, ни Гражданской войны, который в [19]24 г. имел только одного хранителя и одного суперхранителя профессора Верно[3], который туда никогда не приезжал, где в подземных

[1] Не ясно, кто имеется в виду под словом «тростист» (троцкист?).

[2] Имеется в виду Музей человека в Париже.

[3] Личность установить не удалось.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

помещениях не было даже электрического освещения (когда единственный хранитель провел меня через эти помещении, я натолкнулся на бога и набил себе шишку), то теперь, когда я был в Париже, я застал следующее: старики устранены, и вместо проф. Верно я застал моего друга, известного ученого Ривера[1], который одновременно является и левым социалистом, и синдикалистом. Хотя он человек немолодой (*л. 392*) и несколько иного взгляда, чем мы, но на меня пахнуло новым духом. Он собрал вокруг себя молодых работников и среди них русский ученый В. Федоровский[2], который будет устраивать там большой сибирский зал. Они рассчитывают получить сибирский материал от нас в порядке обмена.

Таким образом, вы видите, что западноевропейские музеи тоже недалеко ушли. Если Берлинский музей стоит впереди нас, то «Трокадеро» остался позади.

Когда я в Америке читал доклад о нашем музейном строительстве, я совершенно явно говорил: нам нужно проделать то-то и то-то.

С другой стороны, я должен сказать, что после того, как мы сделали это великое усилие, движение вперед возможно. Но нашу работу тормозят две вещи, которые от нашей воли не зависят. Во-первых, ужасная теснота. Если мы могли устроить выставку, то магазины совершенно негде устраивать. Наши магазины находятся или на чердаках, где подвергаются опасности пожара (мы постоянно вступаем в столкновения с пожарной властью, которая велит их убрать), или в подвалах, где они подвергаются опасности заплесневеть. Другая причина, мешающая нашей работе, — это та, что наш музей всемирный и должен питаться заграничными экспозициями, а мы их не имеем. Мы собирались устраивать обмен с музеями, но этот обмен нам дает такие коллекции, которые собраны не по нашему плану. У нас целый ряд коллекций, от которых только рожки да ножки.

Я вчера уже говорил, что есть только религия, вооружение, одежда, а производства нет. То, что мы получаем в порядке обмена, можно назвать «вороной за корову», но не нужную «корону». Поэтому наши коллекции стареют, и мы постепенно превращаемся из этнографического явления в археологическо[е].

Если действительно признать, что мы являемся действительно всемирным музеем СССР, то надо сказать, что мы, как в свежем воздухе,

---

[1] Скорее всего, имеется в виду *Риве* (*Rivet*) *Поль* (1876–1958) — французский этнограф, антрополог, языковед. С 1928 г. — профессор Парижского университета и директор Музея человека. В 1940 г. примкнул к Движению Сопротивления во Франции. В 1941 г. эмигрировал в Южную Америку, в 1944 г. вернулся во Францию. Изучал индейцев Америки. Выдвинул гипотезу (большинство специалистов не разделяли ее) о связях австралийцев и мелано-полинезийцев с индейцами Южной Америки и происхождении некоторых групп индейцев из Океании.

[2] Личность установить не удалось.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

нуждаемся в возможности устраивать экспедиции в заграничные области Европы, Азии Африки, Австралии и т.д., куда мы ездили раньше.

(*л. 393*) Я могу с гордостью сказать об экспедиции в Южную Америку, продолжавшуюся с 1914 по 1918 г., устроенную пятью русскими студентами, которые произвели огромную работу[1]. Они, вероятно, сделали бы эту работу всемирного значения, если бы не разразилась война, которая заставила их вернуться и защищать свое Отечество. А ведь эта экспедиция имела только по 800 рублей на человека.

Я выражу пожелание, чтобы нам была дана возможность устроить хотя бы одну примерную экспедицию в заграничные области, — прямо руки чешутся. Если мы сумели показать такие большие результаты нашей работы на севере, то я думаю, что и здесь мы можем достигнуть не меньших результатов. Если мы даже соберем коллекцию среди бушменов и папуасов, то мы и здесь превзойдем заграничных ученых, так как мы пойдем по производственной линии, по той дороге, которую мы сами себе создали под влиянием революции. Учтя уроки революции, мы создадим коллекции, которые будут примерными образцами даже в заграничном масштабе.

Если говорить о том, как перейти от этих программ к практике, в частности нашей ленинградской, то я должен сказать, что в реальных условиях, я вижу только единственную возможность, чтобы эти два музея были так или иначе увязаны и согласованы. Дальше я пока не иду. У меня, может быть, как у человека старого, который лет 40 участвовал в работе Музея антропологии и этнографии, есть сознание, что это самое крупное этнографическое сокровище, которым владеет СССР. И поэтому сокровище это нуждается в бережном отношении. И поэтому вопрос о соединении, укрупнении этого музея должен быть поставлен на очень разумном основании.

Закончу следующим. Я вижу в списке много молодежи наших музеев, той молодежи, которую мы хотим выдвигать. Что значит хотим? Это значит, что мы до сих пор ее не выдвигали. Я приглашаю эту молодежь сказать искренне и откровенно, без фиговых листков, что мы должны сделать, чтобы из нашего старого состояния подняться вверх.

(*л. 394*) ***[Неизвестный оратор]***

Товарищи, предыдущая работа совещания главным своим достижением имела введение этнологии в круг идей советской науки, и ожидалось, что позднейшие прения пойдут под этим новым флагом, особенно по той причине, что в нашей среде имеется большое количество этнологов, которые принимаются сейчас за выкорчевывание своих старых знаний схоластики, за обработку науки по новому методу. Казалось бы, что выявится та

[1] Имеется в виду экспедиция *Федора* (*Теодора*) *Артуровича Фиельструпа* (1889–1933) в Южную Америку.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

реальная обстановка, в которой пребывала наша наука до этого совещания, когда наметился сдвиг. Ведь окончание совещания ознаменуется не тем, что у нас мысль изменится, а тем, что будет большой сдвиг в нашей этнографической среде. Молчание во время прений о реальной обстановке показывает глубокое неблагополучие во всех корнях нашей этнографической работы. Возьму пример из музейной области, что совершенно уместно в данном случае. Можно ли умалчивать о том, что весь сдвиг музеев произойдет благодаря увеличению и развитию роли производсовещаний[1], иначе музеи будут хиреть со всеми пережитками цехового устройства и пропастью между завотделами музеев и рядовыми сотрудниками — ломовыми лошадьми в наших музеях? Эта пропасть, несомненно, останется, если не будет сдвига во всей музейной работе. Когда мы приходим в музей с тем, чтобы научно работать в кабинетах, то видим, что этой возможности нет, потому что ломовая лошадь — музейный сотрудник, часто прекрасный этнолог, выпущенный советской наукой за последние годы, с подковкой на все 4 копыта, — не имеет времени обрабатывать музейные описи, что является главным делом нашего музея. Музейная опись не двигается вперед, так как нет времени для этого у сотрудников и кабинет не может обслуживать человека, который захочет там работать. Сейчас, вместе с переходом на новые рельсы нашей этнографической науки, должны измениться и музеи. Их сборы, обработка сборов экспозиции — все будет подвергнуто переработке с точки зрения нового метода, и мы, полевые работники, принужденные пребывать в отдаленных республиках, не сможем лично участвовать в этом деле, но издали будем следить за успехом по созданию новой работы.

(*л. 395*) ***Шпринцин***[2]

Я хотела бы сказать несколько слов в развитие пожеланий Вл[адимира] Германовича. Б. М. Соколов в своем докладе упомянул о коллективном музейном бытии. Мы такого коллектива не имеем. Мы, молодые научные работники, в музейном строительстве участия не принимаем. Не знаю, как в Москве, но у нас в Ленинграде коллективной работы (под коллективом я разумею всех научных сотрудников музея) нет. Плановая работа музея нам не известна. У нас нет возможности получить квалификацию. Тут говорилось о том, что мы — ломовые лошади. Совершенно верно, у нас в музее есть такая ходячая фраза: «Мы работаем до потери сознания над карточным каталогом». Тов. Шнейдер уже говорил, что надо работать по вечерам, а то времени не хватает. Мы вправе требовать дать нам научную

[1] Производственные совещания.

[2] *Шпринцин Ноэми Григорьевна* (1904–1963) — ассистентка В. Г. Богораза и сотрудница МАЭ. Занималась изучением индейцев Южной Америки.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

квалификацию, а не заставлять сидеть только над техникой музейного дела. Надо копнуть поглубже. Это с одной стороны. С другой стороны, мы, работая в течение ряда лет в музее, знаем только некоторые частицы музейной техники, с которой мы непосредственно соприкасаемся.

Возьмем наболевший у нас в музее вопрос о моли. Этот вопрос обсуждался в Совете — нас туда не допускали. Тут уже говорилось о том, что ходить на заседания мы можем, но все-таки будет лучше, если мы будем сидеть у себя в кабинете.

В сибирском кабинете практикуется дезинфекция, существуют и другие системы, но это в порядке частной осведомленности. Никто никогда не позаботился дать нам указания в общем плановом порядке.

Нужно отметить, что научные советы открыты для научных сотрудников 2-го разряда, тогда, когда там читаются отчетные доклады по экспедициям или на какую-нибудь другую тему, но в повседневной работе музея мы участия не принимаем.

Мне казалось бы, что в резолюциях, которые будут вынесены по этим двум докладам, необходимо поместить пункт (*л. 396*) о возможно большем участии нашем в научной и повседневной работе музея. Это будет осуществлением одного из тезисов Бор[иса] Матв[еевича] о полном коллективном бытии музеев.

Теперь об издательской деятельности музеев. Все наши музеи имеют свои печатные органы (я не касаюсь популярной литературы, путеводителей, брошюрок и т. д.). В большинстве случаев это бывают сборники, не объединенные одной темой. Частично в них печатаются материалы, связанные с музеем, частично же — статьи различного этнографического содержания. Мы должны вынести пожелание, чтобы музеи стремились печатать труды, с одной стороны, по образцу того, как делалось прежде в Русском музее и как сейчас делается в заграничных музеях, то есть чисто формальное описание имеющихся у нас коллекций, мы этого до сих пор не имеем. С другой стороны, должны печататься сборники, которые бы уже не формально, а более широко описывали имеющиеся у нас материалы. Это важно не только для нас, не только для краеведческих учреждений СССР, но для Европы и Америки, так как у нас хранятся такие огромные богатства, которые там совершенно не известны.

Кроме того, такие сборники желательно было бы издавать, так как у нас возникла мысль написать ряд статей в ближайшем сборнике по краевой одежде. Такая комплексная тема чрезвычайно ценна. Она сразу дала бы освещение материала по нескольким материкам, совершенно различных этнических групп, которые ценны каждая сама по себе и которые в общем комплексе могут дать материал для более широких выводов.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

(*л. 397*) ***Панек***[1]

Я хочу коснуться вопроса, который слабо освещен в докладе Б. М. Соколова и Б. Г. Крыжановского, а именно о хранении музейных предметов. В ряде случаев вопрос о хранении этих предметов находится в совершенно катастрофическом положении, и мне хотелось бы внести конкретное предложение. Здесь есть представители отдельных музеев, и было бы хорошо, если бы представители отдельных учреждений выделили бы лиц, компетентных в вопросе консервирования предметов, и создали бы такую комиссию, которая обсудила бы вопрос хранения этих предметов. Нужна также была бы и вторая комиссия по вопросу об этикетаже, чтобы московские и ленинградские товарищи поделились в этих комиссиях знанием и опытом.

(*л. 398*) ***Гаген-Торн***

Мы выступаем организованно, темы между нами распределены, и на мою долю выпало говорить о лабораторной части музейной работы. У нас 3 дня были теоретические разговоры, они, конечно, очень нужны, важны и ценны, но пора подойти к конкретным практическим вопросам. Я буду говорить о тех существеннейших недостатках, которые имеются в наших крупных музеях Ленинграда и Москвы, в вопросе о лабораториях. Лабораторная научная работа является наиболее больным местом наших музеев, но тут в значительной части виноваты не музейные сотрудники, а объективные условия. Главное — это недостаток помещения. Нет никакой возможности организовать лаборатории, кабинеты для научной работы. Это нельзя сразу изменить, но мы должны на конференции вопиять о наших недостатках.

Возьмем Музей народоведения. Там все реформируется, постоянно меняются экспозиции, это, конечно, хорошо. Но новые кабинеты, в которых приходится работать, — это маленькие чердачки, где навалены сундуки, которые являются экспонатами. Наряду с экспонатами оттуда вынимаются старые тряпки. Работа поставлена так, что при самом добром желании, а в Москве постоянно наблюдается величайшая готовность всякому человеку, приехавшему работать, помочь, дать указания, ничего нельзя сделать, так как нет ни регистрации, ни каталогизации, по которой можно было бы легко найти предмет.

В Русском музее в Ленинграде прекрасные окованные сундуки, под тяжестью которых сгибаются 2 сторожа. И в этом — несчастье. Когда приходят люди, не только приезжие, но и более близко связанные с музеем, работники им говорят: «Извините, сторожей нет, сундуки навалены горами,

[1] *Панек Лидия Борисовна* (1896–1984) — советский этнограф. Занималась изучением этнографии русских, алтайцев, но прежде всего Кавказа.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

и подступиться к ним невозможно». Приезжает работник из Москвы, ему говорят: «Сейчас приступиться к сундукам нельзя — ждите месяц».

Сейчас поднят разговор о просветительной работе. Здесь что-то делается. Для научных же работников ничего (*л. 399*) не сделано, и научные работники музеями пользоваться не могут.

Нужно создать лаборатории и кабинеты. В указанных недостатках виноваты, с одной стороны, наше материальное положение, а с другой стороны, наша собственная косность, потому что можно было бы найти и средства, если бы будить и толкать, но это не считается нужным. Считается в порядке вещей, что коллекции лежат, их регистрируют, но кто будет пользоваться этой регистрацией, об этом не думают. Эта регистрация пребывает в списках, которых люди не могут добиться. Прежде всего нужно отвести хотя бы по 2–3 кабинета, где бы можно было получать предметы и их осматривать и иметь возможность их проработать. Кроме того, мы должны выразить пожелание об отпуске специальных средств для научной работы в музеях.

(*л. 400*) ***Никишина***[1]

Все согласны с тем, что Музей должен отражать быт представленных в нем этнических групп. Правда, по меткому выражению Вл[адимира] Гер[мановича], часто по музейному материалу может создаться впечатление, что люди только молятся, наряжаются и дерутся. Но теперь мы это изживаем. Музеи начинают отражать трудовые процессы, но до сих пор в Музеях совершенно не представлены социальные формы быта народностей. На это надо обратить внимание. Это можно сделать при помощи изобразительного материала, чертежей, схем и рисунков. Затем желательно организовать при этнографических музеях по быту народов СССР отдела, отражающего революционные процессы в быту. Музей — хранилище не только уходящего прошлого, но который должен изучать и зафиксировать настоящее революционной эпохи. Создание Отдела, посвященного революции в быту — историческая задача этнографических музеев СССР.

(*л. 401*) ***Феноменов***

Я должен отметить четкость доклада Б. Г. Крыжановского, который осветил не только технику организации музейного дела, но и внес большую четкость в некоторые принципиальные вопросы. Например, применяя в общем положения Преображенского для определения науки, докладчик вносит в это определение существенную поправку, резко проводя границу сверху, через которую нельзя переходить. В этнологическое изучение быт капиталистического общества не входит.

[1] Личность установить не удалось.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Точно так же докладчиком была проведена мысль о том, что нужно в экспозиции переходить на генетический метод. Эта проблема очень трудная, но она, пожалуй, более важна даже, чем музей на воздухе, ибо это связывает нашу музейную работу с основной тезой, данной в первом докладе, что этнография есть наука историческая. У нас пока еще нет исторической экспозиции, и первый опыт Академии наук с выставкой пока еще нельзя признать достаточно удачным. В дальнейшем, может быть, придется пойти по пути создания выставок на исторические темы.

Затем я должен возразить тов. Плисецкому, который считает достаточным ограничиться схемой для музейной работы. Я считаю, что только живой предмет может привлекать внимание, изучение одних схем никому не интересно.

Тов. Черешков высказал мысль, что в докладе Крыжановского есть противоречие между культурно-просветительной и научной работой. Я видел в этом вопросе полный синтез. Я напомню тов. Черешкову, что не так давно, во время коллективной нашей поездки, его «высекла» работница краеведного музея, сказав, что без научной работы они в своей волости не могут строить культурно-просветительной работы. Наконец, я вполне присоединяюсь к заявлениям практических работников о необходимости улучшения их положения. Во время экскурсий мы имели возможность убедиться, что работники уездных музеев поставлены в лучшие условия, чем работники в центральных. А ведь мы должны служить для них примером!

(*л. 402*) ***Толстов***

Прежде всего я должен сказать, что я не согласен с тов. Феноменовым, когда он, возражая тов. Плисецкому, указывал на недопустимость такого схематизма в экспозиции. Я бы даже не назвал это схематизмом. Я считаю, что в нашем построении нового музея мы должны четко учесть психологию посетителя и нашу целевую установку, а именно что в экспозиционной части музей является только просветительным учреждением. Мы должны выдвинуть определенный лозунг, сформулированный и зафиксированный: «Ни одной лишней вещи в экспозиции!»

Затем мы должны отметить еще один вопрос об отсутствии систематического изучения посетителя. Наши этнографические музеи при своей громоздкости, крайней сложности своих экспонатов и той новизне, которую они представляют для впервые приходящего посетителя, должны обратить серьезное внимание на эту сторону вопроса. Это должно быть не только лозунгом, но должно иметь свое определенное организационное оформление. Нужна коллективная работа по изучению посетителя со стороны как экскурсоводов, так и людей, строящих экспозиции, потому что разрыв между ними является недопустимым.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Здесь затрагивался вопрос о краеведческих музеях. Это вопрос чрезвычайно сложный, так как до настоящего времени подвергается дебатам вопрос о краеведческих музеях и об их структуре. Мне кажется все-таки, что особой остроты во взаимоотношениях между центральными и краеведческими музеями нет. Там работа гораздо сложнее, чем здесь, и краеведческие музеи еще сами должны много поработать. Каких-нибудь норм тут ввести нельзя. Но, конечно, увязывать исследовательскую деятельность, вести работу в тесном контакте с краеведными организациями является обязанностью всех центральных музеев. Недопустимым является это колоссальное дублирование работы, эта колоссальная интерференция, вывоз богатств из края без научной (*л. 403*) постановки. Итак, третьим нашим лозунгом является: «Ни одной работы центрального музея, не сконтактированной с музеем краеведческим!» Только при этом условии можно рассчитывать на изжитие существующих столкновений.

Теперь мне хотелось бы отметить один факт, который сейчас всплыл достаточно наглядно, — это то, что в общественном смысле ленинградцы отстали от Москвы, несмотря на то что здесь молодежь гораздо более многочисленна и энергична.

Я позволю себе сослаться на следующие примеры. Я работник не Центрального музея народоведения и не вхожу туда по служебному положению, но в то же время я принимаю участие в работе Ученого совета. Больше того, поскольку я являюсь специалистом по русскому жилищу, меня приглашают читать там доклады на эту тему. Это относится и к целому ряду других работников. Мы видим, как Центральный музей народоведения собирает молодежь. Если мы посмотрим регистрационные листки Ученого совета, то увидим, что молодежь высказывается и обсуждает вопросы наравне со всеми. Если в отношении голосования есть формальные ограничения, то фактически голосуют все, в том числе и практиканты, студенты, которые еще научными работниками не являются. Даже более специальные вопросы работы отделов, обсуждение планов выносятся на широкое рассмотрение. Это доказывает, что Москва шагнула вперед и Ленинграду нужно подтянуться. Нужно прежде всего направить огонь против тех, кто мешает делу, и затем организоваться самим и добиться своего права на участие в этой работе.

Еще пример: в Цент[ральном] музее [н]ародов[едения] создан марксистский семинарий, прорабатывающий вопросы как этнологической, так и музейной работы под углом зрения марксистской методологии. В семинарии 50–60 % не сотрудников Центр[ального] музея [н]арод[оведения]. Из Президиума только председатель и секретарь сотрудники музея.

Нужно взять твердую линию на то, чтобы вливать молодежь как органическую часть в работу музея.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Итак, 4-й лозунг: «Широкая организация молодежи, работающей даже вне пределов музея, вокруг этнографических музеев!»

(*л. 404*) ***Яковлев***

Товарищи, я должен выступить по вопросу, по которому мне здесь выступали, но я беру смелость поднять этот вопрос, так как считаю его чрезвычайно важным для дальнейшей практической работы нашей конференции и подготовки будущего съезда. Здесь говорили о том, что недостаточно разработан метод нашей науки, недостаточно определены границы. Таким образом, мы должны учитывать то, что этнология в дальнейшем может развиваться, если будет проведено широкое размежевание со смежными науками: антропологией, лингвистикой, археологией, с одной стороны, и с другой — мы должны иметь в виду, что необходимо привлечение новых свежих работников и, между прочим, тов. Аптекаря, который выявил здесь свежий подход и избыток энергии, направленной пока на разрушительную работу. Мне кажется, что эту энергию и желание работать в области этнографии мы должны использовать и заставить его работать в положительном смысле. Я предлагаю пополнить состав Президиума настоящей конференции следующими представителями: проф. Бунаком как антропологом, проф. <…> как археологом и тов. Аптекарем. Относительно тов. Аптекаря я должен сказать, что он, правда, является начинающим специалистом по новой теории яфетического языкознания. Эта теория имеет большой интерес, так как вплотную подходит к разрешению этнографической проблемы, и я прошу со вниманием отнестись к этому предложению.

9 апреля 1929 г.
Вечернее заседание

(*л. 406*) ***Козминский***[1]

У меня два вопроса, один из них следующий: в наших музеях собрано колоссальное количество всякого рода экспонатов, масса разнообразного материала. Как указано предыдущим оратором, наше несчастье состоит в том, что в большинстве случаев этот самый материал недостаточно хорошо описан. Наши экспонаты зачастую так описаны: «Сапоги» и все, или «Ложка», и, кончено, ни происхождение, ни способ употребления — ничего не дано. Нам приходится при научной работе сталкиваться с очень большими трудностями: работая по одной какой-нибудь теме, приходится собирать материал, который разбросан по многим музеям. Материал

[1] *Козминский Иван Иванович* — советский этнограф, специалист по языку и культуре тунгусо-маньчжурских народов.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

приходится собирать путем личного наблюдения или путем наблюдения какого-нибудь лица.

Мое предложение сводится к следующему: нужно, во-первых, чтобы все наши описания музеев были достаточно точны, а во-вторых, эти точные музейные описания обязательно нужно напечатать. Сейчас они у нас имеются только в одном экземпляре и написаны от руки. Если описания будут напечатаны, тогда можно будет легче учесть весь материал, который собран в музеях, и легче будет нашим работникам без затраты энергии его использовать.

Второй вопрос — о методах собирания коллекции. Есть один метод отрицательного свойства. Дело в том, что я работаю в Сибирском музее и у нас, в нашем музее, попадается большое количество экспонатов, которые собраны путем воровства. Существует определенное научное воровство, и вот, понимаете ли, человек командируется к той или иной народности в экспедицию. Экспедиция собирает экспонаты таким образом: тихой ночью тихими стопами пробирается и крадет какую-нибудь облюбованную им принадлежность. Это первый способ — личное участие, сам исследователь крадет. И теперь второй способ — чтобы руки не замарать, но получить желаемое, подговариваются некоторые наиболее неустойчивые туземцы, и им дается поручение: (*л. 407*) «Я там заметил то-то и то-то, пожалуйста, укради». Этот способ, я думаю, совершенно не годится, это недопустимо. Это, во-первых, влечет за собой то, что вещь не имеет своего достаточно подробного паспорта. Во-вторых, всякая дальнейшая работа в этом районе для людей, которые поедут в этот район вторично, будет страшно затруднена. Мне самому приходилось встречаться с таким отношением на Амуре. Там были такие случаи, мне прямо заявляли: «Вы мошенники, мы вас знаем». И пришлось долго объяснять и говорить, что там были мошенники, а мы честные люди, мы собираем коллекции честным и законным путем. Нужно поэтому раз и навсегда поставить точку и заявить всем таким недостаточно честным людям, чтобы на будущее таких вещей не было.

Герд

Мне кажется, здесь центральным пунктом доклада нужно выделить так называемые национальные и областные музеи. Об их организации. В связи с национальным объединением вопрос организации национальных музеев, республиканских и областных, сейчас встал как раз очень остро, и от разрешения именно тех принципов, согласно которым будет организован этот музей, зависит и их работа. Я бы очень просил докладчиков, особенно Соколова, уже много работавшего в этом направлении, дать кое-какие указания и выявить какие принципы должны быть положены в основу организации так называемых национальных музеев национальных

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

районов. Мне лично кажется, что при организации национальных музеев нельзя ограничиться только организацией в рамках одной национальности. Здесь должен быть привлечен материал и по другим разным группам. Что касается центрального музея, то при экспозиции нужно обратить внимание в смысле экспонирования отдельных этнографических групп шире, чем это делается сейчас в отдельных музеях. Здесь целый ряд отделов, между прочим, такие отделы (*л. 408*), как духовные, культурная революция и быт, и эти вопросы мало затрагивались в музеях, и посетители большей частью получали впечатление парадности и декоративности.

О последних достижениях. Между прочим Борис Матвеевич говорил, что все образцы должны быть выставлены. Я подчеркиваю, что это должно быть сделано, иначе мы не будем получать полного всестороннего впечатления от этой экспозиции. Здесь также нужно подчеркнуть одно место: это связь музеев с исследовательскими институтами. Об этом вопросе нужно специально говорить. Кроме того, нужно подчеркнуть то, насколько нужно привлекать молодых научных работников к работе в музеях. От этого привлечения будет двойная польза: они прекрасно знают свой народ и, кроме того, быт тех народов, котор[ых] они сами представляют, и еще они могут учиться, как работать и впоследствии, уходя на свои места они могут как раз все это, что они приобрели в работе в центральном музее, перенести на места и развернуть там свою работу.

Аврорин[1]

Я буду говорить по двум вопросам. Один из них — более теоретический, вопрос другой — более практический. Я не совсем согласен со схемой расположения музейного материала в пределах отдельных технических групп, предложенной Б. М. Соколовым. Я не буду повторять ее, потому что думаю, что ее знают, а перейду дальше. Мне кажется, что при расположении материалов нужно начинать прежде всего с занятия данной народности, потому что основное занятие данной народности определяет в довольно сильной степени все остальные этнографические черты данной народности. Затем, после этого, совершенно естественный переход к материальной культуре, социальной и духовной. Это черновая схема. У Соколова отрыв от занятий, средства производства стоят в конце, а может (*л. 409*), я немного не понял. Я думаю, что можно пойти несколько дальше, и мне представляется, что можно было хотя бы попробовать сделать музей по тематическому принципу, не кладя в основу технические группы, а определенную тему. Предположим взять все занятия и по ним развить дальше

[1] *Аврорин Валентин Александрович* (1907–1977) — советский лингвист, член-корреспондент АН СССР, специалист в области тунгусо-маньчжурских языков, в том числе нанайского языка.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

все, что относится к данным занятиям. Мне кажется, что это помогло бы разобраться в общих вопросах этнографии.

Второй вопрос — о музейных экспедициях. Вчера в прениях один из выступавших сказал, что музейные экспедиции, снаряжаемые для сбора музейных экспонатов, не имеют смысла. Мне кажется, что это не верно. Если мы будем смотреть на музеи как на кунсткамеру или сарай, в который складывается все привезенное, тогда, действительно, не стоит. Но если смотреть на музеи как на культурно-просветительные или политико-просветительные центры, тогда экспедиции будут оправдывать свое существование.

Кагаров

Т[овари]щи, я остановлюсь на одном вопросе, который, по моему мнению, здесь, в речах предшествующих ораторов, недостаточно отчетливо освещался, — на вопросе о сравнительных этнографических методах экспозиции этнографических музеев. Дело в том, что большинство музеев в СССР построено на принципах географических. Экспонаты выставляются по отдельным народностям. Между тем посетители желают уловить и общую линию культурного развития человечества вне рамок отдельных национальностей. Такая общая культура остается посетителям музеев неуловимой, если экспозиция придерживается одного лишь принципа географического. Поэтому я полагаю, что центральный этнографический музей должен наряду географическими принципами применять и принципы экспозиции этнографической, причем этот принцип я мыслю себе следующим образом: экспонаты музея выставляются либо по крупным большим (*л. 410*) рубрикам, либо по категориям человеческой культуры, либо по комплексным [схе]мам. Поясню свою мысль конкретным примером. Допустим, перед нами стоит задание дать посетителям музея более или менее четкую картину культуру, ну скажем, охотничьего хозяйства в сравнительно-этнографическом аспекте. Тогда конкретно можно представить себе осуществление сравнительных методов экспозиции. Так, мы располагаем внизу тотемические орудия производства этой эпохи, элементы материальной культуры, жилища, одежды охотника. Далее здесь же, скажем, выше ярусом, в том же самом зале выставляются предметы, иллюстрирующие социальный строй данной эпохи тотемистической культуры, а еще выше идет идеологическая надстройка магического искусства, охотники, рыболовы, охотничьи пляски, маски зверей и т.д. и т.п. Экспонаты выставляются или располагаются на выставочной площади в том порядке, в каком явления развивались последовательно, переходя от одной фазы к другой, причем линии и направления движения указываются стрелками для большей наглядности. Такие попытки создания специальных кабинетов или отделов, строящих свою работу на сравнительных этнографических принципах, делались и делаются сейчас за границей.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Теперь второе. Опытом подобного построения у нас в Союзе является кабинет [в]водный Центрального музея народоведения в Москве и отдел тотемологии, организованный покойным профессором Штернбергом[1] у нас, в Академии наук. Но на деле осуществления этой задачи, именно — создание отдела, котор[ый] должен наглядно рисовать фазу развития человеческой культуры во взаимодействии отдельных ее элементов, так как они срастались на базе экономики, чтобы вот осуществлять это на деле, — встречаются непреодолимые подчас препятствия не только материального характера в смысле недостаточности помещения или средств, но и порядка принципиального, ибо, как это ни странно, в той же замкнутой среде музейных работников (*л. 411*) приходится слушать резкие возражения против осуществления этого дела. А отделы, которые были осуществлены несколько лет назад в Музее антропологии и этнографии, находятся под опасностью и угрозой.

Аптекарь

Уже из выступления молодых музейных ленинградских работников можно сделать вывод, что дальше так работу в области музеев вести, конечно, нельзя. Уже те факты, которые были мне сообщены, свидетельствуют о совершенно ненормальном положении в этом деле, в этой чрезвычайно важной области. И нужно сказать прямо, что это неблагополучие в значительной мере объясняется тем чуждым идеологическим влиянием, которое в этой области еще сильно. Не случайно, что во главе одного из крупнейших ленинградских музеев стоит ученый, позиции которого совершенно не приемлемы для нашей современной марксистской науки, ученый, который является одним из знамен реакции[2]. Мне кажется, что первый шаг для того, чтобы действительно в эту самую атмосферу внести новый элемент советской жизни, состоит в том, чтобы эти люди с чуждым нам идеологическим влиянием, с чуждыми методами были убраны. Нужно по-настоящему расчищать дорогу для молодых советских музейцев, и тогда, возможно, эти старые сундуки, над которыми изгибаются два старика и другие красоты отечественного музея, наверное, отойдут в область предания. Тут приходится констатировать — не случайно выпал этот вопрос — о старых и молодых. Этот вопрос может быть разрешен полностью только тогда, когда будет выполнено то, именно о чем говорил Покровский, когда придет новая смена, и она должна быть не просто молодая в смысле возраста, это момент второстепенный, а в смысле той идеологии, которая

[1] К сожалению, найти информацию о кабинете тотемологии, организованном Штернбергом, мы не смогли.

[2] Не понятно, кто имеется в виду. Скорее всего, речь идет о С. И. Руденко, который в этот период времени подвергался гонениям, а затем и репрессиям.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

в музее является новинкой. Это должны быть марксисты, и музейное дело должно быть двинуто марксистами, только они могут (*л. 412*) проложить путь дальше. Не случайно, что выступавший Б. М. Соколов, который в достаточной мере стоит в стороне от марксизма, он в области исследовательской работы не ограничивается научными моментами, он ставит работу на рельсы марксизма. Так что здесь марксизм не является чем-то внешним, посторонним. Всякая наука, когда она доходит до известной степени развития она не может избежать диалектических обобщений. Если так, то это нужно делать связно. В отношении марксизма тоже дело неблагополучно. Когда тов. Толстов говорил, что у них в Москве имеется марксистско-диалектический семинарий, то нужно сказать, что это нужно поставить под сомнение в отношении марксизма, потому что руководителем этого семинария является Преображенский, относительно марксизма которого печатно высказал сомнение М. Н. Покровский. О московской семинарии свидетельствует тот факт, что она не стоит ни в какой связи ни с марксистскими учреждениями, ни с Коммунистической академией и т.п. Такой марксизм и такие марксистские семинарии имеют определенную цену для всех и для кого угодно, только не для марксистов. Разрешите на этом закончить.

Левин

В докладах и прениях недостаточно был заострен, по-моему, вопрос об экскурсионной работе. Надо сказать, в этом отношении у нас далеко не все благополучно. Например, Музей народоведения обслуживается очень большим кадром экскурсоводов. Только часть из них является музейными руководами[1], а большая часть является со стороны. Это товарищи, которые не всегда располагают достаточными знаниями и которые квалифицированными руководами не являются. Мы должны рассчитывать на них и строить свою работу, ибо при массовой работе мы с основным штатом музейных сотрудников справиться не можем. Должен быть поднят вопрос о квалификации этих экскурсоводов. У нас этот вопрос очередной, и конференция должна вынести принципиальное пожелание о возможно лучшей квалификации (*л. 413*) экскурсоводов, которые являются проводником между нашими научными построениями и музеем собственно и посетителями всех этих вещей.

Второй вопрос — это вопрос об издательстве. Я думаю, что конференция выскажется в пользу того, что такие большие музеи, как Музей народоведения, должны располагать своими печатными органами для того, чтобы научная работа не оставалась в рукописях. Она должна стать общим достоянием. Но, кроме научной литературы, должен быть поставлен вопрос о литературе популярной. Работа здесь состоит в том, чтобы выработать

[1] Так в тексте.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

основной тип такой литературы. В Москве делаются попытки, ленинградцы несколько отличны от наших. Нужно как-нибудь практически договориться о выработке единого типа популярной литературы.

И третий вопрос — это об увязке между музеями Москвы и Ленинграда. У Москвы свои достижения, у Ленинграда — свои. В Москве у нас не так остро обстоит вопрос с молодежью. У нас положение более благополучное, молодежь более втянута в жизнь музея. Для того чтобы эта увязка между музеями Ленинграда и Москвы не осталась просто пожеланием и декларацией, недостаточна увязка руководящего персонала того или другого музея и такие периодические совещания, которые происходят довольно редко. Необходимо распространить на наши русские музеи то, что мы делаем с музеями заграницы. Обмениваемся музейными сотрудниками. Многому надо научиться у нас, но и многому надо учиться там. Именно в такой тесной связи, при которой сотрудники, приезжающие из Москвы, делают свои изыскания в Ленинграде. Тогда можно говорить о достижениях, которые стали лозунгом нашего сегодняшнего заседания.

(*л. 414*) ***Самарин***[1]

Товарищи, в докладах тов. Соколова и Крыжановского было ясно указано, что главными пунктами нашей работы в музеях является научно-исследовательская и научно-публицистская работа. Мне, как работнику музея, хочется указать на следующее, что действительно в наших исканиях, в тех работах, которые мы ведем в музеях, мы вырабатываем те способы, по которым научно-собирательская работа и научно-исследовательская работа должна доходить до рядового зрителя. Мы находим каналы, по которым мы доводим эти научные, исследовательские и собирательские работы до зрителя. Одним из основных способов, о котором уже говорилось, является экспозиция. Именно пересмотр, переработка музейных экспозиций является одной из главных задач на нашем поприще. В нашем московском Музее народоведения, как говорил тов. Соколов, мы проводим новый тематический комплекс населений тех или иных районов. Здесь очень важным является видоизменение существовавших ранее видов и предметов музейного оборудования. Скажу несколько слов о теперешнем оборудовании музея. Раньше в большинстве музеев делались не шкафы, а просто какие-то гробы, так что большинство предметов угробливалось в них, теряли в них свою жизненность. Теперь по тем методам, к которым мы стремимся, необходимо добиваться того, чтобы не делать как раньше, не подходить так, что шкафы раньше были сделаны и к нему подгонялись экспонаты, а, наоборот, чтобы экспонат был самодовлеющим и по экспонату делалось

[1] *Самарин Ю. А.* — этнограф и музеевед. Известен своей брошюрой «Подольские гончары» (1928).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

то или иное оборудование. У нас в Москве было применено создание всевозможных полочек, стеллажей и прочих вещей оборудования, которые на разных плоскостях оттеняли по-разному экспонаты и давали им жизнь. Одним из соответствующих пунктов принадлежности экспоната является этикетаж. Что дает этикетка старая, она дает определенное название, иногда на том же самом языке, но зрителю она ничего не дает: ни занятий, ни места, ни названия предмета. Этикетку надо давать так, чтобы она отображала этот предмет (*л. 415*) в комплексе всех прочих связей со всякими хозяйственными предметами и являлась бы так, чтобы привлекала зрителя. Вряд ли рядовому посетителю музея будет интересно смотреть на предметы той или иной народности, если тут не будет дано кратких и отчетливых сведений о[б] этой народности, поэтому необходимо при каждой экспозиции давать краткую схему, которая определила бы сведения о[б] этой народности, ее географическое положение и т. д. Это вообще необходимо — как бы разъяснение и добавление к музейной экспозиции.

Теперь два слова о следующем. У нас говорилось о детализации и не детализации. Дело в том, что при таких моментах, когда мы выявляем производственный трудовой процесс, кажется очень существенным показывать все детали производства, потому что только на них приходящий зритель может детально ознакомиться с процессами производства. Только тогда мы можем, именно при увязке всех деталей с научно-исследовательской и собирательской работой, считать нашу задачу выполненной.

Маркелов

Товарищи, я работник Центрального музея народоведения в Москве. Я хочу дать справку на сомнения тов. Аптекаря. Он может сомневаться как угодно в нашей марксистской подготовке, но фактически дело обстоит так: во главе этого семинария или руководителем его профессор Преображенский не является, а организован он на принципе руководства и совместной работы с молодежью исключительно. Теперь я позволю себе высказаться по основным вопросам музейной работы. Нечего и говорить, это видно из обоих докладов, что музеи наши за последние десять лет имеют чрезвычайно большие достижения. Главным достижением является то, что музей является прежде всего научно-исследовательским учреждением, но вместе с этим в научно-исследовательской работе музеев существует ряд «но», и здесь об (*л. 416*) этом уже говорилось. Мне хотелось бы еще раз обратить внимание на три вопроса, которые недостаточно разрешены в нашем музейном строительстве до настоящего времени. Из того, что музеи стали научно-исследовательскими учреждениями, вытекает прежде всего то, что экспедиция, я это утверждаю категорически, перестала у нас носить характер простого сбора материала. Я утверждаю, что за все 5 лет моей работы в музее ни одной экспедиции не было сооружено для того, чтобы приоб-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

рести экспонаты. Все они носят научно-исследовательский характер. «Но» заключается в том, что музей не имеет средств для того, чтобы издать материалы, и последнее связано с экспедиционной работой. Конференция должна в свою резолюцию внести, в частности, этот вопрос. Второй недостаток нашей музейной работы, музея как научно-исследовательского учреждения, является то, что у нас в музее недостаточно рационально поставлено дело хранения коллекций, выставленных в зрительных залах. Дело в том, что магазинное хранение является для музея тем же, чем является библиотека для научно-исследовательских учреждений. У нас же дело поставлено так плохо, что не всегда приезжие из Москвы или Ленинграда могут ознакомиться с этим магазинным хранением. Для этого требуется затратить чрезвычайно большую энергию и силу, и иногда физическую силу научного работника. Последний вопрос больной — о нашем музейном строительстве. Как выяснилось из этой конференции, отношение между молодежью и стариками обостренное. В Москве этот вопрос, очевидно, менее больной. Как видно было из выступлений товарищей ленинградцев, этот вопрос особенно ненормален в Ленинграде. Я выражаю уверенность и надежду, что после данной конференции и в Ленинграде должно произойти изменение, но должен сказать товарищам ленинградцам, молодым музейным работникам, что если сами они не возьмут свою судьбу в руки и не постараются улучшить свое положение, то, конечно, они не сделаются равноправными работниками. Я говорю, у нас в Москве этот вопрос не так остро стоит, но нам приходилось слышать здесь жалобы от молодежи ленинградской.

(*л. 417*) ***Чистяков***

Т[овари]щи, я хочу сказать о том, что желательно было бы, чтобы такие крупные музеи, как ленинградский Русский музей и московский Музей народоведения, чтобы они были максимально использованы для политико-просветительной работы и вообще для связи с советской общественностью. В частности желательно для нас педагогов в отношении московского Музея народоведения, чтобы этот музей был бы тесным образом связан с нашей педагогической общественностью, чтобы там не только стихийно проводились школьные экскурсии по заявкам из школ, а чтобы музей установил теснейшую связь в плановом порядке с ними, с педагогическими организациями. В частности, музеи должны вести колоссальную работу по воспитанию школ и антирелигиозному воспитанию. И особенно желательно, чтобы музеи были связаны с фабриками и заводами. Потом я хочу сказать то, что я присоединяюсь к мнению проф. Соколова, что действительно нужно вести коллективную работу, коллективную работу по пересозданию экспозиций, в общем, по реформизму музейного дела. Коллективная работа состоит не в том, чтобы была коллективная

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

работа, но чтобы эта работа была увязана с единой теоретической марксистской мыслью.

Тут, т[овари]щи, говорили, что у них выпущена книга. Эта марксистская книжка будет иметь только в том смысле значение, если там будет единая марксистско-ленинская группа. В частности, что мы имеем в этой книжке, хотя бы доклады тов. Толстова и Преображенского. Доклад тов. Преображенского слишком далеко стоит от марксистско-ленинской идеологии, и доклад тов. Толстова тоже, хотя тов. Толстов и во главе музея, но неизвестно, кто у кого на поводу. Если музей хочет привлечь советскую общественность, использовать школы, фабрики, вести широкую культурную работу, это очень хорошо, но не менее важно, чтобы наш советский музей позаботился о создании твердых марксистско-ленинских кадров нашей молодежи.

(*л. 418*) ***Лебедева***[1]

Музеи культурно-просветительных учреждений и музеи научно-исследовательских институтов — вот два русла, которые были намечены. Если мы посмотрим на реальную жизнь наших музеев, то мне кажется, что эти два направления не совсем равномерно развиваются. У нас не все благополучно с политико-просветительной работой, мы ее только начали, но об этой работе много говорят, много работают, массами издаются циркуляры, инструкции, популярные брошюры. Я хотела остановиться на вопросе о научно-исследовательских институтах. В этом отношении здесь мы больше говорим, чем на самом деле осуществляется. Ведь до сих пор, если смотреть реально, к музейным научным работникам не относятся как следует, к материалам музейным относятся скептически и работу их не считают достаточно достоверной и достаточно ценной. Я хотела остановиться на научной работе, которая должна стать на твердую базу, как и вся культурно-просветительная работа. Остановлюсь на музейной экспедиции. Она осуществляется музеями в большом количестве. Эта отрасль научной работы, пожалуй, больше всего распространилась за последнее время, но она не является достаточно организованной. В музеях эти экспедиции получают небольшое количество экспонатов, не получают подробных и архивных материалов. Организация архивного материала сосредоточена в музеях. Архивный материал не может быть всегда издан, хотя он полезен для дальнейшей проработки. Сейчас ни в одном музее этого нет. Нам следует заботиться об организации архивного материала. С другой стороны, другой тип музейной экспедиции, который приходится признать помимо комплексной экспедиции с целью изучения той или иной отрасли — это

[1] *Лебедева Наталия Ивановна* (1894–1978) — советский этнограф, специалист по этнографии русских и белорусов. Сотрудник Центрального музея народоведения.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

тип контрольной экспедиции. Вот Центральный музей народоведения проводил за последние годы небольшие контрольные поездки. Они диктуются главным образом теми условиями, в которых находится целый ряд старых музеев. Вот эти контрольные поездки с целью датирования тех (*л. 419*) или иных материалов, выясняющих условия этих материалов, — эти мысли очень ценные, и развитие их было бы очень важно для всех музеев, которые имеют большие залежи слабо датируемого материала. Третий тип экспедиции — это поездки для подбора коллекции. В связи с культурно-просветительным походом на тематическую экспедицию других музеев строятся в постепенном развитии отдельные элементы культуры в пределах той или иной темы. Но как ни обширен наш материал, он такой только с внешней стороны, а в проработке получается целый ряд прогалин, пробелов, и поэтому нам трудно построить доступную экспедицию для широкой публики. Вторым вопросом является проработка внутримузейного материала. В этом отношении музейные работники недостаточно хорошо <нрзб.>, ведь они являются музейными техническими работниками; с другой стороны, они ведут большую культурно-просветительную работу. У них не хватает возможности, а у музея не хватает средств для проработки всех громадных залежей материалов.

Теперь последний вопрос. Исходя из этого положения, я желала бы, чтобы в резолюцию нашего совещания была включена постановка научно-исследовательской работы в музеях на твердую научную базу, чтобы она отражалась на музейной внутренней работе.

Родин[1]

Т[овари]щи, не хотел выступать, потому что сегодня только приехал из Саратова. Это первая причина, вторая причина была другая, я не знал, как проводилась работа вашей конференции, но меня заставило выступить одно выступление московского работника. Когда он говорил о нуждах работников центральных музеев, когда он говорил о научной их деятельности, то указал, что провинциальные работники находятся в лучших условиях. Это не так, товарищи, вы не только забыли, собирая конференцию, пригласить провинциальных работников. (*Аплодисменты.*)

Товарищи, если вы всегда устраиваете экспедиции, имея по тысяче рублей и более, то нам, провинциальным работникам, приходится (*л. 420*) совершать экспедиции, имея 20–50 руб. Но мало этого, провинциальные научные работники, они часто забывают, кто они — научные работники или сторожа. Нам приходится собирать материал, заносить в инвентарь, развешивать или расставлять не в шкафы, а прибивать на стенки гвоздями. Т[овари]щи, иногда приходится сдерживать напор массы, которая идет

[1] Личность установить не удалось.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

в музей. Так, например, у нас в прошлое воскресенье в Саратове одному посетителю сломали руку. Зачастую условия, в которых приходится работать провинциальному работнику музея, очень тяжелые. Поэтому я обратился все-таки бы к вам с просьбой в дальнейшем не забывать работников провинциальных музеев, стараться их приглашать на конференции. (Я случайно попал сюда и только в Москве узнал, что здесь идет этнологическая конференция.) Может быть, вы боялись, что спросим у вас деньги на эту поездку, — нет, каждый краевой музей нашел бы средства, чтобы прослушать здесь прения, проследить, в каком направлении прения идут, обсудить все, и тогда он сумел бы в дальнейшей работе освежить свои методы, освежить свою научную жизнь. Нужно сказать, что нужды у нас общие, мы все нуждаемся и в средствах, и в новых методах, и в планах, которые нужно сообща проработать. А поэтому я считаю, что в дальнейшем, когда будет сзываться этнографическая конференция, снова не забыть провинцию. Я это говорю не только от своего имени, но и от имени всех провинциальных работников. Может, вы скажете, что провинциальные работники были на курсах музейных — были, но можно сказать, что курсы эти нас не удовлетворили, они проходили в таком разрезе, что мы не получили того, что нужно, нас в музеях не учили, а читали нам лекции часто люди, которые никогда ни занимались собирательской работой. Так что я призываю к тесной связи, и [от] этого будет польза не только нам, но и вам. Относительно культурно-просветительной работы, вы ее только начинаете, а если вы хотите знать, то у нас она уже давно проходит, массы втянуты, о культпоходе вы слышали. Я вас призываю развивать работу совместно с работниками провинции.

(*л. 421*) ***Никольский***

Т[овари]щи, я начну с указания, что очень надо приветствовать выступление предшествующего товарища. Действительно, нам надо было на наше совещание пригласить представителей провинции. После этого замечания я постараюсь построить свою речь, относящуюся к делу. Я должен упомянуть, что было здесь одно выступление, которое не совсем по адресу было направлено, — это анонимное упоминание об этнографах-ворах. Это нашей конференции, к сожалению, не касается — это дело уголовного розыска, и, как говорится, в семье не без урода, везде это может случиться. Я хотел бы поделится теми соображениями, которое относятся главным образом к молодому немузейному работнику, а работнику в музеях, ибо я начал работать с некоторым предубеждением к русским музеям, а начал работать в музее в последнюю командировку за границу, в [19]28 г. Мне удалось побывать в Берлине и Париже. Я должен сослаться на уважаемого профессора Тан-Богораза, там действительно появились новые веяния. Я должен указать, что там колоссальные материалы — 65–70 тысяч

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

№№ [номеров]. Там я искал коллекцию, нужную мне, и вот, поднимаясь по главной лестнице, я неожиданно споткнулся обо что-то и случайно нашел «Магеллан, Огненная Земля». Мне никто не мог, начиная с молодого работника, никто не мог найти этих огнеземельцев. Нигде, «в “Америке” нет, а они вот на антре[соли] попали», и я должен был притащить громадную лестницу и втягивал в работу технический персонал. Я должен был 6 раз мыть руки, настолько много было пыли. Там сведения в каталогах чрезвычайно краткие и постоянные ошибки в них, так что малоизвестные вещи приходится добывать как жемчужное зерно в груде мусора. Даже в Берлине, где совсем иной порядок, есть неувязки. Поэтому нам не нужно сгущать краски и бояться наших недостатков, я не хочу сказать, что раз у них есть, так и у нас должны быть, нет, я хотел сказать, что в Берлинском музее народоведения имеются неувязки, потому что там штат маленький (*л. 422*), он производит в одно и то же время полевые экспедиции и прорабатывает новый материал и, конечно, не успевает справиться со всем этим. Вот парагвайское племя гокой, исследователем которого является известный американист доктор Снеклядо[1], которого можно назвать рабочей лошадью, который занят невероятно и страшно нагружен, так вот я хочу сказать, что, несмотря на то что доктор Снеклядо проявил изумительную любезность по отношению ко мне, я в течение трех месяцев не могу получить материалов, которые я частью выписал, а частью заказал фотографии с них, потому что в каталогах они значатся, подробно описаны, но найти их в запасных кладовых, где они содержатся в прекрасной немецкой чистоте, никто не мог, возможно, что и не все будут найдены. Так вот тут неувязка. Не следует поэтому бояться недостатков. При условии, если у нас есть железное желание, твердое желание преодолеть их, если мы желаем расти, двигаться, — не следует бояться. Вот мне представляется, что здесь важно прежде всего планомерное движение, и мне представляется, что в этом отношение иллюстрацией может быть на конкретном примере выступавший передо мной оратор, уважаемый докладчик Соколов и уважаемый проф. тов. Кагаров. Здесь мы имеем два плана, и вот, с моей точки зрения, при всем моем уважении к проф. Кагарову, я должен предпочесть первого нашего докладчика. Почему? Потому что, несмотря на то что в смысле терминологии я мог бы поспорить с Борисом Матвеевичем, если так строго [по-]марксистски взять терминологию, то по культуре бытовой я согласен с ним, тогда как в смысле остальном лучше у проф. Кагарова. У него производственная база и все как следует. Я считаю проф. Кагарова одним из тех ученых, который ид[ет] в ногу с общественностью. Я это и говорю, потому что он охотно исправит свои недочеты и ему это полезно. Проф. Кагаров дал альбом по истории религии. Мне было поручено редак-

[1] Личность установить не удалось.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

тировать этот альбом. Вот мы как раз там встретились со схемой мной уважаемого, высокоуважаемого крупнейшего этнолога Штернберга, о котором здесь ученики правильно, конечно, говорили: старик (*л. 423*) умер, и я думаю, что, если бы он был сейчас с нами, он двигался бы тоже с нами. Я хочу сказать, что при своем глубоком уважении к этому этнологу, я должен сказать, что его схема сейчас сильно устарела. В этом альбоме мы встретились с[о] странной формулировкой охотничьего хозяйства. Мне это напоминает то, что здесь многие говорили о техническом хозяйстве, об ареалах. Здесь получается что-то вроде этого, хотя это и охотничье хозяйство. Здесь разбирается, что является для охотника основным — средства ли добывания к жизни или охота как вспомогательное средство? И вот в таких рамках, из этих всех отдельных племен, у которых имеются охотники, и собран материал. Это чисто искусственная схема, тогда как нужен совершенно стихийный марксистский подход. Пусть у него и нет этой терминологии, а в деле подхода уважаемый Борис Матве[евич] исходит из определенных, конкретных общих данных и пытается выяснить способы производства. Я скажу, этот вопрос объясняется технической особенностью восточных славян. Это не важно с марксистской точки зрения, можно снова начать, важно, чтобы было стремление. Эта работа и научна, и показательна и, так сказать, здесь действительная величина. Правда, проф. Кагаров предлагал отметить другое. Он предлагал взять сравнительный этнографический принцип. Можно взять, но не так, как вы берете, а взять оба эти материала и, расположив в порядке, проехаться сквозь. Вот развитие орудий, это очень интересно, или развитие приборов для добывания огня, но учитывая, что каждый предмет, каждая народность исходит из определенной социально-экономической формации, из определенных вариантов этой формации. Что она из себя представляет, это не основное, это показательно, это витрина временная, это, так сказать, летучая демонстрация, это для связи с общественностью. Действительно, может быть, придет человек интересующийся, из рабочей среды и неспециалист, и ему может показаться несколько скучным и неясным, но ему хочется и другое, например, посмотреть и узнать, у него не только этнографический интерес, как, мол, живут, а как вообще появилось (*л. 424*) ружье, как оно развивалось. Нужно и это удовлетворить, и здесь, на этом пути, мы нащупываем синтез и работы научной, и работы просветительной, они даже рядом. В Берлине даже такой принцип признан, хотя он неудачно проводится: имеются залы для выставки, и имеются календари для работы. Вот мне представляется, если мы пойдем объединенным фронтом в массы, в научном направлении и в направлении популяризации, то тогда многое устранится. Прежде всего будет работа плановая, и мы будем лицом к деревне, к городу и к науке, и тогда исчезнут тесные помещения, появятся нормальные сундуки и средства, и когда увидят, что это нужно, то это пойдет. Вот моя мысль.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Яковлева[1]

Товарищи, в течение пяти дней работы конференции мы все время говорили о работе специалистов, о работе людей, которые имеют специальную подготовку, и всецело представили себя этой работе. Но мы совсем забыли о том, что в наших условиях и вообще всегда этнографическая работа является такой работой, где может работать и неспециалист. Вопрос о[б] этнографах любителях, о[б] этнографах-собирателях и исследователях на местах, культурных работниках-неспециалистах здесь совершенно не поднимался. Здесь, конечно, нет надобности разъяснять о том, что этнографы-любители, о которых здесь упоминалось, в капиталистическом обществе совершенно не то, что любители у нас, в условиях широкого советского строительства, широкой советской общественности. И вот об этих местных работниках-этнографах-неспециалистах, которые могут оказать большую поддержку этнографам-специалистам, мы о них забыли. Хотя тов. Толстов и посвятил специальный доклад вопросу об увязке этнографов с культурными, советскими работниками, все-таки он коснулся только формальных моментов о важности увязки работы этнографов с культурными советскими работниками, о (*л. 425*) возможности этой увязки, но о способах увязки, способах вовлечения в работу местных работников тов. Толстов ничего не сказал. Это тем более печально, что тов. Толстов является представителем молодежи, забывает об этой молодежи, о комсомольцах, о молодых исследователях нашей деревни и молодых культурных работниках — педагогах и других. Вот мне хочется на этом моменте главным образом остановиться. Я считаю, что подготовка этих молодых работников, вовлечение их — актуальнейшая задача нашего времени. Но, вовлекая их, нужно как-то подойти к ним, как-то руководить работой этих этнографов-одиночек. Я считаю, что организацию работы должен взять на себя наш этнографический музей, и центральные, и областные. Причем я здесь укажу кратко некоторые организационные формы, в которые эта работа должна влиться. Прежде всего этнографический музей должен выявить всех возможных работников, организовать их, затем установить прочную связь с этнографами-одиночками. Вопрос о подготовке этнографов-любителей должен стать актуальнейшим в работе музея. У нас, в университетских городах, сделать это особенно легко и необходимо. Нужно использовать студентов педагогических вузов, коммунистических вузов соответствующих факультетов, привлекая их к работе в музеях путем семинарской работы, организации семинарий. Нужно, товарищи, указать, что хотя тут и говорилось о необходимости введения этнографии в наших вузах как специального предмета, но это довольно утопическая идея, потому что в условиях нашей чрезвычайно перегрузки планов вузов введение этногра-

[1] Имеется в виду или Н. Ф. Яковлев, или В. И. Яковлева.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

фии невозможно. Поэтому нужно и можно организовать временные семинарии, тематические или предметные, которые должны организованно подготовить этнографов-любителей, этнографов-собирателей и, во-вторых, этнографов-экскурсоводов. Каждый педагог должен уметь провести экскурсию в музей в центре или у себя на месте. Кроме того, я считаю, что те марксистские кружки специалистов, научно-исследовательские кружки, которые намечаются к организации в музеях, должны будут пополнить эти кружки привлечением в них студентов и педагогических, и коммунистических вузов.

(*л. 426*) ***Трояновичˈ***[1]

Я, т[овари]щи, начну с возмутившего меня поступка проф. Никольского об умершем старике Штернберге. Побольше уважения к этому старику. Я думаю, что, если бы он здесь присутствовал живым, вы бы так не выступили. (*Бурные несмолкаемые аплодисменты*.) Разрешите говорить прямо: не надо совать свой нос в те вещи, в которых человек ничего ни понимает.

Крики с мест
Браво, браво.

(*Гром аплодисментов*.)

Крики с мест
Лишите слова.

Никольский
Я не оскорбил проф. Штернберга, это может подтвердить стенограмма.

Председатель Трояновичу
Говорите по существу, в противном случае лишу вас слова.

Троянович
Разрешите перейти к делу. Я считаю, что музеи должны ввести в свое задание следующую вещь — антирелигиозные кабинеты. У нас до сих пор в Русском музее и в музее Академии наук в Ленинграде представлена так называемая высшая религия таким образом: в Китае отдельно, в Индии отдельно, по Сибири представлена в общем, и выделить отдельные моменты, касающиеся высшей религии, нет никаких возможностей. Мы организовали в музеях массовые экспедиции рабочих, детей и служащих. В то же

[1] Личность установить не удалось.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

время мы в этих музеях не имели отдельных кабинетов, комнат, в которых можно было бы организовать антирелигиозные беседы и лекции. Я считаю, что музеям в план своей работы необходимо выделить наряду с высшей религией и низшую религию и организовать антирелигиозные кабинеты. Далее я считаю, было бы необходимо в целях практической работы организовать сводные кабинеты при музеях. В чем будет заключаться задача этих сводных кабинетов? Возьмем такую вещь. У нас материал по социальной культуре и материальной культуре разбросан по музеям, эти предметы не собраны воедино. Необходимо создать при музеях такие кабинеты, в которых было бы в виде диаграмм, в виде иллюстраций предметов проведено вот что: например, по тотемизму. У нас имеется тотемизм австралийский, североамериканский, африканский и др. Предположим, приходит научный сотрудник. Ему (*л. 427*) для того, чтобы раскопать материал, надо рыться целый год в музее. Работу музейных работников и научных работников облегчило бы, если бы все материалы по тотемизму, имеющиеся в музеях, были бы зарегистрированы в определенных папках и сконцентрированы в виде диаграмм или снимков. Приходит научный работник, интересующийся этим вопросом, и знакомится так по папкам со всей работой музея. Это основная мысль. Теперь отвечу об этнографах-любителях. У нас это важно, но этнограф-любитель — непригодное дело. Этнограф — в первую очередь научный работник, и, следовательно, создавать в нашей науке подход к различным оттенкам — это будет вульгаризация науки, но не научная постановка дела.

Никольский

Товарищи, я должен, несмотря на то что демонстративные бурные аплодисменты встретили предшествующего оратора, заявляю, и это <…> может в стенограмме, что я не имел намерения никаким словом оскорблять весьма уважаемого общественного деятеля, ученого, проф. Штернберга, в отношении которого вопрос очень спорный. С другой стороны, я являюсь продолжателем его идеи (хотя и не имел счастья учиться у него), но я защищаю его идею <нрзб.> группового брака. Я ценю его как величину, это, во-первых, а во вторых, я заявляю протест, что председатель не вовремя остановил оратора. У нас идет идеологическая борьба, нас меньшинство, и нельзя переходить к сведению личных счетов.

Золотарев

В прениях говорили не только по существу доклада, сколько говорили о музеях, о том, что наболело у каждого из сталкивающихся с музеем, и по поводу этих заявлений я хотел сказать несколько слов. Мне кажется, что, прежде чем жаловаться (*л. 428*), нужно было анализировать, чем объяснить те печальные обстоятельства, которые заставили выйти довольно органи-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

зованно сюда, распределив роли, и указывать недостатки музеев. Ведь, во-первых, нужно учесть то общеустановленное положение, которым тот или иной музей руководствуется в своей практической деятельности, и сказать: «Вот нехороши эти положения, нужно их изменить». Можно было бы говорить о тех причинах, которые вытекают из природы музея, учреждения громоздкого, сложенного совершенно своеобразно, не то, что исследовательский институт, который опять-таки вызывает целый ряд вытекающих отсюда последствий, и, [про]анализировав это, нужно сказать, вот то-то и то-то надо изменить, то-то и то-то надо сделать. Нужно говорить о специфичности, о состоянии отдельных музеев, которые накопились в данном музее, или какое-нибудь обстоятельство, которое поставило тот или иной музей в особое положение, и тоже анализировать это обстоятельство, можно говорить о том, что кто-то делает зажим, сидит на шее, какой-то человек, который мешает, и от него все недостатки. Нельзя так рассуждать, товарищи, в частности молодые, нужно вдуматься в то положение, в которое музей поставлен предшествующей историей своего развития, и нужно поставить вопрос: что, не музей откликнулся на те требования, которые предъявляет жизнь, за эти десять лет все ли осталось так, как было? Я думаю, по совести нужно сказать, что очень многое изменилось. Здесь говорили о каторжном режиме, о лошадях, все это хорошо, но тов. Никольский сказал, что эти лошади рабочие и в Париже существуют, и где угодно, есть условия, которые создают своеобразное положение. Нужно говорить о том, что нужно устранить и что ввести. Действительно, положение трудное всей этой начинающей молодежи, которая за 65 рублей должна быть этим рабочим скотом, который изо дня в день работает в этой грязи, пыли, в тяжелых условиях беспрерывно, из года в год ведет работу. Так и скажем, что нужно это изменить, нужно принять какие-то меры, но эти меры зависят (*л. 429*) не только от данного учреждения, а от совокупности условий, в которых живут научно-исследовательские учреждения, в том числе и музейные учреждения. В частности, музей, в котором я служу, который находится в руках правления, состоящего из партийных людей, которые в течение ряда лет руководят музеем, принимают все меры. Мы можем сказать, что нужно изменить то или иное положение, но это сразу не сделаешь. И я думаю, что нужно больше анализировать условия, в которых протекает работа, и не огульно, а с фактами в руках, действительно указать на то, какие изменения надо провести в жизнь музейного учреждения.

Кошкин

Я считаю, что сегодняшние прения весьма плодотворны, очень много было вынесено ценных предложений, которые, конечно, в комиссии секретариата при выработке резолюции будут учтены. Я должен отметить вот какое обстоятельство. Сейчас, когда марксизм внедряется во все участки

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

науки и для этого настала пора, чрезвычайно назрел вопрос о том, что и этнографический музей должен стать на марксистскую ногу не только в смысле привлечения марксистов, но и в смысле установки музеев марксизма. Эта сторона дела должна быть отражена в нашей резолюции для того, чтобы через соответствующие организации добиться соответствующих результатов. Второй вопрос, который может быть отмечен, — это о том, что нужно этнографические музеи правильно комплектовать. Как шло комплектование Русского музея — все знают. Присылали людей, ничего общего не имеющих с этнографией, вообще с наукой ничего не имеющих общего. Такие предложения свидетельствуют о том, что вопрос с комплектованием неблагополучен, и в этом отношении в резолюции должен быть в соответствующем порядке отмечен. Я думаю, что очень важно было бы, чтобы наш центральный (*л. 430*) музей как-то установил живую связь с местными краеведческими музеями. Об этом мало говорили. Нужно установить какое-то шефство. Почему, например, центральный музей не может над целым рядом других мелких музеев установить что-то вроде шефства? Он из этого может почерпать большую пользу. Такая живая связь с местными музеями не только зазорна для центрального музея, но и требует моментами исследовательскую и культурно-просветительную работу. Относительно использования этнографов-любителей, конечно, тов. Троянович не прав. Нужно их использовать, но это не значит, что они уже научные работники. Если местные отделы краеведческих музеев дают соответствующие указания, то, конечно, по этим указаниям любой человек может работать. Мы не можем построить марксистскую науку без масс.

Теперь мне думается, следует поставить еще два вопроса, которые чрезвычайно важны. Во-первых, наши музеи не обновлялись со времени начала нашей революции, в некоторых музеях не было не только Октябрьской революции, но и Февральской. В этом отношении мне думается целесообразно поставить перед Главнаукой и соответствующими организациями вопрос об изменении сроков перевыборов научного персонала, так же как в вузах. Наряду с обновлением, которое должно идти, нужно ставить и другой вопрос — о перевыборах на 10- и 7-летний срок, как это практикуется в вузах. Нужно добиться и от Академии наук, и от Главнауки, чтобы четко и ясно указывалось, что в совете музея участвует весь научный персонал, начиная с самого молодого и кончая старого, чтобы не было разрыва между старшим и младшим поколением, для того чтобы не упускать то, что может дать молодежь в это важное дело. И то один из самых основных моментов, которого наша конференция должна добиться.

(*л. 431*) ***Толстов***

Часть прений была направлена на область научно-исследовательской работы. Для нас ясно, что научно-исследовательская работа сейчас не мо-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

жет рассматриваться как независимый отдел работы музея, она должна быть связана со всей культурной работой, и в области научно-исследовательской работы музея мы также должны иметь совершенно четкое объединение тех марксистских явлений, которые имеются в этих музеях.

Я считаю, что, несмотря на то что по адресу семинарий наших раздавались замечания, мне кажется, что они являются началом таким, которое надо продолжать. Я не отрицаю, что там есть целый ряд недостатков и неувязок, что мы слабо связаны с основными марксистскими учреждениями, но во всяком случае мы это выполним и по этой линии и должна идти молодежь остальных музеев. Затем совершенно справедливо указание, что центральные музеи, как в своей экспозиционной работе, так и в исследовательской работе, должны опираться на широкие массы и концентрировать вокруг себя внимание общественности не только в плоскости экспозиции, не только привлечь рабочие организации или интересующихся культурно-просветительной работой музея, но и привлечь широкие массы студенчества, краеведов, связанных с местными музеями для совместной культурной постановки центрального музея работы. В этом отношение связь с краеведческими музеями должна стать, как один из самых основных вопросов. Было еще одно предложение по этому поводу, которое должно стать одним из важнейших пунктов резолюции, — вопрос о том, что отныне все научно-исследовательские предприятия музеев проводились в теснейшем контакте с городскими учреждениями, чтобы каждая экспедиция, направленная на собирание коллекций, не только центральный музей, но и местный[1]. Только тогда, когда будут налажены эти стороны работы, тогда можно будет говорить о том, что распределение коллекций между центральными и местными музеями стоит на достаточно нужной базе.

(*л. 432*) Еще выдвигался вопрос, который совершенно зря пытался смягчить тов. Золотарев. Вопрос этот очень важный. Тов. Аптекарь пытался сравнить то, что в Москве тоже есть много недостатков, с тем положением, которое выявлено выступающими тов. ленинградцами, то мы видим, что здесь надо развернуть самую горячую борьбу по этой линии и совершенно четко нужно сформировать то положение, которое формулировал тов. Кошкин. Во всех организациях, предприятиях, музеях, во всех видах обсуждения научной работы музея должны принять участие молодые работники, и им должна быть обеспечена возможность действительно серьезно заниматься продуктивной работой научно-исследовательской и играть свою роль в общественно-культурной работе музея. Очень мало здесь был отмечен вопрос о плановости работы музея. Мы все прекрасно знаем, что здесь царит индивидуализм и в смысле выбора тем исследования, и в смысле направления исследования, маршрута географических районов исследования и т.д. Здесь

[1] Так в тексте.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

должен быть поставлен вопрос об отчетливом плане работы всех музеев, а не отдельных его функций. Это один вопрос. Второй вопрос, который тоже был затронут в прениях, тоже нужно четко его сформулировать, — это вопрос о параллелизме центральных музеев. Этот вопрос четко должен быть поставлен в нашей резолюции. Мы имели выступление проф. Тан-Богораза относительно того, что он не может поставить резко вопрос о слияние музея Академии наук с Русским музеем. Мы вполне понимаем проф. Тан-Богораза и согласны с тем, что здесь нужно подходить с любовью к этому делу. В действительности мы здесь имеем невероятное дублирование, кое-где колоссальные коллекции лежат в музее под спудом свернутыми только для того, чтобы не говорили, что этот музей дублирует другой или потому что нет помещения. Мы должны положить этому конец. Как этот вопрос будет разрешен — это вопрос другой, но с этим дублированием нужно покончить. И коллекции, лежащие в одном музее под спудом (*л. 433*) и могущие служить в другом, в особенности культурно-просветительной работе, должны быть переведены в другой музей. А лучше будет, если музеи найдут общие организационные формы увязки своей работы. В заключение мне кажется, достаточно выпукло в ряде выступлений ораторов ставился вопрос о связи музеев, как московского и ленинградского. Я уже подчеркнул о работе каждого, но и этот момент в особенности вскрывает доклад тов. Ольденбурга, который должен быть поставлен сейчас. Нужно поставить вопрос о тех выставках, которые вскользь затронул проф. Соколов, о тех выставках, которые могли бы быть в Москве и Ленинграде, которые могли бы выявить весь колоссальный материал и дать чрезвычайно насущное отражение музеев. Мысль о выставке антирелигиозной, которая тоже сквозила в последних выступлениях, мысль о выявлении всего богатства различных музеев и соединении в одну большую выставку, является мыслью, за которую нужно ухватиться и которой можно лучше всего закончить это резюме. Присоединяюсь к словам тов. Кошкина, что мы должны ставить вопрос о том, что мы должны построить эту работу на марксистской базе и рельсах. Мы должны найти конкретные организационные формы, в которых мы могли бы осуществить эту работу.

Соколов. Заключительное слово

Товарищи, я не могу отвечать по всем затронутым здесь пунктам. Председатель облегчил мне задачу тем, что свел основные затронутые здесь вопросы. Я позволю себе остановиться только на некоторых, но предварительно должен констатировать, что эта конференция, безусловно, чрезвычайно много дала всем нам: и старшим, и младшим научным работникам музеев. Лично я рассматриваю, что это просто своего рода экзамен, та самокритика, в которой мы, люди, желающие самым активным образом работать в строительстве музея, безусловно (*л. 434*), нуждаемся. Хочется

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

думать, что этот опыт такого совещания будет у нас постоянно повторяться. Очень много полезного и нужного было высказано, и я должен сказать, что почувствовалось действительно, что музейцы болеют музейным делом, что музей для них очень дорог — это постоянное активное творчество, а не служба. Прекрасна мысль тов. Данилина и ряда других об обмене между музеями коллекциями, а дальше товарищи развивали мысль об обмене живыми людьми. Я очень на этом буду настаивать: откомандировывать научных работников из Ленинграда в Москву и обратно по своей специальности — это в высшей степени полезно и для своей узкой специальности, и для общего музейного дела. Мы должны поставить этот вопрос в резолюцию и поставить в Главнауке, чтобы это было реально осуществлено. Организация ассоциации музеев (затронутая в докладе Бориса Георгиевича, и к ней возвращались некоторые другие). Ассоциация музеев, безусловно, назрела, безусловно, это правильный выход и в целях полного объединения нашей сложной музейной работы.

Искренне и горячо некоторые товарищи затронули вопрос о быте музейных работников. Было бы странно, если бы музейная конференция не знала о том, что жизнь музейных работников тяжела, что быт музейных работников должен привлечь к себе и общественное, и правительственное внимание. Молодые работники не могут совмещать работу, как мы, пожилые, да было бы плохо, если бы они совмещали свою музейную работу, то есть должность, с другими должностями. А музейные работники тоже нуждаются в человеческом существовании. Мы должны признать, что существование музейных работников нищенское. В эту сторону должно быть направлено и общее внимание, и внимание руководящих органов. Я остановлюсь на тех пунктах, которые хотел бы акцентировать. Должен заметить, что я не слышал каких-либо возражений по докладу, это приятно в том отношении, что, значит, есть общая музейная мысль, только в значительной мере были даны поправки очень важные и серьезные.

(*л. 435*) Я должен подчеркнуть слова тов. Шнейдера о том, что нужна регистрация коллекций. Это верно. Я согласен с Н. И. Лебедевой, что нужно образовать в музеях серьезную научную о[б]становку архива. Я бы возразил тов. Черешкову, когда он ставит вопрос так, как можно собирать и изучать папки, не зная, как и для чего их собирать. Тут у нас раньше музейные работники в экспедиции теряли свое время, часто принося во многих отношениях жертву, и собирали неизвестно для чего нужные материалы. Этого теперь больше не бывает. Я бы также возразил против слов тов. Черешкова, когда он говорил, что научной работе в музеях надо восставить границы. Это абсолютно неверно. Если мы будем признавать научную работу и ставить ей границы, то это противоречит всякой логике и это мы не можем допустить. (*Аплодисменты*.) Т[овари]щи, занимающиеся просветительной работой как таковой, должны однако себе серьезно

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

усвоить, что нельзя делать так и признавать такой принцип: есть наука для кого-то, для широких народных трудящихся масс. Наука едина, но способы подачи результатов науки должны быть просто педагогичны. Поэтому исключение, или изъятие, или даже ограничение научной работы в музеях, конечно, самым болезненным образом отразиться на всей просветительной работе. Я не буду говорить много по поводу слов В. Г. Тан-Богораза. Спасибо ему, он установил хороший обычай. Он всегда, бывая в Москве, бывает у нас в заведении. Мы привыкли к его посещениям, мы стали считать его своим человеком, человеком добрым, сведущим и человеком, искренне интересующимся жизнью музеев. Человек он очень зоркий, и остроумный, и зубастый, простите, он очень много иной раз пальцем тыкал нам, и мы его указания принимали и исправляли наши недочеты. Если мы будем друг друга критиковать, то не будет никакой совместной работы. А если мы будем мыслить музейное дело нашим общим делом, то критика здесь только (*л. 436*) полезна. Я бы поддержал мысль Владимира Германовича, чтобы экспедиции за границу русских, советских этнографов были образованы, это, безусловно, нужно, и Советский Союз имеет достаточно исследователей и такие методы, чтобы блеснуть ими и там, где работают западноевропейские ученые.

Теперь относительно тов. Измайловой[1], она говорила о производственных совещаниях. Должен сказать, мы самой жизнью пришли к тому, что у себя в музее многие недостатки нашего музейного механизма могут быть исправлены только тогда, когда весь музей в целом подвергнется всесторонней критики самых мелочей всеми сотрудниками музея. Относительно (простите за выражение, вы сами его употребляли) ломовых лошадей и вьючных животных я должен так сказать и предупредить товарищей: если у нас ломовые лошади есть, то не нужно и молодежи подрастающей становиться, не замечая самим, на ту точку зрения, что не все из нас будут заниматься черновой работой, но ведь и черновой работой надо заниматься, и этот упрек обращать не только к старикам, которые так делают в силу своей занятости и неправильного распределения времени. Я должен сказать, да не посетуют на меня сотрудники, что надо заниматься самовоспитанием, следить за собой, чтобы и в их работе не проскользнула эта опасная нотка. Что нет времени вести научные описания, с этим я согласен, товарищи. Иногда к нам в музеях предъявляются большие требования, и не всегда справедлива бывает критика музея, потому что не всегда видят ту теневую работу в кабинете, в подвале, которая ведется научными сотрудниками не на виду, но работа по описанию — это серьезная работа, и для нее не всегда, к сожалению, достает времени. Об этом мы должны много

[1] В предыдущей части стенограммы имя Измайловой не встречалось. Личность установить не удалось.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

и хорошо подумать. В словах тов. Ширин<…>[1] мы видим хорошую мысль о том, что музей должен давать возможность научной квалификации. Это буквально в тех же самых словах приходится нередко слышать и от тех сотрудников, и в этом мы не всегда даем соответствующие (*л. 437*) благоприятные условия. Вопрос о хранении музейных предметов затруднен некоторыми общими правилами. Естественно, чтобы хорошо использовать музейный материал для просветительных целей, для экспозиций, мы для экспозиций занимаем все залы и уже для хранения, особенно в московской тесноте жилищ, у нас нет нужных помещений, и это должно сказаться на дальнейшем очень плохо. На эту сторону нужно обратить внимание тех органов, которые ассигнуют нам средства.

Затем, правильна и очень мне понравилась мысль, сказанная тем же товарищем, по вопросу хранения и этикетажа. Я бы шире поставил вопрос, если бы было соглашение о совместной работе музеев Москвы и Ленинграда и внутри наших городов, то я бы сказал, что мы расширим эти рамки. Мы должны устраивать периодические совещания. Если не совещания этнологов, как сейчас, а совещания представителей от главных музеев, для того чтобы совместно прорабатывать одни и те же вопросы. Получается страшное нарушение экономии времени и сил. В одном музее этот вопрос прекрасно проработан, зачем же другому музею не использовать этот прекрасный опыт. А этого можно достигнуть только при планомерном участии деловых совещаний в разрешении определенных задач и целого ряда вопросов как теории, так и техники научного дела. Я бы внес это предложение о создании таких периодических совещаний в резолюцию. Тов. Гаген-Торн говорил[а] о ненормальных условиях научно-лабораторных работ внутри музеев. Я должен сказать, что в Москве в музее ЦПО есть лаборатория. Но надо сделать, чтобы в музеях было много лабораторий для проработки соответствующих объектов по разным этнографическим специальностям. В отношении тов. Никитина и организации революционного быта я бы не согласился вот почему: революционный быт не может быть (*л. 438*) выделен как «самосебядовлеющий». Этот революционный быт должен исходить из самой экспозиции, мы бы тогда наглядно видели бы, как этот революционный быт врастал в быт старый и видоизменялся. Только на таком фоне этот революционный быт будет осмыслен и органически понят. Относительно слов тов. Феноменов[а] я разъяснил вопрос насчет схемы. Я бы уже не стал спорить относительно самого экспедиционного вопроса, как к этому подходит тов. Яковлева. Тов. Ильин сказал, что мало уделяется внимания вопросу о краеведческих музеях. Позвольте прямо сказать, откровенно, что краеведы наши не вовлечены в наше совещание,

[1] Фамилия не установлена из-за пропуска. Возможно, что в первой части в фамилии также допущена ошибка в написании.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

как правильно отметил мой ученик и друг тов. Родин. Я должен сказать, что ни один член совещания организационного комитета ни в коем случае не хотел, созывая такое совещание, игнорировать этих работников провинции. Дело в том, что совещание созвано довольно экстренно. И, с другой стороны, важно было сговориться центральным музеям по этим основным вопросам. Наше совещание является преддверием к съезду, и, несомненно, все уверены, что во всей дальнейшей подготовке к этому Этнографическому съезду музеи краеведения займут достойное и высокое место в нашей работе. Относительно того, что музеи недостаточно широко представляют ту или иную народность. Это объясняется тем, что нельзя сразу поехать ко всем народностям и совершить экспедиции. Коллекции теперь совершенно не отвечают тем требованиям и целям, которые мы ставим. Поэтому пробелы огромны. Жить музей стал пять лет тому назад, а 70 лет он существовал в виде Румянцевского музея.

Т[овари]щи, не можем мы напечатать наших научных трудов, не знаю удастся ли найти тут выход конкретный, который мы видим в результате наблюдений над заграничным устройством типографии. Мысль эта очень хорошая, но сумеем ли мы ее в наших материальных условиях осуществить? Мы должны считаться с реальными условиями. Могу ответить тов. Герд относительно (*л. 439*) областных музеев. У меня есть специальный доклад, который я читал по этому вопросу. И я думаю, поскольку мы в стране широко не поставим дело национально-областных музеев, об этом пока говорить не буду, меня это очень отвлекло, и было бы слишком кусочно. Очень приятно, что представители науки приветствовали ту мысль о том, что в наших этнографических музеях надо привлечь те материалы, которые свидетельствуют о первых шагах советской культуры. Я буду считать, что заседание относится положительно к этому.

Относительно тов. Аврорин, он не понял меня. Он предлагает мне начать со средств производства, но это я и делаю, это основная мысль, только способ передвижения я поставил в конце. А в своем докладе сделал оговорку, что это чисто внешнее отступление.

Относительно Кагарова, относительно средств этнографических методов (я, товарищи, выбираю только самое существенное). Я не стал бы по этому вопросу спорить, потому что этот вопрос дискуссионный (так проф. Никольский высказался), но я думаю, что этот принцип средств метода в условном смысле, он должен быть введен, и он введен в наши вводные кабинеты с известными поправками в выработке форм, как известная часть музея, направляющая массы.

Относительно слов тов. Аптекаря я должен сказать, что его замечания касательно общих условий быта и распределения научных сил, в частности вопросы идеологические, — они правильны. Ну относительно московских курсов тов. Аптекарю было отвечено.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Относительно слов тов. Лидина[1], я думаю, что (и Плисецкий говорил о поднятии квалификации экскурсоводов) это чепуха. У вас в Ленинграде на этот счет лучше, у вас строже контроль над ними, а у нас в Москве совсем плохо дело обстоит. Экскурсоводы должны быть посвящены в задачу и смысл выставленных предметов, а то они иногда плетут ужасную чепуху.

Тов. Самарину я хотел сказать, что многие недостатки, товарищи, зависят от того, что нам трудно иметь хорошее музейное оборудование. (*л. 440*) В этом отношении западноевропейские музеи [с] этими прекрасными шкафами да зеркалами отличаются от нас. Но тоже скажу, примерно в Лейпцигском музее я профессору музея сказал как-то: «Прекрасные у вас стекла», а он говорит: «Разве мы могли бы купить, это фирма для рекламы выставила эти стекла с пометкой на стекле от какой это фирмы». Это порядок капиталистический — мы этого сделать не можем.

Теперь относительно замечания тов. Маркелова: нужно издавать этнографический музейный материал, не только экспедиций. Нужно описывать весь материал. Не забывайте, что западноевропейские ученые, да и наши ученые, не могут пользоваться нашим материалом благодаря тому, что он не описан.

В словах тов. Чистякова прозвучала правильная мысль об увязке музеев со школами. Ваши музеи издали специально брошюры применительно к программе школ первой и второй ступеней. Мы выхлопотали, чтобы систематически музеи были введены в школьное преподавание. Директор сделал доклад, проходит месяц, другой, полгода, и все это мертвым-мертво. Далеко не всегда музеи виноваты, а виноваты и те, которые могли бы многое получить от музея. Связь с общественностью. Я должен сказать, что мы единогласно приняли все постановления о введении в состав нашего научного совета не только наших работников-этнографов, но и работников широкой общественности. У нас уже избраны несколько членов ученого совета от самих фабрик и целых фабричных организаций. Мы думаем, что такое непосредственное участие в работе музеев представителей самих масс, для которых музей служит, внесет существенные поправки и конкретные полезные указания. Пока еще не поздно, мы должны сделать прежде ненаучные коллекции научными, и только тогда мы наши залежи в Русском музее, в Академическом, в Музее народоведения, с некоторыми (*л. 441*) поправками, сделаем пригодными для научных исследований.

Проф. Никольский сказал, что надо иметь твердое желание, чтобы двигаться вперед. Он указал на недостатки европейских музеев, но это не должно нас успокаивать, и мы не должны допускать этого в наших музеях.

---

[1] Скорее всего, имеется в виду А. Г. Данилин.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Я приветствую в словах тов. Яковлевой[1] мысль о создании специального семинария при музее. Организация педагогических семинариев при музее — вещь в высшей степени полезная.

С тов. Троянович об организации антирелигиозных кабинетов я бы не согласился, чтобы все эти предметы выделить.

Относительно комплекса. Бытовой реально-общественный комплекс, который в данном случае выделил бы быт той народности или общественной группы, которая представлена, — конечно, такую выставку устроить можно, а также и особый раздел истории религии, но это не должно покрывать собой весь культовый материал, находящийся внутри музея.

Я кончаю предложением тов. Кошкина, которое было всеми одобрено, и его мыслью о правильном комплектовании научных сотрудников и проработке вопроса [о] переподготовке. Все это имеет, безусловно, важное значение.

Теперь позвольте все это закончить личным выражением чувства глубокого удовлетворения по поводу этих плодотворных прений, которые велись. Масса конкретного, полезного указано здесь. Позвольте выразить глубокую уверенность, что эта конференция станет знаменательным днем в истории наших советских музеев. (*Аплодисменты.*)

Крыжановский. *Заключительное слово*

Б[орис] М[атвеевич] за сегодняшний день уже два раза расчистил дорогу мне, что не приходится говорить о деталях, поэтому я на отдельные замечания, на отдельные предложения сейчас не отвечу. Те объяснения, которые я бы хотел дать выступавшим по поводу наших докладов, я мог бы разбить на две части.

(*л. 442*) Первая часть собственно объяснительная, потом полувопросы, которые задавались. Я укажу на те недостатки, которые сейчас мы видим в музее. Я должен сказать, что большинство из них, конечно, справедливы. Когда говорят о некоторых технических улучшениях, как, например, организация специальных лабораторий, как правильная организация хранения, о которой я говорил, как необходимость иметь организованный архив, которого ни в одном музее нет, на это возражать не приходится, эти больные места, конечно, должны быть как можно скорее выправлены. Я хочу только сказать, что музей это знает, и если до сих пор это не было исправлено, то это не потому, что музей не хочет это сделать, а потому, что музей рук для этого дать не мог. Я должен сказать вообще, что те товарищи, которые здесь выступали и которые выражали свое одобрение аплодисментами, они часто выступали и говорили потому так, что они в недостаточной степени

[1] Скорее всего, имеется в виду Н. Ф. Яковлев. См. выше.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

осведомлены, как идет музейная работа, что ее затрудняет и что делает невозможным осуществление тех пожеланий, которые у музейцев есть. И в этом отношении внутренняя организация неодинакова во всех музеях, и те темные стороны, которые выявляются здесь, они с разной силой высказываются в разных учреждениях. Вот, например, говорилось, что описи плохие — это верно, и в том музее, в котором я работаю в настоящее время, описи очень плохие и сделаны кое-как, но я не могу сказать ничего дурного о тех описаниях, которые делаются сейчас, — это готовый научный материал, которым мы имеем возможность оперировать и даже возможно давать их заграничным музеям, как это приходится делать. Правда, пришлось прекратить печатание давно, потому что вы знаете, что финансовыми средствами мы стеснены. Были недостатки, которые были замечены музеем и по возможности ликвидированы. Вопрос относительно группы обслуживания музея — он очень интересен. Знаете, товарищи, музей ведет очень большую работу, о которой вы, может быть, не знаете. Я не заведую этнографическим отделам Русского музея. (*л. 443*) Если бы я перечислил, сколько работников в музее у нас, я бы занял у вас очень много времени. Скажу лишь, что только в течение осени этого года перебывало в музее 11 работников. Я должен сказать, к нашей гордости, что мы связаны с очень многими провинциальными музеями, и сомнения в этом основаны на чисто неверных сведениях. Это, конечно, и провинциальные музеи не отказались подтвердить.

Помощь работникам. Мы помогаем, конечно, насколько можем, но бывает во многих случаях, что никакими силами не заставишь музейного работника раскрыть для вас сундуки или раскатать катки с коврами в марте м[еся]це. Иногда бывают моменты, когда нельзя представить материал. Это нужно принять во внимание, и технические трудности здесь имеют серьезное значение. Работа экскурсоводами и работа с педагогами — это очень серьезный вопрос, в частности, для меня. У нас дело обстоит иначе, чем в Москве. Руководители экскурсий работают долго в музеях. Я знаю, какие большие усилия приходится затрачивать для того, чтобы получить право заниматься этой работой. Если разобраться в недостатках, то все они такие, которые могут быть исправлены без особенного труда. Но руководство экскурсией и подготовка руководов совершенно необходимы для музеев, и как раз теперь, к счастью для нашего музея, мы находимся в тесной связи с руководителями политпросвета, мы приступаем к планомерной работе по развитию этого дела. Работа с педагогами нами велась неоднократно, и уже дважды мы проводили специальные семинарии по ознакомлению с материалами, на основании которых эти педагоги проводили экскурсии со своими школами. Сейчас этот вопрос стал шире. В субботу я делал доклад по этому поводу — об использовании музейного материала в школах и работе с новыми педагогами. Как вы видите, это дело

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

не забыто, и оно у нас сейчас идет, и на будущей неделе мы сможем представить результат нашей работы в Москву. Труднее всего мне говорить (*л. 444*) относительно внутренней организации. Здесь вот К. А. Шнейдер говорил о том тяжелом положении, в котором находятся сотрудники, но это вызывается тем общим положением, которое у нас сложилось в силу трудного положения наших финансов. Я думаю, что, может быть, не совсем правильно рассуждать так, что качество вьючного животного приписывается только младшим сотрудникам. Если вы начнете перебирать персонал музея, то увидите, что в трудные критические минуты мы не самые праздные, потому что в полном смысле во вьючное животное, копающееся во всем этом, превращаются все — до заведующего отделом включительно. Это неизбежно и с этим нельзя ничего делать. Мы не обладаем такими средствами и таким персоналом, чтобы эту работу могли выполнять те, кому это надлежит делать. Но что меня особенно поразило, это лаборатории, в которых сотрудникам приходится прорабатывать материал за границей. К этому мы должны стремиться, и создать такие условия для труда, конечно, необходимо.

Старые и молодые. Может быть, они так наблюдательны, может быть, я действительно не видел такой резкой разницы, такого зажима в музее, и я буду очень рад, если те из сотрудников, которые испытывали такой гнет, скажут об этом, и мы этот вопрос обсудим. Я знаю целый ряд наших музеев, не говорю о наших культурно-просветительных комиссиях, которые собирают большие пленумы. Эти культурно-просветительные комиссии оказывают большое влияние на работу музея, и сотрудники в них также принимают участие. Трения между старыми и молодыми у нас есть, но я рад, что трения, которые бывают у нас, они не раскалывают в такой плоскости — старые и молодые, обычно в другом направлении раскалываются — по одну сторону черты остаются старые и молодые, и по другую сторону старые и молодые, это здоровое явление.

Мне гораздо интереснее, чем давать эти объяснения, остановиться на тех предложениях, которые были сделаны. (*л. 445*) Например, организация антирелигиозного кабинета. Если сейчас существует этот вопрос как вопрос актуальный, почему же в музеях не создаются кабинеты антирелигиозные, которые служили бы поставленной сейчас задаче. Мне кажется, это было бы правильно. Возможно, мы создадим специальную постановку на ту или другую тему. Конечно, не понадобится снимать все предметы с экспозиций. Из материала, который есть в музее, можно выделить достаточное количество предметов, которые можно было бы показать в кабинетах.

Вводные кабинеты. Это серьезная, конечно, и интересная вещь. Вот очень интересно, как поставит это дело Музей народоведения, где делается для него специальный зал. Там будет чрезвычайно интересно посмотреть, как увязывается это дело с общей схемой, которая Б[орисом] М[атвеевичем]

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

проводится. Мне кажется, было бы желательным видеть в музеях этнологии и этнографии, как у них это будет развертываться. Но в музее, который имеет мировой охват, такой кабинет будет иметь особое значение и сыграет большую просветительную роль.

Очень интересно и всячески должно быть приветствуемо предложение относительно организации комиссии для обсуждения таких конкретных вопросов, как вопрос хранения и вопрос об этикетаже, я считаю, что они должны быть приняты нами без всяких оговорок.

Я считаю, что нам надо связать работу музеев и объединить их. Мы до сих пор, живя в одном городе, не можем найти друг друга, не могли увязаться. Сейчас это оказывается более возможным. Что касается слияния музеев, тут я совершенно согласен с В[ладимиром] Г[ерамовичем]. Я не понимаю, почему музеи должны слиться. Существует в Москве Музей центральной области, Музей народоведения. Музей народоведения — мирового охвата, и есть Музей Советского Союза, более подробный. Кажется, совершенно естественный переход от одного музея к другому. Я нисколько ни удивился бы, если бы здесь в Ленинграде был еще музей Северо-Западной области. Постепенная такая детализация. Это логическое развитие той сети, о которой я говорил. Но не в Ленинграде, так в другом месте Ленинградской (*л. 446*) области. Это не имеет значения, но оно займет такое же отношение к нам, как мы занимаем по отношению к Академии наук. Вот что мне было неприятно в сегодняшних прениях. Дело в том, что никто, в сущности говоря, из т[овари]щей выступавших в своих выступлениях не постарались раскритиковать доклады. Они ведь остались не обсуждены, все говорили о недостатках музеев, о том, что существует, но о том, что мы предложили, говорили очень мало. Что же, мы вправе считать, что ваш проект принят, раз критики не было слышно. Мы считаем, что конференция согласна с нашими предложениями, для нас это важно, потому что мы предлагаем решительную, коренную ломку, которую мы хотим проделать с нашими музеями.

Вот тов. Никольский говорил о 70 тысячах номеров в заграничных музеях, у нас их гораздо больше, в нашем музее около 250 тысяч. Ну что же мы пойдем по этому пути, мы готовы и чувствуем себя готовыми, но нам мало того, что вы нас не критиковали, мало, что вы нас одобрили. Нам важно в нашей большой работе, которую мы должны начать и быть уверенными в вашей внимательности и в вашем дружелюбном к нам отношении.

Вот если вы создадите такую обстановку для нашей работы, которая так необходима каждому, кто вступает на трудный путь, и вообще во всякой работе, тогда мы будем вам бесконечно признательны, и я думаю, что в самом недалеком будущем вы сможете увидеть результат нашей работы — проект, который мы сегодня вам предложили. (*Аплодисменты*.)

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Кошкин

Мы все очень устали, и для того, чтобы сократить прения, которые уже и так растянулись, приходится сегодня делать это сообщение. Сообщение или доклад, как угодно назовите, носит информационный характер постольку, поскольку в такой массе вопросов подготовка этнографов в Ленинградском университете неизвестна. Но, конечно, всякий доклад будет носить и принципиальные пункты, по которым придется (*л. 447*) в прениях высказаться. Я вначале хочу дать маленькую историческую справку о том, каким образом и когда создалось этнографическое отделение Ленинградского государственного университета. Это было в 1918 г., когда был создан Географический институт, в котором впервые в порядке преподавания в СССР ставилась этнография. В дальнейшем, в первых стадиях существования Географического института, преподавание этнографического воспитания не было дифференциально, когда студент мог выбирать несколько этнологических или этнографических предметов по его усмотрению. В дальнейшем оказалось, что такое положение не дает достаточного эффекта, и в конце [19]18 г. был создан особый этнографический факультет Географического института. Следовательно, началом этого дела можно считать [19]18 г. Исключительную роль в организации первого этнографического образования у нас в СССР играл Штернберг, эта исключительная личность и в научном, и политико-революционном смысле человек. Я думаю, что постольку, поскольку мы знаем его заслуги по созданию первой этнографической школы, мне кажется, что нужно почтить память этого великого ученого деятеля вставанием. (*Все встают*.)

В 1926 г. весь Географический институт, в том числе и этнографический факультет, был передан в Ленинградский государственный университет, где этнографический факультет стал этнографическим отделением Ленинградского университета. В таком виде этнографическое отделение и пребывает до сих пор. Это первый вопрос. Вторая справка очень важная вот в каком смысле — в том смысле, что начинается регулироваться и устанавливаться учебный план. Я отметил, что в начале [19]18 г. учебный план был общим с географическим, был только целый ряд предметов по выбору, которые могли брать студенты-этнографы по основным специальностям. Потом, в [19]18 г., когда делился основной факультет, в составление отдельного учебного плана для этнографического факультета; что же мы видим в этом учебном плане: (*л. 448*) мы видим большое применение, около 60 %, биологических и географических дисциплин, и остальные — социально-экономические и этнографические. Это свидетельствует о том, что это учреждение не придавало большой важности делу этнографического воспитания, сам факультет не был достаточно силен, что бы суметь забрать себе достаточно места в общей системе института. Только с [19]25 г. была проведена соответствующая реформа учебного плана. Были увели-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

чены социально-экономические, также и другие предметы, был введен исторический материализм и целый ряд других предметов, а также усилено преподавание самой этнографии. И значит, только с [19]25 г. в достаточной степени могли развить наше этнографическое образование. Это несколько предварительных справок, теперь я приступлю к обрисовке структуры нашего этнографического отделения. Оно делится структурно на 8 циклов. Эти 8 циклов последовательно соответствуют восьми этническим группам СССР. Здесь значит существуют следующие: восточнославянский, финн-угро-самоедский, турецкий, монгольский, тунгусо-маньчжурский, пале[о]азиатский, кавказский и иранский. Таким образом, мы видим, что основные этнические группы нашего Союза представлены этими циклами. Это с одной стороны. С другой — вы видите, что здесь взят только СССР и этот отдел лежит в основе этнографического отделения. Сейчас, во-первых, практически необходимо больше изучать этнические культуры СССР — это с одной стороны, а с другой — циклолизация[1] в смысле преподавательских сил этнографического отделения. Особо выделить в этих циклах следует тунгусо-маньчжурскую, финн-угро-самоедскую, пале[о]азиатскую секции. Изучение тунгусских народов, и самоедских, и уг[о]рских, и пале[о]азиатских впервые поставлено на этнографическом отделении нашего ЛГУ. Там впервые преподавание ведется на тунгусском, самоедском и других языках. В этом отношении нужно сказать, что северная часть этих циклов — наша гордость. Из других циклов наиболее сильно представлен восточнославянский, турецкий. Вот в последнее время и иранский цикл. Вот (*л. 449*) те наши основные циклы, в которых проводится наша основная работа. В чем же заключается деление на циклы, циклолизация? Она заключается в том, что студенты начиная со второго курса, кроме общего этнографического образования и различных социолого-экономических дисциплин, могут получать преподавание отдельных дисциплин, позволяющих им изучить какую-либо из этнических групп СССР. Таким образом, по каждому циклу предполагается прохождение этнографии данной этнической группы, языка, истории культуры, истории религии, и из практических дисциплин — советское строительство применительно к циклам и эконом[ическая] география по районам. Таким образом, я конкретизирую, если допустим иранский цикл, то, значит, это цикл, кроме этнографии иранского народа, истории культуры иранских народов, религий, господствующих среди основных иранских народов, кроме всего этого, изучается советское строительство применительно к Кавказу или Средней Азии в зависимости от того, куда студент поедет по окончании, и экономическая география или Кавказа, или Средней Азии. Таким образом, целая серия предметов, которые мы все больше углубляем,

[1] Так в тексте.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

чтобы дать действительного этнографа в том смысле, чтобы они могли быть использованы в достаточной степени по своим знаниям как в практической, так и в теоретической работе. Один курс, который нам не удалось до сих пор поставить, что является очень большим дефектом, — это обычное право. Всем нам известно, какое исключительное место занимает право в так называемом малокультурном или «малоцивилизованном» (в кавычках) народе. Мы ничего не можем сделать, потому что в смысле преподавательских сил мы не можем подобрать соответствующих кандидатур.

Теперь дальше я остановлюсь на целевой установке. Этнографическое отделение ставит своей задачей подготовку лиц, в достаточной степени изучивших отдельные этнические (*л. 450*) группы СССР, а также в достаточной степени ознакомленных с общими этническими дисциплинами и социологическими методами. Использование этих этнографов мыслится следующим образом: у нас для этого есть особый курс, который дает возможность усиления этой специальности в области сов[етского] строительства в качестве уполномоченных нацмен. И Комитет Севера и т.д. В этой области подготовки необходимых работников, знакомых с этнографией, в достаточной степени вооруженных материалом и общими этническими познаниями, в этом отношении работников сов[етского] строительства у нас имеется достаточно. Целая серия этнографов, даже не окончивших этнографического отделения, в настоящий момент работают в Сибири и Средней Азии. В особенности много их в Сибири, они работают по линии уполномочия и как члены комитета исследования. Мы достигли такого положения, что много студентов по этой специальности мы не можем дать, у нас недостаток людей по этой специальности. Эту специальность мы всячески поощряем и считаем самой главной. Вторая специальность, по которой наши студенты работают, — это антирелигиозная пропаганда. Раньше чуждались этого термина, и когда впервые поставили этот вопрос в Профобре[1], то там посчитали, что это неудобное наименование, но когда мы его ввели, то оказалось, что это самое главное и существенное. Этнограф, который в достаточной степени знаком и с историей религии, знаком с религией отдельных групп малых народностей, он неоценимый работник на местах. Мы знаем, такое искривление этой линии проводится в некоторых областях, например в мусульманской и т.п., где человек не знаком с пониманием дела как следует. Это вторая специальность. Третья специальность — это музееведы и краеведы. Здесь были большие достижения. У нас имеется ряд музеев республиканского значения, сотрудники которых уже подготовлены, кроме того, мы ставим установку на подготовку краеведов для создания культурных баз малых народностей (*л. 451*) Сибири. Там организовались так называемые культурные базы, то есть примитивные

[1] Управление профессионального образования.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

города, и для научной работы в этих городах существуют специальные должности краеведов, которые мы заполняем нашими студентами. Четвертая специальность — это практическое приложение этнографического образования — преподавание этнографии в национальных техникумах и педагогических институтах. Теперь, когда развитие нац[иональных] языков приобретает решающую роль, мы считаем, что наш уклон преподавания этнографии в соответствующих технических группах вообще, в технических и педагогических институтах и рабфаках — дело очень важное. И пятый наш уклон — это специальность по [д]емографии. Мы ставим своей задачей подготовить статистически образованного этнографа для того, чтобы он работал в наших статистических отделениях. Опыт Всесоюзной переписи показал с достаточной ясностью, могут случаться такие ляпсусы, которые были при переписи в смысле смешения народов. И шестая специальность, которая недостаточно оформлена, и сейчас проводится ее оформление: <нрзб.> мы мыслим подготовку культурных работников в районах наиболее отсталых в культурном отношении народностей. Это тот разрез, которым мы мыслим подготовить этнографа. Он должен быть теоретически подготовлен, но практически должен работать в какой-либо из этих частей, мы не мыслим, чтобы мы имели только этнографа-теоретика, — мы это отрицаем. Если отдельные лица из них пойдут по научной линии, что является совершенно естественным, конечно, препятствий не будет в этом отношении, но установку основную мы сводим на подготовку тех работников, которые должны быть использованы нашим сов[етским] строительством. Вот дальше. В соответствии с нашей целевой установкой и делением на циклы мы ставим перед нашим преподаванием четыре основных момента. Во-первых, овладевание социологической методологии. В этом отношении было очень трудно в этнографическом отделении. Только сейчас мы мало-мальски сумели привлечь в достаточной степени интеллигентские силы, в частности проф. Тингерт[1], который (*л. 452*) ведет у нас самый ответственный курс в общем курсе этнографии. Мы можем говорить, что достижения в этой области имеются и что мы эти достижения должны расширять и углублять. Во-вторых, изучение этнических групп не только по литературе, но обучение в поле. Мы считаем, что ни один этнограф, окончивший этнографическое отделение, не может быть хорошим этнографом, если он не побывает в поле. Это вторая установка. И третья установка — обязательное изучение языка той народности, которую этнограф думает изучать. Если он хочет специализироваться по турецкой этнографии, то он должен изучить какой-нибудь из турецких языков. И четвертый основной принцип нашего учебного плана — это то, что мы требуем от студентов изучения не только этнических групп, но желательно,

[1] Личность установить не удалось.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

чтобы они приложили свои силы для поднятия на высшую ступень той этнической группы, которую они изучают. Вот это четыре основные принципиальные установки, и в этом отношении мы можем говорить о некотором своеобразии этнографической школы в Ленинграде. Что же касается учебного плана, то он утвержден ГУСом в [19]26 г. Сейчас он перерабатывается в смысле уточнения и приспособления к непрерывной производственной практике, о которой я буду специально говорить. Возможно сокращение многих предметов и, конечно, усиление социолого-экономических дисциплин. Насколько трудно бороться в этнографической области с идеалистическими проявлениями, чтобы это показать, я приведу такую цитату. Есть известный этнограф Широкогоров[1], он издал книгу «Этнос», и в ней он определяет задачи этнографа следующим образом: «Этнограф изучает проявление умственной и психической деятельности человека, то есть его материальную культуру, то есть его знание в области строительн[ого] искусства, одежды и т.д. Во-вторых, его социальную культуру, то есть организацию общества. В-третьих, его духовную культуру, то есть религию, философию. Следовательно, этнограф изучает (*л. 453*) материальную культуру, социально-экономические условия и религию. Формы всего этого возникли на этнографической базе»[2]. Я привел эту цитату для того, чтобы показать, насколько трудно бороться с такими проявлениями антинаучными. В этом отношении мы сделали очень многое, но можно пожелать, чтобы в дальнейшем было еще больше.

Теперь учебный год этнографического отделения состоит из трех триместров, в этом особенность различия нашей постановки обучения. Два триместра — зимние и один — летний. В зимние триместры проходят основные теоретические и практические дисциплины, причем в качестве лабораторий используется наш музей. Летний триместр посвящен работе в поле. При университете есть школа в Саблине[3], куда летом посылают наших студентов. Это первое лето. Второе лето посвящено военным сборам, а в третье лето от каждого студента требуется, чтобы он поехал в экскурсию

[1] *Широкогоров Сергей Михайлович* (史祿國; *Shi Luguo*; 1887–1939) — русский и китайский антрополог. Автор теории этноса и психоментального комплекса. Специалист по этнографии, языку, археологии и физической антропологии тунгусо-маньчжурских народов.

[2] Точная цитата: «Имея объектом наблюдения этнос, этнография изучает все проявления умственной и психической деятельности человека, то есть 1) его материальную культуру, то есть всю сумму знаний в области строительного искусства, одежды, питания и т.д.; 2) его социальную культуру, то есть организацию общества — государства — и его органов, как семья, род и т.п.; 3) его духовную культуру, то есть религию, науку, философию и эстетическое искусство» (*Широкогоров С. М.* Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. М., 2010. С. 18).

[3] *Саблино* — железнодорожная станция на московском направлении Санкт-Петербургского отделения Октябрьской железной дороги. Располагается в поселке Ульяновка Тосненского района Ленинградской области, на правом берегу реки Саблинки.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

в область той народности, которую он изучает. Четвертое лето у нас целиком вместе с годом проходит (которые мы не могли развернуть на все сто процентов по нашим финансовым соображениям) в так называемых экспедициях в масштабе этнографического года. Мы считаем, что студент перед тем, как он будет защищать дипломный проект, если он изучает сибирскую народность или другие наиболее трудно поддающиеся изучению, должен прожить полтора года и проработать среди этой народности. И потом на основе этого материала писать свой проект. Это характерная черта, которую мы всеми силами проводим.

Теперь для того, чтобы студента в достаточной степени, кроме теоретических дисциплин, подготовить соответствующе этнографии для важной работы, мы также особенно большое внимание обращаем на дисциплины технических моментов. У нас хорошо поставлено изучение топографии, рисования, а также мы вводим киносъемку, потому что мы считаем, что если этнограф поехал в поле, он должен уметь заснять. С другой стороны, фотография и зарисовка, техническое воспроизводство, которое очень важно для этнографа, а также киносъемочное (*л. 454*) дело мы считаем очень важным в нашем научном плане, и эти технические предметы теперь введены. Курс обучения на этнографическом отделении — 4 года.

Теперь я хотел еще остановиться на втором моменте — на так называемой производственной практике. Нужно вам сказать, что этнографическое отделение Ленинградского университета приступило к выполнению производственной практики, тогда когда мы знаем, что в этом году отпущены средства только на технические вузы. Мы приступили к проведению практики по двум основным разрезам: по работе уполномоченных по нацменьшинствам по исполкомам и райисполкомам, по советской линии, а по линии музейной — в национальных музеях.

Вторая основная специальность включена в план непрерывной производственной практики с этого года. В будущем году мы будем это дело расширять. Для того чтобы иметь возможность посылать студентов на этнографические экскурсии, у нас существует основной экскурсионный фонд в количестве в 5 000 руб. Вот эти пять тысяч рублей, которые дают возможность каждое лето хотя ограниченное количество, но человек 60, а иногда и больше, посылать на экскурсии, это завоевано благодаря Влад[имиру] Герм[ановичу], который выхлопотал специальным переводом от Рыкова[1], когда тот был председателем ВСНА[2]. Это большое <нрзб.> в наших руках, мы сможем кое-что на это сделать.

---

[1] Скорее всего, имеется в виде *Рыков Алексей Иванович* (1881–1838) — советский политический и государственный деятель, народный комиссар внутренних дел РСФСР (1917), председатель СНК СССР (1924–1930) и одновременно СНК РСФСР (1924–1929).

[2] Видимо, опечатка. Имеется в виду ВСНК — Всесоюзный совет народных комиссаров, аналог современного Правительства РФ.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Теперь о преподавательской схеме. Мы все время занимались работой в двух направлениях. С одной стороны, привлечение наиболее подготовленных этнографически лиц, с другой стороны, привлечение соответствующих марксистских лиц. В этих двух направлениях мы кое-чего достигли. Мы почти всех тех, которые могут поехать в Ленинград, привлекли к нашей работе преподавания, и если сравнить, что было в [19]18 г. и что сейчас есть в смысле преподавания, видно, что мы кое-чего достигли. С другой стороны, мы добились того, что среди преподавательского персонала у нас есть члены партии (*л. 455*) и комсомольц[ы], так что в этом отношении у нас есть достижения, которые мы стараемся углубить (в смысле организационных условий). Я должен заметить, что начиная с [19]18 г. председателем этнографического факультета был проф. Штернберг, а после него начиная и до сих пор — В. Г. Тан-Богораз. В[ладимир] Г[ерманович] идет всячески на встречу тем насущным потребностям, которые ставятся этнографическому отделению. Я считаю необходимым отметить это, поскольку это факт, который чрезвычайно облегчает работу на этнографическом отделении.

Теперь о дипломных работах. У нас, как известно, существует защита дипломного проекта начиная с [19]27 г. В [19]27 г. защищало 3 человека дипломный проект, в [19]28 г. — 7 человек, следовательно, у нас всего до настоящего времени защитили проекты 10 человек. Какие же основные выводы из защиты этих дипломных проектов можно сделать? Основные выводы следующие: во-первых, что эти проекты построены на полевом материале, то есть на том материале, который человек собственным трудом достиг. Во-вторых, они технически чрезвычайно удачно оформлены. Некоторые работы печатные, некоторые — рукописные. Из недостатков, которые нужно в дипломных проектах отметить, это ту некоторую методическую немощь. Это пережитки того времени, когда социолого-экономические дисциплины не стояли на должном месте. Человек писал тогда, когда не было перелома в учебном плане, когда не были поставлены эти дисциплины. Квалификационная комиссия под председательством академика Самойловича[1] вынесла решение о том, что надо на эту сторону обратить особое внимание. Мы принимаем все меры к тому, чтобы дальнейшие наши дипломные работы улучшились. Вот таким образом то, что требуется от наших дипломных проектов.

Я заканчиваю, если будут вопросы, можно будет дополнительно ответить. Я хотел зафиксировать те основные моменты и выводы, которые

[1] Видимо, имеется в виду *Александр Николаевич Самойлович* (1880–1938) — выдающийся советский тюрколог. В 1920 г. — преподаватель восточного отделения Академии Генерального штаба Красной армии, в 1922–1925 гг. — ректор Центрального института живых восточных языков в Ленинграде, в 1929–1933 гг. — академик-секретарь Отделения гуманитарных наук АН СССР, в 1934–1937 гг. — директор Института востоковедения АН СССР.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

стоят перед нами. Это, во-первых, уточнение нашего учебного плана в смысле разграничения между (*л. 456*) этнографически-социолого-экономическими дисциплинами и максимальным ограничением тех дисциплин, которые в плане преподавания не так высоки. Второе — у нас задача усиления марксистско-идеологического преподавания. Мы его проводим, но в дальнейшем надо его усилить и углубить. В-третьих, увеличение числа аспирантов. У нас из 7 аспирантов: 4 члена партии и комсомолец, такой процент, который почти ни в каких специальных учебных заведениях не имеется. Но вместе с тем мы считаем необходимым увеличить число аспирантов, чтобы подготовить достойную смену нашей профессуре и преподавателям. Четвертый момент, который чрезвычайно важен, — это увеличение экскурсионного фонда — он недостаточен. Пятое — это усиление приема лиц из национальных меньшинств. В этом отношении Главпросвет[1] недостаточно в этом участвует. В прошлом году прислал на этнографическое отделение одного представителя-карела, тогда когда мы главным образом стремимся дать соответствующих работников для нацменов. Следующий вопрос, который стоит перед нами, который мы должны решить, — это то, чтобы планомерно вовлечь [в] сельское хозяйство и промышленность наших районов этнографическую молодежь, для того чтобы дать возможность статистическим работникам в достаточной степени принимать в расчет этнографические знания. И последний вопрос из всех. Это то, что нам нужно добиться разрешения вопроса о контрактации студентов этнографического отделения. Нужно сказать, что в этом отношении социально-экономические вузы, и в частности этнографическое отделение, находятся в недостаточно хорошем положении. Например, для советского строительства мы принимаем меры культивирования отдельных народностей через соответствующую посылку работников в качестве практикантов в самом аппарате, но по линии музейной наше дело тормозится. Мы считаем необходимым проводить контрактацию студентов, но некоторые музеи не дали контрактацию. Это относится не только к ленинградским студентам, но и (*л. 457*) ко всем студентам. Вот все основные вопросы.

Значит, заключая, я хотел сказать следующее. Этнографическое отделение на этих принципах стоит, если вы здесь их обсудите и признаете правильными или неправильными, объявите в соответствующей резолюции.

Этнографическое отделение все более и более растет и все дальше отходит от биологизма и географизма. В самом начале [19]18 г., как я говорил, нельзя было различить геолога от этнографа, сейчас оно становится одним из передовых отделений в нашем Университете, и мы считаем, что мы идем по правильному пути и этот путь необходимо продолжать.

---

[1] Главпросвет (Главное управление просвещения) — раннесоветская организация, направленная на борьбу с безграмотностью населения.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Я считаю, что в такой многомиллионной стране, как СССР, труд этнографа, правильно социально подкованного и подготовленного для использования в разных частях нашего строительства, — это очень важно, и я считаю, что это дело мы исполним с таким же рвением, какое это дело требует. Если мы ошибемся и не все сможем провести, что хотим, то я думаю, что чем дальше, тем больше у нас будет достижений. Труд этнографа в СССР является трудом, который необходим. Разрешите на этом закончить.

Плисецкий (секретариат)

Как нам известно, т[овари]щи, в Москве собралось совещание представителей марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений[1], секретариат предлагает послать совещанию следующую телеграмму: «Этнографы Ленинграда и Москвы, собравшись на первое совещание в целях творческой увязки своей работы с общим делом марксисткой исследовательской мысли и соц[иалистического] строительства нашей великой пролетарской, страны шлют горячий привет и лучшие пожелания второй конференции марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений и их вождю — Коммунистической академии».

Президиум совещания

(*л. 458*) ***Сергиевский***

Т[овари]щ Кошкин очень подробно и обстоятельно изложил нам положение дел с этнографическим образованием в Ленинграде. Мне хотелось бы в своем докладе сделать то же самое по отношению к московскому этнографическому факультету и остановиться несколько минут прежде всего на принципиальном положении, на котором строится этнографическое образование в Москве, которое может быть желательно было бы как-то здесь зафиксировать. Разумеется, я не имею в виду дать какой-либо проект построения высшего этнографического образования. Это не по силе не только одному человеку, да и само дело по своей новизне представляет проблему чрезвычайно сложную, которая будет разрешаться, конечно, еще не один ряд лет и требует для этого совокупности мысли и ученых, и общественных работников на почве этнологии. Можно прямо утверждать, что организация высшего этнологического образования начинается у нас со времени революции и является ее подлинным детищем, как и многое другое в современном строительстве высшей школы. Вполне понятно, что революция и политика советской власти разрешила проблему национальных меньшинств так, как она не разрешена ни в какой другой стране. Это

[1] Имеется в виду II Всесоюзная конференция марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений, которая проходила с 8 по 13 апреля 1929 г. в Москве в Коммунистической академии.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

проблема высшего этнографического образования. Нет надобности говорить о том, какое значение приобретает этнография в нашем строительстве, — об этом много говорилось на нашей конференции. Важно отметить, что этот момент особенно серьезно определяет стоящие перед высшей школой задачи и естественно требует к себе особенно внимательного отношения. Но любопытно остановиться также несколько на том, как в Москве [решается] вопрос об организации высшего этнографического образования, для того чтобы из этого краткого изложения объяснить то положение дел, которое сейчас существует. Я помню, что в [19]18 г. группой московских работников-этнографов был поднят вопрос об (*л. 459*) открытии кафедры этнографии, но не нашел возможности осуществления на том основании, что только что разразилась революционная буря, не благоприятствующая начинанию этого дела. И естественно, что факультет, через два-три года прекративший свое существование, не мог взять инициативу в свои руки. Приблизительно в [19]19–[19]20 гг. появился проект организации в Москве факультета, подобный тому, который был организован в Ленинграде в виде Географического института. Покойный проф. Анучин высказывался за создание единого факультета, в котором этнолог, географ и антрополог были бы как-то совокупно представлены, проект этот не осуществился в Москве, и этнографы остались все время в пределах того же физико-математического факультета при кафедре Анучина, который в свое время соединял в себе ученого-этнографа, географа и антрополога. Естественно, что пока эта кафедра существовала, там продолжали меняться и этнографы, которые до известной степени и доныне имеют свое существование только в так называемом антропологическом цикле биологического отделения. Даже не в качестве самостоятельного отделения, а в качестве некоторого уклона или специализации, выпустившей некоторое количество т[овари]щей, работающих в области этнографии. Только в [19]25 г., когда факультет естественных наук был реорганизован, при возникшем вновь этнографическом факультете была поставлена проблема создания специального этнографического отделения, которое теперь имеет всего четвертый год своего существования и которому предстоит впервые выпустить свою продукцию в практическую работу.

Из этого краткого обзора видно все-таки, почему в Москве до сих пор еще держится такое положение, что этнографические науки преподаются, в сущности, в разных местах по району и в разных окружениях. Здесь, несомненно, нам надлежит на этом совещании внести окончательную ясность в этот вопрос — где надлежит иметь место преподавание этнографии — и (*л. 460*) определить те пути, по которым этнографическое образование должно развиваться и дальше.

Теперь о целях, которые преследует этнографическое образование. В сущности говоря, то, что сообщил тов. Кошкин, под этим можем под-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

писаться и мы, ибо мы ставим ту же цель — выпускать работников в области сов[етского] строительства, в области музееведения и краеведения, не забывая, конечно, еще одной задачи, что мы все-таки известную часть продукции должны выпускать специально для будущих научно-исследовательских работ. Эти задачи у нас так или иначе всегда перед факультетом стояли. В отношении специалистов сов[етского] строительства Московский университет, пожалуй, несколько уже ставил свои задачи, ограничиваясь скорее просто так называемым культурным строительством нацменьшинств, хотя, конечно, в дальнейшем мы предусматриваем возможность точно так же обратить внимание на подготовку работников с известным экономическим уклоном. Вот в таких разрезах примерно, о которых здесь сообщил тов. Кошкин, то есть для работы в плановых комиссиях по демографии. Здесь мы считаем необходимым как-то определенным образом увязать этот вопрос с теми вузами, где экономическое преподавание является центром, то есть чисто экономические факультеты. Ну о значении музея краеведения говорить не приходится после того, что мы здесь слышали о важности музеев, о значении этого дела на культурном фронте — как подготовка музееведов, подготовка краеведов как работников общественного характера. Необходимость этой подготовки является самоочевидной. По этим трем линиям приблизительно развивается в настоящее время преподавание московского этнографического факультета. Нет сомнения, что по мере того, как жизнь будет выдвигать свои требования, могут открыться новые возможности, с которыми факультету нужно считаться и к которым нужно быть всем готовым.

(*л. 461*) Какой должна быть социальная база для этнографического образования? Здесь, мне кажется, больше всего нет необходимости спорить о том, что этнографическое образование должно войти в состав так наз[ываемого] социально-экономического образования по существующей теперь сетке наших вузов. Тот момент, который лежит в основе науки, в общем составляют предметы, основу учения на этнографическом отделении предопределяет место этнологии и этнографии в системе социально-экономического образования. Это образование должно базироваться на изучении исторического материализма, основе экономической науки, кончая историей, то есть именно тех дисциплин, где его применение наилучшим образом проработано, и исходить из которых надлежит, и учиться применять его и в области этнографии. И, как мы это видим, оно только начинает применяться. Уже после того, как студент получает основную подготовку в смысле социально-экономического образования, он приступает к изучению отдельного специального предмета, также распределенных по национальным циклам, как в Ленинграде. <…> У нас четыре цикла: восточнославянский, турецкий, восточнофинский и закавказский. Основными предметами преподавания являются те же, что и в Ленинграде,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

то есть прежде всего язык того народа или группы народности, среди которых предполагается проведение работы, затем история этнографии — палеонтология, фольклор и также дополнительные предметы, соответственные специализации: для мусульманского, турецкого цикла специально мусульманское право, обычное право или шариат и т.д. При этом язык изучается не только теоретически, поскольку владение языком является основным условием для того, чтобы будущий работник мог проводить свою работу, но и по возможности практически, с тем чтобы известная теоретическая подготовка давала возможность будущему работнику-этнографу выступать в каждом случае с этими познаниями и применять эти познания в тех разрезах, о которых здесь говорилось.

(*л. 462*) Непременным элементом всякого этнографического образования должно являться по плану учебному этнографического факультета обязательное участие работников-этнографов в полевой практической работе. Опять-таки соответственно тому, что мы уже слышали. Вот приблизительно те элементы, на которых строился четыре года назад учебный план этнологического факультета. Его дисциплины приблизительно можно распределить таким образом: около 23 % — общеобразовательных, о которых я говорил, усвоение основной базы нашего образования — около 45 % специальных дисциплин, изучающих этнографию, историю, археологию, фольклору, язык народа, избираемого по циклу, 15 % уходит на лингвистику, остальные идут по разрезу одного из трех уклонов, которые мы ставим на факультете. Я должен сказать, что учебный план однажды уже рассматривался в [19]26 г., в этом году подвергается некоторому пересмотру в смысле переработки и ясного определения тех практических задач, которые факультет ставит перед собой и соответственно которым он будет выпускать продукцию. Я не буду здесь перечислять те предметы, которые входят в учебный план отдельных циклов. Я должен остановиться также на том, что с этого года у нас введена непрерывная производственная практика, которая пока что проводится по двум направлениям: основным образом по линии Музея народоведения, с которым мы находимся в самых близких отношениях, и с другим в меньшей степени — с Институтом сов[етского] строительства[1]. Но там нам пока предоставлено ограниченное количество мест, которые факультет все полностью использует. Вот в таких приблизительно общих рамках представляется дело подготовки этнографов на этнографическом отделении этнографического факультета. Я сам подчеркнул, что мы до сих пор определенным образом сознаем, что наш учебный план, насчитывающий четыре года существования, не является стабилизованным и не нуждается в поправках. Совсем наоборот, мы считаем,

[1] Московский институт советского строительства. Сегодня этот институт называется Московский юридический институт.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

что по мере того, как развертывается наше дело, как в этом году впервые будет проводиться распределение окончивших студентов на места, мы получим новый материал и используем его для соответствующих (*л. 463*) выводов у себя. По этим направлениям факультет сейчас проводит подготовительную организационную работу, сносясь с местами, выясняя положение дела, на основе которого мы могли направлять наших студентов на практическую работу, и нет сомнения в том, что первый опыт первого выпуска на работу даст нам новые положительные результаты. Мне остается остановиться только на двух вопросах чисто организационного характера, о которых тут говорил тов. Кошкин и которые и у нас стоят, пожалуй, острее, чем в Ленинграде. Первый — это вопрос комплектования. Здесь мы можем подать друг другу руки, потому что наше искреннее желание в том, чтобы комплектование факультета этнографии шло путем представления республикам командировочных мест, но это до сих пор еще никак не пришло к надлежащим результатам. Еще в прошлом году мы составили определенные списки предложения разверстки на основе отдельных республик и автономных областей, которые могли бы направить к нам своих представителей. Но [в] Главпрофобр[1] этот список не был своевременно принят во внимание, и проект не осуществился. Естественно, что в резолюции нужно обратить на этот вопрос специальное внимание, нужно, чтобы к нам направлялись те лица, которые желают <нрзб.> посвятить себя этой сфере образования, с тем чтобы дальше продолжать культурную работу в своих республиках. Второй вопрос еще более острый — это вопрос о материальной базе для практики этнографа, который здесь поставлен лучше. Если вам ВСНХ[2] дал определенную дотацию Ленинградскому университету, то мы не можем считать, что Главпрофобр является для нас тем же щедрым, добрым. Мы получаем известную сумму на проведение практики, но пока она проводилась более или менее организовано, а как будет в этом году, я сказать не могу. Для нас <нрзб.> является то обстоятельство, что без этой практики этнографа подготовить нельзя и нужно считаться с тем, что этнографическое образование стоит дороже, чем другой вид социально-экономического образования, и нужно надавить (*л. 464*) на соответствующие инстанции Наркомпроса[3], которые удовлетворяют эту потребность. Я мог бы, пожалуй, закончить свое сообщение, представить в порядке вопросов разъяснения на вопросы, которые возникают у слушателей, но у меня под рукой даже нет учебного плана, который я не взял с собой, потому что не предполагал выступать с докладом. Я могу дать справки, какие предметы

[1] Главпрофобр — Главное управление профессионального образования.

[2] ВСНХ — Высший совет народного хозяйства, наименование центрального государственного органа управления народным хозяйством в советских республиках и СССР.

[3] Наркомпрос — Народный комиссариат просвещения.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

преподаются, думаю, что в основном мы, в сущности, не расходимся по принципиальному построению нашего образования с Ленинградом. И как более молодой факультет можем многому поучиться у вас, вашему опыту, и мы высказываем сожаления, что только впервые встречаемся на этой почве. Надеемся, что это общение будет в дальнейшем более плодотворным. (*Аплодисменты*.)

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

День шестой
10 апреля 1929 г.
Утреннее заседание

(*л. 466*) ***Яковлев*** (внеочередное заявление)

Сегодня уже третий день заседает Второй областной съезд Советов. У нас много говорилось о том, что необходимо теснейшим образом увязывать этнографическую работу с советским строительством в самом широком смысле слова и, в частности, с культурной работой нашего союза. Поэтому я считаю большим упущением со стороны нашего Президиума, что до сих пор он не предпринял конкретного шага для увязки работы нашего совещания с Областным съездом Советов, тем более что съезд уже приветствовали от фабрик, заводов и всевозможных конференций. Я считаю, что необходимо подтвердить Обл[астному] съезду, что этнографы, полевые и музейные работники идут вместе, нога в ногу, с советским строительством. Я вношу предложение о посылке делегации с приветствием Второму обл[астному] съезду Советов, причем желательно, чтобы делегация была выбрана на паритетных началах от Ленинграда и Москвы.

Аптекарь

Я бы со своей стороны предложил следующий состав делегации:

1) А. Н. Максимова[1], 2) т[оварища] Толстова от I-го МГУ, 3) А. А. Миллера, 4) Гаген-Торн от молодых музейных работников, 5) тов. Мартикян от 2-го МГУ, 6) тов. Арбузов, аспирант, 7) тов. Спиридонов от факультета северных народностей, 8) тов. Маркелов, аспирант ЛГУ, 9) Т. А <…> 10) тов. Измайлова. Пять человек от Москвы и пять от Ленинграда.

Председатель

Нет возражений или дополнений к списку, предложенному тов. Аптекарем? (*Нет. Список принимается.*) Переходим к прениям.

Яковлева[2]

У меня вопрос. В первом МГУ имеется антропологическое отделение при физмате и этнофаке. Так как выступающий проф. Преображенский

[1] *Максимов Александр Николаевич* (1872–1941) — российский/советский этнограф. В 1894 г. за участие в революционном движении был сослан в Архангельскую губернию, где начал заниматься этнографией. До революции был также одним из лидеров либерального движения земцев-конституционалистов. В 1919–1930 гг. — профессор Московского университета. В 1930 г. был уволен по политическим мотивам. Один из крупнейших теоретиков отечественной этнографии, отрицательно относился к широким обобщениям в этнографических вопросах и не принимал эволюционистских теорий родового строя, группового брака и пр. Основные труды по вопросам истории семьи, рода, хозяйства.

[2] Имеются в виду или Н. Ф. Яковлев, или В. И. Яковлева.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

и тов. Толстов одинаково определяют свои области работы, то мне хотелось бы знать, не существует ли (*л. 467*) параллелизма в работе этих двух учреждений, находящихся в одном вузе.

(*л. 468*) ***Сергиевский***

Вчера было предложено много вопросов, касающихся частью моего сообщения, а частью — сообщения тов. Кошкина. Я начну сначала с того вопроса, который заинтересовал главным образом представителей ленинградского студенчества, — именно построение учебного плана этнографического отделения у нас в Москве.

Как я уже сказал, отделение строится из ряда дисциплин, имеющих то, что я бы назвал «значение общеобразовательных дисциплин» — с одной стороны, и с другой стороны, уже дисциплин специальных. Дисциплины первого рода — те дисциплины, которые входят в порядок всех социально-экономических вузов и факультетов: политическая экономия с просеминарием, исторический материализм с просеминарием, основа советского права, советское хозяйство и экономическая политика СССР, история ВКП, новейшая история России и Запада и история общественных форм, основы ленинизма с семинарием, новейшая история России XIX в. и Запада. Эти предметы являются общефакультетскими на этнографическом факультете. Но этнографическом факультете есть еще антропология в той форме, в какой она имеет главным образом отношение к этнологии, то, что проф. Бунаковский[1] называет географией и систематикой рас, страноведение и как дополнительный предмет антропологическая география. Кроме того, мы включаем психологию и русскую историю до XIX в. Затем еще история колониальной политики эпохи империализма и национальная политика СССР. Дальше предметы строятся в разрезе специально этнографического отделения: этнология общая с семинарием, этнография с просеминарием, введение в языкознание, фольклор, палеонтология, этнография СССР с просеминарием. Далее введение в изучение народов и языка по другим циклам истории, группа народностей, объединенная в цикл истории турецких народов и германских народов, история Средней Азии, кавказских народов, фольклор в разрезе циклам и палеонтология или, как это называется, курсом древности по циклам.

Это в сумме, стало быть, составит ту базу, на которой строится (*л. 469*) разрез по специальностям, по циклам: по циклу советского строительства, или музейной, или краеведческой работы. По самому последнему пересмотренному плану мы вводим для цикла музееведения и краеведения такие предметы, как музееведение, техника полевых работ и экскурсоведение, для специалистов по союзному строительству: экономическую

[1] Имеется в виду, по всей видимости, В. В. Бунак.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

географию (общий курс) и географию по районам национальных государств в порядке семинария, и предлагается еще в качестве дополнения лекционная практика для студентов как полезная им дельнейшая работа.

Вот приблизительно в таком разрезе построены все отделения. Конечно, по отдельным национальным циклам есть дополнительные предметы, формирующиеся в зависимости от цикла. На турецком цикле — вопросы исламоведения, отдельно литература турецких народов. На финском цикле — литература западная, финская и т.д. Далее в том разрезе, как это допускается специализацией по научно-исследовательскому уклону, факультетом установлено некоторое количество предметов, которые могут служить студентам из числа выдвиженцев. Для них вводится специальный курс истории материальной культуры, хозяйства малокультурных народов, история религий. Наконец, один из следующих семинарий — это, скажем, история русской этнографии, обычное право, жилищ, одежды и т.д.

Вот построение самого учебного плана и его отдельных специализаций.

Далее вопрос, который наиболее здесь интересовал, по-видимому, аудиторию, поскольку он задавался многими из выступавших. Это вопрос о том, в каком положении находится преподавание лингвистических дисциплин и существует ли особый курс для увязки яфетидологии. У нас в Москве такого курса, как введение в яфетидологию, до сего времени не было. Преподавание общего языковедения находится в руках проф. Петерсона, принадлежащего к направлению Фортунатовской школы[1].

(*л. 470*) Относительно того, как поставлено чтение курса колониальной политики, то общий курс по эпохе империализма ведет проф. Лукин[2], а специальный курс по колониальной политике поручен проф. Преображенскому в этом году. У нас впервые на факультете вводятся в порядке кружковых занятий занятия по яфетидологии, которыми руководит аспирант Дмитриев[3], и проф. Яковлев объявил специальный курс необязательного порядка по введению в материалистическую лингвистику. Это впервые поставленный на факультете курс.

Есть ли у нас Институт народов Востока с аспирантами, готовящимися в этом институте?

---

[1] *Петерсон Михаил Николаевич* (1885–1962) — лингвист, специалист по общему и сравнительному индоевропейскому языкознанию. Профессор МГУ, представитель Московской лингвистической школы, основанной выдающимся российским лингвистом Филиппом Федоровичем Фортунатовым (1848–1914).

[2] *Лукин Николай Михайлович* (1885–1940) — историк, специалист по Новой истории Западной Европы. Член РСДРП(б) с 1904 г., двоюродный брат Н. И. Бухарина. Академик АН с 1929 г. В 1938 г. репрессирован, умер в заключении.

[3] *Дмитриев Николай Константинович* (1898–1954) — языковед-тюрколог, доктор филологических наук (1938), профессор (1930). Преподавал в МГУ с 1929 г.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Да, есть такой институт, и очень большой. У нас большое количество аспирантов работает в качестве преподавателей на факультете, а другая часть привлечена к прохождению аспирантского стажа по отдельным кафедрам.

Относительно того, как преподается язык на факультете.

Общий курс строится в порядке введения в языковедение, и преподавание проводится по циклам. Некоторые преподаватели совпадают с ленинградскими, например на угро-финском цикле тот же профессор, что и в Ленинграде, — проф. Бубрих[1], а так как специалистов не было в Москве и в этом году мы получили подкрепление в лице аспиранта Института народов Востока, о котором здесь упоминалось, тов. Лыдкина[2], который является главным ассистентом при проф. Бубрихе. По тюркским языкам кафедру занимает проф. Гордлевский[3]. В помощь ему является наполовину ленинградец тов. Дмитриев. По отношению к циклу восточных славян мы обставлены московскими силами. Мы имеем специальную кафедру диалектологии живых и новых языков, славянского и как основу еще старый славянский язык — профессора Селищев и Расторгуев, Галанин и др.[4] Иностранные языки преподаются в качестве обязательных предметов в течение трех лет. Задача преподавания новых языков сводится главным образом к подготовке студентов к работе над научной книгой, необходимой для прохождения теоретического курса и семинарий. Надо еще упомянуть о кавказских языках. (*л. 471*) Там преподавание ведут проф. Яковлев и Жирков[5], в помощь проф. Яковлеву аспирант Чемазоков[6], который преподает кабардинский язык.

Вот еще один существенный вопрос о полевой работе. Наше отношение к этой работе такое же, как и на ленинградском факультете. Мы рассматриваем ее как обязательную, неотъемлемую часть нашего преподава-

---

[1] *Бубрих Дмитрий Владимирович* (1890–1949) — лингвист, профессор (1925), доктор наук (1937), член-корреспондент АН СССР (1946), один из создателей отечественного финно-угроведения.

[2] *Лыткин Василий Ильич* (1895–1981) — лингвист финно-угровед, поэт, переводчик, доктор филологических наук. В 1930–1933 гг. работал в МГУ.

[3] *Гордлевский Владимир Александрович* (1876–1956) — востоковед-тюрколог. Академик АН СССР (1946). В 1907–1948 гг. преподавал в Лазаревском институте восточных языков, преобразованном в Московский институт востоковедения, в 1921–1929 гг. — в МГУ, в 1945–1950 гг. — в Институте внешней торговли. В 1938–1956 гг. работал в Институте востоковедения АН СССР.

[4] *Селищев Афанасий Матвеевич* (1886–1942) — филолог-славист. Член-корреспондент АН СССР (1929) и БАН (1930). В 1922–1931 гг. — профессор Московского университета. *Расторгуев Павел Андреевич* (1881–1959) — лингвист, диалектолог. С 1917 — профессор МГУ и других вузов. О *Галанине* нам ничего не известно.

[5] *Жирков Лев Иванович* (1885–1963) — советский языковед. Занимался кавказскими (преимущественно дагестанскими) и иранскими языками.

[6] *Чемазоков Бетал Аюбович* — лингвист, ученик Н. Ф. Яковлева.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

ния. Я должен сказать, что в смысле практической реализации дело обстоит не так блестяще, как в Ленинграде. Нет у нас специальной базы, как при геофаке, для начала работы студентов. Затем кредитование на летнюю полевую практику еще не совсем налажено, мы не всегда получаем достаточно средств, чтобы должным образом провести эти экспедиции. Самая подготовка к экспедициям не была до сего времени должным образом поставлена, поскольку мы всего два года как ее проводим. Это является нашей очередной задачей, и я надеюсь, это будет отражено в конференции. Для того чтобы эта сфера была достаточно обеспечена, нам нужны ассигнования. Остальные вопросы относятся как будто бы к тов. Кошкину.

Относительно того, как увязано преподавание этнографии с марксизмом, в этом смысле чисто марксистских сил пока на факультете нет. Они только готовятся в том институте, который является нашей опорной базой, с которой мы тесно связаны.

Распределение представлено таким образом, что общая этнология находится в руках проф. Преображенского, специальную этнологию ведет главным образом проф. Максимов: тюркских, финских народов и кавказских. В помощь к нему является проф. В. К. Никольский, ведущий семинарий по этнологии, и еще один сотрудник Института истории РАНИОН тов. Пасьян[1]. В известных случаях к этнографии привлечены и более молодые наши товарищи. Так, например, тов. Маркелов в этом году привлечен по финно-угорской этнографии. Работа в дальнейшем будет пополняться в этом направлении.

Затем другой большой вопрос — относительно параллелизма.

(*л. 472*) Параллелизма нет. Вы помните, как я вам говорил в прошлом году на этнографическом цикле биологического отделения? Вы видите, как это сложилось, и если взять учебный план, то как там представлена этнография? Там идет установка биологического порядка. Начиная только со 2-го курса вводятся только первые предметы, которые могут быть отнесены к разряду этнографических, — это сравнительное народоведение. Со 2-го курса там существует практикум по специальной этнографии. На 3-м курсе существует на физмате практика народоведения (по 6 часов), остальное относится к этнографии, на 4-м курсе — систематика рас, и народоведение со специальной практикой по народоведению (4 часа), и введение в языковедение. Меня московские товарищи поправят, если я что-нибудь пропустил. Я хочу дополнить (*л. 473*) <…> таково положение дел на физмате. Специального отделения нет. Есть только антропологический цикл, на котором существует в виде известной специальности, в перечисленных мною пределах, преподавание этнографии.

[1] Пасьян/Касьян. Личность установить не удалось.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Еще вопрос тов. Яковлева: «Сколько в среднем должен студент сдать зачетов?» До нынешнего года программа была сильно обременена количеством зачетов. Их было от 32 до 35. Вспоминая еще вопрос тов. Преображенского, должен сказать, что у нас студенты справились со своим делом в течение 4-х лет и выпуск нынешнего года идет нормальным порядком. Присутствующие здесь товарищи подтвердят, что они намерены в этом году окончить, хотя бы без дипломной работы.

В этом году пересматривали учебный план и в значительной степени сократили количество предметов, подлежащих зачету. Я думаю, что максимальное количество зачетов не превышает 25.

Кошкин

Я разрешу себе остановиться на тех вопросах, которые представляют всеобщий интерес. По некоторым вопросам товарищи могут со мной договориться частным образом, я не откажусь на них ответить. На всех вопросах я не могу останавливаться, так как их у меня 56 и это потребует много времени для ответа.

Первый вопрос тов. Ильина: «Как работают наши сравнительно молодые циклы: палеоазиатский, тунгусский и иранский?»

Эти циклы — наша гордость в том смысле, что нигде палеоазиатская этнография, так же как и тунгусский язык, и этнография, не преподаются. Они у нас работают достаточно интенсивно и являются стержневыми циклами нашего отделения. Работу на этих циклах ведет Вл[адимир] Германович. Иранская кафедра была в прошлом году слаба, но сейчас мы привлекли (*л. 474*) новых лиц из Средней Азии и таким образом усилили этот цикл.

Какие народности у нас представлены?

К сожалению, я не могу дать ответа, так как статистика у нас ведется в факультетском масштабе. По отделениям же выяснение потребует нескольких дней.

Нет ли утечки среди студентов?

Такой, которая бы не возмещалась приходом с других отделений, нет. Обычно, если у нас прием равен 35, то в году оказывается 40 или 43 человека. Флюктуация есть, главным образом уходят на факультет советского права, но зато с ямфака[1], приходят к нам и из других вузов, в частности с Герценовского, так что число переводных превышает число уходящих.

У нас преобладают специальности: советское строительство, краеведческое и музееведческое.

Процент женщин: у нас всего на 1 апреля — 199 чел. Из них женщин — 101 чел.

---

[1] Ямфак — факультет языкознания и материальной культуры. Существовал в ЛГУ с 1925 по 1929 г. Преобразован в историко-лингвистический факультет.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Укажу цифру окончивших этнографическое отделение: в 1924 г. — 4, в [19]25 г. — 33, в [19]26 — 34. Следовательно, всего без защиты дипломных работ — 71 челов[ек]. В [19]27г. — 3, в [19]27 г. — 7 чел. 10 человек, защитивших дипломные проекты. Некоторая задержка с дипломными работами у нас есть. На 4-м курсе 70 с лишним человек, и дипломные проекты сравнительно медленно подвигаются вперед. Это объясняется тем, что мы предъявляем сравнительно большие требования, поэтому студенты хотят как следует подготовиться, чтобы не получилось каких-нибудь недоразумений.

Есть ли связь с московским этнографическим факультетом и Институтом этнических культур.

Такой связи нет, и на этом совещании целесообразно ее установить.

Какие взаимоотношения, у нас с отделением нацменьшинств Педагогического института им. Герцена?

Параллелизма никакого нет, потому что то — Педаг[огический] инстит[ут], а мы педагогов не готовим. Наши преподаватели работают (*л. 475*) и там, но в другом разрезе.

Из преподавателей яфетодологии у нас: Орбели, Генко, Дондуа и Франк-[Ка]менецкий[1].

Относительно мировой этнографии, то есть тех этнических групп, которые не представлены у нас в Союзе. Этой этнографии у нас не было в прошлые годы, но в этом году мы в новый учебный план, который сейчас заканчивается, предполагаем ввести факультативный курс по таким этническим группам, которые распространены вне нашего Союза, скажем австралийская этнография и т.д. Но устраивать цикл таких групп мы не считаем возможным из-за отсутствия преподавателей и по практическому значению, которое этот цикл будет иметь.

Во сколько лет фактически студенты кончают, если считать дипломные проекты? На составление и проработку проекта отведено от 1 до 2 лет. Следовательно, кончает студент в 6–7 лет с дипломным проектом. Некоторые ухитряются протянуть еще дольше, но средняя норма такая.

Методология этнографического обучения не поставлена, потому что нет соответствующих преподавателей.

О лабораториях по полевой работе.

У нас имеется специальный семинарий по полевой работе и практические занятия с инструкционным курсом, где студент получает практиче-

---

[1] *Орбели Иосиф Абгарович* (1887–1961) — востоковед и общественный деятель, академик АН СССР (1935), в 1934–1951 гг. — директор Эрмитажа. *Генко Анатолий Несторович* (1896–1941) — языковед, кавказовед, историк, этнограф, ученик Н. Я. Марра. *Дондуа Карпез Дариспанович* (1891–1951) — языковед, кавказовед, заведующий кафедрой кавказской филологии ЛГУ, ученик Н. Я. Марра. *Франк-Каменецкий Израиль Григорьевич* (1880–1937) — востоковед и историк литературы.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

ские указания по методам полевой работы. После приезда из поля материал в семинарии обрабатывают и рассматривают, как подошел студент с методической стороны к объяснению тех или других этнографических явлений.

Что касается киносъемок, то здесь недоразумение. В новый учебный план мы киносъемочный отдел включаем. Но пока мы еще не можем сказать, в какой степени это будет сделано. Кое-что, я думаю, все-таки удастся сделать, и тогда мы своим опытом поделимся с москвичами.

Вот приблизительно те вопросы, которые имеют общий интерес. Что касается преподавания, то оно у нас ведется (*л. 476*) на русском языке. Мы еще не дошли до того, чтобы вести университетское преподавание на специальном, местном языке.

Почему мы находимся на географическом факультете, а не на ямфаке? Во-первых, это исторический факт, потому что этнографическое отделение возникло в Географическом институте. Во-вторых, нас связывает общая летняя станция, где мы можем ставить свою полевую работу соответствующим порядком, а также и то обстоятельство, что мы ведем весь географический факультет за собой, и если мы уйдем, то он будет хуже, чем сейчас. А в-третьих (это моя личная генеральная линия), все историческое–географическое образование должно быть объединено. В дальнейшем должен быть какой-то историко-географический факультет. Дискуссировать мы этот вопрос не будем, потому что, повторяю, это мое личное мнение.

Вопрос о[б] империализме.

Империализм проходится у нас совместно с политэкономией. Что касается истории, то у нас история только России.

Яковлев

Какое количество зачетов нужно сдать студенту?

Кошкин

Я думаю, что если не считать зачетов по отдельным практикумам, то количество теоретических зачетов доходит до 40.

(*л. 477*) ***Толстов***

Дело в том, что, как говорил тов. Сергиевский, историческое положение сложилось так, что в Москве лишь с 1924 г. этнография преподавалась на этнографическом цикле. Поэтому студенты, поступившие до этого года, специализировались на физмате в области этнографии. Теоретическая часть там поставлена достаточно узко, и все те, кто сейчас работает (а уже имеется целый ряд окончивших студентов) в качестве научных работников, вынуждены дополнить свое образование самостоятельной работой, и лишь при этом можно считать достаточной их теоретическую подготовку. С другой стороны, мы имеем достаточно хорошую постановку полевой работы,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

в которую студенчество втягивается очень рано и проходит ее в течение всего курса обучения. До настоящего времени в качестве практических работников по линии этнографов-полевиков цикл антропологии готовит работников, которые могут конкурировать с работниками этнографического цикла. Сейчас, последний год, нами особенно четко ставится вопрос об искоренении параллелизма. Последний учебный план, утвержденный в [19]27 г., сильно объединил преподавание. Тот этнографический уклон, который существовал до [19]26 г., был закрыт, и антропологи специализируются главным образом в области антропологии. Некоторые расовые антропологи специализируются в области этнографии. Последний проект плана, который сейчас утверждается, и все идеи, которые вкладываются в представление предметной комиссии, заключаются в изжитии существующего параллелизма. Этнография на нашем цикле рассматривается как предмет вспомогательный, совершенно, правда, необходимый для этнографа, но на нашем цикле вспомогательный, потому что вместо этнографов готовят антропологов с уклоном в области расовой антропологии. Таким образом, мы окончательно избавимся от того, чтобы ставить вопрос о каком-либо параллелизме. Непременным для этого условием будет то, если этнофак достаточно разовьет полевую практику у себя, потому что, несмотря на то что у нас преподавание сильно сужено, спрос в экспедициях и в музейных учреждениях на этнографов-музееведчиков и полевиков покрывается продукцией нашего цикла и даже еще не окончившими нашими студентами. Чтобы этот параллелизм изжить, чтобы жизнь не заставляла антропологов (*л. 478*) углубляться в область этнографии, надо, чтобы полевая работа на этнофаке была поставлена должным образом.

Председатель

Президиум предлагает сейчас же ограничить выступление 5-ю минутами, ибо должен еще выступить целый ряд ораторов, иначе нам сегодня не окончить. (*Голосование*.) Кто против перехода на пятиминутный срок, прошу поднять руку. 19 — против, кто — за? Большинство за ограничение выступления пятиминутным сроком. Слово предоставляется тов. Ильину.

(*л. 479*) ***Ильин***

Общее впечатление от докладов у меня удовлетворительное. Но все же я заметил в них кое-какие недостатки. Из указанных цифр выявилось, что выпуски дают солидное количество, но в докладах не было уделено достаточно внимания дальнейшему выдвижению студентов в качестве научных работников и аспирантов. Не было также сказано о дипломной теме. Дело в том, что замечается среди студентов чрезмерное увлечение вопросами мирового масштаба и отлынивание от тем краеведного характера. По-моему, в резолюциях нужно отметить, чтобы дипломные работы были

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

на краеведные темы. Иначе мы не способны будем изучать наш край. Затем вопрос о необходимости комплектования наших факультетов литературой краеведной как на русском, так и на родном языке. Пока в ней ощущается большой недостаток.

Затем в докладах не было уделено достаточного внимания связи с филиалами. Я высказываюсь за необходимость сохранения при краевых вузах этнографических национальных отделений.

Не мешало бы в докладах также сказать о чрезмерном совместительстве преподавателей. У нас очень часты явления, когда преподаватели бегают из учреждения в учреждение, высунув язык. Я считаю, что в докладах большим недостатком является отсутствие плана спайки с местными учреждениями. Очень отрадно было слышать, что на этнофаках есть по 5–6 специальностей: краеведческая, музейная, полевая и т.д. Но для каждого края, для каждой национальности запросы в работниках различны. Эти конкретные запросы национальных областей нужно учесть и в связи с этим строить программу и плановые задания выпуска этих этнофакультетов. В резолюциях это нужно отметить, иначе мы будем иметь выпуски работников не тех, которые нужны.

(*л. 480*) ***[Неизвестный оратор]***

Разрешите мне товарищи коснуться нескольких вопросов, на мой взгляд, очень важных. Первый вопрос — это об этнографическом образовании. Вопросы, которых я коснусь, уже получили некоторое освещение у предыдущего оратора. Тов. Ильин много говорил об удовлетворительности этнографического образования, когда наши теоретические и практические предметы, проработанные в учебном плане этнографического отделения, строго увязаны с практическими нуждами строительства национальных республик. Нужно добавить, что необходимым условием хорошей постановки работы является живая связь с местами, с национальными республиками и областями. Если мы с этой точки зрения посмотрим на постановку образования, скажем, в Москве на этнофаке, то можно констатировать такое положение. До последнего времени, в продолжение трех предшествующих лет существования отделения, такой живой связи не было. Отсюда проистекал целый ряд некоторых неудовлетворительных явлений, на которых я останавливаться не буду, но которые до некоторой степени будут освещены некоторыми товарищами, которые будут выступать от 1-го Московского университета. Сейчас, смотря на нашу конференцию, я все-таки в связи с этими вопросами, которые здесь ставились, должен указать, что был упущен один большой вопрос.

Почему здесь не присутствуют представители хотя бы из центральных учреждений, которые находятся в Москве и которые связаны с работой национальных областей и республик? Это надо было учесть Президиуму

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

или оргбюро конференции, чтобы вопросы строительства национальной культуры и советской культуры прорабатывались музейными работниками совместно и при ближайшем участии представителей вышеупомянутых учреждений.

Теперь несколько подробнее расскажу, как обстоял этот вопрос на этнофаке. До последней зимы можно сказать, что такой связи у нас совсем не было. Теперь в этом отношении приняты шаги такого рода. Разосланы списки на места с разъяснением задач и целей этнографического отделения. Эти письма сопровождаются просьбой дать нашим студентам-этнографам практику на местах.

(*л. 481*) Теперь перехожу к другому вопросу. Вопрос о практике является чрезвычайно большим вопросом в курсе 1-го МГУ. Наш докладчик касался этого вопроса, но он освещал этот вопрос в такой перспективе. У нас образование строилось на таком основании, что практика являлась органической частью этнографического образования. По плану это было так, но на самом деле дело обстоит очень скверно. В плане говорится, что летом студенты первого курса отбывают практику в музеях. До сих пор на практике этого не было. Но и на 2-м курсе практики в этнографическом смысле не было. Практика у нас вылилась в то, что в прошлом году было организовано 3 экспедиции и человек 6–8 поехало в Туркестан, на Кавказ и Поволжье. Эта экспедиция была такова, что студенты провели там 2–3 недели и ничего от практики не получили. Это проистекает не по вине наших руководителей, а из-за недостатка материальной увязки, у нас совершенно нет никаких средств. Вопрос практики для нас является важным вопросом, и мы с полным правом ставим его перед конференцией и требуем, чтобы этот вопрос был бы для нас разрешен, иначе никаких этнографов быть не может, потому что без практики этнограф — просто начетчик.

Теперь по вопросу о комплектовании. Докладчик здесь подчеркивал, что основные кадры студентов должен вербоваться из национальных меньшинств — это совершенно правильно, и студенты МГУ в прошлом году ходатайствовали перед Главпрофобром об увеличении комплектования. Но у нас, в МГУ, наблюдается на этнофаке такое явление. На этнофак идут те, которые не могут попасть на медицинский или агрономический факультеты. Этнофак — это нечто вроде мусорного ящика. Отсюда, товарищи, наблюдается целый ряд явлений. Наше студенчество в большинстве случаев, процентов 50, попадает сюда совершенно случайно, совершенно не интересуясь этнографией и совершенно не интересуясь делом поднятия национальной культуры. С этим злом надо покончить, и конференция должна в этом смысле сказать свое веское слово.

Теперь коснусь вопроса о целевой установке отделения. У нас целевая установка мыслится в таком общем контуре. Надо твердо знать, кого гото-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

вит этнографическое отделение, кем будет работать тот или иной студент по окончании. Мы знаем такие линии: музеевед, краевед, (*л. 482*), административные работники и работники по культурному просвещению. Это слишком общо. Такие культурно-просветительные работники должны, например, обслуживать различные отрасли Наркомпроса, Соцвос[1], Профобр, музеи в центре и на местах. Список получается слишком общий. Мы требуем от конференции твердых норм, кого и как готовить, и исходя из этого должны составляться учебные планы. Учебный план должен включать в себя, в свои рамки специальные предметы, чтобы выходили не этнографы вообще, а такие, которые могли бы применяться к современным условиям, чтобы это были будущие экономисты, статистики, педагоги. Но вопрос этот должен получить твердое и четкое разрешение.

Товарищи, я не касаюсь здесь целого ряда других вопросов. Надеюсь, что они будут освещены другими выступающими товарищами.

Председатель

Слово предоставляется тов. Яковлеву. Следующий Калошкин[2].

(*л. 483*) ***Яковлев***

Товарищи, я все-таки предпочту извлечь бревно из своего глаза, чем видеть сучки в чужих глазах. Конечно, если сравнить то, что имеется у нас в Союзе в области вузовского строительства, с тем, что имеется и имелось недавно за границей, то надо констатировать, что у нас дело поставлено не хуже, а лучше. Приведу пример.

Во время моей заграничной поездки я разговорился по душам в Гамбургском университете, занимающимся специально языками. Выяснилось, что этот университет создали обманом. Гамбургские купцы давали деньги с тем условием, что будут строить практический институт. Профессора согласились, собрали деньги и выстроили университет.

Конечно, это не может идти ни в какое сравнение с тем, что делается у нас. Нам прямо говорят: «Стройте университет для обслуживания национальностей».

Но, как у нас часто бывает, вновь построенный дом, только что просохший, дает трещину. Так и в этом случае. Мне кажется, что у нас не все благополучно в смысле постройки.

Я не знаю, с чего начать, с Москвы или Ленинграда. Дело в том, что у нас создалось такое положение: когда начинают ругать Москву, появляется улыбка на лицах ленинградцев, и наоборот. Я бы, пожалуй, предпочел анонимный метод.

---

[1] Соцвос — отдел социального воспитания.

[2] Видимо, имеется в виду Кошкин.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

И так в городе N существует этнологический факультет. На этом факультете весьма широко представлена теоретическая часть. Но если мы подойдем к вопросам практики на этом факультете, то тут надо сказать, дело совсем не благополучно. У нас в газете писали о случае, когда киноэкспедиция поехала снимать в Чечню, а попала в Осетию. Нечто подобное происходило и здесь. Поехали специалисты в Кабарду, а попали <нрзб.> и работали там.

Затем неблагополучно дело в отношении языковедения. Языковедение не имеет общего курса, не имеет никакой связи со специальными языками, и потом приходится обучать (*л. 484*) студентов транскрипции, то есть записи текстов, на примерах русского языка, русской транскрипции. Я глубоко сомневаюсь, чтобы русская транскрипция сколько-нибудь помогала записывать потом чукотский или кавказский текст.

Если перейдем к другому городу, то тут оказывается наоборот: весьма хорошо поставлена практика, дается хорошее знакомство с конкретными фактами, а в отношении теории проводится принцип: если у нас нет хорошо подготовленного человека, то мы курса не ставим. Это, пожалуй, и верно. В этом городе создалось такое положение, что в строительстве участвуют старые люди, но с очень молодым сердцем. И это помогает им вместе с молодежью подходить непосредственно к фактам.

Тут есть еще один плюс, а именно — уклоны носят совершенно практический характер: антирелигиозный уклон, педагогический. Тогда как в другом городе у студентов происходит некоторая путаница. Они думают, что по окончании университета сразу будут научными работниками. Здесь же выпускают педагогов, которые будут работать на местах, выпускают участников советского строительства и т.д. Это второе, мне кажется, более правильно.

Но, конечно, и здесь есть свои минусы. Нас, москвичей, удивляет, что в Ленинграде, где находится центр нового языковедения, яфетодологической теории, нет никакого отображения этой теории. Здесь, так же как и в Москве, существует обучение транскрипции на материалах русского языка.

Богораз

латинского языка…

Яковлев

Теперь мне хочется перейти к вопросам, которые особенно волнуют наших студентов.

Во-первых, о введении марксистского метода в специальные науки. Как в Ленинграде, так и в Москве чрезвычайно разнообразен и богат политминимум. Но нет органической увязки общественных наук со специ-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

альными дисциплинами. Правда, у нас общий курс этнологии читает П[етр] Ф[едорович] Преображенский, который считается марксистом, но вся беда в том, (*л. 485*) что в последнее время авторитет П[етра] Ф[едоровича] в области марксизма сильно оспаривается. Таким образом, остается полная несвязанность теоретической стороны с практикой, которая дает возможность некоторым студентам говорить: Ну вот мы убили[1] марксизм как некоторое богословие, а теперь перейдем к своим этнографическим дисциплинам. Я считаю, что программа этнологических предметов должна быть пересмотрена, и перестроена по следующим принципам: во-первых, необходимо давать специальные курсы доклассовых, раннеклассовых общественных формаций, так как политминимум курса строится на материалах капиталистических формаций. Во-вторых, нужно ввести курс по истории отдельных обществ и территориальных групп обществ, марксистски построенный. В-третьих, нужно строить курс по отдельным рядам развития, напр[имер] история языка или история религии и т.д.

Затем необходимо ввести уклоны по практическим признакам: антирелигиозный, педагогический, советского строительства и т.д. Мне кажется, что если мы с этой точки зрения пересмотрим, перестроим программу, то у нас действительно получится введение марксистского метода в специальные науки.

Теперь перейдем к следующему вопросу, волнующему студенчество, — это вопрос о многопредметности, лекционном методе и, в частности, о выборе цикла.

Надо сказать, что когда попадают в университет, на наш факультет, то попадают как бы в мусорный ящик. (Конечно, ящик не мусорный, но так построен, что похож на него, и по ошибке мусор попадает.) Студенты являются на этнологический факультет, год слушают общие дисциплины, а в один прекрасный день сваливается гроза: извольте выбрать цикл. И тут сказываются самые разнообразные вкусы. Некоторые выбирают Кавказ, так как там климат лучше и фруктов много и т.д. Потом говорят, что попали случайно. Нужно определенно ввести в программу пропедевтику к выбору курса. Должен же студент на основании чего-то разобраться в этом выборе. Может быть, даже надо провести специальный подготовительный курс, (*л. 486*) по окончании которого студент мог бы выбирать.

Теперь относительно многопредметности. Тут уже говорилось о том, что в Москве число зачетов достигает 32–35, а в Ленинграде и того больше. Я не знаю, может быть, здесь зачеты носят несколько иной характер, но, конечно, метод зачетов сам по себе — метод плохой. У нас шел разговор о том, чтобы за[с]читывать на основании работы в течение года, а не на основании зачетов или экзаменов. С многопредметностью надо бороться.

[1] По-видимому, опечатка, имеется в виду «учили».

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Мало того, что учиться трудно, но многопредметность разбивает внимание учащихся. Уменьшение количества предметов увеличит качество усвояемости материала.

Теперь о лекционном методе. Я должен сказать, что тот хороший лекционный метод, о котором говорил докладчик, хорош именно тем, что он не лекционный. Мне кажется, что необходимо сократить чисто лекционное изложение и уделить время для комбинирования лекционного изложения с лабораторной проработкой. Конечно, вопрос этот чрезвычайно сложный, и останавливаться на нем подробно невозможно. Но мне думается, что правильного построения этнологических факультетов мы достигнем при следующих условиях. Во-первых, при коренном пересмотре и перестройке программ, во-вторых, при уменьшении числа предметов и, в-третьих, при разработке самого метода работы. При этом конечно, нужно сказать, что только непосредственное знакомство с фактами, которое дается практическим направлением, имеющимся здесь, в Ленинграде, и у нас в антропологическом отделении, поможет нам достичь нужных результатов.

Здесь жалуются, что на этнофаки идут люди, никуда не годные, никуда не попали и идут сюда. Считают это виной Главпрофобра и Совета нацменьшинств. Дорогие товарищи, пока вы не устроите этнофак как следует, туда пойдут случайные люди. Кто же пойдет в дом, который весь в трещинах?

(*л. 487*) ***Богораз-Тан***

Я начну с того, что внесу две справки. У нас обучение языкознанию происходит в латинской транскрипции, а почему товарищи ко мне привязали яфетидологию — я не знаю. Я идее вполне сочувствую, но у нас специальный курс, так что у нас нет яфетидологии. Это явление историческое. Мы были учреждением слишком скромным и бедным, чтобы обеспечить преподавание яфетидологии. Но мы ее желаем иметь.

Большей части идей, которые развивали предыдущие докладчики, мы вполне сочувствуем.

Теперь по вопросу о зачетах. Я лично зачетам большого значения не придаю. Мы строим наше преподавание на семинарском методе. Что касается лекционного метода, то мы его мало придерживаемся. Мой лекционный метод собственно и не похож на обыкновенный лекционный метод. Студент стоит у доски, и он читает лекцию, а я в этом принимаю участие. Это симбиоз.

Я уже говорил, что мы были учреждением чрезвычайно бедным и скромным, и эта истина чрезвычайно для нас ощутительна. Мы росли постепенно (хотя и сравнительно быстро), и при всех наших завоеваниях мы на каждом шагу сталкивались с большими затруднениями, и эти завоевания

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

нам стоили большой борьбы. Между прочим, Ян Петрович Яковлев[1] говорил здесь о лекциях, с которых мы начали.

Это были легальные и полулегальные лекции по этнографии для рабочих и студентов, которые велись за Невской заставой, а перед революцией полулегально велись проф. Штернбергом, который является основателем этого отделения. Потом я к нему присоединился, и мы повезли этот воз вдвоем. Теперь наша судьба еще не сладкая.

Возьмем наше преподавание в институте именно с точки зрения помещения. Наше помещение — нечто прямо ужасное, нечто невообразимое. При 8 лекциях у нас есть 8 кабинетов, а для них есть только 2 комнаты, и количество циклов все растет. У нас есть циклы полукомнатные и угловые.

(*л. 488*) Посмотрите на наши циклы. Они все растут. Циклы эти с большим количеством диаграмм, подобных палеонтологическим рисункам в пещерах, где диаграммы лежат друг на друге, и из этого невозможно выбраться. Каждый год мы ищем выхода, мы бросаемся в какие-то двери, мы их не можем открыть, мы все ищем того Сезама, который бы их для нас открыл.

Точно так же и вопрос о нашем существовании. В первые годы все это началось. Нас хотели переводить.

И последний вопрос: почему мы не на ямфаке? Это «последняя туча рассеянной бури». Мы уже теперь чувствуем себя хорошо, мы стоим на собственном месте и хотим на нем стоять. Мы чувствуем, что можем и дальше расти. Мы ведем географический факультет, мы ведем его к хорошему, мы его ведем к росту, к усложнению, мы приступили к новым методам работы.

Возьмите нашу полевую этнографию. Мы полевую практику не сразу имели. До той дотации, которую мы получили от СНК, сначала 2 тыс., потом 3 тыс., а затем и 5 тыс. вследствие хороших результатов, до этого мы ходили по разным учреждениям с протянутой рукой. Ходили мы и в Центросоюз, и в Севзапсоюз, получали мы и деньгами, и вещами. Первые наши студенты это помнят. Здесь есть студенты, которым мы дали из Зимнего дворца по красному фраку и по горсти бус. И вот с таким багажом люди ехали в провинцию. Первая группа пошла пешком из Ленинграда. Она пошла за 360 верст на Ловозеро. Вышли они пешком с одной из станций Мурманской железной дороги и несли на себе в течение 5 дней полтора пуда груза. Одним это прошло безнаказанно, а другие (речь шла о девице) получили наклонность к туберкулезу. Но что делать, без борьбы ничего не добьешься.

---

[1] По всей видимости, Богораз упоминает о Николае Феофановиче Яковлеве или о Яне Петровиче Кошкине.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Теперь если взять вопрос о музеях. Мы строим преподавание на музейной практике. Мы ее поставили с огромным трудом. Каждый шаг нам давался с боем. Надо было бороться не только с общим настроением, но и со сторожами. В течение года мы были париями, мы едва были терпимы. Теперь мы занимаем в музеях определенное место. Но тогда, чтобы провести в музей молодежь, надо было схватывать за горло, (*л. 489*) чтобы провести ее ассистентами в музей. В конце концов мы провели нашу молодежь ассистентами фуксом в виде сторожей, и они и получали содержание сторожей. И после годичного полусторожевого стажа они прошли, наконец, в научный состав. У нас были ассистенты, получавшие 8, 12 и 20 рублей в месяц. Если взять наших преподавателей, то для них и содержание в 65 рубл[ей] в месяц является большим обеспечением. У нас есть сколько угодно молодых ассистентов, начинающих с 25–30 р[ублей] в месяц, потому что наша одежка тесна и мы, по пословице, должны корчить ножки, чтобы не вылезти из одежки. Я помню первую нашу экспедицию, которую мы устраивали в составе этого Института для изучения Севера — этот Институт для изучения Севера, куда мы вошли при самом его основании, институт, который прославился тем, что его председатель Самойлович[1] сделал знаменитую экспедицию, чтобы спасти остаток экспедиции Нобеля, и который сейчас получил широкую известность. Мы там плавали и там получили остатки от английской интервенции, получили сало, английский маис, муку и даже штаны. Первая наша прозодежда была английская, оставшаяся от интервенции. Так как мы, этнографы, сторонники натурального хозяйства, это было натуральное хозяйство нашей полевой этнографии. Надо сказать, что мы в этом отношении были пионерами. Но были пионерами и в отношении первых полевых работ. Я вас спрошу, много ли было известно исследований о русской деревне, об ее переходе от старого к новому быту? Вы себе представляете, что такое строение нового быта в деревне? Мы в этом отношении сделали целый ряд исследований, и могу сказать, что теперь уже многое в этом отношении сделано. Но мы были, я опять-таки повторяю, пионерами. Мы издали ряд сборников, которые приняты в методологической проработке этого вопроса[2]. После того как

[1] Институт по изучению Севера основан в 1920 г. как Северная экспедиция Научно-технического отдела ВСНХ. Данное название носил с 1925 г. В настоящее время — Арктический и антарктический научно-исследовательский институт.

Самойлович Рудольф (*Рувим*) *Лазаревич* (1881–1939) — советский полярный исследователь, профессор (1928), доктор географических наук (1934). Начальник экспедиции на ледоколе «Красин» по спасению потерпевшего в Арктике аварию итальянского дирижабля «Италия», совершавшего полет к Северному полюсу под командованием Умберто Нобиле (1928). Репрессирован.

[2] Видимо, имеются в виду следующие сборники статей: «Старый и новый быт» (Л., 1924), «Обновленная деревня» (Л., 1925), «Революция в деревне» (Л., 1925. Ч. I; 1926. Ч. II), «Комсомол в деревне» (Л., 1926), «Еврейское местечко» (Л., 1926).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

это стало общепринятым, мы перешли дальше от русских областей, мы перешли в область туземную и достигли Сахалина, Камчатки и Чукотского Носа. Мы и сейчас производим там 5/7 или 4/7 нашей работы.

Точно также вопрос о разрядах. Мы начинали преподавание вдвоем.

(*л. 490*) Мне приходилось и сейчас приходится читать 16 часов и получать за 6 часов. Мне говорили, что я занимаюсь этнографией за деньги. Дело не в деньгах. Я не за деньги занимаюсь этнографией. У нас принято таким образом. Если нет оплаты, то курс передается старшему профессору, и он читает в порядке приватного курса и бесплатно. Мы взяли определенный курс на молодежь, и мы сами себе готовим смену. Тов. Кошкин, который вчера читал такой обстоятельный доклад, является учеником Льва Яковлевича Штернберга. Это наши дети, и мы для них являемся или стараемся явиться настоящими духовными отцами и учителями. И здесь опять-таки пришлось выдержать борьбу. Говорили: разве можно поручать молодым людям двигать науку, а не профессорам с определенным научным весом? А мы делали ставку на молодежь. Нам возражали: у них нет печатных работ. Но и в наших печатных издательствах мы ставим ставку на молодежь. У нас есть журналы, издаваемые студентами, и ассистентские сборники. Именно молодежь должна писать, их надо заставить писать, их надо вытащить, соблазнить и научить писать. Все это мы создаем. Мы открываем новые курсы, когда есть силы. Мы стараемся вопросы религии проводить в семинариях. У нас есть особые семинарии об исламе, о православии, хотели вести семинарий по шаманству, но не нашли преподавателя. Я не буду всего рассказывать. У нас было два шаманских кружка на фак[ультет]е: один — для изучения шаманства, а другой — для борьбы с шаманством. Эти кружки до некоторой степени являлись конкурентами. Но оба кружка мирно уживались друг с другом. Один кружок стремился изучить шаманство, а другой старался довести шаманов до отказа от шаманства и местами этого и достиг.

Я упоминал о севфаке. Это наше детище, наше создание, наша гордость. Такого северного цикла нигде не существует во всем мире.

Нас дальше спрашивали, есть ли у нас национальное преподавание. Мы на национальных языках преподавание вести не можем, так как нет налицо состава национальных слушателей. Мы на места рассылали множество писем. Если мы в этом отношении результатов не добились, то это вина не только национальных меньшинств, но и Главпрофобра и Профобра.

(*л. 491*) Ведь количество людей, могущее попасть в университет, является весьма ограниченным. Они предпочитают идти в университет, а не на этнографическое отделение. Ведь, чтобы быть этнографом, надо быть энтузиастом. Перед заканчивающими университет открываются такие широкие и заманчивые перспективы, что не удивительно, что народ туда

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

стремится. Чтобы быть этнографом, надо им родиться. Меня кто-то упрекнул в том, что я художник. Я не отказываюсь от своего художественного лица и от своего художественного метода. Если бы я был столяром, то я бы владел столярным методом. Сила перевоплощения дает возможность и студентам внушает желание взяться и нести в массы культуру и получать оттуда знание. Надо сказать, что мы с каждым годом растем и достигли как будто уже международной фазы своего развития. Когда я был за границей и когда я делал доклад о севфаке и об общем состоянии нашего отделения, то вывод был сделан в том смысле, чтобы мы сейчас же образовали Русско-Американский комитет, чтобы наши ассистенты ездили бы в Америку, а их ассистенты приезжали бы к нам. Севфак предъявил такие требования, что у нас рук не хватает. Где же ваши люди, спрашивают нас, чем вы хвастались? Но мы, к сожалению, учреждение скромное и полукустарного типа, у нас людей не хватает. Но мы должны развернуться. Мы кое-что уже выработали. 80 человек у нас работают на местах. Я предвижу в ближайшем будущем тот момент, когда мы будем организовывать вывоз молодых ученых, когда мы будем экспортировать русских этнографов в Патагонию, в Южную Америку и пр. Мы покажем за границей, как мы умеем работать. Одну экспедицию нам нужно поставить, и мы беремся ее поставить образцово. Нам придется работать на международном стаже. Такую экспедицию нам нужно организовать, чтобы удовлетворить спрос на новый метод точной научной исследовательской работы.

Теперь последнее слово о нашей увязке с провинцией. У нас в провинции работают 50 человек, и я бы мог процитировать их фамилии.

Дальше возникает вопрос о преподавании. Сколько лет должно вестись преподавание? Мы думаем, что 4–6 лет. Мы понимаем (*л. 492*) дело так. Для цикла северного мы допускаем 2–3 года. 2–3 года практики и возвращение сюда. За это приходится вести борьбу. А университет говорит: если ты студент, так учись. Как говорится в рассказе у Глеба Успенского: если ты портной, так выстрочи этот рукав. Мы же, этнографы, знаем, что этнографии учатся только из жизни, и когда наш студент с третьего курса возвращается с практики, а когда он ехал на практику, он был нечто вроде эмбриона, он возвращается взрослым человеком. Мы и на севфаке это делали, и студент всегда возвращается к нам с практики. Именно после третьего курса студент должен ехать на практику. Это то, что есть у американцев на заводе, у них там сначала идет учение на заводе, а потом опытное обучение. Эта работа и есть наша жизнь. Это дело нашей двойной жизни, моей и покойного моего друга и соратника Льва Яковлевича Штернберга. Это священный завет и наследие, которое мы от него получили. Эта работа, начатая 35–40 лет тому назад в ссылке на окраине старой рабской России и которая получила возможность осуществления в новом свободном Союзе Советских Социалистических Республик. (*Аплодисменты.*)

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

(*л. 493*) ***Никольский*** (внеочередное заявление)

Под живым впечатлением блестящего выступления уважаемого профессора В. Г. Богораза, живого символа единства революции и подлинной (без кавычек) этнологии, одного из самых старых и в то же время самых молодых среди присутствующих, я предложил бы вспомнить о его старшем друге и учителе, об одном из вождей ленинградской школы этнографов, покойном профессоре Штернберге. Я предложил бы обратиться к здесь присутствующей вдове покойного, с которой я имел счастье вчера познакомиться, с выражением нашего почтения и внимания, и выразить это внимание тем, что включить С. А. Штернберг[1] в состав Президиума нашего собрания. И еще одно маленькое предложение Вл[адимиру] Германовичу сказать хотя бы коротенькое слово воспоминания о покойном. (*Аплодисменты*.)

Худоложский[2]

Этнографическое образование в СССР — дело молодое, а потому страдает многими недостатками, о которых главным образом может говорить и говорит действительно заинтересованное студенчество, и поэтому я бы просил как московских, так и ленинградских студентов побольше высказываться по столь важному для нас вопросу. О недостатках как Ленинграда, так и Москвы достаточно подробно говорил тов. Яковлев. Я считаю действительным достижением Ленинграда то, что студенты чувствуют и видят практическое приложение в нашем советском строительстве. Если бы это привилось повсюду, этнография как специальность стала бы гораздо больше цениться в СССР.

Конференция должна точно указать номенклатуру специальностей с добавлением необходимых специальных предметов и указать, что нужно изменить в плане этнографического образования. Не думаю, чтобы в Ленинграде было действительно такое хорошее положение в смысле специальностей, как об этом говорили.

(*л. 494*) В Москве нужно ввести преподавание таких предметов, как топография и пр. такие штуки. С другой стороны, нужно изъять из наших учебных планов биологические и другие естественные дисциплины. С тем, что они имеют к нам отношение, никто не спорит, но включать их в план нельзя. У нас бывает, что антрополог оканчивает этнографическое отделение в 6–7 лет, и это идет за счет зоологии, которая требует от студента очень много времени. Я считаю, что нам нужно отказаться от таких вещей, как звездное небо и т.д. Этнография должна стать наукой социологической.

---

[1] *Сара Аркадьевна Раттнер-Штернберг* (1870–1942) — советский этнограф, музеевед, специалист по этнографии индейцев Северной Америки, супруга Л. Я. Штернберга.

[2] Личность установить не удалось.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Затем я хочу сказать, что не нужно перегибать палку и в отношении предметов, связывающих нас с советским строительством, в ущерб научной подготовке. Может получиться так, что мы станем экономистами-статистиками в большей степени, чем этнографами. С другой же стороны, это необходимо, потому что без этой работы невозможно привитие диалектического материализма.

Мы можем понять сущность диалектического материализма в этнологии только тогда, когда мы будем знать все прежние этнологические теории и их методологические несовершенства. Я думаю, что такие курсы, как история этнографии, история этнологических учений, марксистская философия, должны стать обязательным предметом в нашем учебном плане.

Наши учебные планы должны стать обязательными для всех этнографических отделений, они могут варьировать в зависимости от цикла, но общая принципиальная установка должна быть одна — социологическая. Учебный план должен быть построен так, чтобы предметы первого курса являлись основой для последующих курсов.

(*л. 495*) ***Попов***[1]

Я хочу остановиться на выступлении тов. Яковлева. Надо сказать, что наше этнографическое отделение при Московском университете существует 4 года. Ясно, что в связи с этим имеется много недочетов, которые со временем будут изжиты. Очень приятно было слышать от тов. Кошкина о тех достижениях, которые имеются на этнографическом отделении Ленинградского университета. Но дело не так уж скверно обстоит и у нас, как предполагают присутствующие здесь товарищи. Остановлюсь на некоторых моментах, освещенных товарищем Яковлевым, и притом освещенных неправильно. Он отметил, что у нас с преподаванием языковедения неблагополучно. Но передо мной лежит учебный план нашего отделения, где дисциплина языковедения представлена довольно богато — это во-первых. А во-вторых, он отмечает, что языковедение не связано фактически с языком, который проходится в цикле. В подтверждение моего мнения приведу учебный план третьего курса.

На первом курсе у нас имеются предметы: введение в языковедение, на втором курсе читаются предметы: введение в изучение народов и язык цикла. Следовательно, языковедение специально увязано как с общей теорией языка, так и с языком данной специальности — это во-первых. Во-вторых, здесь чрезвычайно много говорилось о многопредметности.

[1] Возможно, это сотрудник отдела этнографии Сибири *Андрей Александрович Попов*. По всей видимости, в стенограмме допущена опечатка, так как речь идет о Ленинградском университете, в котором в 1925 г. Географический институт был преобразован в географический факультет.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Передо мной лежит учебный план третьего курса. И если я попытаюсь что-нибудь выбросить из этого плана, то окажется, что ничего из него выбросить нельзя. Вот этот план: 1) история ВКП и история ленинизма, 2) этнография по районам: Поволжья, Среднеазиатского и т.д., 3) русская история до XIX столетия, 4) затем по циклам. Финский, вотский, зырянский, язык суоми. История русская <…>, восточная и финская, этнография финская, сравнительная грамматика. Выбросить из этого цикла какой-нибудь предмет затруднительно. Так же обстоит дело и с другими циклами. Тут возможна речь о более комплексном преподавании общих дисциплин. Но говорить о слишком большой многопредметности невозможно.

Затем я бы хотел остановиться на таком факте. Совершенно правильно указал Николай Феофанович, о том, что наш уклон недостаточно (*л. 496*) еще оформлен. У нас нет специального точного уклона по советскому строительству, краеведчеству, музееведению и т.д.

Я хотел обратить внимание конференции на следующий вопрос. Вопрос истории и языка играет чрезвычайно большую роль в практическом приложении работы этнографа и в педагогии. Необходимо высказать пожелание о том, чтобы на этнографическом отделении был бы педагогический уклон. Надо сказать, что местные уклоны занимаются сейчас совсем не научной деятельностью. Например, в ряде крупных изданий отдельных национальностей. В отношении истории дело обстоит еще хуже. Занимаются чем попало. Недавно вышла, в последние месяцы 1928 г., статья Мартьянова по истории коми, где он пытается связать Комь с русскими вотчинами[1]. Это не только указывает на отсутствие научного подхода, но я даже не знаю, как это квалифицировать. Поэтому в высшей степени необходимо на этнографическом отделении организовать специально педагогический уклон.

(*л. 497*) ***Вартапетов***[2]

Я считаю, что специализация по уклонам советского строительства, существующим в Ленинградском университете, является наиболее правильной, так как она дает студентам возможность активно работать в деле культурного строительства национальных республик и областей, что является целевой установкой нашей программы.

Я не исключаю и другой специализации, имеющейся в Ленинградском университете, уклоны музееведческий, краеведческий и др[угие], перечисленные тов. Кошкиным. Но я думаю, что среди них есть много таких уклонов, которые создают тип узкого специалиста. Та сложная обстановка,

[1] Источник найти не удалось.

[2] Возможно, А. С. Вартапетов, автор статьи «Проблемы родового строя чеченцев и ингушей» (Советская этнография. 1932. № 4. С. 63–89).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

которая существует в национальных республиках и областях, требует в значительной степени универсала. Я считаю, что в программе этнографического отделения Ленинградского университета можно отметить насыщенность специальными этнографическими предметами.

Мы считаем, что высококвалифицированного культурного работника нужно готовить не на одном только этнографическом материале. Мы на наших циклах даем исторические предметы, касающиеся той или другой этнической группы. Затем преподается фольклор, литература и целый ряд других специальных предметов. Мне могут сказать, что здесь есть распыленность, но я считаю эту точку зрения правильной.

Если мы возьмем историю той или другой этнической группы, то мы должны сказать, что ни один вуз не может как следует подготовить историка кавказских или финно-угорских народностей. Поскольку мы считаем этнологию исторической наукой, надо ее изучение углубить. Нужно дать и более углубленные знания по археологии, которая дополняет материал нашего общего исторического образования. Затем я обращаю внимание на значение лингвистики, которая у нас также преподается и которую нужно будет усилить.

(*л. 498*) Только при такой углубленной постановке мы будем иметь отделение, готовящее высококвалифицированных работников. То, что Вл[адимир] Герм[анович] говорил о плохих жилищных условиях, вполне применимо и к нам. Мы живем на задворках университета, в анатомическом корпусе. Аудитория этнофака находится рядом с трупами. Это тормозит работу. У нас есть этнографический кружок, но можем ли мы регулярно собираться, когда нет аудитории? Мы как-то пригласили проф. Никольского прочесть доклад, а через час приходит сторож и нас выгоняет.

Следующий важный вопрос — о необходимости на этнографическом отделении ввести курс яфетодологической теории. Наши студенты приходят к яфетодологии через головы профессоров.

Последний вопрос: мне кажется, я считаю, что между ЛГУ и МГУ можно установить некоторое разделение. Нельзя считать нормальным, существование двух кавказских циклов и т.д. Это слишком роскошно.

(*л. 499*) ***Алексеев***[1]

Я хочу сказать об усилении подготовки студентов по изучению европейских народностей в МГУ. У нас имеется, как сказано, 4 факультета: 1) восточный германский; 2) западнославянский; 3) финско-угорский и 4) тюркский. На основании существования такого цикла у нас мало обращают внимания на изучение тех народностей, которые живут в Сибири. Таким образом, будущая наша подготовка должна идти пока в этой области.

[1] Личность установить не удалось.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Здесь мы не должны винить кого-нибудь из преподавателей, потому что дело зависит от объективных условий. У нас нет таких преподавателей по таким предметам, которые могли бы подготовить студентов по изучению сибирских народностей. Благодаря этому мы не в состоянии в настоящее время открыть специальный цикл по изучению народностей Сибири. Я думаю, что мы должны обратить серьезное внимание на изучение народностей Сибири, хотя бы для этого открыть специальные предметы на этнографическом факультете, например по истории колонизации Сибири. Только таким образом мы можем действительно усиленно направить свое внимание на изучение сибирских народностей. Это тем более важно, что многие народности Сибири, как, например, чувашцы[1], совершенно вымерли в настоящее время, а другие народности, как юк[агиры], находятся на грани вымирания. На это нужно обратить внимание.

Теперь еще второй вопрос, на котором хочу остановиться, — это вопрос специализации. С этим вопросом у нас дело обстоит очень слабо, столь слабо, что некоторые профессора берут по 4–5 предметов: лингвистику, этнографию тюркских народностей и т.д. У нас нужно усилить проведение специализации в настоящий момент. У нас также нужно обратить внимание на привлечение специалистов-марксистов, не только знающих историю марксизма. Этого мало. А надо главным образом обратить внимание на специалистов, которые будут одновременно и марксистами, и специалистами. Если такой преподаватель будет только знать исторический материализм — этого еще недостаточно. На это надо обратить внимание.

Третий вопрос, на котором я остановлюсь, — это подготовка студентов по научно-исследовательской работе. Это вопрос сам по себе ясный и очевидный, и на него надо обратить внимание.

(*л. 500*) Это тем более важно, что мы, студенты, которые обучаемся на этнографическом отделении, мы будем вести полевые работы. Подготовка научных работников — специалистов по исследовательской работе совершенно необходима.

Остается вопрос о годичной практике. Нам кажется, что эту практику надо произвести после третьего курса, ибо у нас остается еще один год и у нас будет достаточно материала для проведения дипломной работы. Мы сможем этот материал проработать, пока мы будем на четвертом курсе. Итак, надо произвести годичную практику после третьего, а не после четвертого курса.

Последний вопрос — это высказанное К<…> пожелание относительно геофака, которое также приложимо и к этнофаку МГУ.

Затем нужно обратить внимание на увеличение экскурсионного фонда, надо обратить внимание на то, чтобы экскурсии подготовлялись заранее,

[1] По-видимому, имеются в виду чуванцы, этническая группа на Чукотке.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

надо привлекать туда представителей национальностей и провести контрактацию.

(*л. 501*) ***Максимов***

Я хотел бы сказать несколько слов по поводу Н. Ф. Яковлева, который меня в некотором отношении удивил. Он подверг этнографическое отделение МГУ очень резкой критике, сравнивая его со зданием, которое все в трещинах и куда добровольно никто не пойдет. Н[иколай] Ф[еофанович] сам состоит преподавателем этого факультета, сам является членом Совета, руководящего органа этого самого отделения. Он в Совете никогда не высказывал тех обвинений по поводу отделения, которые он нам здесь преподносил. Он жалуется на слабую марксистскую увязку. По правде сказать, я немножко не понимаю, причем здесь Н. Ф. Яковлев. Когда тов. Аптекарь говорил об этом, это естественно, потому что Аптекарь — сам марксист. Но когда Яковлев, отношение которого к марксизму мне абсолютно неизвестно, тоже начинает волноваться по этим вопросам, это мне непонятно.

Далее Н. Ф. Яковлев высказал целый ряд пожеланий насчет марксистской увязки, насчет лекционного метода, насчет пополнения курса такими предметами, как история языка, история религии и т.д. Почему он нам до сих пор в Совете этого никогда не высказывал или это появилось экспромтом только теперь?

Худо ли, хорошо ли наше отделение, но ответственность за него несет не только Максимов, Сергиевский и Преображенский, но в равной мере и Яковлев. На некоторые вещи Яковлев действительно наводил критику. Но он больше всего волновался, почему кавказское языкознание представляет собой доцентуру, а не профессуру, а насчет марксизма он в Совете голоса не поднимал.

Поэтому я повторяю, что все те обвинения, которые были высказаны Яковлевым насчет нашего отделения, в значительной степени, поскольку они справедливы, ложатся на него самого. Так что в данном случае Яковлев поступил вроде унтер-офицерской вдовы, которая (*л. 502*) сама себя высекла. Далее Яковлев выступал с критикой преподавания в Московском университете, а сам не позаботился познакомиться с тем, что там читается. Он говорил о курсе общий этнографии как курсе теоретическом, потому что он не имеет ни малейшего представления о том, что под этим курсом подразумевается. Курс этот читается три года, а он только теперь им заинтересовался. Затем Н[иколай] Ф[еофанович] вносит предложение о введении курса общего характера, вроде истории языка, религии и т.д., в то время как история религии и целый ряд аналогичных курсов у нас читаются.

Прежде чем выступать с критикой отделения, вам следовало бы с ним более полно ознакомиться.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Я гораздо более приветствую критику наших младших товарищей, студентов, критику, может быть, несколько суровую, но благожелательную и вполне деловую. Эту критику мы всячески приветствуем. Но против таких упреков, которые бросал отделению Яковлев, что это здание все в трещинах, куда никто не пойдет, я решительно протестую.

(*л. 503*) ***Председатель***

Слово предоставляется тов. Крейновичу для заявления по личному вопросу.

Крейнович

Я хочу сказать, что во время вчерашних выступлений, моего и профессора Никольского, между нами, по-видимому, произошло какое-то недоразумение. Я извиняюсь перед профессором Никольским.

Яковлев (по личному вопросу)

Я с глубоким изумлением услышал здесь выступление профессора Максимова. Кстати, это первое выступление уважаемого профессора оказалось направленным к тому, чтобы свести к личным счетам то общественное дело, в котором мы все участвуем. В частности, мое выступление. Естественно, что это вызывает у меня чувство глубокого возмущения, но я не хочу придавать нашему заседанию неделовой характер и потому оставляю в стороне всякие личные выпады профессора Максимова и хочу дать несколько справок по поводу его заявлений. Во-первых, по поводу того, что я не критиковал работы отделения и не участвовал в этой работе. Я должен сказать, что в отделении и в деканате имеются документальные следы того, что я своевременно поднимал вопросы относительно замеченных недостатков в организации отделения и, так сказать, документально, в соответствующих заявлениях, эти свои взгляды зафиксировал.

Во-вторых, что касается того, что унтер-офицерская вдова сама себя высекла, я вполне принимаю это название, если его правильно истолковать. Ведь сейчас брошен лозунг самокритики, мы должны сами себя критиковать, и если я в этом смысле унтер-офицерская вдова, я согласен. Но я боюсь, что среди нас много унтер-офицерских вдов сидит, которые сами себя не секут, но которых следовало бы высечь. К числу их относится, может быть, и сам уважаемый профессор Максимов.

Затем здесь, в частности, говорилось о моем отношении к марксизму. Должен сказать, что марксистом я себя не называл. Но здесь обнаружилась полемика между марксистами и представителями других идеалистических направлений, и здесь, я думаю, не один я, а все мы видели, что, в сущности, только одна схема является устойчивой и позволяет нам разобраться в классификации науки и материала. Остальные (*л. 504*) схемы представляли собой хаос, над которым носился дух Божий. Я не виноват, что это так,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

и пусть мне докажут, что другая схема более соответствует нашей научной потребности. И я и выбрал ту схему, которую предлагал тов. Аптекарь и которая соответствует нашей научной потребности. Если это марксистская схема — что же делать? Я должен согласиться, что она лучше всех других. Поэтому я совершенно искренне и без задних мыслей постарался уложить и в нее вложить построение преподавания на этнологическом факультете. Я думаю, что исполнил свой долг, если постарался претворить в жизнь то, что надлежало и кому надлежало это сделать.

В результате все-таки я прошу аудиторию извинить, что моя личность оказалась поводом для того, чтобы на конференции произошло совершенно неделовое, чисто личное выступление.

(*л. 505*) ***Толстов***

Во-первых, я позволю себе поставить вопрос относительно общей установки преподавания на двух отделениях — этнографическом отделении Московского университета и Ленинградского.

Конечно, достижения практические, в смысле подготовки работников на этнографическом отделении ЛГУ, значительно большие, мы видим там чрезвычайно много таких сторон преподавания, на которых мы должны поучиться и которые мы, москвичи, должны заимствовать.

Тем не менее постановка преподавания на московском этнографическом факультете тоже имеет целый ряд плюсов. Это отделение в своем зарождении начало с того, к чему сейчас путем достаточной борьбы подходит этнографическое отделение ЛГУ. Я думаю, что из предыдущих прений достаточно выяснилось, что московские делегаты, даже стоящие на разных точках зрения, все подчеркивают непрерывную связь истории с этнологией и рассматривают этнологию, по существу, как часть истории. Эта установка, положенная в основу этнологического факультета в Москве, сказалась на всем построении плана преподавания. Мы видим, какое серьезное внимание уделяется историческому образованию в Москве, мы видим, что этнолог, прежде чем глубоко входит в свою специальность, получает достаточную квалификацию в области истории. Это, мне кажется, как раз то, к чему сейчас подходит этнографическое отделение ЛГУ. Но приоритет здесь принадлежит Москве.

Тут высказывалось мнение, что странно иметь на географическом факультете этнографическое отделение, что гораздо более логичным является объединение этнографического отделения с другими общественными науками на одном факультете. Не будем протестовать против исторических условий, которые заставили именно здесь развернуть это образование, но в дальнейшем, безусловно, развитие должно пойти по этой линии.

(*л. 506*) Второй вопрос — относительно полевой работы. Конечно, полевая работа в Ленинграде поставлена гораздо лучше, чем в Москве, где

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

мы имеем единственную полевую школу Анучина. Кроме того, в Москве студенты, если и прошли полевую подготовку, то очень слабо. Это основная прореха этнографического факультета в Москве, тут спорить не приходится, так как здесь, кажется, все на этом сошлись, и московские делегаты должны в этой области сделать определенные выводы.

Наконец последний вопрос — о преподавании яфетического языкознания. Здесь очень много говорилось о введение курса яфетодологии. Эта постановка, по-моему, неправильная, и вот почему: я лично имел удовольствие слушать курс Петерсона по введению в языковедение. Мне кажется, что трудно на третьем, четвертом курсе приниматься за изучение языка, даже с яфетодологическим уклоном, если с самого начала не была дана здоровая зарядка по индоевропеистике.

Мне кажется, что введение в языковедение должно строиться на яфетодологическом базисе. Мы приняли эту теорию как наиболее близкую к марксизму, как теорию материалистической лингвистики.

(*л. 507*) ***Челезнев***[1]

Я хочу остановиться прежде всего на вопросе, каким должен быть студент, когда он выйдет, окончив этнографическое отделение или этнографический факультет. В Ленинграде у нас по этому вопросу несколько лет тому назад не было никакой ясности, и студент не знал, чему он учится на этнографическом отделении и кем он будет, как он будет работать конкретно. Они этого себе не представляли, и только путем долгой работы над учебным планом, совместной работы всего студенчества с руководителями отделения мы достигли того, что доказали, что этнографу, кроме его конкретной специальности, кроме этнографической подготовки, нужна еще какая-либо специализация. Тогда только мыслится конкретная плодотворная работа. Потому что бывало, что мы получали общую подготовку, и этнограф знал все, но конкретно приложить свои знания к какой-либо отрасли работы в нашем Советском Союзе он не мог. Он не мог работать ни по советскому строительству, ни в экономически-плановых органах, ни даже по народному образованию. Теперь же, ставя специализацию по советскому строительству, по музееведению, по работе в плановых органах, наши этнографы уже зарекомендовали себя с этой стороны в положительном смысле. Именно в том, что работа на Севере сейчас по советизации требует этнографического подхода и посланные нами в Сибирь и на Дальний Восток 11 этнографов доказали, что при правильном этнографическом подходе этнограф может больше сделать, чем другой работник просто, неэтнограф, не знающий местных бытовых условий.

[1] Челезнев/Селезнев — личность установить не удалось.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Теперь второй вопрос. Это вопрос об учебном плане. Только сейчас в ленинградском этнографическом отделении учебный план стал похож на учебный план. Года 2–3 назад нам преподносили химию, физику, а не было курса советского строительства, не слушались некоторые экономические дисциплины и т.д. Сейчас это уже изжито, и в работе по общественным дисциплинам уже есть некоторая увязка с полевой работой.

Теперь вопрос о практике. Длительность практики. Нужно признать, что проводимая практика вполне отвечала задачам и весь вопрос заключается (*л. 508*) в том, посылать со второго или четвертого курса. Результаты, которые мы имеем в течение последних двух лет по этой работе, говорят, что лучше всего посылать с четвертого курса, потому что те, кто уже имеет основную подготовку, гораздо больше смогут сделать на месте и больше пользы извлечь для себя, чем студенты второго курса, имеющие только некоторые общие познания.

Следующий вопрос — о комплектовании этнографических вузов. Это вопрос очень важный, и вот почему. Не знаю, как в московском этнографическом отделении, а в отделении в Ленинграде комплектование до последних лет, даже до этого года, имело неправильный характер. Шло очень много случайных людей, которые попадали, учились несколько лет, потом или переводились, или уходили совсем. Почему это было? 1) Потому что не было на местах популяризации этнографического отделения и его работы. 2) Не уделялось достаточно внимания местными организациями при командировках. Я считаю, что сейчас необходимо вопрос поставить так, чтобы этнографическому образованию уделялось больше внимания, потому что масса организаций уже сейчас начинает понимать, что в целом ряде работ по советскому строительству, по экономике в национальных районах особенно важно участие в работе этнографа. И в работе особенно этнографа — местного работника. Я считаю, что этнографическое совещание по этому докладу скажет свое слово в том отношении, чтобы этнографическому образованию уделялось как можно больше внимания и чтобы рамки комплектования были бы расширены. В этом году было, кажется, 70 мест. Эти рамки сами собой расширились. Всех не могли принять. И ясно, что сейчас, когда этнография приобретает особое значение, нужно опять-таки поставить вопрос о расширении и комплектовании этнографического факультета.

(*л. 509*) ***Азадовский***[1]

Товарищи, я являюсь гостем на конференции. В течение трех дней я ни разу не решался злоупотреблять своим пребыванием здесь и отнимать

[1] *Азадовский Марк Константинович* (1888–1954) — фольклорист, литературовед, этнограф. В 1923–1930 гг. — профессор, заведующий кафедрой истории русской литературы Иркутского университета.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

у вас время. Но есть одна тема, которую я обязан затронуть. Ибо она совершенно оставлена в стороне.

Дело в том, что это совещание проходит под знаком очень глубокого невнимания к провинции, не только невнимания, а полного неучета той огромной работы, которая там проделывается. Позвольте напомнить, что еще в то время, когда ни в Москве, ни в Ленинграде не были сорганизованы новые этнографические ячейки и боролись за существование старые этнографические организации, в провинции была произведена огромная работа.

Чтобы не быть голословным, укажу на работу проф. Соколова в Саратове, на замечательный мордовский сборник[1], затем я укажу на Кострому и на ее издания и также на сибирские издания. Позволю себе заметить, что первым этнографическим журналом был журнал «Сибирская живая старина». Это невнимание к нашей работе неслучайно здесь. В Москве недавно вышло увлекательное издание общественных наук в СССР. Статья об этнографии принадлежала нашему уважаемому докладчику. В этой статье ничего нет о работе провинции. Большая работа проделана в Иркутском университете, но эта работа тоже совершенно не отмечена. Здесь мы встречаем продолжение того же, а между тем я полагаю, что эта работа в провинции не только местного значения. Я не зря критикую, чтобы только что-нибудь сказать. По-моему это вопрос общепринципиальный. В развитии этнографической работы на местах должны быть главным образом заинтересованы центры. Здесь поднимался вопрос о взаимоотношениях центра и провинции. Как он ставился? Говорили: надо приехать, натаскать местных работников, они же будут работать. Кто-то предлагал шефство взять над провинциальными учреждениями и т.д.

Товарищи, (*л. 510*) я глубоко закоренелый провинциал и местный краевед: я заявляю, что все это там не нужно. Шефство нам не нужно, но нам нужны такие условия работы, при которых мы свои огромные потенции и огромные организационные силы могли бы развить и применить в советском строительстве. Здесь встает один из основных вопросов. Это вопрос об этнографическом образовании на местах. Только этнографическое образование на местах, сеть этнографических факультетов и этнографических исследовательских институтов может дать возможность развить эти силы, имеющиеся в достаточном количестве на местах. Не случайный инструктаж, а постоянная работа в этом направлении. Между тем здесь дело обстоит сугубо катастрофически. Например, такой центр, как Иркутск, работающий в таком разноплеменном окружении. Может ли он обходиться без этнографа? Конечно, нет.

---

[1] Видимо, имеется в виду «Мордовский сборник» (Саратов, 1930), который на момент совещания находился в печати.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Раньше в старых планах педфака существовало введение в этнологию, и, кроме того, мы на местах ввели курс этнографии русского населения. Но в новом плане этого нет, и когда я разговаривал в Профобре на эту тему, я ничего не мог добиться. Мне было сказано, что мы готовим педагогов, а не этнографов, здесь совершенно не учитывается, что иногда педагог обязан быть этнографом, а этнограф обязан быть знаком с методикой своего предмета. В Советской России это более чем необходимо, и у нас это не учитывают руководящие учреждения.

Я не буду задерживать вашего внимания на деталях, но я считаю, что необходимо внести в резолюции указание о создании этнографического образования на местах и чтобы в плане педфака и соответственных факультетов, которые уже имеются на местах, в зависимости от определенных местных условий были такие дополнительные курсы и т.д.

Этот вопрос и заставил меня выступить.

(*л. 511*) ***Вартапетов***

Вчера мне пришлось задать более 10 вопросов, но, к сожалению, на мой взгляд, на более важные вопросы ответа не последовало. В частности, [на вопрос] как был историзирован ленинградский этнологический факультет, мне было отвечено, что там имеется только русская история. Это меня очень удивило. Я думаю, что здесь товарищи раньше меня высказывались, и я присоединяюсь к ним, что общее мнение на съезде выявилось такое, что уклон в этнографии должен быть, несомненно, исторический, и здесь такая лестница, как история культуры, и только история России, безусловно, недопустима. Здесь нужно будет говорить о введении, может быть, при помощи отдельных подразделений, но, конечно, всеобщей истории, и, может быть, прямо ставить вопрос о введении преподавания общей истории и таких отраслей истории, как эгейская культура, древняя история Вавилона, Ассирии, Египта и т.д. Без такого курса исторических познаний мы не подведем наших студентов к правильному пониманию исторического процесса развития человеческого общества и нечего будет говорить о подведении этнографического изучения под базу исторического материализма. Это один вопрос. В связи с этим, может быть, мы ликвидируем в дальнейшей нашей этнографической работе такие выводы, о которых здесь уже говорилось, как, например, о вотяках, ассирийцах и мордве в Крыму и т.д.

Здесь был вопрос относительно империализма и колонизационной политики. Он стоит в высшей степени нечетко. На этот вопрос мне было отвечено, что он включается в политическую экономию. Это не верно, по-моему. Без этого этнограф не может быть хорошим. Тут касались педагогического уклона. Это, безусловно, необходимо этнографу.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Очень жаль, что тов. Маторин не привел цифр по ленинградскому этнологическому факультету о национальном составе его. Комплектование имеет чрезвычайно большое значение. Ведь не секрет, что большинство работников этих отделений необходимы национальным республикам. И здесь особенно нужна правильная постановка вербовки.

Здесь уперлись в вопрос, о котором говорил тов. Азадовский, что до сих пор не учтена крупная работа целого ряда провинций. Мы имеем в целом ряде провинций специальные отделения при вузах, где ведется работа этнографического характера. Казалось бы, что это нас до известной (*л. 512*) степени устраивает. Но если мы возьмем другую сторону дела, то нужно ли допускать такую работу? Казалось бы, Саратов. Я сам саратовец, и нужно сказать, что саратовское угро-финское отделение выросло на основе насущной потребности советской власти. Но что происходит фактически? Может быть, лучше это отделение закрыть или взять правильное руководство им или же туда направить силы? Ничего нет вреднее. Оттуда выходят кадры безграмотных работников. Не имеется там ни единого специалиста. Или надо ставить вопрос так, что нужно взять твердую линию руководства этим отделением или же нужно наладить правильную вербовку и переброску сил с центральных факультетов. Посмотрим, какова судьба национальных отделений Восточного этнографического института в Казани[1]. Он находится в таком же положении. Часть его перенесена в Ленинград, часть в жалком состоянии находится там. Настоящих этнографов мы не получим оттуда. В этом случае, что печальнее всего, есть два течения. Есть целый ряд крупных провинциальных работников, которые доказывают, что нужно готовить этнологов на местах. Может быть, доля справедливости есть в этом, но только тогда, когда мы перебросим туда работников. Есть обратная сторона этой медали. Тов. Кошкин говорил, что есть большая нужда в студентах-националах и, с другой стороны, в научных работниках. Я скажу, что, с третьей стороны, Институт этнических культур народов Востока — казалось бы, единственное научное учреждение. И что же мы видим? Перед нами стоит вопрос, что нигде мы не видим ни одного места для выпускаемых аспирантов. Это объясняется тем, что эти отделения на местах заполняются самотеком. Может быть, мы и в этом отношении упремся в вопрос феодализма.

Я присоединяюсь к вопросу относительно яфетизирования всех этнологических факультетов, но предостерегаю от всех полуяфетизирований. Под этим видом просачивается в эти факультеты целый ряд ненужных курсов.

---

[1] Видимо, имеется в виду Северо-восточный археологический и этнографический институт, открытый в октябре 1917 г. в Казани. В 1921 г. институт реорганизован в Восточную академию, с 1922 г. — восточное отделение Восточного педагогического института.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

(*л. 513*) ***Левин***

Товарищи, я хотел бы указать на небольшой частный вопрос: по-моему, на этнологическом факультете МГУ недостаточно внимания уделено тому, что мы называем практикумом или практикумом-семинарием. Товарищи, получающие во многих отношениях правильную установку в процессе своей работы, недостаточно знакомятся с тем, что собственно является предметом изучения на первом курсе, с конкретным материалом. Это очень большой пробел. Товарищ, работающий по Сибири, слушающий лекции по Сибири, должен был вначале знакомиться конкретно с такими вещами, как сложный лук, шаманские бубны, лыжи и т.д.

На старших курсах введено прохождение стажа в музеях, но этот стаж носит характер ознакомления с музееведческой техникой, а не является тем практикумом, который должен проходиться на первом курсе.

Музеи в Москве, несмотря на то что они очень отстают от ленинградских в смысле материала, все-таки сумели обслужить этнологический факультет. Смычка между музеем и факультетом, введение таких практикумов, о которых я говорил, — чрезвычайно необходимо и важно.

(*л. 514*) ***Маторин***

Прежде всего по поводу самокритики на нашем совещании. Я думаю, что правильно поступил и тов. Яковлев, когда он критиковал те или иные слабые стороны в работе московских учебных заведений. Конечно, и у нас в Ленинграде есть целый ряд слабых сторон, в отношении которых нужно еще очень и очень много поработать. Но я думаю, что мы вступили на правильный путь, поскольку уже провозгласили такую тесную смычку этнографии с советской общественностью, поскольку мы хотим из этнографа сделать не интеллигента на ходулях, а человека, который активно участвует в социалистическом строительстве. Я хотел бы вкратце рассказать, что мы делаем на нашем этнографическом отделении для подготовки таких руководителей определенной частью советского строительства. У нас имеется курс «Этнография и советское строительство», причем чтение лекций чередуется с занятиями семинарского типа, где разбираются такие, скажем, темы. Мы брали отдельно народы Севера и народы Востока. Темы так[ие] же: советское строительство, советский аппарат, судоустройство, кооперация народов Севера, промышленная политика в этих районах, культурное строительство, раскрепощение женщины Востока, работа среди национальных меньшинств в Ленинградской области. Вот те вопросы, которые мы разбирали семинарским путем. Так как в этой работе участвуют товарищи с разных циклов, то вполне естественно, что они стремятся заниматься под определенным углом зрения, стараясь изучить ту форму работы, которая характерна для изучаемой ими группы народов. Я должен сказать, что посещаемость этого уклона все время вполне нор-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

мальная и интерес к этой работе у студенчества, видимо, большой. И, мне кажется, вполне естественный интерес, потому что здесь они видят смычку теории с практикой.

Второй момент, на котором я хочу остановиться, — это непрерывная производственная практика. Когда перед нами был поставлен вопрос, как осуществить практику по уклону советского строительства, мы вначале не могли найти такой формы, которая бы нас удовлетворила. Но я думаю, что мы более или менее вышли из положения, когда подумали, что у нас в Ленинграде существует целый ряд советских учреждений, как Областной исполнительный комитет, где есть специальная работа по нацменьшинствам, Областной отдел народного образования (*л. 515*) и там секция по нацменьшинствам, существует Ленинградский совет с целым рядом секций. Что если мы приучим наших студентов участвовать в общественной советской работе? Если они, будучи знакомы с советским аппаратом здесь, не сумеют разобрать его по винтикам в любом уезде и округе, то нужно быть о двух головах. И я думаю, что мы поступили правильно, когда прикрепили к этим авторитетным учреждениям наших студентов, которые органически входят в эту работу. Сейчас идет Областной съезд советов, и там работает ряд студентов из моего семинария. Может быть, это слишком отвлеченно. Нет, наоборот. Это приучит их разбираться в советской работе, когда они попадут на места. Они будут не созерцателями, они подопрут плечом в любом месте. Так что в отношении непрерывной производственной практики по уклону советского строительства мы пока нащупали правильный путь.

Вопрос о комплектовании. Для того чтобы на этнографическую работу не шли люди случайные или, может быть, чуждые советской общественности, косные во всех смыслах слова, для этого нам нужно, чтобы комплектование было поставлено рационально и мы вышли с ходатайством в наши центральные правительственные органы, в частности, я вел переговоры с тов. Десовым[1] и тов. Куйбышевым[2] во ВЦИКе и СНК, и с Советом национальностей союзного ВЦИКа, чтобы усилить комплектование на этнографические факультеты из работников-националов на местах, чтобы сэкономить и в языке, и во всей подготовке людей, чтобы мы могли с полной научной зарядкой выпускать людей, которые наверняка пойдут обратно на места. То же самое относится и к сезонной практике на местах, то же самое относится и к краеведам. То, что здесь говорилось в отношении

[1] *Десов Георгий Александрович* (1884–1937) — партийный деятель Ленинграда. Член президиума Леноблисполкома, зав. областной Рабоче-крестьянской инспекцией, председатель областного Дисциплинарного суда.

[2] *Куйбышев Валериан Владимирович* (1888–1935) — революционер и советский политический деятель. На момент совещания был председателем ВСНХ, занимал несколько ключевых административных постов.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

краеведов на местах, нужно было бы дополнить следующим. Краеведы, имеющие этнографическую жилку, интересующиеся этнографической работой, рано или поздно должны получить высшее образование. Значит, это коснется и той молодежи, которая подрастает в провинции. Конечно, всех нельзя пропустить через наше и Московское этнографическое отделение. Нужно и в провинции иметь такие возможности. Следует обратить внимание на работу и в Казани, и в Саратове. В Казани, по-моему, довольно застойное положение. К делу этнографического (*л. 516*) образования там привлечены люди с большими знаниями, но с большим багажом старой миссионерской эпохи и старой методологии. Так что в отношении Казани не только о марксистской методологии, а надо помечтать просто о материалистической методологии. В отношении чтения этнологического курса в педагогических учебных заведениях. Я думаю, что не только там, но и в учреждениях, подготовляющих политпросветработников, тоже надо провести курсы по этнографии, так как и те, и другие должны быть знакомы с этнографическим материалом.

(*л. 517*) ***Преображенский***

Я хотел бы начать с одной хронологической даты, упомянутой в докладе тов. Кошкина. А именно: он сказал, что отрыв этнографического образования в Ленинграде от естественно-научной базы начался в [19]25 г. Эта дата далеко не случайна. Дата «[19]25 г.» — это дата образования этнографического отделения этнологического факультета в Москве. Да не посетует на меня уважаемый Вл[адимир] Герм[анович], но я должен сказать, что это социологизирование, историзирование, экономизирование этнографического образования в Ленинграде началось под жестоким напором Москвы. Наверное, Вл[адимир] Герм[анович] вспомнит весьма бурные заседания в Главнауке и Главпрофобре, когда мне пришлось вести с ним бесконечные дискуссии на эту тему и доказывать, что настоящая этнология или этнография, стоящая на исторической, а тем более на марксистской точке зрения, должна быть построена на базе общественных наук.

В настоящее время мы имеем такое положение, что в Ленинграде есть чрезвычайно большие достижения по практической работе студентов и по увязке их работы с практической жизнью советского строительства. Но не надо замазывать и прикрывать того факта, что социологизирование этнографии шло именно из Москвы. Таким образом, если, с одной стороны, мы имеем ленинградский практицизм, то, с другой стороны, мы имеем и московский импорт сюда. Об этом существует целый ряд данных Главпрофобра и Главнауки, которые могут это засвидетельствовать.

Я укажу на два характерных выступления, имевших здесь место. Одно выступление — тов. Винникова, который предлагал приблизительно такую схему: покойный проф. Штернберг сказал, что этнография — это есть

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

изучение примитивных культур. Я не берусь утверждать, что действительно покойный Лев Яков[левич] такое определение давал. Мне важно спросить тов. Винникова, что он рассматривает под изучением примитивных (*л. 518*) культур. Я думаю, что под этим можно рассматривать только происхождение человеческой техники, религии, общества и т.д. Но для всякого ясно, что это задача историческая, что об этом судить можно только с исторической точки зрения.

Другое выступление, более осторожное, в котором, по-видимому, человек даже не знал, что сказать, — это выступление пр[офессора] Никольского. С одной стороны, «я историк», этнография — все-таки не есть история, я предложил бы термин «праистория». Как будто от прибавления частицы «пра» что-нибудь изменяется.

Итак, все же мы должны подчеркнуть тот факт, что этнографическое образование должно стоять на исторической базе и эта база в Москве значительно шире, чем в Ленинграде.

Здесь я хочу только вспомнить, что говорил мне один старый ленинградский знакомый. Он как-то выразился: «В Ленинграде все женихи, а в Москве все больше невесты».

Эта ленинградская практическая установка этнографического образования, которая знаменует собой, в конце концов, победу историзма, даст нам тот прекрасный экспортный товар, о котором с таким пафосом говорил Вл[адимир] Герман[анович], того советского этнографа, которого мы торжественно ввезем за границу.

(*л. 519*) ***Герд***

Ведь доклад, кажется, назывался «Вопросы преподавания этнографии и подготовки этнографов». Поэтому мне хотелось бы слышать не только в горизонтальном разрезе о положении дела, но и в вертикальном. Во-первых, организация этнографического образования на местах и подготовка этнографов в советских институтах. Тут, пожалуй, доклад бил бы как раз в цель. Но этих вопросов как раз не было. И об этом говорили уже выступавшие до меня. А организация этнографического образования на местах — вопрос актуальный, и здесь тов. Абузов и Азадовский говорили, что на местах катастрофическое положение. С этим нужно считаться. Подготовка этнографов — научных работников поставлена безалаберно. Единственный институт — это Московский институт национальных меньшинств, где эта подготовка централизована. В остальных мы находим ассистентов при разных учебных заведениях. Нужно это централизовать.

Что касается вертикального разреза этой работы, то мне казалось, что здесь тоже нужно поставить вопрос о том, чтобы этнография преподавалась не только в специальных геофаках и этнофаках, но чтобы преподавание было бы расширено. Здесь тов. Маторин говорил, что препо-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

давание надо ввести в педвузах и в учреждениях, готовящих политпросветработников. Нужно было бы еще расширить и ввести преподавание этнографии на медфаке, агрофаке и на факультете совправа и т.д. Есть много врачей, которые должны знать массу, среди которой они работают, знать быт той или иной народности, чтобы бороться с вредными явлениями. Систему организации этнографического образования надо расширить и несколько реконструировать. Пусть геофак или этнофак будет в центре этой работы, но пусть он свои щупальцы распространит и на другие факультеты, где будет читаться какой-то вводный курс о методах общественной работы с массами с этнографическим уклоном. До сих пор этнография не введена в педвузах и педтехникумах, и потому до сих пор этот вопрос стоит неразрешенным. На этой конференции нужно обратить внимание на то, чтобы в программы педвузов и педтехникумов была введена этнография.

(*л. 520*) Что касается значения родного языка в этнографической работе и в системе этнографического образования, то мало давать изучение языка этнической группы, среди которой собираемся пустить работника. Язык не есть что-то отвлеченное от общебытовых окружений. Необходимо изучение географии, истории, фольклора и т.п. А это у нас пока сделано только в общих чертах. Между прочим, на геофаке ЛГУ есть преподавание некоторых вопросов этнографии, но нет подразделений на отдельные группы. И нужно это провести.

Мне лично кажется, что в смысле практическом ЛГУ сделал больше, и здесь работа проходит стройнее, и целеустремленнее, и яснее, чем в Москве, и, по-моему, московскому вузу надо подтянуться. Я с удовольствием слушала прекрасную систему организации работы, которая имеется в Ленинграде. И, столкнувшись с рядом студентов вотяков, окончивших Ленинградский университет, я вынесла впечатление, что эти студенты действительно являются этнографами. Московский вуз этого не дал.

(*л. 521*) ***Серебряков***

Товарищи, мне приходится остановиться на двух основных задачах нашей конференции. Первая основная задача — это внедрение марксистской методологии в этнографию. Это наш основной вопрос.

Вторая задача — это увязка нашей этнографической работы с социалистическим строительством.

Мне кажется, что в настоящее время достаточно ясно стало, по крайней мере для меня лично, что в Москве и та и другая задача не разрешены достаточно отчетливо. Наоборот, мы видим, что Ленинград эту задачу увязки этнографии с социалистическим строительством разрешил в пределах возможностей, стоит в этом направлении на верном пути и пойдет по нему дальше.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Что касается второй задачи, то мне кажется, что тут имеются небольшие шероховатости.

Мне хочется напомнить бурные аплодисменты, вызванные одним только воспоминанием о Л. Я. Штернберге, которые ясно свидетельствовали о том большом уважении, которое питает вся аудитория к памяти великого ученого.

Но в чем тут дело? Этот вопрос как будто бы нас должен волновать. Ведь Лев Яков[левич] никогда не говорил, что он материалист. Он, напротив, всегда говорил: «Я идеалист». Он всегда отстаивал эту точку зрения. Мы с ним часто спорили об этом.

Мы знаем, что Л[ев] Я[ковлевич] благодаря своему глубокому уму все-таки в своих научных исследованиях был стихийный материалист. За это мы его так и ценим. Но здесь это совершенно не было отмечено. В первом докладе отсутствовало, какой именно метод превалировал в исследованиях Л. Я. Штернберга. Совершенно не была дана проф. Преображенским марксистская оценка метода, который Л[ев] Я[ковлевич] считал основным методом этнографии. Мне кажется, что это ошибка нашей конференции и основной недостаток первого доклада. Нам необходимо было дать марксистскую (*л. 522*) оценку этого метода, и из этого мы должны были исходить в построении наших учебных планов. И действительно, если мы присмотримся к разрешению наших учебных планов, к их принципиальной установке и отправным пунктам, то мы не увидим ни в плане Москвы, ни в учебном плане Ленинграда наличия той органической увязки, которую особенно резко подчеркивал проф. Яковлев. Органическая увязка между методологическими дисциплинами и дисциплинами марксистскими и между нашей специальной этнографической дисциплиной отсутствовала.

Мы должны поставить вопрос о том, чтобы эта увязка как-то произошла.

(*л. 523*) ***Измайлова***

Товарищи, мое слово будет очень кратким. Потому что, придя к вопросу о создании этнографического бюро на основании размышлений об истории нашего этнографического изучения, я пришла к выводу, что раз выявляются такие большие кадры, то нужно создать какую-то организацию, которая ведала бы всеми этими живыми силами. И я сейчас услышала, что будет особый доклад, который вернет нас к этому вопросу. Так что высказывание своих взглядов по этому вопросу я оставляю на время того доклада.

Маркелов

Я, товарищи, хотел бы остановиться на одном вопросе о специализации на этнографических отделениях в связи со специализацией по циклам.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Дело в том, что у нас основным принципом этой специализации стоит принцип лингвистический. У нас внутри этнографического отделения все циклы построены на этом принципе. Я хотел бы сказать несколько слов о том, что такое деление, такая дифференциация специальностей не всегда целесообразна. Требуется внести какой-то корректив в то, что мы имеем сейчас. Очень часто мы имеем культуру, которую невозможно изучить при знании одного только языка. Невозможно изучить именно с этнографической точки зрения. Например, если мы берем хотя бы Поволжье. Мы здесь имеем ряд культур, которые можно изучить при знании, по крайней мере, двух языков: финского и обязательно турецкого. Точно так же всем известно, что изучать этнографические явления, предположим, Средней Азии невозможно при знании одного турецкого или одного иранского языка. Требуется знание, по крайней мере, двух языков.

При специализации этнографического отделения студент изучает собственно одну группу языков. Студент угро-финского цикла изучает только финский язык, о турецком он и не мечтает. И наоборот. Это, мне кажется, не совсем нормальное положение. Требуется внести какой-то корректив в постановку этой специализации.

(*л. 524*) ***Преображенский***

Совершенно несомненно, что этнография должна быть преподаваема в вузах социально-экономического характера. Но я должен сказать несколько слов о нашем цикле имени Д. Н. Анучина, большого русского ученого-антрополога.

Прежде всего, как уже здесь говорилось, антропология сама по себе является в достаточной степени антропологической наукой, и раса как таковая рассматривается как продукт исторического развития. Поэтому мне думается, что преподавание этнографии в качестве подсобной дисциплины, конечно, должно быть оставлено на нашем антропологическом цикле. Тем более что, изучая конституциональные типы населения, невозможно обойтись без изучения особенностей бытового характера. Изучая профессиональный тип рабочего, мы изучаем его быт, его труд и те категории, которыми оперируют и общественные науки. Совершенно несомненно, что этнограф, который преподает на антропологическом цикле, должен быть хорошо осведомлен и в антропологической науке. С этой точки зрения, для меня совершенно несомненно, что этнография на антропологическом цикле должна носить несколько особый характер, как раз тот характер, который она, по существу, у нас и носит, то есть народоведение. И предполагает гораздо большее знакомство с формациями физического типа, конституциональными, нежели с формациями социально-экономического характера.

Теперь мне хотелось бы сказать несколько слов о том, что при наших скромных силах нашим специалистам в далеких окраинах приходится

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

работать по нескольким специальностям. Тут говорилось о том, что нужно разделять специальности по истории жилища, истории костюма, религии и т.д. Я должен сказать, что мы до такого состояния еще, пожалуй, не доросли. И этнограф, работающий, скажем, среди самоедов, он часто является и лекарем, и антропологом, и художником, чем хотите. Поэтому, в силу чисто практических (*л. 525*) соображений, на всех этнографических отделениях, имеющих такой практический уклон, должно быть введено точное и хорошее преподавание пале[о]этнологии, то есть приемы пале[о]этнологического исследования, связанные с исследованием могильников, наиболее четко отображающих, скажем, ранее существовавшие религиозные формы.

Кроме того, при составлении учебных планов должна быть учитываема связь этнографии с целым рядом других специальностей.

(*л. 526*) ***Павлов-Сильванский***

Товарищи, мы все время заостряем наше внимание главным образом на трех основных вопросах: 1) что нужно знать этнографу в процессе его подготовки к этой необходимейшей, с моей точки зрения, в советском строительстве специальности, какой является этнография; 2) чем этнограф должен заниматься в процессе своей работы и, наконец, 3) как он должен этим заниматься.

По первому вопросу, что нужно знать, мы уже достаточно много говорили. Но мне хотелось бы заострить ваше внимание на одном пункте, которого мы все-таки сравнительно мало коснулись. Именно, что для того, чтобы знать тот правовой быт, о котором здесь говорилось, и обычное право, нужно, чтобы этнограф имел понятие о праве вообще, чтобы он находился в теснейшем соприкосновении с основами правовых дисциплин. Когда мы говорили о том, чем нужно заниматься, мы пока только вскользь говорили об изучении правового быта. Однако мы должны всеми мерами добиваться его изучения, потому что практические результаты от изучения правового быта огромны.

Кроме того, я хотел остановить ваше внимание на другом факте. Было сказано вскользь, что этнограф должен заниматься фотографией. Он должен целиком этим заниматься и овладеть этим орудием изучения так же, как письменностью. Потому что плох тот этнограф, который не умеет зафиксировать своих наблюдений. И особенно нужно заострить внимание на кинематографии, потому что этим средством предстоит в будущем очень сильно пользоваться.

Прежде всего этнографу нужно работать как общественнику. Только при этом мы сможем вовлечь в работу и краеведов, и те широкие массы провинциальных работников, которые пока оставались в стороне. С другой стороны, нужно вовлечь в нашу работу и научных фотографов, не про-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

мышленников, которые стоят пока в стороне, но могут оказаться блестящими помощниками, если мы докажем им, что они должны подходить к работе с этнографической стороны. Мы должны вовлечь и советских юристов, ибо я знаю, как они пока далеки от этнографии и как им необходимо в их практической работе иметь этнографические знания в области правового быта и обычаев.

(*л. 527*) ***Сергиевский***

Итак, товарищи, последний вопрос возбудил чрезвычайно большое к себе внимание. Мне очень отрадно констатировать, что в основном, по самому существу его, здесь нет принципиальных расхождений. Общая установка этнографического образования как одного из видов социально-экономического образования признана правильной.

Сейчас перед нами стоит целый ряд новых вопросов, относящихся к укреплению, я бы сказал, идеологического фронта. В этом отношении, конечно, Москва и Ленинград еще не достигли надлежащих успехов. Нет спора о том, что очередной задачей является увязка этнологии или этнографии с марксистскими предметами: введение и укрепление материалистической лингвистики в преподавании на этнографических отделениях, вероятно, и дополнение некоторыми предметами, главным образом по линии практического строительства, существующих программ и учебных планов обоих отделений. Здесь, мне кажется, можно, подробно не останавливаясь, признать все это очередной ближайшей задачей дальнейшего строительства этнографического образования.

Я не хотел бы останавливаться подробно на методической работе, о которой здесь говорил Н. Ф. Яковлев, поскольку это вопрос не только этнографического образования, а вопрос строительства высшей школы вообще, над которым думают, разумеется, все факультеты и все вузы. В частности, наш этнофак только недавно провел две большие конференции, посвященные специально этому вопросу о методах преподавания, решения которых будут постепенно проводиться в жизнь. Здесь стоят вопросы о лекционном методе, о практикумах, об увеличении практических уклонов, о зачетах, о многопредметности и т.д.

Большой интерес вызвало мнение об организации педагогического цикла или уклона на этнографическом отделении. Я приветствую всецело от лица МГУ введение такого (*л. 528*) уклона. До сего времени мы были стеснены существующей сеткой вузов, по которой социально-экономическим вузам не надлежало заниматься этой областью. Но, как выяснила и наша конференция, введение педагогического уклона на этнографическом отделении является необходимым, потому что в существующих педагогических вузах еще нет той этнографической установки, которая требуется для педагога, работающего среди нацменьшинств.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Большое внимание также вызвали к себе вопросы практического порядка, частью общие наши болезни — Ленинграда и Москвы, частью — специфические для каждого из этих городов. Общими вопросами я считаю такие, как вопрос комплектования, по которым единодушное мнение сводится к тому, что нам непременно надо добиться организованного направления к нам с мест из автономных республик и областей соответствующих представителей, причем таких, которые желали бы посвятить себя работе именно этнографического характера.

Недостаточна еще связь с местами. Это особенно отмечалось для Москвы. Это, конечно, объясняется не чем иным, как тем, что МГУ собирается сделать только первый свой выпуск. В настоящее время мы ведем огромную работу по связи с местами, по выявлению их потребностей и наших возможностей направлять работников в эти места. Переписку по этому вопросу деканат ведет уже несколько месяцев, рассылая учебные планы и конкретно указывая, кого мы намерены выпустить. От этого опыта мы ждем для себя больших результатов в смысле определения до некоторой степени и самой специализации тех студентов, которых мы будем выпускать. Такая область, как советское строительство, культурное строительство, представляются настолько широкими, что в них должно внести известное уточнение в соответствии с требованиями мест.

Этой же новизной дела, этой еще не закончившейся фазой формирования нашего московского этнографического отделения (*л. 529*) объясняются и другие организационные и практические недочеты, о которых здесь много и справедливо говорилось.

Нет никакого сомнения в том, что полевая практика у нас находится, очевидно, в таком положении, которое уже пережил Ленин[градский] университет. Вл[адимир] Герман[ович] говорил, что у них было время, когда они ходили с протянутой рукой. Мы, может быть, с протянутой рукой не ходим, но должны особо каждый год посылать заявки Главпрофобру, так как до сих пор ассигнований на полевую практику нам не дается. Об этом ассигновании всегда приходится хлопотать, и результаты получаются не такие, какие нам бы хотелось получить. Максимальная цифра, которую мы получили, была полторы тысячи рублей на все наши четыре цикла.

Тот же организационный недочет, который существует на Лен[инградском] этнографическом отделении, а именно — отсутствие помещения и надлежащей организации специальных кабинетов, есть и у нас. Я думаю, что в резолюции мы должны обратить на это дело особое внимание.

Некоторые товарищи высказывались здесь о том, что было бы желательно расширить некоторые существующие циклы, в частности, в Москве. Т[оварищ] Алексеев, представитель якутской народности, особенно интересовался вопросом о вовлечении сибирской этнографии в сферу изучения Москвы. До сих пор этот вопрос не ставился перед нами, потому что не

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

было возможности ввести в Москве эти циклы, как они были введены в Ленинграде, где имеются действительно крупные силы в этой сфере. Конечно, с самого начала мы свой учебный план не рассматривали как абсолютно стабилизированный, не подлежащий дальнейшему расширению. Не сомневаюсь в том, что со временем нам, вероятно, удастся поставить несколько новых дополнительных специальностей в соответствии с требованиями жизни. Нашей очередной задачей я считал бы не столько стремление к немедленному расширению, сколько стремление к определенному размежеванию с Лен[инградским] университетом.

(*л. 530*) Здесь есть налаженное, хорошо поставленное дело, которое нужно здесь же продолжать, и расширяться нам следовало бы в тех областях, которые в Ленинграде еще не получили надлежащего осуществления, если таковые имеются.

Той же новизной дела объясняется и организационный недостаток, о котором здесь говорил тов. Ильин, — совместительство преподавателей. Ведь совершенно понятно, что Москва не может считать нормальным явление, что преподавание у нее отдельных предметов находится в руках приезжих людей. Но когда мы не можем поставить преподавание предметов по угро-финскому циклу своими силами, то будет радостная возможность использовать того же профессора Бубриха, который действует здесь в Ленинграде на этом фронте.

(*л. 531*) Начало дела объясняет таковое положение, и нет никакого сомнения, что теперь подрастающая смена в лице аспирантов Института народов Востока даст надлежащий материал в этом отношении. Это имеет место в настоящее время путем привлечения молодежи. Слаба связь с местами, о которой здесь много говорилось. Это надо изжить. В одном только отношении я вынес отрадное впечатление от московской работы — это связь с музеями по линии музейного строительства. Должен с глубоким удивлением отметить, что с Музеем народоведения у нас такой прочной связи нет, такой связи, которая приводит к постоянному вовлечению сил музейных работников в наше институтское преподавание и к организованному прохождению нашей практики по этому разделу нашего образования.

Если мы еще мало связались с местными организациями в этом отношении, то все-таки все позиции уже завоеваны, и таких положений, на которые указывал Влад[имир] Герм[анович] о том, как трудно приходилось в Ленинграде допускать этнографических работников в музеи, в Москве не наблюдается. Это мы можем констатировать с отрадой.

Я забыл отметить, что только с одной стороны как будто высказывалось пожелание относительно защиты того положения, которое сейчас существует на антропологическом цикле физмата. Но, товарищи, когда мы говорим о необходимости поставить этнографию в цикл изучения социально-экономических дисциплин, это не означает, что специалисты-антропологи

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

были бы лишены возможности изучать эту дисциплину в качестве подсобной. Здесь говорится о том, чтобы антропологический цикл не брал на себя дело подготовки этнографов-строителей, о которых здесь идет речь. И та не[у]вязка с историей, о которой здесь много говорилось, особенно ярко выражена на нынешней конференции в некоторых выступлениях, шедших именно из антропологического цикла, — С. Ф. Преображенского, Толстова и др.

В заключение надо отметить еще один серьезный вопрос — об этнографическом образовании на местах. Я не хотел бы вносить предложения о немедленном его проведении в жизнь. Это вопрос сложный и сейчас, при отсутствии надлежащих кадров преподавателей (*л. 532*) в провинции, особенно. Ведь мы даже в Москве ощущаем подобного рода недостаток. И, может быть, было бы не бесполезным сейчас поставить вопрос о том, что в провинции везде должны быть создаваемы специальные этнографические отделения. Мы еще в Москве не можем сказать, что мы до конца построили наше этнографическое отделение. А к провинции это особенно относится.

Хотелось бы еще несколько слов сказать о тех положительных достижениях, которые имеются в нашей московской работе. Это я отношу главным образом за счет того энтузиазма, который проявляется нашей молодежью. Выступления наших московских студентов особенно ярко показали, с какой деловой критикой, как сознательно они относятся к вопросам строительства этнографического отделения, каким энтузиазмом эта молодежь заражена, и надо надеяться, что и впредь с таким же настроением мы будем строить наше общее дело. Время не позволяет мне сказать об общественной работе нашей молодежи. Как работает, например, этнографический кружок? Не многим хуже, чем те студенты, о которых говорил Владимир Германович. Они проводят такие экскурсии, как в Среднюю Азию, Узбекистан и т.п. Тут этот самый энтузиазм, конечно, налицо, и только недостаток времени не позволяет мне подробно на нем останавливаться. Мне хочется только добавить, что при надлежащей постановке дела этнографического образования, при наличии искреннего желания поставить дело так, чтобы идти в уровень с требованиями жизни и призывом к строительству социалистической культуры, можно надеяться, что желаемые результаты будут достигнуты. Тот пафос, о котором здесь говорилось, поможет преодолеть все затруднения и достигнуть небывалого и в других условиях невозможного расцвета этой науки. И если сейчас есть недочеты, то нельзя отрицать, что конференция свидетельствует о стремлении к непременному преодолению этих недочетов, есть желание найти выход для дружного сотрудничества. Я бы сказал, что даже та острота и живость, с которой велась дискуссия, свидетельствует о движении вперед. С такими предпосылками можно надеяться, что наше этнографическое преподавание найдет правильный путь.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

(*л. 533*) ***Кошкин***

Прения по этим докладам были чрезвычайно оживленные и внесли много деловых предложений, которые мы, конечно, учтем в своей работе, а основные из этих вопросов должны быть учтены в резолюциях.

Но одно я могу сказать: у нас было много недостатков, но у нас был зато один плюс — у нас была этнография. Здесь это нужно совершенно определенно подчеркнуть. Мы очень много ошибались, но в том, что мы делали, все же видны достижения.

В чем же наши недостатки? Я вчера уже говорил, как зародилось этнографическое отделение, насколько были сильны биологическое и географическое влияние в этнографическом образовании и насколько много было приложено трудов, чтобы освободиться от этого биологизма и географизма в качестве методологических основ. Мы можем сказать, что сейчас в основе наших учебных планов биологизма и географизма уже нет. У нас есть биологические предметы только как дополнительные дисциплины, необходимые для этнографа в полевой работе.

Теперь я хотел бы дать справку Петру Федоровичу, который сделал маленькую неточность, сказав, что московская школа нас толкала по пути историзма. Я не хочу вдаваться подробно в историю, но нужно сказать, что если нас кто-то и толкал в [19]26 г., то это был Главпрофобр, который одновременно является и московским, и ленинградским учреждением. Затем надо сказать, что учебный план [19]25 г. был выработан в Ленинграде группой студентов совместно со мной. Совместно с левой частью студенчества мы сделали маленький переворот. Я лично поехал в Москву, где за подписью председателя ГУСа новый учебный план был утвержден. И только в [19]26 г. этот вопрос перешел на обсуждение Главпрофобра.

Здесь тов. Серебряков, говоря о Л. Я. Штернберге, сказал, что он не считал себя идеалистом, а считал себя позитивистом.

(*л. 534*) С нашей точки зрения, это учение философское, и общеизвестно, что оно не материалистическое. Я хочу только сказать, что Л[ев] Я[ковлевич] применял этот термин в смысле общежитейском. Ясно, что [для] построения этнографической науки другими соображениями, как диалектическим материализмом, [мы] руководствоваться не могли. Даже тогда, когда они исходили из уст весьма авторитетных лиц. Мы взяли у Л[ьва] Я[ковлевича] то, что у него было ценного.

Теперь о Вл[адимире] Герм[ановиче], в порядке самокритики. Вл[адимир] Герман[ович] — очень интересный профессор. Он глубже нас всех, вместе взятых. Когда он писал свою «Этногеографию», он сказал: я сделал первый шаг к марксизму. Скажите, хорошо это или нет. Я посмотрел и сказал. Успехов почти никаких нет на марксистском фронте. Вл[адимир] Герм[анович] не обиделся, потому что он себе ясно и отчетливо представляет, что то дело, которое он делает, и то место, которое он

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

занимает, достаточно почетно и необходимо для нашего государственного строительства и для внедрения марксистских идей в этнографическую науку.

Весьма ценные замечания были сделаны Н. Ф. Яковлевым по адресу этнографических отделений. Эти замечания должны быть приняты в расчет.

Тут были некоторые вопросы, которые требуют дополнительного разъяснения. Я хочу сказать тов. Азадовскому, что наше совещание мыслилось и было созвано исключительно как совещание московских и ленинградских этнографов. Следовательно, ни о каком привлечении местных работников не было поставлено вопроса. Это, таким образом, не невнимание к местным работникам, а просто мы считаем, что для продвижения вперед этнографической дисциплины нужно сначала собраться в масштабе Москвы и Ленинграда, чтобы потом перейти на более широкие рельсы и созвать конференцию или съезд.

Теперь остановлюсь на вопросе преподавания яфетического языкознания. Нужно отметить, что те переговоры, которые мы ведем два года с Н. Я. Марром, не увенчались успехом.

(*л. 535*) Но теперь придется эти попытки расширить и углубить, чтобы можно было общий курс языкознания поручить человеку, давшему лингвистике материалистическую постановку.

Здесь была высказана мысль об увязке с местными учреждениями. Это очень важно отметить в резолюции.

И, наконец, я хочу подчеркнуть, что, несмотря на то что у нас есть много ошибок и много трудностей, но у нас есть ясное представление, чего мы хотим достигнуть. Мы хотим дать в теоретической области социологически подготовленного человека, а в практической области — полезного этнолога, для нашего советского строительства. Вот две идеи, которыми мы руководствуемся и которые по мере наших сил мы проводим в жизнь. Чем дальше мы углубим эти две линии, тем лучше будет для науки и для этнографического отделения.

(*л. 536*) ***Председатель***

По личному вопросу. Мое выступление против тов. Яковлева не следует рассматривать как выступление против необходимости марксистской увязки на этнографическом факультете. Я не мог выступать против марксистской увязки.

Богораз

Я должен сделать два заявления. По-видимому, наше совещание так складывается, что для моего американского доклада как будто нет места. Я отчасти это предвидел и постоянно говорил, что сделаю доклад, если только до него дойдет очередь, так как знаю, что раз мы расширили одну

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

половину, то приходится сокращать другую. Сейчас нам предстоит посещение Географического общества, потом банкет. Потом — принятие резолюций. Я мог бы зачитать свой доклад на геофаке. Кроме того, 19-го числа с[его] м[есяца] я в Москве буду читать доклад в Политехническом музее на эту тему. Быть может, возможно, это как-нибудь согласовать, если у вас есть желание прослушать его. В Москве я буду читать его два раза. Там же я продемонстрирую 50 диапозитивов, которые я вывез.

Затем я хочу сделать еще одно замечание по личному поводу. Видите ли, я сегодня получил несколько уроков в порядке самокритики и просто критики, уроков индивидуальных и коллективных. Что касается нашей собственной самокритики, то мы столкуемся. Но я должен сказать, что когда я свою книгу написал, то я говорил, что это есть пионерство научного порядка. Что, несомненно, и есть. Его нельзя отрицать. Я неоднократно предлагаю: давайте соберемся и будем это обсуждать. Еже согреших — согреших. С другой стороны, если взять то, что говорилось в порядке критики, то вы слышали, что П[етр] Ф[едорович] применил свой метод к историческому обследованию влияния московского отделения на ленинградское по введению у нас историзма и социологизма. Нужно сказать, что мы благодарим московское отделение, уж если мы получили от Москвы уроки. Уча — учимся. Но одну подробность я хочу указать. Что если говорить об импорте марксистского вина из Москвы, то мы пойдем вам навстречу, и я сказал вам об этом откровенно. Но мы хотим ввозить его не в полубутылках. Там оно разведено. Мы предпочтем это вино взять из бурдюка, а лучше всего — прямо из источника.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

День седьмой
11 апреля 1929 г.
Утреннее заседание

(*л. 538*) ***Председатель***

Сейчас слово предоставляется всем желающим выступить по различным заявлениям, по различным поводам.

«В ПРЕЗИДИУМ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО СОВЕЩАНИЯ

От студенческой делегации 2-го МГУ и ЛГУ.

Выступление проф. Максимова по адресу одного из делегатов совещания, давшему деловую и правильную самокритику общей установки наших учебных планов, мы расцениваем как выпад против марксистской группы нашего совещания, с которой последний солидаризировался.

Глубоко возмущенные таким поступком, где за личными нападками скрываются антимарксистские настроения профессора Максимова, студенческая делегация 2-го МГУ и ЛГУ сожалеет о таком выступления проф. Максимова. Сложившееся общее впечатление у студ[енческих] делегаций не изменилось.

Вызывает также удивление пассивность Президиума во время выступления. Студенческие делегации заявляют, что они и в дальнейшем будут продолжать решительную борьбу против каких бы то ни было ущемлений наших ученых общественников.

Делегаты 2-го МГУ: Мартик[ь]ян, (подпись), Чистяков, В. Чичеров[1].

Делегаты ЛГУ: В. Серебряков, (подпись), (подпись) В. А. Ершов[2]».

Студент 2-го МГУ

Тов. Серебряков сказал, что это заявление подписали все студенческие делегации. Делегация 1-го МГУ совершенно не находит, что речь проф. Максимова есть антимарксистское выступление.

Дело касается совершенно личного характера. Никакого антимарксистского выступления не было, тем более что проф. Максимов в своем выступлении сказал, что он целиком присоединяется к деловой критике молодых студентов. Критика же тов. Яковлева им расценивается иначе.

Чистяков

Подавая свое заявление, мы глубоко убеждены в его справедливости, и делегация 2-го МГУ чрезвычайно возмущена оппортунистским поведением студентов 1-го МГУ.

---

[1] Личность установить не удалось

[2] Личность установить не удалось.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

(*л. 539*) ***Студент 1-го МГУ***

Тот товарищ, который выступает здесь от 2-го МГУ, должен привести факты, доказывающие, что мы оппортунисты, и также факты о том, что выступление проф. Максимова было антимарксистское. Слов недостаточно, нужны факты.

(*л. 540*) ***Городцов***

В течение 4-х дней совместной работы я ни разу не выступал. Что удерживало меня от выступлений, позвольте донести до вашего сведения. Я просил бы Президиум рассеять мое недоумение.

Меня, как представителя одного из крупнейших государственных музеев, три раза предлагали Президиуму избрать в свои члены. Президиум отклонил предложение по тому мотиву, что организация президиума закончена и пополнение невозможно. Вчера же президиум без всяких колебаний принял в свой состав жену покойного академика Л. Я. Штернберга. Мне хотелось бы знать, чтобы доложить Государственному историческому музею, считает ли Президиум конференции корректным и справедливым свое поведение в отношении меня. Теперь обращаюсь к конференции.

Имею честь доложить, что я состою во-1) профессором 1 МГУ, во-2) действительным членом и председателем археологической секции Института археологии, искусства знаний. 3) заведующим археологическим отделом Государственного исторического музея.

Археология и этнография — науки смежные, и поэтому занимающийся одной из наук непременно должен заниматься и другой.

Лично я имею более 150 печатных трудов, часть которых касается этнографии. Из этих последних один труд в настоящее время дебатируется в заграничных ученых центрах и переводится на иностранный язык. Поэтому, казалось бы, что я имею право на участие в трудах Президиума, тем более что я был председателем на 2-х археологических всесоюзных конференциях (в Керчи и Херсоне), что хорошо известно участникам нашей этнографической конференции.

Прошу занести мое заявление в протокол.

Председатель

Принимая заявление проф. Городцова к сведению, считаю (*л. 541*) нужным сказать, что ни Президиум, ни совещание не считали некорректным актом невключение проф. Городцова в Президиум. Это было сделано из деловых соображений, поскольку Президиум должен быть сконструирован перед съездом. Это, с одной стороны, а с другой стороны, вдова покойного Штернберга была введена в Президиум по пожеланию самого совещания, в качестве почтения памяти умершего великого этнографа, но не в качестве делового члена Президиума.

Я думаю, что этим разъяснением мы рассеем все недоразумения.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Городцов

Я объяснением председателя Президиума съезда не удовлетворен.

Яковлев

Как я уже говорил, я не называл себя марксистом. Но раз меня здесь сама молодежь причислила к группе активных марксистов, я не отказываюсь от этого звания, а, наоборот, с благодарностью принимаю. Разрешите мне от имени этой группы сказать, что мы всецело поддерживаем заявление проф. Городцова, но вместе с тем, чтобы здесь не создалось некоторого недоразумения, мы одновременно подчеркнем, что мы считаем, что заявление проф. Городцова ни в какой мере не касается персонально вопроса о введении уважаемой С. А. Штернберг в состав Президиума. Наоборот, это было сделано по инициативе нашей группы. Мы глубоко ценим покойного Л. Я. Штернберга, и я даже являюсь его учеником, так как неоднократно пользовался его советами в своих этнографических работах.

Председатель

Инцидент считаю исчерпанным.

(*л. 542*) ***Маторин***

Товарищи, по поводу посылки делегации в Областной съезд Советов я вчера вел переговоры с Президиумом съезда. Делегация должна явиться туда в промежуток между 2–3 часами. В отношении состава делегации нам необходимо внести некоторые уточнения. Не все товарищи согласны принять участие, и после некоторого совещания предлагается послать делегацию в следующем составе: проф. Миллер, Максимов, тов. Мартикьян, Маркелов, Спиридонов, Шпринцин, Серебряков, Толстов.

(*л. 543*) ***Соколов***. Тезисы к докладу профессора Ольденбурга

По просьбе проф. Ольденбурга я прочту его тезисы. В общем, я согласен с ними и только в одном вопросе у нас разногласие.

Тезисы «Увязка этнографических экспедиций отдельных учреждений»

1. Организованность и плановость, являющиеся основными элементами советского социалистического строительства, не нашли себе до сих пор отражения в этнографическом экспедиционном деле.

2. Первою причиною такого отсутствия организации является отсутствие правильного и полного учета наших этнографических учреждений и этнографов.

3. Первым организационным шагом поэтому должно явиться составление полного справочника по этнографическим учреждениям и этнографии. Для его составления из состава совещания должна быть выделена комиссия, которая должна повести работу совместно с комиссией «Научные

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

работники СССР» при Академии наук[1], ГАНМК[2], ЦВК[3] и Секцией научных работников[4]. Средства на составление и издание справочника должны быть даны Главнаукой совместно со всеми указанными учреждениями.

4. Отсутствие организованности в экспедиционном деле мешает в значительной мере более рациональному и экономному использованию средств, которых имеется и без того весьма ограниченное количество. Крайнее дробление экспедиций вызывает много лишних расходов.

5. Отсутствие организованности является вместе с тем причиной значительной кустарности в постановке дела снаряжений экспедиций. На нашем внутреннем рынке, за отсутствием правильного и периодического потребления, отсутствует настоящее, проработанное до мелочей (*л. 544*) на основании опыта, экспедиционное снаряжение. Нет при этом в использовании заграничного опыта, где с вопросом об экспедиционном снаряжении дело стоит неизмеримо лучше.

6. Отсутствие организованности тяжело отражается вообще на всей технической стороне экспедиций, обставляемых до сих пор чрезвычайно примитивно.

7. Если неблагополучно [об]стоит дело с технической стороной этнографических экспедиций, то в еще большей мер[е] неблагополучно обстоит дело с научной стороной экспедиций в смысле взаимной увязки в Союзе между центральными научными учреждениями и между ними и местными учреждениями. Сводки планов и предположений, которые даются при Главнауках республик и в бюро секции Госплана, не создают настоящей увязки. Некоторая попытка, сделанная ЦБК, в отношении ознакомления мест с предстоящими в каждом году экспедициями из центров является пока единственным организационным моментом в этом отношении.

8. Критика такого ненормального положения меньше всего должна останавливаться на вопросе о параллелизме, который при нашей бедности квалифицированными работниками и деньгами вообще не играет сколько-нибудь заметной роли. Вопрос состоит гораздо глубже в двух отношениях: характера восприятия экспедиционной работы широкими массами и характера и научного значения самой работы.

9. Этнографическое экспедиционное дело в очень малой мере учло еще основное условие успешной широкой работы у нас в связи с общим характером и установкой советского [с]троя. Советский строй требует, чтобы массе населения была в возможно полной мере понятна всякая

---

[1] Имеется в виду комиссия «Научные учреждения и научные работники СССР».

[2] Видимо, имеется в виду ГАИМК (Государственная академия материальной культуры).

[3] Видимо, имеется в виду ЦБК (Центральное бюро краеведения).

[4] Секция научных работников при АН СССР.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

работа, какая у нас производится, причем особенное значение имеет часто очень трудно воспринимаемое понимание научной работы. В этнографических исследованиях, по всем понятным причинам, понимание массою населения производимой работы имеет совершенно исключительное значение. Ибо от этого понимания и зависит в полной мере и степень успеха работы. Только полная увязка с местами может реально помочь делу, потому что (*л. 545*) только местные люди могут заняться в широком масштабе подготовкой населения. Необходимо вместе с тем широко использовать печать, особенно газеты, что до сих пор делается случайно и мало. В этом же отношении должны быть широко использованы радио и кино.

10. По отношению к научной стороне работ отсутствие увязки сказывается особенно там, что работа ведется в общем, исходя из интереса отдельных учреждений, отдельных исследователей. Совершенно на чувствуется всякой общей системы, никакого общего плана, никакой последовательности в работе. Вследствие этого мы видим большие пробелы, мешающие часто возможным обобщениям. Теряется драгоценное время по отношению к таким местам, где быстрое изменение быта выводит из жизни массу явлений этнографического характера: исследование запаздывает.

11. Все обстоятельства дела повелительно указывают на необходимость создания организационного центра для этнографических экспедиционных исследований. Вопрос этот крайне осложняется тем, что необходим центр всесоюзный, помимо центра для РСФСР. Ясно, однако, что для всесоюзного этнографического съезда вопрос этот не может получить разрешения, так как требуется согласие всех республик.

12. До создания всесоюзного этнографического экспедиционного центра необходимо создать временную организацию для РСФСР, причем наиболее подходящим в этом отношении явилось бы первое отделение Академии истории материальной культуры (имеющей отдел в Москве). Оно могло бы объединиться прежде всего с центральными и вообще главными этнографическими музеями, Академией наук, Географическим обществом и ЦБК, а затем и [с] другими заинтересованными в этнографических исследованиях учреждениями.

13. Основными и срочными организационными задачами этого центра были бы: 1) составление и издание справочника этнографических учреждений и этнографов; 2) составление карты (*л. 546*) Союза с указаниями исследованных в разной мере и совсем не исследованных в этнографическом отношении местностей; 3) учет подготовляемых и состоявшихся экспедиций; 4) издание, по возможности, связанных с журналом «Этнография» справочников экспедиционного дела; 5) систематическая проработка вопросов техники экспедиционного дела и снаряжения, с составлением показательного особого кабинета экспедиционного снаряжения, советско-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

го и иностранного; 6) составление экспедиционных справочников и инструкций.

14. Организационный центр «Этнографическое экспедиционное бюро РСФСР» должен заняться разработкой плана «Всесоюзного этнографического экспедиционного бюро».

(*л. 547*) ***Председатель***
Нужно открыть прения по этому вопросу.

Голоса с места
Нужно.

Председатель
Тогда прошу записываться, кто желает выступить в прениях.

Аптекарь
Ввиду отсутствия академика Ольденбурга я не хотел бы и не считал удобным вступать здесь в спор по поводу доклада. Но я считаю, что есть один момент, который обязательно нужно отметить за тем, чтобы изменить его. Развертывание этнографического отдела и, в частности, экспедиций, если мы серьезно хотим увязать с практикой, должно быть увязано организованно. В списки тех учреждений, которые должны составить собою единое руководящее ядро, надо обязательно включить и Коммунистическую академию, которая проводит целый ряд экспедиций, и Аграрный институт, который берется как объект изучения десятков тысяч крестьянских дворов по влиянию аграрной революции в России. Имеется целый ряд других институтов, институтов советского строительства: комиссия по национальному вопросу, комиссия по женскому движению, которые имеют сейчас большую связь с местами. С этими учреждениями, вернее целым комплексом различных марксистских организаций и институтов, должна быть увязка. Кроме того, должен указать еще на одно учреждение, которое заинтересовано в этом, поскольку оно эту работу проводит. Это Общество историков-марксистов. Мне кажется, невключение этих организаций является несомненной ошибкой.

(*л. 548*) ***Крыжановский***
Я буду говорить по тому же вопросу, по которому говорил тов. Аптекарь. Меня, в общем, мало удовлетворяет его мысль об организации такого центра. Я не возлагаю больших надежд на него, потому что практика показала, что такая широкая организация не всегда бывает достаточно работоспособной, чтобы оказывать действительное влияние на работу, и очень часто затрудняет дело, но попытаться можно. Меня смущает сле-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

дующее обстоятельство, тоже из практики. Я думаю, что создавать такой центр при каком-нибудь учреждении неправильно. Такой центр должен быть межучрежденческий. Совершенно то же я говорил когда-то о музеях, говорил о необходимости музейной ассоциации, межмузейной, которая решила бы вопросы как методические, так и другие вопросы, связанные с музеями. Также и здесь, едва ли было бы целесообразно ставить во главу такого объединения Академию материальной культуры, тем более что она мало занимается этнографией. Скажем по совести, Академия материальной культуры ведет наименее развернутую работу по этнографии. Это и не удивительно. Ее состав количественно очень невелик, и понятно поэтому, что эта работа отступает на задний план.

У нас существует Академия наук. При этой Академии есть специальная комиссия по экспедициям[1]. Как раз такую работу можно было бы на время до образования такого межучрежденского объединения связать с работой этой комиссии, но только временно, потому что, как идеал, я представляю себе это учреждение свободным, иначе известная административная тенденция появится сейчас же. Затем, Академия — учреждение всесоюзное, она легче устанавливает связь с отдельными братскими республиками, чего не может сделать Академия истории материальной культуры.

Что касается составления справочника, то при Академии (*л. 549*) существует такая комиссия, на которую ссылается Сер[гей] Федорович[2], — комиссия по составлению справочников научных работ. Зачем же в таком случае нам создавать отдельные учреждения? Ясно, что надо ее провести через эту комиссию.

Тов. Аптекарь назвал учреждения, которые должны быть привлечены к этому делу. Это наши вузы, которые заинтересованы этим делом, особенно теперь, когда мы ставим вопрос о непрерывной производственной практике. Нам надо учитывать не только интересы настоящего, но и будущего, и, таким образом, мы должны такие учреждения включить в наш круг.

Старцев

Товарищи, совершенно верно то, что указывал проф. Ольденбург относительно увязки работы центральных учреждений с местными организациями. Мне кажется, что скоро у нас тоже наступит такой момент, когда нам по этнографии придется составлять своего рода пятилетку.

---

[1] Комиссия по организации экспедиционных исследований (КЭИ) — координирующий орган в 1928–1930 гг., выпускавший специальный «Осведомительный бюллетень», который предоставлял справки обо всех проводимых на территории СССР экспедиционных (полевых) исследованиях географов, гидрологов, геологов, археологов, этнографов и т.д.

[2] Ольденбург.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

При Академии наук существует комиссия изучения племенного населения. Эта комиссия могла бы в этом отношении кое-что сделать. По-видимому, эту работу она уже начинает, поскольку, я знаю, было обращение в автономную область Коми о пятилетнем изучении производственных сил этого края совместно с Академией наук. По-видимому, ряд автономных областей, республик и окраин примет в этой работе участие и работа эта будет расширена. Мне хотелось бы в отношении к[омиссии] сказать, чтобы ее состав был пополнен новыми работниками, новыми силами, чтобы они туда вошли если не в качестве постоянных работников, то хотя бы в качестве корреспондентов о местной работе. В процессе этого изучения и собирания материала нужно иметь в виду и укрепление местных исследовательских центров этнографии. В этом отношении еще не очень много сделано. Поскольку (*л. 550*) эту работу можно будет включить впоследствии в пятилетку, то, может быть, такое исследовательское ядро на местах действительно укрепится. Поэтому и нужно как-то наладить издательское дело и библиотечное дело.

Относительно справочника, против которого уже возражали, я хочу сказать: поменьше таких персоналий, какие этнография выпускала, а побольше настоящей исследовательской работы, побольше настоящей печатной работы, статей и т.д. Такие справочники, как, например, железнодорожный, скучны и очень мало дают ценного.

Богораз

Я должен сказать совершенно откровенно, что по этому докладу высказываться довольно трудно. Что касается критической стороны, то можно, конечно, говорить без конца и можно было бы пополнить указаниями эту тему, особенно для тех экспедиций, которые производятся в отдельном месте и на долгий срок. Эти экспедиции носят кустарный характер. Изменить это можно только тогда, когда эти экспедиции будут проводиться в плановом порядке. Те экспедиции, которые я устраивал за последние 2 года, по существу, все-таки какие-то кустарные, самодельного порядка и являются экспедициями согласованными. Это вполне понятно, если мы получаем из одного учреждения для экспедиции на Север 2 тысячи рублей, когда одна дорога и снаряжение стоят столько же. Ясно, что в таких условиях мы согласуем две, три, четыре, даже пять, шесть экспедиций, согласуем при этом путем бесконечной переписки и бесконечных частных соглашений.

Я упомянул в одном из докладов об экспедиции Академии наук (это самое крупное учреждение в СССР). Мы устраивали формально экспедиции на 8 месяцев, а другие учреждения — на 4 месяца. Тут нужна большая увязка.

Здесь упоминалось о вузах. Как раз при нашем отделении (*л. 551*) есть экскурсионная комиссия, которая имеет какие-то средства и которая

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

устраивает не только этнографические экспедиции студентов, но даже и в более широком масштабе. Относительно того, как трудно проводить экспедиции по оглашению, я приведу пример. Последняя экспедиция на Ямал была устроена ленин[градским] Северным комитетом по соглашению. Это соглашение заняло полгода, и я с ужасом думаю, как мы будем сдавать отчетность. Каждое учреждение знает свою форму отчетности. Попробуйте расписать ставки жалованья на разные ведомости, это выходит как будто одну семью рассекают на части. На одну ведомость тоже нельзя принять. Таких подробностей можно сообщить огромное количество. Дело не в том, чтобы критиковать, а надо найти какой-то выход. Более чем 2 года мы разговариваем о плановости. Очевидно, плановость кустарным порядком установить нельзя. Надо найти какой-то подход, который был бы вне этого вагона, в котором мы сидим и стараемся сдвинуть, не слезая с места. Поэтому, если говорить об этих чрезвычайных трудностях и искать выхода, то я бы сказал: создавать какой-то орган сейчас преждевременно и не отвечает реальным надобностям этого дела.

Между прочим скажу, что с указаниями тов. Аптекаря я согласен и было бы странно, если бы не включили тех учреждений, о которых он говорил. Их надо включить, особенно первое. Оно в организации нашего плана скажет свое слово, и тогда, быть может, наши кустарные объединения объединятся не только в одном плане, но объединятся и идеологически. Это совершенно ясно. Я считаю, что невключение этих учреждений — это простая обмолвка. Я еще хочу сказать, что вследствие большой спешки наше совещание превратилось в объединение Москвы и Ленинграда. Мы не пригласили людей из провинции. Мы слышали два упрека, и я должен сказать, что упреки эти были основательны. Если бы мы снова это совещание устраивали, то есть если бы было обратное течение времени, пригласили бы людей и из провинции. Поэтому я считаю, что в этом (*л. 552*) вопросе не надо делать окончательного решения, прежде чем не созовем Всесоюзный этнографический съезд. Только этот съезд может указать нам выход из этого положения. Этот съезд может создать настоящий орган и только в этом органе может возникнуть плановость, то есть то, чего мы сейчас добиваемся. Мы должны дождаться съезда, тем более что на этот год создавать новый орган уже поздно. Все это решится на будущий год. Поэтому на все предложения о создании такого межучрежденческого органа я скажу, что надо подождать до съезда и что этот орган должен быть не только межучрежденческий, но и всесоюзный. Он должен быть создан съездом этнографов, должен быть правомочный, и, может быть, этот орган будет межгородской и примет во внимание и местные учреждения. Этот орган мы сейчас из нашей среды создать не можем.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Соколов

Я сейчас выступлю по тому вопросу, по которому у меня разногласие с Сер[геем] Федоровичем, как я уже об этом предупреждал, именно по вопросу о месте создания такого органа. Я лично не думаю, что сейчас можно было бы создать какое-то особое экспедиционное бюро. Мы на этом совещании все время говорим о необходимости согласования всей этнографической работы во всех ее разрезах. Я думаю, до съезда по крайней мере, о котором мы мечтаем, до всесоюзного съезда, мы должны функции по согласованию экспедиций, передать тому временному органу, который мы наметим в результате нашего совещания и который будет предложен в резолюции. Я считал бы, что устраивать это экспедиционное бюро при каком-нибудь учреждении, хотя бы при Академии наук, было бы абсолютно нерационально. Здесь невольно бы интересы этого учреждения (это вполне естественно) стали бы превалировать над интересами всех других многочисленных (*л. 553*) учреждений. А нам нужно, чтобы оно было абсолютно независимо. И поэтому говорить о создании экспедиционного бюро как какого-то общего органа, который мы временно используем, до съезда не стоит.

О других интересных вопросах — я буду говорить о том, причем вопрос о журнале я хотел бы поставить особо.

Яковлев

Товарищи, вопрос об экспедициях — вопрос, чрезвычайно важный для всех этнографических учреждений. Дело в том, что экспедиции связаны с развитием теории в этнографии, так же как рука связана с мозгом. Если подходить с этой точки зрения, мы прежде всего должны создать такую организацию, которая бы обеспечила за нашими учреждениями возможность вести экспедиционную работу. Тут, по-моему, надо разграничить две стороны. С одной стороны, администрирование делами экспедиций, с другой стороны, научная увязка экспедиций в целях уничтожения параллелизма в научной работе. Первая задача, мне кажется, не может быть разрешена этим бюро, и до тех пор пока не будет создан союзный Наркомпрос, она вообще не может быть разрешена в нашей системе государственного строительства. Я бы считал, что эту задачу надо пока совершенно исключить, чтобы в административном отношении экспедиции подчинялись по двум линиям: с одной стороны, Главнауке и Наркомпросу и, с другой стороны, этому Центральному бюро.

Если мы возьмем теперь вторую задачу — увязку научного порядка, то надо сказать, что эта увязка необходима, конечно, но она должна быть делом инициативы самого научного учреждения. Это не столько какая-нибудь директивная и административная задача, сколько задача плановости научной работы в интересах самой научной работы и постольку, поскольку (*л. 554*) все научные работники и все научные учреждения признают эту

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

увязку необходимой. Поэтому я бы считал правильным решением этого вопроса не создание бюро при каком-то одном учреждении, хотя бы и столь высокоавторитетном, как Академия наук, а как раз, я хочу подчеркнуть, что интересы ни одного научно-исследовательского института не должны быть забыты, в том числе и провинциальных, так как они ничуть не меньше нуждаются, а даже больше, в экспедициях. И поэтому мне кажется, нужно создать такую организацию, в которой были бы представлены все научные учреждения нашего Союза. Идеальное решение такого вопроса было бы возможно, если бы имели ежегодно этнографический съезд. Но так как, по-видимому, мы этой возможности не будем иметь (может быть, можно этот вопрос как раз поставить в связи с этим), то тогда я бы считал, что ближайший этнографический съезд должен проработать пятилетний план, выяснить, какие способы будут поняты как ущемление тех или иных отдельных учреждений, с чем, я повторяю, ни одно из исследовательских учреждений не может согласиться, и оно будет право, потому что отнять у него инициативу — значит отрубить ему руку.

Толстов

Я согласен с большинством из выступавших товарищей относительно того, что это бюро, которое мы хотим создать, должно быть, конечно, межучрежденческое, и если ему необходимо числиться при каком-нибудь учреждении, пока оно не примет всесоюзного масштаба, то я считаю, что таким учреждением должна быть Главнаука. Я хотел бы подчеркнуть то, что сказал Н. Ф.[1] относительно того, что это бюро на целый ряд ближайших лет не может брать на себя задачи административные: функциями этого бюро будет согласование работы. Это согласование не может исчерпываться только согласованием (*л. 555*) экспедиционной работы, поскольку экспедиционная работа неразрывно связана с другими учреждениями. Поэтому на такое бюро нужно смотреть как бы на этнографический Госплан. Создавать такое этнографическое бюро в полном объеме и достаточно авторитетное и правомочное возможно только на этнографическом съезде ближайшего созыва. В задачи этого бюро, так же как и в задачи съезда, нужно включить то, что выдвигалось в ряде докладов, в частности в моем докладе, именно составление пятилетнего плана этнографических исследований, не только в смысле постановки экспедиций, но и [в] смысле разработки отдельных этнографических проблем и этнографических вопросов. Такая разработка плана должна составить одну из сторон работы этого бюро. Другая же сторона должна заключаться в том, что оно само внутри себя будет разрабатывать уже на каждый год и такие планы работ, в которые будут включены те или иные учреждения, по крайней мере на ближайшие

[1] Имеется в виду Яковлев.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

годы. Сейчас мы имеем колоссальное количество ненормальных явлений, когда совершенно без всякой злой воли организуется экспедиция в одном и том же районе и в различных учреждениях независимо друг от друга ведется одна и та же работа на какую-нибудь тему в одном и том же направлении. Конечно, для пользы дела было бы чрезвычайно желательно, чтобы эта работа была согласована и кооперирована. Уже выдвигался этот принцип кооперации исследований как между центральными учреждениями различных центров, так и между центральными учреждениями и местными учреждениями. И для того, чтобы это было осуществлено, нужно чтобы был такой орган, который следил за тем, что делается во всех учреждениях. Мы можем вменить в обязанность всем этнографическим учреждениям информировать немедленно обо всех предполагающихся работах, и дело бюро в случае получения аналогичных заявок — информировать эти учреждения о том, что имеются параллельные заявления.

(*л. 556*) Мне кажется, что съезд, конечно, нужно созвать как можно скорее. Но, тем не менее, дело не ждет, и даже в этом году мы, по всей вероятности, будем иметь целый ряд печальных совпадений участков, чему я и многие другие были свидетелями в предыдущем году. И поэтому, мне кажется, наше совещание не должно в этом отношении пройти даром, и на нашем совещании должно быть создано временное бюро, которому будет поручена организационная работа по съезду. Я не говорю о том, чтобы оно было персонально избрано, может быть, только некоторые лица будут персонально избраны, остальные будут представлять те или другие учреждения. Для того чтобы работа производилась планомерно, совершенно не нужно, чтобы было чрезвычайно большое представительство и какие-то чрезвычайные права. Во всяком случае поручить такой организации техническую работу — собирание сведений и увязку экспедиций, — я думаю, мы являемся вполне правомочны. Но при этом, конечно, необходимо подчеркнуть то, что если мы здесь будем намечать хотя бы общие контуры нашего организационного бюро для этнографического съезда, а, по-моему, здесь это является наиболее уместным, то здесь, конечно, эти две функции должны быть целиком совмещены, и именно этому организационному бюро мы и поручим вести эту работу. Я бы определенно протестовал против того, чтобы какому-нибудь из ведомственных учреждений на это время давать эту работу. Мне кажется, что здесь должна быть междуведомственная, междуучрежденческая комиссия, которая и должна взять на себя эти функции немедленно. Может быть, те неувязки которые произойдут за это лето, смогут быть устранены.

[Неизвестный оратор]

Я тоже думаю, что сейчас вырабатывать конкретные формы деятельности и увязки экспедиционной жизни было бы преждевременным. Во вся-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

ком случае это нужно сделать в большом согласии с местами хотя бы потому, что на местах это уже сделано. (*л. 557*) Тов. Толстов указывал, например, что необходимо, чтобы места каждый раз сообщали по адресу, который будет намечен съездом или конференцией обо всех экспедициях, предпринимаемых и проделанных. Позвольте сказать, что мы уже год как делаем это. Например, в Сибири все научные краеведческие организации имеют один центр — это общество изучения Сибири и ее производственных сил. В Новосибирске это общество является организационным центром для всей многочисленной краеведческой сети в Сибири. Каждая экспедиция проходит через этот центр, и почти все ассигнования из тех или других источников Сибирского края идут в эту организацию. Это общество находится в тесной увязке с центральным бюро краеведения, и весь список экспедиций пересылается туда. Я хотел бы проверить с Павловым-Селиванским, насколько сохраняются в силе те формы, которые были выработаны на Краеведческой всесоюзной конференции в прошлом году. Мы очень мало осведомлены о том, что делается в области планирования.

Вопрос, поднятый С. Ф. Ольденбургом, имеет громадное значение, как бы его ни решили, отложим ли до съезда или создадим какую-то промежуточную форму, важно то, чтобы этнографическая общественность обратила свое сугубое внимание на принципы и формы комплектования экспедиций и на формы их работы.

Вл[адимир] Герм[анович] говорил об экспедициях Комитета Севера. Мы все с достаточным уважением относимся к этой организации, мы преклоняемся перед теми громадными результатами, которые достигнуты этой организацией в области изучения и главным образом улучшения быта наших туземных народностей. Но я должен сказать, что часто наша краеведческая общественность становится перед фактом непонимания того, что делается. Некоторые экспедиции (*л. 558*) заставляют как-то с большой осторожностью относиться к плану работ Комитета. Не всегда нам, представителям краеведческой общественности, понятны принципы и формы этой организации. Во всяком случае, работа Комитета Севера на местах в большинстве случаев не связана с работой краеведческих организаций, даже таких, как Географическое общество.

Затем нужно поставить вопрос, может быть, даже не дожидаясь съезда, а в порядке работы той организации, которая создастся после нашего совещания, — вопрос о ведомственных экспедициях и экспедициях научных. Различие, существующее между ними в организации работ, оплата и т.д., действует подчас развращающе на работу, в особенности на местах. Я позволю себе не приводить примеров, которых слишком много. Это то основное, что я хотел сказать по принципиальному вопросу об увязке экспедиционной деятельности. Но воспользуюсь тем, что я выступил, и скажу несколько слов по поводу этнографического справочника.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Я всецело поддерживаю предложение С. Ф. Ольденбурга. Такой справочник необходим. Я должен возразить против замечания тов. Старцева о том, что персоналии в первом номере «Этнографии» имеют интерес железнодорожного справочника. Тов. Старцеву, может быть, было скучно читать, что же касается меня, то я читал этот первый номер как увлекательный роман. Неожиданно раскрылось, какая громадная работа ведется в разных местах Союза, как различные проблемы, над которыми работают в одиночку и которые нами, краеведами, подхватываются, какое обилие работ написано, приготовлено к печати и хранится на руках, не имея возможности быть опубликованными и т.д. Мне думается, что в деле сближения этнографов между собой и организации всей этнографической работы такие справочники и такой отдел персоналий имеет колоссальное значение.

Золотарев

Вопрос о планировании и увязке экспедиционного дела чрезвычайно важен. Но он ведь не новый вопрос, мы уже говорили об этом много лет, и я думаю, что теперь, намечая как бы новые формы организации, надо несколько оглянуться на тот опыт, который уже был проделан (*л. 559*) в этом отношении. Нельзя говорить о планировании, не говоря, не подчеркивая того, что делается. Этот вопрос нужно особенно остро поставить, потому что мы в большинстве случаев просто не знаем, какие учреждения что делают и каковы результаты. Учет и отчетность — вот что прежде всего нужно иметь в виду. Нужно сказать, что есть уже учреждения, которые поставили себе задачу осуществлять этот учет не только по отношению к этнографическим, но вообще к экспедициям. Но, к сожалению, учреждения мало откликаются и на это. Центральное бюро краеведения, стремясь в течение ряда лет осуществлять этот учет, наталкивается на то, что и далеко не все учреждения охотно и своевременно доставляют нужный материал. Учет, как его предполагает Центральное бюро, связан в значительной степени с вопросом планирования и особенно с увязкой с местными краевыми организациями. Центральное бюро извещает о[бо] всех тех предположениях, которые в настоящее время там имеются. Особенное внимание надо обратить на отчетность. Я особенно могу об этом говорить, так как по поручению Секции человека Госплана подводил итоги 10-летней экспедиционной работы наших ленинградских учреждений как раз в области этнографии, археологии, палеонтологии. Здесь обнаружилось, что даже в крупных центральных учреждениях, осуществляющих много экспедиций, материалов отчетности очень мало. По некоторым экспедициям почти ничего не сохраняется, и эти учреждения даже теперь, по свежим следам, не в состоянии восстановить ту картину, которая так недавно прошла перед ними. Что касается самого материала, то здесь дело обстоит совершенно невозможно. На эту сторону нужно обратить особое внимание. Если

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

удастся поставить это дело надлежащим образом, то это будет большим шагом в деле улучшения экспедиционной работы и продвинет нас к вопросам планирования.

Что касается этого самого планирования, то вопрос этот чрезвычайно важен, но ставить его сейчас так, как мы ставим, бесполезно и безнадежно. У нас очень много учреждений планирующих, и будет гораздо лучше, если мы поможем этим учреждениям доставлять те материалы, которые имеются. Москвичи говорят, что нужно создать бюро. Товарищи, ведь у нас же есть Секция человека Госплана, которая специально этим делом занимается, но она мертворожденная.

(*л. 560*) А кто в этом виноват? Вы сами. Я работал в этой секции и могу об этом говорить. Почему провалилось планирование? Потому что Главнаука планирует по-своему, Финконтроль[1] по-своему, и то, что спланировано в Секции человека, перекраивается в Главнауке и затем в финансовых органах. Нужно не создавать новых учреждений, а укреплять те организации, которые существуют и могут существовать. Я думаю, что планирование в масштабах РСФСР — чрезвычайно сложное дело, и надо начинать не так, как начинает Академия наук внутри учреждений, потому что здесь будет много неувязок. Не только внутри нескольких учреждений, но и внутри одного учреждения между отделами часто бывает несогласованность. И здесь отчетливость плана, вытекающего из задач учреждения, мы не имеем. На эту сторону нужно обратить внимание, и тогда уже можно будет ставить вопрос о планировании ряда учреждений. У нас два музея этнографических, которые иной раз перекрывают друг друга. Часто мы не знаем, что делают другие учреждения, и предпринимаем ту же работу, другой раз просто для спорта или из ревности. При имеющихся громадных территориях для исследования мы как раз идем теми же путями, теми же маршрутами, как другие учреждения. И те, кто предлагают создавать планирующее бюро, должны прежде всего обратить внимание на это. Нам местные краеведы, местные плановые органы часто бросают подобные упреки. При добром желании можно эти недостатки устранить, не создавая дополнительных органов. Учреждения могут легко договориться друг с другом, установить области, подлежащие исследованию каждого из них.

Планировать нужно не столько отдельные поездки, сколько задачи самого учреждения. Этот вопрос нужно детально разработать и представить будущему съезду, который бы не только согласовал Москву и Ленинград, но и краевые организации, которые больше всего страдают от отсутствия планирования. Ни в коем случае нельзя поручать этого ответственного дела временному бюро, которое будет избрано здесь, а нужно этот вопрос по-

[1] Финконтроль — финансовый контроль.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

ставить на обсуждение бюро, которое подготовит его к следующему съезду, и там мы этот вопрос планирования решим. В противном случае мы создадим детище, которое будет отражать интересы только двух центров, Москвы и Ленинграда, да и то, может быть, не совсем отчетливо и правильно.

(*л. 561*) ***Гаген-Торн***

То, что орган, регулирующий и планирующий полевую работу, должен быть создан, как будто не вызывает никаких сомнений. Но нам сейчас важнее всего решить, что мы имеем [и] можем сделать для этого года. Я думаю, что Вл[адимир] Герм[анович] ошибается, говоря, что уже поздно. Несмотря на то что деньги уже распределены, нужно, чтобы учреждения запросили друг друга, хотя бы в частном порядке, где, какую работу они предполагают проводить, чтобы у нас не получилось того, что в пролом году, когда целый ряд работ дублировался. Это совещание должно взять на себя создание временного органа на один или два месяца, который бы занялся регулированием работ этого лета, с тем чтобы те суммы, которые не могут быть перераспределены, были, во всяком случае, рационально использованы.

Каруновская[1]

Когда группа ленинградской молодежи обсуждала экспедиционный вопрос, было высказано соображение, что новый орган по распределению экспедиций должен на первое время в виде опыта находиться при Всесоюзной Академии наук, но обязательно, чтобы в новом аппарате на паритетных началах были представители старших научных работников и молодежи. Об этом как будто в тезисах Сергея Федоровича[2] ничего нет. В тезисах ничего не сказано и о комплексных экспедициях. Между тем это вопрос чрезвычайно важный. В большинстве случаев в настоящее время археологи едут в одно место, антропологи — в другое и т.д. Важность комплексного изучения того или иного района и согласования экспедиций необходимо здесь отметить.

[1] *Каруновская Лидия Эдуардовна* (1893–1975) — советский этнограф, специалист по этнографии Южной Сибири и Индонезии. Учителя: Л. Я. Штернберг, А. Н. Самойлович. В 1925–1933 гг. — научный сотрудник МАЭ; в 1933–1937 гг. — младший научный сотрудник, заведующая отделом Индонезии ИЭ АН СССР; в 1937–1958 гг. — старший научный сотрудник сектора Восточной и Южной Азии Ленинградской части Института этнографии АН СССР. Вместе с первым мужем А. Г. Данилиным проводила полевые исследования на Алтае. Позже под влиянием В. Чатопадайи занялась этнографией малайцев и индонезийцев.

[2] Имеется в виду С. Ф. Ольденбург.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Павлов-Селиванский

После того, что сказал Д. А.[1], мне приходится добавить очень мало. Нужно вполне присоединиться ко мнению Сергея Федоровича[2] о необходимости создания планирующего органа. Но создавать сейчас новый орган вряд ли будет возможно. Мне хотелось бы отметить, что большая работа уже ведется у нас (*л. 562*), в Центральном бюро краеведения, и было бы очень важно, что мы не встречали того, что встречали на каждом шагу, а именно: что многие учреждения отказываются сообщать или несвоевременно сообщают необходимые сведения. Я прошу совещание уточнить этот вопрос, чтобы в деле, начатом Центральным бюро краеведения, ему оказывалась посильная помощь.

Маркелов

Товарищи, несмотря на то что здесь не было принципиальных возражений по поводу предложения С. Ф. Ольденбурга о создании планирующего экспедиционного органа, я все-таки заметил определенно некоторую трусость при решении этого вопроса. Мне кажется, что мы не должны останавливаться на принятии принципиального положения о необходимости такого органа и о подготовке материала для создания такого органа, но мы должны учесть те затруднения, которые у нас налицо сейчас. Совершенно необходимо нашему совещанию выделить временную комиссию для урегулирования всех имеющихся больных вопросов. Перед нами новый экспедиционный год, и этот новый год, очевидно, пройдет так же без всякого плана, как это было до настоящего времени. Надо сказать, что увязки между учреждениями нет не только между Ленинградом и Москвой, но ее нет и между отдельными учреждениями одного и того же города. В частности, мне пришлось столкнуться с работой Центрального музея краеведения[3], который проводил комплексные экспедиции, и надо сказать, что эта работа не была совершенно планирована. В настоящем году нам предстоит опять параллельная работа в одном районе без согласования. И чтобы этого избежать, нужно организовать временную комиссию. Я присоединяюсь ко всем тем, кто высказывался по этому вопросу, в частности к тов. Толстову. Очевидно, для Москвы этот вопрос очень наболел, и поэтому москвичи так настойчиво говорят о необходимости такой комиссии.

Кошкин

Мне хотелось бы отметить следующее: никто не отрицал необходимости создания особого центра для планирования и увязки экспедиционных

[1] Видимо, имеется в виду Д. А. Золотарев.

[2] Имеется в виду С. Ф. Ольденбург.

[3] Не понятно, какой именно музей имеется в виду, так как в СССР было несколько центральных музеев краеведения.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

работ этнографической области. Те опыты, которые были сделаны, они не совсем удачны, вследствие того что не были (*л. 563*) привлечены те учреждения, которые смогли бы оживить эту работу. Мне кажется, что вопрос о создании такого органа нужно ставить конкретно, я не мыслю, чтобы этот орган мог состоять сам по себе с самостоятельным аппаратом. Если мы так пойдем, то лишимся возможности реального осуществления этого дела, потому что создавать аппарат специально для бюро для увязки экспедиций, вряд ли кто-нибудь согласится. Придется создать его при какой-нибудь соответствующей организации. Что касается того, что этот вопрос подлежит обсуждению съезда, то это совершенно правильно. Но я думаю, что и сегодня можно кое-что сделать по этому вопросу и, воспользовавшись присутствием представителей основных этнографических учреждений, создать маленькое совещание и по душам побеседовать, куда такие экспедиции едут.

Соколов

Я думаю, что все-таки с основными положениями Сергея Федоровича[1] мы должны согласиться. Тут никто не возражал, кроме одного товарища, против того, что необходим правильный учет учреждений и отдельных этнографов. Я думаю, что мы должны необходимость такого учета включить в резолюцию и прийти на помощь справочнику о научных работниках СССР и издать специальный справочник по этнографии.

Кстати о журнале «Этнография». Я должен абсолютно возразить товарищу, что отдел персоналий никому не нужен. Я должен сказать, что в Зап[адной] Европе благодаря этому отделу персоналий узнали, что те или другие ученые живы, узнали, кто чем интересуется. Я думаю, что эта инициатива Сергея Ф[едоровича][2] чрезвычайно удачна.

Мы должны также согласиться с конкретным положением о том, что только увязка с местами может помочь делу. Мы должны включить в резолюцию пункт о подготовке населения силами краеведческих учреждений.

Теперь относительно бюро. Все признали, что бюро нужно, но одни говорят, что его можно создать при Академии наук или Академии материальной культуры, другие стоят на междуучрежденческой точке зрения. Судя по выступлениям, большинство склоняется ко второй точке зрения. Путем голосования мы должны прийти к какому-то (*л. 564*) конкретному решению. Во всяком случае совершенно бесспорно то, что мы должны сделать все для увязки экспедиций хотя бы Москвы и Ленинграда. Не важно, что деньги распределены. Мы должны выразить пожелания, чтобы экспедиции, независимо от какого учреждения, устраивались в этом году на основании взаимного обмена сотрудниками. Нужно предварительно сделать соответ-

[1] Имеется в виду С. Ф. Ольденбург.

[2] Имеется в виду С. Ф. Ольденбург.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

ствующие сообщения для того, чтобы воспользоваться конкретными предложениями по реальной увязке работ, которые, безусловно, будут выдвинуты многими сотрудниками.

Председатель

Разрешите зачитать телеграмму, которую мы сегодня получили:

«Вторая конференция марксистско-ленинских исследовательских учреждений[1] благодарит товарищей этнографов за приветствие и в свою очередь желает совещанию успешной работы. Президиум конференции».

Председатель

Теперь, товарищи, у нас есть некоторые личные вопросы, которые надо поставить. Но до того нам нужно рассмотреть одну резолюцию по докладам тов. Преображенского и Аптекаря. Это чрезвычайно важно.

Перерыв

[Председатель]

[Телеграммы в адрес Президиума совещания]

(*л. 565*)

В Президиум этнографического совещания, состоявшегося в апреле 1929 г., в Ленинграде

Частное совещание фольклористов, состоявшееся 7 апреля 1929 г. под председательством академика С. Ф. Ольденбурга, заслушав сообщение проф. Б. М. Соколова «Неотложные задачи современной фольклористики», постановило:

1. Считать необходимым созыв конференции фольклористов для обсуждения рода первоочередных вопросов: а) определение задач, границ и методов фольклористики (в частности размежевание с соседними дисциплинами — этнографией и литературоведением); б) постановка собирания, в частности среди национальных меньшинств; в) хранение и научная систематизация материалов и создание фольклорных архивов; г) установление научной фольклористической терминологии; д) составление библиографии; ж) издание материалов; з) аннотирование иностранной фольклорной литературы; и) картографирование фольклорного материала; к) постановка преподавания фольклора в высшей школе; л) связь с республиками и местами; м) создание бюро Ассоциации корреспондентов-фольклористов.

[1] Имеется в виду II Всесоюзная конференция марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

2. Избрать бюро для организации конференции.
Председатель (подпись: С. Ольденбург)
Секретарь (подпись: Н. Гринков[а][1])

В комиссию по организации конференции фольклористов избраны:
С. Ф. Ольденбург, Е. М. Соколов[2], Б. М. Соколов, Д. К. Зеленин, М. К. Азадовский, В. Г. Богораз-Тан, А. Н. Самойлович, В. М. Жирмунский[3], Н. П. Гринкова, Н. П. Андреев[4], А. И. Никифоров[5], О. И. Катина[6], Н. М. Элиаш[7], Е. Н. Елеонская[8], А. Г. Данилин, А. М. Смирнов-Кутачевский[9], Н. М. Маторин, П. М. Соболев[10], Р. О. Шор[11], Б. Л. Розенфальд[12], Н. И. Кравцов[13], В. П. Чичеров, В. И. Яковлева, К. П. Герд.
(Подпись: С. Ольденбург)
Н. П. Гринкова

(*л. 566*)
В Президиум конференции этнологов Москвы и Ленинграда
Делегация студентов этнологического фак[ульте]та 1-го МУ просит огласить следующее заявление.
В связи с утренним выступлением московских студентов, возвращающих нас к прежнему схоластическому спору о терминах, не имеющих непосредственного отношения к предмету сегодняшнего занятия, и в свя-

[1] *Гринкова Надежда Павловна* (1895–1961) — советский филолог и этнограф. Специалист по славянским языкам и одежде.

[2] Опечатка. Имеется в виду или *Борис Матвеевич Соколов* (см. выше), или его брат *Юрий Матвеевич Соколов* (1889–1941) — также фольклорист и литературовед.

[3] *Жирмунский Виктор Михайлович* (1891–1971) — советский лингвист и литературовед, академик АН СССР. Один из ярких представителей ленинградской грамматической школы.

[4] *Андреев Николай Петрович* (1892–1942) — советский литературовед.

[5] *Никифоров Александр Исаакович* (1893–1942) — советский фольклорист, этнограф, историк литературы. Занимался изучением древнерусской литературы.

[6] Личность установить не удалось.

[7] *Элиаш Надежда Михайловна* (1888–1974) — советский фольклорист и литературовед. На момент совещания преподавала в ЛГУ.

[8] *Елеонская Елена Николаевна* (1873–1951) — русский и советский фольклорист.

[9] *Смирнов-Кутачевский Александр Матвеевич* (1876–?) — русский и советский фольклорист.

[10] *Соболев Павел Михайлович* (1894–1947) — советский фольклорист и литературовед.

[11] *Шор Розалия Осиповна* (1894–1934) — советский литературовед и историк литературы.

[12] Опечатка. Имеется в виду *Б. Л. Розенфельд* — советский фольклорист и литературовед.

[13] *Кравцов Николай Иванович* (1906–1980) — советский славист-литературовед, доктор филологических наук, профессор, председатель научного совета по фольклору при Отделении литературы и языка АН СССР, автор более 200 научных работ.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

зи с предъявленным нам упреком со стороны некоторых ленинградских делегатов считаем необходимым заявить:

1. Выступавшие студенты никакого отношения к нам не имеют.

2. Со своей стороны мы оцениваем их выступления как полное непонимание задач настоящей конференции.

8/IV 29 г.

С. Попов (подпись)

С. Евсенин (подпись)

(подпись)

(*л. 567*)

В Президиум

Я, [к] сожалению, только что узнал о состоявшемся сегодня утром выступлении студентов II МГУ и ЛГУ по поводу вчерашнего ответа проф. Максимова доц. Яковлеву. Я с величайшим изумлением прочел в заявление студентов, что они считают «критику» доц. Яковлева «деловой и правильной», а потому с «глубоким возмущением отмечают выступление проф. Максимова как антимарксистское».

Как председатель этнологического отделения этнографического факта 1-го МГУ я целиком присоединяюсь к словам проф. Максимова и считаю, что, во-первых, неверные утверждения доц. Яковлева ничего общего с «марксизмом» или с «антимарксизмом» проф. Максимова не имеет и, во-вторых, что большинство высказываний доц. Яковлева покоятся на незнакомстве с учебной жизнью отделения.

Я лишь удивляюсь, как человек кристальной честности, один из последних членов «Народного права», изгнанный из университета по провокации Серебряковой[1] и загнанный царским правительством на Север, мог молодежью быть обвинен в реакционности и неправильности из-за грубо тенденциозного выступления доц. Яковлева, в общественном мнении никак себя не зарекомендовавшего.

Проф. П. Преображенский

II/IV 29 г.

(*л. 568*) ***Яковлев***

Я должен, к сожалению, вторично брать слово по поводу печального инцидента, предметом которого служит моя личность. В ответ на заявление тов. Преображенского, который является представителем нашего отделения,

[1] Имеется в виду история Социально-революционной партии «Народное право» (нелегальная революционно-демократическая организация народнического толка; 1893–1894), закрытой в 1894 г. после «провала» Анны Егоровны Серебряковой (согласно опубликованным документам, она была сотрудником Московского охранного отделения).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

я должен сказать, что, конечно, понятно его выступление как административного лица, которое я позволил себе затронуть критикой. По-видимому, администрация нашего МГУ имеет своеобразное представление о самокритике. Они, видно, думают, что если человек служит в их учреждении под их руководством, то он должен молчать и не выступать по поводу обнаруженного недостатка. Я должен здесь указать на то, что заявление проф. Преображенского противоречит тому заявлению, которое дал тов. Сергиевский в своем докладе как представитель деканата и признал, что в прениях была высказана вполне обоснованная критика. Что же касается заявления председателя этнографического отделения, то оно идет вразрез со мнением докладчика. Я могу выразить глубокое сожаление, что конференция отрывается от делового хода своих работ и что я являются невольным виновником этого печального инцидента.

Председатель

Есть предложение избрать подготовительную комиссию в составе 9 человек и[з?] 15 и не связать ее ни с каким представительством и ни с каким учреждением. Предложение ставится на голосование. 23 человека — за то, что бы комиссия была в составе 9 человек, и 14 — за комиссию из 15 человек.

Второе предложение — о том, чтобы комиссия была составлена по списку или персонально. Предложение ставится на голосование, и 25 человек — за то, чтобы комиссия была составлена по списку, и 17 — за то, чтобы она была составлена персонально.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

11 апреля 1929 г.
Вечернее заседание
(после принятия резолюции)

(*л. 569*) ***Председатель***

Последний вопрос повестки дня.

Здесь вносится предложение о целесообразности создания этнографического съезда для решения целого ряда вопросов. Конечно, на этом съезде доминирующую роль должны будут играть вопросы методологические. Мы на этом заседании взяли некоторую установку, на которой мы должны развертывать свою работу на будущем съезде.

Есть предложение избрать подготовительную комиссию для подготовки к этому этнографическому съезду.

Для оглашения предложений по этому вопросу слово имеет тов. Маторин.

Маторин

Товарищи, по вопросу о составе подготовительной комиссии я вношу следующее предложение. Комиссию образовать в составе 9 человек. Меньше трудно, потому что нужно включить людей разных родов оружия, учитывая Ленинград, Москву, а персонально следующих товарищей: В. Г. Тан-Богораз, Д. К. Зеленин, Б. М. Соколов, Я. П. Кошкин, тов. Толстов, тов. Маркелов, тов. Никольский, тов. Маторин, тов. Аптекарь, который может связать эту комиссию с Коммунистической академией и с центром нашей научно-исследовательской школы.

Вот тот состав, который предлагается вашему обсуждению.

Что касается создания организационного бюро как такового, то это уже в значительной мере дело Наркомпроса и Главнауки, отчасти Коммунистической академии, Академии наук и т.д. Полагаю, что в таком рабочем составе эта подготовительная комиссия будет вполне работоспособной и приемлемой.

С места

Товарищи, (*л. 570*) я считаю необходимым в эту организационную комиссию ввести Н. Я. Марра и П[етра] Ф[едоровича] Преображенского. Эти две кандидатуры необходимы.

Плисецкий

Я предлагаю включить председателя Главнауки — это во-первых, и во-вторых определить время созыва.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Бонч-Осмоловский[1]

Есть одно замечание. В этой комиссии не участвует представитель такого крупного учреждения, как этнографический отдел Русского музея. Я предлагаю включить от него представителя. Затем здесь столько говорилось о связи с антропологией и даже признано было, что антропология должна быть факультетом. Все время не отрицалась связь с палеонтологией, и в то же время нет в этой подготовительной комиссии этих представителей. Эти дисциплины смежные, они должны работать совместно с этнографией, и их игнорирование при организации съезда невозможно. Мне кажется, нельзя игнорировать их представителей в организационном бюро. Я предлагаю включить, по крайней мере, по 2 человека от обоих учреждений.

Серебряков

Мне кажется, что у этнографии много смежных дисциплин. Если от каждой из смежных дисциплин включить по представителю, то выйдет комиссия, подобная этому совещанию, немного, может быть, меньше. Я считаю нецелесообразным такое предложение.

Шнейдер

По последнему поводу я хотел бы сказать, что (*л. 571*) совмещение представителей различных дисциплин будет полезно. Это вызовет взаимное оплодотворение идеями, которые возникают параллельно во всех этих трех дисциплинах. Я бы считал это целесообразным. Кроме того, я хотел бы предложить кандидатуру тов. Крыжановский от Русского музея.

Председатель

Предлагаю выслушать информацию Б. М. Соколова о журнале «Этнография».

Соколов

Постараюсь быть кратким.

Товарищи, журнал «Этнография» вышел первым номером в 1926 г. после долгого перерыва. Это был первый этнографический журнал при советском строе. (*л. 572*) У нас имеется журнал этнографии в Сибири — «Сибирская живая старина», руководитель этого журнала — проф. Азадовский. На Украине выходит «Этнографический вестник». Вот и все три этнографических журнала, не считая мелких. Вполне естественно, что при

[1] *Бонч-Осмоловский Глеб Анатольевич* (1890–1943) — русский и советский антрополог, археолог и этнограф. Специалист по палеолиту. В 1924–1930 гг. — ассистент кафедры антропологии ЛГУ и сотрудник Русского музея по этнографическому отделу.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

таком малом количестве журналов журнал «Этнография», не имеющий областного характера, а общий характер, является единственным этнографическим журналом, и, несомненно, вся этнографическая общественность должна отнестись с максимальной серьезностью.

Я должен сказать, что те недостатки, которые были и есть в журнале «Этнография», в значительной мере объясняются тем обстоятельством, что приходится еще собирать вокруг журнала силы, и потому задачей редакции было первый выпуск по возможности посвятить обзорам и собиранию результатов тех работ, которые проделаны и намечено проделать. Вполне естественно, что облик журнала должен измениться, и как изменилась и редакция. В состав редакции журнала теперешнего, [19]29 г., входят проф. Богораз, проф. Ольденбург, Золотарев, Соколов, Преображенский и тов. Кошкин.

(*л. 573*) Отдел, который должен привлечь широкое внимание всего нашего совещания, — это отдел аннотации. Я должен сказать, что помещать рецензии на иностранные в высшей степени важные работы нет никакой возможности, так [как] книг по этнографии за границей выходит очень много. Но нет правила без исключения: для особо важных вопросов по соглашению со всей редакцией не рецензии, а статьи по поводу целого ряда проблем будут помещаться. Но издавать у нас в СССР журнал без всякого учета громаднейшей работы, которая происходит в Европе в области этнографии, нельзя. Поэтому мы решили ввести отдел аннотации. Должен сказать, что это дело этнографов. Такую работу проводить небольшой группе нельзя. Отдел аннотации для журнала «Этнографии» должен быть организован при известных этнографических институтах или даже факультетах, при кафедрах, отделах при помощи вовлечения молодых сил в аннотирование иностранных работ.

Я хотел бы, чтобы совещание вынесло свою резолюцию об организации планомерного отдела аннотации в журнале «Этнография» путем коллективной работы научно-исследовательских учреждений и этнографических кафедр, затем отдел рецензий. Вот наш план. Я думаю, товарищи, что наш план должен выражать все разнообразие и многообразие этнографической науки с учетом всех тех требований, которые ставит нам жизнь и наше общее сознание. Я должен указать, что мы должны на совещании выразить пожелание, или, если можно, требование, чтобы журнал «Этнография» превратился из двухтетрадочного в шеститетрадочный. Вы не можете себе представить, какой наплыв статей идет в журнал. Часто редакции приходится отказывать.

Журнал может быть доведен до шести тетрадей. И я имел заявление со стороны тов. Лядова, что он всячески этому посодействует. Я, правда, хлопотал о четырех книжках, но если совещание найдет возможным довести до 6, то это было бы весьма желательно. Вот моя информация. От имени

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

редакции журнала должен сказать, что мы сами сознаем наши недостатки и единогласно выражаем наше желание исправить их при общей поддержке всех этнографов.

(*л. 574*) Товарищи, мы должны призвать всех этнографов к самому живейшему участию в этнографическом журнале. До сих пор, к сожалению, этого не было. Сейчас нужно принять все меры, и журнал пойдет тогда вперед.

(*л. 575*) ***Маркелов***

Товарищи, здесь отмечались все основные достоинства этого журнала и недочеты. Я считаю, что этими недочетами не журнала, собственно говоря, а вообще издательского дела в этнографической области является то, что мы не имеем возможности помещать материалы как таковые.

Я считаю, что нужно внести пожелания, чтобы хотя бы от времени до времени, в качестве эпизодических изданий, этот журнал издавал особые приложения с результатами тех или иных комплексных экспедиций. У нас имеется целый ряд интересных комплексных экспедиций, интересных материалов, но мы для них ничего не сделали.

Крейнович

У нас производится краеведческая работа, работа по этнографическому изучению мест. Наш единственный этнографический журнал не поддерживает с местами никакой связи. Я считал бы, что эта связь должна быть. Необходимо было бы в журнале «Этнография» создать специальный отдел, который бы занимался инструктированием местной работы по ее сбору этнографического материала. Местные работники об этом абсолютно ничего не знают. Эти методические изучения должны носить у нас и такой характер: надо было бы опубликовать, как[ой] материал редакция имеет от местных краеведов в области этнографии.

У нас имеется единственный журнал, носящий теоретический характер. Настоящая конференция должна была бы поставить вопрос. Удастся ли нам (это провести необходимо) создать какой-то новый этнографический орган в виде этнографического обозрения, где можно было бы фиксировать весь тот материал, который в настоящее время собирается и студентами, и этнографами, учеными? Сейчас у нас этот материал негде помещать. Конференция должна сказать свое слово о создании такого органа.

(*л. 576*) ***Токарев***

Я бы предложил, чтобы этнографы участвовали в создании журнала путем пересылки кратких аннотаций за своей подписью на отдельном листке по способу общественного аннотического описания в адрес редакции.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Преображенский-младший

Я лично возражал бы против предложения тов. Крейновича по поводу какого-либо специального краеведческого отдела. Дело в том, что Центральное бюро краеведения имеет свои методические сборники. Надо только усилить отдел, который посвящен связи с местами, и больше ничего. По-моему этого вполне достаточно, иначе же мы будем вести параллельную работу.

Я думаю, редакция учтет эти пожелания, а в резолюцию мы внесем пункт об увеличении размера журнала, с призывом к коллективному составлению аннотации и об усилении связи с местами. И я думаю, что редакция найдет формы методического руководства и согласует все вопросы с Центральным бюро краеведения.

Кроме того, желательно, чтобы наша конференция в сжатом виде получила свое освещение в ближайшем номере журнала «Этнография», приблизительно на трех печатных листах.

(*л. 577*) ***Аптекарь***

По существу дела, я считаю, что конференция, которую мы сейчас заканчиваем, в достаточной мере показала, к чему приводит работа в тех случаях, когда вопросы, которые мы ставим, не проработаны. Я считаю, что всякая работа для того, чтобы она была плодотворна, должна (*л. 578*) быть как-то организована, а первым условием организованности является некоторая однородность, прежде всего теоретическая, той группы, которая берется за проведение этой работы. Этим самым я хочу сказать, что в первом списке все товарищи занимают одну теоретическую позицию. В этом списке вы видите марксистскую группу нашей конференции, и в этой группе вы видите несколько крупных специалистов, которые в своей области являются объединяющими данную работу.

В области полевой этнографии вы имеете В. Г. Богораза, и в области фольклора вы имеете Б. М. Соколова, которые имеют то прямое преимущество, что как один, так и другой увязаны с огромной массой непосредственных работников на местах. Мы этим самым в значительной мере в их персонах имеем связь с провинциальными работниками.

Список 2-й является таким же педантичным, как и та позиция, которая создавалась этой самой группой, и если собранию будет угодно принять этот 2-й список, то, хотя я лично фигурирую и в первом, и во втором списках, я бы счел невозможным так работать не потому, что для <нрзб.> те или другие товарищи (против сотрудников я ничего не имею), но в смысле организованной работы. Это значило бы уподобиться <…> из крыловской басни. Это значило бы увязать рака, лебедь и щуку. Вы знаете, у Крылова этот воз остался на месте, а у нас может быть хуже.

Во втором списке фигурирует Н. Я. Мар[р]. Я имею честь считать себя одним из его учеников, но протестую против включения его в список.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

В техническом секретариате он будет совершенно бесполезный человек, я это говорю при всем моем глубоком уважении к нему. Я поэтому считаю, что из этих 2-х списков первый список в значительной мере охвачен марксистской группой. Он является гораздо более работоспособным, в чем мы особенно нуждаемся. Теоретические (*л. 579*) споры нам не нужны в этой подготовительной комиссии, нам нужна работа, а для того, чтобы наладить нормальным образом работу, я бы просил принять первый список, в противном случае я прошу снять мою кандидатуру.

С места

Тов. Аптекарь говорит, что в нашем списке нет марксистского ядра. По-моему, и в первом, и во втором списках те же самые марксисты и те же самые специалисты. Так что и второй список одинаково представлен как марксистами, так и специалистами.

Председатель

Разрешите приступить к голосованию

(*Голосуют.*)

За первый список — 29 человек, за второй — 12. Большинством голосов принят первый список.

(*л. 580*)

В Президиум

Принимая по ее существу вынесенную Этнографическим совещанием резолюцию по общим докладам и признавая совершенно необходимым введение марксистского метода в этнологию, я считаю, что в данной резолюции дана расплывчатая и неточная оценка этнологических учений, которая и не могла быть сделана на данном совещании, а потому не могу присоединиться к резолюции в данной ее форме.

Проф. П. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

II/IV 29 г.

(*л. 581*) ***Кагаров***

Товарищи, я хочу сделать три небольших информационных сообщения. Во-первых, по поручению Всеукраинской научной ассоциации востоковедения довожу до сведения присутствующих этнографов, что Ассоциация востоковедения приглашает принять участие в съезде Ассоциации, который буде в Харькове 2 июня этого года, причем Ассоциация берет на себя возмещение стоимости проезда.

Мною получено несколько дней тому назад от известного итальянского фольклориста Рафаэля[1] извещение о том, что в начале мая, с 5-го по 9-е,

[1] Очевидно, пропущена фамилия. Личность установить не удалось.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

во Флоренции состоится первый Национальный конгресс фольклористов. В этом съезде фольклористов принимают участие главным образом итальянские ученые, но также приглашаются иностранные ученые. Желающие принять участие в работе этого съезда приглашаются сообщить об этом заранее секретариату. Среди тем, выставленных этим съездом, мы находим и те, которые в значительной степени могут оказаться интересными для нас. Например, исследования, анализ народных обрядностей с точки зрения исторической стратификации, итальянское право Италии, корни итальянского искусства и т.д.

Третье информационное сообщение: в Америке образовалась особая организация, ставящая себе целью собрать краткие аннотации по всем трудам, касающимся общественной науки в широком смысле слова. Это своеобразный путеводитель о мировой литературе, касающийся тех или иных областей обществоведения. Организация поставлена широко и обеспечена материально. В состав этой организации входят представители ученых всего мира. От нашего Союза пошли проф. Богораз-Тан, проф. Покровский и проф. Кондратьев[1]. По соглашению с проф. Богоразом я имею честь пригласить всех этнографов принять участие в сообщении кратких сведений о выходящих новых книгах и статьях по этнографии, а также [в] смежных дисциплинах.

Председатель
Примем информацию проф. Кагарова к сведению.

(*л. 582*) ***Председатель***
Объявляю совещание закрытым.

[1] Видимо, имеется в виду *Кондратьев Николай Дмитриевич* (1891–1938) — русский и советский экономист, основоположник теории экономических циклов («циклы Кондратьева»), автор трудов по методологии социальных наук.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИИМК РАН	—	Архив Института истории материальной культуры РАН
АИЭА РАН	—	Архив Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН
АМАЭ	—	Архив Музея антропологии и этнографии
АРАН	—	Архив Российской академии наук
АССР	—	Автономная Советская Социалистическая Республика
АФ	—	Антропологический форум
БАН	—	Библиотека Академия наук
ВКП(б)	—	Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)
ВСНК	—	Всесоюзный совет народных комиссаров
ВСНХ	—	Высший совет народного хозяйства
ВЦИК	—	Всероссийский центральный исполнительный комитет
ГАИМК	—	Государственная академия истории материальной культуры
ГАРФ	—	Государственный архив Российской Федерации
Главнаука	—	Главное управление научными, научно-художественными и музейными учреждениями
Главпрофобр	—	Главное управление профессионального образования
ГМЭ	—	Государственный музей этнографии народов СССР
ГУС	—	Государственный ученый совет
ИАЭ	—	Институт антропологии и этнографии
ИИМК	—	Институт истории материальной культуры
ИЛЯЗВ	—	Научно-исследовательский институт сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока
ИПИН СССР	—	Институт по изучению народов СССР
Истпарт	—	Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б)
ИЭ АН СССР	—	Институт этнографии Академии наук СССР
ИЭА РАН	—	Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН
КИПС	—	Комиссия по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран
КИСС	—	Комиссия по изучению социального состава
ЛГПИ им. А. И. Герцена	—	Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена
ЛГУ	—	Ленинградский государственный университет
ЛИФЛИ	—	Ленинградский институт истории, философии и лингвистики

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

ЛЧ ИЭ АН СССР — Ленинградская часть Института этнографии Академии наук СССР
МАЭ РАН — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого Российской академии наук
МГУ — Московский государственный университет
МО ИИМК — Московское отделение Института истории материальной культуры
Музей ЦПО — Музей Центральной промышленной области
Наркомпрос — Народный комиссариат просвещения
НИИ — Научно-исследовательский институт
ОИРЭФА — Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии
ОКСИАР — Особый комитет по исследованию союзных и автономных республик
РАИМК — Российская академия истории материальной культуры
РАН — Российская академия наук
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РИК — Районный исполнительный комитет
РСДРП(б) — Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков)
РСФСР — Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика
СНК — Совет народных комиссаров
СОФИН — Союз освобождения финских народностей
СПФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
СССР — Союз Советских Социалистических Республик
СЭ — Советская этнография
ФОН — Факультет общественных наук
ЦБК — Центральное бюро краеведения
ЦИК — Центральный исполнительный комитет
ЦК КПСС — Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза
ЦМН — Центральный музей народоведения
ЦПО — Центрально-промышленная область
ЭО — Этнографическое обозрение
ЭО ГРМ — Этнографический отдел Государственного Русского музея

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Аврорин Валентин Александрович 379, 401
Азадовский Марк Константинович 44, 46, 449, 452, 456, 466, 487, 491
Акулянц Абрам Никитич 46, 253, 328
Алексеев 443, 462
Андреев Николай Петрович 487
Анучин Дмитрий Николаевич 54, 121, 270, 333, 416, 448, 459
Аптекарь Валериан Борисович 8, 9, 21, 23, 28–34, 36, 37, 40, 41, 50, 51, 63, 64, 66–68, 72, 73, 77, 79, 80, 107, 108, 110, 111, 170, 185–187, 193–195, 197, 208, 209, 211, 213, 216–222, 225–232, 234–247, 250, 253, 254, 256, 257, 269, 289, 296, 307, 311, 319, 321, 325, 377, 381, 384, 396, 401, 421, 445, 447, 473, 474, 476, 486, 490, 494, 495
Арбузов Степан Семенович 51, 236, 318, 421
Банкрофт (Bancroft) Юбер Хоув 137
Бастиан Адольф (Bastian Adolf) 33, 125, 199
Баховен Иоганн Якоб (Johann Jakob Bachofen) 198
Бердяев Николая Александрович 7
Бернгейм (Бернхейм) Эрнст (Ernst Bernheim) 224
Бертран Фредерик 14, 16, 22, 26, 38
Бётлингка Отто фон (Otto von Böhtlingk) 260
Боас Франц 48, 56, 60, 80, 254, 255
Богаевский Борис Леонидович 58, 160, 178, 185, 189, 190, 207, 213
Богораз Владимир Германович (Натан Менделевич) (псевдонимы: Н. А. Тан, В. Г. Тан) 12, 29, 33, 34, 36, 37, 39, 43–46, 48, 56–61, 63–66, 69, 73, 76, 82, 83, 111, 118–120, 124, 131, 132, 162, 175, 176, 187, 193, 195, 223, 228, 251, 253–255, 260, 264, 278–280, 284–288, 290–294, 296, 298–305, 309, 311–315, 317, 320, 321, 323–327, 333, 366, 371, 374, 388, 397, 399, 406, 412, 413, 433, 435, 436, 440, 443, 455, 462–466, 475, 480, 483, 487, 490, 492, 494, 496
Бонч-Осмоловский Глеб Анатольевич 491
Бубрих Дмитрий Владимирович 424, 463
Бунак Виктор Валерьянович 38, 51, 121, 131, 208–210, 230, 287, 333, 377, 422
Бухарин Николай Иванович 28, 182, 198, 204, 423
Вартапетов А. С. 66, 442, 451
Васильев Борис Александрович 292
Винников Исаак Натанович 125, 130, 131, 133, 156, 232, 251, 254, 307, 455, 456
Вольтер (Voltaire, настоящее имя: Франсуа Мари Аруэ — Arouet) 239, 248
Гаген-Торн Нина Ивановна 44, 178, 373, 400, 421, 483
Галанин 424
Гегель Георг Вильгельм Фридрих (Georg Wilhelm Friedrich Hegel) 48, 97, 106, 109, 171, 230
Генко Анатолий Несторович 427
Гераклит Эфесский 136
Герд Кузебай (настоящее имя: Чайников Кузьма Павлович) 68, 82, 309, 313, 378, 401, 456, 487
Гордлевский Владимир Александрович 424
Городцов Василий Алексеевич 253, 469, 470
Гребнер (Grabner) Фриц 42, 48, 49, 56, 67, 75, 102–105, 116, 119, 120, 126–128, 193, 194, 197, 198, 211, 236, 245, 255, 273, 280
Гринкова Надежда Павловна 487
Данилин Андрей Григорьевич 23, 36, 44, 46, 318, 362, 398, 402, 483, 487

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Деборин (Иоффе) Абрам Моисеевич 28, 35, 194, 218, 249, 250, 304
Десов Георгий Александрович 454
Дмитриев Николай Константинович 423, 424
Дондуа Карпез Дариспанович 427
Дюркгейм (Durkheim) Эмиль 132
Евсевьев Макар Евсеевич 139
Егоров Федор Егорович 152, 169
Елеонская Елена Николаевна 487
Емельянов Аркадий Иванович 138, 139
Ершов В. А. 23, 44, 47, 468
Ефименко Петр Саввич 162
Жирков Лев Иванович 424
Жирмунский Виктор Михайлович 487
Зеленин Дмитрий Константинович 34, 54, 64, 68, 69, 74, 158, 162, 164, 178, 192, 487, 490
Золотарев Давид Алексеевич 68, 69, 167, 184, 287, 296, 298, 326, 333, 393, 396, 481, 484, 492
Иохельсон Владимир Ильич 367
Кагаров Евгений Георгиевич 34, 43, 52–54, 72, 223, 253, 380, 389, 390, 401, 495, 496
Каруновская Лидия Эдуардовна 36, 46, 483
Кастрен Матиас Александр (Matthias Alexander Castrén) 48, 63, 176, 260, 323
Керенский Александр Федорович 248
Клаач (Klaatsch) Герман 269
Козминский Иван Иванович 377
Кондратьев Николай Дмитриевич 496
Кондриктан 140
Конт Огюст (Comte Auguste) 48, 102, 241, 242
Копперс (Koppers) Вильгельм 75, 141, 245, 255
Кошкин (Алькор) Ян (Яков) Петрович 26, 35, 44, 46, 51, 55, 63, 64, 182, 193, 241, 246, 249, 251, 324, 394, 396, 397, 403, 407, 415–417, 419, 422, 425, 426, 428, 432, 436, 438, 441, 442, 452, 455, 465, 484, 490, 492
Кравцов Николай Иванович 487
Краузе Фриц 120, 128
Крейнович Ерухим (Юрий) Абрамович 45, 51, 61, 83, 157, 188, 213, 215, 219, 234, 305, 446, 493, 494
Крыжановский Борис Георгиевич 36, 46, 68, 349, 360, 361, 365, 373–375, 383, 398, 403, 473, 491
Куйбышев Валериан Владимирович 454
Кунов Генрих (Cunow Heinrich) 127, 129, 212
Куфтин Борис Алексеевич 36, 37, 39, 43, 51–54, 56, 59, 61, 72, 195, 253, 265, 273, 278–281, 283, 287, 291, 292, 296, 300–302, 305, 311, 320, 321, 323, 326, 331, 334, 354, 357
Лассаль (Lassalle) Фердинанд 48, 136, 171, 185, 194, 220
Лафарг Поль (Paul Lafargue) 217, 219
Лебедева Наталия Ивановна 54, 386, 398
Левин Максим Григорьевич 54, 56, 61, 80, 127, 280, 290, 293, 299, 300, 304, 305, 307, 308, 311, 382, 453
Летурно (Letourneau) Шарль 259
Линевский Александр Михайлович 324
Липперт Юлиус 240
Лукин Николай Михайлович 423
Лыткин Василий Ильич 424
Лядов (Мандельштам) Мартын Николаевич 29, 36, 51, 52, 64, 93, 154, 216, 238, 240, 246–248, 323, 492
Макарьев Степан Андреевич 59, 264, 304
Максимов Александр Николаевич 309, 421, 425, 445, 446, 468–470, 488
Малиновский (Malinowski) Бронислав Каспер 55, 56, 59, 81, 133
Маркелов Михаил Тимофеевич 32, 51, 60, 64, 66, 68, 72, 169, 191, 192, 227, 278, 284, 303, 384, 402, 421, 425, 458, 470, 484, 490, 493
Маркс Карл 27, 33, 34, 48, 54, 134–138, 146, 158, 170, 171, 185, 187, 194, 197–201, 203, 210, 217, 226, 236, 241, 247
Марр Николай Яковлевич 30, 31, 37–40, 43, 45, 48, 49, 54, 57, 64, 69, 73, 79,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

107, 153, 160, 195, 198, 203, 205, 206, 208, 215, 219–222, 226, 271, 427, 466, 490, 494
Мартик(ь)ян 171, 191, 336, 421, 468, 470
Маторин Николай Михайлович 26, 34–37, 44, 46–48, 51, 53, 63, 64, 67, 68, 70–74, 76, 77–79, 134, 146, 148–150, 153–155, 157, 158, 160, 161, 168, 170, 171, 173, 178, 184, 188, 190, 193, 194, 196, 197, 216, 218, 221, 225, 226, 239, 240, 244, 247, 249, 256, 304, 311, 319, 325, 452, 453, 456, 470, 487, 490
Менье Мари Луи Гюстав 206
Мехен-Хельфен Отто 245
Миллер Александр Александрович 354, 421, 470
Михайловский Николай Константинович 240
Михеев Иван Степанович 313
Молл П. Ю. 305
Морган Льюис Генри (Morgan Lewis Henry) 27, 32–34, 42, 43, 47–49, 63, 67, 99, 119, 121, 125, 127, 131, 137, 163, 198, 212, 235, 236, 245, 290, 317
Никифоров Александр Исаакович 487
Никольский Владимир Капитонович 31, 32, 51, 64, 66, 118, 122, 125, 128, 237, 242, 244, 246, 253, 320, 322, 325, 326, 336, 388, 392–394, 401, 402, 406, 425, 440, 443, 446, 490
Ольденбург Сергей Федорович 36, 37, 44, 59, 62, 79, 244, 397, 470, 473, 474, 477, 480, 481, 483–487, 492
Орбели Иосиф Абгарович 427
Павлов-Селиванский Н. Н. 164, 480, 484
Панек Лидия Борисовна 46, 373
Пасьян/Касьян 425
Петерсон Михаил Николаевич 423, 448
Плеханов Георгий Валентинович 33, 134, 202, 241, 247
Плисецкий Марк Соломонович 347, 358, 375, 402, 415, 490
Покровский Михаил Николаевич 28, 33, 48, 64, 187, 204, 217, 219, 223, 296, 297, 381, 382, 496
Попов Андрей Александрович 441
Потанин Григорий Николаевич 260, 294
Потапов Леонид Павлович 43, 330
Преображенский Петр Федорович 16, 23, 29, 34, 36, 39, 41–43, 51, 53, 56, 63, 64, 66, 67, 97, 107, 108, 111, 112, 118–128, 130–132, 136, 148, 151, 152, 156, 158, 160, 180, 190, 193, 196, 200, 202, 203–205, 210, 213, 217, 221, 224–226, 229–231, 233, 236, 241, 248, 255, 256, 270, 301, 302, 304, 305, 315, 317, 325, 349, 352, 353, 356, 374, 382, 384, 386, 421, 423, 425, 434, 445, 455, 459, 465, 467, 486, 488–490, 492, 495
Преображенский Сергей Федорович (Преображенский-младший) 61, 126, 289, 464, 494
Прокофьев Георгий Николаевич 23, 44, 61, 78, 173, 184, 193, 205, 216, 281, 322
Рам Карл (Karl Rhamm) 151, 162
Раттнер-Штернберг Сара Аркадьевна 36, 440
Ратцель Фридрих (Ratzel Friedrich) 31, 42, 63, 102, 104, 110, 119
Решетов Александр Михайлович 14, 62, 63, 79
Риве (Rivet) Поль 10, 369
Риверс (Rivers) Уильям 48, 106, 133, 224
Рикардо Давид (David Ricardo) 236
Риккерт Генрих (Heinrich Rickert) 212, 293
Рожков Николай Александрович 129
Розенфельд Б. Л. 487
Руденко Сергей Иванович 51, 68, 69, 305, 381
Рыков Алексей Иванович 412
Самарин Ю. А. 383, 402
Самойлович Александр Николаевич 44, 413, 487
Самойлович Рудольф (Рувим) Лазаревич 437
Селезнев/Челезнев 448
Селищев Афанасий Матвеевич 424
Сергиевский Максим Владимирович 336, 415, 422, 428, 445, 461
Серебряков В. 235, 305, 325, 457, 465, 468, 470, 491

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Смирнов-Кутачевский Александр Матвеевич 487
Смит Адам (Adam Smith) 236
Соболев Павел Михайлович 487
Соколов Борис Матвеевич 36, 44, 59, 62, 145, 157, 165, 169, 184, 283, 322, 337, 349, 356, 360, 362, 363, 366, 368, 371–373, 378, 379, 382, 383, 385, 389, 390, 397, 403, 405, 450, 470, 477, 485–487, 490, 491, 492, 494
Соколов Юрий Матвеевич 44, 46, 487
Спенсер (Spencer) Вальтер Болдуин 105, 121, 131
Станюкович Татьяна Владимировна 14
Старцев Георгий Афанасьевич 23, 44, 128, 474, 481
Стасов Владимир Васильевич 162, 340
Струве Петр Бернгардович 7, 201, 240
Стучка Петр Иванович 201
Тайлор (Тэйлор, Тейлор) Эдвард Бернетт (Edward Burnett Tylor) 43, 48, 63, 67, 99, 119, 131, 140, 236
Тимирязев Аркадий Климентьевич 28, 218
Токарев Сергей Александрович 14, 29, 30, 32, 46, 51, 57, 65, 66, 78, 222, 237, 316, 320, 493
Толстов Сергей Павлович 33, 36, 43, 46, 51, 54, 64–66, 72, 73, 76, 80, 122, 145, 146, 157–162, 165, 167, 169–171, 173, 175, 180, 188, 193, 197, 211, 216, 224–226, 234, 240, 257, 302, 303, 305, 309, 310, 319, 330, 375, 382, 386, 391, 395, 421, 422, 428, 447, 464, 470, 478, 480, 484, 490
Турнвальд Рихард (Richard Thurnwald) 190
Феноменов Михаил Яковлевич (псевдоним: Михаил Брянский) 51, 52, 61, 126, 158, 184, 188–190, 211, 212, 221, 299, 303, 312, 374, 375, 400
Фиельструп Федор (Теодор) Артурович 370
Фой Вилли 48, 102, 116, 126, 128, 255, 280
Фраас Карл Николай (Carl Nikolaus Fraas) 138
Франк-Каменецкий Израиль Григорьевич 427
Франсуа Виктор Альфонс Олар (Aulard) 200
Фрейд (Freud) Зигмунд 171, 187
Фрейденберг О. М. 9, 39, 40
Фробениус (Frobenius) Лео 33, 104
Хомяков Михаил Аристархович 313
Худоложский 440
Чайлд Вир Гордон 255
Чемазоков Бетал Аюбович 424
Чемберлен (Chamberlain) Остин 106, 126, 353
Чистяков 279, 385, 402, 468
Широкогоров Сергей Михайлович 51, 53, 55, 411
Шмидт Вильгельм (Wilhelm Schmidt) 27, 48, 55, 67, 75, 117, 120, 125, 140, 141, 152, 233, 245, 247, 254, 255
Шнейдер К. А. 364, 371, 398, 405, 491
Шор Розалия Осиповна 487
Шпринцин Ноэми Григорьевна 43, 46, 371, 470
Шренк Леопольд Иванович 292
Штеллер (Стеллер) (Steller) Георг Вильгельм 260
Штернберг Лев Яковлевич 11, 27, 34, 43, 44, 46, 48, 49, 53, 59, 63, 68, 69, 157, 178, 200, 234, 264, 294, 300, 381, 390, 392, 393, 407, 413, 436, 438–440, 455, 456, 458, 465, 469, 470, 483
Элиаш Надежда Михайловна 487
Энгель Евгений (Генрих) Александрович 201
Энгельс Фридрих 27, 32–34, 42, 44, 48, 49, 99, 119, 135–138, 146, 160, 185, 197–200, 212, 241, 245, 247
Яковлев Николай Феофанович 44, 51, 52, 108, 180, 185, 192, 193, 227, 237, 238, 278, 280, 300, 315, 323, 377, 391, 403, 421, 423, 424, 426, 428, 432, 433, 436, 440, 441, 445, 446, 453, 458, 461, 466, 468, 470, 477, 478, 488

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

аккультурация 42, 104, 190, 283, 295, 303
антимарксистский 184, 186, 225, 226, 468, 469, 488
антирелигиозный 47, 145, 149, 150, 175, 189, 216, 290, 318, 363, 366, 385, 392, 392, 397, 403, 405, 409, 433
антропология 9–11, 23, 30, 31, 45, 48–50, 53, 55, 59–61, 63, 79–83, 99, 108, 110, 122, 132, 140, 184, 190, 198, 200, 232, 250, 255, 260, 261, 270, 272, 273, 279, 282, 287, 288, 296, 305, 347, 359, 377, 411, 422, 429, 459, 491
  антропологический 80–82, 190, 209, 221, 251–253, 259, 268, 270, 272, 278, 291, 333, 416, 421, 422, 425, 435, 459, 463, 464
археология 11, 39, 43, 54, 63, 65, 66, 72–74, 76, 96, 98, 106, 114, 124, 129, 150, 156, 195, 200, 252, 255, 260, 261, 272, 273, 288, 291, 333, 339, 377, 411, 443, 469, 481
базис 32, 45, 123, 135, 147, 166, 179, 205, 210, 223, 240, 247, 252, 275, 320, 344, 448
быт 42, 46, 60, 68, 69, 76, 99, 103, 105, 106, 110, 135, 139, 141, 143, 144, 148, 149, 153, 159, 164, 166, 183, 184, 189, 207, 212, 213, 219, 222, 238, 250, 263, 265, 274, 277, 284, 288, 291, 298, 319, 334, 340–342, 345, 347, 353, 357, 359, 363, 364, 366, 374, 379, 398, 400, 401, 403, 437, 457, 459–461, 472, 480
  бытовой 76, 139, 145, 149, 153, 154, 166, 167, 276, 277, 279, 283, 284, 340, 344, 346, 403, 448, 459
  бытовая культура 389
буржуазный 21, 30, 32, 33, 42, 43, 51, 55, 63, 71–73, 76, 80, 93–95, 121, 138, 140, 141, 146, 152, 172, 177, 189, 190, 199, 206, 207, 211, 217, 219, 239, 245, 252, 297, 337
враг 39, 48, 49, 55, 134, 150, 179, 262
  классовый 68, 82, 191
выставка 145, 160, 346, 347, 349, 354–357, 364, 366–369, 375, 390, 397, 403
  выставочный 364, 380
вождь 9, 40, 415, 440
генетика 137
  генетический 272, 375
  генетика культуры 163
двоеверие 343
дворянский 117, 205
диффузионизм 42, 102, 106
диффузия 32, 190, 251
диалектика 31, 33, 136, 140, 160, 161, 173, 194, 198, 201, 218, 241, 242, 246, 247, 250
  диалектический 75, 93, 95, 138, 187, 193, 206, 209, 217, 285, 307, 321, 322, 382
  диалектическое мышление 96
зажиточный 139, 265
земледелие 65, 102, 117, 264, 281, 343, 359
инородцы 55, 69, 260, 340
ислам 47, 438
  исламоведение 423
  мусульманский 409, 418
институт примитивный 234
капитализм 197, 310
  капиталистический 68, 137, 147, 158, 172, 179, 197, 198, 214, 215, 219, 223, 246, 282, 300, 368, 374, 391, 402, 434
кризис 78, 81, 82, 199, 324, 325
краеведение 68, 147, 150, 156, 160, 163, 183, 184, 300, 401, 417, 422, 471, 480, 481, 484, 494
класс 38, 49, 69, 76, 117, 138, 172, 173, 175, 179, 186, 192, 197, 222, 242, 256, 265, 269, 275, 339, 340, 343, 351, 353

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

классовая борьба 65, 149, 152, 187, 201, 202, 240
классический 43, 67, 68, 119, 218, 317, 320
комплекс 12, 53, 55, 60, 63, 103, 104, 118, 122, 128, 132, 156, 159, 166, 168, 176, 180, 192, 196, 207, 212, 214, 221, 231, 260, 270, 271, 282, 291, 307, 315, 325, 331, 351, 352, 355, 372, 383, 384, 403, 411
комплекс культурно-бытовой 33, 99, 102–104, 120, 132, 206, 222, 258, 260, 306, 307, 312, 320, 340, 344
коммунизм 265, 282, 284
коммунизм первобытный 67, 183, 327
коммунистический 57, 80, 199, 391, 392
кооперация 144, 179, 453, 479
кооперативный 258, 264, 265, 290
культура 14, 31, 33, 34, 35, 37–39, 41, 42, 45, 49, 50, 53, 54, 56, 57, 60, 65, 66, 71, 73, 75, 77, 78, 82, 95, 98–101, 103–117, 119–121, 123, 124, 127, 129, 132–134, 137, 138, 140–142, 144, 145, 148–153, 156, 159, 161–163, 165, 169–173, 177, 178, 180, 189–192, 196, 202–204, 206–208, 210, 214, 215, 217, 220–223, 234, 240, 241, 244, 246, 250, 251, 256–258, 260, 262–265, 272, 274–276, 278–281, 284–286, 288, 290–293, 300, 301, 306–308, 310, 315, 317, 319, 327, 328, 334, 335, 337, 339–341, 343, 344, 345, 349–353, 355, 356, 358, 364, 368–381, 387, 389, 393, 401, 408, 411, 423, 431, 439, 451, 452, 456, 459
культурный 21, 27, 32, 38, 42, 49, 53–56, 59, 60, 63, 65, 69, 75, 80, 82, 101, 102, 116, 119, 124, 128, 132, 142, 144, 150, 159, 176, 177, 179, 180, 183, 193, 200, 204, 215, 219, 223, 227, 235, 251, 252, 255, 256, 257, 259, 262, 271, 273–275, 277, 278, 293, 301, 305–307, 310, 316, 318, 323, 328, 330, 332, 334, 335, 342, 344, 356, 380, 386, 391, 396, 408, 410, 417, 419, 421, 432, 442, 443, 453, 462
культурный круг 33, 42, 43, 56, 57, 65, 75, 77, 102–104, 116, 119, 120, 123, 125, 128, 193, 194, 197, 206, 223, 252, 255, 280
культурный эллипс 33, 57
культ 158, 260, 278, 342, 343, 366
кулак 247, 310, 344
контекст 14, 21, 22, 26–29, 50, 52, 53, 56, 82, 99, 132, 234, 255
крестьяне 189, 214, 260, 313, 314, 343
крестьянский 188, 189, 340, 343, 345, 473
лингвистика 30, 31, 76, 110, 150, 195, 206, 219, 228, 229, 243, 252, 256, 260, 333, 377, 418, 423, 443, 448, 461
лингвистический 39, 40, 71, 107, 108, 150, 153, 174, 183, 277, 285, 321, 342, 423, 459
логика 58, 77, 137, 186, 227, 337, 398
логический 97, 106, 130, 133, 200, 217, 227, 230, 238, 250, 406
магический 161, 343, 380
марксизм 21, 23, 27–35, 42, 44, 45, 52, 53, 63, 66, 67, 75, 79, 99, 107, 120, 134, 147, 160, 170, 171, 185–187, 194, 197–203, 211, 217, 218, 221, 234, 239–243, 246–249, 297, 304, 311, 319, 322, 325, 327, 336, 382, 394, 425, 434, 444–446, 448, 465, 488
марксистский 9, 21, 22, 28–34, 37, 40, 41, 43, 44, 48, 50, 52, 63–66, 69, 70, 71, 73, 75, 77, 79, 94, 95, 103, 111, 117, 119–121, 123, 124, 134, 136, 138, 141, 147, 156, 160, 161, 170, 171, 173, 180, 187, 190, 192, 194, 197, 198, 200–208, 210–212, 216–218, 221–223, 226, 230, 235, 239–243, 245, 247, 248, 251, 266, 289, 296, 297, 304, 305, 315, 319–321, 325–327, 334, 336, 376, 381, 382, 384, 386, 390, 392, 395, 396, 413, 415, 425, 433, 434, 441, 445, 447, 455, 457, 458, 461, 465–468, 473, 494, 495

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

материализм 30, 32–34, 41, 43, 63, 65, 67, 68, 75, 80, 110–112, 117, 120, 125, 126, 132, 134, 136, 137, 141, 146, 147, 160, 171, 186, 197–200, 205, 210, 216–218, 226, 234, 238, 239, 242, 254, 257, 317, 320, 408, 417, 422, 444
вульгарный 63, 65, 251, 252, 302
диалектический 28, 33, 63, 65, 67, 75, 76, 94, 98, 103, 160, 171, 183, 194, 197, 200, 203, 207, 217, 218, 227, 237, 239, 246, 266, 268, 280, 284, 321, 324, 441, 465
меньшинство национальное / нацменьшинство / нац-меньшинство 77, 80–82, 142, 163, 177, 238, 337, 412, 414, 415, 417, 427, 435, 438, 453, 454, 456, 461, 486
метод 21, 24, 27, 29, 32, 35, 43, 59, 65, 66, 68, 69, 71, 73, 75, 76, 82, 94, 95, 97, 98, 102, 109, 111–122, 124–126, 130, 132–139, 141, 145–147, 150, 158, 160, 161, 165, 167, 175, 178–180, 183–187, 191, 193, 194, 197–200, 209, 211–213, 216–218, 220–222, 224–226, 230–235, 238, 242, 243, 246, 247, 253–257, 261–263, 265, 267, 274, 278, 280, 282, 284–286, 288–294, 296, 299, 302–307, 309, 315–317, 320, 322–325, 331–335, 347, 352, 370, 371, 377, 378, 380, 381, 383, 388, 399, 401, 409, 428, 432–436, 439, 445, 457, 458, 461, 467, 486, 495
исследование / изучение маршрутное; работа маршрутная 320
метод исторический 111, 114, 116, 212
метод генетический 375
метод пережитков 119
метод стационарный / стационар 61, 155, 165, 175, 183, 193, 254, 257, 262, 263, 278, 280, 284, 288, 290, 292, 295, 296, 299, 302, 303, 305, 306, 312, 314–316, 318–320, 322, 326, 331, 332, 337
метод экономический 134
музей 10, 11, 34, 35, 47, 54, 64, 65, 68, 72, 74, 78, 102, 108, 111, 112, 125, 143–145, 156, 157, 166, 169, 195, 244, 261, 267, 274–276, 288, 292, 294, 299, 300, 307, 318, 321, 324, 333, 337–363, 365–404, 431, 432, 437, 453, 463, 467, 469, 472, 474, 482, 484, 491
музееведение 102, 417, 422, 429, 442, 448
народ 7, 30–32, 45, 46, 51–53, 55–59, 64, 66, 68, 71–78, 81–83, 93–95, 98, 100, 101, 104, 105, 109, 114–116, 118, 124, 127, 130, 133, 135, 138, 142–144, 149, 151–153, 160, 161, 168, 169, 175–177, 183, 184, 189, 192, 214, 215, 217, 219, 225, 229, 230, 238, 244, 250–252, 256, 259–261, 263, 266, 276, 281, 285, 295, 301–303, 307–310, 312, 313, 317, 322, 327–329, 331, 333, 334, 337, 340, 341, 345, 347, 350–352, 355, 356, 374, 379, 408–410, 418, 422–425, 438, 441, 452, 453, 463
народный 62, 83, 142, 153, 154, 164, 167, 179, 260, 277, 345, 353, 399, 448, 454, 488, 496
народоведение 56, 72, 102, 144, 145, 190, 339, 340, 341, 347, 348, 360, 373, 376, 381–387, 389, 402, 405, 406, 418, 425, 459, 463
народность 31, 32, 55, 58, 68, 78, 94, 95, 99–101, 105, 119, 121, 127, 131, 132, 135, 140–142, 144, 147, 150, 152, 158, 160, 161, 163, 164, 167–169, 170, 173, 174, 178, 183, 189, 192, 210, 215, 216, 221, 224, 225, 245, 251, 258, 260, 262, 263, 269, 274–277, 284–286, 291, 292, 294, 302, 304, 306, 308, 310, 312, 313, 315–317, 323, 326, 327, 328, 331, 332, 339, 342, 343, 346, 364, 374, 378–380, 384, 390, 401, 403, 409, 410, 412, 414, 418, 421, 422, 426, 443, 444, 457, 462, 480
нация 50–52, 54, 55, 69, 77, 80, 122, 153, 172, 173, 176, 206, 209, 228, 238, 243, 245, 247, 268, 269, 279, 282
национальность 52, 55, 71, 77, 80, 93, 94, 142, 144, 145, 147, 149, 150,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

152, 155, 169, 170, 172, 174, 175, 177, 181, 185, 189, 227, 228, 230, 238, 240, 243, 244, 268, 269, 274, 279, 282, 295, 310, 313, 319, 332, 380, 442, 445
национальный вопрос 219, 473
надстройка 32, 45, 65, 66, 103, 113, 118, 123, 135, 166, 179, 204, 205, 208, 240, 252, 299, 320, 342–344, 380
научная школа 100, 101, 162, 287
школа классическая 67, 68, 70, 186, 137
школа культурно-историческая 42, 43, 54, 63, 67, 102, 123, 126–128, 204, 211–213, 236
школа Гребнера, Фойя и их учеников 75, 102, 103, 105, 116, 194, 211, 236, 255
«ленинградская полевая этнографическая школа» 257
«немарксистская школа этнологии» 242
школа антропологическая 253, 268
школа Анучина 270, 333, 448
школа ленинградская («этнографическая школа в Ленинграде») 411, 440
школа московская 253, 320, 326, 465
школа Ратцеля 102, 119
школа Риккерта 212
школа эволюционная / эволюционистская 43, 100, 119, 122, 123, 126, 127, 131, 132, 204, 235, 236
общество 29–31, 33, 34, 37, 45, 49, 50, 52, 56, 66–68, 70, 71, 73, 75–77, 119–123, 133, 134, 137, 138, 140, 141, 146, 152, 156, 172, 178–181, 184, 190, 195, 197, 199, 203–205, 208, 210, 212, 213, 217, 220, 222–224, 228, 229, 232–235, 242–245, 250–252, 269, 282, 290, 297, 298, 300, 301, 308, 317, 320, 321, 338, 350, 355, 359, 374, 411, 434, 451, 456, 467, 480
общественный 5, 29–33, 46, 49, 50, 52, 53, 74, 111, 113, 121, 124, 134–136, 139, 141, 143, 145, 148, 155, 181, 183, 184, 186, 187, 192, 193, 199, 201–204, 209–211, 213–215, 217, 219, 223, 225, 232–234, 236, 243, 245, 249, 250–252, 256, 266–270, 272, 273, 277–279, 282, 289, 305, 314, 317, 323, 325, 328, 331, 339, 353, 376, 393, 398, 417, 422, 433, 446, 447, 449, 450, 454, 455, 457, 459, 464, 488, 492, 496
обряд 264, 343
обычай 138, 148, 343, 399, 461
охота 65, 115, 275, 281, 292, 306, 390
охотничий 262, 264, 277, 380, 390
палеонтология 418, 422, 481, 491
пережиток 39, 49, 67, 70, 76, 77, 104, 116, 119, 132, 144, 164, 214, 215, 219, 224, 229, 242, 246, 256, 265, 283, 307, 321, 340, 341, 359, 371, 413
первобытность 68, 100,
первобытный 29, 30, 37, 38, 45, 48, 54, 65, 67, 68, 80, 101, 113, 115, 116, 118, 120, 131, 183, 198, 200, 207, 223, 229, 234, 244, 256, 259, 265, 296, 308, 327, 341
поездка контрольная 387
поле 11, 35, 61, 63, 79, 148, 150, 156, 173, 174, 220, 259, 260, 266, 277, 284, 285, 290, 293, 305–308, 316, 319, 326, 328, 330, 334, 364, 410–412
полевые 35, 47, 58–63, 79, 81, 113, 115, 120, 133, 158, 214, 237, 254, 256–260, 263–267, 274, 276, 278, 283–289, 291, 294–301, 307, 309, 311, 312, 314–317, 319–321, 323–326, 328–330, 332–334, 338, 348, 355, 371, 389, 413, 418, 421, 422, 424, 425, 427–430, 436, 437, 444, 447–449, 462, 465, 474, 483, 494
происхождение 24, 77, 78, 118, 150, 153, 155, 169, 176, 192, 205, 207, 232, 233, 252, 269, 271, 320, 352, 377, 456
племя 38, 54, 131, 143, 144, 151, 183, 232, 264, 268, 269, 274, 278, 282, 303, 308, 324, 326, 328, 329, 389, 390
племена примитивные 265
православие 47, 145, 150, 343

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

промыслы 58, 144, 159, 290, 306, 327, 343, 353, 354
политика 16, 22, 23, 27, 32, 55, 58, 65, 72, 76–78, 81, 135, 140–142, 144–146, 150–152, 161, 172, 179, 182, 191, 227, 247, 251, 252, 345, 415, 422, 423, 451, 453
политический 6, 7, 13, 28, 29, 39, 45, 47, 49, 50, 57, 58, 60, 73, 80, 93, 108, 143, 160, 162, 171, 185–187, 202, 204, 213, 247, 256, 262, 265, 267–269, 279, 282, 302, 327, 226, 351, 359, 362, 368, 421, 422, 451
понятие 14, 27, 31, 37, 38, 41, 43, 49, 50, 52–56, 58, 59, 66, 67, 70, 75, 77, 80, 102–105, 110, 111, 116, 119, 120, 122–124, 127, 128, 131–133, 152, 158–161, 171, 184, 193, 198, 200, 202, 203, 205, 206, 208–210, 213, 217, 219, 221–223, 227, 231–237, 240, 244, 246, 249, 250, 251, 262, 267–269, 271, 281, 282, 286, 287, 321, 329, 341, 344, 347, 358, 460
примитивные представления 308
психология 30, 95, 118, 163, 260, 306, 375, 422
психологический 28, 53, 59, 118, 195, 225, 242, 273, 279, 361
развитие историческое 50, 53, 72, 94, 100, 101, 105, 107, 109, 123, 127, 148, 200, 209, 214, 259, 267–269, 271, 272, 459
раса 8, 30, 31, 37, 49, 116, 152, 206, 208, 231, 232, 251, 268–271, 287, 296, 321, 422, 425, 459
расовое смешение 270
расовые теории 153
расовый облик 270
расовый тип 128, 273, 276
революция 7, 21, 59, 71, 75, 80, 107, 142, 146, 162, 173, 182, 214, 295, 310, 317, 323, 327, 370, 374, 395, 415, 440, 473
революционный 50, 146, 176, 179, 353, 374, 400, 416
революция культурно-бытовая 21, 27, 55, 61, 81, 166, 167, 182, 184, 379
ритуал 102
религия 30, 38, 44, 46, 47, 57, 65, 73, 78–80, 97, 108, 110, 112, 113, 116, 118, 138, 139, 150, 155, 175, 205, 214, 216, 233, 261, 290, 293, 295, 298, 299, 306, 308, 316, 319, 343, 366, 369, 389, 392, 393, 403, 408, 409, 411, 423, 434, 438, 445, 456, 460
религиозный 7, 43, 45, 46, 57, 77, 102, 117, 121, 139, 140, 153, 171, 202, 205, 214, 238, 258, 263, 264, 275, 278, 279, 308, 319, 342, 343, 359, 366, 460
середняк 265
скотоводство 117, 264
скрещение / скрещивание 30, 104, 129, 251, 295
смешение 31, 56, 105, 159, 207, 270, 322, 410
собирательство 65
собственность 95, 99, 177, 265, 319, 337, 341
социализм 67, 68, 94, 142, 146, 147, 156, 161, 183, 189, 246, 328, 334, 344
социология 30–32, 34, 41, 49, 53, 75, 113, 135, 147, 199–203, 205, 207, 211, 212, 217, 221, 222, 226, 227, 231, 237, 240, 249, 250, 252, 267, 268, 301, 320
социологический 29, 31, 33, 67, 75, 79, 117, 124, 132, 199, 203, 206, 213, 227, 229, 232, 238, 240, 242, 252, 267, 279, 282, 300, 308, 309, 409, 410, 440, 441
социальный 12, 26–28, 30, 33, 36, 38, 43, 44, 45, 49, 50, 53, 55–57, 59, 60, 63, 65, 79, 81, 95, 103, 104, 111, 122, 123, 129, 131–133, 135, 136, 139, 142, 145, 148, 149, 153, 154, 156, 176, 180, 187, 188, 192, 201–203, 213–216, 223, 232, 242, 256, 258, 259, 263, 265, 273, 276, 278, 279, 286, 288, 291, 295, 307, 308, 309, 318, 319, 325, 344, 350, 374, 379, 380, 411, 417
строительство 27, 67, 124, 147, 150, 153, 154–156, 158, 159, 164, 166, 170, 171, 183, 188–190, 192, 214, 227, 229, 230, 237, 265, 274, 309, 328, 342, 345, 353,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

358, 359, 361, 369, 371, 384, 385, 397, 415, 422, 430, 431–433, 448, 461, 463, 464
строительство государственное 166, 228, 466, 477
строительство культурное 104, 227, 417, 442, 453
строительство национальное 22, 151, 170, 176, 183, 191, 316
строительство советское 76, 134, 141, 143, 144, 148, 150, 153, 154, 157, 158, 163, 168, 173, 174, 178, 179, 182, 183, 185, 205, 329, 330, 347, 359, 391, 408–410, 414, 417, 418, 421, 422, 426, 433, 434, 440–442, 448–450, 453–455, 460, 462, 466, 470, 473
строительство социалистическое 22, 27, 55, 63–65, 67, 69, 72, 75, 76, 77, 104, 141–144, 146, 147, 149, 153, 155, 158, 161, 163, 166, 181, 182, 189, 190, 234, 235, 237, 266, 267, 310, 325, 337, 353, 415, 453, 457, 470
термин 9, 24, 27, 38, 43, 45, 49, 50–53, 55, 57, 66, 81, 82, 100–102, 105, 106, 108, 109, 111, 116, 119, 123, 129, 133, 135, 143, 159, 161, 180, 194, 197, 198, 207, 212, 213, 216, 217, 222, 223, 226, 229, 244, 246, 249, 266, 283, 287, 290, 292, 294, 307, 336, 349, 409, 456, 465, 487
теория 26, 29–33, 38, 40, 42, 56, 57, 64, 65, 70, 73, 77–81, 102, 104, 105, 107, 108, 117, 119, 125, 126, 129, 134, 136, 137, 152, 153, 160, 163, 171, 173, 174, 184, 186–188, 190, 191, 201–203, 205, 206, 209, 211, 212, 215, 218, 219, 221, 222, 229, 233, 234, 236, 239, 241, 243, 247, 250, 252, 269, 296, 297, 299, 321, 322, 377, 400, 411, 421, 433, 441, 443, 448, 454, 477, 496
туземец 58, 61, 144, 157, 173–175, 258, 261–264, 278, 280, 281, 288, 293, 294, 306, 307, 309, 316, 323–325, 327, 328
туземный 58, 60, 140, 157, 175, 177, 190, 258, 261–263, 265, 274, 277, 281, 307, 314, 327, 328, 365, 438, 480
традиция 7, 56, 76, 149, 153, 341, 342, 345
традиционный 56, 72, 76, 149, 345
фольклор 112, 151, 177, 261, 262, 264, 276, 343, 418, 422, 443, 457, 486, 494
фольклористика 486
формация 29, 35, 37, 43, 49, 50, 52–55, 66–68, 70, 74, 104, 120, 123, 142, 147, 154, 171, 180, 182, 193, 197, 214, 215, 219, 222, 228, 229, 242, 243, 246, 266, 268–272, 274, 275, 277–279, 282, 294, 300, 307, 319, 321, 332, 434, 459
формационный 29
формация общественная 50, 52, 121, 135, 136, 139, 181, 186, 209, 211, 213, 223, 272, 317, 434
формация примитивная 196
формация расовая 271, 276, 282
формация социально-экономическая 65, 66, 73, 75–77, 81, 120, 121, 123, 136, 146, 147, 149, 171, 173, 186, 200, 202–204, 214, 217, 220, 221, 245, 246, 298, 390, 459
формация эргологическая 54
формация этническая 43, 53, 54, 270, 271, 281, 282
шаманизм 145, 161
шаманский 262, 264, 281, 438, 453
шаманство 44, 139, 264, 281, 293, 323, 438
цивилизация 95, 140, 178, 190, 352
цивилизованный 327
этнос 14, 16, 31, 35, 37, 38, 41, 43, 49–57, 59, 66, 75, 77, 103, 104, 108, 110, 122, 133, 152, 159, 170, 181, 205, 206, 208, 209, 213, 214, 219, 220, 222, 227, 228, 230–232, 236, 238, 240, 242–245, 250, 251, 268, 269, 271, 279, 411
этнический 38, 43, 49–51, 53–55, 59, 77, 80, 81, 103, 141, 159, 183, 184, 206, 213, 219, 220, 222, 223, 227, 234, 243, 244, 252, 255, 258–260, 268–271, 275, 279, 281, 282, 293, 294, 300, 303, 306–308, 320, 342,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

343, 349, 351–353, 356, 359, 372, 374, 408–411, 427, 443, 452, 457
этнография 5, 6, 8, 11, 12, 14–17, 21–24, 26–30, 32, 34–36, 38, 39, 41–46, 48, 49, 52–80, 82, 83, 93–97, 99, 100, 105, 111–114, 116, 117, 121, 124, 128, 130, 132–134, 137, 140, 141, 148–152, 156–168, 174, 175, 178–185, 187, 189–200, 203, 205, 206, 209, 211–215, 217–220, 222, 227–230, 232, 234, 235, 239, 240, 242–246, 253–257, 259, 260–267, 270, 278–281, 284, 285, 287–290, 292–297, 300, 304, 305, 307, 314–316, 318–321, 323–326, 329, 331, 332, 334, 339–341, 349, 359, 361, 366, 370, 375, 377, 380, 381, 395, 406–412, 416–419, 423, 425–429, 431, 436–438, 440–442, 444, 445, 449–451, 453, 455–465, 469, 474, 475, 477, 481, 482, 485, 486, 491–494, 495
этнографический 11, 12, 14, 21, 23, 26, 32, 35, 38, 39, 41, 42, 47, 52–54, 56, 57, 59, 61–66, 68, 70, 72–77, 79, 83, 93, 95, 97, 99–105, 114–116, 119, 124, 132, 133, 137, 138, 140, 143, 145, 146, 148, 150, 151, 154–158, 163–165, 168, 182–185, 191–194, 197, 201, 202, 213, 214, 218, 219, 221, 227, 232–234, 236, 255–259, 262, 274, 280, 290, 291, 293–297, 299, 300, 301, 303, 305, 309, 310, 311, 317–320, 322, 325, 326, 328, 329, 331–334, 337–342, 344–353, 357, 358, 360, 362–364, 367, 369, 371, 372, 374, 375, 377, 379, 380, 388, 390, 391, 395, 400, 401, 404, 407–418, 421, 422, 425, 427–431, 432, 434, 438, 440–445, 447–447, 450–452, 454–466, 470, 472, 473, 476–482, 485, 486, 488–493, 495
этнология 10, 29–34, 38, 40–42, 50, 53, 54, 57, 58, 61, 63, 64, 66, 67, 70, 75, 78, 80, 97–99, 103, 106–108, 110, 114, 116, 118–122, 124–127, 129–131, 133, 146, 151, 153, 156, 160, 161, 170, 171, 178, 180, 181, 182, 190, 194, 196, 198–202, 204–207, 211–213, 217, 220–227, 229, 231–244, 247–250, 252, 266–278, 280–284, 286, 297, 302, 307, 316, 317, 319, 320–322, 329, 333, 370, 377, 415, 417, 422, 425, 434, 440, 443, 447, 451, 455, 461, 495
этнологический 32–34, 41–43, 98, 101, 102, 103, 105–108, 110, 119, 125, 126, 129, 132, 153, 159, 169, 199, 204, 227, 233, 234, 251, 266–271, 273–282, 285, 301, 304, 308, 315, 319, 332, 333, 347, 351, 352, 374, 376, 407, 415, 418, 433–435, 441, 447, 451–453, 455, 487, 488, 495
эволюция 29, 100, 125, 127, 142, 229, 234, 235, 341, 358
эволюционизм 42, 54
эволюционный ряд 119, 122, 123, 127, 212
экскурсии (по музею) 144, 356, 364, 375, 382, 385, 404
экспедиция 12, 35, 44, 48, 59–62, 63, 78, 95, 113, 158, 255, 257, 260–263, 277, 286, 288, 291, 292, 296, 299, 302–307, 309, 312, 318, 324, 325, 328, 333, 334, 348, 349, 354, 360, 367, 370, 378, 380, 384, 386, 387, 389, 392, 396, 398, 399, 401, 402, 425, 429, 431, 433, 437, 439, 470–481, 483–485, 493
экспозиция 145, 337, 338, 343, 345–347, 355–357, 363, 369, 371, 373, 375, 379, 380, 383–385, 396, 400, 405
этногенезис 14, 38, 50, 53, 77, 78, 83, 268, 269, 272, 279, 282
этногенетический 61, 79, 83, 268, 270–272
этнографический пласт 104, 114, 116, 256
языковедение 153, 423–425, 433, 441, 448
языкознание 129, 221, 271, 377, 422, 435, 445, 448, 466
яфетидология / яфетодология 38, 39, 76, 153, 229, 423, 427, 435, 443, 448
яфетическая теория 29, 30, 38, 40, 107, 129, 153, 160, 190, 211, 219, 221, 229, 234, 243, 433, 443

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

СОДЕРЖАНИЕ

«Кореломный» момент (*Е. А. Резван*) 5
Предисловие (*Д. В. Арзютов, Д. Дж. Андерсон*) 14

Часть I. ИСТОРИЯ СОВЕЩАНИЯ

Марксистская этнография за семь дней: совещание этнографов Москвы и Ленинграда и дискуссии в советских социальных науках в 1920–1930-е годы (*С. С. Алымов, Д. В. Арзютов*) 21
Введение 21
1. Документ и метод 24
2. Первые дискуссии, подготовка и контекст совещания 27
3. Люди и идеи 35
4. После совещания 63
Заключение 76
Постскриптум 79
Библиография 84

Часть II. СТЕНОГРАММА СОВЕЩАНИЯ ЭТНОГРАФОВ МОСКВЫ И ЛЕНИНГРАДА (5–11 апреля 1929 г.)

День первый. 5 апреля 1929 г. 93
День второй. 6 апреля 1929 г. 130
День третий. 7 апреля 1929 г. 208
День четвертый. 8 апреля 1929 г. 253
День пятый. 9 апреля 1929 г. 336
День шестой. 10 апреля 1929 г. 421
День седьмой. 11 апреля 1929 г. 468

Список сокращений 497
Именной указатель 499
Тематический указатель 503

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН

Научное издание

ОТ КЛАССИКОВ К МАРКСИЗМУ: СОВЕЩАНИЕ ЭТНОГРАФОВ МОСКВЫ И ЛЕНИНГРАДА (5–11 апреля 1929 г.)

Утверждено к печати Ученым советом МАЭ РАН

Редактор *Т. В. Никифорова*
Корректор *Л. Г. Амбросенко*
Компьютерный макет *Н. И. Пашковская*

Подписано в печать 29.12.2014.
Формат 70×100/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 42. Уч.-изд. л. 44.
Тираж 300 экз. Заказ № .

МАЭ РАН
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
© МАЭ РАН